ФРЭНК
ГЕРБЕРТ

МЕССИЯ ДЮНЫ
ДЕТИ ДЮНЫ

МЕССИЯ ДЮНЫ
ДЕТИ ДЮНЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ФРЭНК
ГЕРБЕРТ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

FRANK

HERBERT

DUNE MESSIAH

CHILDREN OF DUNE

ФРЭНК

ГЕРБЕРТ

МЕССИЯ ДЮНЫ

ДЕТИ ДЮНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г37

Серия основана в 1999 году

Frank Herbert
DUNE MESSIAH
1969
CHILDREN OF DUNE
1976

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского Ю.Р. Соколова под редакцией П.А. Вязникова («Мессия Дюны»), А.Н. Анваера («Дети Дюны»).

Печатается с разрешения литературного агентства
William Morris Agency Inc. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 13.01.2003. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 5000 экз. Заказ № 2720

Герберт Ф.
Г37 Мессия Дюны. Дети Дюны: Романы: Пер. с англ. / Ф. Герберт. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 717, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-011333-1

Фрэнк Герберт (1920 — 1986) успел написать много, но в истории остался прежде всего как автор эпопеи «Дюна». Возможно, самой прославленной фантастической саги нашего столетия, саги, переведенной на десятки языков и приобретшей по всему миру миллионы поклонников. Самый авторитетный журнал научной фантастики «Локус» попросту признал «Дюну», первый роман эпопеи о «песчаной планете», лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось совершить невозможное — создать своеобразную «хронику далекого будущего». И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной. Цикл «Дюна» был и остается уникальным явлением — самым грандиозным, самым дерзким, самым масштабным творением за всю историю мировой фантастики.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Frank Herbert, 1969, 1976
© Перевод. А.Н. Анваер, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2004

МЕССИЯ ДЮНЫ

Пауль Муад'Диб, Император-ментат, и сестра его Алия окружены таким количеством легенд, что под покровом их трудно разглядеть живых людей. Но в конце концов существовал же мужчина по имени Пауль Атрейдес и женщина, звавшаяся Алией. И они жили и совершали поступки в пространстве и времени. Пусть пророческие способности уводили их обоих за пределы привычной людям Вселенной, все равно они принадлежали к числу людей, и случавшиеся с ними реальные события оставляли реальный след в реальной Вселенной. Чтобы понять Императора и сестру его, придется усвоить, что падение их стало бы катастрофой для всего человечества. И поэтому эта работа посвящается не Муад'Дибу, не Алие... она посвящается их наследникам, — всем нам.

(*Посвящение к Изречениям Муад'Диба, скопированное с Мемориальных таблиц Культа Духа Махди*)

Время правления Муад'Диба породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории человечества. Некоторые из них противились исступленному сектантству. Но нельзя отрицать — человек этот пробудил религиозное кипение на многих мирах.

Конечно же, именно судьба его воплотила в себя ход истории, со всеми идеальными и идеализированными моментами. Человек, которого звали Паулем Атрейдесом, принадлежал к древнему и великому роду. Он обладал глубочайшими познаниями в прана-бинду; мать его, леди Джессика, обучила сына всему, что знают сестры Бене Гессерит — в том числе тщательнейшему контролю за нервами и мускулами. Более того, его воспитали ментатом, а

значит, интеллект его превосходил все возможности греховных компьютеров, которыми пользовались древние.

И все же в первую очередь Муад'Диб был Квисатц Хадерах — в нем достигла своей вершины генетическая программа, на которую Сестры потратили тысячелетия.

И этот Квисатц Хадерах — тот, кто мог присутствовать «сразу во многих местах» — пророк, через которого сестры Бене Гессерит намеревались управлять судьбами рода людского... этот человек стал Императором Муад'Дибом и взял в жены дочь побежденного им Падишах-Императора.

Поразмыслите над парадоксом — миг высшей славы уже таит в себе грядущее падение. Вы читали труды историков и представляете последовательность фактов. Вольные фримены Муад'Диба наголову разбили войско Падишах-Императора Шаддама IV. Они взяли верх над его личной гвардией — сардаукарами, над союзными силами Великих Домов, над войсками Харконненов и наемниками, оплаченными Ландсраадом. Муад'Диб сумел поставить на колени Гильдию Космогации, а потом возвел свою сестру Алию на престол духовной власти, которую сестры Бене Гессерит давно считали своим наследственным достоянием.

Он сумел сделать все это, но не только это.

Квизарат Муад'Диба раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную. Да, джихад полыхал целых двенадцать лет, но по истечении их фанатики Муад'Диба покорили его власти чуть ли не все человечество.

Все это стало возможным лишь потому, что власть над Арракисом — эту планету чаще называют Дюной — позволила новому Императору овладеть предельной ценностью империи: гериатрической Пряностью, или меланжей... ядом, дающим жизнь.

Вот вам один ингредиент идеальной истории — вещество, что противодействует времени. Нет меланжи — и сестры Бене Гессерит уже не способны проявлять свою власть над человеческой психикой, над человеком. Нет меланжи — и Гильдия Космогации не в силах водить корабли через пространство. Нет меланжи — и миллионы и миллионы подданных империи умрут без привычного дурмана.

Без меланжи не мог пророчествовать и сам Пауль Муад'Диб.

Теперь нам понятно, что миг наивысшего взлета уже предвещал падение. И ответ неизбежен: точное и всеобъемлющее знание будущего сулит смерть.

В разных исторических трудах вы прочтете, что Муад'Диб пал жертвой заговора, объединившего Гильдию, сестер Бене Гессерит и сведущих в науке, но аморальных Бене Тлейлаксу, прибегнувших к помощи лицеделов. Кое-кто во всем обвиняет шпионов в окружении Муад'Диба. Многие кивают на Таро Дюны, так помешавшее провидческому оку Муад'Диба. Иные доказывают, что Императора вынудили прибегнуть к услугам гхолы — трупа, которому была возвращена жизнь, чтобы погубить Муад'Диба. И забывают, что этим гхолой стал Дункан Айдахо, приближенный Атрейдесов, погибший, спасая жизнь юного Пауля.

Кое-кто обращается к каббале Квизарата, возглавлявшегося Корбой Панегиристом. Шаг за шагом раскрывают они план Корбы, возжелавшего сделать из Муад'Диба мученика и возложить вину за это на Чани — фременку-наложницу Императора.

Разве можно подобными методами объяснить все известные факты? Нельзя! Только учитывая смертоносную природу пророческого дара, можно понять истинную причину падения такой огромной и зоркой силы.

Будем же надеяться, что настоящее откровение послужит уроком новым историкам.

Бронсо Иксианский. Анализ истории Муад'Диба.

Между людьми и богами нет резкой грани: люди становятся богами, а боги превращаются в людей.
(«Афоризмы Муад'Диба»)

Затевая свой гибельный заговор, Скитале, лицедел тлейлаксу, не мог отделаться от прискорбного и неуместного сочувствия.

Без удовольствия обрекаю я Муад'Диба на горести и на смерть, говорил он себе.

Подобное благородство приходилось таить от соучастников. Впрочем, чувства эти всего лишь свидетельствовали, что, как и положено тлейлаксу, лицедел неосознанно отождествлял себя с жертвой, не с нападающими.

Погрузившись в безмолвное раздумье, Скитале держался поодаль. Прочие спорили о психическом яде. Разговор шел жаркий и колкий, но вежливый, в тоне безличного сопереживания, что подобает адептам великих школ, если речь идет об основных догмах.

— Когда вы сочтете, что проткнули его насквозь, — именно тогда обнаружится, что он даже не ранен!

Говорила старая Гайя-Елена Мохийам — Преподобная Мать ордена Бене Гессерит и хозяйка на Валлахе IX. Худая фигура старой ведьмы в черных одеждах покоилась в плавающем кресле слева от Скитале. Откинутый на спину капюшон ее абы открывал морщинистое лицо под серебряной шапкой волос. Из глубоких глазниц на обтянутом кожей черепе остро блестели глаза.

Все говорили на языке мирабхаса. Гласные соединяли фаланги пригнанных друг к другу согласных. Этот речевой инструмент позволял передавать известные эмоциональные тонкости. Навигатор Гильдии Эдрик как раз сделал Преподобной Матери насмешливый словесный реверанс — очаровательный образец вежливой колкости.

Скитале поглядел на посла. Тот плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от лицедела. Контейнер располагался прямо в центре прозрачного купола, сооруженного Бене Гессерит специально для этой оказии. Гильдиер казался рыбой в водах странного моря. Удлиненная фигура его несколько напоминала еще человеческую, несмотря на перепончатые ступни и огромные мембраны ластообразных кистей. Клапаны бака попыхивали бледным оранжевым дымком, пахло гериатрической Пряностью, или меланжей.

— Если мы решимся идти этим путем, глупость погубит нас, — проговорила четвертая из присутствующих, пока еще только *потенциальная* союзница. «Принцесса Ирулан, жена — *всего лишь официально*, — напомнил себе Скитале, — их общего врага». Красавица стояла возле бака с Эдриком. Высокая и белокурая, в великолепном одеянии из голубого китового меха и изысканно подобранной шляпке. В ушах ее поблескивали золотые диски. Держалась она с надменностью, как и подобает высшей знати, но сосредоточенная безмятежность ее свидетельствовала о самоконтроле, воспитанном Бене Гессерит.

От языковых и физиогномических нюансов мысли Скитале перешли к другим тонкостям — к месту, где они находились. Купол окружали холмы, покрытые подтаявшим снегом, в синих влажных лужах отражались лучи небольшого голубого солнца, медленно ползущего по меридиану.

Почему именно здесь? — раздумывал Скитале. Бене Гессерит ничего не делали случайно. Например, прозрачный купол выбран потому, что всякое замкнутое помещение могло бы вызвать у гильдиера нервозность. Подверженность Гильд-навигаторов клаустрофобии на любой планете объяснялась привычкой к просторам открытого космоса, в котором они обитали от самого рождения.

Но сооружать такое здание только для удобства Эдрика... впрочем, этот жест словно подчеркивал слабость Гильдии.

Так что же здесь, думал Скитале, *припасено для меня*?

— А вам, Скитале, разве нечего сказать? — удивилась Преподобная Мать.

— Вы хотите втянуть и меня в эту дурацкую болтовню? — спросил Скитале. — Отлично. Мы имеем дело с мессией... потенциальным. На такого не нападешь в лоб. Мученическая кончина его будет нашим поражением.

Взоры собравшихся были обращены на него.

— Вы видите опасность лишь в этом? — требовательно скрипучим голосом произнесла Преподобная Мать.

Скитале пожал плечами. Для этой встречи он выбрал простодушную круглую физиономию, жизнерадостную, с выпяченными губами, и пухлое тело. Внимательно приглядевшись ко всем остальным, он понял, что инстинктивно выбрал идеальное обличье. Только он один из присутствующих был способен изменять черты лица и телосложение. Человек-хамелеон, лицедел. Облик этот как бы позволял остальным относиться к нему свысока.

— Ну? — настаивала Преподобная Мать.

— Считайте, что молчание доставляло мне удовольствие, — произнес Скитале. — Оно лучше пустой перепалки.

Преподобная Мать откинулась назад; Скитале заметил, что она заново оценивает его. Все присутствующие глубочайшим образом были тренированы в прана и бинду, все умели управлять мышцами и нервами своего тела в недостижимой для простых людей мере. Но контроль лицедела Скитале над своим телом в такой же мере превосходил воз-

можности собравшихся; к этому добавлялось особое симпатическое умение, глубокое проникновение мима — он умел имитировать не только внешность других людей, но и личность.

Позволив Преподобной заново приглядеться к нему и пересмотреть первоначальное впечатление, Скитале проговорил:

— Яд! — Слово это он произнес с обертонами, обозначавшими, что лишь он один, и никто более, понимает глубинный смысл этого слова.

Гильдиец шевельнулся, из шарика громкоговорителя, кружившего вокруг угла контейнера над головой Ирулан, послышался его голос:

— Но мы ведь говорим о *психическом* яде, не о физическом.

Скитале рассмеялся. В мирабхаса смех означает полное изничтожение оппонента, но он не старался сдерживаться.

Ирулан с тонким пониманием усмехнулась, но сузившиеся глаза Преподобной Матери говорили о зарождающемся гневе.

— Немедленно прекратите! — резко приказала она.

Скитале умолк, но теперь внимание всех было привлечено к нему: Эдрик сердито молчал, Преподобная Мать гневалась и приглядывалась, озадаченная Ирулан казалась заинтересованной.

— И как это друг наш Эдрик осмелился предположить, — начал Скитале, — что двое ведьм-гессериток, посвященных во все тайные козни Ордена, не освоили до тонкости искусства обмана?

Мохийам отвернулась и стала смотреть на стылые холмы родной планеты сестер Бене Гессерит. «Начинает понимать, — подумал Скитале. — Хорошо. Ирулан — дело другое...»

— Так вы с нами, Скитале, или же нет? — спросил Эдрик, поглядывая на него своими крошечными красными крысиными глазками.

— Дело не во мне и не в моем участии, — произнес Скитале, не отводя глаз от Ирулан. — Вы, принцесса, сейчас размышляете о том, стоило ли проделать столь дальний путь и подвергаться такому риску.

Соглашаясь, она кивнула.

— И все, чтобы обменяться банальностями с гуманоидной рыбой и поспорить с жирным лицеделом-тлейлаксу.

Покачав головой, она шагнула прочь от угла емкости, в которой шевелился Эдрик, — подальше от слишком уж густого облака испарений меланжи. Воспользовавшись удобным мгновением, Эдрик отправил в рот очередную таблетку. «Ест Пряность, дышит ею... и еще пьет ее», — подумал Скитале. Он понимал, что это неизбежно — Пряность обостряет восприятие навигатора, позволяет ему водить лайнеры Гильдии на сверхсветовых скоростях. Обостренным Пряностью внутренним оком навигатор должен отыскать такое будущее, в котором кораблю не грозит беда. Но теперь Эдрик чувствовал иную опасность, против которой бессильно даже предвидение, — привычный костыль навигатора.

— Похоже, я напрасно прилетела сюда, — произнесла Ирулан.

Преподобная Мать повернулась и открыла глаза, сделавшись вдруг странно похожей на ящерицу.

Скитале перевел взгляд от Ирулан в сторону навигатора, приглашая принцессу разделить его точку зрения. Эдрик должен казаться ей отвратительным, Скитале видел это: и дерзкий взгляд навигатора, и его руки и ноги чудовища... посреди клубов оранжевого газа. Не говоря уже о его сексуальных наклонностях — нелегко, должно быть, сочетаться с таким существом, партнершу оттолкнет уже генератор поля, создавший для Эдрика невесомость.

— Принцесса, — произнес Скитале, — Эдрик с нами, а потому пророческое око вашего мужа станет менее зорким. Мы надеемся, что даже этот разговор избегнет его внимания.

— Надеемся, — подчеркнула Ирулан.

Преподобная Мать кивнула и сказала, вновь прикрыв глаза:

— Даже сами посвященные плохо понимают природу собственного предвидения.

— Я Полный Гильд-навигатор и обладаю всей положенной силой.

Преподобная открыла глаза. На этот раз она с характерным для сестры Бене Гессерит напряженным внимани-

ем прощупывала лицедела взглядом. Она взвешивала в нем все до последней малости.

— Нет, Преподобная Мать, — вкрадчиво сказал Скитале, — я не столь прост, как мое обличье.

— Мы не понимаем природы второго зрения, — произнесла Ирулан. — Здесь есть один момент. Эдрик утверждает, что мой муж не может видеть, знать и предвидеть всего, в чем участвует навигатор. Но как далеко распространяется влияние гильдийца?

— Во Вселенной есть вещи и существа, которые проявляются для меня лишь в последствиях своего бытия, — проговорил Эдрик, и его узкий рыбий рот сжался в тонкую линию. — Я знаю, где они были... тут... там... где-ни будь еще. Как водные жители тревожат спокойные воды, так и пророк мутит время. Я знаю, где бывал ваш муж, но никогда не видал ни его самого, ни людей, по-настоящему преданных ему, разделяющих его цели. Таким покровом адепт закрывает своих друзей от других провидцев.

— Но Ирулан-то не принадлежит к числу ваших сторонников, — отвечал Скитале, глянув искоса на принцессу.

— Но всем понятно, что заговор может состояться только в моем присутствии, — настаивал Эдрик.

В интонации, используемой мирабхаса для описания механизмов. Ирулан произнесла:

— Это вполне очевидно; всему находится применение.

Неплохо! Она поняла, что и навигатора много не получишь, подумал Скитале.

— Будущее можно изменить, — сказал он, — не забывайте этого, принцесса.

Ирулан бросила взгляд на лицедела.

— Люди, преданные Паулю и разделяющие его цели, — проговорила она, — фримены из его легионов, вот кто эти люди! Я видела, как он пророчествовал перед ними, слышала их восторженные вопли: «Махди! Муад'Диб!»

Она поняла, подумал Скитале, *что предстала перед судом, и наш приговор может погубить ее или сохранить ей жизнь. Наконец-то она увидела ловушку, расставленную нами.*

Взгляд Скитале на мгновение встретился с глазами Преподобной Матери, и он почувствовал странную уверенность, что и она разделяет его мнение об Ирулан. Гессеритки, конечно же, накачали свою принцессу нужными

знаниями, придумали ей и ложь во спасение. Но какими бы подробными ни бывали инструкции Ордена, всегда наступал такой миг, когда сестрам Бене Гессерит оставалось полагаться лишь на собственную подготовку и инстинкты.

— А я, принцесса, прекрасно знаю, чего вы добиваетесь от Императора, — заметил Эдрик.

— Кто же не знает этого? — возразила Ирулан.

— Вам хотелось бы основать новую династию, — продолжал Эдрик, словно бы не слыша ее. — Но этого не будет, если вы не примкнете к нам. Даю вам слово пророка. Император вступил в брак с вами из политических соображений, но вы никогда не делили с ним ложе.

— Так пророк еще и любитель подглядывать за постельными сценами? — отпарировала Ирулан.

— Кто не знает, что Император неразлучен со своей наложницей-фрименкой, чего не скажешь о его отношениях с супругой-принцессой, — отрезал Эдрик.

— Но она никак не может родить ему наследника, — возразила Ирулан.

— Рассудок всегда покоряется эмоциям, — пробормотал Скитале. Чувствуя приближение гнева Ирулан, он постарался, чтобы его предостережение возымело эффект.

— И она не принесет ему наследника, — с выверенным спокойствием в голосе произнесла Ирулан, — потому что в пищу ей тайно подмешивают противозачаточное средство. В чем я еще должна признаться перед вами?

— Безусловно, Императору лучше не знать об этом, — улыбнувшись, промолвил Эдрик.

— Ну, для него у меня давно заготовлена вполне правдоподобная ложь, — произнесла Ирулан. — Хотя он и чувствует истину, но бывает такая ложь, которой даже ясновидец поверит легче, чем правде.

— Принцесса, вам приходится выбирать, — произнес Скитале, — и если вы поймете наши мотивы, вам станет спокойнее.

— Пауль справедлив ко мне, — отвечала она, — я заседаю в его совете.

— И все-таки за те двенадцать лет, что вы пробыли его консорт-принцессой, — ни крохи тепла... — снова кольнул Эдрик.

Ирулан затрясла головой.

— Он низверг с трона вашего отца руками своей пресловутой фрименской орды, заставил вас выйти за себя замуж — только чтобы закрепить за собой трон, — но так и не увенчал вас короной императрицы.

— Принцесса, Эдрик пытается поймать вас на эмоциях, — произнес Скитале, — не правда ли, интересно?

На круглой физиономии лицедела она заметила дерзкую улыбку и в ответ удивленно подняла брови. Теперь — Скитале был убежден в этом — принцесса вполне уверилась в том, что, если она поддастся на уговоры Эдрика, тот своей пророческой силой укроет ее от ясновидения Пауля. Однако стоит ей повременить с согласием...

— А вам не кажется, принцесса, что Эдрик стремится сыграть в заговоре уж слишком большую роль?

— Но я ведь говорил уже, что соглашусь с любой разумной точкой зрения, если таковые будут здесь высказаны.

— И кто же будет оценивать? — скептически осведомился Скитале.

— Не хотите же вы, чтобы принцесса улетела обратно, так и не присоединившись к нам, — буркнул Эдрик.

— Он хочет, чтобы ее присоединение к нам было искренним, — проворчала Преподобная Мать. — И в наших взаимоотношениях нам следовало бы воздержаться от интриг.

Ирулан, заметил Скитале, приняла внешне расслабленную, удобную для размышления позу, убрала руки в рукава платья. Наверняка обдумывает предложенную Эриком приманку: стать основательницей династии. К тому же следует поразмыслить над тем, как заговорщики собираются обезопасить себя от нее. Ирулан предстоит взвесить многое.

— Скитале, — наконец проговорила Ирулан, — говорят, что у вас, тлейлаксу, странный кодекс чести: вы всегда оставляете своим жертвам возможность спастись.

— Да, если только они сумеют ее обнаружить, — согласился Скитале.

— А я тоже жертва? — спросила Ирулан.

Скитале коротко хохотнул.

Преподобная Мать фыркнула.

— Принцесса, — негромко, доверительным тоном, сказал Скитале, — но вы и так уже с нами. Разве это не вы

доносите старшим сестрам Ордена обо всем происходящем в Императорском дворце?

— Паулю известно, что я переписываюсь со своими учителями, — отвечала она.

— Но разве не вы поставляете им материалы для пропаганды против вашего Императора? — произнес Эдрик.

Не «нашего», подумал Скитале, — *«вашего» Императора. Ирулан слишком опытная гессеритка, чтобы не заметить подобной оговорки.*

— Все дело в существующих силах и в их приложении, — проговорил Скитале, пододвигаясь поближе к емкости, где плавал гильдиец. — Мы, тлейлаксу, уверены, что во всей Вселенной есть только ненасытная алчущая материя, а энергия — единственное, на что можно положиться. И она обучается. Вы слышали мои слова, принцесса: энергия обучается. Это мы и называем силой.

— Но вы не убедили меня в том, что мы сумеем победить Императора.

— Мы даже и себя самих не убедили в этом, — отвечал Скитале.

— Куда ни посмотришь, — отвечала Ирулан, — всюду сила его противостоит нам. Он — Квисатц Хадерах, тот, кто присутствует одновременно во многих местах. Он — Махди, и его желания превращаются в закон для послушных миссионеров Квизарата. Он — ментат, чьи возможности превосходят величайшие достижения древних компьютеров. Он — Муад'Диб, по одному слову которого легионы фременов вырезают население целых планет. Он — пророк, перед которым открыто грядущее. Он — обладатель того уникального набора генов, в котором так нуждается Бене Гессерит...

— Все эти его атрибуты мы знаем, — перебила ее Преподобная Мать, — знаем еще, что таким же набором генов обладает и его отвратительная сестрица Алия. Но оба они все-таки люди. А это значит, что у них есть слабости.

— Каковы же человеческие слабости Императора и пророка? — спросил лицедел. — Не таятся ли они в религиозной сути джихада? Можно ли обратить против Императора его Квизарат? И прочна ли гражданская власть Великих Домов? Способен ли конгресс Ландсраада на большее чем пустой шум?

— Вспомните о Картеле негоциантов и перевозчиков товаров, — произнес Эдрик, поворачиваясь в баке. — КОАМ — это бизнес, а бизнес там, где выгода.

— Не следует забывать и о матери Императора, — напомнил Скитале. — Насколько мне известно, леди Джессика не отлучается с Каладана, но часто сносится со своим сыном.

— Предательница, — ровным голосом произнесла Мохийам, — если бы только можно было отказаться от этих рук, которыми я выпестовала ее...

— Наш заговор предъявляет к участникам строгие требования, — сказал Скитале.

— Ну, все мы больше чем заговорщики, — возразила Преподобная Мать.

— О да, — согласился Скитале. — Еще бы, мы полны энергии и учимся на ходу. Это делает нас единственной надеждой человечества, его спасителями, — проговорил он в тоне абсолютной убежденности, что в устах тлейлаксу являлось предельной насмешкой.

Только одна Преподобная Мать оценила языковую тонкость.

— Почему же? — спросила она, обращаясь к Скитале.

Прежде чем лицедел успел ответить, Эдрик прочистил горло и произнес:

— Зачем заниматься сейчас философской чепухой? Любой вопрос, если достаточно долго докапываться до сути, сводится к одному и тому же: «Почему это происходит?» Политика, религия и торговля сходятся в конце концов к одному: в чьих руках сила. Альянсы, картели, союзы лишь гоняются за миражами, пока речь не идет о власти. Все прочее — ерунда, как должно быть ясно любому мыслящему существу.

Скитале пожал плечами: жест предназначался одной Преподобной Матери. На вопрос ответил Эдрик. Похоже, напыщенный дурак гильдиец — слабое звено в заговоре. Чтобы убедиться, что Преподобная Мать понимает это, Скитале проговорил:

— Внимательно слушая учителя, приобретаешь познания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

— Принцесса, — с нажимом сказал Эдрик. — Выбирайте. Судьба назначила вас своим орудием, тончайшим и...

— Приберегите свою лесть для тех, на кого она сможет подействовать, — ответила Ирулан. — Вы упоминали психическую отраву, призрак которой сокрушит Императора. Объясните.

— Атрейдес победит сам себя! — прокаркал Эдрик.

— Хватит загадок, — отрезала Ирулан. — Что еще за призрак?

— Для призрака у него весьма необычный облик, — ответил Эдрик, — он обладает именем и плотью. Тело его некогда принадлежало знаменитому воину и откликалось на имя Дункан Айдахо. Теперь же его...

— Айдахо мертв, — отвечала Ирулан. — Пауль часто горевал по нему в моем присутствии. Он сам видел, как сардаукары моего отца сразили Айдахо...

— Даже терпя неудачи, — возразил Эдрик, — сардаукары вашего отца не теряли головы. Представим себе, что один из их командиров узнал погибшего и потому поступил мудро. Что он мог сделать? Есть способы использования тел, обладающих такими воинскими умениями, если только действовать быстро.

— Значит, это гхола тлейлаксу, — прошептала Ирулан, искоса поглядев на Скитале.

Почувствовав на себе ее взгляд, Скитале обратился к своему искусству лицедела — очертания лица и фигуры его вдруг расплылись, плоть потекла, принимая новый облик. Перед принцессой вдруг оказался худощавый мужчина, круглолицый, со слегка приплюснутыми чертами лица. Высокие скулы словно подпирали слегка раскосые глаза, черные волосы были взъерошены.

— Таков облик этого гхолы, — пояснил всем Эдрик, показывая на Скитале.

— То есть он — просто еще один лицедел? — спросила Ирулан.

— Подобное лицеделам не по силам — они не могут длительно сохранять принятый облик. Нет, предположим лучше, что наш сообразительный командир сардаукаров подготовил труп Айдахо для аксолотль-баков. Разве это нецелесообразно? Ведь эти плоть и нервы принадлежали одному из лучших фехтовальщиков в истории человечества, советнику Атрейдесов и военному гению. Не правда ли —

потеря, ведь все это можно сохранить и использовать, если воссоздать Айдахо в качестве инструктора сардаукаров.

— Но я ничего не слышала об этом, а ведь я была среди тех, кому отец доверял.

— Ах-хх... тогда принцесса была молода, и отец ее, потерпев поражение, буквально через несколько часов продал свою дочь победителю — вами пришлось расплатиться с новым Императором, — произнес Эдрик.

— Это — с телом — и впрямь было сделано? — резко спросила она.

С мерзким самодовольством Эдрик продолжал:

— Предположим далее, что наш мудрый командир сардаукаров, понимая необходимость спешить, немедленно отослал Бене Тлейлаксу сохраненное тело Айдахо. Далее предположим, что и командир, и его люди погибли прежде, чем успели доложить обо всем вашему отцу, который все равно не смог бы этим воспользоваться. И факт остался незамеченным, ведь труп Айдахо — только плоть, оказавшаяся в руках тлейлаксу. Переправить же его можно было только на лайнере. А мы, гильдийцы, всегда знаем, что перевозят на наших кораблях. И раз мы узнали об этом, разве не следовало и нам проявлять мудрость — приобрести этого гхолу для подарка Императору?

— Вы, конечно, так и поступили, — утвердительным тоном сказала Ирулан.

Скитале вновь принял вид простодушного толстяка и добавил:

— Да, мы поступили так, как сообщил сейчас наш старинный друг.

— Какой психологической обработке был подвергнут Айдахо? — спросила Ирулан.

— Айдахо? — переспросил Эдрик, поглядев на тлейлаксу. — Скитале, разве мы покупали у вас Айдахо?

— Мы продали вам существо по имени Хейт, — ответил Скитале.

— Действительно, Хейт, — подтвердил Эдрик. — А почему вы его продали нам?

— Потому что однажды нам случилось вырастить своего собственного Квисатц Хадераха, — проговорил Скитале.

Быстро повернув голову, Преподобная Мать укоризненно поглядела на него.

— Вы не говорили нам об этом.

— А вы и не спрашивали, — отвечал Скитале.

— И как вы одолели этого вашего Квисатц Хадераха? — спросила Ирулан.

— Существо, затратившее всю жизнь, чтобы воплотить собственное представление о себе, скорее предпочтет умереть, чем превратиться в собственную противоположность.

— Я не понимаю... — начал Эдрик.

— Он покончил с собой, — буркнула Преподобная.

— Внимательнее слушайте меня, Преподобная, — предупредил Скитале, воспользовавшись интонацией, гласящей: ты не объект для секса, никогда не была объектом для секса, не можешь быть объектом для секса.

Тлейлаксу ожидал реакции на вызывающий тон. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев не должен помешать ей понять, что, зная отношение Сестер к продолжению рода человеческого и его генетике, тлейлаксу, конечно же, не мог сделать подобного выпада. Однако дерзость его отдавала площадной бранью, что вовсе не свойственно тлейлаксу.

Поспешно используя успокоительные возможности мирабхаса, Эдрик попытался сгладить ситуацию.

— Скитале, вы ведь говорили нам, что продали Хейта только потому, что разделяли наши намерения.

— Эдрик, помолчите, пока я не разрешу вам говорить, — сказал Скитале. А когда гильдиец начал было протестовать, Преподобная Мать отрезала:

— Заткнитесь, Эдрик!

Эдрик отодвинулся в глубь емкости, нервно дергая конечностями.

— Никакие наши преходящие эмоции не имеют даже малейшего отношения к решению насущной проблемы, — произнес Скитале, — они только мешают мыслить. Что можем испытывать мы, кроме страха, который, собственно, и заставил нас собраться?

— Мы понимаем это, — отвечала Ирулан, оглядываясь на Преподобную Мать.

— И все мы должны понимать опасность, связанную с ограниченностью нашей защиты, — проговорил Скитале. — Оракул не может предотвратить того, что выше его понимания.

— А вы предусмотрительны, Скитале, — произнесла Ирулан.

Нельзя, чтобы она догадалась, насколько предусмотрителен... подумал Скитале. *Потом, когда все закончится, в нашем распоряжении окажется Квисатц Хадерах, которого можно будет контролировать. Все прочие ничего не получат.*

— Откуда же у вас взялся Квисатц Хадерах? — спросила Преподобная Мать.

— Мы экспериментировали с разнообразными чистыми субстанциями, — отвечал Скитале. — С абсолютным добром и злом. Полный негодяй, получающий наслаждение только от причиняемой им людям боли и ужаса, может послужить любопытным объектом для познания.

— А ваши тлейлаксу случайно не поработали над старым бароном Харконненом, дедом Императора? — спросила Ирулан.

— Мы тут ни при чем, — отрезал Скитале. — Просто творения самой природы зачастую не менее смертоносны, чем наши. Собственные произведения мы помещаем в условия, в которых их удобно изучать.

— Я не позволю третировать себя! — запротестовал Эдрик. — Разве не я защищаю это сборище от...

— Видите? — перебил его Скитале. — И это его верные суждения нас укрывают? Хотелось бы знать, какие...

— Я хочу немедленно обсудить способ передачи Хейта Императору, — настаивал Эдрик. — На мой взгляд, Хейт является воплощением старого морального кодекса, который Атрейдес усвоил еще в юности на своей родной планете. Можно предположить, что Хейт позволит Императору расширить свой взгляд на мораль, очертить и положительные, и отрицательные моменты в религии и жизни.

Скитале улыбнулся, окинув компаньонов благодушным взглядом. Все шло в соответствии с его ожиданиями. Старуха Преподобная орудовала эмоциями, как ятаганом. Ирулан идеально подходила для своей несостоявшейся роли — неудачливая креатура Бене Гессерит. Эдрик — всего лишь шапка-невидимка, не более: он только скрывает собравшихся от Императора. Теперь навигатор лишь угрюмо молчал в ответ на общее невнимание.

— Так значит, этот Хейт должен отравить психику Пауля? — спросила Ирулан.

— Примерно так, — ответил Скитале.

— А Квизарат?

— Легкий перенос ударения, наплыв эмоций — и зависть превращается во вражду.

— А КООАМ?

— Будут кругленькие дивиденды.

— А для прочих группировок?

— Одна из них получит название правительства, — ответил Скитале. — Слабейшие будут аннексированы во имя морали и прогресса. Оппозиция умрет в собственных сетях.

— И Алия?

— Гхола Хейт нацелен не только на Императора, — произнес Скитале, — сестра его теперь как раз в том самом возрасте, когда ее может увлечь обаятельный мужчина, специально для этого подготовленный. Мужество воина и разум ментата будут неотразимы для Алие.

Мохийам позволила себе приоткрыть древние глаза в знак изумления.

— Гхола-ментат? Это опасно!

— Чтобы получить точные результаты, ментат должен использовать безукоризненные исходные данные. А что, если Пауль попросит у гхолы объяснений... что скажет Хейт о цели нашего дара? — произнесла Ирулан.

— Хейт будет говорить правду, — сказал Скитале, — это все равно ничего не изменит.

— То есть вы оставляете Паулю лазейку для спасения? — спросила Ирулан.

— Ментат! — пробормотала Мохийам.

Скитале глядел на Преподобную Мать, ощущая таящуюся под всеми эмоциями древнюю ненависть. Со времен Джихада Слуг, который стер думающие машины с лица Вселенной, компьютеры пользовались недоверием. Издревле подобное отношение переносилось и на компьютеры в человеческом облике.

— Мне не нравится, как ты улыбаешься, — резко произнесла с интонацией предельной откровенности Мохийам, яростно глядя на Скитале.

Скитале ответил в той же манере:

— Мне дела нет до того, что приятно вам. Но мы вынуждены сотрудничать. Это очевидно. — Он поглядел на гильдийца. — Разве не так, Эдрик?

— Ты преподаешь болезненные уроки, — отвечал Эдрик. — Должно быть, ты хотел дать всем понять, что я не стану восставать против общего мнения моих собратьев по заговору.

— Ну, видите, оказывается, его можно научить, — произнес Скитале.

— Но я понимаю и еще кое-что, — проворчал Эдрик. — Атрейдес монопольно владеет Пряностью. Без нее я не могу заглянуть в будущее. И Бене Гессерит не сумеют отличить правду от лжи. У всех есть запасы, но они тают... Меланжа — драгоценнейшая из монет.

— Ну, у нашей цивилизации она не единственная, — отвечал Скитале. — Или закон спроса и предложения перестал работать?

— Ты собираешься украсть эту тайну, — прохрипела Мохийам. — А ведь в его распоряжении планета, охраняемая обезумевшими фременами!

— Фримены дисциплинированны, вымуштрованы и невежественны, — отвечал Скитале. — Они вовсе не обезумели. Просто их с детства учили верить не задумываясь. Теми, кто верит, можно манипулировать. Только знание опасно.

— Ну а мне-то что останется? Смогу я дать начало новой династии? — спросила Ирулан.

В ее голосе все услышали согласие, но только Эдрик позволил себе улыбнуться.

— Что-нибудь да останется, — ответил Скитале. — Что-нибудь.

— Правлению Атрейдесов придет конец, — бросил Эдрик.

— Не могу не отметить, что ваше предсказание сделано лицом, куда менее одаренным пророческими способностями, чем Император, — произнес Скитале. — У них с сестрой, как говорят фримены, «мектуб ал-миллах».

— «Слова начертаны солью», — перевела Ирулан.

И при звуках ее голоса Скитале понял, какую западню Бене Гессерит уготовили ему — прекрасную и умную жен-

щину, которой он никогда не сможет обладать. *Ну, что же*, подумал он. *Быть может, я когда-нибудь сниму с нее копию...*

Каждой цивилизации приходится противодействовать лишенной рассудка силе, способной противиться любому сознательному намерению общества, восстать против него и обмануть.
(Теорема тлейлаксу; не доказанная)

Сев на кровати, Пауль принялся расстегивать Пустынные сапоги. Они припахивали затхлой смазкой, облегчавшей действие пяточных насосов. Было уже поздно. Этой ночью он затянул прогулку и обеспокоил любящих его. По общему мнению, ночные гуляния были опасны, но с подобными опасностями справиться было легко. Пауля ночные скитания инкогнито по улицам Арракина развлекали.

Он забросил сапоги в угол под единственный в комнате плавающий светильник и принялся за уплотнения дистикомба. Боги внизу, как он устал! Усталость сковывала мышцы, но только не ум. Повседневная суета за стенами цитадели наполняла его глубочайшей завистью. Что в этом безликом копошении жизни может заинтересовать Императора, но... сама возможность пройтись по улицам города, не привлекая ничьего внимания, казалась теперь ему подлинной привилегией. Проходить мимо галдящих паломников, слышать, как фримен костерит продавца: «У тебя потные руки!..»

Улыбнувшись воспоминанию, Пауль выскользнул из дистикомба.

Оставшись нагим, он ощущал странное родство со своим миром. Дюна теперь стала олицетворенным парадоксом: миром осажденным и одновременно средоточием власти. Впрочем, вечная осада, рассудил Пауль, — неизбежная участь любой власти. Он глядел на зеленый ковер, грубая шерсть колола ступни.

Улицы по щиколотку засыпал песком ветер, задувавший поверх Барьерной Стены. Ноги идущих толкли песок в мелкую пыль, забивавшую фильтры дистикомба. Запах ее чувствовался даже теперь, после вентиляторов, сдував-

ших пыль с входящих в порталы его цитадели. Кремнистый запах навевал воспоминания о Пустыне.

Другие времена... другие опасности.

Если сравнить с прежними днями, нынешние ночные прогулки его были вполне безопасными, но вместе с дистикомбом он словно облачался в саму Пустыню. Костюм этот со всеми хитроумными устройствами для сохранения влаги до тонкостей контролировал его мысли, возвращал движениям Пустынный ритм, точнее, отсутствие ритма. Пауль ощущал себя вольным фрименом. В этом костюме он становился чужаком в собственном городе. Надев его, Пауль отказывался от безопасности дворца и брал на вооружение прежние привычки и мастерство бойца. Паломники и горожане, проходя мимо, опускали глаза: «диких» не задевали из чистого благоразумия. Если у Пустыни было лицо, то для горожан это было лицо фримена, скрытое за лицевым и носовым фильтрами.

На самом же деле опасаться приходилось лишь встречи с теми, кто еще по старым временам, с дней, когда он сам жил в сиетче, может узнать его по походке, по запаху тела или по глазам. Так что вероятность встретить врага была невелика.

Шелест дверных занавесей и внезапный луч света прервали его размышления. Вошла Чани, в руках ее был кофейный сервиз на платиновом блюде. За ней услужливо следовали два плавающих шара-светильника, они сразу же метнулись на положенные места: один в изголовье их постели, другой повис над головой Чани, чтобы освещать ей работу.

В движениях Чани ощущалась неподвластная возрасту сила, хрупкая, замкнутая в себе и ранимая. Хлопоты ее над кофейным сервизом напомнили Паулю первые дни их совместной жизни. Смуглый эльф, которого пощадили годы... если, конечно, не обращать внимания на уголки лишенных белков глаз: такие морщинки фримены Пустыни именовали «следами песчинок».

Едва она приподняла крышку кофейника за ручку, выточенную из хагарского изумруда, как оттуда вырвалось облако пара. Кофе еще не был готов, он понял это по движению, которым она опустила крышку. Серебряный кофейник — округлая фигурка беременной женщины —

достался Паулю как гханима, трофей. Когда он сразил его обладателя в поединке. Джамис — так его звали... Да, Джамис. Странное бессмертие заслужил этот фримен своей смертью. Или же он понимал, что смерть неизбежна, и стремился именно к такому концу?..

Чани расставила чашки синего фарфора, прислугой рассевшиеся вокруг величественного кофейника. Их было три: для них обоих, а третья — всем прежним владельцам.

— Вот-вот заварится, — произнесла она.

Чани подняла на него глаза, и Пауль вдруг подумал: каким-то он видится ей? Не останется ли он по-прежнему экзотическим чужаком?

...Пусть тело его жилисто, как и положено жителям Пустыни, но все-таки воды в нем больше, чем подобает фримену. Был ли он еще для нее тем Усулом — так его назвало племя, — который взял ее по законам фрименского тау, пока они еще скрывались в Пустыне?

Пауль посмотрел на свое тело: твердые мышцы, ни жиринки... прибавилось несколько шрамов — в общем, таким он и был двенадцать лет назад, когда стал Императором. Глянув в стоящее на полке зеркало, он увидел себя — «глаза Ибада», синие-на-синем глаза фримена, знак привыкания к Пряности, и крючковатый фамильный нос Атрейдесов. Истинный внучек родного деда, погибшего на арене для развлечения подданных.

Паулю припомнилась одна из фраз старика: «Правитель, как и пастух, полностью отвечает за покорившихся ему. Когда-нибудь от него потребуется жест, выражающий самозабвенную любовь к своему стаду. Даже если он только насмешит весь народ».

Люди до сих пор с теплым чувством вспоминали о нем.

А чем я прославил имя Атрейдесов? — спросил себя Пауль. *Напустил на овец волка?*

На миг ему представился весь разгул кровавого насилия, творящегося его именем.

— И живо в постель! — властно скомандовала Чани абсолютно немыслимым, с точки зрения его верноподданных, тоном, доведись им услышать эти слова.

Он покорно растянулся на спине, подложив руки под голову, завороженный привычными движениями Чани.

Его вдруг поразила сама их комната. Подданные никогда не признали бы в ней Императорскую опочивальню. Желтый свет колеблющихся в силовом поле светильников шевелил тени разноцветных стеклянных кувшинов, расставленных Чани на полке. Пауль молча припоминал их содержимое: сухие ингредиенты Пустынных лекарств, мази, благовония, памятные, священные для них мелочи: щепотка песка из сиетча Табр, локон их первенца, погибшего так давно... уже двенадцать лет назад. Невинная жертва, подвернувшаяся под руку убийцам в битве, сделавшей его Императором.

Густой аромат кофе с Пряностью поплыл по комнате. Пауль глубоко вдохнул, взгляд его упал на желтую чашу, стоявшую возле подноса, на котором Чани заваривала кофе. В ней были земляные орешки. Неизбежный ядоискатель водил над столом своими суставчатыми лапками. Вид аппарата пробудил в нем раздражение. Тогда, в Пустыне, фримены прекрасно обходились без него!

— Кофе готов! — воскликнула Чани. — Ты голоден?

Сердитое отрицание утонуло в визге лихтера, уносящего Пряность в космос с недалекого Арракинского космодрома.

Чани видела, что он сердится, но все же разлила кофе и поставила чашку возле его руки. Она уселась в ногах постели, откинула покрывало и принялась растирать его ступни, утомленные ходьбой в дистикомбе. Негромко, с обманчивой непринужденностью, она начала:

— А теперь поговорим о ребенке, которого добивается Ирулан.

Глаза Пауля широко открылись. Он внимательно поглядел на Чани.

— Ирулан вернулась с Валлаха только два дня назад, — сказал он. — И уже успела у тебя побывать?

— Мы разговаривали не об ее обидах, — ответила Чани.

В мгновенной вспышке, способом Бене Гессерит, которому мать научила его, пренебрегая запретами Ордена, Пауль заставил свой разум обследовать Чани. Он не любил применять эти методы. Причина его привязанности к Чани частично крылась и в этом: ему редко приходилось в отношениях с ней прибегать к этому утомительному искусству. В соответствии с правилами хорошего тона, при-

нятыми среди фременов, Чани всегда избегала нескромных вопросов. Ее интересовали практические предметы. Например, факты, касающиеся положения ее мужчины: надежна ли опора в совете, лояльны ли его легионы, на что способны союзники и чего от них ожидать. В памяти ее укладывались длиннейшие перечни имен и сложно переплетенных подробностей. Она могла мгновенно назвать главную слабость любого известного ей врага, возможные действия всех известных противников, боевые планы их предводителей, оснащение и производительность основных отраслей промышленности.

Так почему же, подумал Пауль, она завела разговор про Ирулан?

— Я расстроила тебя, — сказала Чани, — я не хотела.

— А чего ты хотела?

Она застенчиво улыбнулась и проговорила:

— Когда сердишься, милый, не скрывай этого.

Пауль вновь привалился к деревянному изголовью.

— Так ты считаешь, что мне следует удалить ее от себя? — спросил он. — Теперь от нее немного пользы. И мне вовсе не нравится все, что кроется за этими поездками к Сестрам.

— Ее нельзя удалять, — ответила Чани, продолжая растирать его ноги, и деловито добавила: — Ты столько раз говорил, что она позволяет тебе поддерживать контакт с врагами, что их планы ты читаешь по ее поступкам.

— Откуда твоя заинтересованность в ее желании забеременеть?

— Если подобное произойдет, планы врагов расстроятся, и сама Ирулан окажется в неловком положении.

По прикосновению ее рук он почувствовал, чего стоят ей эти советы. В горле набух комок. Он тихо сказал:

— Чани, родная, я поклялся тебе, что не взойду на ее ложе. Ребенок даст ей слишком много власти. Или ты добиваешься, чтобы она сместила тебя?

— Откуда? У меня нет места!

— Да нет же, Сихайя, весна моя Пустынная. Откуда эта внезапная забота об Ирулан?

— Забота моя о тебе, не о ней! Если она понесет потомка Атрейдесов, сообщники усомнятся в ее искренности.

Чем менее наши враги будут доверять ей, тем меньше пользы им от нее будет.

— Рождение ее ребенка может означать твою смерть, — возразил Пауль. — Сама знаешь все эти интриги, — он обвел рукой утонувшую в недрах цитадели комнату.

— У тебя должен быть наследник, — глухо произнесла она.

— Аxx-x!.. — протянул он.

Так вот оно что: раз у Чани нет детей, следует привлечь другую женщину. Почему бы тогда не Ирулан? Вот и весь ход размышлений Чани. Но все должно совершиться в результате акта любви, на всякие искусственные методы в империи наложено было строжайшее табу. Решение Чани — решение истинной фременки.

Пауль по-новому увидел ее лицо. Он и так знал черты Чани лучше, чем свои собственные. Он видел ее и горящей страстью, и в покое сна, знал в гневе, в страхе, в горе.

Он закрыл глаза, и Чани вновь представилась ему девушкой — весна пробуждающаяся, ручейком журчащая возле него. Вдруг припомнившееся обаяние ее юности заворожило его. Ему предвиделась эта улыбка — сперва застенчивая, а потом тревожная, — словно она старалась вырваться из его видения.

Рот Пауля вдруг пересох. На миг ноздрей его коснулся дым пожарища, что ждет впереди. Внутренний голос из какого-то другого видения все твердил ему: *освободись... освободись... освободись...* Слишком долго подсматривал ты тайны вечности, внимал голосам камней и чужой плоти. С того самого дня, когда Пауль впервые ощутил собственное ужасное предназначение, он вглядывался в будущее, искал в нем мирный уголок для себя.

Такой путь существовал, конечно... Он был уверен в этом, хоть и не понимал его сути — загадочное будущее, недвусмысленно требовавшее от него одного: *освободись, освободись, освободись!*

Открыв глаза, Пауль увидел перед собой решительное лицо Чани. Она перестала растирать ему ноги и застыла неподвижно — истинная фременка. Родное лицо под синей косынкой нежони, она часто носила ее в их личных покоях. Теперь оно воплощало решительность, древние

мысли... чуждые мысли. Тысячелетиями фрименские женщины привыкали делить своего мужчину с другими — пусть не всегда мирно, но по крайней мере без губительных последствий. Сейчас этот таинственный фрименский процесс происходил в Чани.

— Истинного и желанного мне наследника родишь ты, — ответил он.

— Ты это *видел*? — спросила она, явно подразумевая его провидческие способности.

И уже далеко не в первый раз Пауль задумался: как же наконец объяснить ей все тонкости пророчества — бесчисленность линий судеб, что сплетались в сплошную ткань перед его умственным взором. Он вздохнул, вспомнив вдруг, как когда-то пригоршнями черпал воду из речки, как утекала она между пальцев. Пауль еще помнил ощущение воды на своем лице. Но разве можно умыться в водах времени, взбаламученных сонмом пророков?

— Значит, ты *не видел* этого, — уверенно заключила Чани.

Будущее он теперь мог увидеть лишь напрягая душу и тело до истощения, безвозвратно растрачивая жизненные силы, и ничего, кроме горя, оно теперь не сулило. Пауль знал, что снова попал сейчас между двух гребней — во впадину между волнами, терзавшую разум и томившую чувства.

Укрыв его ноги, Чани произнесла:

— Наследника Дома Атрейдес нельзя доверять случаю... нельзя полагаться на единственную женщину.

«Так могла бы сказать моя мать, — подумал Пауль. — Или леди Джессика тайно поддерживает связь с Чани? Она всегда в первую очередь думает о Доме Атрейдес. Так воспитали ее сестры Бене Гессерит, и мать не может отказаться от этого даже теперь, когда все ее силы обращены против Ордена».

— Так, значит, ты подслушивала наш разговор с Ирулан, — обвиняющим тоном проговорил он.

— Да, я подслушивала, — согласилась она, глядя в сторону.

Пауль припомнил встречу с Ирулан. Он только вошел в семейную гостиную и успел заметить неоконченную работу на ткацком станке Чани. В помещении кисло воняло червем, зловещий запах скрывал вездесущий коричневый аромат меланжи. Кто-то пролил здесь непреобразованную

меланжевую эссенцию на коврик, пропитанный меланжей. Вещества эти несовместимы, и эссенция разъела ковер. Только маслянистые пятна отмечали на пластмелде место, где он недавно лежал. Пауль уже собирался послать за кем-нибудь из женщин, чтобы прибрались, но в этот момент Хара, жена Стилгара и ближайшая подруга Чани, скользнула внутрь и сообщила... о приходе Ирулан.

Разговор пришлось вести в этом зловонии, и он все не мог отделаться от нехорошего чувства. Фрименская примета сулила беду: дурной запах — жди несчастья.

Впустив Ирулан, Хара вышла.

— Здравствуй, — произнес Пауль.

На Ирулан было платье, отороченное серым китовым мехом. Она расправила его, провела ладонью по волосам. Пауль видел, что Ирулан удивлена его мягким тоном. Заранее приготовленные гневные слова следовало заменять на ходу.

— Ты пришла сообщить мне, что Сестры потеряли последние представления о нравственности? — произнес он.

— Подобные словесные забавы небезопасны, — бросила она.

— Опасность и забавы трудно совместимы, — усмехнулся он. Сокровенные его знания, полученные от Бене Гессерит, говорили: она охотно бы не приходила к нему. Пауль заметил на миг отразившийся на ее лице страх и понял: Ирулан пришлось взяться за дело вопреки ее собственному желанию.

— И они все время требуют слишком много от принцессы Императорского Дома.

Ирулан замерла в неподвижности, и Пауль отметил, что она подчинила свои чувства безжалостному контролю воли. Тяжелый груз, подумал он и удивился, обнаружив, что его предвидение ничего не говорило ему о возможности такого будущего.

Ирулан медленно расслабилась. *Нельзя поддаваться страху, нельзя отступать*, решила она.

— Ты все время заказываешь одну и ту же погоду, — сказала она, обхватив себя руками и поежившись. — Сухо, сегодня была песчаная буря. Неужели ты не разрешишь нам дождя?

— Ты пришла сюда не для речей о погоде, — ответил Пауль. Он почувствовал себя утопающим в двусмысленности сказанного. Не пытается ли Ирулан намекнуть о чем-то таком, о чем ее воспитание запрещает говорить открыто? Похоже, так и есть. Пауль ощутил себя лишенным опоры: нужно немедленно выбираться на твердую почву.

— Я хочу ребенка, — объявила она.

Он отрицательно качнул головой.

— У меня своя жизнь! — резко произнесла Ирулан. — Если понадобится, я сама отыщу отца для моего ребенка. Я наставлю тебе рога, и посмей хоть в чем-нибудь обвинить меня.

— Наставляй сколько хочешь, — отвечал он, — но никаких детей.

— И как же ты меня остановишь?

С исполненной предельной доброты улыбкой он произнес:

— Если дойдет до этого, я немедленно прикажу удавить тебя.

На миг Ирулан потрясенно умолкла, а Пауль ощутил, как Чани прислушивается за тяжелыми занавесями, отделявшими их личные апартаменты.

— Я все-таки твоя жена, — прошептала Ирулан.

— Давай не будем играть в эти глупые игры, — ответил он. — Ты ведь играешь сейчас, исполняешь роль, и не более. Мы оба знаем, кто моя жена.

— А я — так, просто удобство, — горько откликнулась Ирулан.

— Я не хочу быть с тобой жестоким.

— Ты сам выбрал меня.

— Не я, — отвечал он, — судьба. Твой отец. Сестры Бене Гессерит. Гильдия, наконец. А теперь они вновь тебя выбрали. Для чего они тебя выбрали, Ирулан?

— Но почему же я не могу родить тебе ребенка?

— Потому что ты на эту роль не подходишь.

— Это мое право — родить наследника престола! Мой отец был...

— Твой отец был и остается зверем. Ты сама знаешь, что он потерял всякий контакт с человечеством, которым должен был править.

— Разве его ненавидели больше, чем ненавидят тебя? — взорвалась она.

— Неплохой вопрос, — отвечал он, сардонически усмехаясь уголками губ.

— А еще говоришь, что не хочешь быть жестоким со мною.

— Вот потому-то я и согласен, чтобы ты имела любовника. Только пойми правильно: пусть будет любовник, но никаких побочных детей. Такого ребенка я не признаю. Я не стану запрещать тебе любовных связей — пока ты остаешься осмотрительной и бездетной. В сложившихся условиях просто глупо действовать иначе. Только не вздумай злоупотреблять моим доверием. Речь идет о троне, и *я* определяю, кто унаследует его. Не сестры Бене Гессерит, не Гильдия, а *я*. Этого права я добился, сокрушив легионы сардаукаров твоего отца на равнине под Арракином.

— Ты сам выбрал свою судьбу, — ответила Ирулан, резко повернулась и вылетела из гостиной.

Заново припомнив всю стычку, Пауль сосредоточился на мыслях о Чани, сидевшей на их ложе. Понимал он и двойственность своего отношения к Ирулан, понимал и фрименскую правоту Чани. В иных обстоятельствах обе женщины вполне могли быть подругами.

— И что ты решил? — спросила Чани.

— Никакого ребенка, — ответил он.

Чани указательным и большим пальцами левой руки изобразила символ криса, священного ножа фрименов.

— Может дойти и до этого, — согласился он.

— Почему ты считаешь, что ребенок не поможет разрешить проблему Ирулан?

— Предположить такое мог бы только дурак.

— Дорогой мой, я вовсе не дура.

Пауль почувствовал, как в нем поднимается гнев.

— Этого я тебе никогда не говорил. Но сейчас речь не о сентиментальном романе, сочиненном писателями. Ирулан — самая настоящая принцесса, воспитанная среди всех гнусных интриг Императорского двора. Строить козни для нее столь же естественно, как строчить свои дурацкие истории!

— Любимый, они вовсе не дурацкие.

— Возможно, ты права, — Пауль подавил свой гнев и взял ее за руку. — Извини. Просто у этой женщины на уме одни заговоры... заговор в заговоре. Если я уступлю

хотя бы одной из ее претензий, то этим только поощрю ее на другие.

— Разве не я это тебе всегда говорила? — ласковым голосом ответила Чани.

— Говорила, конечно. — Пауль пристально посмотрел на Чани. — Тогда что же ты хочешь сказать мне еще?

Она прилегла возле него и приникла головой к плечу.

— Они уже решили, как им бороться с тобой, — проговорила она. — От Ирулан просто разит тайными замыслами.

Пауль погладил ее по голове.

Чани умела отсеять несущественные детали.

Вновь прихлынуло ощущение ужасной судьбы, кориолисовой бурей оно терзало глубины души, сотрясая все его существо. Тело его ведало многое, что еще не открывалось сознанию.

— Чани, любимая, — прошептал он, — если бы ты знала, чего бы только я не дал за то, чтобы покончить с джихадом и помешать Квизарату сделать из меня бога.

— Но ты мог бы прекратить все это одним только словом, — затрепетав, сказала она.

— О нет. Даже если я умру, одно мое имя поведет их вперед. Стоит только подумать, что имя Атрейдесов связано со всей этой религиозной бойней...

— Но ты же — Император! Ты же...

— Я просто украшение — фигура на носу корабля. Если тебе навязали роль божества, отказаться от нее ты не властен. — Он с горечью усмехнулся. Из будущего на него глядели еще не родившиеся династии. Он ощущал, как гибнет в оковах судьбы его человеческая сущность, и остается только одно имя. — Я был избран, — прошептал он. — Может быть, еще при рождении... но уж меня-то во всяком случае не спросили... Я был избран.

— А ты отвергни это избрание, — ответила она.

Он крепче обнял ее за плечи.

— В свое время, любимая. Дай мне еще хоть чуточку времени.

Слезы щипали его глаза.

— Вернемся в сиетч Табр, — сказала Чани, — в этом каменном шатре столько лишних хлопот.

Он кивнул, прижавшись подбородком к гладкой косынке, прикрывавшей ее волосы. Как всегда, от нее пахло Пряностью.

Сиетч. Слово древнего языка чакобса поглотило его внимание: укрытие, надежное и спокойное место во времена бед. Слова Чани заставили его затосковать по просторам Пустыни, где любой враг виден издалека.

— Племена ждут возвращения Муад'Диба, — сказала она и подняла голову, чтобы видеть его лицо. — Ты наш.

— Я принадлежу своей миссии, — прошептал он.

Он подумал о джихаде, о дрейфе генов через парсеки и парсеки, разделяющие звезды, о видений, сулившем окончание бойни. Сумеет ли он заплатить за это все, что должен? Тогда угаснет ненависть, подернется пеплом словно костер... уголек за угольком. Но... о! Цена будет страшной!

Я не хотел быть богом, никогда не хотел, думал он. *Я просто хотел исчезнуть, как блистающая росинка с наступлением утра. Я хотел быть не с ангелами и не с проклятыми... просто быть— хотя бы и по чьему-то недосмотру.*

— Так мы возвращаемся в сиетч? — настаивала Чани.

— Да, — прошептал он, подумав: *Пора платить.*

Глубоко вздохнув, Чани вновь прижалась к нему.

Я просто увиливаю, подумал он. Любовь и джихад правят мною. Что такое одна жизнь, пусть беспредельно любимая, рядом с бесчисленными жизнями, которые унесет джихад? Как можно сравнивать одно-единственное горе со страданиями миллионов?

— Любимый?.. — вопросительно начала Чани.

Он прикрыл ладонью ее губы.

Что если отступить, думал он, *сбежать, пока я еще способен на это, забиться в дальний уголок пространства?* Бесполезно, джихад возглавит и призрак его.

Что ответить? — думал он. *Как объяснить ей прискорбную и жестокую глупость рода людского? Разве поймет даже она?*

Как бы мне хотелось сказать им: «Эй, вы! Глядите, реальность не может больше меня удержать. Вот! Я исчезаю! Ни замысел человеческий, ни козни людские не заманят меня более в эту ловушку. Я сам ниспровергаю основанную мною религию! Вот миг истинной славы! Я свободен!»

Пустые слова!

— Вчера у подножия Барьерной Стены видели большого червя, говорят, длиннее ста метров. Такие гиганты теперь не часто заходят сюда. Вода отпугивает их. Я так считаю. Уже принялись говорить, что он приходил звать Муад'Диба обратно в Пустыню, — она ущипнула его. — Чего смеешься?

— И не думаю.

Застигнутый врасплох упрямым фрименским суеверием, Пауль почувствовал, как вдруг сжалось сердце: его захлестнул а́даб — воспоминание, что приходит само собой. Он вспомнил детскую на Каладане, темную ночь среди каменных стен... Видение! Это было одно из первых. Ум его словно нырнул теперь в это видение, и словно сквозь туманную дымку он увидел цепочку фрименов в одеждах, пропыленных Пустыней. Проходя мимо расщелины в высоких скалах, они уносили с собой длинный, обернутый в ткань сверток.

Тогда Пауль услышал собственные слова:

— Все это было так невозможно прекрасно... и ты была прекраснее всего...

Адаб отпустил его.

— Ты вдруг замолк и замер, — шепнула Чани. — Что с тобой?

Пауль поежился, сел и отвернулся.

— Ты сердишься, потому что я ходила на край Пустыни? — спросила Чани.

Не говоря ни слова, он покачал головой.

— Я пошла туда только потому, что хочу ребенка, — произнесла Чани.

Пауль не мог говорить. Грубая власть забытого видения не отпускала его. Ужасное предназначение! В этот миг вся жизнь его была дрогнувшей ветвью, с которой слетела птица... птица по имени Случай. Свободная воля.

Я сдался искушению, подчинился пророческому дару, подумал он.

Он видел, что подобное искушение в конце концов оставит перед ним только один путь. Может быть, видение не предсказывает будущее? Может быть, оно само его создает? Или же вся жизнь его мотыльком запуталась в пау-

тине, а паук-грядущее подступает все ближе и ближе, шевеля хищными жвалами?

Припомнилась аксиома Бене Гессерит: *прибегнув к помощи грубой силы, становишься бесконечно уязвимым для еще больших сил.*

— Я знаю, ты сердишься, — произнесла Чани, тронув его за руку. — Я знаю, что племена возвращаются к старым обрядам, к кровавым жертвоприношениям, но я не принимала в них участия.

Пауль глубоко, с дрожью, вздохнул. Поток видения разлился, оставив ровную обширную гладь, под которой струились неподвластные ему титанические силы.

— Ну, пожалуйста, — умоляла его Чани, — я хочу ребенка, нашего ребенка. Разве это ужасно?

Пауль погладил ее руку, которой она прикоснулась к нему, отодвинулся. Выбравшись из постели, он погасил плавающие лампы, подошел к окну над балконом, отодвинул шторы. Глубокой Пустыне не было пути сюда, только запахом могла она дотянуться до покоев Императора. Прямо перед его глазами уходила в небо высокая стена. Косые полосы лунного света легли на обнесенный стенами сад, неусыпные деревья шелестели широкими влажным листьями. Сквозь листву поблескивала гладь пруда. В тени угадывались яркие цветы. На миг он увидел этот сад глазами фримена: чуждое и страшное место, опасное безумным расточительством влаги.

Он вспомнил продавцов воды, чью торговлю он подорвал своими щедрыми раздачами. Они ненавидели его. Он убил прошлое. А были и другие, копившие жалкие гроши, чтобы купить потом на них драгоценную воду, — они тоже его ненавидели: за то, что он изменил древний путь. По велениям Муад'Диба менялась экология планеты, и люди сопротивлялись переменам. Не самонадеянно ли думать, гадал он, что я и впрямь распоряжаюсь всей планетой — решаю, где, как и чему расти на ней? Но даже если бы это и было возможным, как быть со Вселенной? Не опасается ли и она чего-то подобного с его стороны?

Резким движением он задернул занавеси. В темноте он обернулся к Чани, почувствовал: она ждет его. Водные кольца ее позвякивали, словно колокольчики на кружках

для подаяния у пилигримов. Устремившись на звук, он нашел ее протянутые к нему руки.

— Любимый, — шепнула она, — это я тебя расстроила?

И обхватила его руками, защищая от будущего.

— Нет, не ты, — отвечал он. — Ох... не ты.

Явление в мир лучемета и силового щита, двух видов оружия, обреченных на взрывное взаимоуничтожение, несущее гибель и нападающему, и обороняющемуся, определило структуру отраслей оружейной промышленности. Не станем вдаваться в особую роль атомной технологии. Верно, что любая из Семей, стоящих у власти в нашей Империи, способна уничтожить не менее пятидесяти планетарных баз других семейств. Да, этот факт вызывает определенное беспокойство. Но у всех давно уже готовы планы осуществления сокрушительного возмездия. Ключи от этой силы в руках Гильдии и Ландсраада. Меня же заботит развитие человека как самостоятельного вида оружия. Здесь мы имеем в настоящее время неограниченное поле деятельности, интересовавшее до сих пор лишь немногих.

(Муад'Диб. Из лекции в Военном колледже. «Хроники Стилгара»)

Стоящий на пороге своего дома старик глядел на гостя синими-на-синем глазами. Во взгляде этом читалось привычное недоверие Пустынного люда ко всем незнакомцам. Щетинистая белая борода не могла прикрыть горьких морщин у рта. Дистикомба на нем не было, утечка влаги через дверной проем его вовсе не беспокоила — это говорило о многом.

Скитале поклонился, приветствуя соучастника условным жестом.

Где-то за спиной старика захлебывались атональные диссонансы семутной музыки — словно рыдал ребенок. Вид старика не обнаруживал признаков наркотического опьянения, значит, к семуте привык здесь не он. Порок весьма неожиданный для Дюны, подумал Скитале, отнюдь не рассчитывавший обнаружить здесь подобной утонченности.

— Привет издалека, — начал Скитале с улыбкой на плоском лице, выбранном для этого случая. Он вдруг по-

думал, что старику черты его могут показаться знакомыми. Кое-кто из фременов постарше мог еще помнить Дункана Айдахо.

Выбранный облик, только что так радовавший его, мог оказаться ошибкой. Но Скитале не смел менять здесь лицо. Он беспокойно оглядывался то вправо, то влево. Почему этот старик все держит его на пороге?

— Ты знал моего сына? — спросил наконец тот.

По крайней мере это было одним из отзывов. Скитале отвечал как положено, внимательно наблюдая за всем, чтобы не пропустить малейшего признака опасности. Место ему не нравилось — короткая тупиковая улочка кончалась этим домом. Вокруг были жилища, выстроенные для ветеранов джихада. Этот пригород Арракина уходил в Котловину Империи за Тайемаг. Ровную и гладкую поверхность стен из бурой пластали нарушали только темные контуры плотно подогнанных дверей. Кое-где были нацарапаны непристойности. Как раз возле открытой двери надпись мелом объявляла, что некий Берис вернулся на Арракис с гнусной болезнью, лишившей его признаков мужественности.

— Ты пришел не один? — спросил старик.

— Один, — отвечал Скитале.

Старик кашлянул, все еще не оставляя дурацкую нерешительность. Вся опасность и крылась в подобных контактах. У старика могли найтись свои причины для колебаний. Впрочем, час был выбран правильно. Солнце стояло почти над самой головой. Жители квартала, наглухо закупорив двери, проводили самую жаркую часть дня в дремоте.

Или же старика тревожит новый сосед? — думал Скитале. Соседский дом принадлежал Отхейму, бывшему федайкину, воину-смертнику Муад'Диба. Биджас, карлик-тлейлаксу, дожидался у Отхейма своего часа.

Скитале поглядел на старика, заметил пустой рукав, отсутствие дистикомба. В манере держаться чувствовалась привычка командовать. Перед ним был далеко не рядовой участник джихада.

— Могу ли я узнать имя своего гостя? — спросил старик.

Скитале подавил вздох облегчения. Слова говорили, что его в конце концов принимают.

— Я — Заал, — отвечал он, называя выбранное для этой встречи имя.

— А я — Фарук, — отвечал старик, — бывший башар Девятого легиона. Что тебе говорит это имя?

Чувствуя угрозу в его словах, Скитале ответил:

— Ты был рожден в сиетче Табр, под рукой Стилгара.

Фарук расслабился, отступил в сторону.

— Добро пожаловать в мой дом.

Скитале вступил на вымощенный синими изразцами пол тенистого атриума. На стенах искрился выложенный из блестящих кристаллов узор; свет, лившийся из прозрачных фильтров, был неярок и серебрист, как при полной Первой Луне. За его спиной входная дверь улеглась в уплотнительные пазы.

— Мы были благородным народом, а не изгоями, — говорил Фарук, провожая гостя в крытый дворик. — Жили мы тогда не в поселках, не в этих грабенах. У нас был настоящий сиетч в скалах Барьерной Стены, за хребтом Хаббанъя. Один червь, переходом в один манок, мог донести нас в Кедем, в глубокую Пустыню.

— Все было иначе, — согласился Скитале, догадавшийся теперь, почему старик принял участие в заговоре: он тосковал по былому, по прежним временам и путям.

Они вступили в дворик. Фарук все старался преодолеть неприязнь к гостю: глаза того были лишены синевы Ибада, а Вольный Народ не доверял таким людям. Чужаки, как утверждали фримены, вечно ухитряются своим бегающим взглядом увидеть то, чего им не положено.

Когда они вошли, музыка семуты смолкла. На смену ей пришел перезвон балисета, за девятиструнным аккордом полились чистые звуки мелодии... песню эту любили в Нараджийских мирах.

Когда глаза привыкли к полумраку, Скитале увидел юношу, сидевшего, скрестив ноги, на невысоком диване справа под аркой. Глазницы его были пусты. Со сверхъестественной чувствительностью слепого он запел, едва Скитале поглядел на него. Зазвенел высокий приятный голос:

А ветер все дул и унес песок,
Сдул землю и небеса,
И всех людей!

Кто Он, этот ветер?
Деревья стоят, шелестя листвой.
Раньше здесь пили мужи.
Зачем я увидел столько миров,
Столько мужей?
Столько деревьев?
И этот ветер?

Прежде у этой песни были совсем другие слова, подумал Скитале. Фарук отвел его подальше от молодого человека — под арку на противоположной стороне, показал на разбросанные по плиткам пола подушки. На изразцах пола были изображены морские твари.

— Вот подушка, на которой в сиетче однажды сидел сам Муад'Диб, — сказал Фарук, указывая на круглый черный контур. — Теперь она ждет тебя.

— Я в долгу перед тобой, — отвечал Скитале, опускаясь на мягкую черную горку. Он улыбался. Фарук был мудр. Он умел показать свою верность, даже внимая двусмысленным песням и тайным вестям. Кто может отрицать ужасающие способности тирана-Императора?

Размеренно произнося слова, чтобы не нарушать ритма музыки, Фарук спросил:

— Не мешает ли тебе пение моего сына?

Скитале прислонился спиной к прохладному столбу, поглядел на певца:

— Мне нравится музыка.

— Мой сын потерял глаза в боях за Нарадж, — проговорил Фарук. — Его вылечили, но лучше бы он там и остался. Женщины нашего народа не станут глядеть на него. Впрочем, разве не забавно, что на Нарадже у меня есть внуки, которых я могу так и не увидеть? Знаешь ли ты, Заал, миры Нараджа?

— В дни моей юности я выступал там в труппе лицеделов, — отвечал Скитале.

— Значит, ты — лицедел, — проговорил Фарук. — Меня удивило твое лицо. Оно напомнило мне человека, которого я знал когда-то.

— Дункана Айдахо?

— Да, его. Мастера-фехтовальщика Императора.

— Говорили, что он погиб.

— Так говорили, — согласился Фарук. — Неужели ты действительно мужчина? О лицеделах говорят, что... — он передернул плечами.

— Все мы гермафродиты Яддаха, — отвечал Скитале, — пол наш меняется по желанию. Сейчас я мужчина.

Фарук задумчиво закусил губу и произнес:

— Не хочешь ли подкрепиться? Воды? Или охлажденных фруктов?

— Достаточно беседы, — ответил Скитале.

— Воля гостя — закон, — поклонился Фарук, усаживаясь лицом к гостю на другую подушку.

— Благословен еси Абу д'Дхур, Отец Бесконечных Дорог Времени, — произнес Скитале, думая: *Вот! Я все сказал ему: я пришел от навигатора Гильдии и пользуюсь его покровительством.*

— Трижды благословен, — ответил Фарук, ритуальным жестом складывая руки на коленях. Натруженные, покрытые венами кисти.

— Издалека видишь только общие контуры, — начал Скитале, намекая, что хотел бы поговорить о цитадели Императора.

— Но тьму и зло не примешь за их противоположность, как бы далеко они от тебя ни были, — ответ Фарука заключал совет не торопиться.

Почему? — подумал Скитале. Но спросил только:

— Как твой сын потерял зрение?

— Защитники Нараджа воспользовались камнежогом, — отвечал Фарук. — Сын мой оказался совсем рядом. Проклятое атомное оружие! Камнежог тоже следовало бы запретить законом.

— Это отвечало бы букве закона, — согласился Скитале и подумал: *Камнежог на планетах Нараджа! Нам не сообщали об этом. Но зачем старик завел здесь речь об э т о м оружии?*

— Твои хозяева предлагали мне купить для него искусственные глаза тлейлаксу, — продолжал Фарук, — но в легионах говорят, что такие глаза порабощают его владельца. Сын сказал тогда, что глаза эти — металл, а он из плоти, сочетать то и другое греховно!

— Но предмет должен отвечать своему назначению, — проговорил Скитале, стараясь направить разговор в нужную ему сторону.

Сжав губы, Фарук кивнул:

— Говори прямо, что тебе нужно, — сказал он, — приходится доверять вашему навигатору.

— Ты когда-нибудь был в Императорской цитадели?

— Я был там на пиру в годовщину победы на Молоторе. Было холодно, несмотря на самые лучшие иксианские обогреватели. Еще бы, в сплошном-то камне! Ночь мы провели на террасе Храма Алие. Он насадил там деревья из многих миров, ты это знаешь. Все башары были облачены в лучшие одеяния зеленого цвета, повсюду были расставлены столики — вместо общего стола. Мне многое там не понравилось. Пришли инвалиды на своих костылях. Неужели наш Муад'Диб не знает, сколько людей ради него стали калеками?

— Тебе не понравился пир? — спросил Скитале, зная, что оргии фременов подогревались меланжевым пивом.

— Все было так не похоже на привычное слияние душ, — кивнул Фарук, — в сиетче это было иначе. Там нас объединяло тау. На пиру развлекали рабыни, мы вспоминали раны и битвы.

— Так, значит, ты был в этой каменной громаде, — гнул свое Скитале.

— Муад'Диб вышел к нам на террасу, — продолжал Фарук, — пожелал нам удачи по обряду Пустыни — это в таком-то месте!

— Знаешь ли ты, где расположены его личные апартаменты? — спросил Скитале.

— Где-то в самой сердцевине, глубоко внизу, — отвечал Фарук. — Говорят, они с Чани там, в недрах своей твердыни, живут по обычаям странников Пустыни. В большой зал он является лишь для аудиенций. Там много приемных и залов для совещаний. Целое крыло отведено его телохранителям, есть и помещения для церемоний, и ходы сообщения. А в глубинах под этой крепостью, на самом ее дне, он содержит окруженного водой оцепенелого червя, чтобы всегда можно было отравить его. Там он и взирает на будущее.

Сказки перемешаны с фактами, подумал Скитале.

— Правительственные чиновники сопровождают его повсюду, — ворчал Фарук. — Клерки с помощниками, помощниками помощников и их помощниками. Доверяет он

лишь таким, как Стилгар, тем, кто был ему близок в прошлые дни.

— Но не тебе, — вставил Скитале.

— Он и думать забыл о моем существовании, — проговорил Фарук.

— А как он входит и выходит из этого сооружения? — спросил Скитале.

— Говорят, что на внутренней стене есть небольшая посадочная площадка для топтера, — ответил Фарук. — Муад'Диб никому не доверяет управление топтером, когда садится там. Надо знать, как подлетать к этому месту, при малейшей неточности аппарат разобьется об отвесную стену и рухнет в эти проклятые сады.

Скитале кивнул. Почти наверняка так оно и было. Еще одна предосторожность. Сами-то Атрейдесы всегда были превосходными пилотами.

— И дистрансы его носят люди, — возмущался Фарук. — Так замарать человека — вживлять людям модуляторы! Голос человека должен принадлежать ему одному. Позор передать чье-то послание, спрятанное в твоих словах.

Скитале передернул плечами. Все политики теперь использовали дистранс. Никто не мог сказать заранее, какие преграды встанут на пути между отправителем и адресатом. Дистранс позволил обойтись без шифров, в нем все определялось тончайшими оттенками естественных звуков, запечатленных во всей своей сложности.

— Даже его налоговые службы пользуются тем же методом, — жаловался Фарук. — В мое время дистранс вживляли только низшим животным.

Но финансовую информацию и следует держать в тайне, подумал Скитале. *Сколько правительств пало, когда народы их вдруг обнаруживали действительные масштабы богатства властей.*

— И как же в когортах фременов относятся теперь к джихаду? — спросил Скитале. — Может быть, им не нравится, что из Императора делают бога?

— Большинству все равно, — отвечал Фарук, — в основном они думают о джихаде так же, как и сам я когда-то относился к нему... Муад'Диб дал нам испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство. Эта хибара посреди грабена, — Фарук обвел рукой свое жилище, — оце-

нивается в шестьдесят лид Пряности. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить не мог ничего подобного этой роскоши. — Он с осуждением качнул головой.

В аркаде напротив слепой юноша стал наигрывать на балисете любовную балладу.

Девяносто контаров, думал Скитале, *странно. Огромное богатство. «Хибара» Фарука на многих мирах покажется дворцом. Но все относительно... и контар тоже. Интересно, знает ли сам Фарук, откуда взялась эта мера веса, которой взвешивают Пряность? Наверняка он даже не задумывался о том, что земной верблюд мог поднять лишь контар с половиной. Фарук, конечно же, даже не слыхал ни о Золотом Веке Земли, ни о верблюдах.*

Со странной интонацией, следуя голосом за мелодией балисета, Фарук произнес:

— Был у меня крис, водяные кольца на десяток литров, копье, что принадлежало прежде отцу, кофейный прибор, бутылка красного стекла, такая древняя, что никто в сиетче не знал, когда она была сделана. И доля в добыче Пряности. Я был богат, но даже не ведал об этом. Было у меня две жены. Одна, пусть и не красавица, была дорога мне, вторая, упрямая и глупая, телом и лицом походила зато на ангела. Я был наиб среди фременов, наездник Пустыни, покоритель червя и хозяин песков.

Юноша напротив подхватил сложный ритм речи Фарука и вплел его в мелодию, пристукивая по деке балисета.

— Сам того не ведая, я знал многое, — говорил Фарук. — Знал, где Маленькие Податели стерегут воду в недрах Пустыни. Знал, что предки мои приносили девственниц в жертву Шаи-Хулуду... Это Лиет-Кинес заставил их бросить этот обряд. Напрасно послушались они его!.. И я видел, как сверкают драгоценности в пасти червя... У души моей было четверо врат, и я знал их.

Задумавшись, он умолк.

— А потом явился Атрейдес со своей матерью-колдуньей, — проговорил Скитале.

— А потом явился Атрейдес, — согласился Фарук. — Тот самый, который звался Усулом среди людей сиетча. Наш Муад'Диб, наш Махди! И когда он призывал нас к джихаду, я был среди тех, кто спрашивал: что нужно мне

в этих дальних краях? За кого стану я там сражаться? Родни там у меня нет, но другие мужчины, умные и молодые, друзья-приятели с самого детства, ушли и возвратились, а потом начался разговор о колдовском могуществе этого «спасителя» из Атрейдесов. Да, он воевал с нашими врагами, харконненцами. Его благословил Лиет-Кинес, обещавший нам рай на нашей планете. Говорили, что этот самый Атрейдес явился, чтобы преобразить этот мир и нашу Вселенную, и что в руках его ночью расцветает золотой цветок...

Фарук поднял руки, поглядел на ладони.

— Люди показывали на Первую Луну и говорили: душа его там. Его и называли Муад'Дибом. Я не понимал тогда, о чем речь.

Опустив руки, он поглядел через дворик на сына.

— В голове моей не было дум. Только забота о сердце, пузе и чреслах.

Музыка стала громче.

— Знаешь ли ты, почему я подался в джихад? — Старые глаза жестко глядели на Скитале. — Я слыхал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь, среди дюн. У нас нет морей. Люди Дюны никогда не знали моря. У нас были только ветровые ловушки. Мы все собирали воду для великой перемены, которую сулил Лиет-Кинес... Той великой перемены, которую Муад'Диб совершил мановением руки. Я могу себе представить канал, в котором вода течет по пустыне. Значит, могу представить и реку. Но море...

Фарук глядел вверх на прозрачный потолок, словно пытаясь разглядеть за ними Вселенную.

— Море, — повторил он негромко. — Мой ум даже представить не мог его величия. Но я знал людей, которые утверждали, что видели подобное чудо. И я решил, что они лгут, но все-таки хотел убедиться в этом сам. Тогда-то я и записался в поход.

Юноша взял громкий финальный аккорд и затянул новую песню в странном неровном ритме, подыгрывая себе на балисете.

— И ты нашел свое море? — спросил Скитале.

Фарук молчал, и Скитале подумал, что старик не расслышал. Звуки балисета накатывались и разбивались волнами прибоя.

— Однажды был закат, — медленно проговорил Фарук. — Как на картинах старых мастеров. Красный, как моя бутылка. А еще золотой... и синий. Было это в мире, который зовется Энфейль, там я вел свой легион к победе. Мы шли по горному ущелью, и воздух уже изнемогал от воды. Я едва мог дышать. И вдруг внизу оказалось то самое, о чем говорили друзья: вода, вода — и ничего, кроме воды. Мы спустились. Я вошел в воду и пил. Горькая вода, неприятная. Мне потом было нехорошо от нее. Но чудо это навсегда запомнилось мне.

Скитале чувствовал, что и сам разделяет осенившее старого фримена чудо.

— Потом я погрузился в воды этого моря, — говорил Фарук, глядя на плитки пола, на морских тварей. — Из воды я поднялся другим человеком... Мне казалось, что могу припомнить даже такое, чего никогда не знал. Я озирался вокруг глазами, которые смогли бы тогда увидеть все... да, все. На волнах раскачивалось тело убитого — нам оказывали сопротивление. А еще поблизости на воде качалось бревно, огромный ствол дерева. Закрывая глаза, я и сейчас вижу его. Один конец был черным — обугленным. А еще в воде плавала какая-то желтая тряпка — грязная, рваная. Я глядел на все это и понимал, почему они здесь. Мне было предначертано их увидеть.

Медленно повернувшись, Фарук заглянул в глаза Скитале.

— Сам знаешь, Бог еще не закончил творить Вселенную, — проговорил он.

Болтлив, но глубок, подумал Скитале и сказал:

— Понимаю, море произвело на тебя глубокое впечатление.

— Ты — тлейлаксу, — проговорил Фарук, — ты видел много морей, а я — только одно, но о морях я знаю такое, что не было открыто тебе.

Скитале почувствовал странное беспокойство.

— Матерь Хаоса рождена была в море, — проговорил Фарук. — Наш квизара тафвид стоял рядом, когда я вышел из вод, промокший до нитки. Он не входил в волны. Он стоял на песке... на мокром песке, а возле него толпились

те немногие из моих воинов, кто разделял его страх. Он смотрел на меня такими глазами... он понимал — я узнал такое, чего ему уже не узнать. Я приобщился к морю, и это испугало его. Море исцелило меня от джихада, кажется, он понял это.

Скитале вдруг осознал, что музыка давно умолкла. И рассердился на себя за то, что не помнил мгновения, когда затих балисет.

И словно все это имело отношение к его воспоминаниям, Фарук произнес:

— Охраняются все ворота. В цитадель Императора не попасть.

— Это ее слабость, — проговорил Скитале.

Фарук напряженно вытянул шею, ожидая продолжения.

— Путь внутрь существует, — пояснил Скитале, — и по большей части люди, в том числе и сам Император, как мы надеемся, не подозревают об этом... Что может послужить нам на пользу. — Он потер губы, чувствуя чужеродность выбранного им облика. Молчание музыканта встревожило Скитале; не означает ли оно, что сын Фарука передал всю необходимую информацию сжатой в музыкальные фразы? Теперь она была запечатлена в нервной системе самого Скитале, и в нужный момент ее можно будет извлечь оттуда с помощью дистранса, вживленного в кору надпочечников. Если сообщение действительно завершено — он уже несет в себе неизвестные фразы, словно сосуд, наполненный сведениями: именами заговорщиков, всеми условными фразами — каждой подробностью заговора на Арракисе... ценная информация.

Эти знания позволяли им одолеть Арракис, захватить песчаного червя, увезти его за пределы власти Муад'Диба, начать производство меланжи на иной планете. Теперь монополию можно было разрушить, обрекая этим на падение Муад'Диба. Да, зная все это, можно было сделать многое.

— Женщина здесь, — проговорил Фарук. — Ты хочешь ее видеть?

— Я уже видел ее, — отвечал Скитале. — И внимательно изучил. Где она?

Фарук щелкнул пальцами.

Юноша поднял ребек, приложил к нему смычок. Струны зарыдали, исторгая музыку семуты. Словно привлеченная ею, из двери позади музыканта показалась молодая женщина в синем платье. Бездонно-синие «глаза Ибада» на ее лице застыли в наркотическом отупении. Фрименка привыкла к Пряности, но теперь ее поглотил и инопланетный порок. Сознание ее утопало в восторгах среди мелодий семуты, затерялось далеко-далеко.

— Дочь Отхейма, — проговорил Фарук. — Мой сын дал ей наркотик, надеясь, что так он обретет женщину из Народа, несмотря на свою слепоту. Только это оказалась бесплодная победа. Тот выигрыш, на который он рассчитывал, достался семуте.

— Ее отец знает?

— Она сама ничего не подозревает. Сын мой придумал любовные воспоминания, что связывают их. В забытье она считает их своими. Ей кажется, что она любит его. Ее семья тоже верит в это. Все они в гневе, потому что сын мой — калека, но мешать им не станут.

Музыка постепенно умолкла.

Подчиняясь жесту музыканта, молодая женщина уселась возле него и нагнулась, чтобы расслышать его шепот.

— Что ты делаешь с ней? — спросил Фарук.

Скитале вновь оглядел дворик:

— Кто еще находиться в этом доме?

— Мы все перед тобой, — отвечал Фарук. — Но ты не сказал еще мне, зачем тебе женщина? Мой сын хочет знать это.

Скитале поднял правую руку, словно собираясь ответить, — и блестящая иголка, вылетев из рукава, вонзилась в шею Фарука. Ни крика, ни звука, никто не шелохнулся. Через минуту Фарук будет мертв, но пока старик еще сидел, оцепенев под действием яда.

Потом Скитале медленно поднялся на ноги и подошел к слепому музыканту. Тот еще что-то шептал женщине, когда вторая игла нашла и его.

Скитале взял женщину за руку, мягко потянул, поднимая с пола, изменив свой внешний вид прежде, чем она подняла на него глаза.

— Что случилось, Фарук? — спросила она.

— Мой сын устал, пусть отдохнет, — проговорил Скитале. — Пойдем, выйдешь через заднюю дверь.

— Мы так хорошо поговорили, — произнесла она, — кажется, я убедила его купить глаза у тлейлаксу. Они вновь сделают его мужчиной.

— Сколько раз я уже говорил это? — спросил Скитале, подталкивая ее к двери.

Голос его, с гордостью подумал Скитале, *в точности соответствовал обличью. Голос старика фримена... он уже умер, конечно.*

Скитале вздохнул. Он ведь действительно испытывал сочувствие к своим жертвам, да и они не могли не знать, что находятся в опасности. А теперь следует предоставить последний шанс женщине.

Во время своего становления империи не страдают отсутствием целей. Только когда к ним приходит стабильность, цели теряются, уступая место утратившему смысл ритуалу.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

Совещание Императорского совета не ладилось. Алия сразу почувствовала, что напряженность успела как следует окрепнуть. Это было заметно по тому, как Ирулан старалась не смотреть на Чани, Стилгар нервно перекладывал бумаги, Пауль хмуро глядел на Корбу, Верховного Квизара Тафвид.

Алия села в конце золотого стола. В окнах, выходящих на балкон, пылало полуденное солнце.

Корба, замолкший, когда она появилась, вновь обратился к Паулю:

— Я хочу сказать, сир, что теперь богов стало меньше, чем прежде.

Закинув голову, Алия расхохоталась. Черный капюшон ее абы соскользнул с головы: синие-на-синем «глаза Ибада», овальное лицо матери под шапкой бронзовых волос, широкий полногубый рот.

Выступивший на щеках Корбы румянец был едва ли ярче его оранжевого одеяния. Он яростно поглядывал на Алию — кипящий гневом гном, сердитый и лысый.

— А знаешь ли ты, что говорят о твоем брате? — дерзко спросил он.

— Могу сказать, что говорят о твоем Квизарате, — парировала Алия. — Вы не слуги бога, вы — шпионы его.

Корба взглядом попросил поддержки у Пауля и произнес:

— Мы посланы заповедью Муад'Диба — дабы знал он правду о людях своих, а они о нем.

— Шпионы, — повторила Алия.

Корба, надувшись, умолк.

Пауль посмотрел на сестру, удивляясь, почему она принялась дразнить Корбу. Он вдруг заметил, какой женственной сделалась Алия, в первом цветении невинной юности. Непонятно было, как он ухитрялся до сих пор не замечать этого. Ей было пятнадцать, нет, почти шестнадцать: Преподобная Мать — девственница, невинная жрица, объект трепетного поклонения суеверных масс — Алия, Дева Ножа.

— Сейчас не время и не место для легкомысленных выходок твоей сестрицы, — заметила Ирулан.

Не обращая внимания на выпад, Пауль кивнул Корбе.

— Площадь полна паломников. Выйди и возглавь их молитву.

— Но они ожидают вас, милорд, — отвечал тот.

— Надень тюрбан, издали никто не догадается, — отмахнулся Пауль.

Заставив себя подавить раздражение, вызванное подобным пренебрежением, Ирулан смотрела, как покорно повиновался Корба. Она вдруг тревожно подумала: что, если Эдрик не в силах спрятать ее от Алие? В чем можно быть уверенным, когда речь идет о его сестре?

Стиснув руки на коленях, Чани через стол глядела на дядю своего, Стилгара, первого министра Пауля. Кто знает, не снедает ли старого фрименского наиба вечная тоска по простой жизни Пустынных сиетчей? Черные волосы Стилгара начинали седеть, но глаза под тяжелыми веками зоркости не потеряли. «Дикий»... в бороде его еще был заметен след от трубки дистикомба.

Потревоженный взглядом Чани, Стилгар оглядел Палату Совета.

Сквозь выходящее на балкон окно был виден Корба. Он благословлял толпу, простерев к ней руки, и вечернее солнце озаряло его багровыми отблесками. На миг Стилгару по-

казалось, что придворный квизара тафвид распят в огненным колесе. Корба опустил руки, видение исчезло, но потрясение не проходило. Мысли Стилгара обратились к раболепным просителям, ожидавшим в приемном зале, ко всей ненавистной помпе, окружавшей трон Муад'Диба.

Разговаривая с Императором, всякий стремится обнаружить его ошибки и слабости, — подумал Стилгар. — *Святотатство. Но уж таков человек.*

Корба вернулся, и вместе с ним в Зал Совета ворвался далекий гул толпы.

Дверь балкона с глухим стуком легла на уплотнение, пригасив доносящиеся снаружи звуки.

Пауль внимательно глядел на священнослужителя. Корба уселся по левую руку его, озираясь остекленевшими глазами фанатика. Миг религиозный власти всегда приносил ему упоение.

— Дух посетил нас, — произнес он.

— Благодари за это Господа, — отвечала Алия.

Губы Корбы побелели.

Пауль посмотрел на сестру, озадаченный мотивами ее поступков. Невинная внешность ее обманчива, он прекрасно понимал это. Она ведь тоже плод генетической программы Бене Гессерит, как и он сам. У нее тоже гены Квисатц Хадераха. Но между ними всегда было таинственное различие — ведь когда мать их, леди Джессика, преобразила в себя яд меланжи, Алия была еще крохотным эмбрионом, маленьким зародышем в материнском чреве. Мать и дочь стали Преподобными одновременно. Но одновременность не означает идентичности.

Алия рассказывала ему, как в единый страшный миг она обрела сознание, как в память ее хлынули все несчетные жизни, которые мгновенно проживала тогда ее мать.

— Я была и нашей матерью, и всеми остальными сразу, — говорила она. — Еще не доношенная и не рожденная, я стала старухой.

Алия почувствовала, что Пауль думает о ней, и улыбнулась брату. Выражение его лица смягчилось. *Действительно, на Корбу нельзя смотреть без улыбки,* подумал он. *Что может быть забавнее воина-смертника, ставшего жрецом?*

Стилгар зашелестел бумагами:

— Если повелителю угодно, — обратился он к Паулю, — рассмотрим срочные дела, не допускающие промедления.

— Тупайльский договор? — спросил Пауль.

— Гильдия требует, чтобы мы подписали его вслепую, не имея информации об истинном расположении планет Тупайльской Антанты, — проговорил Стилгар. — Кое-кто из делегатов Ландсраада поддерживает их.

— Что в этом неотложного? — спросила Ирулан.

— Это решает мой Император, — отвечал Стилгар. В строгой формальности ответа консорт-принцесса услышала всю его недоброжелательность по отношению к ней.

— Мой повелитель и муж, — обратилась Ирулан к Паулю, требуя внимания.

Подчеркивать различия в титулах в присутствии Чани, подумал Пауль, *— это слабость со стороны Ирулан.* В подобные минуты он вполне разделял неприязнь Стилгара к принцессе, хотя сочувствие и умеряло эмоции. Бедная пешка в руках сестер Бене Гессерит.

— Да? — ответил Пауль.

Ирулан бросила на него взгляд.

— А если задержать отгрузку меланжи?

Чани неодобрительно покачала головой.

— Мы действуем с осторожностью, — ответил Пауль. — Тупайле остается местом убежища для потерпевших поражение Великих Домов. Это символ последней надежды, последний приют для всех наших подданных. Если место нахождения убежища становится явным — оно перестает быть безопасным.

— Раз они умеют прятать людей, — пробасил Стилгар, — значит, прячут еще что-нибудь. Армию, например, или попытки развести пеечаного червя...

— Нельзя загонять людей в угол, — произнесла Алия, — если ты хочешь, чтобы они соблюдали мир. — К собственному прискорбию, она оказалась вовлеченной в общий спор.

— Значит, десять лет переговоров ушли впустую, — произнесла Ирулан.

— Никакое действие моего брата не совершается впустую, — ответила Алия.

Ирулан взяла стилос*, костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Пауль видел, как она боролась с эмоция-

* приспособление для письма.

ми методом Бене Гессерит: ушедший в себя взгляд, ровное дыхание. Он едва ли не слышал, как твердит она слова литании. Наконец она произнесла:

— И чего же мы добились?

— Нам удалось вывести из равновесия Гильдию, — ответила Чани.

— Необходимо избежать явной конфронтации, — подчеркнула Алия. — У нас нет желания убивать. Знамя Атрейдесов уже достаточно запятнано кровью.

Она понимает, думал Пауль. И *почему только они с такой симпатией и ответственностью относятся к этой вздорной вселенной, обители драчливых идолопоклонников, к ее бурным восторгам и тихому блаженству покоя? Может быть, мы должны защитить людей от них самих*, подумал он. *От ничтожных занятий и пустой болтовни. Они требуют от меня слишком многого.* Горло его перехватило. *Сколько будет еще потерь? Сыновей, надежд? Стоит ли всего этого будущее, открывшееся ему в видении? Кто в далеком будущем напомнит живущим: если бы не Муад'-Диб, вас не было бы!*

— Отказом в меланже ничего не достигнешь, — произнесла Чани. — Просто навигаторы Гильдии потеряют способность ориентироваться в пространстве и времени. А твои гессеритки не смогут отличить правду от лжи. Многие просто умрут до срока. Расстроятся коммуникации. И кто будет виноват в этом?

— Ну, до этого не дойдет, они не допустят, — ответила Ирулан.

— Разве? — спросила Чани. — С чего бы это? Ведь не Гильдию же станут винить? Она подчеркнуто продемонстрирует свое бессилие.

— Мы подпишем договор, как он есть, — решил Пауль.

— Милорд, — произнес Стилгар, не поднимая глаз от стола, — всем нам в голову приходит один и тот же вопрос.

— Да? — Пауль внимательно посмотрел на старого фримена.

— Вы обладаете известными... силами, — произнес Стилгар. — Разве вы не можете обнаружить миры Антанты без помощи Гильдии?

Силами! — подумал Пауль. *Стилгар мог бы сказать прямо: ты ведь знаешь будущее... значит, можешь обнаружить в грядущем и тот путь, что ведет к Тупайле!*

Пауль глядел на золоченую поверхность стола. Вечно одно и то же: как объяснить необъяснимое? Разве поймут они естественную неполноту этого странного дарования? И как вообще может человек, чье сознание ни разу не преображала Пряность, воспринимать реальность, не содержащую конкретных сенсорных ощущений?

Он посмотрел на сестру. Та смотрела на Ирулан. Ощутив его взгляд, Алия кивнула в сторону принцессы. Ахх... да, любой их ответ непременно попадет в одно из специальных посланий Ирулан сестрам Бене Гессерит. Они все еще пытаются подыскать ключи к своему Квисатц Хадераху.

Но Стилгар заслуживал ответа, Ирулан тоже... в некоторой степени.

— Непосвященные пытаются видеть в предвидении будущего следствие естественного закона, — проговорил Пауль, положив руки перед собой. — С равным успехом можно утверждать, что так говорит с нами небо. И что способность прозревать будущее гармонично укладывается в суть человека. Другими словами, предсказание будущего естественным образом определяется подхватившей нас волной настоящего. Конечно же, способность эта маскируется в естественное обличье. Но силой нельзя пользоваться, заранее определив свои цели и намерения. Знает ли щепка, куда несет ее волна? Пророчество не подчиняется причинно-следственным законам. Причины превращаются в возможности или условия, место слияния, встречи различных течений. Допуская возможность предвидения, разум вынужден принимать несовместимые концепции. И потому он отвергает их, а отвергая, становится частью процесса реализации будущего.

— То есть ты не можешь этого сделать? — переспросил Стилгар.

— Если бы я попытался отыскать Тупайле подобным образом, — ответил Пауль, глядя прямо на Ирулан, — это скорее всего помогло бы ей укрыться от моего взора.

— Хаос! — пожаловалась Ирулан. — Никакой системы, логики.

— Я же сказал, что эта способность не подчиняется естественному закону, — пожал плечами Пауль.

— Значит, твое предвидение не беспредельно? Ты не все можешь увидеть? — настаивала Ирулан.

Но прежде чем Пауль успел ответить, Алия произнесла:

— Дорогая Ирулан, предвидение безгранично, но бессистемно. Вселенная вовсе не обязана быть упорядоченной.

— Но он говорил...

— Разве может даже брат мой описать границы беспредельного, если они ускользают от разума?

Не надо было Алие говорить это, подумал Пауль. *Ирулан встревожится. Сознание ее осторожно, она во всем ищет четких границ.* Взгляд его обратился к Корбе, тот сидел в позе почтительного поклонения и с трепетом фанатика «внимал всей душой». *Теперь и Квизарат осведомлен. Как же — еще одна тайна пророка! Еще один повод к благоговению? Естественно.*

— Итак, подписываем договор в его нынешнем виде? — спросил Стилгар.

Пауль улыбнулся. По мнению Стилгара, дальнейшие разговоры о силах пророков были излишни. Стилгар всегда стремился к победе, не к истине. Мир, справедливость, твердая валюта — на трех этих китах зиждется вселенная Стилгара, и ему нужен объект реальный и ощутимый — подпись под договором.

— Я подпишу, — ответил Пауль.

Стилгар взял другую папку.

— По последним сообщениям командиров полевых частей, в Иксианском секторе возобновилась агитация за конституцию. — Старый фримен поглядел на Чани, та пожала плечами.

Ирулан, сидевшая, закрыв глаза ладонями в мнемоническом трансе, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пауля.

— Иксианская конфедерация обещает покорность, но их послы оспаривают размер имперского налога, который...

— Они хотят ограничить волю Императора рамками закона, — произнес Пауль, — и кто же собирается править мной: КООАМ или Ландсраад?

Стилгар извлек из папки записки на бумаге-инстрой.

— Этот меморандум один из наших агентов отослал прямо с закрытого заседания фракции меньшинства КООАМ в Ландсрааде. — Ровным голосом он зачитал текст:

— «Следует воспрепятствовать претензиям трона, рвущегося к самовластию. Мы должны поведать всем правду об Атрейдесе, о том, как маневрирует он между тремя основами — законодательством в лице Ландсраада, религиозной санкцией и бюрократической эффективностью». — Он убрал записку в папку.

— Конституция... — пробормотала Чани.

Пауль взглянул на нее, потом на Стилгара... подумал: *Итак, джихад выдыхается, но не настолько быстро, чтобы я сумел уцелеть.* Мысль эта вызвала эмоциональную реакцию. Он вспомнил первое видение, открывшее ему ужасы будущего джихада, охватившие его смятение и отвращение. После ему случалось видеть и более кошмарные видения. Вечное насилие повсюду. Своими глазами видел он, как в порыве воинского мистицизма сметают любое сопротивление мстители-фримены. Джихад приобретал новый вид. К счастью, его бытие недолговечно — миг в сравнении с вечностью, — но за ним уже маячили новые кошмары, затмевавшие все, что свершилось.

И все творится моим именем, думал Пауль.

— Быть может, лучше даровать им видимость конституции, — предложила Чани, — не реализовывая ее.

— Обман — один из инструментов правителя, — согласилась Ирулан.

— У любой власти есть границы. Воспользоваться им всегда надеются многие из тех, кто добивается конституций.

Почтительно склонившийся Корба выпрямился:

— Мой господин?..

— Да? — отозвался Пауль. *Вот оно! Именно Корба может испытывать тайные симпатии к надуманной власти закона.*

— Конституция может иметь религиозную окраску, — начал Корба, — если обещать кое-что верным...

— Нет! — отрезал Пауль. — Будет приказ Совета. Регистрируешь, Ирулан?

— Да, милорд, — отвечала она прохладным тоном, еще раз выражая недовольство ролью секретаря, которую выполняла по его приказу.

— Конституция приводит к окончательному произволу, — начал диктовать Пауль. — Окаменелая структура

обретает власть над обществом. Конституция пробуждает дремлющие социальные силы. Они равно сокрушают высоких и низких, любое достоинство и всякую личность. Конституции нестабильны, они неуравновешенны, в них отсутствуют ограничения. И будучи верны Нашему решительному и постоянному стремлению ограждать Наш народ, Мы настоящим запрещаем конституцию как таковую. Дано в Совете сего числа — ставь дату и все такое прочее.

— А как реагировать на озабоченность иксианцев величиной налога, милорд? — спросил Стилгар.

Пауль заставил себя оторваться от задумчивого и недовольного лица Корбы и произнес:

— Что ты предлагаешь, Стил?

— Налоги следует контролировать, сир.

— За мою подпись на Тупайльском договоре, — продолжил Пауль, — Гильдия уплатит согласием Иксианской конфедерации на наши налоги. Конфедерация торгует, используя корабли Гильдии. Они заплатят.

— Очень хорошо, милорд. — Стилгар извлек новую папку, прокашлялся. — Отчет Квизарата по Салусе Секундус. Отец Ирулан проводит маневры... отрабатывает высадку своего легиона.

На шее Ирулан внезапно задергалась жилка.

— Ирулан, — обратился к ней Пауль, — ты до сих пор продолжаешь настаивать, что легион твоего отца — всего лишь игрушка в руках старика?

— Что можно сделать с одним легионом? — спросила она, искоса взглянув на него.

— Например, погибнуть, — ответила Чани.

— А обвинят меня, — согласился Пауль.

— Многие из моих командиров закипели бы гневом, если бы только подобное стало известно.

— Но это же всего лишь полиция! — возразила Ирулан.

— Полиция не занимается маневрами, — произнес Пауль. — И я хочу, чтобы в одном из твоих посланий отцу в самое ближайшее время оказалось бы четкое и недвусмысленное изложение моего мнения по этому деликатному вопросу.

Она потупилась.

— Да, милорд. Надеюсь, что этого хватит. Впрочем, из отца выйдет хороший мученик.

— М-мм, — протянул Пауль, — без моего приказа сестра не станет извещать своих командиров.

— Нападение на моего отца сулит и другие неприятности, кроме военных, — добавила Ирулан. — Люди и так уже начинают не без сожаления вспоминать о его правлении.

— Когда-нибудь ты наконец зайдешь слишком далеко, — смертельно серьезным фрименским тоном произнесла Чани.

— Довольно вам! — приказал Пауль.

Он взвешивал выпад Ирулан... всеобщая ностальгия. Ах, конечно же, в словах ее слышалась правда! Ирулан опять доказала свою истинную цену.

— Бене Гессерит прислали официальное прошение, — произнес Стилгар, берясь за очередной документ. — Они обращаются к Императору по поводу сохранения его наследственной линии.

Чани искоса бросила взгляд на папку, словно в ней крылось нечто смертельно опасное.

— Отошли Сестрам обычные извинения, — отвечал Пауль.

— Зачем же? — возразила Ирулан.

— Быть может... пришла пора обсудить этот вопрос, — произнесла Чани.

Пауль отрицательно покачал головой. Никому не следует знать, что он еще не решился платить свою часть всей цены.

Но Чани было трудно остановить.

— Я побывала у молитвенной стены родного сиетча Табр, — сказала она. — У врачей тоже. Я преклонила колени в Пустыне, обратив свои помыслы к глубинам, в которых обитает Шаи-Хулуд... Но, — она пожала плечами, — ничего не помогает.

Ни наука, ни суеверие не помогли ей, думал Пауль. *И я тоже не помогу. Зачем ей знать, что случится, если она родит его — наследника Дома Атрейдес?* — Он поглядел вдоль стола и увидел сочувствие в глазах Алие. Огонек сочувствия не вдохновлял его. Или же и она тоже видела эти ужасные перспективы?

— Господин мой знает, какими опасностями для государства чревато отсутствие у него наследника, — примешивая масляные интонации к Голосу Бене Гессерит, произнесла Ирулан. — Подобные вещи трудно обсуждать, учитывая их деликатность, но этот вопрос нельзя более откладывать. Император не только мужчина. Он — сим-

вол государственной власти. В случае его смерти может разразиться гражданская война, если не будет наследника. Если ты действительно заботишься о своем народе, престол нельзя оставлять без наследника!

Пауль отодвинулся от стола, встал и подошел к балкону. За окнами ветер прижимал к земле дым городских очагов. На фоне темно-синего неба серебрился мелкий песок, по вечерам осыпавшийся с высот Барьерной Стены. Он глядел на юг, на горы, укрывавшие город от кориолисовых ветров, и думал: почему же сердцу его не дано покоя?

Совет молчаливо ожидал: все видели, насколько он близок к гневу.

Пауль почувствовал, как время обрушивается на него. Он пытался заставить себя вернуться к уравновешенности многих вариантов... может быть, удастся повлиять на будущее.

Освободиться... освободиться... освободиться, думал он. Что, если взять Чани и вместе с нею искать убежища на Тупайле? Имя его останется. Джихад найдет себе новую, еще более грозную опору... Тогда его будут винить и в этом. Он вдруг испугался: потянувшись к чему-то новому, он неизбежно выронит свою главную драгоценность... ведь даже легкий шорох его движений способен повергнуть Вселенную в хаос, а обломки разлетятся во все стороны, так что потом не найти ни кусочка.

Внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяниях хаджа. Словно ползет, извиваясь, за проводником-арракинцем большая змея. Вид толпы напомнил Паулю, что приемный зал уже полон. Паломники! Их благочестивые странствия давали Империи прискорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками. И они все шли, шли и шли.

Как это мне удалось растормошить всю Вселенную? — мысленно удивился он. *Ах, нет же, все вышло само собой. Все это заложено в генах, столетиями накапливалось напряжение, чтобы разрядиться в недолгом пароксизме.*

Движимые глубочайшим религиозным чувством, люди искали надежды на воскресение. Здесь и кончалось паломничество: «Арракис — место возрождения, место упокоения».

Старые зануды-фримены не переставали твердить, что планета привлекает пилигримов ради их воды.

Так чего же на самом деле ищут паломники? — думал Пауль. Они твердят, что здесь священное место. Но людям давно уже следовало понять, что во Вселенной нет Эдема для души, нет для нее Тупайле. Арракис они именовали местом тайн, где неведомое находит свое объяснение. Здесь завязывается связь между этим миром и следующим. Но все они отбывали восвояси удовлетворенными, и это пугало Пауля.

Что они здесь находят? — спрашивал он себя.

Часто в религиозном экстазе они наполняли улицы какими-то странными птичьими криками. Фримены так их и называли: «перелетные птицы». Те немногие, кто встретил здесь свою смерть, объявлены были «окрыленными душами».

Вздохнув, Пауль подумал о том, что с каждой новой планеты, покоренной его легионами, немедленно начинает извергаться вереница паломников — в благодарность за мир, данный им Муад'Дибом.

Повсюду мир, думал он. *Почти повсюду... Только не в сердце моем.*

Ему казалось, что какая-то часть его сущности погружена в зябкую, промозглую мглу, не имеющую предела. Мощью пророка сокрушил он прежнее представление о Вселенной. Он потряс весь ранее безопасный космос, заменил благополучие джихадом. Он победил и перехитрил человеческий мир своим умением предвидеть будущее, но... Вселенная, похоже, перехитрила его.

Планету, по которой ступали его ноги, он повелел превратить в рай, сделать сад из Пустыни. И она жила, билось ее сердце, она отвечала, как человек: строптивица сопротивлялась, не покорялась, ускользала...

На ладонь его легла рука. Он искоса глянул вниз — Чани смотрела на него встревоженными глазами. Она словно впитывала его взглядом... шепнула:

— Пожалуйста, любимый, не противься велению твоего духа-*рух*. — Ее сочувствие как бы перетекало из ладони, давало ему опору.

— Сихайя... — шепнул он.

— Надо скорей отправляться в Пустыню, — негромко проговорила она.

Он стиснул ее руку, отпустил, вернулся к столу и встал перед ним.

Чани села на свое место.

Крепко сжав губы, Ирулан глядела в разложенные перед Стилгаром бумаги.

— Ирулан предлагает себя в качестве матери наследника престола, — сказал Пауль, посмотрев на Чани, потом на Ирулан, не поднимавшую глаз. — Всем известно, что она не испытывает ко мне любви.

Ирулан застыла.

— Политические аргументы мне ясны, — начал Пауль, — но меня заботит мнение людей. Хочу сказать, что если бы действия консорт-принцессы не определялись приказами сестер-гессериток, если бы в основе ее предложения крылось не властолюбие, моя реакция, возможно, была бы другой. Но тщательно взвесив последствия, я отклоняю ее предложение.

Ирулан глубоко, со всхлипом, вздохнула.

Усаживаясь на место, Пауль подумал, что в его присутствии выдержка никогда еще так не отказывала ей. Наклонившись к ней, он сказал:

— Ирулан, мне в самом деле искренне жаль.

Яростно блеснув глазами, Ирулан вздернула подбородок.

— Твоей жалости мне не требуется! — прошипела она и, повернувшись в сторону Стилгара, спросила:

— Ну, что там еще спешного и неотложного?

Не отводя глаз от Пауля, Стилгар сказал:

— Еще один вопрос, милорд. Гильдия вновь просит разрешения направить на Арракис свое посольство.

— Что, из *этих*? Кто-то из уродов Глубокого Космоса?.. — с фанатической ненавистью в голосе произнес Корба.

— Надо полагать, да, — подтвердил Стилгар.

— К вопросу этому следует отнестись с предельной осторожностью, милорд, — предупредил Корба. — Совет наибов не одобрит появления полноправного гильдиера на Арракисе. Они оскверняют землю, которую попирают...

— Они обитают в контейнерах и не прикасаются к почве, — ответил Пауль, давая раздражению проявиться в голосе.

— Тогда наибы могут сами взяться за урегулирование вопроса, милорд, — продолжал Корба.

Пауль бросил на него яростный взгляд.

— Они же прежде всего фримены, — настаивал тот. — Мы еще не забыли, что именно Гильдия возила сюда притеснителей. И как они выжимали с нас выкуп, Пряность, за молчание о наших секретах. Они обирали нас...

— Довольно, — отрезал Пауль, — или ты считаешь, что *я* забыл? — И словно смысл его собственных слов вдруг дошел до него, Корба сначала нечленораздельно забормотал, а потом проговорил:

— Простите, мой господин. Я вовсе не хотел сказать, что вы не фримен. Я не...

— Они пришлют сюда навигатора, — сказал Пауль. — А Гильд-навигатор шагу не сделает, если заподозрит опасность.

Пересохшим от внезапного страха ртом Ирулан выговорила:

— Так ты... *видел* прибытие навигатора?

— Конечно же, я *не видел* самого навигатора, — ответил Пауль, подражая ее интонации. — Но я видел, где он был и куда направился. Пусть они пришлют навигатора. У меня найдется дело и для него.

— Как прикажете, — отозвался Стилгар.

Пряча улыбку рукой, Ирулан думала: *Значит, верно. Наш-то... Император... не видит навигатора. Они не видят друг друга. Заговор останется в тайне.*

И вновь начинается драма.

(Слова Императора Пауля Муад'Диба при вступлении на Львиный Престол)

Через потайное окошко Алия следила за двигавшимся по огромному приемному залу посольством Гильдии.

Резкий полуденный свет серебрил верхние окна, зеленые, синие и молочно-белые плитки мозаичного пола, изображавшего ручей, заросший водяными растениями,

среди которых там и тут мелькали яркие очертания птиц и животных.

Гильдийцы ступали по плиткам, словно охотники, выслеживающие добычу в незнакомых им джунглях. Серые, черные, оранжевые одеяния в обманчивом беспорядке окружали прозрачный контейнер, в котором в клубах оранжевой дымки плавал навигатор-посол. Несомый гравиполями контейнер неслышно плыл вперед, направляемый двумя прислужниками в серой одежде, словно прямоугольный корабль, входящий в док.

Прямо под Алией на высоком подножье высился Львиный Престол. Голова Пауля была увенчана новой короной с символами рыбы и кулака. Шитые золотом царственные облачения укрывали его тело. Вокруг Императора трепетало свеченье щита. Телохранители двумя рядами стояли вдоль лестницы и прохода. Двумя ступенями ниже по правую руку от Пауля замер Стилгар в белом одеянии, перепоясанном желтой веревкой.

Она чувствовала, что Пауль испытывал сейчас такое же, как и она, возбуждение, хотя едва ли кто-нибудь, кроме нее, мог бы заметить это. Внимание Императора было приковано к облаченному в оранжевое одеяние прислужнику, чьи слепо поблескивавшие металлические глаза глядели прямо вперед. Он шагал возле переднего правого угла контейнера, словно охранник. Плоское лицо, кудрявые черные волосы... вся фигура его, каждый жест были такими знакомыми.

Дункан Айдахо!

Это не мог быть Дункан Айдахо, и тем не менее это было так.

Память, переданная матерью крохотному зародышу во время преобразования Пряности, давала Алие возможность с помощью рихани-декодировки распознать Айдахо в любом обличье, Пауль видел Айдахо — она это знала, — Дункана он помнил со всей бесконечной благодарностью детства и юности.

Это был Дункан.

Алия поежилась. Ответ был только один. Перед ними гхола тлейлаксу, существо, созданное из мертвой плоти оригинала, — человека, который отдал свою жизнь, спасая Пауля. Плоть, вышедшая из аксолотль-баков.

Гхола выступал настороженной походкой мастера-фехтовальщика. Он остановился, едва контейнер с послом застыл в десяти шагах от ступеней, ведущих к трону.

Способом Бене Гессерит — куда деваться — Алия ощутила волнение Пауля. Он более не смотрел на это создание, вдруг возникшее из прошлого. Но и не глядя, всем своим существом чувствовал его присутствие. Напряженно кивнув послу Гильдии, Пауль произнес:

— Нам говорили, что тебя зовут Эдрик. Мы приветствуем твое присутствие при дворе и надеемся, что сможем по-новому понять друг друга.

Развалившийся посреди клубов оранжевого дыма навигатор отправил в рот оранжевую капсулу с меланжей и тогда лишь поглядел на Пауля. Крошечный транслятор, круживший вокруг уголка его контейнера, сперва разразился покашливанием, а потом сухим бесстрастным голосом ответил:

— Простираюсь перед моим Императором и прошу разрешения представить верительные грамоты и вручить небольшой подарок.

Помощник передал свиток Стилгару, тот, хмурясь, проглядел его, а потом кивнул Паулю. Оба они повернулись к гхоле, терпеливо выжидавшему у подножия трона.

— Конечно же, мой Император уже увидел наш дар, — произнес Эдрик.

— С удовольствием принимаем верительные грамоты, — проговорил Пауль. — Объясни смысл подарка.

Эдрик колыхнулся в контейнере, обратившись лицом к гхоле.

— Вот человек по имени Хейт, — четко назвал он имя, — по нашим данным, его история весьма любопытна. Его убили здесь, на Арракисе... Серьезная рана в голову потребовала многих месяцев регенерации. Потом тело продали Бене Тлейлаксу, как тело мастера фехтования, адепта школы Гинац. Нам стало известно, что это Дункан Айдахо, приближенный вашего отца. И мы купили его, полагая, что такой дар действительно достоин Императора. — Эдрик посмотрел на Пауля. — Сир, разве это не Айдахо?

В коротком ответе Пауля слышалась сдержанность и осторожность.

— Похож.

Неужели Пауль увидел в нем что-то, скрытое от меня, гадала Алия. *Нет! Это Дункан!..*

Человек по имени Хейт стоял спокойно и невозмутимо, металлические глаза его глядели вперед, словно речь шла не о нем.

— Наши сведения абсолютно точны. Это Айдахо, — сказал Эдрик.

— Теперь его зовут Хейт, — проговорил Пауль, — любопытное имя.

— Сир, незачем нам гадать о смысле имен, которые дают тлейлаксу, — проговорил Эдрик. — Имя легко изменить, имя, данное ему тлейлаксу, не имеет значения.

Дело рук тлейлаксу, думал Пауль, *в этом вся проблема.* Бене Тлейлаксу почти не интересовались нравственной сутью явления. В их философии добро и зло имели странный смысл. Так что же заложили они в возрожденную плоть Айдахо — с умыслом или по прихоти?

Пауль взглянул на Стилгара, заметил на лице фримена суеверный трепет. Чувство это читалось и на бородатых физиономиях фрименов-стражей. Конечно же, размышляют о мерзких повадках гильдиеров и святотатцев-тлейлаксу, создателей кощунственных гхол.

Повернувшись к гхоле, Пауль произнес:

— Хейт, одно ли у тебя имя?

Смуглое лицо гхолы озарила ясная улыбка. Невыразительные металлические глаза его обратились к Паулю.

— Так меня называют, мой господин, — Хейт.

Алия вздрогнула возле потайного окошка. Голос этот принадлежал Айдахо, таким он был запечатлен в ее клетках.

— Если это угодно милорду, — добавил гхола, — могу сказать, что голос его доставляет мне удовольствие. Бене Тлейлаксу объяснили мне: подобное означает, что мне приходилось слышать голос милорда... прежде.

— Но сам ты не уверен в этом? — спросил Пауль.

— Я не знаю ничего о моем прошлом, сир. Мне объяснили, что я не могу помнить свою прошлую жизнь. След ее сохранился только в генетическом коде. Остались ниши, в которых могут уложиться давно знакомые вещи. Голоса, места, еда, лица, звуки, действия... меч в руке, рукоятки управления топтером.

Заметив, сколь внимательно прислушивается к разговору гильдиец, Пауль спросил Хейта:

— Понимаешь ли ты, что подарен мне?

— Мне уже объяснили.

Пауль откинулся назад, положив ладони на подручья трона.

В долгу ли я перед плотью Дункана? — размышлял он. *Человек этот умер, спасая мою жизнь. Но сейчас передо мной не Айдахо— гхола.* И все же это тело и этот разум и научили Пауля пилотировать топтер, как если бы крылья аппарата росли из его собственных плеч, а в бою он полагался на умение, которое со строгостью и тщанием было передано ему Айдахо. Гхола, плоть, в которой ложь мешается с истиной, но как... и не разобрать. Воспоминания будут влиять на отношение к нему. Дункан Айдахо. Это не мертвая маска, а подвижная, меняющаяся личность, скрывающая своими знакомыми чертами то, что тлейлаксу заложили в ее глубины.

— Какую службу можешь ты выполнить для нас? — спросил Пауль.

— Что прикажет милорд, если это будет мне по силам.

Алию, следившую за происходящим со своего наблюдательного поста, тронула застенчивость гхолы. Она не ощущала в нем никакой фальши. Новый Дункан Айдахо изнутри светился невинностью. Конечно, оригинал был забиякой, далеко не чуждым плотских удовольствий. Плоть очистилась... Что написали на этом чистом листе тлейлаксу?

Она почувствовала вдруг, что дар этот опасен. Работа тлейлаксу. А их творения всегда обнаруживали возмутительное отсутствие моральных ограничений. Действиями тлейлаксу могло руководить одно лишь любопытство. Они похвалялись, что, имея необработанный человеческий материал, могут создать из него что угодно — дьявола или святого. Они торговали ментатами-убийцами. И сумели сделать убийцей врача, одолев запреты школ Сукк. Среди товаров их числилась услужливая челядь, покладистые игрушки для любой разновидности секса, солдаты, генералы, философы... изредка попадались даже моралисты.

Пауль повернулся, взглянул на Эдрика:

— Какое обучение прошел этот дар? — спросил он.

— С разрешения милорда, — начал Эдрик, — тлейлаксу показалось любопытным сделать этого гхолу ментатом и философом-дзенсуннитом — этим они рассчитывали усовершенствовать его фехтовальное мастерство.

— Им это удалось?

— Не знаю, милорд.

Пауль взвешивал ответы гильдийца. Чувство правды подсказывало ему: Эдрик не лжет, он уверен, что перед ними Айдахо. Пауль знал — воды времени, которые мутил своим присутствием пророк-навигатор, предвещали опасность... но не открывали ее природы. *Хейт.* Это имя, данное тлейлаксу, сулило беду. Пауль почувствовал искушение отвергнуть подарок. Но как только осознал это, понял, что не сможет воспользоваться этим путем. Дом Атрейдес в долгу перед этой плотью... и враги знали об этом.

— Философ-дзенсуннит, — задумчиво молвил Пауль, глядя на гхолу. — Успел ли ты уже обдумать свою роль в жизни и мотивы поступков?

— Я со смирением подхожу к своей службе, сир. И разум мой чист, он отмыт ото всех императивов, важных для прежней моей жизни.

— Как ты хочешь, чтобы тебя называли: Хейт или Дункан Айдахо?

— Милорд может звать меня как угодно ему, ведь мое имя — это не мое «я».

— Но для твоего слуха приятно имя Дункана Айдахо?

— Должно быть, так меня и называли, сир. Имя кажется мне подходящим. Но... есть в нем кое-что любопытное. Впрочем, за любым именем, по-моему, кроется и приятное, и неприятное.

— А что доставляет тебе наибольшее удовольствие? — спросил Пауль.

Гхола неожиданно усмехнулся в ответ:

— Отыскивать в людях признаки моего прошлого бытия.

— И ты замечаешь их сейчас?

— О да, милорд. Вот Стилгар — его раздирают подозрительность и восхищение. В прошлом он был мне другом, но плоть гхолы отталкивает его. Вы же, милорд, восхищались человеком, которым я был... и доверяли ему.

— Очищенный разум... — сказал Пауль. — Как может очищенный разум связать себя долгом по отношению к нам?

— Долгом, милорд? Очищенный разум принимает решение, будучи окружен неизвестными величинами и без учета причин и следствий. Где же здесь долг?

Пауль нахмурился. Типично дзенсуннитское высказывание — загадочное и исчерпывающее, проистекающее из отрицания объективной функции рассудка. «Без учета причин и следствий!» Такие слова поражают. «Неизвестные величины?» — они содержатся в любом решении, даже в провидческом озарении.

— А ты не хотел бы, чтобы тебя называли Дунканом Айдахо? — спросил Пауль.

— Жизнь строится на различиях, милорд. Выберите для меня имя, какое будет угодно вам.

— Пусть останется полученное тобой от тлейлаксу, — ответил Пауль. — Хейт — это имя будет напоминать мне об осторожности.

Склонившись, Хейт отступил на шаг.

Как он смог понять, что аудиенция окончена? — удивилась Алия. *Я знаю это, потому что знаю моего брата. Очевидных для незнакомца признаков не было. Неужели это понял заключенный в гхоле Дункан?*

Пауль повернулся к послу.

— Для посольства выделены апартаменты. Мы желаем иметь частную беседу с тобой при первой же возможности. Я пришлю за тобой. Далее, хочу уведомить тебя, прежде чем ты услышишь эту весть из недостоверного источника и в искаженном виде, что Гайя-Елена Мохийам — Преподобная Мать Бене Гессерит — снята с доставившего тебя лайнера. Это было сделано по нашему повелению: ее присутствие на твоем корабле будет одним из предметов наших переговоров.

Мановением левой руки Пауль отпустил послов.

— Хейт, останься, — обратился он к гхоле.

Помощники посла попятились, толкая в обратную сторону контейнер. Эдрик стал оранжевым силуэтом в оранжевом газе — глаза, рот, плавно движущиеся конечности.

Пауль следил за гильдийцами, пока последний не вышел из зала... наконец тяжелые двери захлопнулись.

Ну вот и все, подумал Пауль. *Я принял дар — гхолу. Наживку, подготовленную тлейлаксу, — в этом сомнения быть не могло. Быть может, и старая карга — Преподобная Мать — играет такую же роль.* Наступило время Таро, о котором он знал еще по первым видениям. Проклятое Таро! Оно замутило воды времени так, что он, пророк, не видел грядущего даже на час вперед. Но не все рыбины попадаются, иной удается сорваться с крючка, подумал он. Таро и помогало, и мешало ему. Он не видел будущего, но его наверняка не могли видеть и остальные.

Гхола ждал, наклонив голову набок.

Стилгар повернулся, шагнул в сторону, закрывая собой от Императора гхолу, и проговорил на чакобса — на древнем охотничьем языке их дней в сиетчах:

— Сир, уже сама эта тварь в контейнере заставляет меня испытывать гадливость, но подарок!.. Отошлите его!

На том же языке Пауль отвечал:

— Не могу.

— Айдахо умер, — запротестовал Стилгар, — это не Айдахо. Разрешите, я возьму его воду для племени.

— Стил, гхола — моя проблема. Займись пленницей. Охранять ее должны люди, которых я учил противостоять Голосу.

— Не нравится мне это, сир.

— Я буду осторожен, Стил. Тебе тоже следует помнить об осторожности.

— Ну хорошо, сир, — ответил Стилгар, спускаясь вниз от подножия трона. Проходя мимо Хейта, он понюхал воздух.

Зло да будет обнаружено по вони его, подумал Пауль. Что же, пусть Стилгар успел водрузить черно-зеленое знамя Атрейдесов на доброй дюжине миров, но в душе своей по-прежнему остался суеверным фрименом, издалека видящим любое коварство.

Пауль вглядывался в дар.

— Дункан, Дункан, — прошептал он. — Что они с тобой сделали...

— Дали мне жизнь, милорд, — отвечал Хейт.

— Но зачем же они все это сделали: обучали тебя и подарили мне? — спросил он.

Хейт поджал губы, потом ответил:

— Они надеются погубить вас моими руками.

Жуткая откровенность. Но чего же еще следует ожидать от ментата и дзенсуннита в одном лице? Ментат, даже будучи гхолой, вынужден говорить только правду... этого требует и внутренний покой дзенсуннита. Живой и разумный компьютер, разум и нервы его предназначены для выполнения функций рассчетных устройств, преданных анафеме в давние времена. Но как дзенсуннит Хейт будет честен вдвойне... если только тлейлаксу не умудрились встроить в эту плоть ничего еще более странного.

Зачем ему, например, металлические глаза? Тлейлаксу все хвастают, что эти их устройства лучше естественных. Только, как ни странно, сами их не используют.

Пауль глянул вверх — на потайное окошко Алие, ему хотелось немедленно увидеть ее, посоветоваться, ведь чувств сестры не замутняли благодарность и долг.

Он вновь посмотрел на гхолу. Отнюдь не легкомысленный дар. Честен в самых опасных вопросах.

Им безразлично — знаю я или нет, что это оружие направлено против меня, думал Пауль.

— А как я могу защититься от тебя? — спросил Пауль. Разговор шел прямой, без императорского «мы»: так он разговаривал бы с тем, прежним Айдахо.

— Отошлите меня, милорд.

Пауль покачал головой.

— Как ты должен погубить меня?

Хейт взглянул на охрану, немедленно обступившую Пауля, едва вышел Стилгар, повернулся. Обвел зал взглядом, вновь обратив к Паулю металлические глаза, кивнул.

— В этом зале человек удаляется от людей, — проговорил Хейт. — Все здесь исполнено мощи, которую можно переносить лишь памятуя, что всему когда-то приходит конец. Не пророческий ли дар привел вас в этот зал, милорд?

Пауль побарабанил пальцами по подлокотникам трона. Ментат требовал исходных данных, но вопрос встревожил Пауля.

— Я оказался здесь... по собственной воле, — но не всегда благодаря прочим моим... способностям.

— Собственная воля, — произнес Хейт, — закаляет мужа. Но если нагреть металл и оставить его медленно остывать, он вновь станет мягким.

— Пускаешь пыль мне в глаза, дзенсуннит? — спросил Пауль.

— Сир, дзенсуннитам некогда заниматься надувательством и обманом.

Пауль провел языком по губам, глубоко вздохнул, приводя мышление в спокойствие, как подобает ментату. Ответы были сплошь отрицательными. Зачем ему, презрев осторожность, принимать странный подарок — гхолу? Нет, не так. Почему тлейлаксу сделали именно ментата-*дзенсуннита*? Философия... слова... размышления... внутренний поиск... Данных не хватало.

— Необходима информация, — пробормотал он.

— Факты, в которых ощущает потребность ментат, не липнут к нему сами, словно цветочная пыльца к одежде праздного гуляки на лугу, — отвечал Хейт. — Свою пыльцу следует собирать с тщанием, рассматривать через сильную лупу.

— Ты должен научить меня дзенсуннитской риторике, — заметил Пауль.

Металлические глаза коротко блеснули.

— Быть может, милорд, именно это и запланировали тлейлаксу.

Чтобы ослабить мою волю идеями и словами? — думал Пауль.

— Идей следует опасаться, лишь когда они становятся действиями, — произнес он вслух.

— Отошлите меня, сир, — сказал Хейт голосом прежнего Дункана Айдахо, полным заботы о «молодом хозяине».

Голос и покорил Пауля. Знакомый голос... он не мог с ним расстаться, хотя бы он и исходил из уст гхолы.

— Ты останешься, — приказал он. — Будем осторожны — и ты, и я.

Хейт почтительно склонился.

Пауль поглядел вверх, на скрытое там окошко, взглядом умоляя Алию заняться подарком и выудить его секреты. Гхолами-призраками пугают детей. Он не думал, что когда-нибудь и ему придется встретиться с подобным существом. Чтобы понять этого гхолу, надо встать выше всего, выше сострадания... Пауль не знал, окажется ли способным на это. *Дункан*... Дункан. Есть ли хоть кроха *того* Айдахо в этой искусно сработанной плоти? Да и не плоть

это вовсе — это только телесный саван. Мертвый Айдахо навсегда остался лежать на полу пещеры, а здесь смотрел металлическими глазами только его призрак. В этой возрожденной плоти уживались два существа, и одно из них таило в себе угрозу, скрывая свою силу за незабвенной внешностью.

Закрыв глаза, Пауль позволил себе припомнить давнишние видения. Любовь переплеталась с ненавистью, из волн, поднимаемых ими в разбушевавшемся хаосе чувств, нечему было встать скалой, чтобы дать ему оглядеться посреди сумятицы бури.

Почему в своих прежних откровениях, я не видел обновленного Дункана Айдахо? — спросил он себя. *Кто или что может спрятать грядущее от пророка?.. Вероятно, только другой провидец.*

Открыв глаза, Пауль произнес:

— Хейт, а пророческими способностями ты обладаешь?

— Нет, милорд.

В голосе его слышалась искренность. Впрочем, гхола может не знать, что на самом деле владеет этой способностью, хотя незнание ограничивало бы его возможности ментата. Что же замыслили эти тлейлаксу?

Прежние видения вздымались вокруг Пауля. Придется ли ему все же выбрать ужасный путь? Искаженное время содержало намеки на роль гхолы в этом страшном будущем. Неужели ему не остается выхода, что бы он ни делал?

Освободись... освободись... освободись... — звучало в душе Пауля.

Вверху, над головой Пауля, Алия, подперев подбородок рукой, глядела из окна на гхолу. Магнетизм, исходивший от этого существа, успел захватить ее. Реставраторы тела, тлейлаксу, вернули ему юность, даже невинность, столь притягательную для нее. Она словно слышала безмолвную мольбу брата. Если беспомощен оракул, приходится обращаться к обычным шпионам и прочим повседневным орудиям власти. Но ее озадачило невесть откуда взявшееся нетерпение, с которым она собиралась приступить к делу. Ей хотелось быть рядом с этим мужчиной... прикоснуться к нему.

Он опасен... для нас обоих, подумала Алия.

Излишне тщательный анализ искажает истину.
(Древнее фрименское изречение)

— Преподобная Мать, я просто содрогаюсь, видя вас в подобной ситуации, — произнесла Ирулан.

Она остановилась прямо у двери в камеру, оглядывая помещение привычным способом Бене Гессерит. Трехметровый куб вырезан был внутри пронизанных прожилками бурых скал, на которых стояла крепость Пауля. Из мебели в ней находилось одно лишь плетеное кресло, занятое теперь Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам, да матрац под коричневым покрывалом, на котором была разложена новая колода карт Таро Дюны. Умывальник с водным счетчиком висел над фильтрующей раковиной, у стены стоял фрименский туалет с водными уплотнениями и влагоперерабатывающими устройствами. Четыре плавающие лампы за решетками по углам помещения бросали в комнату желтый свет. Далеко не роскошные палаты...

— Ты известила о случившемся леди Джессику? — спросила Преподобная Мать.

— Конечно... только она и пальцем не шевельнет против воли своего первенца, — ответила Ирулан. Она поглядела на карты. Власти отворачивали свой лик от просителей. Карта «Великий Червь» лежала под «Песками удаленными». Требуется терпение. Стоило прибегать к Таро, чтобы понять это!..

Снаружи через окошко из метастекла за ними следил охранник. Ирулан понимала: за их встречей следят и по-другому. А потому тщательно продумала весь разговор, прежде чем осмелилась спуститься к Преподобной. Она могла бы и не соваться сюда, но в этом крылась своя опасность...

Перекладывая карты, Преподобная Мать погрузилась в праджна-медитацию. И хотя она была почти уверена, что Арракис живой ей не оставить, занятие это возвращало известное спокойствие. Мутная вода останется мутной для любого — и для пророка тоже. И, конечно, всегда оставалась Литания против страха.

Ей надо было еще тщательно взвесить все свои действия, в результате которых она оказалась в этой камере. Мрач-

ные подозрения бродили в ее голове, и карты Таро намекали... Неужели Гильдия рассчитывала на ее заточение?

В салоне лайнера ее поджидал квизара тафвид в желтых одеждах. Округлое невозмутимое лицо его с глазами-бусинами выдубили бури и солнце Арракиса. Оторвав свой взгляд от чашки со сдобренным Пряностью кофе, поданной услужливым стюардом, он взглянул на Преподобную, поставил чашку, а потом спросил:

— Ты — Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам?

Воспоминание об этих словах оживило события в ее памяти. Горло ее сразу стиснул непреодолимый страх. Как мог кто-нибудь из прислужников Императора узнать о том, что она здесь, на лайнере?

— Нам стало известно, что ты на борту, — произнес квизара тафвид. — Разве ты забыла, что лишена права ступать на священную планету?

— Но я не собиралась сходить на Арракисе, — возразила она, — я нахожусь в свободном пространстве, путешествую на лайнере Гильдии.

— Такой вещи, как «свободное пространство», мадам, не существует.

В его голосе она слышала ненависть и подозрение.

— Муад'Диб правит повсюду, — наставительно проговорил он.

— Но я же направляюсь не на Арракис, — повторила она.

— Все направляются на Арракис, — возразил он. На мгновение ей даже показалось, что он вот-вот процитирует какую-нибудь банальность из мистических наставлений для пилигримов — тысячи их прибыли с этим кораблем.

Но квизара тафвид извлек из-под одеяний золотой амулет, поцеловал его, потом приложил ко лбу, потом к уху, прислушался. Затем убрал амулет на прежнее место.

— Тебе приказано собираться и отправляться со мной на Арракис.

— Но у меня дела...

Тогда она и заподозрила в предательстве Гильдию... но Император и сестра его тоже могли проявить свои трансцендентные силы. В конце концов Гильд-навигатор мог и сплоховать — что, если ему все же не удалось скрыть заговорщиков от пророческого взора Императора?

Отвратительная Алия безусловно наделена могуществом Преподобной Матери Ордена. И что происходит, когда к этому могуществу добавляются такие же силы, какими наделен ее брат?..

— Немедленно! — отрезал квизара.

Все существо ее протестовало, она так не хотела снова оказаться на проклятой иссушенной солнцем планете, на которой эта бунтовщица Джессика предала Орден. На планете, укравшей у них Пауля Атрейдеса, Квисатц Хадераха, результат кропотливых тысячелетних трудов.

— Немедленно, — согласилась она.

— Торопись, — произнес квизара. — Когда Император приказывает, подданные повинуются.

Значит, приказ исходил от самого Пауля!

Она было подумала, не обратиться ли с протестом к Командир-навигатору, но явная тщетность этого остановила ее. Что тут может сделать Гильдия?

— Император обещал казнить меня, если я вновь ступлю на Дюну, — в последней надежде проговорила она. — Ты это знаешь. А значит, подписываешь мне смертный приговор, забирая меня отсюда.

— Разговоры бесполезны, — отвечал квизара, — так предначертано.

Вот каким словом называется теперь воля Императора. *Предначертано*! Так изрек Священный Правитель, прозревающий будущее. Пусть свершится *предначертанное*. Ведь он это видел уже, разве не так?

Напоминая себе самой паучиху, запутавшуюся в собственной паутине, она повиновалась.

Паутина превратилась в камеру... куда только что вошла Ирулан. Она чуточку постарела со времени их последней встречи на Валлахе IX. Новые морщинки залегли возле глаз, новые горести, ну что же... пора проверить, сохранила ли эта сестра верность своим обетам.

— Мне случалось жить и в худших помещениях, — отвечала Преподобная Мать. — Тебя прислал Император? — и пальцы ее шевельнулись как бы в волнении.

Ирулан заметила жест и пальцами же ответила, вслух говоря:

— Нет, я явилась сразу же, как только узнала о вашем появлении здесь.

— А Император не разгневается? — спросила Преподобная Мать. Пальцы ее настаивали, требовали, повелевали.

— Пусть. Вы были моей наставницей в Ордене, как и наставницей его матери. Или он надеется, что и я отвернулась от вас, как это сделала она? — пальцы Ирулан уговаривали, извинялись.

Преподобная вздохнула. Внешне вздох узницы относился к собственной участи, на деле же это была скорбь о судьбе Ирулан. Все тщетно. С помощью этого орудия — Ирулан — больше нельзя надеяться сохранить драгоценные гены Императора Атрейдеса. Красота красотой, но красавица-принцесса имеет важный порок. Под покровом сексуальной привлекательности кроется плакса-проныра, для которой слова важнее дел.

Но Ирулан — одна из Сестер, а Орден умеет извлекать пользу и из самых слабых своих представительниц.

Под прикрытием разговора о более съедобной пище и более удобном ложе, Преподобная Мать прибегла к своему арсеналу средств убеждения и отдала распоряжение: подумать о родственном браке и о том, как свести брата с сестрой. (Этот приказ едва не доконал Ирулан.)

«Но ведь и у меня должен быть шанс!» — настаивали ее пальцы.

«Шанс у тебя был», — возразила Преподобная. В остальном инструкции ее касались подробностей: не сердится ли иногда Император на свою наложницу? Уникальные способности обрекают его на одиночество. Так с кем он может общаться, рассчитывая, что его поймут? Только с сестрой. И она в свой черед одинока в той же мере, как и он сам. Насколько глубоки основы их общности? Придется подстроить возможность их сближения, интимных встреч. Нужно организовать устранение наложницы! Горе разрушает любые моральные барьеры!

Ирулан возражала: «*В случае смерти Чани подозрения сразу же попадут на консорт-принцессу. Появилась новая проблема: Чани полностью перешла на древнюю диету фрименов, способствующую беременности, и добавлять контрацептивы в ее пищу теперь невозможно. А отсутствие этих уже привычных средств сделает организм Чани еще более восприимчивым к оплодотворению*».

Преподобная Мать вспыхнула гневом и с трудом сдерживала его, быстро перебирая пальцами. Почему Ирулан не начала прямо с этого? Откуда подсознательная тупость? Ведь если Чани понесет и родит сына, Император провозгласит его своим наследником!

Ирулан возражала: она, конечно, понимает опасность, но все-таки в этом случае сохраняются драгоценные гены.

Проклятая дура! — бушевала Преподобная Мать. Разве можно даже представить, какую путаницу и какой хаос может внести Чани, влив в жилы наследника Пауля дикую фрименскую кровь! Ордену нужна чистокровная линия! К тому же наследник укрепит амбиции Пауля, побудит его к новым действиям для консолидации империи. Лишнее препятствие для заговорщиков.

Оправдываясь, Ирулан поинтересовалась, каким, собственно, путем может она помешать Чани питаться, как принято в подобных случаях среди фрименов.

Но Преподобная была не в духе. Ирулан получит новые точные указания. Если же Чани все-таки забеременеет, в еду ее и питье можно добавить средства, приводящие к выкидышу. Ну или же... убить ее в конце концов! Дети ее любой ценой не должны оказаться на троне.

Но если эти снадобья обнаружатся, последствия могут быть столь же серьезными, как и в случае прямого покушения на жизнь наложницы, — возразила Ирулан. И сама только мысль об убийстве в данном случае вызывает в ней трепет.

«Значит, Ирулан боится?» — осведомилась Преподобная Мать. Движения ее пальцев выражали презрение.

Ирулан раздраженно ответила, что знает себе цену, — где еще Орден сыщет такого агента в Императорском доме? Или подобная ценность ни к чему заговорщикам? Значит, они в состоянии позволить себе пожертвовать ею? А кто будет потом шпионить за Императором? Или в Семье успели завербовать нового агента? Конечно, в этом случае ею можно воспользоваться в последний раз, а потом выбросить за ненадобностью.

На войне, возразила Преподобная Мать, *у всякой ценности своя цена. Дом Атрейдес не должен закрепиться на троне, худшего быть не может. Сестры не могут пойти на такой риск. Уж лучше вообще потерять гены Атрейдесов.*

Если дети Пауля унаследуют трон, планы Сестер придется отложить на столетия.

Ирулан согласилась с этим, но все равно не могла отделаться от ощущения, что ее, консорт-принцессу, решили попросту истратить... пусть и на что-то очень важное. И все ли, что нужно, ей известно о гхоле?

В свой черед Преподобная Мать пожелала узнать, не решила ли Ирулан, что в Орден поступают одни только дуры. Когда же это принцессе забывали сообщить хоть каплю того, что ей *положено* знать?

Это был, собственно, не ответ, а попытка уклониться от ответа, как мгновенно поняла Ирулан. Значит, ей скажут лишь то, что необходимо.

«Откуда тогда уверенность в том, что гхола действительно может победить Императора?» — поинтересовалась Ирулан.

«С тем же успехом можно спрашивать, смертельно ли употребление Пряности», — огрызнулась Преподобная Мать.

В ее укоризне содержался тонкий намек. Наставница-Преподобная давала Ирулан понять, что о сходстве между гхолой и Пряностью ей давно уже следовало бы догадаться. Меланжа бесценна, но ее цена — привыкание. Люди, принимавшие ее, жили дольше — на годы, случалось, на целые десятилетия, — но наркотик этот попросту отправлял к смерти кружным путем.

Гхола — тоже имеет смертельную ценность.

Возвращаясь к Чани, Преподобная Мать жестами объяснила: *Нет более очевидного способа предотвратить появление нежелательного ребенка, чем убить его потенциальную мать, пока она даже не зачала его.*

Конечно, думала Ирулан, *если идешь на расходы, следует извлечь максимум удовольствия из затраченной суммы.*

Темные глаза Преподобной отливали голубизной — сказывалось употребление меланжи, — они внимательно глядели на Ирулан, измеряя, выжидая, отмечая мельчайшие детали.

Она видит меня насквозь, с горечью подумала Ирулан. *Она обучала меня и внимательно следила за мною. И прекрасно знает, на какого рода решения толкает меня, и видит, что и я понимаю это. Она только наблюдает, какой ценой*

дастся мне решение. Хорошо же, отвечу как принцесса и гессеритка.

Выдавив улыбку, Ирулан выпрямилась и обратилась к начальным строкам Литании против страха: *«Я не боюсь, я не должна бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его...»*

Когда спокойствие возвратилось, она подумала: *Ну и пусть... пусть себе жертвуют мною. Я покажу им, чего стоят принцессы. Хотя бы тем, что Сестры получат за меня больше, чем ждут.*

И обменявшись с Преподобной несколькими словесными банальностями, Ирулан удалилась.

Когда она вышла, Преподобная Мать вернулась к прерванным раздумьям над Таро, разложив карты «огненным вихрем». Из Большого Аркана сразу же вышел Квисатц Хадерах, карта эта соединялась с Восьмеркой Кораблей — сивиллой, одураченной и преданной. Недоброе предзнаменование, у врагов оставались скрытые возможности.

Отвернувшись от карт, она с тревогой подумала: *Неужели Ирулан все-таки погубит их?*

В глазах фрименов она неразрывно связана с Землей, полубогиня-хранительница, защищающая племена всей своей губительной мощью. Для них она— Преподобная Преподобных. Как полагают паломники, она возвращает мужчинам утраченную мужскую силу, исцеляет бесплодие... а еще она для них ментат навыворот. В ней воплощена достигающая предела тоска человека по тайне. Она— живое свидетельство того, что у логики есть свои ограничения, границы, вне которых она бессильна. Она — воплощение абсолютной напряженности. Дева и девка одновременно — она остроумна, вульгарна, жестока... прихоти ее губительны, словно кориолисова буря.

(Из отчета принцессы Ирулан о Святой Алие, Деве Ножа)

Черная фигура Алие застыла, как часовой, на южной платформе посвященного ей храма, Святилища Оракула, — фримены Пауля воздвигли храм рядом с крепостью.

Эту часть своей жизни она ненавидела, но не знала, как уклониться, не погубив сразу всех. Число паломни-

ков — проклятье на их безумные головы! — день ото дня умножалось. Двор храма уже был заполнен ими. Повсюду сновали торговцы, ворожеи, гаруспики*, гадатели жалким подражанием Паулю Муад'Дибу и его сестре зарабатывали свои гроши.

Разносчики вовсю торговали колодами Таро Дюны в красных и зеленых упаковках. Алия не переставала удивляться — кто только выбросил эти штуки на рынок Арракина? Почему интерес к Таро вспыхнул именно теперь? Чтобы замутить будущее? Пряность наделяла каждого, кто принимал ее, некоторой способностью к предвидению. Ну а фримены всегда особенно отличались этим. Случайно ли, что сейчас они повсюду бормочут о приметах и знамениях? Она решила при первой же возможности заняться этим вопросом.

С юго-востока задувал ветер, легкий бриз, укрощенный громадным каменным валом. Кромка скал Барьерной Стены оранжево светилась сквозь легкую пыльную пелену, отражая лучи опускавшегося к горизонту солнца. Горячий ветер тронул ее щеки, напомнив о родных песках, об открытых и безопасных просторах.

Остатки сегодняшней толпы уже спускались с широких ступеней нижнего портика, выложенных зеленым камнем, люди шли по одному и группами, кое-кто задерживался поглядеть на сувениры и амулеты на лотках уличных торговцев, заводил разговор с заклинателями. Паломники, просители, городской люд, фримены, торговцы... неровной цепочкой возвращались они к центру города по обсаженной пальмами аллее.

Взгляд Алие отыскал фрименов, отметил суеверное преклонение на их лицах, дикарскую привычку держаться в стороне ото всех. В них была сила ее, и всегдашний источник угрозы. Они по-прежнему ловили гигантских червей для путешествий, удалого развлечения и жертвоприношений. Пилигримов с иных миров они презирали, городской люд — жителей низин и грабенов — еле-еле терпели, а циничных, с их точки зрения, уличных торговцев яро ненавидели... Вольного или, как говорили в городах, «дикого» фримена не стоило задирать нигде, даже в свя-

* предсказатели будущего по внутренностям животных (первоначально у этрусков, затем у римлян).

тилище Алие. В святых местах, конечно, никакой резни не случалось, просто потом где-нибудь находили тела...

Над толпой клубилась пыль. Кремнистый запах щекотал ноздри Алие, внушая ей ностальгию по просторам Пустыни. Воспоминания только обострились после появления гхолы. Сколько удовольствий приносили эти бесхитростные дни, когда брат ее еще не взошел на трон... находилось время на шутки, на всякие мелочи, можно было позволить себе просто насладиться прохладным утром или закатом... Сколько же тогда его было — времени... времени... времени... Даже опасности были тогда добрыми — смерть приходила известным путем. И не было необходимости вечно напрягать свои силы — заглядывать в будущее, за туманную пелену, в разрывах которой лишь изредка теперь проглядывало грядущее.

...Вольные фримены правильно говорили: есть четыре вещи, которые не спрячешь — любовь, дым, столб пламени и мужчина, шагающий по бледу — каменистой Пустыне.

С внезапным отвращением Алия отступила с террасы в сумеречные помещения храма, прошла вдоль балкона, тянувшегося вдоль роскошного Зала Пророчеств. Под ногами ее скрипел песок. Вечно эти просители наносят его в Святые Палаты. Не обращая внимания на прислугу, охрану, вездесущих сикофантов — жрецов Квизарата, она направилась по спиральному коридору наверх, в собственные апартаменты. Оказавшись среди диванов и толстых ковров работы Пустынных мастериц, она отпустила фрименских амазонок, отобранных Стилгаром для ее охраны. Или скорее надзора! Бормоча возражения, они удалились: ее они все-таки боялись больше, чем Стилгара. Алия сбросила с себя всю одежду — оставив только крис на шнурке, — отправилась принимать ванну.

Теперь Алия ощущала — он близок, этот таинственный мужчина из будущего; она всегда знала, что он ждет ее, но увидеть не могла. А потому злилась, что при всем своем пророческом даре не могла представить себе во плоти этот призрак. Лишь изредка он отбрасывал тень на иные жизни, известные ей. Случалось, что по ночам, когда невинность томило желание, Алия угадывала неясный силуэт, он все время прятался за размытым горизонтом, и ей

все казалось, что, если хорошенько захотеть, она увидит его. Так и таился он, незримый, не давая ей покоя... свирепый, опасный и аморальный.

В ванной комнате ее окутал влажный теплый воздух. Привычку эту она обнаружила среди воспоминаний бесчисленных Преподобных Матерей, жемчужным ожерельем нанизанных на нить ее сознания. Вода, теплая вода ласкала ее кожу. Вокруг утопленной в пол ванны на зеленых плитках играли красные рыбки... как в море. Здесь было столько воды, что в недавнем прошлом фримены пришли бы в ярость, узнав, что подобное изобилие расходуется — на омовение человеческой плоти!

Он близок.

Смесь сладострастия со стыдливостью, думала она. Плоть ее алчет мужчину. Для Преподобной Матери, распоряжавшейся тау-оргиями сиетчей, в сексе не было тайн. Общее сознание тау, всей его сущности в нужный момент могли предоставить ей любую подробность.

Ощущение близости исходило от плоти, ищущей другую плоть.

Жажда действия победила расслабленность, приносимую теплой водой.

Резко поднявшись из ванны, нагая Алия, оставляя за собой влажные следы, перебежала в тренировочный зал, примыкавший к ее спальне. Длинный зал был заставлен разными хитрыми приспособлениями, с помощью которых адепты Бене Гессерит настраивались на предельную физическую и умственную готовность. Там были мнемонические усилители, иксианские «числовые мельницы», используемые Сестрами для развития чувствительности пальцев рук и ног, синтезаторы запахов и температурных полей, усилители тактильного восприятия, системорегистраторы — их применяли, чтобы избежать образования ненужных привычек, тренажеры коррекции альфа-ритма, блинк-синхронизаторы, чтобы совершенствовать восприятие света, тьмы и цветов спектра.

Собственной рукой ее вдоль одной из стен десятисантиметровыми буквами мнемонической краской была начертана цитата из «Кредо» Бене Гессерит:

«До нас процесс обучения засорялся инстинктами. Мы же научились тому, как следует учиться. Предшественники наши

страдали узостью взгляда, огражденного рамками одной только жизни. Им и в голову не приходило начинать исследования в расчете на пятьдесят или более поколений. О возможности осуществления тотальной тренировки мышц и нервов никто не помышлял».

Вступив в тренировочный зал, Алия мельком заметила собственное многоликое отражение в хрустальных призмах. Тренировочный манеж. Длинный меч дожидался ее на подставке напротив спарринг-манекена. Алия подумала: придется сегодня попотеть, потрудиться до изнеможения... чтобы утомилась плоть и очистился ум.

Меч привычно лег в ее руку. Левой рукой она выхватила крис из висевших на груди ножен, и, держа его наизготовку, кончиком меча нажала на кнопку включения. Немедленно ожившее поле щита спарринг-манекена медленно и твердо отодвинуло ее руку.

Засверкали призмы, спарринг-манекен скользнул влево.

Меч Алие следовал за ним; девушке часто казалось, что манекен живет собственной жизнью. Но это были всего лишь сервомоторы и сложные контуры, умело отвлекающие глаза от опасности, чтобы обмануть и тем самым научить. Сложная машина копировала ее собственные реакции, как анти-я; двигалась, отвечая ее движениям, мерцала светом на призмах, нападала и защищалась.

Из призм навстречу ей разом ударили отражения мечей, но только один был настоящим; она отразила удар и, преодолевая сопротивление щита, кончиком меча коснулась спарринг-манекена. Ожил огонек маркера, замерцали огни в призмах... лишь еще более отвлекая внимание.

Машина уже атаковала с новой скоростью — чуть побыстрее, чем прежде.

Она отразила удар, и дерзко шагнув в опасную зону, поразила устройство ножом.

В глубине призм засветилось уже два огонька.

Автомат задвигался быстрее, выдвинулся вперед, словно притянутый движениями ее тела и кончика меча.

Атака — удар — контрудар.

Атака — удар — контрудар.

Загорелось уже четыре маркера, машина становилась опаснее, с каждым огоньком труднее было понять, где находится истинный клинок.

Пять огней.

На обнаженном теле ее сверкали бисеринки пота. Она существовала теперь во Вселенной, границами были ее собственный меч, меч мишени, ее босые ноги, переступающие по полу фехтовального зала... Нервы и мышцы — движения против движения.

Атака — удар — контрудар.

Шесть огней... семь.

Восемь!

Она никогда еще не отваживалась на спарринг на этом уровне.

Внутри ее тела забившийся в угол разум скулил и молил прекратить безрассудство. Машина вместе со всеми ее призмами и мишенью не ведает осторожности... она не думает, она не испытывает угрызений совести. И клинок в ней самый настоящий... иначе в тренировке нет смысла. Его острие способно и ранить, и убивать. Лучшие фехтовальщики Империи прекращали схватку при семи огоньках.

Девять!

Высший восторг охватил Алию. Атакующий нож и спарринг-манекен мелькали перед глазами, сливаясь в мерцающий морок. Собственный меч словно ожил в руке. Она превратилась в анти-машину. Не она орудовала клинком — меч властвовал над всем ее телом.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то мелькнуло возле плеча, и, замедленное щитом, ударило в выключатель. Огни померкли. Призмы и спарринг-манекен замерли.

Разгневанная вторжением Алия резко обернулась, успев на ходу лишь осознать невероятное мастерство, с которым был сделан бросок. Он был выверен до непостижимой точности, к щиту нож подошел с нужной скоростью: чуть быстрее — и щит отразил бы его, чуть медленнее — и нож бы не попал в цель.

Но он ударил прямо в миллиметровый выступ мишени — а ведь манекен сиял уже одиннадцатью огнями!

Алия поняла, что начинает успокаиваться, словно в ней, как на спарринг-манекене, начинают гаснуть огни. Кто бросил этот нож, было понятно.

Пауль стоял в дверном проеме, в трех шагах позади него — Стилгар.

Осознав собственную наготу, Алия подумала, что следовало бы прикрыться, потом сочла подобную мысль смешной. Что глаза уже видели, то из памяти просто так не сотрешь. И она медленно опустила нож в ножны на шее.

— Так я и знала, — произнесла она.

— Надеюсь, что ты представляешь, насколько это опасно, — бросил Пауль. Он оглядел ее, стараясь уловить все реакции лица и тела. Разрумянившуюся кожу, влажные пухлые губы. Она встревожила его женственностью, прежде Пауль не замечал ничего подобного в своей сестре. Он даже подумал, как странно вдруг обнаружить в ком-то столь близком незнакомое свойство, так не укладывающееся в привычную схему взаимоотношений, казавшуюся уже неизменной.

— Это же просто безумие, — еле выдохнул Стилгар, становясь рядом с Паулем.

За гневными словами слышалось благоговение, Алия видела трепет в его глазах.

— Одиннадцать огней, — Пауль покачал головой.

— Я дошла бы и до двенадцати, если бы ты не вмешался, — ответила она, уже начиная бледнеть под его пристальным взглядом. — Зачем же в этой проклятой штуке столько огней, если их нельзя использовать?

— И это сестра Бене Гессерит спрашивает меня о причинах, по которым система остается не ограниченной в усложнении своих действий? — проговорил Пауль.

— Но ты-то, я уверена, и за семь не заходил, — ответила она, вновь начиная сердиться. Этот изучающий взгляд уже начинал досаждать ей.

— Однажды, — отвечал Пауль, — Гурни Халлек застукал меня на десяти. Последовало наказание, достаточно унизительное, и я даже теперь не скажу, что он сделал. Кстати, об унижениях...

— Надеюсь, в следующий раз вы будете предупреждать о своем приходе, — перебила его Алия, скользнув мимо Пауля в спальню. Там она накинула просторное серое одеяние и принялась расчесывать волосы перед зеркалом на стене. Кожа ее была потной, она ощутила вдруг грусть,

словно после соития... Ей захотелось опять принять ванну и лечь спать.

— Зачем вы явились? — спросила она.

— Милорд, — проговорил Стилгар совершенно ным тоном, и Алия внимательно взглянула на него.

— Мы пришли по предложению Ирулан, каким бы странным оно ни показалось тебе. Она считает, а у Стила есть подтверждение, что наши враги собираются...

— Милорд! — еще более резко бросил Стилгар.

Алия продолжала смотреть на старого наиба, а брат ее вопросительно повернул голову. Что-то в старом фримене заставило ее подумать о том, насколько он первобытен. Стилгар верил в близость мира сверхъестественного. И мир этот говорил со старым язычником простым языком, не позволяя тому усомниться. Мир естественный и свирепый, он не поддавался контролю, в нем напрочь отсутствовали общепринятые в империи моральные принципы.

— Да, Стил, — ответил он. — Ты сам хочешь сказать ей о цели нашего прихода?

— Сейчас не время говорить об этом, — отвечал Стилгар.

— Отчего же, Стил?

Тот не отводил глаз от Алие.

— Сир, или вы ослепли?

С чувством неловкости Пауль обернулся к сестре. Из всех его помощников лишь один Стилгар осмеливался разговаривать таким тоном, но и старый фримен, дерзая на это, применялся к обстоятельствам.

— Ей же необходим мужчина! — выпалил Стилгар. — И у нас будут неприятности, если не выдать ее замуж, и побыстрее.

Алия отвернулась, пряча внезапно раскрасневшееся лицо. *Как он умудрился достать меня,* удивилась она. Даже самоконтроль Бене Гессерит не в силах был предотвратить такую реакцию. Как это удалось Стилгару, ведь он не знаком с тайнами Голоса? Она была недовольна собой и потому сердилась.

— Послушайте Стилгара Великого! — отвечала она, отвернувшись от обоих мужчин, слыша строптивость в своем голосе, но не в силах воспротивиться ей. — «Наставления старого фримена девицам!»

С глубочайшим достоинством в голосе Стилгар произнес:

— Я люблю вас обоих, поэтому и говорю. Если бы я был слеп настолько, чтобы не замечать, что связывает мужчин и женщин, то не смог бы и стать вождем среди фременов. Для этого не требуется никаких сверхъестественных способностей.

Взвесив слова Стилгара, Пауль вновь обратился к оценкам... в том числе и собственной чисто мужской реакции на наготу сестры. Да — в Алие была заметна чувственность, что-то яростно распутное. Что заставило ее заняться тренировками обнаженной? И еще так отчаянно и бездумно рисковать жизнью. Одиннадцать огней в призмах фехтовального автомата! Безмозглое устройство в этот миг показалось ему древним чудовищем. Все властители использовали такие машины, но в этом оставался намек на древнюю безнравственность. Да, когда-то подобные устройства управлялись компьютерами и обладали искусственным интеллектом. Джихад Слуг покончил с этим, но не смог уничтожить ауру «аристократического порока», исходящую от подобных устройств.

Конечно же, Стилгар прав. Алие пора подыскать мужчину.

— Я этим займусь лично, — произнес Пауль. — Мы с Алией обсудим этот вопрос позже, с глазу на глаз.

Алия обернулась, внимательно посмотрела на Пауля. Зная механику его рассудка, она отдавала себе отчет в том, что решение это принято ментатом — уложившим в должном порядке все несчетные кусочки информации. Осознание это было бесповоротным — столь же неизбежным, как движение. Выводы ментатов отражали в себе часть высшего порядка Вселенной — грозного и неотвратимого.

— Сир, — начал Стилгар, — быть может...

— Потом! — отрезал Пауль. — Это не единственная наша проблема.

Прекрасно понимая, что она не может соперничать с братом в том, что касается логики, Алия способом Бене Гессерит заставила себя отвлечься от событий нескольких последних минут.

— Значит, тебя прислала Ирулан? — произнесла она, ощущая опасность, таящуюся в самой этой мысли.

— Косвенно, — ответил Пауль. — По ее сведениям, Гильдия намеревается похитить песчаного червя.

— Они хотят выкрасть небольшого червя, чтобы попытаться перенести меланжевый цикл на какую-нибудь дальнюю планету, — произнес Стилгар. — Значит, обнаружили подходящий для этого мир.

— Это значит еще, что им помогают фримены, — добавила Алия. — Как может чужак поймать червя?

— Ах-хх, это-то ясно без слов, — отвечал Стилгар.

— Ничего подобного, — отвечала Алия, рассерженная подобной тупостью. — Пауль, ты, конечно...

— Гниль распространяется, — перебил ее Пауль. — Мы давно знаем об этом. Но выбранной ими планеты я не *видел*. И это тревожит меня. Если они...

— Только это тебя тревожит? — бросила Алия. — Просто навигаторы Гильдии прячут ее от тебя, как и Тупайльские убежища.

Стилгар открыл и снова закрыл рот. Он был потрясен и поглощен ощущением, что оба его идола вдруг обнаружили святотатственную слабость.

Почувствовав его беспокойство, Пауль произнес:

— Да, проблема не терпит промедления! Алия, меня интересует твое мнение. Стилгар предлагает разослать патрули по всей открытой Пустыне, усилить охрану сиетчей. Быть может, мы сумеем тогда засечь место посадки и предотвратить...

— Даже если их прикрывает Гильд-навигатор? — спросила Алия.

— Они идут на все, не так ли, — согласился Пауль, — поэтому я здесь.

— Значит, они видели нечто, скрытое от нас с тобой? — спросила Алия.

— Именно.

Алия кивнула, вспомнив опять о новой игре — о Таро Дюны. Опасения возвратились.

— Набросили на нас покрывало, — проговорил Пауль.

— С необходимым количеством патрулей, — начал Стилгар, — мы можем предотвратить...

— Предотвратить нельзя ничего... и никогда... — произнесла Алия. Ей не нравилась ограниченность Стилгара, не позволявшая фримену заметить важные подробности. Таким Стилгара она не помнила.

— Придется исходить из того, что червя они добудут, — произнес Пауль. — Но вот сумеют ли они наладить меланжевый цикл на другой планете — это другой вопрос. Одного обладания червем для этого мало.

Стилгар переводил взгляд от брата к сестре. Экологические познания были глубоко впечатаны в его память всей жизнью в сиетче, он понимал, что пойманный червь может выжить лишь на кусочке Арракиса — с песчаным планктоном, с Маленькими Податателями и всем прочим. Гильдия взялась за нелегкое, но все же реальное дело. Или причины его тревоги коренятся в ином?

— Значит, в своих видениях ты не видишь действий гильдийцев? — осведомился Стилгар.

— Проклятье! — взорвался Пауль.

Алия видела, как по лицу Стилгара пробегают тени мыслей. Старый фримен скован верой в сверхъестественное. Магия! Магия! Увидеть будущее — да это все равно что украсть священный огонь из храма. Как это опасно и... привлекательно, пусть дерзкий и рискует погубить свою душу. Из бесформенных и опасных теней смельчак может принести опору и могущество. Но теперь Стилгар начал ощущать и другие силы, еще более грозные — там, за неизведанным горизонтом. Королева-колдунья и друг-пророк обнаружили опасную слабость.

— Стилгар, — произнесла Алия, пытаясь удержать его, — ты стоишь в ложбине между двух дюн. А я на гребне. Я вижу то, что тебе не видно. В том числе и горы, скрывающие далекие страны.

— Но есть и такое, что укрыто даже от вас, — возразил Стилгар, — вы оба всегда это говорили.

— Всякая сила ограниченна, — произнесла Алия.

— А опасность ведь может прийти из-за гор, — отозвался Стилгар.

— Конечно, — согласилась Алия.

Стилгар кивнул, не отводя глаз от лица Пауля.

— Но всякому, кто придет из-за гор, придется идти по песку.

Кто может затеять в этой Вселенной игру более безрассудную, чем властелин, попытавшийся править, опираясь на пророчества?.. Мы считаем себя недостаточно мудрыми и

отважными, чтобы рискнуть на это. Изложенные ниже детали, насколько это возможно, поясняют действия правительства в той мере, в какой это безопасно. Воспользуемся для удобства определением Бене Гессерит, считающим миры источниками наследственности, местом рождения учений и учителей, местопребыванием всего существующего. И мы не стремимся править— мы стремимся использовать эти генетические возможности, чтобы учиться, чтобы освободить себя от ограничений, налагаемых интересами общества и правительством.

(«Оргия как инструмент государственного правления». Руководство Гильд-навигатора, глава третья)

— Не здесь ли умер ваш отец? — спросил Эдрик, прикоснувшись тонким лучом световой указки к выложенному искрящемуся драгоценными камнями знаку на одной из рельефных карт, украшавших приемную Пауля.

— Это гробница, в которой покоится его череп, — ответил Император, — отец мой погиб пленником на фрегате Харконненов, здесь, в котловине под нами.

— Ах да, теперь я припоминаю, — проговорил Эдрик, — и он убил своего кровного врага, старого барона Харконнена.

Надеясь, что движения его не выдают даже крохи того ужаса, который вселяли в него маленькие и замкнутые помещения, Эдрик развернулся в своем контейнере лицом к Паулю, сидевшему на длинном диване, сером с черными полосами.

— Барона убила моя сестра, — сухо поправил его Пауль. — Перед битвой при Арракине.

Зачем нужно этой человекоподобной рыбе, подумал он, *бередить старые раны именно теперь?*

Навигатор, похоже, начинал проигрывать в долгой битве с собственными нервами. Движения его потеряли былую плавность. Крошечные глаза Эдрика метались... высматривали, взвешивали. Единственный провожатый его стоял в приемной неподалеку от выстроившейся вдоль стены стражи, слева от Пауля.

Помощник этот — жирный, толстошеий увалень, равнодушно озиравшийся по сторонам, — смущал Пауля. Он шествовал, подталкивая вперед скользящий на силовой

подвеске контейнер с Эдриком, а в походке его угадывалась поступь душителя.

Скитале, назвал его Эдрик, *Скитале, адъютант.*

Пусть внешность помощника буквально кричала: «Это тупица!», но глаза выдавали его — они осмеивали все, на что падал их взгляд.

— Вашей наложнице, кажется, понравилось представление лицеделов, — проговорил Эдрик. — Рад, что сумел доставить ей небольшое удовольствие. На нее просто приятно было посмотреть, когда вся труппа разом изобразила ее черты.

— А что слышно о гильдийцах, дары приносящих? — спросил Пауль, вспоминая представление, данное здесь же, в Большом Зале. Лицеделы то выступали в обличии карт Таро Дюны и кружили по залу, то как бы случайно сливались в огненном вихре, то распадались на группы древних гадальных сочетаний. Следующим номером чередой проследовали властители — короли и императоры, лики с древних монет — официальные и строгие, но как бы текучие. Были и шутки: сам Пауль, то есть его копия, а потом Чани, длинная череда одних только Чани, от одного края сцены до другого. Прошествовал и Стилгар — настоящий Стилгар при этом ежился и ворчал, остальные смеялись.

— Наши дары подносятся с наилучшими намерениями, — принялся возражать Эдрик.

— Насколько же добры эти самые намерения? По словам вашего гхолы, он предназначен, чтобы погубить нас.

— Погубить вас, сир? — с абсолютной невозмутимостью отвечал Эдрик. — Разве можно погубить бога?

Вошедший на этих словах Стилгар бросил свирепый взгляд на стражу: она находилась много дальше от Пауля, чем следовало бы.

— Все хорошо, Стил, — Пауль остановил Стилгара движением руки, — всего лишь дружеская пикировка. А почему бы не пододвинуть контейнер с послом поближе к моему дивану?

Мгновенно взвесив последствия, Стилгар подметил, что контейнер, хотя и окажется возле Пауля, заслонит его от рослого помощника...

— Все хорошо, Стил, — повторил Пауль, кодовым жестом руки подтверждая приказ.

С явным неудовольствием Стилгар пододвинул емкость поближе. Ему не нравился даже густой запах Пряности, в котором словно купался контейнер. Он остановился возле угла его под кружащим репродуктором, через который доносились слова Гильд-навигатора.

— Убить *бога*? — переспросил Пауль. — Интересно, но кто же это решил, что я бог?

— Те, кто поклоняется вам, — улыбнулся Эдрик, глядя в упор на Стилгара.

— Неужели и вы в это верите? — спросил Пауль.

— Сир, речь не о том, во что я верю, — отвечал Эдрик, — но со стороны многим кажется, что вы вознамерились объявить себя богом. Кое-кто мог бы задуматься — в силах ли смертный дерзнуть на подобное... и уцелеть?

Пауль изучал гильдийца. Отвратительное, но сметливое создание. Пауль и сам задавал время от времени этот вопрос. Конечно, сам-то он видел достаточно временных перспектив, сулящих вещи похуже, чем святотатство. Куда хуже. Но чтобы и навигатор мог углядеть в будущем подобные подробности... Зачем ему знать? Чего хочет добиться Эдрик подобной дерзостью? Мысли Пауля замелькали: за этим ходом кроется связь с тлейлаксу; недавняя победа джихада на Симбу сказывается на действиях Эдрика; проглядывают верования Бене Гессерит.

Мозаика из множества фрагментов информации сливалась в мысли; на расчетный транс ушло секунды три, не более.

— Не оспаривает ли навигатор открывшегося в предвидениях? — спросил Пауль, увлекая Эдрика в область, где тот не силен.

Навигатор вдруг встревожился, но быстро взял себя в руки, разразившись длинным афоризмом:

— Ни один разумный человек не станет сомневаться в словах пророка. Люди прибегали к оракулам с древнейших времен. В сети пророчеств можно запутаться в самый неожиданный момент. К счастью, в нашей Вселенной действуют и прочие силы.

— Неужели они сильнее предвидения? — наступал Пауль.

— Если бы людям дано было одно только предвидение и на него приходилось бы полагаться во всем, — оно бы

само себя уничтожило, поскольку обращалось бы само к себе, постепенно вырождаясь.

— Так всегда и бывает с людьми, — согласился Пауль.

— В лучшем случае пророческий дар опасен, — отвечал Эдрик, — даже если удастся не спутать видения будущего с галлюцинациями!

— Неужто мои видения всего лишь галлюцинации? — с притворной печалью спросил Пауль. — Или же ты имеешь в виду, что галлюцинируют верующие в меня?

Ощущая растущую напряженность, Стилгар на шаг пододвинулся к Паулю, не отрывая глаз от висящего в контейнере гильдийца.

— Сир, вы искажаете мои слова, — запротестовал Эдрик, и в словах его ощущалась странная угроза.

Неужели покушение? — думал Пауль. *Прямо здесь? Они не осмелятся. Или же*, тут он бросил взгляд на стражу, *те, кто оберегает меня, обернутся врагами?*

— Вы обвиняете меня в злом умысле, по-вашему, я плету какие-то козни, чтобы стать богом? — тихо произнес Пауль, так, чтобы его слышали только Стилгар и Эдрик. — В злом умысле?..

— Быть может, я неудачно выбрал слова, — запротестовал Эдрик.

— Весьма показательная оговорка; она свидетельствует, что вы всегда ждете от меня худшего.

Эдрик повернул голову и с опаской покосился на Стилгара.

— Сир, люди всегда ждут худшего от могущественных и богатых. По этому признаку всегда можно узнать аристократа: он обнаруживает лишь те пороки, которые способствуют его популярности.

Лицо Стилгара передернулось.

Подняв глаза на старого фримена, Пауль прочитал на лице его возмущение. Как смеет этот гильдиец так разговаривать с Муад'Дибом?

— По-моему, вы не шутите, — утвердительно сказал Пауль.

— *Шучу*, сир?

Пауль вдруг почувствовал, что рот его пересох. В комнате сразу стало слишком много людей, слишком уж много легких вдыхало воздух. В самом запахе меланжи от контейнера Эдрика чудилась опасность.

— И кто же мой соучастник в подобном сговоре, — будничным тоном произнес Пауль. — Не Квизарат ли?

Эдрик пожал плечами, оранжевые вихри заклубились возле его головы. Стилгар его более не беспокоил, но фримен все еще яростно глядел на навигатора.

— Или же вы хотите сказать, что все миссионеры моих святых Орденов лгут... *все до единого?* — настаивал Пауль.

— В каждом конкретном случае это зависит от степени собственной заинтересованности и искренности, — отвечал Эдрик.

Стилгар опустил руку за пазуху, к крису.

Качнув головой, Пауль произнес:

— Значит, вы и меня обвиняете в неискренности?

— Сир, слово «обвинять» мне кажется здесь неуместным.

Смел же!— подумал Пауль и сказал:

— Уместно это слово или нет, но вы утверждаете, что и мои епископы, и сам я всего лишь честолюбивые бандиты.

— Честолюбивые, сир? — Эдрик вновь поглядел на Стилгара. — Чем больше власти заключено в руках одного человека, тем более отдаляется он от прочих людей. Властелины постепенно теряют всякое представление о действительности... и тогда власть их рушится.

— Мой господин, — скрипнул зубами Стилгар, — вы посылали людей на казнь за меньшее!

— Так это людей, — отозвался Пауль, — а перед тобой посол Гильдии.

— Он обвиняет вас в святотатстве и лжи! — воскликнул Стилгар.

— Меня интересует его манера мышления, — сказал Пауль. — Сдержи гнев и будь наготове.

— Как велит Муад'Диб.

— Скажи тогда, навигатор, — спросил Пауль, — как могли бы мы осуществить эту гипотетическую затею — при невообразимых расстояниях, на протяжении длительного времени, тем более что у нас нет возможности приглядеть за каждым храмом и священником Квизарата?

— Что для вас время? — спросил Эдрик.

Стилгар озадаченно нахмурился. *Муад'Диб часто говорил, что прозревает через покровы времени,* думал он. *Не это ли имеет в виду гильдиец?*

— Надувательство такого масштаба немыслимо, рано или поздно обман лопнет, — бросил Пауль. — Пойдут расколы, ереси... сомнения, признания во лжи... И всё — конец вселенской афере.

— Чего не спрячет государственная религия и собственные интересы, покроет правительство, — проговорил Эдрик.

— Ты испытываешь пределы моего терпения? — спросил Пауль.

— Или в моих аргументах имеются очевидные изъяны? — возразил Эдрик.

Напрашивается на нож, размышлял Пауль. *Предлагает себя в качестве жертвы? Зачем?*

— Я лично предпочитаю легкий цинизм, — испытующим тоном проговорил Пауль. — Вижу, ты явно искушен во всей лжи и уловках правителей, в двусмысленных речах властелинов. Язык — твое оружие, им ты испытываешь мою броню.

— Легкий цинизм, — отвечал Эдрик, растягивая тонкий рот в улыбке. — Все правители во все времена циничны в том, что касается религии. Ведь религия тоже оружие. И оружие еще более мощное, когда религия и власть объединяются.

Пауль вдруг притих, ощутив необходимость в величайшей осторожности. К кому обращается Эдрик? Чертовски умно и тонко, намеки и этот скрытый юмор. Посол словно бы стремится подчеркнуть: они с Паулем — двое посвященных, которым открыты просторы, неведомые простым смертным. С невольным смятением Пауль понял, что вся эта риторика предназначалась вовсе не ему, а Стилгару, страже, рослому помощнику посла, наконец.

— Эта религиозная мана* была мне навязана, — отвечал Пауль, — я ее не добивался. А сам подумал: «Хорошо, пусть этот рыбо-человек решит, что остался победителем в словесном поединке!»

— Тогда почему же вы не разоблачили обман, сир? — спросил Эдрик.

— Увы, не в силах, — отвечал Пауль, внимательно вглядываясь в лицо Эдрика. — Из-за сестры. Ведь она и в самом деле богиня. И держись осторожнее в ее присутствии, не то она сразит насмерть взглядом.

---

* сверхъестественная сила, полинез.

Насмешливая улыбка сменилась на лице Эдрика смятением.

— Я говорю вполне серьезно, — продолжал Пауль, наблюдая за послом. Стилгар согласно кивал.

Бесцветным тоном Эдрик ответил:

— Сир, вы подорвали мою веру в вас. Не сомневаюсь, что таково и было ваше намерение.

— Не слишком полагайся на то, что тебе известны мои намерения, — отвечал Пауль, давая знак Стилгару, что аудиенция окончена.

Стилгар в ответ жестом же спросил, следует ли убить Эдрика. Пауль ответил повелительным отрицанием, чтобы Стилгар не вздумал проявлять инициативу.

Скитале, помощник Эдрика, подошел к заднему углу контейнера, легонько толкнул его к двери. Оказавшись напротив Пауля, он вдруг поглядел на него смеющимся взглядом и спросил:

— Не угодно ли будет господину моему выслушать?

— Да, в чем дело? — отвечал Пауль, отметив мгновенную реакцию Стилгара на опасность, которую мог представлять этот человек.

— Некоторые утверждают, — проговорил Скитале, — что люди льнут к Императорской власти потому лишь, что пространство бесконечно. Они чувствуют себя одинокими, если их не объединяет символ. Для любого человека Император — это прежде всего нечто конкретное. Можно посмотреть на него и сказать: глядите, вот он, Тот, что объединяет нас. Быть может, милорд, и религия преследует ту же самую цель.

Мило улыбнувшись, Скитале еще раз подтолкнул контейнер с Эдриком. Так они оставили приемную. Эдрик покоился в своем контейнере с закрытыми глазами. Навигатор словно вдруг выдохся, вся энергия как будто оставила его.

Пауль глядел в удалявшуюся спину Скитале, удивляясь его словам. *Интересная личность этот Скитале*, подумал он. Пока он говорил, казалось, что это не один человек, а несколько, словно бы наследственность его принадлежала нескольким личностям.

— Странно все это, — проговорил Стилгар, ни к кому не обращаясь.

Едва стража сомкнулась за Эдриком и его сопровождающим, Пауль поднялся с дивана.

— Странно, — повторил Стилгар. На виске его билась жилка.

Пригасив свет, Пауль подошел к окну, выходившему в угол между двух утесов — стен его крепости. Где-то внизу поблескивали огоньки, казавшиеся отсюда пигмеями, рабочие переносили огромные блоки пластмелда для починки фасада Храма Алие — недавняя буря обрушила на него сокрушительный удар.

— Глупо, Усул, впускать подобного гостя в эти палаты, — проговорил Стилгар.

Усул, подумал Пауль. *Мое имя в сиетче. Стилгар напоминает, что командовал мною когда-то, что спас меня от смерти в Пустыне.*

— Почему ты это сделал? — спросил Стилгар откуда-то из-за спины Пауля.

— Данные, — отвечал Пауль. — Мне необходимы данные для расчетов.

— Разве это не опасно — встречать такую угрозу *только лишь* силами ментата?

Точно подмечено, подумал Пауль.

Расчеты ментата конечны по природе. Разве можно выразить безграничное в рамках, налагаемых любым языком? Однако и от ментата есть польза. Так он и ответил Стилгару.

— Что-нибудь всегда остается снаружи, — произнес Стилгар. — А кое-что вообще лучше там и держать.

— Или же внутри, — согласился Пауль. На миг он смирился со своими ограничениями как оракула и ментата. Это снаружи. А внутри крылся чистейший ужас. Как защититься от себя самого? Конечно, они добиваются, чтобы он сам погубил себя — но это просто ничто перед еще более жуткими перспективами.

Размышления его прервали торопливые шаги. Корбаквизара влетел в дверь, на миг мелькнув черным силуэтом в ослепительном свете. Внутрь приемной его словно метнула какая-то сила, но ощутив царившую в ней задумчивость, он почти немедленно замер на месте. В руках его были катушки шигакорда. Они поблескивали в лучах солнца странными крохотными самоцветами. Круглые брил-

лианты мгновенно погасли, едва рука стражника притворила дверь.

— Вы здесь, милорд? — спросил Корба, вглядываясь в полумрак.

— В чем дело? — ответил вопросом Стилгар.

— Стилгар?

— Мы оба здесь. В чем дело?

— Я обеспокоен приемом, оказанным этому гильдийцу.

— Обеспокоен? — переспросил Пауль.

— Люди говорят, милорд, что вы кланяетесь нашим врагам.

— И это все? — произнес Пауль. — Это те самые ленты, которые я просил тебя принести? — он показал на катушки шигакорда в ладонях Корбы.

— Ленты... Ох! Да, милорд! Это те самые истории. Вы будете их просматривать здесь?

— Я видел их. Они необходимы Стилгару.

— Мне? — не без обиды удивился тот. Жест Пауля показался ему капризом. Истории! Стилгар дожидался Пауля, чтобы обсудить логическую цепь действий, необходимых для покорения Забулона. Разговор прервал своим визитом посол. А теперь еще Корба с этими историческими материалами!

— Интересно, насколько ты знаешь историю? — задумчиво произнес Пауль, обращаясь к тонущему в полумраке силуэту старого друга.

— Мой господин, я могу назвать каждый мир, на котором обитал мой народ в своих скитаниях. Я знаю пределы Имперской...

— А Золотой Век? Землю? Ты не интересовался ими?

— Землю? Золотой Век? — озадаченный Стилгар рассердился. Зачем вдруг Паулю взбрели на ум стариннейшие из мифов? Разум Стилгара еще был полон информации о Забулоне, представленной штабными ментатами: две сотни и еще пять десантных фрегатов, тридцать легионов, вспомогательные батальоны, миротворческие силы, миссионеры Квизарата... Необходимые припасы (цифры были словно перед глазами), еда, меланжа... оружие, обмундирование, медали... урны праха погибших... некоторое количество специалистов: пропагандисты низшего уровня, клерки, бухгалтеры... шпионы... и шпионы среди шпионов.

— Я прихватил и синхронизатор, милорд, — заметил Корба. Он почувствовал напряженность и обеспокоился.

Стилгар покачал головой из стороны в сторону. Синхронизатор? Зачем Паулю понадобилось, чтобы к проектору присоединили мнемоническое устройство? К чему искать какие-то конкретные сведения в исторических материалах? Это же дело ментата! Как всегда, Стилгар вновь ощутил глубокое предубеждение: опять эти искусственные приспособления! Подобные мероприятия всегда смущали его душу: в потоке фактов вечно обнаруживалась информация, о которой он и не подозревал.

— Сир, я пришел к вам с расчетами для Забулона! — начал Стилгар.

— Да на дегидрацию все забулонские расчеты! — отрезал Пауль, воспользовавшись непристойным фрименским словечком, означавшим, что речь идет о такой воде, к которой нельзя прикоснуться, не замаравшись.

— Мой господин!

— Стилгар, — начал Пауль, — тебе абсолютно необходимо обрести внутреннее равновесие, которое можно обрести, лишь учитывая долгосрочные эффекты. Корба принес с собою все те крохи информации о древних временах, которые уцелели после Бутлерианского джихада. Начнем с Чингиз-хана.

— Чингиз-хана? Кто-нибудь из сардукаров, милорд?

— Нет, он жил задолго до них. Он истребил... миллиона четыре людей.

— О, для этого требуется соответствующее оружие, сир. Лучеметы или...

— Стил, сам он не убивал. Он тоже воевал чужими руками. Тоже рассылал свои легионы, как и я. Вот еще один император, о котором ты должен помнить. Его звали Гитлер. Этот погубил уже больше тридцати миллионов. Неплохо для того времени.

— Тоже руками легионов? — спросил Стилгар.

— Да.

— Не слишком впечатляющие цифры, милорд.

— Отлично, Стил. — Пауль поглядел на катушки шигакорда в руках Корбы. Тот стоял, мечтая только об одном: бросить все и убежать отсюда. — Вот другие цифры: по весьма умеренным оценкам, я истребил шестьдесят один милли-

ард людей, уничтожил всю жизнь на девяноста планетах, полностью деморализовал еще пять сотен миров. Я истребил последователей сорока религий, существовавших от...

— Это же неверные! — запротестовал Корба. — Неверные все до одного!

— Нет, — возразил Пауль, — они верили...

— Господин мой изволит шутить, — дрожащим голосом отвечал Корба. — Десяти тысячам миров джихад принес ослепительный свет.

— Не свет — навел тьму кромешную, — отвечал Пауль. — После джихада Муад'Диба человечество будет приходить в себя сотню поколений. Трудно представить, чтобы люди не осознавали этого, — лающий смешок вырвался из его горла.

— Что так развеселило Муад'Диба? — спросил Стилгар.

— Я вовсе не радуюсь. Просто мне представился император Гитлер с подобными словами на устах. Конечно же, и ему они приходили в голову.

— Но ни у одного правителя еще не было такой мощи, — принялся возражать Корба. — Кто осмелится противостоять вам? Ваши легионы уже контролируют известную Вселенную и все...

— Легионы контролируют? — спросил Пауль. — Интересно, сами они знают об этом?

— А вы, сир, повелеваете своими легионами, — перебил Стилгар Императора. По тону его чувствовалось, что он внезапно осознал собственное место в длинной цепи наделенных властью, ведь вся эта мощь подчинялась его руке.

Направив таким образом мысли Стилгара в желательном направлении, Пауль обратил все свое внимание к Корбе.

— Положи записи сюда, на диван.

Когда Корба повиновался, Пауль произнес:

— Как проходит прием, Корба? Моя сестра полностью контролирует ситуацию?

— Да, милорд, — осторожным тоном отвечал Корба. — Чани следит за всем через потайное окошко. Она опасается, что среди гильдийцев могут затесаться сардаукары.

— Не сомневаюсь в ее правоте, — проговорил Пауль. — Шакалы сбиваются в стаю.

— Баннерджи, — Стилгар назвал имя шефа безопасности Императора, — уже выражал опасения, что они могут попытаться проникнуть в запретные апартаменты Цитадели.

— Они уже рискнули?

— Нет еще.

— Однако в парке имела место некоторая сумятица, — проговорил Корба.

— Какого рода? — требовательным тоном бросил Стилгар.

Пауль кивнул.

— Незнакомцы, — произнес Корба, — они входили и выходили, мяли растения, шептались... мне доносили о кое-каких возмутительных высказываниях.

— Например? — спросил Пауль.

— Ну, скажем, «так вот как расходуются наши налоги?» Мне сказали, что эту фразу произнес сам посол.

— Это неудивительно, — проговорил Пауль. — В садах было много чужаков?

— Несколько дюжин, милорд.

— Баннерджи расставил около дверей отборную стражу, милорд, — заговорил Стилгар. С этими словами он повернулся. Единственный оставшийся светильник осветил половину его лица. В скудном свете черты друга сразу напомнили Паулю что-то из их Пустынных времен. Он не стал припоминать обстоятельства — все внимание его было обращено на лицо Стилгара. На туго обтянутом кожей лице фримена отражались едва ли не все мысли, проскальзывающие в уме. Ныне он сомневался... его беспокоило необъяснимое поведение Императора.

— Мне не нравится вторжение в сады, — проговорил Пауль. — Одно дело вежливо встретить гостей... посольство все-таки, но это...

— Я распоряжусь, чтобы всех их выдворили, — вызвался Корба. — Немедленно!

— Подожди! — приказал ему Пауль, едва Корба стал поворачиваться к выходу.

Во внезапно наступившей тишине Стилгар переступил, так, чтобы видеть лицо Пауля. Сделано было великолепно. Пауль просто восторгался тем, как это делают фримены. Никакой прямолинейности, гибкость, хитрость и ловкость, к которым примешивается уважение к личности, порожденное необходимостью.

— Сколько сейчас времени? — спросил Пауль.

— Почти полночь, сир, — отвечал Корба.

— Иногда я думаю, Корба, что я и есть самое совершенное из моих творений, — сказал Пауль.

— Сир! — в голосе Корбы слышалась боль.

— А ты чувствуешь трепет передо мной? — спросил Пауль.

— Пауль Муад'Диб, звавшийся Усулом в нашем сиётче, — начал Корба, — тебе известна моя преданность...

— А ты не ощущаешь себя апостолом? — продолжал Пауль.

Корба не понял его, но тон истолковал правильно.

— Мой Император знает, что совесть моя чиста.

— Шаи-Хулуд, спаси нас! — пробормотал Пауль.

Невысказанные вопросы развеял свист, раздавшийся вдруг за дверью в зале. Свист умолк после резкой команды.

— Корба, мне кажется, ты переживешь все это, — проговорил Пауль и увидел огонек понимания в глазах Стилгара.

— Но в садах чужаки, сир, — напомнил ему Стилгар.

— Ах, да, — усмехнулся Пауль. — Пусть Баннерджи выставит всех, Стил. Корба поможет.

— Я, сир? — лицо Корбы выражало глубокое беспокойство.

— Кое-кто из моих друзей уже позабыл, что раньше они назывались Вольным Народом, — обратился Пауль к Корбе, слова свои предназначая Стилгару. — Запомни тех, кого Чани назовет сардаукарами, и прикажи убить всех. Сделай это. Пусть все будет сделано тихо, без ненужного шума. Не следует забывать, что законы веры и власти не сводятся к простому выполнению договоров и обрядов.

— Повинуюсь воле Муад'Диба, — прошептал Корба.

— А расчеты для Забулона? — спросил Стилгар.

— Завтра, — отвечал Пауль. — Когда в садах не останется чужаков, объяви, что прием закончен. Партия сыграна, Стил.

— Понимаю, милорд.

— Уверен в этом, — отвечал Пауль.

Вот бог поверженный лежит— он пал, и низко пал.
Мы для того и строили повыше пьедестал.
(Эпиграмма тлейлаксу)

Алия сидела, уперев руки локтями в колени, положив на кулаки подбородок, и разглядывала останки: эти не-

сколько источенных песком и ветром костей и лохмотья плоти недавно принадлежали молодой женщине. Остальное — руки, голову, верхнюю часть тела — сожрала кориолисова буря. Песок вокруг был теперь покрыт следами врачей и следователей, высланных по указанию ее брата. Все они уже разошлись, рядом с ней оставалась одна лишь похоронная команда — они стояли чуть в стороне. Хейт — среди них, ожидая, пока она завершит свое таинственное исследование.

Золотистое солнце струило теплый полуденный свет, как и положено в этих широтах.

Тело обнаружили несколько часов назад с низколетящего курьерского топтера — приборы вдруг зарегистрировали слабый водяной след, там, где влаги не должно быть и в помине. После сообщения на место прибыли эксперты. Они узнали... что женщине этой было около двадцати лет, что она — фременка и привержена семуте... Умерла она здесь, в Пустыне, от тонкого яда, изготовленного тлейлаксу.

Смерть в Пустыне для фременов естественна. Но семута... — такое случалось так редко, что Пауль послал ее проследить за всем так, как учила их мать.

Алия чувствовала, что ничего не достигла, только сгустила облако тайны, и без того уже охватившее здесь все. Услышав, как гхола провел ногой по песку, она поглядела на него. Лицо гхолы было обращено вверх, к эскорту, стаей ворон кружившему над ними.

Бойся Гильдии, дары приносящей, думала Алия.

Похоронный топтер вместе с ее собственным стояли на песке возле скалистого выступа позади гхолы. Мельком глянув на крылатые машины, Алия едва подавила в себе желание скорее взлететь... оказаться подальше от этого места.

Но Пауль решил, что она сумеет увидеть нечто, сокрытое от прочих. Она поежилась в дистикомбе. После проведенных в городе месяцев он казался неудобным. Она посмотрела на гхолу, подумала: *что, если он догадался о каких-нибудь обстоятельствах странной смерти?* Завиток его курчавых волос выбивался из-под капюшона дистикомба. Рука ее так и тянулась заправить волосы на место.

Словно бы ощутив ее мысль, гхола обратил к ней поблескивавшие металлом глаза. Она затрепетала под пристальным его взором и отвернулась.

Фриженка умерла от яда, называемого «глоткой ада».

Фриженка. Привыкшая к семуте.

Она разделяла беспокойство Пауля, вызванное сочетанием этих фактов.

Похоронная команда терпеливо ждала. В трупе оставалось уже слишком мало воды, сберегать было нечего, можно не торопиться. И еще — они верили, что Алия тайным знанием читает судьбу той, кому принадлежали эти останки.

Но озарения не было.

И в глубине души рос гнев на этих простофиль. Вот они — результат проклятой ложной религиозности. Конечно же, и она сама, и ее брат — не народ. Власть должна пребывать на высотах. Об этом позаботились и Бене Гессерит, потрудившиеся над наследственностью Атрейдесов. Свою лепту добавила и их мать, наставившая своих детей в знании Пути...

И Пауль еще более усугубил этот отрыв от обычных людей.

Преподобные Матери пробудились в памяти Алие, вспышками адаба заговорили: *тихо, маленькая! Ты есть ты. Потому тебе и дано кое-что.*

Дано!

Она жестом подозвала гхолу.

Он встал перед нею, внимательный и терпеливый.

— И что ты об этом думаешь? — спросила она.

— Скорее всего мы никогда не узнаем, кто она, — отвечал он, — нет ни зубов, ни головы, они исчезли. Разве что руки... но ее генетические характеристики едва ли где-нибудь зарегистрированы.

— А яд тлейлаксу? — продолжала она. — Что из этого следует?

— Подобные яды покупают многие люди.

— Верно. Но от этой почти ничего не осталось, нечего восстанавливать, с тобой было иначе.

— Даже если бы вы решили доверить это тлейлаксу, — ответил он.

Она кивнула, встала:

— Теперь отвези меня в город.

В воздухе, когда нос аппарата уже обратился к северу, она произнесла:

— Ты пилотируешь совершенно как Дункан Айдахо.

Он бросил на нее испытующий взгляд:

— Мне уже говорили об этом.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила она.

— О многом.

— Не смей, шайтан побери, уклоняться от вопроса!

— Какого вопроса?

Она яростно посмотрела на него.

Встретив ее взгляд, он передернул плечами.

Жест Дункана, подумала она. И хриплым обвиняющим тоном произнесла:

— Я просто хотела услышать твое мнение, взвесить собственные соображения и сопоставить их. Гибель этой молодой женщины смущает меня.

— Я думал не об этом.

— О чем же?

— О том странном чувстве, которое я испытываю всякий раз, когда слышу разговоры о том, кем я, возможно, был.

— *Возможно?*

— Тлейлаксу хитры...

— Не настолько. Ты был Дунканом Айдахо.

— Весьма вероятно. Это лежит на поверхности.

— Итак, ты становишься эмоциональным?

— В известной степени. Я чувствую нетерпение. Я волнуюсь. Меня просто трясет, и я едва сдерживаюсь. В голове моей... вспыхивают какие-то картинки.

— И что же?

— Они слишком быстро гаснут. Просто какие-то вспышки... Похожие на память.

— А для тебя они представляют интерес?

— Конечно же. Любопытство подталкивает, но я словно иду против ветра. Я думаю: что, если я не тот, за которого меня принимали? И мне не нравится эта мысль.

— И это все, о чем ты думаешь?

— Вы это лучше знаете, Алия.

Как смеет он обращаться ко мне по имени? Обдумывая его слова, она чувствовала, как вскипает и отступает гнев, — на бьющую из обертонов его голоса возмутительную мужскую

самоуверенность. На щеке ее дернулся мускул. Она стиснула зубы.

— Там внизу не Эль-Кудс? — спросил он, коротко качнув крылом и мгновенно вспугнув всю стаю эскорта.

Она поглядела вниз на тени, скользящие по взгорью возле перевала Харг, на скалу и укрывавшую череп ее отца пирамиду на ней... *Эль-Кудс— святое место.*

— Это святое место, — отвечала она.

— Надо будет когда-нибудь посетить его, — промолвил он, — возле останков твоего отца меня могут посетить воспоминания.

Вдруг она впервые поняла, как сильна в нем потребность узнать, кем он был. Это желание было для гхолы главным. Она поглядела назад, на скалы. Утес обрывался прямо в море песка... коричневым обрывом скала, словно корабль, разрезала дюны.

— Вернись назад, — приказала она.

— А эскорт...

— Развернись и проскользни под ними. Они последуют за нами.

Он повиновался.

— Ты и в самом деле верно служишь моему брату? — спросила она, когда топтер лег на новый курс, а эскорт пристроился следом.

— Я служу Атрейдесам, — отвечал он формальным тоном.

Рука его поднялась, упала, почти в точности повторяя принятое на Каладане приветствие. Лицо его стало скорбным. Он глядел вниз, на гробницу, высящуюся среди скал.

— Что с тобой? — спросила она.

Губы его шевельнулись. Ломким, напряженным голосом он произнес:

— Он был... он был, — и слеза скользнула вниз по щеке.

Фрименское благоговение заставило Алию примолкнуть. Он отдает воду мертвым! Она с сочувствием тронула его щеку пальцем, ощутив отданную влагу.

— Дункан, — прошептала она.

Руки его словно прилипли к рукояткам управления, взгляд не отрывался от пирамиды.

Она повторила громче:

— Дункан!

Он сглотнул, качнул головой, сверкнув на нее металлическими глазами.

— Я... почувствовал... руку... на моих плечах, — выдавил он. — Я чувствовал! Руку! — он справился с горлом. — Это был... друг. Это был... мой друг.

— Кто?

— Не знаю. Я думаю, это был... Не знаю.

Перед Алией замигал огонек вызова, капитан эскорта желал знать, зачем они возвращаются в Пустыню. Взяв микрофон, она пояснила, что они просто поклонились гробнице ее отца. Капитан напомнил ей, что уже поздно.

— Теперь прямиком в Арракин, — сказала она, опуская в гнездо микрофон.

Глубоко вздохнув, Хейт заложил вираж обратно на север.

— Так значит, это была рука отца, не так ли? — спросила она.

— Быть может.

В голосе его слышались интонации ментата, оценившего вероятности, она видела, что он уже взял себя в руки.

— Понимаешь ли ты, насколько я знаю своего отца? — спросила она.

— Только догадываюсь.

— Тогда слушай, — произнесла она. И коротко объяснила, что обрела сознание Преподобной еще до рождения, что воспоминания бесчисленных жизней запечатлены в ее нервных клетках... пусть случилось все это после смерти отца.

— Я знаю его таким, каким его знала моя мать, — проговорила она. — До всех мельчайших подробностей. В какой-то мере я сама — моя мать. Я помню все, что происходило с ней до того момента, когда она выпила воду жизни и вошла в транс переселения душ.

— Ваш брат кое-что уже объяснил мне.

— Он говорил об этом? Почему?

— Я спрашивал его.

— Почему?

— Ментату необходима информация...

— Ох, — она поглядела на зализанные ветром очертания Барьерной Стены, на расщелины и рытвины в истерзанном камне.

Заметив направление ее взгляда, он произнес:

— Очень уж внизу открытое место.

— Зато здесь легко скрываться, — проговорила она и поглядела на него. — Пустыня похожа на человеческий ум... со всеми его укромными закоулками.

— Ах-хх, — отвечал он.

— Ах-хх? И что значит твое «ах-хх»? — она вдруг рассердилась на него по совершенно непонятным причинам.

— Вам хотелось бы знать, что таится в моей голове, — проговорил он без тени сомнения в голосе.

— Почему ты решил, что я еще не разобралась в тебе, прибегнув к предвидению? — требовательно спросила она.

— А вам это удалось? — спросил он с искренним интересом.

— Нет!

— Значит, возможности сивилл не беспредельны.

Он казался довольным и это пригасило гнев Алие.

— Чему ты радуешься? Разве ты не чтишь мою мощь? — спросила она. Но и для собственных ушей словам ее не хватало уверенности.

— Все ваши знамения и предзнаменования я чту гораздо в большей степени, чем вы думаете, — отвечал он. — Я присутствовал на вашей утренней службе.

— И какой смысл ты углядел в ней?

— Вы очень искусно манипулируете символами, — отвечал он, вглядываясь в приборы управления, — фирменный знак сестер Бене Гессерит, я бы сказал. Но как это часто случается с ведьмами... вы стали беспечны в обращении с собственной силой.

Внезапно испугавшись, она буркнула:

— Как ты смеешь?

— Я смею гораздо больше, чем предполагали мои создатели, — отвечал он. — А потому я остаюсь с вашим братом.

Алия вглядывалась в стальные шары, служившие ему глазами: ничего человеческого в них не было. Капюшон дистикомба скрывал его щеки. Губы были плотно сжаты. В них угадывалась сила... и решительность. В словах его слышалась надежность — он действительно был способен и на большее. Так мог сказать и сам Дункан Айдахо. Или же тлейлаксу сумели вложить в него больше, чем рассчитывали... или же это просто обман, часть его подготовки?

— Объясни свои слова, гхола.

— *Познай себя*, разве не такова ваша заповедь? — спросил он.

Алия заметила вновь радость на его лице:

— Эй, ты, не пытайся играть в слова со мной! — бросила она, потянувшись рукой за пазуху к рукояти криса. — Почему тебя подарили брату?

— Ваш брат рассказывал, что вы следили за приемом, — ответил он, — значит, вы слышали мой ответ.

— Повтори еще раз... для меня!

— С моей помощью его хотят погубить.

— Это слова ментата?

— Ответ вам уже известен, — проговорил он. — Дар этот не нужен. Ваш брат и так уже сам губит себя.

Не выпуская из пальцев рукояти ножа, она взвешивала его слова. Речи сомнительные, но в голосе слышится искренность.

— Тогда зачем же им это понадобилось? — осведомилась она.

— Быть может, тлейлаксу решили поразвлечься. Кроме того, неоспоримо, что Гильдия запрашивала у них именно меня.

— Зачем?

— По той же причине.

— И в чем же мы небрежны?

— В том, как вы используете собственные возможности, — парировал он.

Ответ его разил в самое сердце, в самые глубины его. Отняв руку от ножа, она спросила:

— А почему ты считаешь, что брат мой губит себя?

— Ох, девочка! Где же твои таинственные силы? Разве ты не способна подумать?

Сдерживая гнев, она ответила:

— Подумай за меня, ментат.

— Отлично, — он обежал взглядом эскорт, вновь поглядел вперед. За северной кромкой Барьерной Стены показался край Арракинской равнины.

— Вот симптомы, — начал он. — Твой брат содержит официального панегириста, который...

— Это дар от фрименских наибов.

— Странный подарок... — проговорил он, — зачем друзьям окружать его подобострастью и лестью? Неужели вы сами не слышали слов панегириста: «*Муад'Диб, просвети люди своя! Умма-регент, Император наш! Воды его драгоценны и изобильны, как фонтан неиссякающий. Счастье, расточаемое им, пьют души всех людей во Вселенной*». Тьфу!

Алия невозмутимым тоном ответила:

— Если я передам твои речи нашей фрименской охране, они тебя изрубят в лапшу.

— Пожалуйста.

— Мой брат правит согласно божественно установленному порядку.

— Зачем говорить то, во что вы и сами не верите?

— Что ты знаешь о моей вере? — Вдруг оказалось, что, невзирая на все знания и навыки Бене Гессерит, она не в силах подавить дрожь. Слова гхолы подействовали на нее неожиданным образом.

— Вы же только что приказали ментату взяться за расчеты, — напомнил он.

— Никакому ментату не может быть ведомо, во что я верю! — и она дважды глубоко, с дрожью, вздохнула. — Как ты смеешь судить нас?

— Судить? Ни в коей мере.

— Ты и представить себе не можешь всех наших познаний!

— Во-первых, вас обоих учили править, — отвечал он, — в вас воспитывали жажду власти. Вас обучили видеть насквозь все уловки политики, все глубокие тайны религии и войны. Естественный закон? Что в нем естественного? Этот миф паразитирует на истории человечества! Это же призрак, привидение! Он и нематериален, и нереален. Или вы считаете, что «естественный закон» обрел воплощение в вашем джихаде?

— Это пустая трескотня, ментат, — отвечала она.

— Я слуга Атрейдесов и нелжив в словах.

— Слуга? У нас нет слуг, только ученики!

— И я учусь — постижению, — отвечал он, — детка, запомните это и...

— Не смей называть меня деткой! — отрезала она, выдвинув крис наполовину из ножен.

— Поправка введена. — Он посмотрел на нее, улыбнулся и вновь взялся за управление и пилотирование. Возве-

денная среди утесов Цитадель Атрейдесов уже виднелась вдали — они подлетали к северным пригородам Арракина. — Безусловно, вы существо древнее, но воплощенное в теле, едва вышедшем из детства, — проговорил он. — И теперь тело это волнует вновь обретенная женственность.

— Просто не знаю, почему я тебя слушаю, — буркнула она, роняя крис обратно в ножны и вытирая вдруг вспотевшую ладонь об одежду. Фрименская скаредность немедленно возмутилась: напрасная трата влаги!

— Вы слушаете меня лишь потому, что знаете, как глубоко я предан вашему брату, — отвечал он. — И мои поступки для вас и понятны, и объяснимы.

— В тебе нет ни понятного, ни объяснимого. Кажется, ты — самое сложное существо из всех, кого я знаю. Как узнать, что могли тлейлаксу встроить в тебя?

— Намеренно или по ошибке, — произнес Хейт, — они наделили меня способностью изменяться.

— Опять дзенсуннитские притчи, — обвиняющим тоном сказала она. — Да, мудрец изменяет себе, а глупец живет лишь для того, чтобы умереть. — Передразнивая его, она повторила: «Учусь постижению...»

— Человек не может различить причин озарения и его сути.

— Что за новая загадка?

— Я разговариваю с пробуждающимся разумом.

— Я все расскажу Паулю.

— Он уже слышал почти все это.

Не скрывая любопытства, она произнесла:

— Интересно. И несмотря на это, ты еще жив... и свободен? Что же он ответил?

— Он расхохотался и ответил: «Люди не будут повиноваться бухгалтеру. Им нужен повелитель, который будет защищать их от всех перемен». Но он согласился со мной в том, что представляет собою основную угрозу для собственной империи.

— Почему он заговорил об этом?

— Я сумел убедить его в том, что понимаю все его трудности и способен помочь.

— Ну и что же ты пообещал ему?

Гхола молчал, бросив топтер на подветренное крыло, чтобы опуститься на крышу цитадели возле охранников.

— Я требую, чтобы ты все рассказал мне.

— Я не уверен, что вы поймете...

— Ну, это решать не тебе! Повелеваю, немедленно говори!

— Позвольте мне сперва приземлиться, — отвечал гхола. Не дожидаясь согласия, он выпустил главные посадочные опоры и, затормозив широко раскрытыми крыльями, опустился на ярко-оранжевую площадку, поднятую над крышей.

— А теперь — говори! — приказала Алия.

— Я сказал ему, что иногда нет ничего сложнее, чем продлевать собственное существование.

Она покачала головой:

— Это же... это же...

— Горькая пилюля, — закончил он за нее.

— Горькая чушь!

— У величайшего из владетельных графов и у презреннейшего из наемных серфов одни и те же проблемы. И ты не наймешь никого, кто решил бы их за тебя, будь он даже ментат. В писаниях и в чужих свидетельствах напрасно искать готовых ответов. И некому перевязать рану: ни слуге, ни ученику. Человек должен залечить ее сам, прежде чем у всех на глазах истечет кровью.

Она резко отвернулась от него, успев при этом понять, что таким образом выдает собственные чувства. Как без хитростей Голоса, без прочих ведьмовских штучек сумел он проникнуть в ее психику? Как он смог совершить такое?

— И что ты посоветовал ему? — прошептала она.

— Судить, наводить порядок.

Алия взглянула на охранников, отметив, как терпеливо они ожидали, соблюдая строгий порядок.

— Дарить правосудие... — прошептала она.

— Да нет же! — отрезал он. — Я просто предложил ему судить, руководствуясь одним лишь принципом.

— А именно?

— Поддерживать друзей и губить врагов.

— Иначе говоря, судить несправедливо.

— А что есть справедливость? При столкновении двух сил, каждая бывает по-своему правой. Император всегда может явить свою волю: если конфликт нельзя предотвратить, его можно разрешить.

— Как?

— Простейшим способом: принимая решения.

— В пользу друзей и против врагов.

— Но разве в этом не чувствуется стабильность? Людям нужен порядок, каким бы он ни был. Все мы узники, рабы собственных страстей; все видят, что война стала развлечением для богатых. Понимание подобных закономерностей опасно. В этом нарушение порядка.

— Я обязана предупредить своего брата: ты слишком опасен, а потому тебя следует уничтожить, — сказала она, оборачиваясь лицом к гхоле.

— Я уже предлагал ему это, — согласился он.

— А опасен ты потому, — произнесла она, тщательно выверяя слова, — что овладел собственными страстями.

— Ну уж вовсе не поэтому. — И прежде чем Алия могла шевельнуться, гхола взял ее за подбородок и прикоснулся губами к ее губам.

Поцелуй короткий и нежный. Он отодвинулся... потрясенная Алия глядела на него, не обращая внимания на ухмылки, которые прятали старавшиеся держаться невозмутимо охранники.

Алия тронула свои губы пальцем, поцелуй оказался знакомым. Она знала эти губы... пусть грядущее старательно скрывало от нее их обладателя. Задыхаясь, она проговорила:

— Пожалуй, стоило бы приказать содрать с тебя кожу.

— Потому что я опасен?

— Потому, что слишком многое позволяешь себе!

— Я ничего не позволяю себе. Я просто беру то, что мне предлагают. И радуйтесь, Алия, что я беру не все, что мне предлагают. — Открыв дверцу, он выскользнул наружу. — Пойдем, мы и так уже здесь слишком долго дурачимся. — Он направился к куполу за посадочной платформой — ко входу в здание.

Алия выскочила и побежала следом, стараясь попадать ему в шаг.

— Я ему все скажу, все, — и что ты сказал, и что сделал!

— Отлично, — он отворил перед ней дверь.

— Он прикажет, чтобы тебя казнили.

— Почему же? Из-за одного поцелуя, который я хотел получить? — Он последовал за ней, чуть поторопив ее своим движением. Дверь затворилась.

— Поцелуя, который *ты* хотел получить? — в негодовании вскричала она.

— Ну, хорошо, Алия. Поцелуя, которого *ты* хотела. — Обойдя ее, он шагнул к лифту — шахте с опускающимся полом.

И словно бы это движение вдруг обострило все ее чувства, она вдруг поняла, в чем его обаяние, — в полнейшей правдивости. *Да, я хотела этого поцелуя*, мысленно согласилась она. *Действительно хотела.*

— Ты правдив и потому опасен! — буркнула она, отправляясь за ним.

— Вижу, ты возвращаешься на стезю мудрости, — проговорил он, не изменяя шага, — ни один ментат не сформулировал бы эту мысль точнее. А теперь скажи, что открылось тебе там, в Пустыне?

— Не могу объяснить причины, — сказала она, — но я все думала о лицеделах. Почему?

— Потому-то брат и отправил тебя в Пустыню, — проговорил он, кивая головой. — Не забудь рассказать ему об этой навязчивой мысли.

— Но почему, — удивилась она, — при чем здесь лицеделы?

— Там осталась мертвая женщина, — проговорил он, — скорее всего, среди фрименок пропавших не числится...

Я все думаю, какая это радость — жить, но едва ли я смогу спуститься когда-нибудь к глубинам своего существа, к корням этой плоти, чтобы познать, кем я был. Да, корень там. И смогу ли я что-нибудь сделать, чтобы отыскать его, — это еще сокрыто в грядущем, но что по силам человеку, по силам и мне. Любой мой поступок способен опустить меня к этим глубинам.

(«Гхола рассказывает»; комментарии Алие)

Утопая в оглушительном запахе Пряности, он тщетно старался заглянуть вглубь себя в пророческом трансе. Пауль видел луну — она пульсировала, удлинялась, дергалась. С ужасным шипением звезды гасли в водах безграничного моря. И луна тонула в глубинах его — как мраморный шарик, выброшенный ребенком.

Утонула.

Луна не садилась, он понимал это. Она исчезла, и не стало луны. И земля трепетала в ужасе, словно перепуганное животное. Страх не отпускал его.

Пауль резко сел с широко раскрытыми глазами, но часть его все еще глядела туда, где тонула луна... Перед глазами его была только решетка из пластали, через которую свежий воздух проникал в его личные апартаменты. Он знал, что находится внутри огромной рукотворной скалы — его Цитадели. Но внутри его самого — падала луна.

Наружу! Наружу!

За решеткой ослепительными лучами сиял полдень Арракина. Внутри же царила черная ночь. Благоухание цветов в саду на крыше ласкало ноздри, но никакие ароматы не могли вернуть обратно ночное светило.

Опустив ноги на холодную поверхность пола, Император глядел сквозь решетку. Изящная арка мостика из кристалл-стабилизированного сплава золота с платиной, усыпанная огненными самоцветами с далекого Кидона. Мостик уводил во внутренние галереи, мимо фонтана над прудом, поросшим водяными цветами, каплями крови алевшими на ровной изумрудной глади.

Глаза его впитывали увиденное... но не было выхода из меланжевой тюрьмы.

Как страшно— видеть, как гибнет луна.

Видение сулило чудовищную потерю... личную. Или же это под тяжестью собственных притязаний рухнула созданная им цивилизация.

Луна... луна... зачем ты упала?..

Муть, взбаламученную Таро, удалось успокоить лишь огромной дозой меланжевой эссенции. Но перед глазами была только падающая луна и страшный путь, известный ему из первых видений. Чтобы наконец захлебнулся джихад, чтобы затих этот вулкан, извергающий потоки крови, он должен дискредитировать себя самого.

Освободись... освободись... освободись...

Запах цветов, доносящийся из сада, напомнил ему о Чани. Он тосковал... руки ее, объятия несли любовь, давали забвение. Но даже любви Чани не справиться с этим видением. Да и что вообще скажет его фременка, если он объявит ей, что наконец выбрал свою смерть. И почему, раз уж смерть вообще неизбежна, он решил отнестись к ней как подобает аристократу и покончить все счеты с жизнью в пору расцвета, пренебрегая остающимися годами? Разве это не благородно: умереть прежде, чем иссякнет воля?

Он встал, подошел к двери в решетке и вышел на балкон над цветами и лианами сада. Во рту было сухо, как во время перехода через Пустыню.

Луна... луна, где ты, луна?

Он думал о словах Алие, она рассказала ему о найденном среди песков теле фременки, поддавшейся семуте! Событие это укладывалось в ненавистную цепь.

Ну что может взять человек у Вселенной, думал он. *Ведь она всегда дает ему сама и лишь то, что считает необходимым.*

Витая, с отбитым краем раковина из морей Матери-Земли лежала на низком столе у поручня балкона. Тронув ее переливчатую поверхность, он попытался мысленно заглянуть назад. Яркие луны играли в радужном перламутре. Он оторвал взгляд. Радуга стояла в облаках пыли возле серебряного солнца.

Мои фримены называют себя «детьми Луны».

Он положил раковину, прошел вдоль балкона. Кошмарная луна не давала надежды на спасение. Он подумал о мистическом смысле видения. Пряность все еще не выпускала из своей хватки его, обессилевшего пророка.

К северному подножию воздвигнутого по его воле утеса из пластали жались низкие здания правительственных служб. Пешеходные дорожки на крышах полны были людей. И словно ветерок нес их мимо дверей, стен, изразцовых узоров. Люди сливались с мозаикой — они *были* его мозаикой, деталями узора! Зажмурив глаза, он мог различить силуэты, ставшие фигурками неподвижного фриза.

Но пала луна и исчезла.

Накатило... город этот сделался странным символом его Вселенной. Дома его возведены на равнине, где фримены резали сардаукаров. Кровопролитная битва забылась, все затопил суматошный и крикливый бизнес.

Держась поближе к краю балкона, Пауль завернул за угол. Теперь перед ним оказался пригород, дома его прятались между скал, пыль покрывала их. Спереди высился Храм Алие, черно-зеленые полотнища ниспадали по стенам, скрывая знак луны — символ Муад'Диба.

Упала луна.

Пауль провел рукой по лицу и глазам. Его столица, символ его власти, угнетала Императора. Он с презрени-

ем подумал о собственных колебаниях: подобная нерешительность в ком-нибудь другом вызвала бы его гнев.

Он терпеть не мог свой город!

Ярость, порожденная скукой, билась в глубинах его разума, подталкивала к решениям, которых нельзя было избежать. Он-то знал, каким путем придется ему идти. Сколько раз он видел его. Видел! Когда-то, очень давно, он казался себе изобретателем праведной власти. Но все вернулось на круги своя. Грандиозный и уродливый нарост на обществе словно навсегда запомнил собственную форму. Мни его, изменяй как угодно обличье, но только выпустишь из рук — раз, и он обрел прежний вид. Силы, правящие людьми, всегда были неподвластны ему.

Пауль глядел вдаль поверх крыш. Какие сокровища, какие богатства, сколько жизней таилось под ними! Красно-белые и раззолоченные крыши, пятна листвы. Зелень, дар Муад'Диба и вод его. Он глядел на сады и рощи под открытым небом, что были пышнее, чем в сказочном Ливане.

— Муад'Диб тратит воду, словно безумец, — говорили фримены.

Пауль закрыл руками лицо.

Луна упала.

Уронив ладони, он обвел столицу прояснившимся взором. Эти строения... варварская пышность имперской архитектуры. Громадные здания поблескивали крышами под лучами солнца. Колоссы! Любой архитектурный каприз, порожденный сумасбродкой-историей, можно было отыскать внизу. Плоские равнины террас, площади размером с небольшой городок, парки, дома с усадьбами — окультуренный им ландшафт.

Тут шедевр, там пышная и наглая безвкусица. Впечатления сменяли друг друга: вот древняя аркада из баснословного Багдада. Вот купол, о котором только мечтали в мифическом Дамаске, или арки, что могли родиться лишь в слабом тяготении Атара. И все это сливалось воедино в несравненном великолепии. Гармония башен и странных глубин.

Луна! Луна! Луна!

Разочарование не отпускало его. Сознание масс, потоки разума в его Вселенной. Они вздымались огромными валами прилива. Он ощущал влияние далеких миграций

на человечество: все их вихри, токи, течения генов, которых не остановить никаким воздержанием... бессилию и проклятьям они тоже не подвластны.

И что есть джихад Муад'Диба перед всем этим? Он минует в мгновение ока. По течению времени скользили и сестры Бене Гессерит, но и они тонули в потоке, подобно ему самому, несмотря на искусные манипуляции с генетикой человека. Видение падавшей луны нужно было еще сопоставить с другими видениями, с другими легендами. Во Вселенной умирают и гаснут даже вечные звезды.

И что такое одна луна перед ликом Вселенной?

Где-то в глубинах его крепости, вдалеке, так что городской шум временами заглушал музыку, затренькал десятиструнный рубаб. Он пел песни джихада, пел о тоске по женщине, оставшейся на Арракисе:

Бедра ее — дюны, скругленные ветром,
И в глазах — полдневное пламя.
Две косы по спине змеятся.
Ах-хх, сколько в них водяных колец!
Руки мои помнят ее кожу
Благоуханную, словно розы и амбра.
И глаза исполнены воспоминаний
И опять опаляет меня белое пламя любви.

От песни ему стало совсем тошно. Дурацкие чувства, пошлая музыка... погрязшие в сентиментальности людишки. Поди-ка, спой ее источенному Пустыней трупу, который видела Алия.

В тени за балконной решеткой кто-то шевельнулся. Пауль мгновенно обернулся.

Гхола выступил вперед под жаркое солнце. Металлические глаза его поблескивали.

— Передо мной Дункан Айдахо или некто по имени Хейт? — осведомился Пауль.

Гхола остановился в двух шагах.

— А что предпочтет господин мой?

В голосе его слышалась осторожность.

— Игры дзенсуннитов, — с горечью проговорил Пауль. — *«Смысл, скрытый внутри смысла...»* Так что бы мог сказать или сделать философ-дзенсуннит, чтобы хоть на йоту изменить открывающуюся перед нами реальность?

— Господин мой обеспокоен.

Пауль повернулся к далеким обрывам Барьерной Стены, к ее источенным ветром аркам и бастионам, в которых нетрудно было углядеть жутковатую пародию на его город. Сама природа изволит шутить над ним! Поглядика, мол, на что *я* способна. Он заметил в дальней гряде расщелину, по которой стекал вниз песок, и подумал: *Там! Именно в этом месте мы били сардаукаров*!

— Так что же беспокоит моего повелителя? — спросил гхола.

— Видение, — хрипло шепнул Пауль.

— Ах-хх, когда тлейлаксу впервые пробудили меня, и ко мне тоже приходили видения. Я не знал покоя, я был одинок... еще не понимая того. Тогда я не понимал. И видения ничего не открывали мне. Тлейлаксу объяснили мне, что причиной тому плоть, и такому подвержены все люди и гхолы — простая хворь, не более.

Пауль обернулся и поглядел прямо в бесстрастные глаза гхолы, запавшие в глазницы шарики стального цвета. Какие видения открывались им?

— Дункан... Дункан... — шепнул Пауль.

— Меня зовут Хейт.

— Я видел, как пала луна, — проговорил Пауль, — она сгинула. Исчезла с великим шипением. Земля содрогнулась.

— Вы опьянены временем, сир, — отвечал гхола. — Вы поглотили слишком много его.

— Спрашиваю у дзенсуннита, отвечает ментат! — усмехнулся Пауль. — Что же, отлично! Пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй и сведи в простые слова, готовые к погребению.

— Действительно, к погребению, — отвечал гхола. — Вы спасаетесь от смерти и укрываетесь в следующем миге, не желая жить здесь и сейчас. Что гаданье? Разве в нем опора для Императора?

Знакомая родинка на подбородке словно заворожила Пауля.

— Стараясь существовать в этом будущем, — произнес гхола, — вы делаете его материальным. Хотите ли вы, чтобы оно стало реальным?

— Если я пойду путем моего видения, я останусь жив, — пробормотал Пауль. — Почему ты считаешь, что я хочу жить в таком будущем?

Гхола пожал плечами.

— Вы требовали от меня общего решения.

— Разве сущность Вселенной состоит из событий? — проговорил Пауль. — Разве есть в ней окончательный ответ? Разве каждое решение не порождает новых вопросов?

— Вы уже поглотили столько времени, что оно породило в вас иллюзию бессмертия, — проговорил гхола. — Даже ваша империя, государь мой, просуществует свое время и неизбежно падет.

— Довольно вещать про обгорелые алтари, — буркнул Пауль. — Хватит богов и мессий. Предсказать падение моей собственной власти можно без сверхъестественных способностей. На это способен последний поваренок на кухне. — Он покачал головой. — Луна упала!

— Следует возвратить разум свой к началу, — отвечал гхола.

— Не этим ли ты должен погубить меня? — задумчиво спросил Пауль. — Ты должен мешать мне собрать воедино мои думы.

— Как можно собрать воедино хаос? — спросил гхола. — Мы, дзенсунниты, говорим: «Не копи — в этом высшая бережливость». Что можно собрать, не собрав себя самого?

— Меня бесит это видение, а ты еще несешь эту бессмыслицу! — сердито выкрикнул Пауль. — Ну что ты знаешь о предвидении?

— Мне приходилось видеть и пророчествующих оракулов, — возразил гхола, — а еще и тех, кто ищет предзнаменования и знаки, определяющие их судьбу. Они боятся того, чего ищут.

— Ну, *моя-то* луна упала взаправду, — прошептал Пауль. И судорожно вздохнул. — Она падала... падала...

— Люди всегда опасаются того, что двигается как бы само по себе, — объяснил гхола. — Вы боитесь собственных сил. Того, что попадает вам в голову из ниоткуда. А что выпадает из нее? Куда отправляется?

— Твои утешения усеяны шипами, — пробурчал Пауль.

Лицо гхолы вдруг словно озарил свет. На миг он стал истинным Дунканом Айдахо.

— Утешаю чем могу, — мягко проговорил он.

Пауль удивился. Неужели гхола почувствовал скорбь, которую его разум отвергает? Неужели и Хейту открываются собственные видения?

— У моей луны было имя, — прошептал Император.

И вновь позволил видению овладеть им. Все существо его корчилось, кричало, но губы безмолвствовали. Он боялся заговорить, ведь голос мог выдать его. В том ужасном грядущем не было Чани. Не было ее, стонавшей в его объятиях, ее, в чьих глазах горело желание, не было чарующего голоса, лишенного, к счастью, всех этих утонченных ведьмовских штучек... Не было! Вся эта сладкая плоть вернулась в землю, стала песком и водой!

Пауль медленно отвернулся к площади перед Храмом Алие. По дороге процессий ко входу в храм приближались три бритоголовых пилигрима. Они торопились, пригнув головы, пряча лица от полуденного ветра. Один прихрамывал, подволакивая левую ногу. Обогнув угол, они исчезли из вида.

И луна его исчезла. И эти... Но видение все еще было перед ним. В ужасном предназначении его не оставалось сомнений.

Плоть сдается, думал он. *Вечность забирает свое назад. Да, нашим телам недолго бороздить эти воды, попляшем в опьянении собой и любовью, выдумаем пару странных идеек, а потом каюк— время, бери нас! Что сказать? Вышло так, пожил... и все, исчез, но ведь— жил!*

(Что проку просить у солнца пощады.

«Ламентации Муад'Диба»; из «Комментариев» Стилгара)

Один-единственный миг, одна-единственная ошибка могут стоить жизни — напомнила себе Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам.

Она ковыляла вперед с абсолютно непринужденным видом, окруженная кольцом охранников-фременов. Как раз позади нее шел глухонемой — она знала это, — не подверженный влиянию Голоса. Без сомнения, он должен был убить ее при малейшем поводе — если она даст его.

Почему Пауль призвал ее? — удивлялась она. Или он собирается вынести ей приговор? Она вспомнила тот давнишний день, когда она испытывала его... ребенка... Квисатц Хадераха. Уже тогда он был глубок.

К чертям его мать на всю вечность! По ее вине эта генетическая линия потеряна для Бене Гессерит.

При ее приближении все разговоры под сводами коридоров смолкали. Перед ней словно бежало повеление Императора. Пауль услышит это молчание. И он заранее узнает о ее прибытии, прежде чем о ней объявят. Уж себя-то она не обманывала: он был сильнее ее.

Проклятый!

Она сожалела, что возраст уже наложил на нее свою печать: ноют суставы, реакция замедлилась, и мышцы — вовсе не те хлысты, какими были когда-то. Сегодня был долгий день, долгой была и жизнь. И весь сегодняшний день она посвятила Таро Дюны, безуспешно стараясь отыскать хоть какое-нибудь указание на собственную участь. Но карты молчали.

Обогнув угол, стража ввела ее в очередной из казавшихся бесконечными сводчатых коридоров. За треугольниками окон из метастекла вились на подпорках лианы с индиговыми цветами, заходящее солнце бросало глубокие тени. Под ногами мозаика: водяные твари дальних планет. Всюду напоминания о воде. Богатство... роскошь.

По залу расхаживали облаченные во фрименские одеяния фигуры, люди бросали косые взгляды и узнавали... чувствовалось напряжение.

Преподобная Мать сосредоточила внимание на короткой стрижке шедшего впереди стража — юное тело, розовые морщинки у края воротника.

Колоссальные размеры Цитадели начинали производить впечатление даже на нее. Коридоры... переходы. Из открытой двери слева донеслись звуки тимбура и флейты, негромкая древняя музыка. В полумраке блеснули синие-на-синем фрименские глаза. Она просто чуяла, как бродит в генах этого народа фермент легендарных бунтов прошлого. Какая потеря, какая потеря: и все этот дурак — Атрейдес. Как смел он пренебречь драгоценностью, носимой им в чреслах! Квисатц Хадерах! Безусловно, рожденный до времени, но реальный, как и его мерзкая сестра... в ней таилась опасная неизвестность. Дикая Преподобная Мать, воспитанная вне ограничений, налагаемых Орденом, не испытывающая никакой лояльности к генетической программе Бене Гессерит. Без сомнения, она обладала теми же силами, что и брат, и не только ими.

Размер Цитадели теперь уже угнетал Преподобную. Неужели коридоры так и не кончатся? Все здесь свидетельствовало о колоссальной физической мощи. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой истории не видела еще подобного рукотворного колосса. В одном погребе этого сооружения можно было бы уместить дюжину древних городов!

Они миновали овальные двери, на створках мерцали огни. Преподобная Мать признала иксианское изделие: пневматическую транспортную систему. Зачем тогда ее заставили так далеко идти?.. Ответ был прост — чтобы она успела почувствовать трепет перед Императором, не дать ей подготовиться к встрече с ним.

Небольшой намек, впрочем, согласовывавшийся с прочими тонкими признаками: тем, как сопровождающие ее выбирали слова, обращаясь к ней «Преподобная Мать», и тем, как они явно обнаруживали смущение, смахивающее на примитивное опасение перед колдовством. Эти холодные Пустынные залы, в которых не было даже запаха... все вместе много говорило Бене Гессерит.

Пауль надеялся что-то получить от нее.

Она постаралась скрыть облегчение. Можно будет поторговаться. Нужно только нащупать необходимый рычаг и опробовать его прочность. Подобными рычагами сдвигались и объекты поболе этой Цитадели. Прикосновением пальца можно перевернуть целую цивилизацию.

Преподобная Мать припомнила слова Скитале: *«Если существо уже стало кем-то, оно умрет, но не превратится в собственную противоположность»*.

Коридоры, по которым ее вели, постепенно и незаметно становились шире — тонкая игра арок, полуколонн, и треугольники окон незаметно стали продолговатыми, подчеркивая эффект. Наконец впереди нее в дальнем конце высокой приемной показались огромные двустворчатые двери. Она успела заметить, что двери эти весьма велики, но когда осознала, *насколько* они громадны, еле успела справиться с изумлением. Они были не менее восьмидесяти метров высотой и в половину того шириной.

Когда они приблизились, створки мягко стронулись с места, открывая проход, — для этого были предусмотрены соответствующие механизмы. Опять иксианская рабо-

та. И через раскрывшийся колоссальный проем вместе с конвоем вступила она в Великую Приемную Императора Пауля Атрейдеса, Муад'Диба, «перед ликом которого ничтожен любой». Теперь она видела материальное воплощение этого изречения.

Двигаясь к далекому трону, Преподобная Мать подмечала архитектурные тонкости, впечатлявшие, пожалуй, не менее, чем размеры зала. В нем могла бы разместиться цитадель любого правителя древней и новой истории человечества. Подобный размах говорил о многом. Конструкция зала была великолепной. Балки и контрфорсы, удерживавшие стены и далекий куполообразный потолок, наверняка превосходили все, что создано руками человека. Во всем ощущался инженерный гений.

В дальнем конце зал как-то незаметно сужался, чтобы не подавлять своими размерами трон Пауля, находившийся на возвышении. Человеку с нетренированным восприятием фигура Пауля сперва должна была казаться во много раз больше, чем на самом деле. Даже цвет давил на незащищенную психику: зеленый трон Пауля целиком был выточен из громадного хагальского изумруда. Этот цвет — символ жизни, а по фрименским поверьям он обозначал траур. Шептали, что сидящий на троне может заставить возрыдать любого. Жизнь и смерть сливались в едином символе — подчеркивая единство в противоположностях.

Позади трона ниспадали драпировки — дымчато-оранжевые, тускло-золотые, с коричными вкраплениями, напоминавшими зерна меланжи: гобелены Пустынь Дюны. Очевидная для посвященного глаза символика, как молотом, сокрушала профанов.

Даже время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать считала минуты, за которые сможет доковылять до трона. Требовалось время, чтобы внушить вошедшему должное смирение. И вину перед безграничной мощью, придавливавшей входящего. Долгий путь к подножию престола начинал человек, но оканчивала букашка.

Императора окружали помощники и адъютанты, хитроумно расставленные вокруг престола, около четырех стен замерла домашняя стража... и эта кощунственная тварь, Алия, стояла чуть пониже престола. На следующей ступеньке ниже нее — Стилгар, лакей Императора; справа от

него на первой ступеньке снизу замерла одинокая фигура: гхола, возрожденная плоть Дункана Айдахо. Среди охранников было много фременов постарше — бородатых наибов с мозолями от трубки дистикомба возле носов, на поясах их — крисы в ножнах, маула-пистолеты, даже несколько лучеметов. Чрезвычайно доверенные люди, подумала она, ведь Император явно при щите! Вокруг него мерцало поле. Один только выстрел из лучемета — и на месте огромной цитадели останется огромная яма.

Ее конвой остановился шагах в десяти от подножия трона и расступился, чтобы Императору можно было видеть ее. Преподобная не заметила ни Чани, ни Ирулан, и удивилась: Пауль никогда не проводил важных аудиенций без них обеих.

Пауль задумчиво и безмолвно кивнул ей головой.

Она сразу же решила захватить инициативу.

— Итак, великий Пауль Атрейдес решил вызвать к себе опальную...

Пауль сухо улыбнулся, отметил: старуха понимает, что мне кое-что от нее нужно. Иначе и быть не может... при всех ее знаниях. Он признавал ее силу. Гессеритки не делались Преподобными Матерями случайно.

— Быть может, обойдемся без словесного фехтования? — спросил он.

Неужели все окажется настолько просто? — удивилась она и спросила:

— Чего ты хочешь?

Стилгар шевельнулся, бросил взгляд на Пауля. Его не устраивало подобное обращение к Императору.

— Стилгар советует мне отослать тебя прочь, — отвечал Пауль.

— А не убить? — переспросила она. — Прежде наибы фременов не имели привычки миндальничать.

Стилгар, хмурясь, проговорил:

— Иногда приходится говорить вовсе не то, что думаешь. Это называется дипломатией.

— Оставим тогда и дипломатию, — отвечала она. — Зачем было заставлять старуху идти в такую даль?

— Следовало показать, насколько бессердечным я могу быть, — отвечал Пауль, — чтобы ты сумела понять и мое великодушие.

— И ты осмеливаешься прибегать к такой чуши, имея дело с проктором Бене Гессерит? — спросила она.

— В крупных делах — свои мерки, — отвечал он.

Нерешительно она взвесила его слова. Значит... он может и устранить ее... *если* она... *что* она?

— Говори, чего ты хочешь от меня, — буркнула она.

Алия поглядела на брата, кивнула в сторону драпировок за троном. Аргументы Пауля были известны ей, но она их не одобряла, совершенно не одобряла. Дикое пророчество, так сказать. Ее просто мутило от нежелания участвовать в этой сделке.

— Осторожно разговаривай со мною, старуха, — проговорил Пауль.

Он назвал меня старухой, еще когда был всего лишь юнцом, думала Преподобная. *Значит, он хочет напомнить мне о моем участии в его прошлом? И принятое мною прежде решение должно быть изменено?* Необходимость решать тяжко придавливала ее к земле... даже колени дрожали. Мышцы стенали от усталости.

— Путь оказался дальним, — сухо заметил Пауль, — я вижу, ты устала. Продолжим в моих апартаментах позади престола. Там ты сможешь сесть. — Сделав рукой сигнал Стилгару, Император встал.

Стилгар и гхола помогли ей подняться и повели следом за Паулем в проход, прикрытый драпировками. Теперь она поняла, зачем ему понадобилось принимать ее в зале, — немая сцена предназначалась для наибов и стражи. Значит, он опасается их. А теперь... теперь он выражал благосклонность, лукавил с ней, с адептом Бене Гессерит. Играл ли? Она почувствовала, что следом за ней кто-то идет, обернулась и увидела Алию. Глаза юной особы были задумчивы и сердиты. Преподобная Мать поежилась.

Личные апартаменты, ожидавшие их в конце коридора, оказались двадцатиметровым кубом из пластали, освещенным желтыми плавающими лампами. Стены прикрывали оранжевые гобелены, словно в сиетче в открытой Пустыне. Диваны, мягкие подушки, слабый запах меланжи. Хрустальные графины с водой на низком столе. Такое крошечное помещение после огромного зала.

Пауль усадил ее на диван и встал рядом, изучая древнее лицо, — стальные зубы, глаза, что прятали много боль-

ше, чем выдавали... Он указал на графин. Она отрицательно качнула головой, уронив на лоб прядь седых волос.

Тихим голосом Пауль произнес:

— Я хочу выкупить у тебя жизнь моей возлюбленной.

Стилгар прочистил горло.

Алия поигрывала рукоятью ножа, висящего на ее груди.

Гхола оставался у двери, с безразличным видом что-то разглядывая над головой Преподобной Матери.

— А ты видел, что я покушаюсь на ее жизнь? — буркнула Преподобная Мать. Все внимание ее теперь было уделено гхоле — он смутно беспокоил ее. Почему именно он показался ей источником угрозы? Ведь он — инструмент заговорщиков.

— Что от меня хочешь ты, мне известно, — уклонился он от прямого ответа на ее вопрос.

Значит, он пока только лишь подозревает, подумала она, переводя взгляд на носки собственных туфель, выглядывавшие из-под края ее одеяния. Черные туфли и черная аба обнаруживали уже следы заточения: пятна, мятая ткань. Подняв подбородок, она встретилась с яростным взором Пауля. Воодушевление овладело ею, она постаралась спрятать его за прищуренными глазами, поджала губы.

— И чем ты собираешься платить? — спросила она.

— Вы получите мое семя, не меня самого, — произнес Пауль. — Ирулан будет изгнана после искусственного осеменения.

— Как ты смеешь! — яростно вспыхнула Преподобная.

Стилгар на полшажка переступил вперед.

Гхола рассеяно улыбался, Алия внимательно глядела на него.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой запреты Ордена, — проговорил Пауль. — И не желаю слушать о грехах, мерзостях и предрассудках прошлых джихадов. Вы получите мое семя для ваших нужд, но ребенок Ирулан не сядет на мой престол.

— Твой престол! — фыркнула она.

— Мой.

— И кто же родит императорского наследника?

— Чани.

— Она же бесплодна.

— Она в тягости.

Потрясение ее выдал невольный вздох:

— Ты лжешь! — отрезала она.

Подняв руку, Пауль остановил рванувшегося Стилгара.

— Мы только два дня как узнали об этом.

— Но Ирулан...

— Только искусственным образом. Таково мое условие.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лицо. Проклятие! Так бросаться наследственностью! Гнев кипел в ее груди. И учение Бене Гессерит, и заповеди Джихада Слуг запрещали подобный поступок... Не надо марать высочайшие устремления человечества. Никакая машина не может функционировать подобно человеческому уму. И ни слово, ни дело не должно даже намекать, что человека можно выводить селекцией, подобно животным.

— Каково твое решение? — спросил Пауль.

Она качнула головой. Гены, драгоценные гены Атрейдесов, они были важнее всего. Необходимость была сильнее всех запретов. Сестры в соединении двух тел видели не только сперму и яйцеклетку. Они старались уловить *душу*.

Теперь Преподобная Мать понимала тонкую глубину предложения Пауля. Он собирается заставить Бене Гессерит совершить поступок, который вызовет всеобщее осуждение... если обнаружится. Как могут они объявить об этом отцовстве, если его будет отрицать Император? *Гены* Атрейдесов такой монетой можно купить, но Сестры не смогут добиться трона.

Она быстро обвела взглядом комнату, вглядываясь в каждое лицо: Стилгар теперь невозмутимо ожидал, гхола застыл, углубившись в себя. Алия следила за гхолой... и Паулем, — тая гнев.

— Таково твое единственное предложение? — спросила она.

— Да, единственное.

Она поглядела на гхолу, заметила легкое подергивание мускулов на щеке. Эмоция?

— А теперь, гхола, — проговорила она, — скажи, следовало ли делать подобное предложение? А уж коли оно сделано, следует ли мне принимать его? Выполняй обязанности ментата.

Металлические глаза повернулись к Паулю.

Обратившись к Преподобной, гхола вновь потряс ее — на этот раз улыбкой.

— Предложение не хуже покупаемого объекта, — отвечал он. Здесь обмен ведется на уровне — жизнь за жизнь. Высокая цена.

Отбросив со лба прядку медных волос, Алия проговорила:

— А что еще кроется в такой сделке?

Преподобная Мать не желала даже глядеть на Алию, но слова эти горели в ее мозгу. Да, в них крылись глубокие последствия. Конечно же, сестра эта — мерзость, но ей нельзя отказывать в праве на титул Преподобной со всем, что проистекает отсюда. Гайя-Елена Мохийам вдруг ощутила себя не одной, а комком многих крошечных личностей. Они бодрствовали, все Преподобные Матери, память которых впитала она, становясь Жрицей Ордена. Алия находится в том же положении.

— Что *еще*? — спросил гхола. — Еще можно только удивляться, почему ведьмы-гессеритки не прибегают к методам тлейлаксу.

Гайя-Елена Мохийам и все Преподобные Матери поежились. Да, тлейлаксу делали мерзкие вещи. Но если допустить искусственное осеменение, следующий шаг — контролируемую мутацию — сделают уже тлейлаксу.

Следя за бушующими эмоциями, Пауль вдруг почувствовал, что все эти люди ему незнакомы. Он уже не знает их. Даже Алию.

Алия сказала:

— Если мы пустим гены Атрейдесов в реку Бене Гессерит, кто может знать, что получится?

Гайя-Елена Мохийам резко обернулась, встретилась глазами с Алией. И на миг обеих Преподобных словно соединила единая мысль: *Что замышляют тлейлаксу? Гхола— их творение. И не он ли подсказал этот план Паулю? И не обратится ли теперь Император прямо к Бене Тлейлаксу, предлагая им эту сделку?*

Ощущая двусмысленность и неопределенность собственного положения, она отвела глаза от Алие. И напомнила себе: любой из Сестер собственные умения всегда грозили опасностью; высшая власть над собой и людьми искушала их гордостью и тщеславием. Любая сила обманчива. И некоторые могут решить, что одолеют любую преграду, в том числе собственное невежество.

Но среди дел Бене Гессерит есть наиважнейшее, напомнила она себе. Пирамида поколений, на вершине которой стоял Пауль Атрейдес... и мерзкая сестра его. Малейшая ошибка, и пирамиду придется возводить вновь, начиная отбор по параллельным линиям, пользуясь субъектами, лишенными самых важных характеристик.

Контролируемые мутации, размышляла она. *Неужели тлейлаксу и в самом деле прибегают к ним? Соблазн!..* Она тряхнула головой, чтобы отделаться от подобных дум.

— Ты отвергаешь мое предложение? — спросил Пауль.

— Я еще не решила, — отвечала она.

И она вновь поглядела на сестру. Оптимальный брачный партнер для этой девицы погиб... убит Паулем. Остается еще одна возможность... которая еще более укрепит в отпрыске необходимые характеристики. Пауль посмел предложить Сестрам прибегнуть к животному способу для завершения программы. Решится ли он заплатить *настоящую* цену за жизнь Чани? Пойдет ли на связь с собственной сестрой?

Пытаясь выгадать время, Преподобная Мать произнесла:

— Поведай же мне, о безукоризненный образец святости, как сама Ирулан отнесется к твоему предложению?

— Ирулан сделает, как вы ей прикажете, — проворчал Пауль.

Верно, подумала Мохийам. И бестрепетно намекнула:

— Кстати, Атрейдесов — двое.

Мгновенно уловив, что крылось за этими словами, Пауль почувствовал, как побагровело его лицо:

— Поосторожнее, — бросил он.

— А тебе, значит, можно делать подобные предложения Ирулан? — спросила она.

— Разве не для этого вы ее готовили? — ответил вопросом Пауль.

Да, готовили, думала Мохийам. *Ирулан не медяк. На что еще можно потратить ее?*

— И ты возведешь ребенка Чани на трон? — спросила Преподобная.

— На *мой* трон, — ответил Пауль, глядя на Алию, стараясь понять, все ли следствия из предложения Мохийам видела сестра. Странно притихшая, она стояла зажмурив глаза. С какой внутренней силой ведет она разговор? Алия

стояла, но его самого словно уносило куда-то. Она оставалась на берегу и все дальше и дальше удалялась от Пауля.

Преподобная Мать наконец приняла решение и сказала:

— Столь важный вопрос нельзя решать в одиночку. Я должна снестись с Советом на Валлахе. Ты позволишь?

Словно ей необходимо мое разрешение! — подумал Пауль и ответил:

— Хорошо, согласен. Но не тяните. Я не могу ждать сложа руки, пока вы там размышляете.

— Будете ли вы обращаться к Бене Тлейлаксу? — резким тоном вторгся в разговор гхола.

Глаза Алие внезапно широко распахнулись — словно бы разбуженная опасным гостем, она смотрела на гхолу...

— Пока я не решил, — произнес Пауль. — И при первой же возможности я отправлюсь в Пустыню. Наш ребенок рожден будет в сиетче.

— Мудрое решение, — одобрил Стилгар.

Алия не хотела даже глядеть на него. Брат ошибался. Она ощущала это каждой клеточкой своего тела. Сам Пауль не может не знать этого. Почему он выбрал именно эту тропу?

— Бене Тлейлаксу предлагали уже свои услуги? — спросила Алия. Она почувствовала, как замерла Мохийам в ожидании ответа.

Пауль покачал головой.

— Нет, — и обернулся к Стилгару:

— Стил, распорядись, чтобы послание Преподобной ушло на Валлах.

— Непременно, милорд.

Стилгар подозвал стражу и вышел, следуя за старухой. Пауль молча глядел в сторону. Он видел, что Алия не решается спросить его о чем-то. Но так и не обратившись к нему, она повернулась к гхоле.

— Ментат, — сказала она, — будут ли тлейлаксу просить милости у моего брата?

Гхола пожал плечами.

Тлейлаксу? — позволил себе отвлечься Пауль. *Нет... не так. Вопрос Алие говорил, что она не видит других вариантов.* Ну что же, у каждой сивиллы собственные возможности, и у пророка тоже. Разве сестра одно и то же со своим братом? Скитания... Скитания... Вздрогнув, он

отвлекся от собственных мыслей, чтобы услышать обрывки разговоров:

...должен знать, что тлейлаксу...

...полнота данных всегда...

...следует проявить здоровую осторожность...

Пауль повернулся к сестре, привлекая ее внимание. Он понимал, что она заметит следы слез на лице его и удивится... Пусть удивляется. Удивление не грех. Он взглянул на гхолу, но перед глазами был Айдахо. Грусть и сочувствие боролись в его душе. Интересно, какими видят их эти металлические глаза?

У зрения и слепоты много ступеней, думал Пауль, вспоминая фразу из Экуменической Библии: *«Каких же еще чувств надо вам, чтобы увидеть невидимый мир вокруг вас?»*

Органом каких чувств были эти металлические глаза?..

Ощутив горькую печаль брата, Алия подошла к нему. Благоговейным жестом фременки коснулась слезинки на щеке его и проговорила:

— Не надо горевать о ближних, прежде чем они оставили нас.

— Прежде, — прошептал Пауль. — Скажи мне, сестренка, что такое — *«прежде»?*

«Я уже сыт по горло и богами, и их жрецами! Неужели думаете, что собственный мир не понятен мне?— Хейт, что следует из имеющихся данных?— Греховные обряды мои проникли в сердце потребностей человека. Люди и едят теперь по милости Муад'Диба! Любят ради меня, рождаются во имя мое... улицу переходят, благодаря за это Пророка. Даже балку в захудалом домишке на каком-нибудь Шри-Ганге не станут менять, не испросив благословения у жрецов Муад'Диба».

(Книга Обличений из «Хроники Хейта»)

— Ты многим рискуешь, являясь ко мне в это время, — произнес Эдрик, бросив яростный взгляд на лицедела через стенки контейнера.

— Насколько же слабосильно и узко твое разумение! — ответил Скитале. — И кто же, по-твоему, явился с визитом в твой дом?

Эдрик нерешительно вглядывался в объемистое тело, тяжелые веки, припухшее лицо. Было рано, и метабо-

лизм Эдрика после ночного отдыха еще не перестроился на полное потребление меланжи.

— Надеюсь, по улице ты шел не с этой физиономией? — спросил Эдрик.

— Среди моих обличий сегодня были и совершенно не запоминающиеся.

Этот хамелеон решил, что смена шкуры защитит его ото всех неприятностей, необычайно отчетливо понял Эдрик. И вновь подумал: *а что, если его участие в заговоре не скрывает соучастников от прочих пророков... Сестры Императора, например?*

Эдрик качнул головой, взбаламутив оранжевый газ во всем контейнере, и произнес:

— Зачем ты здесь?

— Наш дар должен быстрее перейти к решительным действиям, — объявил Скитале.

— Это невозможно.

— Следует отыскать способ, — настаивал Скитале.

— Почему?

— Мне не нравится течение дел: Император пытается разделить нас. Он уже обратился с предложением к Бене Гессерит.

— Ах, это...

— Это! И вы обязаны заставить гхолу немедленно...

— Сделали его вы, тлейлаксу. Какие рекомендации нужны вам от меня? — Эдрик умолк, пододвинулся к прозрачной стенке контейнера. — Или же вы солгали, и дар этот предназначен для иного?

— Чем солгали?

— Ты ведь утверждал, что гхола — оружие, которое нужно просто направить в цель... И когда гхола обретет хозяина, нам не придется уже вмешиваться.

— Ну, действия всякого гхолы можно ускорить, — отвечал Скитале. — Для этого достаточно просто поинтересоваться прежней личностью его.

— И к чему это приведет?

— Он станет действовать в соответствии с нашими целями.

— Но Император все-таки ментат, а потому мудр и логичен, — возразил Эдрик, — он может просто догадаться о наших мотивах... или его сестра. Если она обратит все свое внимание на...

— Что же, ты не в силах укрыть нас от его сестры? — спросил Скитале.

— Речь не о пророках, — отвечал Эдрик. — Я опасаюсь логики, нюха шпионов и ищеек империи, ее мощи и власти над Пряностью, ее...

— Перед мощью Императора не обязательно испытывать трепет — если помнить, что она конечна, — отвечал Скитале.

Навигатор начал возбужденно извиваться, размахивая конечностями, словно некий диковинный тритон. Скитале подавил отвращение. Гильдиец был облачен в свой обычный темный комбинезон, на поясе вздувались емкости для всяких мелочей. И все же при движении он казался нагим. Виной тому эти плавательные движения, рассудил Скитале, и вновь поразился странной связи, собравшей таких различных заговорщиков. Они попросту несовместимы друг с другом. В этом кроется слабость их замысла.

Возбуждение Эдрика утихло. Он видел Скитале сквозь оранжевую дымку перед глазами. Каким ходом запасся лицедел, чтобы успеть вовремя спасти собственную шкуру? Поступки тлейлаксу были непредсказуемы. Недобрый знак.

Нечто в голосе и действиях навигатора свидетельствовало, что гильдиец боится сестры Императора куда больше, чем самого Муад'Диба. Мысль эта встревожила Скитале. Неужели заговорщики не знают об Алие чего-то важного? Сумеет ли один гхола погубить и брата, и сестру?

— Знаешь ли ты, что говорят об Алие? — принялся прощупывать почву Скитале.

— Что ты хочешь сказать? — человек-рыба вновь казался обеспокоенным.

— Что у философии и культуры еще не было такой покровительницы, — ответил Скитале. — Радость и красота в едином...

— Ни радость, ни красота не вечны, — возразил Эдрик. — Мы погубим обоих Атрейдесов. Культура! Да они насаждают ту культуру, которая помогает им править! Красота! Их красота порабощает. Они создают вокруг себя грамотное невежество, ведь это легче всего. Атрейдесы ничего не оставляют на волю случая. Ковать оковы — вот дело, привычное для их рук, Атрейдесы только сковывают и порабощают. Но всякий раб однажды да восстанет!

— Сестра может выйти замуж и родить, — проговорил Скитале.

— Что нам до сестры? — спросил Эдрик.

— Пару ей может подобрать Император, — пояснил Скитале.

— Пусть выбирает. Для этого уже слишком поздно.

— Будущего не выдумать, — предостерег его Скитале. — Ты не творец его, но и Атрейдес тоже. — Он кивнул. — Не следует рассчитывать на многое.

— Мы не из тех, кто легкомысленно болтает о творении, — запротестовал Эдрик. — Довольно того, что мы не принадлежим к сброду, пытающемуся сделать Муад'Диба мессией. Что за чушь? Зачем ты задаешь такие вопросы?

— Это не я, — отвечал Скитале, — вся эта планета задает такие вопросы.

— Планеты не разговаривают.

— Согласен — все, кроме этой.

— Неужели?

— Она говорит о творении. Песок, выпадающий по ночам, твердит эти слова.

— Это песок-то?

— Когда ты пробуждаешься утром, глазам твоим каждый раз предстает новый мир — девственная гладь, на которой еще никто не оставлял следа.

Девственная гладь, думал Эдрик. *Творение?* Его вдруг охватило беспокойство. Этот тесный контейнер, давящие стены вокруг... каменная темница угнетала его.

Следы на песке.

— Ты говоришь как фримен, — произнес Эдрик.

— Да, мысль эта принадлежит Вольному Народу, и она достаточно поучительна, — согласился Скитале. — Они говорят, что Джихад Муад'Диба оставляет свои следы во Вселенной, подобно фримену, ступающему по пескам. И следы эти подобны жизни человека.

— Так ли?

— Но всегда приходит ночь, — ответил Скитале, — а с ней ветер.

— Да, — согласился Эдрик. — Джихад не вечен. Муад'Диб использовал свой джихад и...

— Нет, возразил Скитале. — Это не он использовал джихад — это джихад воспользовался им. По-моему, Муад'Диб прекратил бы его, если б только мог.

— Если б только мог? Для этого-то нужно всего...

— Ох, перестань! — бросил Скитале. — Как остановить эпидемию ментатизма? Она передается от личности к личности через парсеки. Она заразна, невероятно заразна. К тому же поражает человека в самое уязвимое место, и так переполненное останками прежде перенесенных подобных хворей. Кому по плечу остановить эту чуму? Даже у Муад'Диба не было противоядия. Корни этой болезни уходят в хаос. Кто может приказывать хаосу?

— Значит, и ты заразился? — спросил Эдрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, удивляясь страху в словах Скитале. Или же лицедел успел предать их? Он не мог заглянуть в будущее, проверить, так ли это. Грядущее бурлило мутным ручьем, клокотало на камнях-пророках.

— Мы все уже заражены ею, — отвечал Скитале, напоминая себе, что интеллект Эдрика, увы, ограничен. Как бы намекнуть, чтобы гильдиец понял?

— Но ведь когда мы уничтожим его, — проговорил Эдрик, — зараза...

— Следовало бы оставить тебя в невежестве, — усмехнулся Скитале, — но долг не позволяет. К тому же это опасно для всех нас.

Эдрик дернулся, взмахнул перепончатой ногой, остановился, всколыхнув облака оранжевого газа. — Странные речи, — неуверенно сказал он.

Более спокойным тоном Скитале проговорил:

— Да, власть Муад'Диба уже готова взорваться, развалиться на части, которые будут разлетаться столетиями! Разве ты не видишь этого?

— Гильдии приходилось иметь дело с религиями, — запротестовал Эдрик. — И если новая...

— Это же не просто религия! — попытался растолковать Скитале, подумывая, что сказала бы Преподобная Мать, если бы оказалась свидетельницей суровой трепки, которую ему пришлось задать собрату-заговорщику. — Эта государственная религия — нечто совершенно иное. Муад'Диб повсюду насажал своих квизара тафвид, и они подменили собой былые правительства. Эта власть не имеет постоянных представительных органов, не имеет посольств. И то и другое подменяют епископы, которым и принадлежит власть. Люди завистливы.

— Но пока их ничто не соединяет, с ними легко справиться поодиночке, — отозвался Эдрик с самодовольной усмешкой, — стоит отрубить голову, и тело упадет на...

— У этого тела две головы, — заметил Скитале.

— Сестра... которая может выйти замуж.

— Которая *выйдет* замуж.

— Скитале, мне не нравится этот тон.

— А мне не нравится твое невежество.

— Ну и что, если она выйдет замуж. Как это скажется на наших планах?

— Это скажется на целой Вселенной.

— Но ведь они вовсе не уникальны. И я сам, например, обладаю известными силами.

— Ты младенец рядом с ними. Ползешь на четвереньках там, где они бегут.

— И все же они не уникальны!

— Не забывай, гильдиер, что мы, тлейлаксу, некогда сами породили Квисатц Хадераха. Существо, способное лицезреть весь спектакль, разворачивающийся во времени. Это неотъемлемое свойство его, нельзя надеяться на собственную безопасность, угрожая ему. Муад'Дибу, конечно, известно, что удар будет нанесен по его Чани. Значит, мы должны действовать быстрее, чем он. Свяжись с гхолой, заставь его действовать. Я сказал, как это сделать.

— А если я не смогу?

— Тогда перуны Муад'Диба поразят нас.

О червь пожирающий,
Устоишь ли против стремления необоримого?
Плоть и дыхание влекут бессчетнозубого
В землю начал, дабы
Сокрушить чудищ, в пламени пляшущих.
Нет обличья у многоликого,
Что укрыло бы пламень желания,
Жар божественный, яд устремления.

(«Гимн Червю» из «Книги Дюны»)

Пауль хорошенько пропотел в тренировочном зале, фехтуя с гхолой крисом и коротким мечом. Он теперь стоял у окна, глядел на площадь перед храмом и пытался представить себе, что делается с Чани в лазарете. Утром ей стало

плохо, шла шестая неделя беременности. Врачей лучше тех, что уже суетились вокруг нее, попросту не существовало. Они известят его, если что-нибудь произойдет.

В полуденном небе над площадью нависали темные пылевые тучи. Такую погоду фримены звали «грязной».

Когда же наконец придет весть от врачей? Секунды осторожно крались мимо него, не решаясь обеспокоить своим присутствием.

Ожидание... ожидание... И Бене Гессерит еще ничего не ответили с Валлаха. Естественно, не без умысла.

Все это он уже видел... когда-то. Но теперь он отгораживал свое сознание от пророчества, желая быть просто рыбой, скользящей в водах времени не по собственной воле, а повинуясь могучим течениям и не сопротивляясь судьбе.

Гхола звенел оружием, разглядывал его. Пауль вздохнул, протянул руку к поясу и выключил щит. Как и всегда, по коже волной пробежали мурашки.

Когда придет Чани, придется встретить ее гнев лицом к лицу, думал Пауль. Пока еще ему отпущено достаточно времени, чтобы примириться с тем, что его умолчание продлило ей жизнь. Разве он был не прав, предпочитая Чани наследнику? Ах-хх, по какому праву он решил это за нее? Дурацкая мысль. Нечего было и колебаться, зная альтернативу: застенки, пытки, горе... и все остальное, куда худшее.

Он услышал, как отворилась дверь... раздались шаги Чани.

Пауль повернулся.

Лицо Чани дышало убийством. Все прочее: золотое одеяние, подбиравший его широкий фрименский пояс, ожерелье из водяных колец, рука на бедре, возле ножа, внимательный взгляд, мгновенно обежавший комнату, — только подчеркивало грозу на лице.

Когда она оказалась рядом, Пауль раскрыл объятия и привлек ее к себе.

— Кто-то, — выдохнула она, уткнувшись носом в его грудь, — все это время потчевал меня контрацептивом... пока я не перешла на новую диету. Будут сложности с родами.

— Но есть же какие-то средства? — спросил он.

— Опасные. Я знаю, кто давал мне этот яд! И возьму ее кровь!

— Сихайя, — шепнул он, еще крепче прижимая ее к себе, чтобы унять внезапную дрожь. — Ты же понесла. Разве этого не довольно?

— Сейчас моя жизнь просто сгорает, — отвечала она, — будущие роды определяют теперь всю мою жизнь. Врачи сказали мне, что все жизненные процессы ужасно ускорились. Я должна есть, есть и есть... Пряность тоже — во всех видах — есть и пить. Я убью ее за это!

Пауль притронулся губами к ее щеке.

— Нет, моя Сихайя, ты никого не убьешь, — и подумал: *Любимая, Ирулан продлила твою жизнь. Роды принесут тебе смерть.*

Горе грызло кости его, и жизнь утекала... в черную пустоту.

Чани отодвинулась от него.

— Ее нельзя простить!

— Кто говорил о прощении?

— А тогда почему мне нельзя просто убить ее?

Вопрос откровенный, чисто фрименский, и Пауль едва сумел подавить истерическое желание расхохотаться, с трудом выдавив взамен:

— Это ничего не исправит.

— Ты *видел* это?

И то, что он видел, мгновенно предстало перед его умственным взором. У Пауля заныло под ложечкой.

— Видел... видел... — пробормотал он. Все вокруг до мельчайших подробностей укладывалось в будущее, которое буквально парализовало его. Слишком часто он видел все это; какие-то цепи приковали его к этому будущему, которое сладострастным суккубом* наваливалось на него. Горло стиснула внезапная сухость. Значит, ведьмин зов проклятого пророческого дара наворожил ему наконец сегодняшний день, не ведающий пощады?

— Говори, что ты *видел,* — потребовала Чани.

— Не могу.

— А почему я не должна убивать ее?

— Потому что я прошу тебя об этом.

Он смотрел, как она реагировала на его слова. *Так песок поглощает воду, впитывает и скрывает. Найдется ли хоть одна капля повиновения под этой гневной, раскаленной поверхностью?* — думал он. И теперь только понял, что жизнь в Императорской Цитадели совершенно не измени-

---

* демон женского пола, вступающий в связь с мужчинами.

ла Чани. Очередная остановка на долгом пути по Пустыне, отдых с любимым... Она не утратила ничего, дарованного ей Пустыней.

Отстранив его, Чани смотрела на гхолу, ожидавшего возле многоугольника, выложенного на полу тренировочного зала.

— Ты фехтовал с ним? — спросила она.

— Да, мне это нравится.

Она глянула на многоугольник, перевела взгляд на металлические глаза гхолы.

— А мне — нет.

— Враги не прибегнут к насилию, он не нападет на меня, — проговорил Пауль.

— Ты видел это?

— *Этого* я не видел.

— И откуда ты знаешь?

— Ну, это не только гхола, но еще и Дункан Айдахо.

— Его сделали Бене Тлейлаксу.

— Они сделали больше, чем предполагали.

Она качнула головой. Кончик шарфа-нежони лег на воротник ее платья.

— Он — гхола, и этого тебе не изменить.

— Хейт, — повернулся к гхоле Пауль, — являешься ли ты орудием, созданным для моего уничтожения?

— Если изменятся суть и природа настоящего, будущее тоже изменится, — отвечал гхола.

— Это не ответ, — возразила Чани.

Пауль возвысил голос:

— Хейт, как я умру?

В искусственных глазах блеснули искорки.

— Говорят, милорд, вы умрете от избытка власти и денег.

Чани застыла.

— Как он смеет так разговаривать с тобою?

— Ментат говорит правду, — проговорил Пауль.

— А Дункан Айдахо был тебе истинным другом? — спросила она.

— Он отдал за меня жизнь.

— Но все знают, — шепнула Чани, — что гхола не становится тем человеком, которым когда-то был.

— Не хотите ли вы обратить меня? — поднял брови гхола, глядя на Чани.

— Что он имеет в виду? — удивилась та.

— Обратить в свою веру, или повернуть обратно... — проговорил Пауль, — но пути назад не существует.

— Каждый человек несет в себе собственное прошлое, — заметил Хейт.

— И каждый гхола? — спросил Пауль.

— Некоторым образом, милорд.

— Тогда скажи, что осталось от прошлого в глубине твоей плоти? — спросил Пауль.

Чани видела, как вопрос этот взволновал гхолу. Ладони его сжались в кулаки, движения стали порывистыми. Она поглядела на Пауля, удивляясь: зачем ему это? Или же есть способ преобразить это создание в того, прежнего человека?

— Случалось ли прежде, чтобы гхола вспоминал свое истинное прошлое? — спросила Чани.

— Этого пытались добиться, и не однажды, — отвечал Хейт, не подымая глаз. — Но ни один гхола никогда не обрел свою прежнюю память.

— Но ты жаждешь этого, — проговорил Пауль.

Гладкие глаза гхолы в упор смотрели на Императора.

— Да!

Тихим голосом Пауль начал:

— Если есть способ...

— Эта плоть, — проговорил гхола, словно в странном приветствии взметнув руку ко лбу, — не есть плоть моего рождения. Она... восстановлена. Это всего лишь форма. Такое по силам и лицеделам.

— Ну, не совсем, — отвечал Пауль, — к тому же ты не лицедел.

— Совершенно верно, милорд.

— Что же определяет форму твоего тела?

— Наследственная информация, записанная в исходных клетках.

— Где-то существует, — сказал задумчиво Пауль, — пластиковая штуковина, помнящая форму тела Дункана Айдахо. Говорят, что древние пытались заниматься этими вещами еще до Джихада Слуг. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что взяла она от оригинала?

Гхола пожал плечами.

— А что, если это был не Дункан Айдахо? — спросила Чани.

— Это был он.

— Почему ты в этом уверен? — спросила она.

— Он похож на Дункана совершенно во всем. Я не могу представить себе такой силы, что могла бы точно, без искажений, без устали выдерживать эту форму изо дня в день.

— Мой господин! — запротестовал Хейт. — То, что мы не можем чего-либо представить, еще не делает такую вещь невозможной. Как гхола, я могу оказаться вынужден сделать такое, чего бы не сделал, будучи просто человеком!

— Теперь видишь? — спросил Пауль, внимательно глядя на Чани.

Она кивнула.

Пряча глубокую печаль, Пауль отвернулся. Он подошел к двери на балкон, отодвинул шторы. В наступившей мгле вспыхнуло освещение. Он потуже запахнулся в одеяние, прислушиваясь к тому, что творилось у него за спиной.

Тишина.

Он обернулся. Чани стояла как в трансе, не отводя глаз от гхолы.

Хейт же, как показалось Паулю, спрятался в какую-то из внутренних каморок собственного существа, в месте, подобающем гхоле.

Чани повернулась на звуки шагов Пауля. Она все еще не могла отделаться от ощущения: слова Пауля на какой-то миг сделали гхолу полнокровным живым человеком. На миг она перестала бояться его, он вдруг превратился в личность, которая была достойна ее восхищения. Теперь она поняла, зачем всё это потребовалось Паулю. Он хотел, чтобы она заметила мужчину во плоти гхолы.

Она поглядела на Пауля.

— И таким-то мужем был этот Дункан Айдахо?

— Да, таким он и был. И есть ныне.

— А он позволил бы Ирулан остаться в живых? — спросила Чани.

Впитывается вода, да неглубоко, подумал Пауль, но произнес только:

— Если бы я приказал ему.

— Не понимаю, — сказала она, — ведь и тебе не следовало бы сердиться?

— Я уже сердит.

— Не похоже. Ты какой-то грустный.

— Да, немного. — Он закрыл глаза.

— Ты — мой мужчина, — вздохнула она. — Я так давно знаю тебя, но вдруг оказалось, что не понимаю.

Паулю вдруг представилось, что он спускается в глубь длинной пещеры. Плоть его двигалась, ноги переступали сами собой, но мысли были далеко.

— Я и сам не понимаю себя, — прошептал он и, открыв глаза, обнаружил, что Чани нет рядом.

Она проговорила откуда-то из-за спины:

— Любимый мой, я больше не буду спрашивать, что ты видел. С меня хватит того, что я рожу тебе долгожданного наследника.

Он кивнул и отозвался:

— Это я знаю уже давным-давно. — Он обернулся к ней. Чани казалась такой далекой...

Взяв себя в руки, она положила ладонь на живот.

— Есть хочется... Врачи сказали, что теперь мне придется есть в три-четыре раза больше, чем прежде. Я боюсь, любимый. Все идет слишком быстро.

Слишком, мысленно согласился он. *Плод сам понимает, что следует поспешить.*

Дерзость Муад'Диба проявляется в том, что знал он с самого начала путь свой, но ни разу не сошел с него. Яснее всего сказал об этом он сам: «Говорю вам: пришло время моего испытания, и покажет оно глубину служения моего». Так сплетал он все воедино, чтобы и друг, и враг поклонялись ему. Поэтому и только поэтому взывали его апостолы: «Боже, спаси нас от прочих путей, которые Муад'Диб укрыл под водами своей жизни». Даже представить себе эти «прочие пути» можно лишь с глубочайшим отвращением.

(Из «Йиам-эль-Дин», Книги Суда)

Весть принесла молодая женщина — имя ее, лицо и семья были известны Чани, потому-то она и миновала преграды, расставленные Имперской службой безопасности.

Чани лишь назвала ее имя начальнику охраны Императора по имени Баннерджи, устроившему встречу вестни-

цы с Муад'Дибом. Офицер руководствовался чистой интуицией и заверениями молодой женщины, что отец ее в дни, предшествовавшие джихаду, принадлежал к числу смертников Императора, ужасающих федайкинов. Иначе он, скорее всего, не счел бы необходимым обращать внимание на ее утверждение, что весть предназначена для ушей одного лишь Муад'Диба.

Перед аудиенцией женщину, конечно же, и просветили, и обыскали в личных апартаментах Пауля. А потом, не выпуская из ладони ножа, Баннерджи повел ее за руку.

Почти в полдень вступили они в это странное жилище, в котором обиход фримена дополнялся роскошью наследственной знати.

Три стены его были завешены гобеленами, типичными для хайрега, — изящными вышивками на темы мифов Пустыни. Четвертую стену занимал обзорный экран — ровная серебристо-серая поверхность его поднималась за овальным столом, на котором находились одни только фрименские песочные часы, встроенные в оррерий* — этот иксиканский гравимеханизм объединял макеты лун солнц Арракиса в классическую Триаду Червя.

Стоявший возле стола Пауль смотрел на Баннерджи. Этот офицер попал на службу безопасности из фрименских констеблей, добившись места лишь собственным умом и преданностью, хотя анкету его портило происхождение из контрабандистов, о чем говорила сама фамилия. Крепкий мужчина, чуть ли не толстый. Черные пряди хохолком экзотической птицы ниспадали на казавшийся влажным лоб. Синие-на-синем глаза его могли, не меняя выражения, невозмутимо взирать и на сцены блаженства, и на корчи мук. Чани и Стилгар доверяли ему. Пауль знал, что, если он прикажет удавить напросившуюся в гости девицу, Баннерджи немедленно исполнит приказ.

— Сир, вот девушка с вестью, — проговорил Баннерджи. — Госпожа Чани говорила, что предупредила вас.

— Да, — коротко кивнул Пауль.

Как ни странно, девушка на него не глядела. Внимание ее было поглощено оррерием. Смуглая, среднего роста, закутанная в одежды, роскошная ткань и простой по-

* астрономический инструмент, демонстрирующий движение планет, механическая модель планетной системы; иногда планетарий.

крой которых свидетельствовали о богатстве. Иссиня-черные волосы перехвачены лентой из той же ткани. Руки ее прятались в складках платья. Пауль подумал — должно быть, они стиснуты в кулаки. Это соответствовало характеру. Все в ней вообще соответствовало характеру, в том числе и одежда: последние остатки былой роскоши, приберегенные для подобной оказии.

Пауль жестом велел Баннерджи отступить. Тот нерешительно повиновался. Девушка шевельнулась, грациозно шагнула вперед. Но глаза ее глядели в сторону.

Пауль кашлянул.

Только теперь девушка подняла взгляд. Синие глаза ее округлились, выражая точным образом отмеренный трепет. Странное личико с узким подбородком, сдержанный рот. Глаза над высокими скулами казались слишком большими. Но было в ней нечто безрадостное, свидетельствующее о том, что улыбка — редкая гостья на этом лице. В уголках глаз желтела легкая дымка — или от раздражения песком, или из-за привязанности к семуте.

Все как и должно быть.

— Ты попросила, чтобы я принял тебя, — проговорил Пауль.

Теперь настал миг высшего испытания девичьего обличья. Скитале воспроизвел все, что мог, — облик, манеры, пол, голос. Но эту девушку Муад'Диб знал в дни своей жизни в сиетче. Пусть она была только ребенком тогда, но их с Муад'Дибом объединял одинаковый образ жизни. Некоторых тем следовало избегать в разговоре. Скитале не приходилось еще исполнять более сложной роли.

— Я — Лихна, дочь Отхейма, сына Бериаль-Диба.

Девушка выговорила имена тихо, но твердо.

Пауль кивнул. Он уже понял, каким образом этот лицедел сумел обмануть Чани. Если бы не знания Бене Гессерит, если бы не паутина дао, которой его пророческое зрение окутывало его, такое обличье, возможно, ввело бы в заблуждение и его самого.

Тренировка позволила подметить некоторые ошибки. Девушка казалась старше, чем следовало; голосовые связки явно были перенапряжены; посадка головы и плеч буквально на йоту отличались от непринужденной осанки фрименской женщины. Но кое-что было сделано просто

отменно: богатое платье кое-где подштопано, выдавая истинное положение дел, черты лица сымитированы безупречно. Значит, лицеделу понравилась эта роль.

— Отдохни в моем доме, дочь Отхейма, — отвечал Пауль обычным фрименским приветствием, — я рад тебе, как воде после дневного перехода.

Только легчайшее удовлетворение этим очевидным доверием отразилось на физиономии лицедела, выдавая его самоуверенность.

— Я принесла весть, — проговорила девушка.

— Вестник человека все равно что сам человек, — отвечал Пауль.

Скитале тихо вздохнул. Все пока шло хорошо, но наступал важный момент: Атрейдеса следовало подтолкнуть в нужную сторону. Свою фрименку-наложницу он должен потерять в таких обстоятельствах, когда винить в этом будет некого. Кроме себя самого, всесильного Муад'Диба. Следует заставить его сперва осознать собственное падение, а потом принять предложение тлейлаксу.

— Я дым, который разгоняет ночную дремоту, — сказал Скитале, воспользовавшись кодовой фразой федайкинов, означавшую: *я несу плохие известия.*

Пауль с трудом сохранял спокойствие, он казался себе нагим, душа его бродила в темноте, скрытой от всех видений. Этого лицедела укрывал могучий оракул. Только краешки этой ситуации были ведомы Паулю. Он знал только, чего ему *не следует* делать. Лицедела нельзя было убивать. Это вело к будущему, которого следовало избегать любой ценой. Может быть, и в этой тьме отыщется тропинка, которая выведет его из кошмара.

— Говори свою весть, — произнес Пауль.

Баннерджи шагнул в сторону так, чтобы видеть лицо девушки. Она, казалось, впервые заметила рукоятку ножа под ладонью офицера безопасности.

— Невинный не верит во зло, — проговорила она, глядя на Баннерджи.

Ах-х, великолепная работа, думал Пауль. Так сказала бы и настоящая Лихна. Острая жалость на миг пронзила его — к истинной дочери Отхейма, убитой и выброшенной в пески. *Не время для подобных эмоций,* нахмурился он.

Баннерджи внимательно глядел на девушку.

— Мне было приказано тайно передать эту весть, — проговорила она.

— Почему? — резким голосом спросил Баннерджи.

— Так пожелал отец.

— Это мой друг, — отвечал Пауль. — Или я не фримен? Мой друг может слышать все, что предназначено для моих ушей.

Скитале в девичьем обличье подобрался. *Обычай фрименов... или ловушка?*

— Император вправе устанавливать собственные законы, — ответил он. — Вот моя весть: отец мой хочет, чтобы ты пришел к нему вместе с Чани.

— Зачем ему Чани?

— Она твоя женщина и сайядина. По законам наших племен, это водяное дело. Она должна подтвердить, что отец мой говорит по фрименскому обычаю.

Значит, в заговоре участвуют и фримены, думал Пауль. Это соответствовало тем событиям, что скоро последуют. И у него не было выхода, оставалось только идти этим путем.

— О чем будет говорить твой отец? — спросил Пауль.

— О заговоре против тебя, о заговоре среди фрименов.

— Почему же он сам не принес сюда эту весть? — потребовал ответа Баннерджи.

Она глядела на Пауля.

— Он не может этого сделать. Заговорщики подозревают его. Он не дойдет до дворца.

— А он не мог поделиться подробностями с тобой? — спросил Баннерджи. — Иначе зачем еще рисковать собственной дочерью?

— Детали запечатлены в дистрансе, который откроется для одного Муад'Диба, — проговорила она. — Мне известно лишь это.

— Почему он не послал этот дистранс? — спросил Пауль.

— Это человек, — отвечала она.

— Тогда я приду, — проговорил Пауль, — но только один.

— Чани должна прийти вместе с тобой.

— Чани в положении.

— Разве беременные фрименки отказываются ходить?

— Мои враги травили ее тонким ядом, — отвечал Пауль. — Ее ждут трудные роды. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скитале сумел овладеть собой, странные эмоции отразились на девичьем лице: гнев и разочарование. События невольно напомнили ему: у каждой жертвы должен быть путь к спасению. Заговор не провалился, нет. Атрейдес увяз в сетях, ведь он уже стал самим собой. И скорее погибнет, чем превратится в собственную противоположность. Так было с Квисатц Хадерахом тлейлаксу. Так будет и с ним. А потом... гхола.

— Разреши мне самой попросить Чани об этом, — попросила девушка.

— Я решил, — отвечал Пауль. — Вместо нее будешь сопровождать меня *ты*.

— Но я не сайядина обрядов!

— Разве ты не подруга Чани?

Попался! — подумал Скитале. *Неужели он заподозрил? Нет... Просто он осторожен, как подобает фримену. И к тому же контрацептив — это факт. Хорошо, существуют и другие пути.*

— Отец не велел мне возвращаться, — продолжил Скитале, — он сказал, чтобы я просила убежища у тебя. Он сказал, что ты не будешь рисковать мною.

Пауль кивнул. Абсолютно достоверно. Он не мог отказать ей в убежище. Ей, фременке, покорной слову отца.

— Я возьму с собой жену Стилгара, Хару, — ответил Пауль. — Расскажи нам, как идти к твоему отцу.

— А ты уверен, что можешь доверять жене Стилгара?

— Я знаю это.

— А я — нет.

Пауль поджал губы, потом спросил:

— Твоя мать жива?

— Моя истинная мать ушла к Шаи-Хулуду. Но приемная жива и заботится об отце. Зачем она?

— Она из сиетча Табр?

— Да.

— Я помню ее, — проговорил Пауль. — Она заменит Чани.

Он дал знак Баннерджи.

— Пусть помощники отведут Лихну, дочь Отхейма, в подходящее для нее помещение.

Баннерджи кивнул. *Помощники.* Слово это означало, что вестницу следует поместить под усиленный надзор. Он взял ее за руку. Девушка воспротивилась.

— Как ты пойдешь к моему отцу? — спросила она.

— Как идти, расскажешь Баннерджи, — отвечал Пауль. — Он мой друг.

— Нет! Отец не велел! Не могу!

— Баннерджи?.. — обратился Пауль к офицеру.

Тот помедлил. Пауль видел, что Баннерджи роется в своей энциклопедической памяти, благодаря которой он стал доверенным лицом Императора.

— Я знаю проводника, который может отвести вас к Отхейму, — ответил наконец Баннерджи.

— Я пойду один, — отрезал Пауль.

— Сир, если вы...

— Этого ведь хочет Отхейм, — проговорил Пауль, едва скрывая иронию.

— Сир, это слишком опасно, — возражал Баннерджи.

— Даже Императорам приходится порой рисковать, — отвечал Пауль. — Я принял решение. Повинуйся.

Баннерджи не без колебаний вывел лицедела из комнаты.

Пауль отвернулся к пустому экрану. Ему казалось, что на него с высоты вот-вот свалится скала.

Сказать Баннерджи, кто эта вестница? — спросил он себя. Нет! В видении он не делал этого. Любые отклонения от видения лишь усугубляют насилие. Только бы успеть отыскать ось, на которой все крутится, чтобы вырвать себя из видения.

Если только она существует...

Какой бы экзотический вид ни принимала цивилизация, каких высот развития ни достигло бы общество, какой сложной ни становилась бы связь людей и машин, всегда наступает момент кульминации сил, когда дальнейшее направление развития человечества, само будущее его оказываются зависящими от простых поступков отдельных личностей.

(Из Богокниги Тлейлаксу)

На высоком пешеходном мостике между Цитаделью и зданием Квизарата Пауль начал прихрамывать. Солнце садилось, и в длинных тенях ему легче было скрыться, но внимательный взгляд всегда мог высмотреть в его походке какую-нибудь особенность и узнать его. Щит был на нем,

но Пауль не включал его: помощники считали, что мерцание поля только вызовет подозрения.

Пауль посмотрел налево. Песчаные облака, как разрезные жалюзи, перегородили небо. Воздух за фильтрами дистикомба казался столь же сухим, как посреди хайрега.

Конечно, он был не один, десница службы безопасности вовсе не расслабилась с тех пор, когда он перестал прогуливаться по ночам в одиночку. Высоко над головой как бы случайно пролетали орнитоптеры с приборами ночного видения и контрольными приемниками, следящими за укрытым в его одеянии передатчиком; проверенные люди патрулировали улицы. Прочие разбредались по городу, рассмотрев и запомнив Императора в его фрименском обличье: дистикомб, Пустынные сапоги-тимаги. Грим делал его кожу более темной, за щеки были вставлены пластиковые вкладыши. Слева у подбородка торчала трубка дистикомба.

С противоположного края мостика Пауль оглянулся назад. Около каменной решетки, скрывавшей вход в его апартаменты, что-то шевельнулось. Конечно же, Чани. «Пошел искать песка в Пустыне», — говорила она в таких случаях.

Ничего не знает, думал он. Приходилось выбирать меньшее из страданий, но теперь уже даже самое малое становилось непереносимым. В последний раз тау чуть не выдало все его чувства. К счастью, она неправильно их истолковала... Она-то думала, что страхи его вызваны неизвестностью.

Если бы только не знать ни о чем, думал он.

Он сошел с моста и вошел в верхний коридор. Повсюду там были плавающие лампы, торопились по делам люди. Квизарат не дремал. Внимание Пауля привлекли таблички над дверьми, прежде он не обращал на них внимания: *«Скорая торговля», «Ветровые конденсаторы и дистиллирующие устройства», «Перспективные пророчества», «Испытания Веры»*...

Надо всем этим можно было повесить одну общую табличку — *«Распространение бюрократии»*.

В его Вселенной само собой зарождалось новое существо: чиновник гражданский и религиозный. Вступая в Квизарат, он чаще всего был новообращенным. Ключе-

вые посты занимали фримены, зато *эти* кишмя кишели во всех нишах пониже. Они могли позволить себе меланжу — и как свидетельство богатства, и в гериатрических целях. Они держались в стороне от властей: Императора, Гильдии, Бене Гессерит, Ландсраада, правящего семейства и Квизарата. Рутина и отчетность были их истинными божествами. Им служили ментаты, они пользовались изощренными системами ведения документации. Целесообразность была главным понятием в их катехизисе. И на словах всякий из них открещивался от идей, против которых выступил Джихад Слуг. Да, машина не может быть подобием человеческого разума. Но на деле любой из них явно предпочитал машины людям, статистику личности и общий подход личным контактам, требующим воображения и инициативы.

Выходя на пандус с другой стороны здания, Пауль услышал, как зазвонили колокола, созывая на вечернюю службу в Храм Алие.

В тревожном перезвоне колоколов странным образом слышалась вечность.

Располагавшийся по ту сторону заполненной народом площади храм еще не успел потерять новизну, и обряды его были придуманы недавно. Но что-то в этом здании, высящемся на краю Арракинской впадины, свидетельствовало о противоположном. Быть может, потому, что песок и ветер уже начинают точить камень и пластик, или потому, что прочие сооружения словно жались к нему. Храм казался древним, исполненным тайн и традиций.

Пауль отдался напору толпы. На этом настоял единственный оказавшийся неподалеку сопровождающий. Быстрое согласие Пауля вовсе не обрадовало службу безопасности. Еще менее того — Стилгара; больше всех беспокоилась Чани.

Несмотря на обступившую толпу, он ощущал странную свободу в движениях, его старательно обходили, не задевая; горожан и паломников учили правильно обходиться с фременами. И он держался как человек из глубокой Пустыни. Такие легко вспыхивают гневом.

К ступеням храма подходили быстрее, напор толпы даже увеличивался. Теперь окружавшим трудно было избегать столкновений с ним и отовсюду неслись ритуальные из-

винения: «Прошу прощения, благородный господин. Увы, я был неловок», «Простите, почтеннейший, но такой давки я еще не видел», «Извиняюсь, святой человек, какой-то грубиян подтолкнул меня».

После первых извинений Пауль уже не обращал внимания на последующие. За ними не было ничего, кроме ритуального страха. Ему даже подумалось — как далеко ушел он от родного Каладанского замка! Где впервые поставил он ногу на путь, что привел его на эту людную площадь, в столицу планеты, находящейся в невероятной дали от Каладана? И вступал ли он на эту тропу вообще? Разве хоть однажды в жизни действия его определялись только одной причиной? Сложные мотивы, комплексы побуждений действовали на него; подобного переплетения реальности не ведал никто из людей во всей истории человечества. Пауля все преследовало ощущение, что он может еще уклониться от поджидающей его в конце концов участи... но толпа валила вперед и с легким головокружением он подумал, что заблудился, потерял свой собственный путь по жизни.

Толпа несла его вверх по ступеням под портик храма. Голоса приумолкли. Запахло страхом — едким и кислым, как пот.

Псаломщики-аколиты уже начали службу. Простой речитатив их заглушал прочие звуки — перешептывание, шелест одежд, шарканье ног, покашливание, — гимн говорил о Дальних Краях, которые в священном трансе посещает Великая Жрица.

Она едет на великих червях пространства
Сквозь бури и ураганы
В страну тишины и покоя.
И хранит уснувших у логова змей,
Облегчает жар Пустыни,
Прячет нас в прохладной тени.
Это блеск белых зубов ее
Ведет нас в ночи,
Это пряди волос ее
Уводят нас в небо;
Благоухание, ароматы цветочные
Окружают ее.

Балак! — по-фрименски подумал Пауль. *Будь осторожен! Она может быть разгневана.*

Вдоль стен портика высился ряд светящихся трубок, выполненных в форме свечей. Они мерцали, тем самым пробуждая древние воспоминания в душе Пауля... так и было задумано. Хитроумный замысел, атавизм. Пауль ненавидел себя: ведь и он приложил руку к этому обману.

Через высокие металлические двери толпа втекала в огромный неф, во мраке его высоко над головой играли огоньки, вдали ярко светился алтарь. Пляшущие огни за этим обманчиво простым сооружением из черного дерева, украшенным изображениями на темы фрименских мифов, в сочетании с полем пред-двери* создавали впечатление северного сияния.

Семь рядов служек, выстроившихся под этим призрачным занавесом, обретали совершенно странный вид: чернели их одежды, белели лица, в едином порыве открывались и закрывались рты.

Паул вглядывался в окружавших его пилигримов, вдруг позавидовав их сосредоточенности, страстному ожиданию откровений, которых сам он и слышать не мог без зевоты. Паломники же словно обретали здесь нечто таинственное и целительное, сокрытое для него.

Он попытался подвинуться поближе к алтарю, но на руку его вдруг легла чья-то ладонь. Пауль мгновенно обернулся, встретил испытующий взгляд старика-фримена — синие-на-синем глаза под кустистыми бровями, в них светилось узнавание. В мозгу Пауля вспыхнуло имя — Разир. Он помнил этого фримена еще по временам жизни в сиетче.

Пауль понимал, что в окружении толпы окажется совершенно беспомощным, если Разир попытается напасть на него.

Старик пододвинулся ближе, рука его под вытертым песком одеянием, конечно же, сжимала рукоять криса. Пауль постарался насколько возможно изготовиться к защите. Старик наклонил голову к уху Пауля и шепнул: *«Мы пойдем вместе с ними»*.

Кодовый сигнал. Сопровождающий. Пауль кивнул.

Разир отодвинулся, повернулся к алтарю.

---

* Пред-дверь, или «выход предусмотрительности», — запасной выход, защищенный силовым щитом.

— «*Она грядет с востока,* — возглашали аколиты. — *Солнце стоит за ее спиною. Ничто не скроется от нее. Ослепительный свет солнца все откроет ее глазам, от которых ничто не утаится: ни свет, ни тьма*».

Поверх голосов застонал ребаб, пение замолкло, настало молчание. В наэлектризованном возбуждении толпа продвинулась вперед на несколько метров. Теперь все сбились в тугую массу, дыхание людей смешалось с густым запахом Пряности.

— *Шаи-Хулуд пишет на чистом песке!* — провозгласил хор.

Пауль вдруг ощутил, что даже у него, как и у всех прочих, перехватило дыхание. В тенях позади сверкающей пред-двери тихо вступил женский хор:

— Алия... Алия... Алия...

Пение становилось все громче и вдруг умолкло.

А потом нежные, как заря, голоса завели:

Она усмиряет бури,
Глаза ее истребляют врагов,
Терзают неверных.
От шпилей Туоно,
Где брезжит рассвет,
Где текут чистые воды,
Видна ее тень.
В летнюю жару она
Дарует нам хлеб и млеко
Прохладное, благоухающее травами,
Ее глаза испепеляют врагов,
Терзают угнетателей
И проницают все тайны.
Она — Алия... Алия... Алия... Алия.

Голоса медленно смолкли. Пауля замутило. *Что же мы наделали,* подумал он. *Алия пока еще только юная ведьма, но вот-вот повзрослеет и станет еще страшнее.*

Духовная атмосфера этого храма терзала его. Какая-то его часть была заодно со всеми здесь собравшимися, но другая противилась, отвергая услышанное, и противоречие было мучительным. Он словно утопал в собственном неискупном грехе. Вселенная за пределами храма необъятна. Разве способен один человек в придуманном ритуале охватить весь необъятный простор... объединить людей единым верованием, доступным для каждого?

Пауль поежился.

Вселенная всегда противостояла ему. Она так и стремилась выскользнуть из его хватки, принимала несчетные обличья, чтобы обмануть его. Вселенная никогда не примет формы, которую он будет придавать ей.

Глубокое молчание охватило храм.

Из тьмы за играющей радугой выступила Алия. На ней были желтые одежды, расшитые зелеными узорами — фамильным цветом Атрейдесов — желтизна символизировала золотое солнце, зелень же — смерть, которая порождает жизнь. Паулю вдруг показалось, что Алия предстала перед ним одним, только ради него одного. Он глядел над толпой на собственную сестру. Ту, что была его сестрою. Он знал и весь ритуал, и истоки его, но никогда еще не случалось ему стоять здесь вместе с паломниками, глядеть на нее их глазами. И чувствуя таинственность сего, Пауль понял, что она — часть противостоящей ему Вселенной.

Аколиты поднесли Алие золотую чашу-потир.

Она подняла чашу.

Пауль знал, что в ней — непреобразованная меланжа, тонкий яд, благословение оракула.

Не отводя глаз от потира, Алия заговорила. Голос ее журчал ручейком, ласкал уши, как серебряный колокольчик.

— В начале все мы были пусты, — начала она.

— Не ведали ни о чем, — отозвался хор.

— И мы не знали той Силы, что обитает повсюду и во всех временах, — продолжила Алия.

— Не знали, не ведали, — откликнулся хор.

— Вот Сила, — проговорила Алия, приподнимая потир.

— Она дарует нам счастье, — пел хор.

И горе, думал Пауль.

— Она пробуждает душу, — говорила Алия.

— Рассеивает сомнения, — звенел хор.

— Слова убивают нас, — продолжила Алия.

— Сила исцеляет, — отозвался хор.

Приложив потир к губам, Алия отпила.

К собственному удивлению, Пауль понял, что он затаил дыхание, как и все вокруг него. Как самый простой паломник. И хотя он до тонкостей знал, что именно ощущает сейчас Алия, всеобщее тау захватило его. Он вдруг вспомнил, как течет по телу этот огненный яд. Как потом

замирает время, как восприятие стягивается в точку, преобразующую яд. Он вновь вспомнил, как пробуждаешься среди безвременья, ощущая, что все возможно. Он знал все, что сейчас чувствует Алия. Но и не знал этого: тайна застилала глаза.

Затрепетав, Алия опустилась на колени.

И Пауль охнул вместе с завороженными паломниками. И кивнул сам себе. Дымка тайны начинала развеиваться. Посреди всеобщего благоговения он успел позабыть, что каждое видение принадлежит тем, кто ищет, тем, кто еще в пути, тем, кто вглядывается во тьму, не умея отличить действительности от малого случая. Люди жаждут абсолюта, но не могут достичь его.

И в жажде своей теряют сегодняшнее.

В миг преобразования яда Алия пошатнулась.

Пауль ощущал, что какая-то трансцендентная сущность твердит ему: «Погляди! Сюда! Понимаешь теперь, чего ты не заметил?..» В этот момент он словно смотрел чужими глазами, ощущая здесь ритм и фантазию, невозможные ни для художника, ни для поэта. Все было прекрасно и исполнено жизни, и ослепительный свет высветил все пресыщение властью... его собственной властью.

Алия заговорила. Усиленный репродукторами, голос ее грохотал под сводами нефа.

— Светлая ночь, — провозгласила она.

Стон волной понесся над паломниками.

— Ничто не укроется во тьме этой ночи! — продолжила Алия. — Какой редкостный свет — эта тьма! На нее нельзя смотреть! Чувствам не понять ее. Словам не описать ее, — голос Алие стал тише. — Но перед нами пропасть. И она несет в чреве своем все, чему предстоит еще быть. Ах-хх, какое сладостное насилие!

Пауль почувствовал, что ждет от сестры чего-то, какого-то знака, предназначенного лишь ему одному. Дела или слова, мистического знака или заклинания, которым она словно стрелу наложит его на свой космический лук. Капелькой ртути трепетал этот миг в его сознании.

— Будет печаль, — нараспев проговорила Алия. — Помните, что все, что есть вокруг нас, — лишь начало, вечное начало. Миры еще не покорены. И голос мой отзовется в возвышенных судьбах. И вы посмеетесь над

прошлым, и забудете эти слова: за всеми различиями кроется единство.

Подавив разочарование, Пауль глядел на склонившую голову Алию. Она ничего не сказала ему, он ждал напрасно. Собственное тело вдруг показалось ему пустой скорлупкой, шкуркой, сброшенной насекомым в Пустыне.

И другие ощущают это, думал он. Вокруг беспокойно зашевелились. Слева от Пауля в нефе скорбно и неразборчиво вскрикнула женщина.

Алия подняла голову, и Пауль с легким головокружением понял, что словно бы смотрит в ее остекленевшие глаза с расстояния в несколько дюймов.

— Кто призывает меня? — спросила Алия.

— Я, — закричала женщина... — Это я, Алия! Помоги мне, о Алия! Мне сказали, что сын мой погиб на Муритане. Он оставил меня? И я никогда больше не увижу сына?.. Это правда, скажи мне?

— Не иди назад по песку, — нараспев отвечала Алия. — Ничто не гибнет. Все возвращается, но ты можешь не узнать того, кто вернется.

— Я не поняла, Алия, — стенала женщина.

— Ты живешь в воздухе, но не видишь его, — резко ответила Алия. — Или ты ящерица? Твой голос — голос фременки. Разве зовут фримены своих мертвых обратно? Что нам надо от них, кроме воды?

В центре нефа мужчина в богатом красном плаще закричал, воздев вверх обе руки так, что рукава плаща упали вниз, открыв тонкое полотно рубашки.

— Алия, — закричал он. — Мне предлагают сделку. Согласиться ли?

— Ты пришел сюда попрошайничать? — отвечала Алия. — Хочешь найти золотую чашу — встретишь кинжал.

— Меня попросили убить человека, — бухнул голос справа, в котором слышались интонации жителя сиетча. — Соглашаться ли? А если соглашусь, сложится ли все удачно?

— Конец и начало едины, — отрезала Алия. — Разве я еще не говорила об этом? Ты пришел не за этим. Ты уже сомневаешься — раз явился сюда и задал этот вопрос!

— Она сегодня не в духе, — пробормотала женщина, стоявшая рядом с Паулем, — я еще не видела ее такой гневной.

Она знает, что я здесь, подумал Пауль. *Неужели видение разгневало ее? И ярость эта направлена против меня?*

— Алия, — обратился к ней человек, стоявший прямо перед Паулем. — А скажи-ка всем этим деловым и мягкосердечным людям, сколько еще суждено править твоему брату!

— За этот уголок неведомого ты можешь заглянуть сам, — огрызнулась Алия. — Твои предрассудки на твоем языке. Ты пьешь воду и живешь под крышей потому, что брат мой оседлал змея хаоса.

Яростным жестом запахнув плащ, Алия повернулась и исчезла во тьме под блистающей радугой.

Аколиты завели заключительный напев, но ритм ускользал от них. Неожиданное завершение службы выбило всех из привычной колеи. В толпе поднялся ропот. Вокруг беспокойно и неудовлетворенно зашевелились.

— А все этот дурак со своим бизнесом, — пробормотала та же самая женщина. — Ханжа!

Что увидела Алия? Какую дорогу в грядущем?

Здесь сегодня что-то вышло не так, оракул так и не заговорил. Обычно Алия долго отвечала на вопросы. Да, все они вымаливали пророчество. Он слышал это много раз, сам следил за всем из мглы за алтарем. Что же не сложилось этим вечером?

Старый фримен потянул Пауля за рукав, кивнул ему в сторону выхода. Толпа уже начинала тесниться в ту сторону. Пауль последовал за общим движением, рука сопровождающего держала его за рукав. Он чувствовал, что в теле его воплотилась некая сила, более не поддающаяся контролю. И он перестал быть существом — осталась одна тишина, которая двигалась сама по себе. Только в самой сердцевине этого не-существа еще нашлось ему место, и старик вел его по улицам города таким путем, что сердце леденело от скорби.

Нужно узнать у Алие, что она увидела, подумал он. *Я видел это много раз. Но Алия не возвысила голоса... значит, она тоже видела альтернативы.*

Рост доходов в моей Империи не должен отставать от роста промышленного производства. В этом суть моего правления. И никакого дисбаланса во взаимных расчетах. По од-

ной причине — я так приказываю. Я хочу подчеркнуть этим мою власть. В моем домене я верховный потребитель энергии, и останусь им даже после кончины. Экономия— вот мое правление.

(Приказ Императора Муад'Диба Совету)

— Здесь я оставлю тебя, — сказал старик, снимая руку с рукава Пауля. — Там справа, вторая дверь от конца. Ступай с Шаи-Хулудом, Муад'Диб... и не забывай, что был Усулом.

Проводник Пауля исчез во тьме.

Люди из службы безопасности следят за ними. И явно выжидают удобного момента, чтобы схватить старика и отвести его в место допроса. Пауль знал это. И надеялся, что старому фримену удастся скрыться.

Над головой уже мерцали звезды, дальний свет Первой луны угадывался за Барьерной Стеной... Но здесь не открытая Пустыня, здесь звезды не путеводны. Старик привел его в один из новых пригородов — лишь это успел заметить Пауль.

Улицу покрывал густой слой песка, нанесенного ветром с подступающих дюн. Тусклый свет одинокого уличного светильника освещал дальнюю часть улицы, давая понять, что перед ними тупик.

В воздухе стоял густой запах — вонял сортир, конечно, это был туалет со влагопоглотителем, но, должно быть, крышка прилегала неплотно и пропускала, кроме вони, еще и слишком много воды. Сколь беспечны стали его люди, подумал Пауль. Теперь все миллионеры... позабыты те дни, когда на Арракисе могли убить человека, получив в уплату всего восьмую часть воды его тела.

Что же я медлю, думал Пауль. *Вторая дверь от дальнего конца. Это я знаю и сам, без всяких слов. Но роль следует сыграть, не фальшивя. Поэтому... я колеблюсь...*

В угловой части дома, справа от Пауля, послышались звуки ссоры. Женский голос громко костерил кого-то:

— В новую пристройку просачивается пыль! Что, по-твоему, вода падает с неба? Когда пыль входит, уходит вода.

Помнят еще... — думал Пауль.

Он двинулся дальше, и звуки ссоры за спиной утихли вдали.

Вода с неба! — усмехнулся он.

фрименовм уже случалось видеть такое чудо на других мирах. Некогда он и сам его видел, а потом повелел, чтобы так было и на Арракисе, но воспоминания о дожде словно принадлежали другому человеку. Да, дождь, так это зовется. На миг ему вспомнился ливень под небом его родного мира, заряженные электричеством серые густые тучи в небе Каладана, крупные капли, растекающиеся на окнах. Ручейки, бегущие вниз с карнизов. Ливневая канализация сбрасывала воду в мутную реку, бурлившую возле садов Семьи, деревья в них блестели влажной корою.

Ногой Пауль зацепил невысокий песчаный нанос... — словно к пятнам его детских сапог на миг налипла влажная глина. А потом он вновь оказался в песках, в пыльной, продутой всеми ветрами мгле. И будущее грозно нависало над ним. И вечная сушь теперь казалась ему обвинением. *Это ты виноват*! Люди стали невозмутимыми наблюдателями, следят вокруг сухими глазами и рассказывают друг другу. А все свои проблемы решают силой... только силой... и еще более превосходящей силой, ненавидя каждый эрг ее.

Под ногами оказались грубые плиты. Он помнил их по видению. Справа темный прямоугольник двери... черный на темной стене. Дом Отхейма, дом Судьбы... отличавшийся от соседних лишь ролью, которую выбрало для него Время. Неожиданное место, слишком обыкновенное, чтобы оказаться увековеченным в анналах истории.

На стук дверь отворилась. Стал виден освещенный тусклым зеленым светом атриум. Из приотворенной двери выглянул карлик с лицом древнего старца на теле ребенка. Прежде подобного наваждения он не видел.

— Значит, вы пришли, — проговорило наваждение. Карлик без всякого трепета шагнул в сторону, расплывшись в злорадной улыбке. — Входите, входите!

Пауль колебался. В его видении не было карлика, но прочее совпадало до мельчайших подробностей. Подобные редкие несоответствия не меняли видений. Однако отличие порождало надежду. Он оглянулся на молочный диск луны, жемчужиной повисший над дальними скалами. Луна томила его. Как же она упала?

— Входите же, — настаивал карлик.

Пауль вошел, дверь с глухим стуком легла на уплотнения за его спиной. Карлик прошел вперед, чтобы показать путь. Шлепая огромными ступнями по полу, он отворил изящную резную дверцу в крытый дворик.

— Они ждут вас, сир.

Сир, думал Пауль. *Значит, он знает меня.*

Но прежде чем Пауль смог обдумать свое открытие, карлик исчез в боковом проходе. Надежда дервишем кружилась в голове Пауля. Он шел через дворик. В помещении было сумрачно и тоскливо, в нем чувствовалось поражение и болезнь. Атмосфера этого дома угнетала его. Или он должен избрать поражение в качестве меньшего зла? И как далеко он успел зайти по этому пути?

Сквозь узкую дверь в дальней стене пробивался свет. Пауль, стараясь не обращать внимания на давящий вкус воздуха, на ощущение внимательного чужого взгляда, перешагнул порог. Маленькая комната, голая по фрименским меркам — драпировки покрывали лишь две стены. Напротив двери, под самым красивым гобеленом, на карминно-красных подушках сидел какой-то человек; за проемом в левой, голой, стене царил сумрак — там, среди теней, смутно виднелся женский силуэт.

Пауль ощутил, что запутывается в сетях видений. Так оно должно было быть... но откуда взялся карлик? В чем разница?..

Он использовал все свои чувства, в едином гештальте вбирая в себя комнату. Да, обстановка бедная — но видно было, что хозяева изо всех сил пытаются поддерживать достойный вид комнаты. Карнизы и крюки на оголенных стенах показывали, что и тут прежде висели драпировки; Пауль напомнил себе, что паломники платили невероятные суммы за подлинные фрименские изделия. Те из них, что побогаче, считали изготовленные в Пустыне гобелены настоящим сокровищем — лучшим отличием совершившего хадж пилигрима.

Свежая алебастровая побелка оголенных стен, казалось, бросает Паулю обвинение. Гобелены на других двух стенах, протертые до основы, лишь усиливали чувство вины.

Справа от входа на стене висела узкая полка, занятая целым рядом портретов. Большинство из них изображали бородатых фрименов, некоторые из которых были в дис-

тикомбах с болтающимися катетерными трубками, а на других портретах имперские мундиры сверкали на фоне экзотических пейзажей иных миров. Чаще всего пейзажи были морскими.

Фримен, восседавший на подушках, откашлялся, привлекая внимание Пауля. Это был Отхейм, точно такой, как в видении — исхудавшая птичья шея, которая, казалось, едва выдерживает тяжесть массивной головы. Изуродованное лицо — вся левая сторона под слезящимся глазом состоит из пересекающихся шрамов, хотя справа кожа не повреждена, а синий-на-синем фрименский глаз смотрит прямо и зорко. Неповрежденную половину лица отделял от изуродованной длинный крючковатый нос.

Подушка, на которой сидел Отхейм, лежала в центре вытертого ковра — тот казался бурым, но был сплетен из темно-бордовых и золотистых нитей. Потертые ткани подушки кое-где подштопаны, но все металлические предметы в комнате начищены до блеска — и рамки портретов, и окантовка полки, и подножие низкого стола.

Кивнув живой половине лица Отхейма, Пауль заговорил:

— Счастья тебе и твоему обиталищу, — так приветствовали друг друга друзья, люди одного сиетча.

— Значит, я снова вижу тебя, Усул, — произнес племенное имя дрожащий старческий голос. Тусклый глаз на изуродованной половине лица задвигался над пергаментной, изборожденной шрамами кожей. Эта сторона лица была покрыта седой щетиной, вниз свисали редкие пряди волос. Рот Отхейма раскрылся, блеснули зубы из серебристого металла.

— Муад'Диб всегда отвечает на зов своих федайкинов, — отвечал Пауль.

Женщина возле двери шевельнулась:

— Так болтает Стилгар.

Она вышла на свет, копия Лихны, изображенной лицеделом, только постарше. Пауль припомнил, что жены Отхейма были сестрами. Волосы ее поседели, нос заострился, словно у ведьмы. Пальцы ее были покрыты мозолями от прядения. В былые времена фрименки гордились ими, но заметив его взгляд, она спрятала руки в складках бледно-синего платья.

Пауль вспомнил ее имя — Дхури. Но к ужасу своему, он помнил ее ребенком, не такой она была в видении. Во всем виноват ее голос, попробовал убедить себя Пауль. Было в нем что-то детское.

— Видишь, я здесь, — ответил Пауль. — Разве мог бы я прийти сюда без согласия Стилгара? — Он обернулся к Отхейму. — На мне долг воды, Отхейм. Распоряжайся мною.

Так и принято было разговаривать в сиетче со своими.

Отхейм кивнул трясущейся головой, слишком тяжелой для тонкой шеи. Приподняв покрытую пятнами левую руку, он указал на изуродованное лицо.

— Пузырчатку я поймал на Тарахелле, Усул, — проскрипел он. — Сразу же после нашей победы. — И зашелся в припадке кашля.

— Скоро племя заберет его воду, — вздохнула Дхури. Она подошла к Отхейму, заложила за его спину подушки, поддержала за плечо, пока не прошел приступ. Пауль заметил, что она не так стара, как показалось ему вначале: потерянные надежды кривили рот ее, горечь залегала в глазах.

— Я пришлю докторов, — проговорил Пауль.

Дхури обернулась, уперевшись рукой в бедро.

— Были у нас всякие врачи, не хуже, чем те, которых ты можешь прислать. — Она выразительно поглядела на голую стенку слева от себя.

Дорогие врачи, подумал Пауль.

Он чувствовал, что, словно водоворот, видение поглотило его, но заметил и некоторые различия. Как воспользоваться ими? Время вышило на канве немного иные узоры, но фон ковра был прискорбно знакомым. И с ужасающей уверенностью ощутил он, что любая попытка вырваться из настоящего приведет к еще более жестокому насилию. Мощь обманчиво неторопливого тока времени угнетала его.

— Говори, чего ты хочешь от меня, — пробормотал он.

— А если Отхейм нуждается просто в том, чтобы рядом с ним сейчас был друг? — спросила Дхури. — Разве федайкин может доверить свою плоть незнакомцам?

Мы были своими в сиетче Табр, напомнил себе Пауль, *и она имеет право укорять меня за явную черствость.*

— Я сделаю все, что могу, — проговорил Пауль.

Новый приступ кашля сотряс тело Отхейма Когда он окончился, фримен выдохнул:

— Предательство, Усул! Фримены замышляют против тебя. — Он безмолвно пожевал губами. Струйка слюны вытекла из уголка рта.

Дхури утерла ему рот краем платья, Пауль видел негодование на ее лице — такая трата влаги.

Разочарование и гнев охватили вдруг Пауля. *Чтобы Отхейма ждала такая судьба! Федайкины заслуживают лучшего.* Но выбора не оставалось ни для смертника, ни для его Императора. В этой комнате они шли по лезвию бритвы Оккама. Легкий неверный шажок сулил кошмары, и ждущие не только их самих, но все человечество. Даже для тех, кто замыслил погубить их.

Заставив себя успокоиться, Пауль поглядел на Дхури. Выражение бесконечной тоски, с которой она смотрела на Отхейма, придало сил Паулю. *Чани никогда не будет глядеть на меня такими глазами,* сказал он себе.

— Лихна говорила о вести, — промолвил Пауль.

— Мой карлик, — проскрипел Отхейм. — Я купил его... на... на... забыл где. Это человек-дистранс. Игрушка, брошенная тлейлаксу. В нем имена... всех предателей.

Отхейм умолк, сотрясаясь всем телом.

— Ты говоришь о Лихне, — произнесла Дхури, — когда ты появился, мы поняли, что она добралась благополучно. Если ты думаешь об этом грузе, который Отхейм вручает тебе, его цена — безопасность Лихны. Бери карлика, Усул, и ступай.

Подавив дрожь, Пауль закрыл глаза. Лихна! Настоящая дочь ее погибла в Пустыне, тело, подточенное семутой, отдано песку и ветру.

Открыв глаза, Пауль сказал:

— Ты бы мог прийти ко мне в любой момент, чтобы...

— Отхейм держался в сторонке, чтобы его не причислили к тем, кто ненавидит тебя, Усул. В южном конце улицы находится дом, где собираются твои враги. Поэтому и мы перебрались сюда.

— Тогда зови карлика и уходим, — отвечал Пауль.

— Ты плохо слушал, — заметила Дхури.

— Отведешь карлика в надежное место, — промолвил Отхейм с неожиданной силой в голосе. — В нем един-

ственный список предателей. Никто не заподозрит этого; все думают, что он развлекает меня.

— *Мы* не уйдем, только ты и карлик. Все знают... как мы бедны. И мы сказали, что продаем карлика. Тебя примут за покупателя. Это единственный шанс.

Пауль помнил, что в видении он оставил дом, узнав имена предателей, но неведомым образом. Значит, карлика укрывал оракул. Должно быть, подумал он, каждый человек помечен судьбой, и цель его жизни определяется всеми наклонностями, всем воспитанием и обучением. С того самого часа, когда джихад избрал его, он чувствовал на себе его ужасающую мощь. Она властно вела его к заранее намеченной цели. И любые помыслы о том, что собственной волей... все, что он мог, — раскачивать изнутри свою клетку! Видит!

Теперь он вслушивался в тишину дома: их было четверо — Дхури, Отхейм, карлик и он сам. Он видел страх и напряженность в своих компаньонах, ощущал наблюдателей — и свою собственную охрану — в топтерах над головою... и этих самых — за соседней дверью.

Я ошибся, надежды нет, думал Пауль. И одно только слово «надежда» вызвало вдруг бурную вспышку этой эмоции... может быть, не поздно поправить...

— Зови карлика, — сказал он.

— Биджас! — позвала Дхури.

— Ты зовешь меня? — карлик шагнул в комнату из дворика, с легкой озабоченностью на лице.

— Биджас, у тебя теперь новый хозяин, — сказала Дхури. Поглядев на Пауля, она произнесла:

— Можешь звать его... Усул.

— Усул — подножие столпа, — перевел Биджас. — Как это Усул может быть подножием, когда это *я* — под ногами у всех и, стало быть, нету никого подножнее меня?

— Он всегда так разговаривает, — извинился Отхейм.

— Я не говорю, — отозвался Биджас, — я использую речевую машину. Пусть она скрипит и стонет, но все-таки она моя.

Игрушка, сработанная тлейлаксу, думал Пауль, *ученая и бойкая бестия. Бене Тлейлаксу не бросаются подобными ценностями.* Он повернулся и внимательно поглядел на кар-

лика. Круглые глаза, синие, как у фримена, безмятежно встретили его взгляд.

— Ну, Биджас, какими же еще талантами ты обладаешь? — спросил Пауль.

— Я знаю, когда наступает пора уходить, — отвечал тот. — Таким даром обладают немногие из мужей. Есть время оканчивать... когда доброе начало положено. Пора начинать уходить, Усул.

Пауль вновь обратился к воспоминанию: карлика в видении не было, но слова вполне соответствовали ситуации.

— У двери ты назвал меня «сир», — ответил Пауль, — значит, ты знаешь, кто я?

— Сир, вы же сир с головы до пят, — ухмыляясь, отвечал Биджас, — и сиром являетесь в большей степени, чем основанием столпа — усулом. Вы — Император. Пауль Муад'Диб Атрейдес. И одновременно мой собственный палец. — Он поднял указательный палец на правой руке.

— Биджас! — осадил его Дхури. — Не искушай судьбу.

— Какую судьбу? Свой только палец, — визгливо возразил Биджас. Он показал на Усула. — Я указываю пальцем на Усула. Разве мой палец не совмещается с ним? Или же он отражает нечто более фундаментальное? — он поднес палец к глазам, насмешливо повертел им, потом произнес. — Ах-хх, вы правы, это всего только палец.

— Он любит пустую трескотню, — озабоченным тоном проговорила Дхури. — Потому-то его тлейлаксу и бросили.

— Я не нуждаюсь в покровительстве, — возразил Биджас, — но тем не менее у меня новый покровитель. Загадочны деяния пальца... — Странно яркими глазами он поглядел на Дхури и Отхейма. — Слаба связь между нами, Отхейм. Пара слезинок — и в путь. — Огромные ступни карлика шаркнули об пол, он повернулся к Императору:

— Ах-хх, патрон! Как долго мне пришлось искать вас!

Пауль кивнул.

— Усул будет добр ко мне? — спросил Биджас. — Вы ведь знаете — я личность. Личности могут обладать разной величиной... и обличьем. И это — одно из обличий. Я слаб телом, но могуч речью; меня легко прокормить и трудно насытить. Опустошайте меня, но внутри все равно останется больше, чем вложили люди.

— У нас нет времени на твои дурацкие загадки, — буркнула Дхури. — Вам следовало бы уже идти.

— Я просто нашпигован загадками, — ответил Биджас. — И не все дурацкие. Если пора уходить — значит, следует уйти. Так, Усул? Дхури говорит правду, и мои способности позволяют мне слышать это.

— Так ты чувствуешь правду? — спросил Пауль, решив в точности выдержать время, отмеренное видением. Все лучше, чем вносить возмущения, этим усугубляя последствия. Отхейм должен еще сказать кое-что, иначе время потечет еще более ужасающим путем.

— Я чувствую *настоящее*, — отвечал Биджас.

Пауль заметил, что карлик нервничает. Неужели человечек представляет себе, что случится? Или же Биджас — сам себе оракул?

— Ты спросила о Лихне? — внезапно проговорил Отхейм, поглядев на Дхури единственным здоровым оком.

— Лихна в безопасности, — отвечала Дхури.

Пауль опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. *В безопасности!.. Испепеленные останки, погребенные в тайной могиле.*

— Хорошо, — проговорил Отхейм, принимая жест Пауля за знак согласия. — Хоть что-то доброе посреди всего зла. Усул, мне не нравится мир, который мы создаем, ты это знаешь? Лучше было оставаться в Пустыне и враждовать с одними Харконненами.

— Тонкая грань отделяет порой врага от друга, — заметил Биджас. — Там, где кончается эта грань, нет ни конца, ни начала. Все, заканчиваем, друзья мои. — Он подошел к Паулю, переваливаясь с ноги на ногу.

— Что же это такое — чувствовать настоящее? — тянул время Пауль, заставляя карлика нервничать.

— Настоящее! — трепеща, проговорил Биджас. — Настоящее! Настоящее! — он потянул Пауля за рукав. — По-настоящему — нам пора уходить! Вот настоящее!

— Ах ты, погремушка, пустой болтун, — проговорил Отхейм, здоровым глазом не без симпатии глядя на Биджаса.

— Сигнал к отправлению может подать даже погремушка, — отвечал Биджас. — Слезы тоже. Давайте же отправляться, пока на это еще есть время, пока есть еще время для начала!

— Биджас, чего ты боишься? — спросил Пауль.

— Я чувствую, как ищет меня дух, — пробормотал Биджас. Пот выступил на его лбу, щека дергалась. — Я боюсь того, кто не думает, у кого нет тела, кроме моего, и оно укрывается в самом себе. Я боюсь того, что вижу, и того, чего не вижу.

Карлик провидит будущее, думал Пауль. *Значит, и Биджасу открыта судьба оракула. Но разделит ли карлик участь оракула? И насколько велик его дар? А не мог ли он увидеть тех, кто затеял Таро Дюны? Или кого-то еще более великого? Сколь многое открылось ему?*

— Идите-ка лучше, — проговорила Дхури, — Биджас прав.

— Каждая минута, которую мы теряем здесь, — отвечал Биджас, — продлевает... продлевает настоящее!

Каждая минута, которую я теряю здесь, отодвигает мою вину, думал Пауль. Ядовитое дыхание червя, клубы пыли, в которых блестели зубы, уже охватило его. Это было давно, но он словно обонял этот запах. Он просто ощущал, как ждал его червь — «могила Пустыни».

— Неспокойные времена, — проговорил он, ища отклика у Отхейма.

— фрименовм ведомо, что делать во времена тревог.

Отхейм нервно кивнул.

Пауль смотрел на Дхури. Ждал он не благодарности, она только усугубила бы его груз, но горький взгляд Отхейма и острая жалость в глазах Дхури лишили его решимости. Разве мало *такой* цены?

— Дальнейшая задержка бессмысленна, — проговорила Дхури.

— Усул, что должен делать, делай, — проскрипел Отхейм.

Пауль вздохнул. Слова эти завершали видение.

— Я рассчитаюсь, — ответил он, чтобы все закончилось как положено. Повернулся и вышел из комнаты, Биджас шлепал сзади.

— Прошлое, прошлое... — бормотал на ходу карлик. — Пусть прошлое останется в прошлом и погибнет, где суждено. Грязный был день.

Необходимо скрывать от себя насилие, замышляемое нами относительно других людей. Лишить человека жизни или одного только часа из нее — разница только в количестве. Ты

подвергаешь насилию, значит, расходуешь его энергию. Свои коварные намерения можно скрыть изощренными эвфемизмами, но любое применение силы основывается на одном и том же положении: «я потребляю твою энергию».

(Приложение к Приказу Совета. Император Пауль Муад'Диб)

Первая луна уже высоко поднялась над городом, когда Пауль, окруженный мерцанием щита, вышел из тупика. Ветер сдувал со скал песок, гнал пыль по узкой улочке, Биджас моргал и прикрывал глаза.

— Надо спешить, — бормотал карлик. — Спешить! Спешить!

— Ты предчувствуешь беду? — спросил Пауль.

— *Я знаю.*

Пауль вдруг почувствовал близкую опасность, и одновременно из двери ближайшего дома появился человек и присоединился к ним.

Биджас съежился и заверещал.

Но это был не кто иной, как Стилгар, он шагал, словно военная машина, наклонив вперед голову.

Пауль торопливо объяснил, какую ценность представляет собой карлик, передал Биджаса Стилгару. И сразу события словно заторопились. Стилгар, как было в видении, понесся вперед, увлекая Биджаса, агенты безопасности обступили Пауля. Повинуясь приказам, к следующему за принадлежащим Отхейму дому заспешили его люди. Тени скользили по стенам.

Лишние жертвы, думал Пауль.

— Пленники нужны нам живыми, — прошипел один из офицеров охраны.

Слова эти он уже слышал: видение и реальность совпадали с точностью до доли секунды. Орнитоптеры опускались вниз, по одному пересекая диск луны.

Тьма над городом и на улицах его кишела солдатами Империи.

Прочие звуки вдруг растаяли в негромком шипении, звук превратился в рев, сопровождаемый свистом, и терракотовый свет ударил в звездное небо, затмевая луну.

И звуки эти, и свет Пауль помнил по первым своим кошмарам, и сразу ощутил странное чувство — *исполнилось*. Все шло своим чередом.

— Камнежог! — завопил кто-то.

— Камнежог! — послышалось со всех сторон. — Камнежог!.. камнежог!..

Зная, что должен сделать это, Пауль прикрыл лицо рукою, нырнул за выступ стены. Слишком поздно, конечно.

Там, где только что был дом Отхейма, высился столб огня, слепящая струя пламени возносилась к небесам. В грязном свете его, превращающем весь мир вокруг в жуткий барельеф, метались и улепетывали людские фигуры, судорожно хлопая крыльями, разлетались орнитоптеры.

И все вокруг понимали: уже слишком поздно.

Почва под ногами Пауля раскалялась. Топот вокруг стих — больше никто не пытался бежать, все попадали на землю — и каждый понимал, что бежать некуда. Все уже свершилось. Остается лишь дождаться, пока камнежог выгорит до конца. От излучения не убежать, оно уже проникло в их плоть и последствия вот-вот проявятся. Что еще может натворить это оружие, знали только те, кто применил его, решившись нарушить Великую Конвенцию.

— Боги... Камнежог... — лепетал кто-то неподалеку. — Я... не... хочу... быть... слепым.

— А кто хочет? — откликнулся хриплый голос поодаль.

— Тлейлаксу продадут много глаз, — буркнул кто-то неподалеку от Пауля. — А теперь — заткнись и жди!

Все ждали.

Пауль молчал, размышляя о том, что может натворить это оружие. Если атомного топлива окажется слишком много, оно может проплавить кору планеты. Магматический слой на Дюне залегал достаточно глубоко, но это лишь увеличивало опасность. Вырываясь на волю, расплавленные породы могли расколоть даже планету, оставив на ее месте в пространстве облако мертвых камней и клочья безжизненной плоти.

— Похоже, притихает, — заметил кто-то.

— Просто зарывается глубже, — объяснил Пауль, — лежите. Стилгар пришлет помощь.

— Стилгар ушел?

— Ушел.

— Земля жжется, — пожаловался кто-то.

— Они посмели применить ядерное оружие! — возмущался кто-то неподалеку.

— Звук затихает, — сказал кто-то.

Не обращая внимания на слова, Пауль кончиками пальцев ощупывал землю. Он ощущал раскатистый рокот... звук уходил глубже... глубже.

— Глаза! — завопил кто-то. — Ничего не вижу!

Этот был ближе, чем я, подумал Пауль. Он поднял голову — конец тупика был еще виден. Правда, словно сквозь туман. Только изжелта-красное пятно светилось на том месте, где были дома Отхейма и его соседа. Темные стены окружающих домов по одной рушились в раскаленную яму.

Пауль поднялся на ноги. Он почувствовал, что камнежог угас, под ногами воцарилась тишина. Тело его стало влажным, дистикомб скользил по коже — он не мог поглотить сразу столько влаги. Воздух отдавал жаром и серой.

Пауль как раз оглядывал поднимавшихся на ноги солдат, когда дымка разом превратилась во мглу. Призвав на помощь память о видениях, он повернулся и пошел — по единственной дороге, оставленной ему Временем. Он вошел в видение так плотно, что оно уже не могло ускользнуть. Он почувствовал, что знает это место, помнит его по многим прошлым видениям. Действительность слилась с пророчеством.

Вокруг ругались и стонали солдаты, ощущая пришедшую слепоту.

— Держитесь! — выкрикнул Пауль. — Помощь вот-вот прибудет!

Жалобы не умолкали, и он добавил:

— Это говорит Муад'Диб! Я приказываю всем держаться! Помощь уже на подходе!

Наступило молчание.

А потом ближайший из охранников, как это и было в видении проговорил:

— Неужели здесь сам Император? Кто-нибудь видит его? А?

— У всех нас больше нет глаз, — отвечал Пауль. — Мои глаза они тоже забрали, как и ваши. Взяли глаза, но не зрение. Я вижу вас всех. Как вы теснитесь возле грязной стены, как держитесь за нее. Мужайтесь. Стилгар возвращается вместе с друзьями.

«Твок-твок» — слышались взмахи крыльев приближающихся орнитоптеров. Раздались торопливые шаги многих

ног. Пауль глядел на спешащих друзей, соизмеряя звуки с видением.

— Стилгар, — крикнул Пауль, махнув рукой. — Сюда!

— Благодарение Шаи-Хулуду, — отозвался Стилгар, подбегая к Паулю. — Ты не... — в наступившем безмолвии лишь пророческое зрение позволяло Паулю следить за Стилгаром, за той мукой, с которой он глядел на изувеченные глазницы друга и Императора. — О, мой господин, — простонал Стилгар. — Усул... Усул... Усул...

— Что камнежог? — выкрикнул один из новоприбывших.

— Выгорел, — отвечал Пауль погромче. Он показал рукой. — Бегите туда. Спасайте всех, кто уцелел там... поближе. Живее! — он вновь повернулся к Стилгару.

— Неужели вы *видите*, мой господин? — изумленным тоном проговорил Стилгар. — Неужели это возможно?

Вместо ответа Пауль провел пальцем по щеке Стилгара и, ощутив слезу, проговорил:

— Не время, дружище, тратить на меня влагу. Я еще жив.

— Но глаза!

— Они смогли ослепить только мое тело, но не *меня*, — отвечал Пауль. — Ах, Стил, я словно очутился в апокалиптическом сне. И все мои действия так отвечают ему, что вот-вот мне станет скучно жить — все будущее я знаю уже наперед.

— Усул, я не... я не...

— И не пытайся понять. Просто прими. Я — не здесь, я — в каком-то мире неподалеку от нашего. Он похож на наш как две капли воды. Мне даже не нужно проводника. Я вижу все вокруг. Каждое движение, выражение на твоем лице... Пусть у меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар резко качнул головой.

— Сир, следует скрыть вашу рану от...

— Мы не будем скрывать ничего, — отвечал Пауль.

— Но закон...

— Стил, мы живем по кодексу Атрейдесов. Пусть закон фременов гласит: *слепой да останется в Пустыне*, но он применим только к *слепым*. А я не слеп. Вся моя жизнь — арена борьбы между злом и добром. Мы с вами живем в поворотной точке истории, и у каждого своя роль.

В наступившем молчании Пауль услышал слова раненого, которого вели мимо.

— Ужасно, — стонал он. — Огонь, буря огня...

— Никого из них не отведут в Пустыню, — произнес Пауль. — Слышишь меня, Стил?!

— Слышу, милорд.

— Купите всем новые глаза за мой счет.

— Будет исполнено, милорд.

Уловив трепет в голосе Стилгара, Пауль произнес:

— Я буду на командном топтере. Распоряжайся здесь.

— Да, милорд.

Пауль обошел Стилгара и направился по улице. Видение подсказывало ему все: все детали, каждую неровность почвы, каждое лицо. На ходу он отдавал распоряжения, обращался к людям из своего окружения, называл их по именам, подзывал к себе тех, кто имел отношение к сокровеннейшим сторонам деятельности правительства. И он чувствовал, как трепет охватывает всех за его спиной, слышал их испуганные перешептывания.

— Его глаза!

— Но он же видел, называл по имени!

Оказавшись в командном топтере, Пауль выключил личный щит, потянулся к микрофону, выхватил его из руки ошеломленного связиста, торопливо один за другим отдал несколько приказов, вложил микрофон обратно в руку офицера. Обернувшись, Пауль подозвал к себе специалиста по оружию, энергичного и блестящего, принадлежавшего к новой уже породе фрименов, лишь смутно припоминавших жизнь в сиетчах.

— Они воспользовались камнежогом, — проговорил Пауль.

После мгновенной паузы молодой человек откликнулся:

— Мне уже сообщили об этом, сир.

— Конечно. Ты понимаешь, что это значит?

— Безусловно, он был снаряжен атомным зарядом.

Пауль кивнул и представил себе, как мечется сейчас разум молодого человека. Атомное оружие запрещено Великой Конвенцией. Когда обнаружат покушавшегося, его ждет возмездие объединенных сил всех Великих Домов. Сразу забудутся прежние раздоры, перед лицом новой опасности и древних страхов они потеряют всякое значение.

— Камнежог нельзя изготовить, не оставив следов, — проговорил Пауль, — подбери необходимые приборы и отыщи место, где он был сделан.

— Немедленно, сир, — бросив на Пауля последний испуганный взгляд, офицер заторопился его выполнять.

— Мой господин, — обратился к Императору откуда-то из-за спины его связист, — ваши глаза...

Пауль обернулся, потянулся в глубину кабины, нащупав рукоятку, перестроил командный передатчик на свою частоту.

— Вызовите Чани, — приказал Пауль. — Скажите ей... скажите, что я жив и скоро буду у нее.

Собирают силы, подумал Пауль, подмечая страх в запахе пота, наполнявшем кабину.

Он покинул тебя, Алия,
Покинул лоно небес.
Свят, свят, свят!
Огненные пески
Перед тобой, Господин наш,
Ты, который видит
Без глаз.
Демон думал обороть его!
Святой! Трижды Святой!
Выбрал он муки!
(«Луна падает». «Песни Муад'Диба»)

После семи дней лихорадочной суеты Цитадель охватило неестественное спокойствие. Было утро, повсюду сновали люди, но они перешептывались, склоняясь друг к другу, и ходили буквально на цыпочках. Топот сменившегося караула нарушил тишину, но, встретив осуждающие взгляды, вошедшие притихли, подобно прочим.

Вокруг слышались разговоры о камнежоге:

— А он говорил, что огонь был сине-зеленого цвета и пах адом.

— Дурак твой Элпа! Он сказал, что скорее покончит с собой, чем воспользуется глазами тлейлаксу.

— Не нравится мне все, что говорят об этих глазах.

— Муад'Диб прошел мимо меня и окликнул по имени.

— Как он видит, не имея глаз?

— Люди покидают нас, вы слыхали? Повсюду страх. Наибы сказали, что собираются в сиетче Макаб на Великий Совет.

— Что они сделали с Панегиристом?

— Я видел, как его вели в палату, где заседают наибы. Представляете себе, Корба под арестом!

Чани поднялась в этот день рано, ее смутила тишина в Цитадели. Проснувшись, она обнаружила, что Пауль сидит возле нее, пустые глазницы его обращены были к дальней стене их спальни. Всё, пораженное избирательным воздействием камнежога, все омертвевшие глазные ткани были удалены. Впрыскивания и мазь позволили сохранить плоть вокруг глазниц, но ей казалось, что излучение проникло глубже.

Едва она села на постели, накатил волчий голод. Чани набросилась на пищу, которую теперь ставила на ночь возле кровати — меланжевый хлеб с жирным сыром.

Пауль указал на пищу:

— Любимая, поверь, способа избавить тебя от всего этого просто не существовало.

Чани подавила невольную дрожь, когда его пустые глазницы обратились прямо к ней. Она решила не задавать больше вопросов. Он говорил так странно: *Я был крещен песком— это стоило мне умения верить. Кто теперь предлагает веру? Кому нужен такой товар?*

Что он хотел сказать этим?

Он не желал даже слышать о глазах тлейлаксу, хотя щедрой рукой приобретал их для всех, разделивших его участь.

Утолив голод, Чани выскользнула из постели, посмотрела на Пауля, заметила, как он устал. Около рта залегли строгие складки. Темные волосы стояли дыбом, взъерошенные во сне, который не исцелял. Он казался таким хищным, таким далеким. Они засыпали и просыпались рядом — но это ничего не меняло. Она заставила себя обернуться, шепнула:

— Любимый... любимый...

Он потянулся вперед, притянул ее назад в постель и поцеловал в щеку.

— Скоро мы вернемся в родную Пустыню, — прошептал он, — осталось сделать лишь кое-какие мелочи.

Она затрепетала, — так непреклонны были его слова.

Прижимая ее к себе, он бормотал:

— Не бойся меня, сихайя моя. Не надо думать о тайнах, думай о любви. В ней нет тайн. Жизнь рождает любовь. Разве ты не чувствуешь этого?

— Да.

Она приложила ладонь к его груди, принялась подсчитывать сердцебиения. Любовь его взывала к ее духу, сердцу дикой фременки, буйной и бурной дикарки. Магнетизм слов обволакивал ее.

— Я могу обещать кое-что, любимая, — сказал он. — Наше дитя будет править колоссальной империей, перед которой моя покажется ничтожной. И будет в ней такая жизнь... и искусство, и возвышенные...

— Но мы с тобой здесь и сейчас! — запротестовала она, подавив сухой всхлип:

— И я... мне кажется, что нам с тобой осталось совсем мало времени.

— Любимая, впереди вечность.

— Это у тебя может быть вечность. А у меня есть только сейчас.

— Это и есть вечность, — он погладил ее лоб.

Она прижалась к нему, приникла губами к шее. Прикосновение заставило шевельнуться новую жизнь в ее чреве.

Пауль тоже ощутил это движение. Положив руку на живот Чани, он проговорил,

— Ах-хх, юный повелитель Вселенной, подожди своего часа. Пока еще мое время.

Она снова удивилась: почему он всегда говорит о единственном ребенке? Разве медики не сказали ему? Она попыталась припомнить... интересно, об этом они никогда не говорили. Конечно же, он и сам должен знать, что у нее будут близнецы. Она вновь не решалась сказать об этом. Он и так должен знать. Он ведь все знает. Все знает о ней... Руками... ртом... всем телом.

Наконец Чани проговорила:

— Да, милый. Сегодня и есть вечность, и нет ничего, кроме нее. — Чани поплотнее зажмурила глаза, чтобы только не видеть его пустых глазниц, чтобы не низвергнуться из рая прямо в ад. Какова бы ни была *рихани*-магия, которой он выверял их жизнь, плоть его оставалась истинной и ласки реальными.

Когда они встали и принялись одеваться, она проговорила:

— Если бы только люди знали о твоей любви!

Но его настроение уже переменилось.

— Политика не делается на любви, людей не интересует любовь. В ней столько хаоса. Людям нравиться деспотизм. Избыток свободы порождает хаос. Зачем он людям? Другое дело — заставить деспотизм казаться привлекательным.

— Но ты же не деспот! — возразила она, повязывая на голову нежони. — Просто твои законы справедливы.

— А, законы... — бросил он. — И подошел к окну, отодвинул шторы, словно мог выглянуть из окна. — Что есть закон? Контроль? Закон просеивает хаос, и что же остается? Ясность? Закон — высший идеал, основа нашей природы. Но не надо слишком внимательно приглядываться к нему. Попробуй только, — сразу отыщешь рационализированные интерпретации, казуистику законников, удобные прецеденты... ясность, другое имя которой — смерть.

Чани крепко сжала губы. Она не могла отрицать ни мудрости мужа, ни проницательности, однако подобные настроения пугали ее. Он обратился в глубь себя, и Чани чуяла битвы в его сердце. Словно бы обратившись к фрименскому изречению: «*никогда не забудем, никогда не простим*», он сек и сек себя жестокими словами.

Она подошла к нему и тоже посмотрела в окно. Дневная жара уже гнала прохладу, принесенную северным ветром. На этих широтах ветер расписывал небо охрой, смело покрывал хрустальные листы неба золотыми и пурпурными мазками. Высоко над головой холодные порывы океанскими волнами разбивались о Барьерную Стену, взметая фонтаны пыли.

Пауль чувствовал возле себя теплое тело Чани. На миг он позволил себе забыть видение. Он мог просто стоять, зажмурив глаза. Но время не хотело остановиться. И впереди была тьма — без слез и без звезд. Лишившись зрения, он потерял ощущение материальности Вселенной, и наконец, оставалось лишь изумление — как это звуки могут вместить в себя всю его жизнь? Все вокруг воплощалось в одни только звуки, к которым добавлялись немногие ощущения... ворсистый ковер под рукой, мягкая кожа Чани. Он поймал себя на том, что вслушивается в ее дыхание.

Разве можно быть уверенным в том, что всего лишь вероятно, думал он. Разум запоминает возможности, и каж-

дому мигу бытия отвечает столько вероятностей, которым не суждено воплотиться. И его невидимая суть не только помнила все несбывшееся былое. Тяжесть прошлого в любой момент была готова поглотить его.

Чани прижалась к его руке.

Прикосновение ее тела вдруг оживило его собственную плоть — мертвое тело, увлекаемое водоворотами времени. Он истекал памятью... ведь перед его пророческим зрением прошла целая вечность. Видеть вечность... ее прихоти и причуды, и безграничность. Лживое бессмертие пророка несло возмездие: грядущее и прошлое сливались для него воедино.

И вновь из черной пропасти восстало видение и охватило Пауля.

Оно было его глазами. Оно двигало его мышцы и вело непреклонной рукой к следующему моменту, к следующему часу, к следующему дню... пока наконец ему не начало казаться, что он пленник мгновения.

— Пора идти, — проговорила Чани. — Совет...

— Мое место займет Алия.

— Она знает, что делать?

— Знает.

День Алие начался с сумятицы на плац-параде под ее окнами. Там с шумом, грохотом и всякой суетой появился батальон охраны. Она начала кое-что понимать, лишь когда узнала арестованного — Корбу Панегириста.

Завершая свой утренний туалет, она иногда подходила к окну и следила за растущим внизу нетерпением. Взгляд ее время от времени обращался к Корбе. Она пыталась вспомнить его, бородатым и неотесанным командиром третьей волны в битве при Арракине. Теперь это было невозможно. Нынешний чистюля и франт был облачен в роскошное шелковое одеяние с Парато. Глубокий разрез на груди открывал белоснежную сорочку с рюшами и расшитый зелеными самоцветами жилет. Пурпурный пояс охватывал тело под грудью. Сквозь прорези в рукавах его одеяния ниспадали волны зеленого и черного бархата.

Появилась горстка наибов, чтобы проследить за участью брата-фримена. Они-то и вызвали весь шум — завидев их, Корба разразился громкими протестующими воплями. Алия переводила взгляд с одного фрименского лица на

другое, пытаясь припомнить их молодыми. Прошлое утонуло в настоящем. Прежние аскеты стали теперь гедонистами, позволявшими себе удовольствия, которые мало кто из них мог бы вообразить раньше.

Алия видела, как время от времени они с опаской поглядывают на дверь в палату, за которой состоится Совет. Наибы думали о Муад'Дибе, который видит без глаз, о новом проявлении его загадочных сил. По закону фременов, слепого следовало оставить в Пустыне, вода его принадлежала Шаи-Хулуду. Но Муад'Диб видел, даже потеряв глаза. А еще — они по-прежнему не любили строений и не могли чувствовать себя в безопасности в доме, построенном на поверхности земли. Вот в пещере, в глубинах скал — только там они могут расслабиться. Только не здесь, перед новым лицом Муад'Диба, ждущим там, за дверьми.

Собираясь спуститься вниз к собравшимся, она обратила внимание на письмо, оставленное ею на столике возле двери — свежую весточку от матери. Невзирая на всеобщее почтение к Каладану — месту рождения Пауля, леди Джессика подчеркивала, что отказывается сделать собственную планету объектом хаджа.

«Без сомнения, сын мой определил целую эпоху в истории, — писала она, — *но даже сознавая это, я не могу признать подобный повод оправданием для нашествия толп всякого сброда».*

Прикоснувшись к письму, Алия ощутила странное чувство контакта. Этот листок бумаги побывал в руках ее матери. Письмо — вещь весьма архаичная, но оно создает столь прочное единение, как ничто другое. Послание это, написанное на боевом языке Атрейдесов, не смог бы прочитать никакой чужак.

Думы о матери вновь возожгли в душе Алие привычное пламя. В миг преображения воздействие Пряности перепутало и смешало личности матери и дочери, временами Алия думала о Пауле как о собственном сыне. Это ощущение общности позволяло ей даже представить собственного отца в качестве возлюбленного. Призрачные тени клубились в мозгу... люди-вероятности.

Спускаясь по пандусу в прихожую, где ждали ее амазонки-телохранительницы, Алия на ходу проглядывала письмо.

«Вы создаете опаснейший из парадоксов, — писала Джессика. — *Правительство не может утверждать свою власть, будучи в то же время религиозным. Опыт религии требует спонтанности, а ее-то и подавляют законы. Вы не можете править, не прибегая к законам. В результате ваши законы вытесняют и мораль, и всякое самосознание, и тогда встанут на место той самой религии, прибегая к которой вы надеетесь править. Только благодать и духовный подвиг могут породить священный ритуал, сопряженный с высокой моралью. С другой стороны, правительство можно считать культурной формацией, особенно подверженной сомнениям, вопросам и разногласиям. И я предвижу — настанет день, когда ритуал вытеснит веру, а символизм заменит собою мораль».*

В прихожей густо пахло кофе с Пряностью. Едва Алия вошла, четыре амазонки в зеленых мундирах мгновенно вскочили и направились следом за нею широким и уверенным шагом, юные и ретивые. С жестокими лицами одержимых, они словно излучали этот свойственный фременам дух насилия: народ этот способен был убивать непринужденно, не ощущая за собой вины.

Хоть в этом я отличаюсь от них, думала Алия. *К имени Атрейдесов и без того пристало довольно грязи.*

Ее появление не осталось незамеченным. Едва она вступила в нижний коридор, ожидавший здесь паж понесся вперед, чтобы вызвать стражу в полном составе. Мрачный и темный коридор был освещен лишь несколькими неяркими светошарами. Вдруг на дальнем конце его широко распахнулись двери в парадный двор, и ослепительный сноп солнечных лучей ударил ей в лицо. За дверьми теснилась охрана, посреди них стоял Корба, а позади, за всеми ними, пылало солнце.

— Где Стилгар? — бросила Алия.

— Уже внутри, — отвечала одна из ее амазонок.

Алия первой ступила в палату. Это была одна из наиболее роскошных приемных цитадели. Вдоль одной стены тянулся высокий балкон, уставленный мягкими креслами. Оранжевые шторы были раздвинуты, из высоких окон напротив балкона лился свет. За окнами был сад с фонтаном. В заднем конце палаты, справа от Алие, находилось возвышение с единственным массивным креслом.

Подойдя к возвышению, Алия оглянулась и увидела, что галерея уже заполнилась наибами.

Домашняя стража занимала свободные пространства под балконом. Среди них расхаживал Стилгар, время от время бросая тихое слово, короткий приказ. Он ничем не обнаруживал, что заметил появление Алие.

Корбу ввели, усадили на подушки возле низкого стола, неподалеку от подножия трона. Невзирая на изысканные одежды, Панегирист казался теперь сонным и вялым стариком, кутавшимся от холода. За спиной его замерли двое стражников.

Когда Алия уселась, Стилгар приблизился к возвышению.

— Где Муад'Диб? — спросил он.

— Брат мой распорядился, чтобы я председательствовала как Преподобная Мать.

После этих слов на галерее среди наибов поднялся шум протеста.

— Молчать! — скомандовала Алия. Во внезапной тишине она произнесла: — Или закон фременов не предписывает Преподобным Матерям решать вопросы, касающиеся жизни и смерти?

Когда серьезность слов ее дошла до слушателей, наибы примолкли, но Алия видела среди них гневные лица. Она мысленно перечислила их, чтобы вспомнить в Совете: Хобарс, Раджифири, Тасмин, Сааймид, Умбу, Легг... в этих именах был и кусочек Дюны: сиетч Умбу, впадина Тасмин, ущелье Хобарс...

Она обернулась к Корбе.

Заметив это, Корба приподнял подбородок и проговорил:

— Я протестую и заявляю о собственной невиновности!

— Стилгар, прочти обвинение!

Стилгар извлек скатанный свиток буроватой меланжевой бумаги, шагнул вперед. И начал торжественно читать, чуть нараспев, подобно стихам. Его голос придавал четкость и окончательность резким словам.

«...в том, что ты замышлял совместно с предателями покушение на Господина нашего, Императора; в том, что тайно встречался с врагами государства; в том, что...»

Корба с негодующим видом затряс головой.

Алия задумчиво внимала, опершись подбородком о левый кулак. Правая рука ее лежала на подлокотнике.

Формальности по кусочку выпадали из ее памяти, оставляя только чувство тревоги.

«...Наши почтенные традиции... поддержка легионов и всего Вольного Народа... Насилие по Закону карается насилием... Величие Императорской особы... нарушение всех прав...»

Чепуха! — думала она. *Чепуха! Целиком чепуха... Чепуха... Чепуха...*

Стилгар закончил:

— «...И в настоящем виде предлагаю суду это обвинение».

В наступившем молчании Корба качнулся вперед, вытянув шею, впиваясь руками в колени. Шея со вздутыми жилами напряглась, словно он готовился к прыжку. Он заговорил, и язык его мелькал между зубами.

— Ни словом, ни делом не преступал я фрименских законов. По праву я желаю встать лицом к лицу с обвинителем!

Незамысловатый протест, подумала Алия.

Но она видела, что слова Корбы оказали существенное воздействие на наибов. Они знали Корбу. Он был одним из них. И чтобы сделаться наибом, сумел проявить и храбрость, и осторожность. Конечно, Корба лишен блеска, но он надежен. Не из тех, что командовали джихадом, — просто хороший и надежный интендант. Не рыцарь-паладин, конечно, но наделен древней добродетелью фримена: *нужды племени превыше всего.*

Вспомнились горькие слова Отхейма, переданные ей Паулем. Алия окинула взглядом галерею. Любой из них мог представить себя на месте Корбы, а некоторые имели на то причины. Но и ни в чем не повинный наиб опасен ничуть не менее, чем этот злоумышленник.

Корба тоже ощущал это.

— Кто обвиняет меня? — резко спросил он. — По праву фримена я требую поединка с обвинителем.

— Что, если ты сам обвиняешь себя? — бросила Алия.

И прежде чем он успел справиться с собой, мистический ужас на мгновение лег на лицо Корбы. И любой мог прочесть на нем: *могущества Алие достаточно, чтобы обвинять его: и обвинения эти пришли из царства теней, из Алам аль-Митхаль.*

— Кое-кто из фрименов помогает нашим врагам, — продолжила Алия. — Они разрушают водяные ловушки, они взрывают арыки, отравляют посадки, грабят хранилища.

— А ныне... они посмели выкрасть червя из Пустыни Его, отправить в другие миры!

Голос этот знали все... Муад'Диб. Пауль вошел через дверь, раздвигая плечами охрану, и подошел к Алие. Провожавшая его Чани осталась у края комнаты.

— Мой господин... — проговорил Стилгар, не поднимая глаз к лицу Пауля.

Пауль обвел галерею пустыми глазницами, перевел взгляд на Корбу.

— Ну, Корба, где же твои хвалы?

На галереях послышалось бормотанье, оно становилось громче, доносились отдельные слова и фразы: «...Закон о слепых... обычай фрименов... в Пустыню... кто нарушает!..»

— Кто смеет говорить, что я слеп? — рявкнул Пауль, обратившись лицом к галерее. — Не ты ли, Раджифири? Я вижу, ты сегодня в золотом кафтане. На синей рубахе под ним видна уличная пыль; ты ведь всегда был неряхой.

Раджифири выставил руку перед собой, пытаясь тремя пальцами — «козой» — оградиться от зла.

— Обрати к себе свои пальцы! — крикнул Пауль. — Мы знаем, *где* кроется зло! — и он вновь обернулся к Корбе. — Я вижу вину на лице твоем.

— Вина не моя! Может быть, я имел дело с виновными, но... — и Корба умолк, бросив испуганный взгляд на галерею.

На ходу поняв брошенный Паулем намек, Алия встала, спустилась с возвышения, подошла к краю стола, за которым сидел Корба. Безмолвно, знающим взглядом смотрела она на Корбу.

Тот отвел глаза, задергался, оглядываясь на галерею.

— Чьи глаза ты ищешь? — спросил Пауль.

— Вы же слепы! — выпалил Корба.

На миг Пауль почувствовал жалость к нему. Верховный Квизара Тафвид впутался в сеть видения столь же плотно, как и все остальные.

— Чтобы видеть тебя, не нужно глаз, — проговорил Пауль. И принялся описывать Корбу: каждое движение, каждый испуганный, молящий взгляд, обращенный к наибам.

Отчаяние овладело Корбой.

Алия видела, что он может сломаться в любую секунду. И на галерее это должны понимать тоже, думала она. Кто его соучастники? Она глядела на лица наибов, подмечая малейшие движения невозмутимых физиономий... гнев, страх, неуверенность... и вину.

Пауль умолк.

В жалкой попытке заставить голос звучать гордо Корба выдавил:

— И кто же обвиняет меня?

— Отхейм, — отвечала Алия.

— Отхейм умер! — запротестовал Корба.

— Откуда ты знаешь? — осведомился Пауль. — Через собственных шпионов? Ах, конечно же, все мы знаем про твоих посыльных и шпионов. Нам известно, *кто* доставил сюда камнежог с Тарахелла.

— Для защиты Квизарата! — завопил Корба.

— Ну и как же он попал в руки предателей? — спросил Пауль.

— Его украли, и мы... — Корба глотнул и умолк. Взгляд его лихорадочно метался справа налево. — Все знают, что голосом моим говорила любовь к Муад'Дибу. — Он поглядел на галерею. — Разве может мертвец обвинять фримена?

— Голос Отхейма не умер, — отвечала Алия и остановилась, когда Пауль прикоснулся к ее руке.

— Отхейм прислал нам свой голос, — продолжил Пауль. — Он называет имена, он говорит о предателях, называет места их сходок и время. Разве ты не видишь, Корба, на Совете наибов кое-кого не хватает? Где Меркур и где Фаш? И Кеке Хромого сегодня нет с нами. Еще Таким... где он?

Корба водил головой из стороны в сторону.

— Они улетели с Арракиса, повезли краденого червя, — отвечал сам себе Пауль. — И даже если я сейчас освобожу тебя, Корба, Шаи-Хулуд заберет твою воду за участие во всем этом. А знаешь, почему я тебя не освобожу? Вспомника о тех мужчинах, которых ты лишил глаз, о них — лишенных моего внутреннего зрения. У них ведь есть семьи, Корба, и друзья... Куда ты спрячешься от них?

— Но все случилось по чистой случайности, — молил Корба. — И во всяком случае они получат от тлейлаксу... — он осекся.

— Кто знает, не поработят ли металлические глаза своего хозяина? — спросил Пауль.

Наибы на галерее зашептались, прикрывая ладонями рты. Теперь они уже куда прохладнее взирали на Корбу.

— Так, значит, для обороны Квизарата, — проговорил Пауль, возвращаясь к мольбе Корбы, — отлично. Вот устройство, которое излучает гамма-лучи, разрушает землю и выжигает глаза тем, кто окажется возле него. Ну и как ты, Корба, желал использовать его для защиты Квизарата? Или твои квизара тафвид мечтают выжечь глаза всем, у кого они еще есть?

— Ну, из любопытства, милорд, — молил Корба. — Древний закон разрешает лишь Семьям владеть атомным оружием, но ведь Квизарат повиновался... повиновался...

— Повиновался тебе, — отозвался Пауль. — Действительно любопытно.

— Пусть меня обвиняет лишь голос, но пусть он обвинит меня в лицо! — отвечал Корба. — У фримена есть на это право.

— Сир, это так, — проговорил Стилгар.

Алия остро глянула на него.

— Закон есть закон, — настаивал Стилгар, ощущая ее возражения. И принялся цитировать законы фременов, сопровождая их содержание собственными комментариями.

Алия слушала Стилгара со странным чувством, как будто слышит его слова, прежде чем он произносит их. Как может он быть настолько простодушным? Никогда еще Стилгар не казался ей столь консервативно преданным традиционному закону Дюны. Выставив вперед подбородок, он агрессивно рубил слова. Неужели и вправду в нем нет ничего, кроме этой глупой помпезности?

— Корба — фримен, и будет судим по закону Пустыни, — заключил свою речь Стилгар.

Алия отвернулась, поглядела на сад и тени на его ограде. Она чувствовала разочарование. История затянулась — дело шло к полудню. Что дальше? Корба расслабился. Панегирист являл собой вид человека, оскорбленного несправедливыми обвинениями, ведь все его дела диктовались

одной любовью к Муад'Дибу. Она поглядела на Корбу, с удивлением подметила на лице его ехидное самодовольство.

Он словно бы получил весть, подумал она. *Так ведет себя человек, если слышит крики друзей: «Держись! Держись! Помощь близка!»*

На какой-то миг они было овладели всей ситуацией... информация карлика, сведения о других заговорщиках, имена доносчиков. Но критический момент миновал. Стилгар?.. Конечно, нет. Она обернулась, поглядела на старого фримена.

Тот без трепета встретил ее взгляд.

— Благодарю тебя, Стил, — проговорил Пауль, — за то, что ты напомнил нам о Законе.

Стилгар качнул головой. Подойдя поближе, он беззвучно прошептал одними губами, так, чтобы только им было понятно:

— Я выжму его досуха и позабочусь обо всех последствиях.

Пауль кивнул, дал знак стражникам, стоявшим за Корбой.

— Отвести Корбу в самую надежную камеру, — приказал он, — не пускать никого, кроме защитника. Я назначаю защитником Корбы Стилгара.

— Я сам выберу себе защитника! — крикнул Корба.

— Или ты сомневаешься в честности и справедливости решений Стилгара?

— О нет, милорд, но...

— Увести его! — рявкнул Пауль.

Стражники подняли Корбу с подушек, повели его к выходу. Наибы, бормоча, начали расходиться. Из-под галереи выступили прислужники, задернули оранжевые шторы. В палате воцарился оранжевый полумрак.

— Пауль... — начала было Алия.

— К насилию можно обратиться, — отвечал он, — только когда все будет под нашим полным контролем. Благодарю, Стил. Ты великолепно сыграл свою роль. Я уверен, Алия, ты приметила тех наибов, которые помогали ему. Они не могли не выдать себя.

— Так вы уже все заранее подготовили? — осведомилась Алия.

— Прикажи я убить Корбу на месте, наибы не стали бы возражать, — проговорил Пауль, — но затевать формаль-

ное рассмотрение дела, не прибегая к праву Пустыни, — тут они увидели угрозу собственным прерогативам. Алия, кто из наибов поддерживает его?

— Я уверена, что Раджифири, — негромким голосом отвечала она. — И Саайид, но...

— Точный перечень передашь Стилгару, — распорядился Пауль.

Алия глотнула пересохшей глоткой, разделяя в этот миг общий трепет перед Паулем. Она-то знала, каким образом можно видеть без глаз, но точность его внутреннего зрения смущала ее... Видеть все и в таких подробностях! Она ощущала, как собственной персоной мерцает перед его внутренним взором в том полупредельном времени, которое связано с реальностью только поступками и словами. Все они в видении были перед ним как на ладони!

— Время вашей утренней аудиенции, сир, — напомнил Стилгар. — Собрались многие... любопытные... испуганные.

— Ты боишься, Стил?

Старый фримен едва слышно шепнул в ответ:

— Да.

— Ты мой друг, и тебе нечего бояться меня, — произнес Пауль.

Стилгар глотнул.

— Да, милорд.

— Алия, аудиенцию даешь ты, — распорядился Пауль. — Стилгар, командуй.

Возле огромных дверей послышался шум. Толпу вытеснили из полутемного зала, чтобы вошли официальные лица. Все происходило своим чередом: домашняя стража локтями расталкивала просителей, облаченных в яркие одеяния, а просители пытались протолкнуться поближе, кричали, ругались, размахивали прошениями. На расчищенное стражей пространство вышел распорядитель. В руках его был перечень избранных, тех, кому разрешено предстать перед престолом. Распорядитель — жилистый фримен по имени Текрубе — держался с усталым и несколько ироничным видом, гордо задирая бритую голову с кустистыми бакенбардами.

Алия двинулась к нему, давая возможность Паулю и Чани скрыться через коридор за возвышением. Подметив испы-

тующий взгляд, который он метнул в спину Пауля, она подавила секундное недоверие к Текрубе.

— Сегодня я говорю за брата, — объявила она. — Пусть просители подходят по одному.

— Да, госпожа, — отвечал тот и начал распоряжаться.

— Я помню такое время, когда ты не могла обмануться в намерениях своего брата, — проговорил Стилгар.

— Меня отвлекли, — отвечала она. — В тебе что-то вдруг так странно и драматически переменилось. Что случилось, Стил?

Стилгар подобрался. Конечно, переменилось... но странно и драматически? Подобная точка зрения ему даже не приходила в голову. Драма — ведь вещь сомнительная. Драмы разыгрывают заезжие актеры, люди сомнительной преданности и еще более сомнительной добродетели. Враги империи вечно с драматическим усердием пытаются соблазнить ее население. Корба оставил фрименскую добродетель и развел драму в своем Квизарате. И он умрет за это.

— Какая-то извращенная мысль, — проговорил Стилгар. — Или ты не доверяешь мне?

Расстроенный голос его смягчил выражение на лице Алие, но не тон.

— Тебе известно, что это не так. Я всегда была согласна с братом: если дело попало в руки Стилгара, мы можем спокойно забыть все обстоятельства этого дела.

— Почему же ты говоришь, что я... изменился?

— Ты сделал первый шаг на пути неповиновения брату, — отвечала она. — Я вижу это на лице твоем. И надеюсь, что твое ослушание не погубит вас обоих.

К ней уже приближался первый из ходатаев и просителей. Она отвернулась прежде, чем Стилгар успел ей ответить. Впрочем, на лице его читалось все то, о чем писала ей мать. Мораль и совесть уступали место Закону.

«Вы создаете смертельно опасный парадокс», вспомнилось Алие.

Тибана писал апологии сократического христианства, он был, вероятно, уроженцем Анбуса IV и жил в восьмом-девятом веке до воцарения Дома Коррино, скорее всего во второе

правление Даламака. Сохранилась лишь малая часть написанного им, откуда и взята эта фраза: «Сердца всех людей обитают в одних и тех же джунглях».

(Ирулан, из «Книги Дюны»)

— Ты — Биджас, — произнес гхола, вступая в крохотную каморку, где карлика содержали под стражей. — Меня зовут Хейт.

За гхолой следовал целый отряд дворцовой стражи: вечерняя смена караула. Пока они пересекали внутренний двор, порыв ветра принес песок, он жалил лица, заставлял прикрывать глаза и торопиться. Было слышно, как снаружи в коридоре они обмениваются шутками, обычно сопровождающими ритуал смены часовых.

— Ты не Хейт, — отвечал карлик. — Ты — Дункан Айдахо. Я видел, как твою мертвую плоть погружали в бак и как извлекали из него тебя — живого и готового для обучения.

Гхола глотнул, горло его вдруг пересохло. Яркие шары плавающих ламп словно тускнели здесь, на фоне зеленых гобеленов. Но на лбу карлика были заметны капли пота. В нем чувствовалась странная целостность, словно бы проступало сквозь кожу предназначение, заложенное в него тлейлаксу. Под маской труса и болтуна угадывалась сила.

— Муад'Диб поручил мне выяснить у тебя, что намереваются здесь сделать тлейлаксу с твоей помощью, — произнес Хейт.

— *Тлейлаксу, тлейлаксу*, — запел карлик, — я и есть тлейлаксу, дурень ты этакий! Кстати, и ты тоже.

Хейт глядел на карлика. А Биджас, казалось, светился харизматической бодростью, заставлявшей наблюдателя вспоминать о древних идолах.

— Слышишь голоса стражи? — спросил Хейт. — Они охотно удавят тебя по моему приказу.

— Хай! Хай! — воскликнул Биджас. — Экий заносчивый дуралей, а еще говоришь, что явился искать истину.

Хейт вдруг ощутил, что ему вовсе не нравится внутренняя невозмутимость, проступавшая на лице карлика.

— Быть может, я ищу всего лишь свое будущее.

— Неплохо сказано, — отвечал Биджас. — Теперь мы знаем друг друга. Когда встречаются два вора, их можно не представлять друг другу.

— Значит, мы с тобой воры? — переспросил Хейт. — И что же мы крадем?

— Мы не воры — мы игральные кости, — отвечал Биджас, — и ты хочешь подсчитать числа, нанесенные на моих гранях. А я — на твоих. И что я вижу? У тебя два лица.

— Ты и в самом деле видел меня в баках тлейлаксу? — преодолев странную нерешительность, спросил Хейт.

— Я же сказал, — отозвался карлик и вскочил на ноги. — Нам пришлось побороться за тебя — с тобой. Плоть не хотела возвращаться назад!

Хейту вдруг показалось, что он очутился в кошмарном сне, привидевшимся вовсе не ему самому и не ему подвластном, но если он вдруг забудет про это, — неминуемо затеряется в закоулках чужого ума.

Биджас с хитрым выражением на лице склонил голову набок, обошел вокруг гхолы, глядя на него снизу вверх.

— Когда ты волнуешься, в тебе проступают былые черты, — проговорил Биджас. — Ты — тот самый преследователь, который не хочет догонять свою жертву.

— Ну а ты — оружие, нацеленное в Муад'Диба, — отвечал Хейт, поворачиваясь, чтобы уследить за карликом. — Что ты задумал?

— Ничего! — отвечал Биджас, вдруг остановившись. — Вот тебе простой ответ на несложный вопрос.

— Или ты метишь в Алию, — спросил Хейт, — не так ли?

— Во Вселенной повсюду ее зовут Хоут, Чудовищной Рыбой. Но почему это я ощущаю, как вскипает твоя кровь, когда ты говоришь про нее?

— Так значит, они зовут ее Хоут... — протянул гхола, пытаясь что-нибудь прочесть в чертах лица Биджаса. Странными были речи карлика.

— Она шлюха-девственница, — продолжал Биджас, — она остроумна, вульгарна и понятна, несмотря на ужасающие глубины ее существа; она жестока в своей доброте, бездумна и мудра, созидая, она несет разрушения, подобно кориолисовой буре.

— Итак, ты пришел держать речь против Алие, — проговорил Хейт.

— Против? — спросил карлик, опускаясь на подушку возле стены и ухмыляясь. Это сразу сделало его похожим на большеголовую ящерицу.

— Не-ет. Я пришел сюда, чтобы ее телесная красота завлекла меня в ловушку...

— Нападать на Алию — значит нападать и на ее брата, — отвечал Хейт.

— Это настолько очевидно, что можно даже и не заметить, — отвечал Биджас, — в сути своей Император и сестра его являются единой двойственной личностью, две половинки которой, женская и мужская, обращены спиной друг к другу.

— Подобные речи мы слыхали от фременов глубокой Пустыни, — сердито сказал Хейт, — от тех самых, кто возобновил кровавые жертвоприношения Шаи-Хулуду. Почему ты повторяешь эту бессмыслицу?

— И ты смеешь говорить, что это бессмыслица? — возразил Биджас. — Ты, сразу человек и маска на лице человека? Ах-хх, естественно, откуда игральным костям знать, сколько очков на них выпало. Я забыл про это. А ты запутался вдвойне — ведь ты прислуживаешь этому двойному созданию. Чувства твои уводят прочь от истины, ум — лучший проводник. Воспользовался бы им!

— И ты проповедуешь тем, кто стережет тебя, эту ложь о Муад'Дибе? — негромким голосом спросил Хейт. Он чувствовал, что разум его опутан речами карлика.

— Это они сами проповедуют! — отвечал Биджас. — И молятся. А почему бы и нет? Все мы должны молиться. Разве мы живем не в тени, которую отбрасывает на нас это существо, ужаснее которого не порождала Вселенная?

— Ужаснее которого...

— Собственная мать не желает жить на одной планете с ними.

— Почему ты не говоришь прямо? — спросил Хейт. — Ты ведь знаешь, у нас есть разные способы хорошенько повыспросить тебя. Мы сумеем узнать ответ... только другим способом.

— Но я ответил тебе! Разве я не сказал уже, что миф этот реален? А я — разве я ветер, что несет смерть в своем брюхе?.. Нет! Я — это слова! Но слова, подобные молнии, что бьет из песка в темное небо. Я сказал: задуем лампу! Настал день! А ты говоришь: дай мне фонарь, чтобы я не проглядел приход дня.

— Ты играешь со мной в опасные игры, — отвечал Хейт. — Или ты думаешь, что мне не понятны дзенсуннитские выверты? Ты за собой оставляешь отпечатки следов, словно птица на влажной глине.

Биджас хихикнул.

— Почему ты смеешься? — возмутился Хейт.

— Потому, что у меня есть зубы, а я хочу, чтобы их не было, — выдавил Биджас, смеясь. — Не будет зубов, нечем будет скрежетать.

— Теперь я понял: твоя цель — это я, — отвечал Хейт, — ты метишь в меня.

— И я попал в самое яблочко! — веселился Биджас. — Разве можно промазать в такую большую мишень? — Он кивнул, словно в подтверждение собственных слов. — А теперь я спою тебе, и он зажужжал под нос монотонную мелодию, с привизгом повторяя немногие такты и слова.

Хейт напрягся, странная боль пробежала волной по позвоночнику. Он глядел на лицо карлика, в его юные глаза на древнем лице. Казалось, что глаза эти словно повисли в центре паутинной сети морщин, белыми линиями разбегавшихся в стороны к впалым вискам. Какая огромная у него голова... И все прочие черты только окружали теперь пухлый рот, извергавший монотонный шум. Звук этот напомнил Хейту древние ритуалы, воспоминания не одного человека — народа, древние слова и обычаи, позабытый смысл мельком услышанного бормотания. Сейчас здесь вершилось нечто жизненно важное в кровавой игре идей на просторах времени.

В напев карлика вплетались символы, словно яркий свет били они из древней тьмы, освещая века существования человечества.

— Что ты делаешь со мной? — задыхаясь, выдавил Хейт.

— Просто играю на тебе, — отвечал Биджас, — ты и есть тот самый инструмент, на котором меня учили играть. Я назову тебе другие имена предателей из числа наибов. Вот Бикурос и Кахийт. Числится среди них и Джедида, который был секретарем у Корбы, и Абумоджандис, помощник Баннерджи... Не исключено, что один из них сейчас уже пронзает ножом твоего Муад'Диба.

Хейт только мотал головой из стороны в сторону. Говорить было слишком трудно.

— Мы с тобой как два брата, — произнес Биджас, прерывая свое жужжание. — В одном баке выросли, я был первым, ты — младший.

Металлические глаза Хейта вдруг словно ожгло внезапной болью. Все вокруг погрузилось в мерцающую красную дымку. Все ощущения отошли далеко, оставив только одну боль, и все вокруг виднелось как бы сквозь пелену, как через помутневшее от песка стекло. Все стало случайным, и только случай правил над бездушной материей. Даже собственная воля превратилась в нечто неопределенное. И она затаилась где-то внутри него, не дыша, не издавая ни звука, так что не сыщешь и с фонарем.

С ясностью, порожденной отчаянием, он прорвал эту дымку усилием воли. Все внимание его столбом огня било прямо под ноги Биджаса. И глаза его постигали суть карлика, слой за слоем: купленный интеллект, а под ним страхи, желания, стремления... и наконец, сердцевину: сущность, управляемую символами.

— Мы на поле боя, — сказал Биджас, — можешь говорить.

Команда эта развязала его язык, и Хейт ответил:

— Ты не сможешь заставить меня убить Муад'Диба.

— Я слыхал, как Бене Гессерит говорят, что во Вселенной нет ничего прочного, ничего уравновешенного, ничего неизменного, но каждый день — а случается, и каждый час — несет перемены.

Хейт тупо мотал головой из стороны в сторону.

— Ты поверил, что глупый Император и есть наша цель, — произнес Биджас. — Как же плохо ты понимаешь наших хозяев — тлейлаксу. Гильдия и Бене Гессерит считают, что мы производим изделия. На самом деле мы создаем услуги и инструменты. Все, от войны до бедности, может послужить инструментом. Война полезна: она ведь так эффективна. Она стимулирует метаболизм. Она усиливает правительства. Она перемешивает наследственность и наделяет жизнестойкостью, как ничто другое во всей Вселенной. Лишь те, кто знает цену войне и платит ее, обладают решимостью...

Странно спокойным голосом Хейт отвечал:

— Интересные речи ведешь ты, и я вот-вот поверю в месть Провидения. Как же пришлось преобразовать твое прежнее тело, чтобы создать тебя?.. Наверняка получи-

лась бы занимательная история... с еще более увлекательным эпилогом.

— Великолепно! — пропел Биджас. — Ты нападаешь, значит, у тебя есть сила воли и решимость.

— Ты пытаешься пробудить во мне желание убивать, — задыхаясь, проговорил Хейт.

Биджас отрицательно качнул головой.

— Пробудить — согласен, но не насилие. Тебя учили ясности, так ты сам говорил. И я должен пробудить в тебе ясность восприятия, Дункан Айдахо.

— Хейт!

— Дункан Айдахо. Искуснейший из убийц, любовник многих женщин, солдат-меченосец. Правая рука Атрейдесов на поле боя. Дункан Айдахо.

— Прошлое нельзя пробудить.

— Ты уверен?

— Прежде это никогда не удавалось.

— Интересно, но наши хозяева даже слышать не хотят, что может найтись нечто такое, чего нельзя сделать. Они всегда ищут способ: нужный инструмент, точку приложения силы, услуги нужных...

— Ты скрываешь свое истинное предназначение. Прячешь его за бессмысленными словами!

— В тебе сокрыт Дункан Айдахо, — отвечал Биджас, — и все его сознание откроется тебе... или твоим эмоциям, или бесстрастному рассудку... но оно покорится. И сознание его возвратиться из тьмы былого, окружающей каждый твой шаг. Оно рядом и правит тобой, даже когда ты не даешь ему воли. Дункан Айдахо — внутри тебя, он существует, и когда сознание его сфокусируется, ты покоришься.

— Тлейлаксу думают, что я все еще их раб, но я...

— Тихо, раб! — привизгивая особенным образом, бросил Биджас.

И Хейт обнаружил, что застыл в покорном молчании.

— Ну вот мы и добрались до самой основы, — удовлетворенно проговорил Биджас, — и я знаю — ты это понял. Такие слова управляют тобой... думаю, это вполне достаточно.

Хейт ощущал выступивший на лбу пот, чувствовал, как дрожат руки и грудь, но не в силах был пошевелиться.

— Однажды, — продолжал Биджас, — к тебе придет Император. Он скажет: *ее больше нет.* И лицо его будет воплощать горе. Он будет отдавать воду мертвым, так все здесь называют слезы, а ты ответишь моим голосом: *«Господин! О, господин мой!»*

Челюсти и шею Хейта сводило, он едва покачивал головой из стороны в сторону.

— И ты скажешь: *«У меня весть от Биджаса,* — карлик скорчил рожу. — Бедный Биджас, безумный Биджас... пустой барабан, на котором выбивают дробь сообщений, сути которых он не понимает... но стукни по Биджасу, и он загрохочет. — Он снова принялся гримасничать.

— Ты думаешь, я ханжа, Дункан Айдахо? Нет! И я могу горевать. Но пришло время менять мечи на слова.

Икота сотрясла Хейта.

Биджас хихикнул.

— Ах, спасибо, Дункан. Ах, спасибо! Вот потребности тела и спасут нас. В жилах Императора течет кровь Харконненов. И он сделает все, что мы потребуем от него. Так что станет ваш Император нашим молотком и будет чеканить слова, что будут приятным звоном отдаваться в ушах наших хозяев.

Хейт моргал, удивляясь, насколько оживленным казался карлик, злобным и мудрым одновременно. *Откуда в Атрейдесах кровь Харконненов?*

— Вспомни-ка лучше о Звере Раббане, злодее Харконнене, и вспомни свой гнев, — промолвил Биджас. — В гневе ты всегда был подобен фременам. Если слов не хватает, то уж меч-то всегда под рукой. Вспомни муки, на которые Харконнены обрекли твою семью. Знай: по матери твой драгоценный Пауль и есть настоящий Харконнен. Ну, когда тебе было трудно убить Харконнена?

Горькое разочарование одолевало гхолу. Или гнев? Почему эти слова вызывают гнев?

— Оххх, — стонал Биджас, — ах-хх, хах! Клик-клик. Вот и еще кое-что. Тлейлаксу предлагают сделку твоему драгоценному Паулю Атрейдесу. Наши хозяева восстановят его возлюбленную. Некоторым образом это будет твоя сестра — тоже гхола.

Хейту внезапно почудилось, что он оказался в мире, где нет ничего, кроме стука его собственного сердца.

— Да, гхола! — повторил Биджас. — И плоть гхолы будет плотью его возлюбленной. Она будет рожать ему детей. Она будет любить его одного. Мы можем даже улучшить оригинал, если он этого захочет. Разве хоть однажды дана была человеку возможность вернуть к жизни умершую любовь? Да он просто уцепится за наше предложение!

Биджас кивнул, прикрывая веками глаза, словно от усталости:

— Он смутится... и когда он задумается, ты подберешься поближе. И ударишь! Два гхолы будут у нас, не один! *Этого* хотят наши хозяева! — карлик откашлялся, снова кивнул и велел:

— Теперь говори.

— Я не сделаю этого, — отвечал Хейт.

— А вот *Айдахо* сделал бы, — проговорил Биджас. — Тебе не предоставится более удобной возможности отмстить этому потомку Харконненов. Не забывай этого. Ты предложишь ему возможность улучшить возлюбленную, дать ей вечную нежность, нестареющую любовь. А потом предложишь им обоим убежище — а сам будешь подбираться все ближе — на планете где-нибудь за пределами империи. Подумай только! Вернуть любимую к жизни. Не плакать, а в уединении и любви доживать свои годы.

— Дорогой подарочек, — осторожно заметил Хейт. — Он спросит и о цене?

— Скажешь ему, что придется отказаться от всех претензий на божественность и дискредитировать Квизарат. А еще, еще ему придется отдать — себя самого и свою сестру.

— И всего-то? — насмешливо спросил Хейт.

— Естественно, ему придется отказаться и от всей своей доли в КООАМ.

— Естественно.

— И если ты не подберешься еще достаточно близко, чтобы ударить, говори ему, как восхищены тлейлаксу полученным от него уроком: они не знали еще об истинных возможностях религии. Скажи ему, что тлейлаксу завели целый департамент по подготовке религий на разные нужды.

— Очень умно придумано, — заметил Хейт.

— Ты считаешь себя свободным, думаешь, что вправе не слушать меня и насмешничать, — проговорил Биджас, хитро прищурясь и наклоняя голову набок. — Не спорь.

— Они хорошо сработали тебя, маленькое животное, — скривился Хейт.

— И тебя тоже, — отозвался карлик. — И ты скажешь, чтобы он поторопился. Плоть распадается, ее нужно будет срочно поместить в криогенный бак.

Хейт почувствовал, что заблудился в этой путанице явлений, вдруг ставших незнакомыми. Карлик был столь самоуверен! Но и в логике тлейлаксу должен был отыскаться порок. Создавая гхолу, они настроили его на голос Биджаса, но... Что — но? Логика (сеть) объект... Очевидные мысли так легко принять за верные! Или логика тлейлаксу искажена?

Биджас улыбался, словно прислушиваясь к внутреннему голосу.

— А теперь, — сказал он, — ты все забудешь, но когда придет пора, вспомнишь. Он скажет: «Ее больше нет». И Дункан Айдахо проснется.

Карлик хлопнул в ладоши.

Хейт заморгал, ощутив, что его вдруг перебили на какой-то важной мысли или на половине фразы. Что это было? Кажется, они говорили... о целях?

— Ты хочешь запутать меня, а потом управлять мною, — сказал он наконец.

— С чего ты взял? — спросил Биджас.

— Я твоя цель, и ты не можешь отрицать этого.

— И не подумаю.

— Что ты пытаешься выполнить моими руками?

— Доброе дело, — отвечал Биджас. — Одно доброе дело.

Силы предвидения не могут отразить последовательности реальных событий иначе, как в самых чрезвычайных обстоятельствах. Оракул выхватывает отдельные звенья событий из исторической цепи. Вечность движется, она одинаковым образом действует и на оракула, и пришедшего к нему просителя. Пусть подданные Муад'Диба сомневаются в величии Императора и его пророческом даре. Пусть они отрицают его мощь. Пусть— но да не усомнятся они в Вечности!

(Из «Священных Заветов Дюны»)

Хейт видел, как Алия покинула свой храм и направилась через площадь. Охрана теснилась вокруг, пытаясь

свирепыми минами замаскировать полноту плоти, порожденную спокойной и сытой жизнью.

В лучах полуденного солнца яркими вспышками гелиографа замелькали крылья топтера над храмом; аппарат принадлежал к Императорской гвардии и нес на фюзеляже знак Муад'Диба — кулак.

Хейт вновь посмотрел на Алию. Здесь, в городе, она выглядела чужеродным телом, подумал он. Да, Алия принадлежала Пустыне, беспредельным просторам ее. Пока он следил за ее приближением, странная мысль пришла ему в голову: Алия казалась задумчивой, лишь когда улыбалась. Виноваты в этом глаза, решил он, припоминая, какой была она на приеме по случаю прибытия посла Гильдии: стройная и горделивая посреди всей этой суеты... ее дерзкие речи, обращенные к изысканно облаченным людям обоего пола. Алия была тогда в белом... ослепительное, яркое одеяние воплощало всю ее чистоту. Он глядел из окна, пока она пересекала внутренние сады для официальных приемов, шла вокруг пруда с его певучими фонтанами, сквозь заросли высокой травы прерий к белому бельведеру.

Все не так... совсем не так. Она принадлежала Пустыне.

Хейт порывисто вздохнул. Тогда он потерял Алию из вида, теперь тоже. Он ждал ее, стискивая и разжимая кулаки. И что за нелепый разговор вышел у него с Биджасом!..

Он слышал, как свита Алие прошествовала по коридору мимо комнаты, в которой он находился. Алия удалилась в семейные апартаменты.

Он пытался сосредоточиться на том, что его встревожило. То, как шла Алия через площадь? Да. Она шла словно жертва, спасающаяся от хищника. Он вышел на соединяющийся с семейными апартаментами балкон, прячась от солнца за навесом из пластали, пробрался вперед и остановился в тени. Алия стояла возле балюстрады и глядела куда-то за храм.

Он проследил за ее взглядом — Алия смотрела вдаль, за город. Прямоугольники, цветные пятна, дальние движения, звуки. Здания сверкали, контуры их дрожали в мареве. Раскаленный воздух плясал над крышами. Напротив, возле храма, в тупике между массивных стен мальчишка сту-

чал мячом о стену. Мячик ударялся о стену и отлетал — туда-сюда...

Алия тоже видела мяч. Взгляд ее был прикован к нему — вперед-назад... вперед-назад. Словно это сама она билась о стены коридоров времени.

Прежде чем оставить храм, она приняла колоссальную дозу меланжевого зелья — никогда прежде она не рисковала подобным образом. И ей было страшно — уже сейчас, хотя эффект еще не начал сказываться.

Почему я сделала это? — спрашивала она себя.

Но находясь среди многих угроз, приходилось идти на риск. Приходилось. Лишь таким образом можно было рассеять мглу, которой Таро Дюны затмило будущее. Существовала преграда, и ее нужно было взломать. Действия ее определялись необходимостью; она хотела увидеть, куда идет ее брат, устремив вперед невидящий взор.

Знакомая меланжевая фуга начинала звучать в сознании. Алия глубоко вздохнула, стараясь обрести хотя бы хрупкое спокойствие, сосредоточенное и отстраненное.

Второе зрение способно сделать из человека опасного фаталиста, думала она. К несчастью, в пророчестве нет «спускового крючка», его невозможно рассчитать. С видениями нельзя манипулировать, как с формулами. В них приходится погружаться, рискуя жизнью и разумом.

В резких тенях на примыкающем балконе шевельнулась фигура. Гхола! Обострившимся восприятием Алия увидела его с невероятной ясностью... смуглое живое лицо с блестящими металлическими глазами. В нем встречались ужасающие противоположности, они сталкивались, налетая с противоположных сторон. Он был сразу и тенью, и ослепительным светом... Процесс, давший новую жизнь мертвой плоти... произвел нечто невероятно чистое... и невинное.

Именно невинное!

— И давно ты здесь, Дункан? — спросила она.

— Значит, теперь я Дункан? — осведомился он. — Почему?

— Ты не должен спрашивать меня, — отрезала она.

Глядя на него, она удивлялась, как сумели тлейлаксу настолько отшлифовать свое создание и ничего не упустить из виду.

— Только боги могут так рисковать, — проговорила она, — совершенство опасно для смертного.

— Дункан умер, — возразил гхола. — Я — Хейт.

Она вглядывалась в эти искусственные глаза, гадала — что они видят. Вблизи в них были заметны крошечные выемки, колодцы тьмы, черневшие в сверкающем металле. Фасетки, как у насекомого. Вселенная искрилась вокруг и покачивалась. Она удержала равновесие, упершись рукой в прогретую солнцем ограду. Ах-хх, как быстро течет по телу меланжа.

— Вам плохо? — спросил Хейт. Он пододвинулся ближе, стальные глаза внимательно глядели на нее.

Кто это говорит? — удивилась она. *Дункан Айдахо? Или же ментат-гхола... а может быть, философ-дзенсуннит? Или простая пешка в руках тлейлаксу, куда более опасная, чем любой из навигаторов Гильдии? Брат ее знал об этом.*

И она снова посмотрела на гхолу. Теперь он был пассивен, в нем дремало нечто: гхола был словно насыщен ожиданием и силами, превосходящими доступное человеку.

— Как дочь собственной матери, я во многом принадлежу сестрам Бене Гессерит, — отвечала она, — ты не забыл про это?

— Я помню.

— Я пользуюсь их знаниями, думаю, как они. Часть моего существа признает священную необходимость выполнения генетической программы — и всю значимость... ее продуктов.

Она заморгала, ощущая, как часть сознания ее уносится потоками времени.

— Говорят, что Бене Гессерит никогда не оступаются, — сказал он, только теперь заметив, как побелели ее пальцы, впившиеся в ограду балкона.

— Неужели я оступилась? — спросила она.

Гхола видел, как глубоко она дышит, чувствовал напряжение в каждом движении, заметил слегка остекленевшие глаза.

— Когда споткнешься, легко восстановить равновесие, надо лишь подпрыгнуть и перескочить через то, что легло на твоем пути.

— Это сестры Бене Гессерит споткнулись, — отвечала она, — и хотят восстановить равновесие, перепрыгнув че-

рез моего брата. Они хотят ребенка... ребенка Чани или моего.

— Ты понесла?

Чтобы ответить на этот вопрос, она с трудом отыскала свое положение во временном пространстве. *Понесла*? Где? Когда?

— Я вижу... моего ребенка, — прошептала она.

Отступив от края балкона, она обернулась к гхоле: белое, как соль, лицо и горькие глаза — два кружка расплавленного свинца... Он отвернулся от света, чтобы видеть ее в голубых тенях.

— И что же... ты видишь такими глазами? — прошептала она.

— То же, что и все вокруг, — отвечал он.

Слова его звенели в ушах, сознание напряглось. Она словно бы тянулась через всю Вселенную... прочь из нее... наружу, но время спутывало ее цепкой лианой.

— Ты приняла Пряность — огромную дозу, — понял он.

— Почему я не вижу *его*? — пробормотала в ответ Алия. Лоно творения не выпускало ее. — Скажи мне, Дункан, почему я не вижу *его*?

— Кого?

— Я не вижу отца собственных детей. Я затерялась в тумане Таро Дюны. Помоги мне.

Логика ментата немедленно выдала ответ, он медленно сказал:

— Сестры Бене Гессерит хотят кровосмешения. Ваш брак с братом позволит закрепить генетические...

Стон сорвался с ее губ.

— Яйцо во плоти, — выдохнула она. Нахлынул озноб, сменился жаром. Невидимый супруг из самых мрачных снов! Плоть, соединившаяся с плотью ее, невидимая взгляду пророчицы. Неужели дойдет до этого?

— Ты рискнула принять опасную дозу? — вновь спросил он. Нечто внутри него смертельно скорбело: дочери Атрейдесов грозит смерть... И Пауль в горе обратится к нему, извещая о смерти принцессы.

— Ты и не знаешь, какими путями ухватывают грядущее, — отвечала она, — иногда я вижу себя... но сама себе мешаю. Я не могу заглянуть в будущее через себя. — Она склонила голову, замотала ею из стороны в сторону.

— Сколько Пряности ты приняла? — повторил он.

— Пророческий дар противен природе, — сказала она, поднимая голову, — разве это тебе не известно, Дункан?

Негромко, как маленькому ребенку, он опять задал тот же вопрос:

— Скажи, сколько Пряности ты приняла? — и левой рукой взял ее за плечо.

— Механика слов столь неуклюжа, столь примитивна и двусмысленна, — отвечала она, ускользая из-под его руки.

— Ты должна сказать, — настаивал он.

— Погляди на Барьерную Стену, — указала она, и содрогнулась; там, куда указывала ее рука, скалы рушились под напором невидимых волн. Она отвела глаза, поглядела на лицо гхолы, черты его изменялись: старели, молодели... снова старели... и опять становились молодыми. Он был подобен самой жизни, уверенной в собственной бесконечности. Она хотела бежать, но он схватил ее за левое запястье.

— Я немедленно вызываю доктора, — проговорил он.

— Нет! Вот-вот придет видение! Я должна узнать!..

— Ты немедленно идешь к себе, — строго сказал гхола.

Она глядела на его руку. Плоть их соприкасалась, из руки его словно бил ток, пугавший и соблазнявший ее. Рывком она высвободилась, задыхаясь, проговорила:

— Вихрь не удержишь!

— Тебе нужен врач! — отрезал он.

— Как ты не понимаешь! — чуть ли не в отчаянии возразила она. — Я не вижу всего, одни только дергающиеся и колышущиеся обрывки. Я *должна* вспомнить будущее. Как ты не понимаешь этого?

— Что мне будущее, если ты умрешь? — отвечал он, мягко подталкивая ее к семейным апартаментам.

— Слова... слова, — бормотала она, — я не могу объяснить. Одно следует из другого... но если нет причины, нет и следствия. Мы не можем оставить Вселенную, какой она была. Сколько бы мы ни пытались, все время возникает провал.

— Ложись, — скомандовал гхола.

Как он туп, подумала она.

Ее охватили прохладные тени. Мышцы собственного тела извивались червяками. Она не ощущала под собой

твердого ложа. Только пространство. Все прочее не было материальным. Ложе истекало телами — ее собственными. Время множилось, напрягалось, и она не могла выделить хоть что-то единое. Вокруг было время, оно шевелилось, вся Вселенная уползала то назад, то вперед... во все стороны сразу.

Оно не вещественно, объяснила себе Алия. *Его нельзя обойти, стать под ним. И нет места для точки опоры.*

Вокруг нее сновали люди. Множество неизвестных держало ее за левую руку. Она посмотрела, как течет ее плоть, вдоль прикоснувшейся руки поглядела на жидкую массу лица: Дункан Айдахо! Глаза были... не те. Но это был Дункан: мальчик-мужчина-подросток-мальчик-мужчина-подросток. И каждая черта лица его выдавала тревогу о ней.

— Не бойся, Дункан, — прошептала она.

Он стиснул ее руку, кивнул и сказал:

— Лежи смирно.

В голове его крутилось: она не должна умереть! Не должна! Женщины Дома Атрейдес не должны умирать! Он резко тряхнул головой. Мысли эти противоречили логике ментата. Смерть необходима, чтобы могла продолжаться жизнь.

Гхола любит меня, думала Алия.

И мысль эта стала опорой в море времени. Знакомое лицо, а за ним... комната. Она узнала одну из спален в апартаментах Пауля.

Застывшая и неизменная фигура что-то делала с трубкой, вставляя ее в горло Алие. Она попыталась сдержать спазм рвоты.

— Вовремя успели, — произнес голос семейного врача. — Надо было раньше вызвать меня. — В словах его угадывалась подозрительность. Трубка змеей выползала из ее горла.

— Я сделаю ей инъекцию снотворного, — сообщил врач. — И пришлю сюда кого-нибудь из ее собственных прислужниц.

— Я останусь с ней, — сказал гхола.

— Это неприлично! — возразил медик.

— Останься... Дункан, — прошептала Алия.

Он погладил ее руку, чтобы она поняла, что он слышит ее.

— Госпожа, — проговорил врач, — лучше, если...

— Я сама знаю, что лучше, — возразила она. От слов горло саднило.

— Госпожа моя, — укоризненно сказал медик, — вам прекрасно известно, что слишком много меланжи принимать опасно. Я могу предположить, что вам его подложили в...

— Ты глуп, — задыхалась она. — Откуда, по-твоему, берутся видения? Я прекрасно знала, что принимала и почему. — Она схватилась рукой за горло. — Оставь нас. Быстро!

Врач пропал из виду, заявив на прощание:

— Я обязан предупредить вашего брата.

Почувствовав, что врач вышел, Алия всем вниманием обратилась к гхоле. Теперь видение уже маячило перед ней: субстрат, на котором сверху коркой медленно нарастало настоящее. Она видела, как гхола двигается на волнах времени, теперь уже не загадочный, ставший обыденным и привычным.

Он — средоточие всего, думала она, *в нем и гибель, и спасение.*

И она содрогнулась, понимая, что наконец ей открылось то, что давно провидел ее брат. Слезы сами собой обожгли глаза. Она резко тряхнула головой. Никаких слез! Капли эти — просто пустая трата влаги, им не место в строгом течении пророческого ви́дения. Пауля нужно остановить. Однажды, только однажды, она сумела забежать дальше его во времени и оставила свой голос там, где еще должен был пройти брат. Нити паутины грядущего сходились к нему, словно лучи света к фокусу линзы. Пауль находился в самой сердцевине лучей и знал об этом. Он удерживал все линии событий, не позволяя ни одной из них отклониться в сторону или тем более вырваться.

— Почему? — пробормотала она. — Это ненависть? Или Пауль хочет в отместку поразить само Время? Это ненависть, Хейт?..

Услыхав свое имя, гхола отозвался:

— Простите, госпожа?..

— Если бы я только могла выжечь все это из своего сердца! — выкрикнула она. — Я никогда не хотела быть *иной.*

— Пожалуйста, Алия, — бормотал гхола. — Успокойся, усни.

— Как я хотела бы уметь смеяться, — прошептала она. Слезы текли по ее щекам. — Но я сестра Императора, и брату моему поклоняются как богу. Люди боятся меня. А я не хотела этого.

Он стер слезы с ее щек.

— Я не хочу быть частью истории, — прошептала она. — Я хочу, чтобы меня любили... я хочу любить.

— Тебя любят, — отвечал он.

— Ах... верный, верный Дункан, — прошептала она.

— Пожалуйста, не зови меня этим именем.

— Но это твое имя, — отвечала она, — а верность — редкий и дорогой дар. Впрочем, ее можно продать... не купить — только продать.

— Мне не нравится твой цинизм, — нахмурился он.

— Пошли к чертям твою логику! Это — правда!

— Спи, — сказал он.

— Ты меня любишь, Дункан? — спросила она.

— Да.

— Это случайно не ложь? — спросила она. — Не та ложь, в которую проще поверить, чем в правду? Почему я боюсь поверить тебе?

— Ты боишься того *иного*, что скрыто во мне, как боишься *иного*, скрытого в тебе самой.

— Ты же мужчина, не только ментат, — огрызнулась она.

— Я и ментат, и мужчина.

— Раз так — сделаешь ли ты меня своей женщиной?

— Я сделаю все, что прикажет любовь!

— И дашь мне свою верность?

— И верность.

— Ею ты и опасен, — проговорила она.

Эти слова смутили его. Ни лицо, ни мышцы тела этого не выдавали, но она знала, ведь в видении он волновался. Она чувствовала, что запомнила только части видения, что ей следует постараться припомнить все. Там, в тенях пространства, таилось еще одно восприятие, оно словно бы не имело отношения к органам чувств и возникало в голове само собой, рождало боль.

Эмоция!.. Да, эмоция! Она возникла в видении не сама по себе, а как следствие, но эмоция эта позволяла Алие найти причину. Ее охватила сложная смесь туго свитых

воедино страха, любви и горя. И они наполняли видение, сливаясь в единую маску, огромную и первобытную.

— Дункан, не отпускай меня, — прошептала она.

— Спи, — отвечал он, — не пытайся противиться сну.

— Я должна... *должна* объяснить. Пауль решил стать наживкой в расставленной им ловушке. Он служит силе и ужасу. Насилие... обожествление... словно оковы охватывают его. Он потеряет... все. И горе погубит его.

— Ты говоришь про Пауля?

— Они хотят, чтобы он погубил себя собственными руками, — задыхалась Алия, выгибаясь всем телом. — Его ждет огромное горе, страшное горе. Они хотят лишить его любви, — Алия села на постели. — Они создают такую Вселенную, в которой сам Пауль не захочет жить. В которой он не сможет позволить себе жить!..

— Кто они?

— Он сам в первую очередь! Ох, ты так туп! Он — часть схемы. И сейчас уже слишком поздно... Слишком поздно... слишком поздно.

И пока она говорила, видение тускнело... за слоем слой. А потом собралось в комок — прямо позади пупка. Тело и ум разделялись, сливались среди древних видений, — все двигалось, двигалось, двигалось. Алия почувствовала, как бьется сердце ребенка, еще не зачатого ею. Меланжа все еще несла ее по волнам времени. Она понимала, дитя это пока не родилось, и только в одном была уверена — ребенок пробудится к жизни столь же рано, как и она сама, он тоже обретет сознание еще до рождения.

Существует предельный уровень силы, которой может воспользоваться даже могущественнейший, не погубив при этом себя. И в определении этой границы проявляется степень истинного артистизма, которым правительство может быть наделено. Ошибка в применении силы — грех, который несет за собой фатальные последствия. Закон не может являться орудием мести, его нельзя отдать в залог, закон не может оградить себя от мучеников, которых сам и порождает. Нельзя угрожать кому бы то ни было безнаказанно.

(«Муад'Диб — о Законе», «Из Комментариев Стилгара»)

За ущельем над Пустыней возле сиетча Табр занималось утро, но Чани была без дистикомба, и потому чувствовала себя неуютно. Грот, ведущий ко входу в сиетч, был скрыт вверху среди скал, чуть позади нее.

Пустыня... Пустыня... Ей уже казалось, что Пустыня сопровождала ее повсюду. Словно она не вернулась домой, а просто обернулась — и увидела ее за спиною.

Она ощутила болезненные схватки в животе. Роды скоро. Усилием воли она справилась с болью, стараясь продлить свое одиночество в Пустыне.

Земля покоилась в рассветной тиши. Повсюду среди дюн и террас Барьерной Стены пролегли длинные тени. Над высоким откосом блеснул луч солнца, осветил блеклый ландшафт под вылинявшим синим небом. Пейзаж вполне соответствовал отвратительному цинизму, терзавшему ее с того самого мгновения, когда она узнала о слепоте Пауля.

Зачем мы явились сюда? — думала она.

Это не хаджр, путешествие ищущих. Паулю нечего было искать здесь, разве что он старался найти надежное место, где она могла бы спокойно родить. Но для подобного путешествия он выбрал странных спутников: Биджаса, карлика-тлейлаксу; гхолу Хейта, живые останки Дункана Айдахо; Эдрика, посла-навигатора Гильдии; Гайю-Елену Мохийам, Преподобную Мать Бене Гессерит, которую он явно от всей души ненавидел; Лихну, странную дочь Отхейма, которую держали под пристальным наблюдением бдительной стражи. Но были и свои: Стилгар, дядя ее и наиб вместе с любимой женой Харой... Ирулан... Алия.

Вой ветра в скалах наводил печальные думы. День принес свои краски: желтую, бурую, серую.

Зачем ему эта странная компания?

На расспросы ее Пауль отвечал:

— Мы забыли, что словом «компания» первоначально обозначалась именно группа путешественников. Так что мы и есть компания.

— Но какая им цена?

— Вот! — усмехнулся он, обращая к ней свои жуткие пустые глазницы. — Мы забыли про ясность и цельность существования. И когда нечто нельзя разлить, закупорить,

растолочь, свалить в кучу... если нельзя на худой конец просто указать пальцем на него как на вещь, — оно не имеет для нас никакой цены.

Тогда она с обидой ответила:

— Я вовсе не это имела в виду.

— Ах, драгоценнейшая моя, — проговорил он, пытаясь утешить ее, — у нас столько денег, и так мало жизни! Я глупый, упрямый, злой...

— Не наговаривай на себя.

— И ты тоже права. Но и мои ладони посинели от времени. Мне кажется... мне кажется — я все время пытался изобрести жизнь, не подозревая, что она уже существует.

И он тронул ее живот, прикоснулся к дремлющей жизни.

Припомнив это, она положила на живот обе ладони и поежилась, сожалея о том, что просила Пауля привезти ее сюда.

Пустынный ветер донес зловоние от посадок, окаймлявших дюны у подножия утеса. Фрименское суеверие: дурной запах предвещает скверные времена.

Обернувшись лицом к ветру, она заметила, что из песков у края посадок выставился червь. Подобно бушприту дьявольского корабля он высунулся из песка... а потом почуял воду, несущую смерть его роду, и повернул, оставляя за собой длинный изогнутый холм.

Теперь Чани ненавидела эту воду, как и Пустынный червь. Вода, некогда душа Арракиса, стала ядом. Вода несла гибель. Только Пустыня оставалась по-прежнему чистой.

Внизу показался рабочий отряд фрименов. Они поднимались к среднему входу в сиетч, и она увидела, что ноги их были облеплены влажной грязью.

Это у фрименов-то!

Над головой ее дети сиетча запели утреннюю песнь. Голоса их заставили ее ощутить время, устремляющееся вдаль подобно коршуну, несомому ветром. Она поежилась.

Какие бури видел Пауль своими пустыми глазницами?

Она ощущала, что он полон злости и сходит с ума от усталости.

Небо превратилось в серый хрусталь, пронизанный алебастровыми лучами. Поднятый ветром песок чертил на небе хаотические узоры. Ослепительная полоска, белевшая на юге, привлекла к себе ее взор. Насторожившись, она вспомнила примету: забелеет небо с юга, значит, разверз-

лась пасть Шаи-Хулуда. Надвигалась буря, близился сильный ветер. Уже чувствовалось первое дуновение: легкие песчинки начинали покалывать щеки. Ветер нес запах смерти, запах воды, текущей в арыках, влажного песка, кремня. Вода... из-за нее Шаи-Хулуд и послал эту кориолисову бурю.

В расщелину, где стояла Чани, в поисках укрытия от непогоды влетели коршуны. Перья их были буры, как скалы, лишь крылья снизу отливали красным цветом. Душа ее устремилась за ними; им-то было где укрываться, но где же спрятаться ей самой?

— Госпожа, идет буря!

Она обернулась, увидела, что это гхола зовет ее от верхнего входа. Фрименские суеверия охватили ее. Чистая смерть, вода, возвращенная племени, — это она понимала. Но... *это* вот... отобранное у смерти...

Поднятый ветром песок уже сек по лицу, румянил щеки. Она бросила косой взгляд на устрашающую стену пыли, встающую на небе. Пустыня вскипала под ветром, дюны словно превращались в песчаное море, бьющее в берега, так говорил ей когда-то Пауль. Она медлила, ощущая преходящую сущность Пустыни. Что для вечности этот бурлящий песок!..

Песчаный прибой уже громыхал о скалы.

Буря начинала превращаться в нечто поистине всеобъемлющее, все звери и птицы попрятались, и над песком неслись только звуки, бил в скалы песок, выл ветер, дробью барабанили в скалу валуны... вдруг издали раздался характерный звук — где-то, невидимый отсюда, гулко вскинулся из песка, из обрушенного бурей бархана, песчаный червь — извернулся и, спасаясь, нырнул в свои сухие глубины.

Жизнь отмеривала минуты, но за эти мгновения Чани успела ощутить, как пылинкой несется в космосе эта планета, песчинкой в иных волнах.

— Поспешим, — произнес гхола, оказавшийся рядом.

Она чувствовала в голосе его страх и заботу о ее безопасности.

— «*Ветер слижет плоть с ваших костей*», — процитировал гхола, словно *ей* нужно было объяснять, что такое песчаная буря.

Заботливость его помогла преодолеть внезапный суеверный страх перед созданием тлейлаксу, и Чани позволила гхоле проводить себя вверх по каменной лестнице внутрь сиетча.

Они миновали поворотную заглушку, закрывавшую вход. Служители аккуратно затворили дверь, затянув влагосохраняющие уплотнения.

Сразу нахлынули запахи сиетча, пробуждавшие воспоминания. Пахло жильем: испарениями тел, закупоренных в дистикомбы, кислыми эфирами рекламационных туалетов, пищей... еще припахивали кремнем работающие машины. И повсюду — вездесущий запах Пряности, повсюду меланжа.

Она глубоко вздохнула.

— Это дом.

Гхола отнял ладонь от ее руки, отодвинулся в сторонку, терпеливо ожидая, словно его выключили за ненадобностью. И все же... он наблюдал.

Чани медлила у входа, ей мешало что-то непонятное, незнакомое, не имевшее имени. Тут и в самом деле был ее дом. В детстве она била здесь скорпионов в свете плавающих ламп. Но что-то переменилось...

— Не хотите ли сразу отправиться прямо в собственные апартаменты, госпожа? — предложил гхола.

Схватки, словно только и дожидались этого приглашения, снова скрутили ее живот. Чани попыталась скрыть боль...

— Госпожа... — мягко напомнил о себе гхола.

— Почему Пауль опасается за меня, боится моих родов? — спросила она.

— Это естественные опасения.

Она приложила ладонь к покрасневшей щеке.

— Но он не опасается за детей!

— Госпожа, он не может подумать о ребенке, не припомнив вашего первенца, убитого сардаукарами.

Она вглядывалась в плоское лицо, ничего не выражающие металлические глаза. Действительно ли перед ней Дункан Айдахо? Может ли это создание быть другом? Правду ли говорит гхола?

— Вам нужно к врачам, — настойчиво сказал гхола. Чани снова почувствовала в его голосе беспокойство о ней.

Она вдруг ощутила, что разум ее остался без всякой защиты, открытый любым впечатлениям.

— Хейт, я боюсь, — прошептала она, — где мой Усул?

— Государственные дела задерживают его, — прошептал гхола.

Она кивнула, представив себе весь этот правительственный аппарат, сопровождавший их на целой стае орнитоптеров. И вдруг поняла, что встревожило ее: в сиетче пахло иными мирами. Клерки и слуги Императора принесли запах собственной пищи, духов и одежды. Чуждые ароматы пробивались сквозь привычные запахи сиетча.

Скрывая горький смешок, Чани осадила себя. Присутствие Муад'Диба изменило даже запах дома. Муад'Диб изменяет все, чего коснется!..

— Он не смог освободиться... есть неотложные дела, — произнес гхола, неправильно определив причину ее колебаний.

— Да... да, понимаю. Я сама летала в этом рое.

Припоминая полет из Арракина, она невольно призналась себе, что и не рассчитывала уцелеть. Пауль настоял на том, что сам будет пилотировать топтер. И — слепой — привел машину к сиетчу. После этого она уже и не знала, может ли он удивить ее чем-нибудь еще.

Боль стянула живот.

Гхола заметил, как она вздохнула, как напряглись ее щеки и проговорил:

— Пришло ваше время?

— Я... да. Началось.

— Больше медлить не следует, — решительно сказал гхола и, взяв ее за руку, повлек за собой по коридору.

Почувствовав, что Хейт запаниковал, она попыталась придержать его:

— Время еще есть.

Он словно не слышал:

— Дзенсунниты рекомендуют при родах, — говорил он, ускоряя шаги, — максимально собравшись, ждать, не имея цели... Не следует противиться тому, что происходит. Сопротивляться — значит заранее готовиться к поражению. Попытки добиться цели — это ловушка; избегай ее. Только так ты обретешь желаемое.

С этими словами они вступили в ее покои. Подтолкнув ее вперед за занавеси, гхола выкрикнул:

— Хара! Хара! У Чани началось! Зови врачей!

Сразу забегали слуги. И в суете этой Чани успела вновь ощутить себя изолированным островком спокойствия... но боль возвратилась.

Оказавшись выставленным наружу, Хейт обдумал собственные поступки — и не мог не удивиться им. Он словно покоился во времени, в той точке его, где любая истина не абсолютна. И паника была причиной всех его поступков, он понимал это. Не потому, что Чани могла умереть, нет, а потому, что Пауль тогда придет к нему, исполненный горя...

Любимая его... ушла... ушла...

Из ничего не получится что-то, напомнил себе гхола. *Откуда же такой страх?*

Ощутив, что его способности ментата вдруг притупились, он испустил долгий прерывистый вздох. Тень легла на его разум. Во мраке, охватившем душу, он чувствовал лишь, что ждет, ждет какого-то абсолютного звука... пугающего треска ветки в джунглях, за спиной...

Вздох сотряс его тело. Опасность на сей раз миновала.

Понемногу приводя в порядок свои силы и постепенно преодолевая ментальные барьеры, он впал в ментат-транс. Хейт вынудил себя к этому, такой способ не лучший, но необходимость заставила. Внутри него призрачными тенями задвигались люди. Он только транслировал всю информацию, с которой знакомился. Существо его наполнили вероятности. Рядами шествовали они, а мозг сравнивал, оценивал...

На лбу гхолы выступил пот.

Нечеткие мысли как пушинки уплывали во тьму. Незамкнута система. Ментат не мог функционировать, не сознавая, что данные его образуют такую систему. Ограниченному знанию не охватить бесконечный объем. Поэтому разум должен слиться с бесконечностью... на мгновение.

В памяти словно вспыхнуло... перед ним сидел Биджас, озаренный каким-то внутренним огнем.

Биджас!

Почему этот карлик имеет какое-то отношение к нему?

Хейту казалось, что он балансирует на краю бездонной пропасти, просчитывая свои действия вперед, анализируя все последствия.

— Принуждение! — задохнулся он. — Я запрограммирован, чтобы вынудить его...

Посыльный в синей одежде миновал Хейта, помедлил и спросил:

— Вы что-то сказали, господин?

Глядя в сторону, гхола буркнул:

— Я сказал *все.*

Жил-был мудрец, катись, слеза, —
Раз он шагнул на песок,
И пламя выжгло ему глаза
И опалило висок.
Тогда он узнал, что навек ослеп,
Но вовсе не возрыдал.
Просто он будущее прозрел,
Решил — и святым стал.

(Детские стихи из «Истории Муад'Диба»)

Пауль стоял над сиетчем. Пророческое зрение говорило, что сейчас ночь, и лунный свет обрисовывает гробницу на вершине, по левую руку от него. Место было полно воспоминаний, первый его сиетч, тот самый, где они с Чани...

Не надо думать о Чани, одернул он себя.

Открывавшееся ему видение свидетельствовало о переменах вокруг. Вдалеке справа появилась пальмовая роща, серебристо-черная линия арыка пересекала дюны, наметенные сегодняшней бурей.

Вода, текущая посреди Пустыни!

Пауль подумал о водах иного мира, о реке на его родной планете — Каладане. Тогда он даже понять не мог, что подобный поток — сокровище, даже если это просто мутные воды, текущие через засыпанную песком котловину. Сокровище.

Сзади, осторожно кашлянув, подошел помощник. Пауль не глядя протянул ладонь к увеличительной планшетке с одним листом металлобумаги на ней. Движение это было неспешным, как поток в канале посреди песка. Видение

все текло, но Паулю все больше не хотелось двигаться вместе с ним.

— Прошу простить, сир, — проговорил помощник. — Это договор с Симбуле... необходима ваша подпись!

— Я и сам могу прочесть! — отрезал Пауль и черкнул в нужном месте — «Атрейдес, Импер». Потом вложил планшетку прямо в протянутую руку помощника, чем еще более усугубил состояние благоговейного трепета, в котором тот находился.

Помощник буквально бежал.

Пауль отвернулся. *Уродливая Пустыня!* Он представил себе эту землю утопающей в лучах жаркого солнца, раскаленной, покрытой песчаными осыпями, темными пыльными провалами. И смерчики гонят по камням крохотные охристые дюны. Но и богата была эта земля, вытекавшая из узких щелей на необъятные просторы, выметенные бурями, раскинувшиеся между зализанными ветрами утесами, опрокинутыми хребтами.

И земля эта жаждала воды... и любви.

Жизнь когда-нибудь придаст этим недобрым просторам красоту, наполнит движением. Так говорила сама Пустыня. Контраст между тем, что есть, и тем, что будет, леденил его. Ему хотелось повернуться к помощникам. Крикнуть им — если вам так необходимо чему-то молиться, поклоняйтесь *жизни* — всей, целиком... до последней мельчайшей твари. Все мы связаны воедино этой красою!

Они не поймут. Здесь, в Пустыне, им было не по себе. Тут взгляд их не могла порадовать пляска зеленых ветвей.

Сжав кулаки, он прижимал руки к бокам, пытаясь вырваться из видения. Бежать, бежать бы от собственных дум. Собственный разум, подобно зверю, пришел, чтобы пожрать его. Тяжесть слишком многого знания давила на него...

В отчаянии Пауль обратил свои мысли ввысь.

Звезды!

Воодушевление мгновенно рассеялось, едва он представил себе пространство... безграничный простор над его головой, исполненный звезд. Только безумец способен предположить, что может править хотя бы малой каплей необъятного космоса. Вот и он сам даже не начал еще осознавать количество подданных в его собственной империи.

Подданных? Нет — врагов и почитателей. Кому из них интересно то, что выходит за пределы узких рамок привычных верований? Разве хоть один человек способен вырваться из тисков собственных предрассудков? Даже он, Император, не справился с этим. Он жил и старался прибрать все к собственным рукам, созидал свою маленькую Вселенную по собственному подобию. Но возмутившийся космос наконец одолел, и Пауль понимал, что гибнет под натиском безмолвных валов.

А плевать мне теперь на Дюну! — думал он. *Вот тебе моя влага!*

Вот и его миф, искусно сотканный им из воображения, лунного света, любви... из молитв, что старше Адама... из серых утесов и пурпурных теней, из стенаний целого моря мучеников... и его миф пришел к своему концу. Когда волны отхлынут, берега Времени останутся пустыми и чистыми, и лишь песчинки воспоминаний будут кое-где поблескивать на них. Неужели вот эта пыль и была золотым творением человечества?

Шорох песка по скале известил его о том, что гхола присоединился к нему.

— Ты сегодня избегаешь меня, Дункан, — заметил Пауль.

— Вам не следует звать меня так, это опасно, — остерег его гхола.

— Я знаю.

— Я... пришел предупредить вас, милорд.

— Я знаю.

И рассказ о заклятии, которое наложил на него Биджас, сам собой вырвался у гхолы.

— А знаешь ли ты природу заклятия? — спросил Пауль.

— Насилие.

Тогда-то Пауль наконец ощутил, что оказался именно там, куда вел его путь с самого начала. И замер, оцепенев. Некогда джихад охватил его и направил по своему пути, с тех пор ужасная тяжесть грядущего так и не выпустила его.

— Дункан не нападет на меня, — прошептал Пауль.

— Но, сир...

— Скажи, что ты видишь сейчас вокруг нас? — попросил Пауль.

— Мой господин?..

— Пустыня... какая она сегодня?

— Но разве вы не *видите* ее?

— У меня ведь нет глаз, Дункан.

— Но...

— У меня есть только пророческое зрение, — отвечал Пауль, — я отдал бы что угодно, чтобы не иметь его. Я ведь умираю, Дункан; умираю от знания будущего, или ты не понял этого?

— Быть может... страшное не случится, — проговорил гхола.

— Что? Разве я могу усомниться в собственном предсказании? Тысячу раз я видел, как они воплощаются в жизнь. Люди называют дар — моей силой! Кара это! Из-за этого дара я даже не могу уйти из жизни там, где обрел ее!

— Мой господин, — пробормотал гхола. — Я... Это не... молодой хозяин, вы не... я... — он умолк.

Ощущая смятение собеседника, Пауль спросил:

— Как ты назвал меня, Дункан?

— Что? Что? Я... на миг, я...

— Ты назвал меня «молодым хозяином».

— Я... да.

— Так всегда звал меня Дункан. — Пауль протянул руку, прикоснулся к лицу гхолы. — Или и этому тебя научили тлейлаксу?

— Нет.

Пауль опустил руку.

— И что же?

— Это сделал... я сам.

— Ты служишь двоим хозяевам?

— Быть может.

— Освобождайся от гхолы, Дункан.

— Как?

— Ты — человек, так и будь человеком.

— Я гхола.

— Но плоть твоя — человеческая. И Дункан таится в ней.

— Да, в ней кроется *нечто*.

— Я не знаю, как ты сделаешь это, — проговорил Пауль. — Но ты сумеешь.

— Вы предсказываете?..

— К шайтану предсказания!

Пауль отвернулся. Видение неслось вперед, оно уже расползалось дырами, но его нельзя было остановить.

— Мой господин, если вы...

— Тихо! — Пауль поднял руку. — Слышишь?

— Что, милорд?

Пауль покачал головой. Дункан не слыхал. Или ему пригрезился этот звук? Его племенное имя доносилось из Пустыни, откуда-то... издалека:

— Усул!.. Уусуу-ууул!..

— Что это, милорд?

Пауль покачал головой. Он чувствовал обращенные к нему глаза. Там, в ночных тенях знали, что он здесь. Что-то? Нет, кто-то.

— Все это было просто чудесно, — прошептал он. — Но ты была прекраснее всего.

— Что вы сказали, милорд?

— Это еще будет, — пробормотал Пауль.

Бесформенная Вселенная над его головой плясала, повинуясь его пророческому зрению. Он сумел извлечь могучую ноту, долго будут еще отдаваться отзвуки эха!

— Я не понимаю, милорд, — произнес Гхола.

— Фримен умирает, если его надолго увезти из Пустыни, — промолвил Пауль. — Они зовут это «водной болезнью». Разве не странно?

— Очень странно.

Напрягая память, Пауль старался припомнить дыхание Чани ночью, рядом с ним. *Разве будет мне утешение?* — думал он. Но сумел вспомнить только раздраженную Чани за завтраком перед самым отлетом в Пустыню. Она нервничала и тревожилась.

— Зачем на тебе опять эта старая куртка? — возмутилась она, заметив на нем под фрименской одеждой черный мундир с красным ястребом. — Ты же Император!

— Даже у Императора может быть любимый костюм, — возразил он.

По непонятной для него причине слова эти вызвали слезы на глазах Чани. Всего второй раз за всю свою жизнь она нарушала фрименский закон.

Теперь во тьме Пауль судорожно стирал со щек непрошеную влагу. *Зачем влага мертвым?* — думал он. Лицо под рукой казалось одновременно и чужим, и знакомым. Ве-

тер холодил влажную кожу. На миг промелькнула надежда, исчезла. Откуда этот комок в груди? Съел, должно быть, что-то не то. Но другая часть его души все горевала, отдавала воду мертвым! Ветер колол песком щеки. Высохшая теперь кожа несомненно принадлежала ему самому. Но чья же была эта дрожь?

И тогда они услышали горестные вопли, доносившиеся издалека, из глубин пещеры. Вопли становились громче... громче...

Гхола резко повернулся: на землю внезапно лег луч света — кто-то широко распахнул уплотняющие завесы на входе. И в свете он увидел человека с застывшей ухмылкой на лице... Нет, не ухмылкой! Лицо искажала гримаса горя! Лейтенант федайкинов по имени Тандис. За ним валила толпа, и все смолкли, увидев Муад'Диба.

— Чани... — начал Тандис.

— Мертва, — прошептал Пауль. — Я слышал ее зов.

Он обернулся к сиетчу. Пауль знал это место. Здесь ему негде было спрятаться. Рвущееся к концу видение выхватило из тьмы всю толпу. Он видел Тандиса, ощущал горе федайкина, наполнявшие его страх и гнев.

— *Она ушла*, — проговорил Пауль.

Слова эти донеслись до гхолы из ослепительного ореола. Они жгли его грудь, хребет, глазницы под металлическими глазами. Он почувствовал, как правая рука его потянулась на пояс... к ножу. Собственные мысли вдруг показались странными. И разрозненными. Он ощущал себя куклой, и руки, и ноги его дергались, повинуясь веревочкам, протянутым из этого ужасного ореола. Он двигался, повинуясь чужим желаниям, неведомо чьим велениям. Веревочки дергали руки, ноги, челюсть его.

Во рту что-то хрустело. Вновь и вновь повторяясь:

Хррак! Хррак! Хррак!

Нож поднялся для удара. В этот миг он наконец овладел собственным голосом и хрипя выдавил:

— Беги! Беги, молодой хозяин!

— Нет, мы не побежим, — отвечал Пауль. — Мы пойдем с достоинством и выполним все, что надлежит сделать.

Мускулы гхолы были сведены, он задрожал, пошатнулся.

«*...что надлежит сделать!*» — эти слова возникли в его мозгу словно всплывшая на поверхность огромная рыба...

«что надлежит сделать!..» — ах, как напоминали они слова Старого Герцога, деда Пауля. Молодой хозяин кое-что унаследовал от старика... Что надлежит сделать!

Слова начали разворачиваться в сознании гхолы. Он почувствовал, что живет двумя жизнями сразу. Хейт/Айдахо/Хейт/Айдахо... Он словно превратился в стоячую волну относительных существований, единую и единственную. И вдруг воспоминания былого хлынули в его ум. Он впитывал их, по-новому понимая и уже образуя новую сущность. Новая личность забирала власть. Объединение двух сознаний грозило конфликтом, но события вынуждали их к временному согласию. Молодой хозяин нуждается в нем.

Тогда все и свершилось. Он обрел в себе Дункана Айдахо и не забыл все, что знал Хейт. Все познания гхолы словно улеглись в голове его, озаренные пламенем. Ореол распался, он сбросил заклятье тлейлаксу.

— Будь поближе, Дункан, — проговорил Пауль, — мне придется положиться на тебя во многом. Но Айдахо застыл, словно в трансе, и Пауль вновь окликнул его:

— Дункан!

— Да, я теперь Дункан.

— Конечно! И ты только что вернулся назад. Пора в сиетч.

Ступая в ногу, Айдахо шел вслед за Паулем. Все как в прежние времена — и вовсе не так. Теперь, освободившись от тлейлаксу, он мог оценить, что они ему дали. Знания дзенсуннита позволяли ему справиться с потрясением, умение ментата позволяло обрести равновесие. Отбросив все страхи, он поднялся над их причиной. Все сознание его содрогалось: вот он был мертв и ожил.

— Сир, — начал федайкин Тандис, когда они подошли к нему, — эта женщина, Лихна, утверждает, что ей нужно вас видеть. Я велел ей подождать.

— Спасибо, — проговорил Пауль. — Роды...

— Я говорил с врачами, — сказал Тандис, ступая в ногу, — они сказали, что у вас родилась двойня, дети живы и здоровы.

— Двойня? — Пауль споткнулся, но устоял, ухватившись за руку Айдахо.

— Мальчик и девочка, — проговорил Тандис. — Я их видел. Хорошие фрименские дети.

— Как... как она умерла? — выдавил Пауль.

— Мой господин? — Тандис наклонился ближе.

— Чани? — спросил Пауль.

— Это роды, милорд, — хрипло проговорил Тандис. — Врачи сказали, что тело ее просто иссушила скорость... Я не понял, что они имели в виду, но так они говорили.

— Отведи меня к ней, — прошептал Пауль.

— Мой господин?

— Отведи меня к ней.

— Мы туда и идем, милорд. — И вновь Тандис наклонился к его уху. — Почему в руках вашего гхолы обнаженный нож?

— Дункан, убери нож, — приказал Пауль. — Время насилия миновало.

Произнеся эти слова, Пауль чувствовал только, что ему принадлежит голос, но не ощущал ни горла, ни губ, ни языка. Двое младенцев? В видении была только девочка. Но все прочее складывалось знакомым путем. И некто чувствовал горе и гнев. Некто. Сознание полонило Таро, жуткая карточная игра-гадание, и — пророчествуя, он просадил в нее жизнь.

Двое младенцев!

Его вновь пошатнуло. *Чани, Чани,* думал он. *Не было другого пути. Чани, любимая, верь мне, такая смерть была для тебя легче... и добрее. Иначе наши дети стали бы заложниками, а тебя содержали бы в клетке среди рабов и обвиняли в моей смерти. А так... так мы погубим врагов и спасем детей.*

Детей?

И он вновь пошатнулся.

Я допустил это, думал он. *И я должен чувствовать собственную вину.*

Впереди в пещере поднялся шум. Шум усиливался, так было и в видении. Да, та же самая неизбежность, — даже когда детей двое.

Чани умерла, напомнил он себе.

Когда-то в прошлом, которое он еще делил с другими, это будущее ухватило его. И гнало, гнало его вперед в ущелье, и стены его сходились все ближе. И теперь было видно, что они смыкаются впереди. Так было в видении.

Чани мертва. И я должен отдаться горю.

Но в видении было иначе.

— Алию уже вызвали? — спросил он.

— Она с подругами Чани, — отвечал Тандис.

Пауль чувствовал, как раздвигаются, вжимаются в стены перед ним люди, давая пройти. Молчание шествовало впереди него. Шум начинал затихать. Сиетч словно дышал единым чувством. Он хотел бы не видеть этих людей... Но видение показывало ему их лица, на каждом были написаны одни и те же чувства. И лица были исполнены безжалостного любопытства. Да, они скорбели, но за всем проступала жестокость. Им было интересно наблюдать, как становится немым говорящий, а мудрец превращается в глупца. Разве шуты не апеллируют всегда к людской жестокости?

Не караул у гроба и не толпа скорбящих...

Душа Пауля молила о передышке, но виде́ние влекло его дальше. *Осталось недолго,* напомнил он себе. Черная тьма без единого видения ожидала его впереди: место, где видение вытеснялось виной и горем, место, где упала луна.

Он вступил в эту тьму, пошатнулся и упал бы, если бы рука Айдахо, в нерушимой надежности своей разделявшего его горе, не подхватила его.

— Сюда, — сказал Тандис.

— Осторожнее, сир, — произнес Айдахо, помогая перейти через порог. Лица Пауля коснулись занавеси. Айдахо остановил его. Только теперь Пауль ощутил комнату: высеченное в скале помещение, каменные стены, скрытые гобеленами.

— Где Чани? — прошептал Пауль.

— Здесь, Усул, — отвечал ему голос Хары.

Пауль с дрожью вздохнул. Он боялся, что тело ее уже отнесли в рекламационные, где фримены извлекали из тела воду, принадлежащую племени. Так ли это было в видении? Слепота уже угнетала его.

— Где дети? — спросил Пауль.

— Они тоже здесь, милорд, — ответил Айдахо.

— Просто прекрасные близнецы, Усул, — проговорила Хара, — мальчик и девочка, видишь? Вон они оба в колыбельке.

Двое детей!— не переставал удивляться Пауль. В видении была только дочь. Он оторвался от руки Айдахо, ос-

торожно шагнул вперед на голос Хары, наткнулся на твердую поверхность. Ощупал руками — колыбель из метастекла.

Кто-то взял его за левую руку.

— Усул? — это была Хара. Она опустила его ладонь в колыбель. Нежный-нежный комочек плоти. Теплый! Ребрышки подымало дыхание.

— Это сын твой, — прошептала Хара. Она передвинула его руку. — А вот — твоя дочь. — Пальцы ее дрогнули. — Усул, теперь ты взаправду ослеп?

Он знал, о чем она думает: *Слепой должен быть оставлен в Пустыне.* Племена не отягощали себя балластом.

— Отведи меня к Чани, — попросил Пауль, словно не замечая вопроса.

Хара развернула его, направила влево.

Теперь-то наконец Пауль ощутил, что Чани мертва. Он вступил в ту ненавистную ему Вселенную, и собственная плоть ныне мешала ему. Всякий вздох ранил его душу. *Двое детей.* Он подумал, неужели его занесло в тот временной коридор, где пророческое зрение более не вернется к нему?.. Впрочем, это неважно.

— Где мой брат? — послышался за спиной голос Алие. Пауль ощутил, как она рванулась к нему, как забрала его руку из ладони Хары.

— Я должна переговорить с тобой! — прошипела Алия.

— Подожди немножко, — ответил Пауль.

— Ни секунды! Речь идет о Лихне.

— Я знаю, — отвечал Пауль, — погоди минутку.

— У тебя нет минуты!

— У меня их много.

— Но не у Чани!

— Молчи! — приказал Пауль. — Чани умерла, — и он прикрыл рукой рот сестры, чтобы заглушить возражения. — Молчи, приказываю тебе! — почувствовав покорность ее, он отнял руку. — Опиши мне все, что ты сейчас увидишь, — проговорил он.

— Пауль! — разочарование и слезы слышались в ее голосе.

— Не обращай внимания, — проговорил он. И постаравшись насколько возможно обрести внутреннее спокойствие, заставил себя обратиться к пророческому зрению. Да, все так и было. Тело Чани лежало на циновке в круге

света. Кто-то расправил на ней белую одежду, пытаясь прикрыть кровь от родов. Теперь все равно... он не мог оторвать своих глаз от лица ее, спокойствием своим отражавшего вечность.

Пауль отвернулся, но Чани оставалась перед его глазами. Она ушла и не вернется вовеки. И все теперь пусто: земля, воздух... вся Вселенная. Такое отмерено ему наказание... Ему хотелось плакать, но слезы не шли. Или он уже слишком долго пробыл фрименом? Смерть Чани требовала от него влаги.

Поблизости пискнул ребенок, на него шикнули. Звук этот опустил пелену тьмы на видение. *Вот она — другая Вселенная,* думал он. *Двое детей.*

Из какого-то позабытого транса выплыла неясная мысль. Он снова попытался вызвать разумом непокорное зрение пророка, но не сумел. Перед внутренним оком его не проплыло и клочка видения. Он понимал, что теперь отвергает будущее... любое.

— Прощай, сихайя моя! — прошептал он.

Откуда-то из-за спины послышался резкий и настойчивый голос Алие.

— Я привела Лихну!

Пауль обернулся.

— Это не Лихна, — ответил он. — Это лицедел. Лихна мертва.

— Так говорит и он сам, — произнесла Алия.

Пауль медленно повернулся на голос сестры.

— Я не удивлен тем, что ты жив, Атрейдес, — голос был похож на голос Лихны, но только похож, словно говорящий пользовался голосовыми связками девушки, не заботясь более о правдоподобности. Пауля даже удивила странная честность, угадывавшаяся в этих словах!

— Не удивлен? — спросил Пауль.

— Я — Скитале, лицедел-тлейлаксу, и хотел бы кое-что выяснить, прежде чем предлагать сделку Атрейдесу. Возле тебя находится гхола или Дункан Айдахо?

— Дункан Айдахо, — отвечал Пауль, — но я ни о чем не стану торговаться с тобой.

— Я думаю, ты ошибаешься, — возразил Скитале.

— Дункан, — бросил Пауль в сторону. — Если я попрошу, ты убьешь этого тлейлаксу?

— Да, милорд, — в голосе Айдахо слышалась едва сдерживаемая ярость берсерка.

— Подожди! — произнесла Алия. — Ты ведь не знаешь, от чего отказываешься.

— Знаю, увы, слишком хорошо знаю, — отвечал Пауль.

— Значит, это и впрямь Дункан Айдахо, — помощник Атрейдесов, — проговорил Скитале. — Итак, мы сумели найти нужную кнопку! Гхола может вспомнить собственное прошлое. — Пауль услышал шаги. Кто-то коснулся его левого рукава. Голос Скитале раздавался чуть сзади: — Что ты помнишь из своего прошлого, Дункан?

— *Всё*. Даже детство. И еще тебя — возлé бака, когда меня извлекали оттуда, — отвечал Айдахо.

— Чудесно, — восторженно выдохнул Скитале. — Изумительно!

Голос его перемещался. *Видение бы!*— твердил себе Пауль. Слепота так мешала сейчас. Опыт Бене Гессерит твердил, что сейчас Скитале безумно опасен, но Пауль мог только слышать голос, угадывать за спиной тень движения.

— Вот это дети Атрейдесов? — спросил Скитале.

— Хара! — вскричал Пауль. — Не подпускай ее к детям.

— Эй, оставайтесь на местах! — крикнул Скитале. — Все! Предупреждаю. Лицеделы могут разить быстрее, чем вы подозреваете. И нож мой успеет забрать их жизни прежде, чем вы прикоснетесь ко мне.

Пауль почувствовал, как кто-то коснулся его правого рукава... скользнул в сторону.

— Алия, — приказал Скитале, — хватит!

— Я виновата, — простонала Алия, — я виновата!

— Ну, Атрейдес, — обратился к нему Скитале, — начнем торг?

Пауль услышал за спиной хриплое ругательство. Горло его на мгновение стиснул невольный страх — так ужасен был голос Айдахо. Только бы он выдержал! Иначе Скитале убьет детей!

— Чтобы заключить сделку, надо иметь, что продать, — начал Скитале. — Не так ли, Атрейдес? Хочешь обнять живую Чани? Мы, тлейлаксу, сделаем ее заново. Это, правда, будет гхола, Атрейдес. Но она будет помнить *всё*! Но поспешим, пусть твои друзья внесут сюда криогенный бак, чтобы сохранить ее плоть.

Снова слышать голос Чани, подумал Пауль. *Вновь ощутить ее присутствие возле себя. Ах-хх, вот почему они подарили мне гхолу— Айдахо:.. чтобы я знал, насколько копия может быть похожей на оригинал. А теперь сулят полное восстановление личности... но за свою цену. И я, наверное, останусь орудием в руках тлейлаксу. Вместе с Чани... В вечной тревоге за жизнь детей, снова под угрозой заговора Квизарата...*

— Каким же способом вы вернете Чани память? — спросил Пауль, стараясь сохранять спокойствие в голосе. — Заставив убить одного из ее собственных детей?

— Мы воспользуемся тем способом, который удовлетворит нас, — отвечал Скитале. — Ну, что скажешь в ответ, Атрейдес?

— Алия, — сказал Пауль, — займись переговорами с этой тварью. Я не могу торговаться с тем, кого не вижу.

— Мудрое решение, — торжествовал Скитале. — Ну, Алия, и что же ты предложишь мне от лица своего брата?

Пауль опустил голову, заставляя себя обрести глубочайшее спокойствие. И вдруг прямо перед глазами он заметил — видение?.. Нет, не совсем. Рядом с ним был нож. *Вот оно!*

— Дай мне немного подумать, — проговорила Алия.

— Мой нож может и потерпеть, — проговорил Скитале, — но не плоть Чани. Постарайся *не слишком* затянуть свои размышления.

Пауль вдруг понял, что моргает. Этого не могло быть... но тем не менее! Он ощущал глаза. И видел... он глядел из какого-то непонятного места... взгляд его дергался из стороны в сторону. *Вот!* Перед глазами появился нож. Потрясенный, не веря себе, Пауль понял. Он видел глазами одного из своих детей! Он видел нож Скитале из колыбели, нож блестел совсем рядом. Да — Пауль видел и себя самого. Он неподвижно стоял, опустив голову, ни для кого не опасный, позабытый всеми в комнате.

— Начнем с того, что вы откажетесь от всей своей доли в КООАМ, — предложил Скитале.

— Всей? — переспросила Алия.

— Всей.

Видя себя самого из колыбели, Пауль потянулся к ножу на поясе. Он ощущал странную двойственность. Тщательно высчитал расстояние, угол. Другого шанса не будет. И

как положено Бене Гессерит, он подготовил все свое тело, словно заводя пружину для единственного движения, вмещавшего все... праджна требовала объединенного действия всех мышц в едином усилии.

Крис вылетел из его руки, сверкнув молочным блеском, и вонзился в правый глаз Скитале, ударил, отбросив голову лицедела назад. Вскинув вверх руки, Скитале отшатнулся к стене, нож его взлетел к потолку, звякнул об пол. Ударившись о стену, Скитале рухнул; смерть наступила прежде, чем тело коснулось пола.

Все еще теми глазами из колыбели, Пауль увидел потрясенные лица, обращенные к нему, слепцу. А потом Алия метнулась к колыбели и закрыла от него комнату.

— Ох, они в безопасности, — выдохнула Алия, — все в порядке.

— Мой господин, — прошептал Айдахо. — И вот это тоже было частью вашего видения?

— Нет, — он махнул Айдахо рукой. — Но так лучше.

— Прости меня, Пауль, — проговорила Алия, — но когда эта тварь сказала, что может... оживить...

— Есть цена, которую Атрейдес платить не может, — отвечал Пауль. — И ты знаешь это.

— Знаю, — вздохнула она. — Но искушение...

— Кто не знал искушений? Вот и я... — горько сказал Пауль.

Он отвернулся ото всех, добрался до стены, припал к ней лицом, пытаясь понять, что он сделал. И, главное, как? Как? *И эти глаза в колыбели*! Он был словно на грани потрясающего откровения.

«*Это мои глаза, отец*», — затрепетали перед его внутренним взором слова.

— Сын! — отвечал Пауль, тихо, чтобы никто не слышал. — Ты... сознаешь?

«*Да, отец. Погляди!*»

Головокружение заставило Пауля теснее прижаться к стене. Он чувствовал себя вывернутым и опустошенным. И собственная жизнь промелькнула мимо него. Он увидел собственного отца. И стал им. А потом дедом и прадедом — всеми, что жили до него. Сознание его мчалось от пращура к пращуру — по безумному коридору жизней всех его предков по мужской линии.

— Как? — безмолвно спросил он.

Неясно проступили слова и растаяли, словно им трудно было удержаться в сознании. Пауль вытер уголок рта. Он вспомнил, как пробудилось сознание Алие в чреве леди Джессики. Но сейчас... ведь не было воды жизни, не было меланжи... или была, но он не знал об этом? Может быть, Чани и была так голодна из-за этого? Или, быть может, просто такова наследственность его рода, предвиденная Преподобной Гайей-Еленой Мохийам, результат генетической программы Бене Гессерит?

И Пауль чувствовал, что лежит в колыбели, а Алия воркует над ним. Руки ее утешали. Огромное лицо глядело прямо на него. Алия повернула ребенка, и он увидел свою соседку... худенькую малышку, исполненную той силы, которая передается обитателями Пустыни по наследству. Эта головка в густых темно-рыжих кудрях! Она открыла глаза перед его взором. Эти глаза! Из них глядела Чани... леди Джессика. И не только они... множество жизней...

— Погляди-ка, — сказала Алия. — Они глядят друг на друга.

— Дети в этом возрасте еще не могут сфокусировать взгляд, — отвечала Хара.

— Ну, я-то ведь могла, — возразила Алия.

Пауль медленно высвобождался из этой бесконечной цепи сознаний. И вновь оказался у своей Стены плача. Айдахо осторожно тронул его за плечо.

— Мой господин?

— Пусть сын мой в честь деда зовется Лето, — произнес Пауль, выпрямляясь.

— Во время именования, — проговорила Хара, — я стану возле тебя как подруга матери и назову это имя.

— А моя дочь, — продолжал Пауль, — пусть зовется Ганима.

— Усул! — запротестовала Хара. — Гханима... это имя принесет неудачу.

— Оно спасло тебе жизнь, — напомнил Пауль. — Да, моя сестра дразнила тебя, ну и что? Пусть моя дочь зовется Ганимой, добычей битвы.

Пауль услышал, как позади скрипнули колеса: это на каталке повезли тело Чани. Медленно начался речитатив водного обряда.

— Халь Йаум! — воскликнула Хара. — Я должна уйти, ведь мне надлежит удостовериться в священной истине и стоять возле подруги, уходящей в последний путь. Вода ее принадлежит племени.

— Вода ее принадлежит племени, — пробормотал Пауль. Он слышал, как удаляются шаги Хары. Потянувшись, он тронул руку Айдахо. — Дункан, отведи меня в мои апартаменты.

Оказавшись там, он мягко высвободился. Настало время побыть одному. Но не успел Айдахо выйти, как возле двери послышалась какая-то возня.

— Господин! — закричал от двери Биджас.

— Дункан, — велел Пауль. — Пусть он сделает два шага вперед. Если сделает третий — убей его.

— Слушаюсь, — отвечал Айдахо.

— Значит, это Дункан? — спросил Биджас. — Настоящий Дункан Айдахо?

— Да, — согласился Айдахо. — Я все вспомнил.

— Значит, план Скитале удался?

— Скитале умер, — отвечал Пауль.

— Но я жив и план вместе со мной, — возразил Биджас. — Клянусь баком, в котором я вырос! Это возможно! И теперь я сам узна́ю свое прошлое — все свои прошлые жизни. Нужен лишь спусковой крючок.

— Крючок? — спросил Пауль.

— Принуждение, — полным ярости голосом проговорил Айдахо. — Они заставляли меня убить тебя. Расчет ментата: они поняли, что ты прежде был для меня сыном, которого у меня никогда не было. И Дункан не мог убить вас, и чтобы не допустить этого, взял контроль над телом гхолы. Но план мог и сорваться. Скажи мне, карлик, если бы план не удался... что бы вы сделали, если бы я убил его?

— О, мы предложил бы сделку сестре... Но нынешний вариант лучше.

Пауль прерывисто вздохнул. Он слышал, как плакальщицы спускались в глубины... к нижним залам, где вода мертвых возвращалась племени.

— Еще не поздно, милорд, — настаивал Биджас. — И вы получите назад свою любимую. Мы восстановим ее. Конечно, в виде гхолы. Но на этот раз мы предлагаем пол-

ную реставрацию. Не послать ли слуг с криогенным баком за телом вашей возлюбленной?

Теперь ему было гораздо труднее. Пауль уже истратил столько сил в борьбе с первым искушением тлейлаксу. И словно впустую! Снова ощутить рядом с собой Чани...

— Останови его! — приказал он Айдахо на боевом языке Атрейдесов. Он слышал, как Айдахо шагнул к двери.

— Господин! — взвизгнул карлик.

— Если ты любишь меня, — продолжал Пауль на боевом языке, — заклинаю тебя, убей его прежде, чем я соглашусь...

— Нееееее... — завопил Биджас.

Голос его захлебнулся в ужасном бульканье.

— Вот я и сделал *одно доброе дело,* — пробормотал Айдахо.

Пауль наклонил голову, прислушался. Плакальщиц не было слышно. Он представил себе древний фрименский обряд, свершаемый ныне в глубинах сиетча... там, в траурном зале, племя возвращало себе свою воду.

— Не было выбора, не было... — проговорил Пауль. — Ты понимаешь, Дункан?

— Понимаю.

— Есть такие вещи, которых не выдержать никому из людей. Слишком долго я плутал в лабиринтах вариантов грядущего, мне казалось я его создаю, а это оно создавало меня.

— Мой господин, не надо...

— В этой Вселенной не всякая задача имеет ответ, — горько сказал Пауль. — И ничего нельзя сделать. Абсолютно ничего.

Говоря это, Пауль ощутил, как разрывается его связь с видением. Его разум словно пытался сжаться, съежиться, укрываясь от бесчисленных вероятностей. Утраченное пророческое зрение превратилось в ветер, дующий над бесконечным простором.

Мы говорим, что Муад'Диб удалился в края, где человек не оставляет следов на песке.
(Предисловие к Катехизису Квизарата)

Канава с водой служила границей посадок, принадлежащих сиетчу. За ней подымался скальный уступ, а потом под ногами Айдахо оказалась Пустыня. В ночном небе

высились скалы, среди которых укрывался сиетч Табр. Очертания их инеем серебрились в свете обеих лун. Сад спускался к самой воде.

Айдахо остановился на краю Пустыни, поглядел на цветущие ветви, повисшие над тихой водой, на четыре луны: две в воде, две над нею. Дистикомб скользил по коже, запах влажного кремня достигал ноздрей, несмотря на все фильтры. Ветер зловеще шелестел ветвями сада. Айдахо вслушивался в ночь. У края воды в траве шуршали кенгуровые мыши, коршуновая сова промелькнула и исчезла в тени утесов, ветер донес из открытой Пустыни шипящий шорох осыпающегося песка.

Айдахо повернулся на шум.

На озаренных луною дюнах ничто не шевелилось.

Сюда Пауля отвел Тандис. А потом вернулся, чтобы доложить обо всем. Как положено фримену, Пауль ушел в Пустыню.

— Он был слеп... по-настоящему слеп, — словно бы оправдываясь, говорил Тандис. — До того он обладал внутренним зрением, он говорил, что́ видит... но...

И пожал плечами. Слепых фременов оставляют в Пустыне. Пусть Муад'Диб — Император, но он же и фримен. Разве не он завещал, чтобы фримены охраняли и воспитывали его детей? Как и подобает истинному фримену.

Айдахо видел перед собою кости Пустыни, посеребренные лунным светом ребра скал выступали из песка, за ними начинались дюны.

Нельзя было оставлять его ни на минуту, сожалел Айдахо. *Я ведь понимал, что он замыслил.*

— Он сказал мне, что будущее не нуждается теперь в его физическом присутствии, — возражал Тандис. — Вступив на пески, он крикнул: «Теперь я свободен!»

Шайтан бы их побрал! — думал Айдахо.

Фримены отказались посылать спасателей. И топтеры. Это противоречило бы всем древним обычаям.

— К Муад'Дибу придет червь, — пояснили они. И завели напев об ушедших в Пустыню, о тех, чья вода шла к Шаи-Хулуду:

— Матерь песка, отец Времен, Жизни начало́ — пусть он придет, пусть явится и пройдет путем своим...

Усевшись на плоский камень, Айдахо глядел в Пустыню. Ночь схоронила следы, нельзя было понять, куда ушел Пауль.

«Теперь я свободен».

Айдахо громко проговорил эти слова, удивленный звуками своего голоса. На миг он отвлекся, вспомнив, как на Каладане взял Пауля с собой на приморский базар, тот был еще совсем мал. Ослепительно сверкало солнце, лучи его отражала вода, повсюду грудами были навалены на продажу дары моря. Айдахо вспомнил Гурни Халлека, треньканье балисета... радость и смех. Стихи увлекли его, словно раба, напомнили о былом счастье.

Гурни Халлек. Гурни винил бы в этой трагедии его.

Музыка в памяти стихла.

Он вновь вспомнил слова Пауля: *есть во Вселенной и такие загадки, что не имеют ответа.*

Как умрет Пауль в этой Пустыне? — размышлял Айдахо. *Погибнет ли он быстро, убитый червем? Или его медленно убьет солнце? Там, в сиетче, некоторые из фременов начали поговаривать, что Муад'Диб никогда не умрет, что он уже вступил в тот мир Рух, где одновременно существовали все возможные варианты грядущего, и что отныне он будет пребывать в Алам аль-Митхаль, вечно странствовать там и после прекращения существования плоти...*

Он умрет, а я ничем не могу предотвратить этого, думал Айдахо.

Дункан уже начинал усматривать в подобной смерти изысканность: умереть, не оставив следа... *ничего* вообще... так, что вся планета станет ему надгробием.

Ментат, разреши собственные загадки, подумал он.

Вдруг припомнились слова — ритуальные фразы лейтенанта федайкинов, расставлявшего караул возле колыбели детей Муад'Диба.

— Да будет караульный офицер помнить долг...

Напыщенное пустословие возмущало его. Власть совратила фременов, как она совращала любого. В Пустыне умирал человек, великий человек, но речи продолжались... продолжались.

Что случилось, думал он, *кто сокрыл ясный смысл покровом всей этой чепухи?* Должно быть, в тех забытых краях, где

создавалась империя, его завалили камнями, засыпали песком, чтобы не откопали случайно. Ум его по привычке ментата жаждал решений. Там блистали познания... Словно волосы Лорелеи... так, должно быть, светились они, завлекая зачарованного морехода в изумрудные пещеры.

Вздрогнув, Айдахо очнулся от неподвижной задумчивости.

Ну вот! думал он. *Чтобы не видеть собственной неудачи, прячусь в себя.*

Мгновение несостоявшегося погружения задержалось в его памяти. Анализируя, Дункан ощущал, что жизнь его становится больше самой Вселенной. Пусть истинная плоть его оставалась в изумрудной пещере конечного бытия, но бесконечное все же посетило ее.

Айдахо встал. Он чувствовал, что Пустыня очистила его душу. Ветер поднимал песок, шуршал им по листьям сада. В ночном воздухе запахло сухой и колючей пылью. Полы его плаща хлопали в такт внезапным порывам ветра.

Где-то там, на просторах Пустыни бушевала мать-буря, вздымая шипящие вихри пыли... исполинский песчаный червь обретал силу, способную отделить плоть от костей.

И он соединится с Пустыней, думал Айдахо. *Пустыня наполнит его.*

Эта дзенсуннитская мысль прохладной водой омыла его разум. Он знал — Пауль не остановится на пути. Атрейдес не может полностью покориться судьбе, даже представляя ее неизбежность во всей полноте.

И в пророческом порыве Айдахо подумал, что люди грядущего будут говорить о жизни Пауля, как о воде. Пусть вся жизнь его утопала в пыли — вода всюду будет сопутствовать памяти о нем. *Плоть его потонула,* скажут они, *но сам он уплыл.*

За спиною Айдахо кто-то кашлянул.

Айдахо повернулся, увидел Стилгара на мостике через арык.

— Его никогда не найдут, — проговорил Стилгар, — но потом — разыщет каждый.

— Пустыня забирает его, делает из него бога, — отвечал Айдахо. — И все же он был здесь чужаком. Он принес на эту планету чуждую ей воду.

— У Пустыни свои законы, — возразил Стилгар. — Мы приветствовали его, назвали своим Махди, своим Муад'Дибом, дали ему тайное имя — Основа Столпа, Усул.

— И все же он не был рожден фрименом.

— Это ничего не меняет, он стал нашим — и стал окончательно. — Стилгар положил руку на плечо Айдахо. — Все мы, люди, чужаки в этом мире. Так, старый друг?

— Ты у нас мудрец, Стил, а? Глубокая мысль...

— По мне — достаточно глубокая. В своих скитаниях мы загадили всю Вселенную. Муад'Диб дал нам хоть что-то чистое. Люди запомнят джихад его уже хотя бы за это.

— Он не сдастся Пустыне, — уверенно проговорил Айдахо. — Да, не сдастся, пусть он и слеп. Он человек чести и принципа. Таким его воспитывали Атрейдесы.

— И вода его выльется на песок, — проговорил Стилгар. — Идем, — он мягко потянул за собой Айдахо. — Алия вернулась и спрашивает тебя.

— Она была с тобой в сиетче Макаб?

— Да, — помогала кнутом сгонять в караван размякших наибов. Теперь они повинуются ее приказам... как и я сам.

— Каким приказам?

— Она распорядилась казнить предателей.

Превозмогая головокружение, Айдахо поднял глаза на утес.

— Каких предателей?

— Гильдиера, Преподобную Мать Мохийам, Корбу... еще кое-кого.

— И ты убил Преподобную Мать?

— Да. Муад'Диб распорядился, чтобы этого не делали, — он пожал плечами, — но я ослушался его, и Алия знала, что я так и поступлю.

Айдахо вновь поглядел в Пустыню, ощущая себя целостной личностью, способной разглядеть все, что создано Паулем. *Стратегия суждений,* — так называлось это в учебниках Атрейдесов. *Народ подчиняется правительству, но и покорные массы влияют на властелина.* Интересно, подумал он, представляли ли эти самые массы хоть в малой мере, что творилось их руками?

— Алия... — проговорил Стилгар, снова откашливаясь, — ей нужны твои утешения.

— Значит, она и есть правительство, — пробормотал Айдахо.

— Регент, не более того.

— «Фортуна проходит повсюду» — так говорил ее отец, — пробормотал Айдахо.

— Все мы вступаем в сделку с завтрашним днем, — молвил Стилгар. — Ты идешь? Ты нужен там, — в голосе его слышалась неловкость. — Она... расстроена. То ругает брата, то плачет.

— Я скоро приду, — пообещал Айдахо. Он слушал, как удалялись шаги Стилгара. Потом встал, обратил лицо к ветру, и песчинки забарабанили по дистикомбу.

Сознание ментата проектировало последствия в будущее. Возможности ошеломляли его. Пауль сумел создать вихрь, обладавший такой силой, что преградить ему путь не мог никто.

Бене Тлейлаксу и Гильдия своим участием в заговоре скомпрометировали себя. Квизарат потрясен предательством Корбы и других высших сановников. А последний поступок Пауля, предельная покорность его обычаям Вольного Народа обеспечила верность фременов и ему самому, и его Дому. И он стал навечно одним из них.

— Пауль ушел! — сдавленным голосом проговорила Алия. Почти неслышно она подобралась к тому месту, где стоял Айдахо. — Дункан, каким же дураком он был!

— Не говори так! — резко ответил он.

— Это же говорит вся вселенная, — возразила она.

— С чего бы, во имя любви небесной?

— Не небесной, а из любви к моему брату.

Проницательность дзенсуннита ограничивало его восприятие. Он чувствовал, что после смерти Чани Алию не посещали видения.

— Странная эта любовь, — проговорил он.

— Любовь? Дункан, ему надо было только шагнуть в сторону! И пусть вся вселенная рушится за его спиной. Он был бы жив... а вместе с ним Чани!

— Тогда... почему он не пошел на это?

— Ради любви небесной, — прошептала она. И уже громче добавила: — Пауль всю свою жизнь старался избежать джихада и обожествления. Теперь он хотя бы вырвался из всего этого. Он выбрал такой путь.

— Ах, да... он все знал, — Айдахо в удивлении качал головой. — Даже про смерть Чани. Его луна упала.

— Теперь видишь, Дункан, каким он был дураком.

Горе вновь стиснуло горло Айдахо.

— Какой глупец! — задыхалась Алия, теряя самообладание. — И он будет жить, а мы все умрем.

— Алия, не надо...

— Это горе, — проговорила она, — всего только горе. А знаешь, что еще я должна сделать ради него? Я должна спасти жизнь принцессы Ирулан. *Этой!*.. Слышал бы ты, как она горюет! Рыдает, отдает воду мертвому; клянется, что любила его и не знала этого. Во всем винит Сестер и клянется, что всю свою жизнь посвятит воспитанию детей Пауля.

— Ты веришь ей?

— От нее просто разит добродетелью...

— Ах-хх, — пробормотал Айдахо. Итоговая картина разворачивалась перед ним, как полотно: отступничество принцессы лишало Орден последнего оружия против наследников Пауля.

Алия зарыдала, приникла к нему, спрятав лицо на груди.

— О, Дункан! Нет его, нет!..

Айдахо прикоснулся губами к ее волосам.

— Ну, пожалуйста, — прошептал он. Их горе было подобно двум сливающимся ручейкам.

— Ты мне нужен, Дункан, — рыдала она. — Люби меня.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

Подняв голову вверх, она взглянула в посеребренное луной лицо.

— Я знаю. Любовь всегда узнает любовь.

От этих ее слов он содрогнулся, словно отстраняясь от прежнего себя. Шел сюда за одним, а обрел другое. Словно бы попал в комнату, полную знакомых, чтобы понять с опозданием, что не знает никого из них.

Отодвинувшись, она взяла его за руку.

— Пойдем, Дункан.

— Куда прикажешь, — отвечал он.

И она повела его через арык, во тьму к подножию скалы и убежищу в ней.

ЭПИЛОГ

И не вернется народу его вода,
В горьком запахе погребальных залов
Не преклоняй колен и не молись,
Тебе не освободить ума от корысти;
А он был святым дураком,
Золотой скиталец, вечно живущий
На грани рассудка.
Захоти — и он предстанет перед тобой.
Багрец покоя и царственная белизна
Спустились в мир наш волею его.
И вот — спокойный взгляд, а там
Грядет из сверкающих звездных джунглей,
Таинственный пророк, слепой и грозный,
Орудие пророческих сил,
Чей голос звучит вечно!
И Шаи-Хулуд, он ждет его, он ждет
На том берегу, где разлученных соединяет вечность,
В возвышенном томлении любви.
И он шагает сквозь бесконечный лабиринт Времени.
И осыпается дурацкое обличье его видений.

Гимн Гхолы.

ДЕТИ ДЮНЫ

Учение Муад'Диба стало ристалищем схоластики, суеверий и разврата. Он же учил умеренной жизни, философии, с которой человек мог противостоять тяготам вечно изменчивой вселенной. Человечество, учил Муад'Диб, развивается, и процесс этот не кончится никогда, поскольку зиждется он на изменчивых принципах, известных одной лишь вечности. Но как, скажите вы мне, может развращенный ум пользоваться такой сущностью?

(Слова ментата Дункана Айдахо)

На толстом красном ковре, покрывающем влажный пол пещеры, вдруг заплясало пятно света. Он падал как, бы ниоткуда, казалось, этот зайчик существует сам по себе на колючем ворсе ковра. Беспорядочно перемещаясь, становясь то круглым, то овальным, пятно, стремительно изогнувшись, переползло на зеленое одеяло, свисавшее с лежанки.

Под зеленым одеялом спал младенец, он был совсем по-детски круглолиц, рот был очень большим — в мальчике не было присущей фрименам скупости черт, как, впрочем, не было и водянистой полноты, столь характерной для выходцев из *того* мира. Пятно света скользнуло по глазам ребенка, и маленькая фигурка шевельнулась. Свет исчез.

Теперь в пещере раздавалось только тихое дыхание и едва слышное падение капель с козырька на поставленную у входа бочку.

В темноте снова блеснул свет, теперь он был явно сильнее на несколько люменов, со светом появился и его источник — проем входа в пещеру, на фоне которого зама-

ячила фигура в капюшоне. Луч света, словно принюхиваясь, снова начал стремительно рыскать по углам и сводам. В этой пляске таилась какая-то угроза, тревожное недовольство. Обогнув спящее дитя, свет пробежал по забранной решеткой воздушной отдушине, потом по складкам золотисто-зеленых занавесей, скрадывавших грубые каменные стены.

Свет мигнул и погас. Раздался предательский шелест плаща, и фигура мужчины в капюшоне застыла под сводчатым потолком входа. Каждый, кто был знаком с обычаями сиетч Табр тотчас догадался бы, что это Стилгар, наиб сиетча, опекун и страж высокородных близнецов-сирот, которым предстояло унаследовать мантию своего отца — Пауля Муад'Диба. Стилгар был частым ночным гостем в пещере брата и сестры, заходя сначала в покои Ганимы, а потом в примыкавшую к ним спальню Лето.

Я старый дурак, подумал Стилгар.

Он провел пальцами по холодной гладкой поверхности светового проектора, прежде чем спрятать его в сумку, подвешенную к поясу. Этот проектор невыносимо раздражал Стилгара, постоянно напоминая о своей магической власти над ним. Проектор был тончайшим инструментом, главным прибором империи, умевшим обнаруживать присутствие людей и животных. Сейчас в королевских покоях не было никого, кроме мирно спящих детей.

Уж кто-кто, а Стилгар знал, что его собственные мысли и чувства были куда сильнее проектора. В опекуне горел неугасимый внутренний свет. Этот свет направлял все движения души Стилгара; вот и сейчас этот дьявольский внутренний луч высвечивал все зло этой сильной натуры. Прямо перед ним лежит мальчик, воплощавший магнетическую мечту о вселенском величии. Вот они — преходящие богатства, светская власть и сильнейший мистический талисман: божественная копия религиозного наследия Муад'Диба. В этих двойняшках — Ганиме и Лето — сконцентрировалась мощь, внушавшая благоговение. Пока жили эти дети, в них жил физически умерший Муад'Диб.

То были не просто девятилетние дети; то была первородная сила, предмет поклонения и страха. То были дети Пауля Атрейдеса, ставшего Муад'Дибом, Махди Всех Фрименов. Муад'Диб взорвал ход истории; фримены начали

межпланетный джихад, неся с собой неистовый пыл веры и утверждая во всех обществах свои власть и господство. Око новой власти было вездесущим, след, оставленный ею, стал поистине неизгладимым.

Но ведь дети Муад'Диба состоят из плоти и крови, подумал Стилгар. *Двумя ударами кинжала я могу остановить биение их сердец, и вода их вернется к их племени.*

При этой мысли его своенравный ум пришел в смятение.

Убить детей Муад'Диба!

Годы, однако, приучили Стилгара к интроспекции. Он знал, откуда идут эти страшные мысли — от левой руки проклятья, а не от правой руки благодати. *Аят* и *бурхан* Жизни — вот две величайшие тайны для Стилгара. Когда-то он исполнялся величайшей гордости, думая о том, что он — фримен, что Пустыня — его друг, что его планета — Дюна, а не Арракис, как ее именуют все имперские звездные карты.

Как все было просто, когда Мессия был лишь мечтой, думал между тем Стилгар. *Обретя Махди, мы растворили в мирах вселенной наши мессианские надежды. Все народы, познавшие ярмо джихада, мечтают теперь о своих вождях.*

Стилгар вгляделся в темноту спальни.

Если мой кинжал освободит те народы, примут ли они меня как мессию?

Было слышно, как Лето беспокойно зашевелился в постели.

Стилгар тяжело вздохнул. Он не был знаком с дедом Атрейдесом, чьим именем нарекли этого ребенка, но многие говорили, что именно старому Атрейдесу был обязан Муад'Диб своей нравственной силой. Но не может ли случиться так, что это врожденное качество *правоты* покинет последнее поколение? Стилгар был не в состоянии ответить на этот вопрос.

Он думал: *сиетч Табр принадлежит мне. Я правлю здесь, я, наиб фременов. Без меня не было бы никакого Муад'Диба. И эти двойняшки... их мать, Чани— моя кровная родственница, а значит, в жилах детей течет и моя кровь. Я причастен ко всему этому— я, Муад'Диб, Чани и все прочие... Но что сделали мы со своим миром?*

Стилгар так и не смог понять, почему его охватили эти мысли и по какой причине вызвали они такое сильное чув-

ство вины. Он зябко поежился под просторным плащом. Действительность совсем не походила на мечту. От былой дружественной Пустыни, простиравшейся некогда от полюса до полюса, осталась едва ли половина. Казавшийся мифом, но ставший действительностью зеленый рай вызвал у Стилгара мгновенную вспышку недовольства. Да, это не мечта и не сладкий сон. Планета изменилась, и он изменился вместе с ней. Он стал тоньше, чем прежний вождь сиетча. Теперь Стилгар познал многое: силу государственной власти и тяжелую ответственность принятия самых, казалось бы, незначительных решений. Но все же, но все же... Стилгар чувствовал, что эта душевная и психологическая тонкость есть не что иное, как хрупкий внешний покров, под которым скрывалась железная сердцевина прошлого простого и определенного опыта. И эта сердцевина взывала к его существу, требовала переоценки ценностей.

Течение мыслей Стилгара было нарушено утренними звуками пробуждавшегося сиетча. В пещерах послышалось движение. Щек Стилгара коснулось дуновение утреннего ветерка — люди начали выходить из-под сводов в предрассветную мглу. Ветерок шептал о беспечности и о непрестанном беге вечного времени. Обитатели пещер напрочь забыли о жесткой экономии воды. Да и зачем беречь воду, если во Фримене часто идет дождь, на небе постоянно видны облака, а в старых вади то и дело гибнут люди, застигнутые потоками воды? Раньше в языке Дюны не было слова *утонуть*. Но теперь нет и самой Дюны, есть Арракис... и наступило утро нового, полного хлопот и дел дня.

Стилгар подумал: *Сегодня на нашу планету возвращается Джессика, мать Муад'Диба и бабка царственных близнецов. Но почему она решила закончить свое добровольное изгнание именно сейчас, сменив негу и надежность Каладана на опасности Арракиса?*

Были и другие опасения: почувствует ли она сомнения Стилгара? Эта женщина — ясновидящая Бене Гессерит, воспитанница Общины Сестер, посвященная в самые глубокие таинства, полноправная Преподобная Мать. Такие женщины обладают невероятным чутьем, а потому опасны. Не прикажет ли она ему броситься на собственный нож, как приказала когда-то Умме, защитнику Лиет-Кинеса?

Подчинюсь ли я этому приказу? — подумал Стилгар.

На этот вопрос не было ответа, но Стилгар думал уже о Лиет-Кинесе, планетологе, которому первому пришла в голову мысль превратить Пустынную Дюну в цветущий оазис, в какой она в конце концов и превратилась. Лиет-Кинес был отцом Чани. Не будь его, не было бы ни мечты, ни Чани, ни близнецов. Эта хрупкая цепочка снова вызвала недовольство.

Каким образом мы встретились здесь? — спросил себя Стилгар. *Каким образом соединились? Для какой цели? Не мой ли долг положить этому конец и разрушить эту великую комбинацию?*

Стилгар ощутил великое и страшное искушение. Он в состоянии сделать этот выбор, отречься от любви и семьи ради того, что должен совершить наиб: принять смертельно опасное решение ради сохранения племени. Но какое же это будет предательство и мерзость! *Убить детей!* Однако это были не простые дети. Конечно, они ели земную простую пищу, участвовали в празднествах, бродили по Пустыне и играли в те же игры, что и все дети фременов, но... но они же заседали в Имперском Совете. Дети в столь нежном возрасте были настолько мудры, что заседали в Совете. Да, это дети во плоти, но было в них что-то древнее, устрашающие простого смертного генетическая память и знания, внушенные их теткой Алией и унаследованные самостоятельно, — и это невидимой, но прочной стеной отделяло близнецов от прочих смертных.

Долгими бессонными ночами Стилгар пытался постичь природу этой избранности близнецов и их тетки; много раз пробуждался он среди ночи, мучимый этими мыслями, приходил в покои царственных детей и застывал на пороге решения. Но сегодня Стилгар осознал причину своих сомнений. Неспособность принять решение — это тоже решение. Эти близнецы и их тетка были разбужены от векового сна еще в утробе матери, когда на них снизошли знание и память предков, и причиной всему было пристрастие к зелью, пристрастие матерей — госпожи Джессики и Чани. Госпожа Джессика родила сына, Муад'Диба, до того, как вкусила зелья. Алия же явилась после этого. Теперь-то, по зрелом размышлении, это стало совершенно ясно. Бесчисленные поколения генетического отбора, направлен-

ного Бене Гессерит, сошлись на Муад'Дибе, но Общине Сестер даже в страшном сне не могло привидеться кровосмешение. О, Сестры знали об этой возможности и боялись ее как огня, называя не иначе как *Мерзостью.* Этот факт вызывал ни с чем не сравнимое отвращение у Стилгара. Мерзость. О, у них были основания так рассуждать. И если бы Сестры объявили, что Алия есть воплощение Мерзости, то же самое должны они были сказать и о Чани, вкусившей зелья. Тело Чани было напоено зельем, и ее гены стали полезным дополнением к генам Муад'Диба.

Ум Стилгара пришел в смятение. Нет никаких сомнений в том, что близнецы не пойдут путем своего отца. Но куда пойдут они? Мальчик говорил, что способен стать своим отцом и доказал это. Будучи еще младенцем, Лето показал, что знает нечто, что могло быть известно только Муад'Дибу. Кто знает, может быть, в необъятных глубинах памяти ребенка ждали своей очереди и другие предки, знания и опыт которых составят величайшую опасность для всего рода человеческого?

Мерзость, говорят сестры-колдуньи Бене Гессерит. Но тем не менее все они домогаются генофонда вверенных ему детей. Сестры хотят незапятнанного плотским вожделением соединения спермы и яйца. Не потому ли так поспешно возвращается госпожа Джессика? Она порвала с Общиной Сестер, чтобы воссоединиться со своим супругом принцем, но молва утверждала иное — она возвращается, чтобы утвердить путь Бене Гессерит.

Я могу положить конец этой мечте, этому кошмарному сновидению, подумал Стилгар. *Это же невероятно просто.*

Он удивился тому, как вообще подобные мысли могут прийти ему в голову. Разве дети Муад'Диба виноваты в том, что действительность уничтожает чаяния других людей? Нет. Эти дети не что иное, как линза, фокусирующая свет, оттеняющий новые формы Вселенной.

По-прежнему охваченный смятением ум Стилгара обратился к прежним верованиям фременов. *Грядет заповедь Божья; не ищи торопить ее. Бог покажет путь; и найдутся те, кто свернет с него.*

Больше всего ужасала Стилгара религия, которую возвестил Муад'Диб. Зачем они сделали из Муад'Диба бога? Зачем было обожествлять человека из плоти и крови? *Золо-*

той Эликсир Жизни Муад'Диба породил бюрократического монстра, чудовище, коему не было никакого дела до людских бед и забот. Власть и религия объединились, нарушение закона стало не только преступлением, но и грехом. Дух святотатства начинал куриться над каждым, кто подвергал сомнению правительственные эдикты. Любой мятеж вел к очищающему адскому огню и всеобщему праведному осуждению.

Но ведь те, кто издавал эдикты, были всего лишь людьми.

Стилгар грустно покачал головой, на замечая слуг, вошедших в прихожую царских покоев для отправления своих утренних обязанностей.

Стилгар провел пальцами по ножнам висевшего на поясе кривого ножа, символа утраченного прошлого, и подумал о том сочувствии, которое не раз охватывало его по отношению к мятежникам, чьи отчаянные попытки восстаний подавлялись его же собственными приказами. Стыд и смятение вновь окатили Стилгара горячей удушливой волной; как бы хотелось ему избавиться от них, вернувшись к простоте холодной разящей стали. Но Вселенная не движется назад. Жизнью движет великая сила, выдвинутая в серое Ничто несуществующего. Убить близнецов можно, но это вызовет лишь сотрясение Ничто, которое отдастся катастрофическим эхом в истории человечества, породив новый хаос и заставив людей искать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул и прислушался. Да, новый день начался. Слуги — это олицетворение порядка, связанного с близнецами Муад'Диба. Слуги переходят от одного действия к другому, побуждаемые сиюминутной необходимостью. *Надо подражать им*, подумал Стилгар, *и пусть приходит то, что приходит.*

Я тоже слуга, сказал он себе, *слуга Бога, милостивого и всепрощающего Бога.* Он вспомнил слова: «*Определенно, Мы надели ошейник на их выи до самого подбородка, чтобы они подняли головы; Мы поставили перед ними стену, и Мы поставили стену позади них; и Мы покрыли их, чтобы они не видели*».

То были слова старой религии фременов.

Стилгар мысленно кивнул себе.

Видеть, уметь предвосхитить наступающий момент, как это умел Муад'Диб, пронзая своим сверхъестественным зрением время и помогая людским делам, превращая их в свершения. Так находилось новое поприще для принятия решений. Но если с тебя снимут ошейник, то не будет ли это бичом Божьим? То будет новая сложность, которую не разрешить простому смертному.

Стилгар снял руку с ножа, но в пальцах продолжало пульсировать живое воспоминание о нем. Но лезвие, поразившее некогда Змею Пустыни, осталось в ножнах. Теперь Стилгар знал, что не обнажит его, чтобы убить близнецов. Во всяком случае, не теперь. Он принял решение. Надо сохранить ту доблесть, которой он всегда гордился: верность. Лучше те сложности, о которых знаешь, чем недоступные пониманию. Лучше настоящее, чем сны о будущем. Горький вкус во рту сказал Стилгару, насколько пустыми и суетными могут быть сны.

Нет! Довольно снов!

ВОПРОС: «Видел ли ты Проповедника?»
ОТВЕТ: «Я видел песчаного червя».
ВОПРОС: «Что это за Змея?»
ОТВЕТ: «Она дает нам воздух, которым мы дышим».
ВОПРОС: «Тогда зачем истребляете вы ее землю?»
ОТВЕТ: «Потому что Шаи-Хулуд (обожествленный Змей) приказывает нам делать это».
(Харк аль-Ада, «Загадки Арракиса»)

По фрименскому обычаю юные Атрейдесы поднимались с постели за час до рассвета. Просыпаясь от едва слышной суеты прислуги, дети, словно чувствуя друг друга сквозь разделявшую их стену, одновременно зевали и потягивались, слыша, как слуги готовят завтрак в передних покоях. Завтрак состоял из простой каши с финиками и орехами, приправленной специальной сывороткой. Под потолком передних покоев висели желтые круглые светильники, мягкий свет которых лился под сводчатые входы в спальни. При этом неярком свете дети торопливо одевались, прислушиваясь друг к другу. По взаимному согласию наследники Муад'Диба носили одежды, противостоявшие иссушающим ветрам Пустыни.

Но вот царственные близнецы вышли в передние покои; прислуга сразу притихла, и это не укрылось от внимания Лето и Ганимы. Все сразу обратили внимание на то, что поверх серого костюма Лето надел с черным кантом пелерину. На сестре красовалась зеленая пелерина. У ворота пелерина была застегнута золотыми застежками — ястребами Атрейдесов с глазами из красных рубинов.

Разглядев все это великолепие, Хара, одна из жен Стилгара, не смогла сдержаться.

— Вижу, вы приоделись в честь приезда бабушки.

Лето не спеша принял из рук служанки миску с кашей и только после этого взглянул в темное, иссеченное морщинами лицо Хары.

— Почему вы не думаете, что мы приоделись в свою честь? — спросил мальчик, покачав головой.

Хару не смутило язвительное замечание.

— У меня такие же голубые глаза, как и у вас, — произнесла она без всякой дрожи в голосе.

Ганима громко рассмеялась. Хара в своем репертуаре — женщина никогда не упускала случая проявить фрименскую задиристость. Вот и сейчас она имела в виду: «Вы, конечно, царевич, мой мальчик, но у нас с вами одинаковые глаза — у них нет белков, а это знак пристрастия к зелью. Какому фримену нужна бóльшая честь?»

Лето улыбнулся, сокрушенно покачав головой.

— Хара, любовь моя, если бы ты была чуть-чуть помоложе и не была бы женой Стилгара, то *я* сделал бы тебя своей женой.

Нисколько не удивившись легкости своей маленькой победы, Хара сделала знак остальным слугам продолжить приготовления к важным дневным делам.

— Ешьте свой завтрак, — строго сказала она. — Сегодня вам понадобятся силы.

— Так ты признаешь, что мы не слишком хороши для встречи бабушки? — с полным ртом каши спросила Ганима.

— Не бойтесь ее, Гани, — ответила Хара.

Лето проглотил кашу и испытующе взглянул на Хару. Эта женщина дьявольски, по-простонародному умна — она сразу поняла, что кроется за пикировкой об изяществе одежды.

— Поверит ли она в то, что мы боимся ее? — спросил мальчик.

— Похоже, что нет, — ответила Хара. — Когда-то она была нашей Преподобной Матерью, и уж я-то знаю, каковы ее повадки.

— Как оделась Алия? — спросила Ганима.

— Я еще не видела ее, — коротко отрезала Хара и отвернулась.

Лето и Ганима обменялись заговорщическими взглядами и вышли под центральный свод, заговорив на древнем наречии, известном им от рождения.

— Итак, сегодня приезжает бабушка, — сказала Ганима.

— И это сильно беспокоит Алию, — откликнулся Лето.

— Кто же станет радоваться, уступая такую власть?

В ответ Лето тихо рассмеялся. Это был смех зрелого мужчины, который до странности не вязался со столь юным телом.

— Да, но и это еще не все.

— Ты думаешь, что глаза ее матери увидят то, что видим мы?

— А почему бы и нет? — спросил Лето.

— Да... Наверное, именно этого и боится Алия.

— Конечно, кто знает о Мерзости больше, чем ее воплощение?

— Но мы можем и ошибиться, — возразила Ганима.

— Мы не ошибаемся, — сказал Лето и процитировал отрывок из книги Бене Гессерит: — «С полным разумением и основываясь на ужасном опыте видим мы то, что называем предсуществующей Мерзостью. Ибо кто знает, какая маска из нашего проклятого и злонравного прошлого может овладеть живой плотью?»

— Я знаю ту историю, — ответила Ганима. — Но если это правда, то почему мы не страдаем от внутреннего зла?

— Наверно, потому, что наш дух хранят наши родители, — отозвался Лето.

— Но почему у Алие нет такого хранителя и стража?

— Не знаю. Может быть, потому, что один из ее родителей все еще среди живых. А может быть, это потому, что мы еще молоды и сильны, но когда станем старше и циничнее...

— Нам надо быть очень осторожными с этой бабушкой, — перебила брата Ганима.

— И не обсуждать с ней Проповедника, который бродит по планете, изрекая ересь?

— Ты не думаешь, что это и вправду наш отец?

— Я не могу об этом судить, знаю только, что тетя Алия очень его боится.

Ганима энергично тряхнула головой.

— Я не верю во всю эту чушь о Мерзости.

— У тебя точно такая же память, как и у меня, — возразил Лето. — Веришь в то, во что хочешь верить.

— Ты не думаешь, что все получилось так, потому что Алия отважилась войти в транс от зелья, а мы нет? — спросила Ганима.

— Именно так я и думаю.

Они замолчали, влившись в поток людей, выходивших из центральных ворот. В сиетче Табре было прохладно, но костюмы хорошо согревали, и дети отбросили назад сберегающие тепло капюшоны, обнажив рыжеволосые головы. Лица их несли отпечатки одних и тех же генов — большие рты и широко расставленные глаза, в которых нельзя было отличить белки от синих радужек.

Лето первым заметил приближение их тетки Алие.

— Она идет, — предостерегающе произнес Лето, переходя на боевой язык Атрейдесов.

Алия предстала перед детьми, и Ганима кивнула тетке.

— *Военная добыча* приветствует блистательную родственницу, — Ганима говорила теперь на языке чакобса, подчеркивая значение своего имени — «Военная добыча».

— Как видите, возлюбленная тетя, — вмешался в разговор Лето, — мы готовимся к встрече с вашей матушкой.

Алия была одной из немногих при многолюдном дворе, кто не выказывал ни малейшего удивления, слыша взрослые разумные речи царственных детей. Она по очереди посмотрела на них своими горящими глазами.

— Лучше бы вы оба придержали свои строптивые языки, — сказала она.

Бронзовые волосы Алие ниспадали с затылка двумя золотистыми полукружьями, изящный овал лица искажала хмурая мина, губы большого самодовольного рта были сжа-

ты в тонкую нить. В углах глаз с синими белками затаились тревожные лучи морщин.

— Я уже предупреждала вас, как надо себя вести, — сказала Алия. — Вы знаете, почему это надо, не хуже, чем я.

— Мы знаем ваши причины, но, вероятно, вы можете не знать наших, — произнесла Ганима.

— Гани! — взорвалась Алия.

Лето горящим взглядом посмотрел на тетку.

— Сегодня не тот день, когда нам надо прикидываться глупо улыбающимися младенцами!

— Никто и не требует, чтобы вы глупо улыбались, — возразила Алия. — Но мы думаем, что с вашей стороны было бы не мудро провоцировать у бабушки опасные мысли. Со мной соглашается Ирулан. Кто знает, какую роль возьмет на себя госпожа Джессика? В конце концов она — Бене Гессерит.

Лето удивлено покачал головой. *Неужели Алия не понимает наших подозрений? Может быть, дело зашло слишком далеко?* Он незаметно вгляделся в лицо тетки, отмечая на ее лице генетическую стигму — знак крови ее деда по материнской линии. Барон Владимир Харконнен был не из приятных людей. Подумав, Лето ощутил внутреннее беспокойство — это был и его предок.

— Госпожа Джессика знает, как править, — сказал он вслух.

Ганима согласно кивнула.

— Почему она решила приехать именно сейчас?

Алия нахмурилась.

— Может быть, она просто хочет повидать своих внуков?

Ты очень на это надеешься, дорогая тетушка. Но, черт возьми, похоже, что дело не только и не столько в этом, подумала Ганима.

— Она не может править здесь, — проговорила Алия. — С нее вполне достаточно Каладана.

— Когда наш отец отправился умирать в Пустыню, он оставил вас регентшей, — умиротворяюще заговорила Ганима. — Он...

— Вы можете на что-то пожаловаться? — перебила девочку Алия.

— Это был мудрый выбор, — Лето поддержал линию сестры. — Вы были единственной, кто был рожден равной нам.

— Говорят, что моя мать вернулась в Общину Сестер, — сказала Алия, — а вы оба знаете, что думает Бене Гессерит о...

— Мерзости, — подсказал Лето.

— Да, — процедила сквозь зубы Алия.

— Как говорится, ведьма — всегда ведьма, — подлила масла в огонь Ганима.

Сестрица, ты играешь в опасные игры, подумал Лето, но не стал нарушать начатую игру.

— Наша бабушка, в отличие от других женщин подобного рода, очень простой человек, — сказал он. — Вы, тетя, имеете доступ в ее память, и несомненно знаете, чего следует ожидать.

— Простота! — воскликнула Алия, тряхнула головой и, оглядев запруженную людьми галерею, снова посмотрела на близнецов. — Если бы моя мать не была сложной натурой, ни вас, ни меня не было бы сейчас здесь. Я должна была быть ее перворожденной дочерью и ничего этого... — она судорожно повела плечами. — Еще раз предупреждаю вас, будьте сегодня особенно осторожны... Вот и моя охрана.

— Вы все еще считаете, Алия, что нам не стоит сопровождать вас в космопорт? — спросил Лето.

— Ждите меня здесь, — ответила женщина. — Я сама привезу ее.

Лето переглянулся с сестрой.

— Вы много раз говорили нам, что память, которую передали нам наши предки, бесполезна до тех пор, пока мы на своей плоти не почувствуем, что она означает. Только тогда память воплощается в реальность. Моя сестра и я верим в это. Мы предвидим, что с приездом бабушки дела могут принять опасный оборот.

— Продолжайте верить в это, — ответила мальчику Алия. Повернувшись, она под защитой охранника направилась к Государственному выходу, где ее ждал орнитоптер.

Ганима вытерла непрошеную слезу.

— Вода для мертвых? — шепнул Лето, беря сестру под руку.

Ганима тяжело вздохнула, думая, как она смотрела на свою тетку, все наперед зная из накопленной предками памяти.

— Это было от дурманного зелья? — спросила она, наперед зная ответ.

— Не можешь предположить ничего лучшего?

— Нет, просто для того, чтобы поспорить. Но почему ни наш отец... ни даже наша мать не поддались искушению?

Лето изучающе взглянул на сестру.

— Ты не хуже меня знаешь ответ. Их личности уже устоялись, когда они прибыли на Арракис, а дурман от зелья — ну... — Он пожал плечами. — Они родились в этом мире, не владея памятью предков. Однако Алия...

— Почему она не поверила в предостережения Бене Гессерит? — спросила Ганима, покусывая нижнюю губу. — У Алие та же информация, что и у нас, так почему она ее не обдумала?

— Ей уже приписали Мерзость, — ответил Лето. — Тебе не кажется, что это искушение — попытаться быть сильнее, чем все эти...

— Нет, не кажется, — содрогнувшись, ответила Ганима и отвернулась. Стоило только воззвать к генетической памяти, как предупреждения Бене Гессерит живо зазвучали в ее ушах. Предрожденные, становясь взрослыми, усваивали дурные обычаи, а возможная причина этого... Ганима снова содрогнулась.

— К сожалению, среди наших предков было немало предрожденных, — сказал Лето.

— Да, возможно, это так.

— Но мы... Ах да, все тот же старый вопрос, на который нет ответа: действительно ли мы имеем доступ ко всему файлу опыта любого из наших предков?

Чувствуя собственное внутреннее смятение, Лето понимал, как сильно тревожит этот разговор сестру. Они часто обсуждали этот вопрос, но так и не пришли ни к какому выводу.

— Мы должны как можно дольше оттягивать момент, когда она захочет подвергнуть нас трансу, — сказал Лето. Надо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не передозировать зелье.

— Для транса доза должна быть уж очень велика, — сказала Ганима.

— Наверно, у нас очень большая толерантность, — произнес Лето. — Посмотри, сколько требуется Алие.

— Как мне ее жаль, — заговорила Ганима. — Соблазн зелья коварный и тонкий, он постепенно обволакивает ее до тех пор, пока...

— Да, она жертва, — заговорил Лето, — Мерзости.

— Мы можем ошибиться.

— Верно.

— Я всегда думаю о том, что следующая память предка, к которой я получу доступ, будет той, которая...

— Прошлое не дальше от тебя, чем подушка.

— Нам надо воспользоваться приездом бабушки и обсудить с ней этот вопрос.

— Ее память постоянно меня к этому побуждает, — признался Лето.

Ганима выдержала его прямой взгляд.

— Большое знание никогда не приводит к простым решениям, — сказала она.

Чьим только не был сиетч Пустыни на краю —
Хозяином был Лиет, был Кинес,
И Стилгар был, и Муад'Диб,
И снова Стилгар.
Давно наибы спят в песке,
Но сиетч стоит вовеки.

(Из фрименской песни)

Расставшись с близнецами, Алия почувствовала, как сильно колотится ее сердце. Несколько секунд она испытывала мучительное желание вернуться к детям и просить их о помощи. Что за идиотская слабость! Воспоминание о ней преисполнило женщину предостерегающим спокойствием. Неужели эти близнецы осмелились практиковать предзнание? Должно быть, путь, поглотивший их отца, оказался для детей слишком соблазнительным — транс дурмана с его обостренным видением будущего вьется перед глазами, как флаг на переменчивом ветру.

Почему я не могу прозреть будущее? — Не переставала удивляться Алия. *Как я ни старалась, оно всегда ускользало от меня.*

Надо было заставить близнецов заглянуть в будущее, сказала она себе. Их бы увлекло такое предприятие — детское любопытство и возможность путешествия сквозь тысячелетия — из этого можно было бы сотворить чудо.

Когда-то и у меня было такое любопытство, подумала Алия.

Охранники отодвинули водный створ Государственного входа в сиетч и отошли в сторону, давая дорогу Алие. Она вышла на посадочную площадку, где уже ждал орнитоптер. Ветер дул из Пустыни, небо заволокла пыль, но погода все же оставалась ясной. Выйдя на дневной свет после тусклых желтых светильников, Алия начала думать о другом.

Почему госпожа Джессика возвращается именно сейчас? Неужели до Каладана дошли слухи о ее Регентстве...

— Нам надо спешить, госпожа, — охранник изо всех сил старался перекричать шум ветра.

Алия позволила охраннику помочь ей подняться в орнитоптер и машинально закрепила ремень безопасности, но мысли ее были далеко.

Почему именно сейчас?

Крылья орнитоптера задрожали, и машина взмыла в воздух. Алия почувствовала свою силу, которой подчиняется такая физическая мощь... Но как же хрупка и ненадежна эта сила, как она хрупка!

Почему теперь, когда *ее* планы уже так близки к завершению?

Пыль, висевшая в воздухе, рассеялась, и яркий солнечный свет озарил густую зелень там, где раньше была только выжженная зноем земля.

Я проиграю, если не научусь прозревать будущее. О, какое чудо могла бы я свершить, обладай я тем даром, каким владел Пауль! Я бы не стала мучиться от той горечи, которое несет с собой видение предзнания.

Мучительное желание потрясло Алию. Ну почему она не может отказаться от власти, стать такой, как все, — страдающей самой блаженной слепотой, живущией в гипнозе неполноценной жизни. Но нет! Она из рода Атрейдесов и не может, как другие, испытывать шок от самого факта рождения новой жизни. Она из рода властелинов, жертва проникающего в глубины веков знания, порожденного пристрастием матери к зелью.

Но почему мать возвращается именно сегодня?

Как ей не хватает Гурни Халлека — преданного слуги, безобразного лицом наемного убийцы, верного и прямодушного, музыканта. Который с равной легкостью мог

убить человека и теми же руками извлекать божественные звуки из своего девятиструнного балисета. Поговаривали, что он был любовником матери, и это стоило раскопать — такими сведениями можно воспользоваться как удобным рычагом воздействия на нее.

Желание быть, как другие, исчезло без следа.

Надо уговорить Лето испытать транс дурманного зелья.

Она вспомнила, как спросила Лето, как мальчик относится к Гурни Халлеку. Лето, почувствовав подвох, ответил: «Халлек верен "слепо"». А потом добавил: «Он обожал... моего отца».

Тогда Алия уловила какое-то колебание в ответе мальчика. Вместо «моего отца» Лето едва не произнес «меня». Да, временами генетическую память трудно бывает оторвать от уз живой плоти. Гурни Халлек не сделал этот процесс легче.

Губы Алие тронула жестокая усмешка.

После смерти Пауля Гурни предпочел вернуться на Каладан вместе с госпожой Джессикой. Его возвращение многое запутает. Прибыв на Арракис, Гурни добавит собственные сложности к уже существующим. Халлек верно служил отцу Пауля — и здесь четко прослеживается последовательность от Лето Первого и Пауля к Лето Второму. Селекционная программа Бене Гессерит вывела другую, ответвляющуюся линию — от Джессики и Алие к Ганиме. Гурни может в этой ситуации оказаться бесценным помощником, запутав идентичности заинтересованных лиц.

Интересно, что он станет делать, если узнает, что в нас течет кровь Харконненов, тех самых Харконненов, которых он ненавидит всеми фибрами души?

Улыбка на губах Алие обратилась вовнутрь. В конце концов близнецы еще дети. Дети, у которых бесчисленное множество родителей, память которых принадлежит им, но не только и исключительно им. Несомненно, близнецы сейчас будут стоять у внешнего ограждения сиетча Табра и наблюдать след приземления корабля Джессики на берегу Арракина. Неужели горящая отметина на небе сделает прибытие Джессики реальным для ее внуков?

Мать, конечно, поинтересуется, как идет их обучение, подумала Алия. *Но стоит ли рассудком вмешиваться в учение* прана-бинду*? Я скажу ей, что дети учатся самостоя-*

тельно, и процитирую слова внука: «Из всех ответственностей, лежащих на властителе, самая тяжкая — это необходимость наказывать... но наказывать только тогда, когда жертва сама напрашивается на это».

В этот момент в голову Алие пришло, что если она сумеет отвлечь Джессику проблемами близнецов, то все остальные смогут избежать пристального внимания матери.

Это можно сделать без особого труда. Лето очень похож на Пауля. А собственно говоря, почему нет? Он мог стать Паулем в любой момент по своему усмотрению. Даже Ганима обладала этой поразительной способностью.

Ведь я точно так же могу стать матерью, и всеми другими, кто разделил с нами свои жизни.

Она отвлеклась от тяжелых мыслей и окинула взором протянувшийся внизу Защитный Вал. *Каково ей было покинуть теплый, безопасный, изобилующий водой Каладан и вернуться на Арракис, в эту Пустыню, где был убит ее возлюбленный герцог, а сын погиб мученической смертью?*

Зачем Госпожа Джессика возвращается именно сейчас?

Никакого определенного ответа на этот вопрос у Алие не было. Она могла проникнуть в «я» других людей, но как только индивидуальные опыты расходились своими путями, то пропорционально множились и мотивы поступков. Суть решений была в тех поступках, которые совершали индивиды. Для предрожденных, причем много раз предрожденных Атрейдесов, это было высшей реальностью, столь же осязаемой, как телесные предметы, это было каждый раз подлинное рождение во плоти; то было подлинное отчуждение бытия, подобно тому, как родившаяся плоть отчуждается от материнского лона, начав самостоятельно дышать и двигаться, взяв у матери многие знания.

Алия не находила ничего странного в том, что любит и ненавидит свою мать одновременно. То была необходимость, не оставлявшая места чувству вины и обвинениям. Где границы любви и ненависти? Надо ли винить Бене Гессерит за то, что они назначили Джессике вполне определенный путь? Вина и обвинение становятся расплывчатыми, когда пропитывают тысячелетия. Общине Сестер надо было породить Квисатц Хадераха — мужское соответствие Преподобной Матери... и даже больше того: Квисатц Ха-

дерах должен был стать сверхчеловеком с необычайной восприимчивостью, умом и способностью быть одновременно во множестве мест. В этой селекционной игре госпожа Джессика была лишь разменной пешкой, у которой хватило безрассудства влюбиться в своего партнера, которому она была предназначена. По желанию своего возлюбленного герцога она родила сына, а не дочь, как то было предусмотрено Общиной Сестер.

Она предоставила мне родиться после того, как стала пристрастной к зелью! А теперь они не хотят меня. Они меня боятся, и у них есть на это очень веские основания...

Пауль был Квисатц Хадерахом, но он явился на одно поколение раньше, чем следовало, — в плановый расчет Сестер вкралась ошибка, и теперь перед Бене Гессерит возникла другая проблема: воплощение Мерзости, в которой присутствовали драгоценные гены, предназначенные для столь многих будущих поколений.

Краем глаза Алия заметила какую-то тень и подняла голову. Сопровождающая ее охрана приготовилась к посадке. Алия тряхнула головой, отгоняя ненужные и странные мысли. Что проку думать о прошедших жизнях и перебирать старые ошибки, увеличивая их груз? Сейчас новое время — время новых поколений.

Дункан Айдахо использовал всю свою мудрость и знания, оценивая приезд Джессики. Он применил свой подобный вычислительной машине ум — свой особый дар — для этой труднейшей цели и сказал, что Джессика возвращается, чтобы забрать близнецов в Общину Сестер. Еще бы, ведь близнецы тоже носители драгоценных генов. Вероятно, Дункан прав. Такая задача — вполне достаточный повод для того, чтобы Джессика вырвалась из своего добровольного затворничества на Каладане. Если Сестры приказали... Да и зачем еще может мать вернуться на планету, полную страшных и болезненных воспоминаний?

— Посмотрим, — пробормотала Алия.

Она почувствовала, как орнитоптер коснулся крыши ее личного посадочного ангара. Сердце Алие было преисполнено самых мрачных предчувствий.

* * *

Меланжа (me'-lange, ma'lanj) *происхождение неясно (считается, что это слово — производное от террофранкского melange): а. Смесь приправ; б. Трава, произрастающая в Аракисе (Дюне) и обладающая гериатрическими свойствами, впервые описана Яншуфом Ашкоко, королевским ботаником и химиком в царствование Шаккада Мудрого; в. Аракинская меланжа, произрастающая только в песках Аракиса, с ней связаны пророческие способности Пауля Муад'Диба (Атрейдеса), первого Махди фременов; в последнем значении применяется космическими навигаторами и Бене Гессерит.*

(Царский словарь, пятое издание)

Две крупные кошки неслышно и легко неслись по каменистой гряде в предрассветной мгле. Это еще не была охота — просто обход владений и осмотр территории. Кошки назывались лазанскими тиграми и были завезены на планету Салуса Секундус почти восемь тысяч лет назад. Генетические манипуляции стерли некоторые черты, присущие предковым земным формам, но зато снабдили кошек новыми. У зверей остались длинные клыки. Морды широкие, глаза широко расставленные, живые и умные. Большие лапы служили хорошей опорой на неровной каменистой почве, когти длиной более десяти сантиметров спрятаны, а давление кожных складок постоянно затачивало их так, что концы когтей отличались остротой бритвы. Шерсть гладкая и слегка коричневатая — покровительственный окрас в песках Пустыни.

Эти кошки отличались от своих предков еще кое-чем: сервостимулятором, который имплантировался в их головной мозг, когда они еще были котятами. Эти стимуляторы делали животных послушными воле любого, кто имел соответствующий передатчик.

Было холодно, и из пастей остановившихся кошек валил густой пар. Вокруг расстилалась бесплодная увядшая равнина, на которой росли колючки, завезенные с Аракиса, — это порождало мечту о том, что скоро с монополией Аракиса на меланжу будет покончено. Там, где остановились кошки, ландшафт ограничивался несколькими песочного цвета скалами и разбросанными там и сям кус-

тами — серебристо-зелеными в косых лучах восходящего солнца.

Звери внезапно насторожились. Повернув морды влево, они разом посмотрели на двух детей, игравших рука об руку в сухом русле ручья. Детям было по девять-десять стандартных лет; они были рыжеволосы и носили одинаковые серые костюмы и бурки, скрепленные на голове и вороте золотыми застежками Дома Атрейдес в виде ястребов. Звонкие голоса были хорошо слышны кошкам. Лазанские тигры хорошо знали правила игры, им уже приходилось в нее играть, однако сейчас они оставались неподвижными, ожидая команды передатчика на начало охоты.

На каменистом гребне позади кошек появился какой-то человек. Некоторое время он молча наблюдал открывшуюся перед ним сцену: дети и тигры. На человеке была надета черно-серая форма сардаукара, на металлической пластинке было выгравировано имя: Левенбрех, адъютант башара. На груди висел сервопередатчик с удобно расположенными по обе его стороны ключами.

Кошки не повернули голов при появлении человека — они знали о его приближении по звуку и запаху. Левенбрех прокрался поближе к кошкам и отер лоб. Было холодно, но дело предстояло слишком жаркое, и на коже человека выступила испарина. Снова светлые бесстрастные глаза внимательно посмотрели на кошек и детей. Заправив влажную прядь светлых волос под шлем, человек тронул ларингофон.

— Кошки их видят.

Ответ прозвучал в динамиках, закрепленных за ушами человека.

— Мы их видим.

— Начинать? — спросил Левенбрех.

— Они сделают это без охотничьей команды? — поинтересовался голос.

— Они готовы, — ответил Левенбрех.

— Отлично. Сейчас мы посмотрим, хватит ли четырех тренировок.

— Скажите мне, когда будете готовы.

— В любой момент.

— Тогда начнем, — произнес Левенбрех.

Он коснулся пальцами красного ключа на правой стороне передатчика, предварительно сняв с него защитный колпачок; потом Левенбрех переместил руку на черный ключ, расположенный под красным, на случай если звери кинутся на него. Но кошки не обратили на мужчину ни малейшего внимания; все их внимание было отдано детям, к которым звери начали тихо подкрадываться по расщелине между гребнями. Лапы скользили по камням с ловким, поистине кошачьим изяществом.

Левенбрех опустился на корточки, наблюдая за развитием событий, зная, что за сценой следят в Укрытии принца с помощью Всевидящего Ока.

Кошки убыстрили шаг, затем кинулись к жертвам огромными прыжками. Дети, ни о чем не подозревая, взбирались на низкую скалу, в воздухе громким эхом отдавался их беззаботный смех. Один из них поскользнулся, второй оглянулся и увидел кошек. Протянув руку навстречу неожиданным забавным пришельцам, он громко воскликнул: «Смотри!»

Дети с интересом смотрели на приближающихся тигров. Так они и стояли, когда кошки одновременно поразили их, перекусив горла. Дети умерли мгновенно. Кошки принялись за еду.

— Отозвать их? — спросил Левенбрех.

— Пусть заканчивают. Они очень хорошо сработали. Я знал, что они справятся, эта пара превосходна.

— Лучшая из всех, которых я когда-либо видел, — согласился Левенбрех.

— Вот и хорошо. Мы высылаем за тобой транспорт. Все, отключаемся, конец связи.

Левенбрех встал и потянулся, стараясь не смотреть в ту сторону, где поблескивал окуляр Всевидящего Ока. Это око транслировало то, что произошло, в ставку башара, расположенную на зеленой лужайке Капитолия. Левенбрех улыбался. За такую работу он получит повышение. Он уже видел отличия батора на своей шее, или бурсега... Когда-нибудь он станет башаром. Люди, которые верно служат в корпусе Фарад'на, внука покойного Шаддама Четвертого, неплохо продвигаются по службе. Когда принц займет принадлежащий ему по праву трон, то перед ним, Левенбрехом, откроются блестящие перспективы — барон-

ство или даже графство в мирах огромной галактической империи. Все это будет... когда исчезнут близнецы Атрейдесы.

Фримены должены вернуться к своей первоначальной вере, к своему гению в образовании человеческой общности; они должны вернуться к своим истокам, к своему прошлому, откуда были усвоены уроки выживания в борьбе с Арракисом. Единственным делом фременов должно быть открытие души для внутреннего учения. Мир Империи, Совета Земель и Конфедерации ничего полезного не сообщит фременам, но только лишит их души.

(Проповедь у Арракина)

Госпожа Джессика видела, что практически вся плоская серовато-коричневая посадочная площадка, на которую приземлился ее корабль, корпус которого потрескивал после немыслимых космических перегрузок, была, словно океаном, залита массой людей. Их, как показалось Джессике, было не меньше полумиллиона, и только треть из них составляли пилигримы. Люди были охвачены благоговейным молчанием, ожидая выхода Госпожи и ее сопровождения.

До полудня оставалось еще два часа, но пыль в воздухе над толпой ослепительно сверкала, обещая нестерпимый зной.

Джессика коснулась пальцами своих медно-рыжих, кое-где тронутых сединой волос, прикрытых накидкой — абой — знаком Преподобной Матери. Джессика понимала, что выглядит не лучшим образом после столь долгого путешествия, к тому же черный цвет абы не слишком шел ей. Но когда Джессика жила здесь, она не расставалась с накидкой. Госпожа тихо вздохнула — должно быть, значение накидки фримены не забыли. Она еще раз вздохнула; путешествие не пошло ей на пользу, к тому же давил груз воспоминаний — о былом путешествии с Каладана на Арракис с ее герцогом, который против своего желания был вынужден принять этот лен.

Медленно, испытывая приобретенную в Бене Гессерит способность обнаруживать мельчайшие нюансы чужого настроения, Джессика обвела взглядом людское море. Тускло-серые капюшоны плащей фременов из Пустыни; белые одежды пилигримов с отметинами бичей на плечах; груп-

пки богатых купцов с непокрытыми головами, щеголявших в легких одеждах, демонстрируя свое презрение к жаркому воздуху Арракиса. Была здесь и делегация Общества Веры — закутанные в зеленые одежды люди, сплотившиеся в единую группу, огражденную от других видимой святостью.

Как только Джессика оторвала взгляд от толпы, ей вспомнилась другая сцена — сцена их встречи, когда она с возлюбленным герцогом впервые прибыла на Арракис. Когда это было? *Да, прошло больше двадцати лет.* Она не любила вспоминать прошлое — оно напоминало о себе тяжелыми ударами сердца в груди. Время лежало в душе мертвым грузом, и Джессике казалось, что тех лет, что она провела вне Арракиса, просто не было.

Опять в пасти дракона, подумала она.

Здесь, на этой равнине, ее сын отвоевал Империю у покойного Шаддама Четвертого. Судорога истории надолго запечатлелась в умах и верованиях людей.

Охрана и сопровождавшие Джессику лица беспокойно засуетились, и она снова вздохнула. Должно быть, они ожидают Алию, которая почему-то задерживается. Но вот появилась и она — охрана, словно клин, рассекала перед ней толпу встречавших.

Джессика еще раз окинула взглядом местность. На вышке космопорта появился балкон для молитвы. Далеко на левом краю поля стояла высокая башня, воздвигнутая Паулем. Он называл ее «сиетчем над песками». Та было самое высокое строение из когда-либо возведенных человеческими руками. Внутри стен этого здания могли поместиться целые города, а Алия расположила здесь свою мощнейшую организацию — «Общество Веры», созданное на костях ее брата.

Должно быть, это подходящее место, подумалось Джессике.

Алия и ее свита достигли выхода с посадочной полосы и застыли в ожидании. Джессика тотчас узнала массивного, кряжистого Стилгара. А это кто? Боже избави, это же принцесса Ирулан, прячущая свою необузданную дикость в соблазнительном теле. Золотистые волосы развевались на своенравном ветру. Ирулан не постарела ни на один день; ее присутствие здесь надо понимать как публичное

оскорбление. Впереди всех стояла Алия, бесстыдно молодая, с глазами, устремленными к выходу с посадочной площадки. Джессика, плотно сжав губы, всмотрелась в лицо дочери. Тяжелое чувство пронзило все тело Джессики, в ушах зазвучало биение ее собственной бурной жизни. Слухи оказались правдой! Какой ужас! Ужас! Алия сбилась с верного пути. На лице дочери ясно читалось: *Мерзость!*

Оправившись от потрясения, Джессика поняла, насколько сильно она надеялась, что слухи окажутся ложными.

Но что с близнецами? — спросила она себя. *Они тоже пали?*

Медленно, как подобает матери бога, Джессика выступила вперед, оставив позади заранее проинструктированную свиту. Это были решительные минуты. Джессика стояла одна на виду у всей громадной толпы. За ее спиной нервно кашлянул Гурни Халлек — он возражал против безрассудного выхода. «*На тебе нет даже щита! О женщина, ты сошла с ума!*»

Однако самым ценным качеством Гурни было врожденное умение подчиняться. Он скажет, что думает, но подчинится. Вот и сейчас, возмутившись, он покорился.

Толпа издала едва слышный звук, похожий на шуршание ящерицы в песках, когда Джессика выступила вперед. Она воздела руки в благословении, принятом среди первосвященников Империи. С небольшой задержкой, но тем не менее практически одновременно гигантская толпа опустилась на колени. Даже официальная делегация.

Наметанным глазом Джессика отметила тех, кто меньше других спешил упасть на колени. Она знала, что не только ее глаза заметили это, — сзади были верные люди, как и ее тайные агенты в толпе. Эти люди уже знали, где и кто задержался с изъявлением покорности.

Джессика все еще стояла с поднятыми руками, когда вперед выступили Гурни и его люди. Они быстро прошли мимо Джессики и встречающей элиты, которая смотрела на свиту Преподобной Матери выпученными от изумления глазами, и смешались с агентами, которых опознали по нарукавным знакам. Все вместе они быстро двинулись по узким проходам между павшими на колени людьми. Некоторые из тех, кто помедлил, почуяли опасность и попытались спастись бегством. С этими поступали просто — брошенный нож или удавка вершили скорый суд и рас-

праву. Других просто поднимали с колен, связывали руки, сковывали ноги и уводили.

Не обращая внимания на происходящее, Джессика продолжала протягивать руки, благословляя покорную толпу и без труда читая мысли людей: *«Преподобная Мать возвращается, чтобы выполоть сорняки. Будь благословенна мать Господа!»*

Когда все было кончено — мертвые тела распростерлись на песке, а схваченные были уведены в камеры башни, — Джессика опустила руки. Все происшедшее заняло не больше трех минут. Преподобная понимала, что вероятность того, что Гурни и его люди расправились с вожаками, очень мала, и что среди схваченных вряд ли находились самые опасные смутьяны — такие люди обычно осторожны и предусмотрительны. Конечно, среди арестованных могут оказаться вместе с обманутыми и одураченными какие-нибудь интересные экземпляры.

Джессика опустила руки. Люди, облегченно вздохнув, поднялись с колен.

Джессика, словно ничего особенного не произошло, проследовала мимо встречавших, обошла дочь и призвала к себе Стилгара. Черная борода, торчавшая из-под капюшона, была помечена седыми пятнами, но глаза были такими же внимательными, живыми и беспощадными, как во времена их первой встречи в Пустыне. Стилгар понимал значение того, что произошло, и одобрял действия женщины. Он был настоящий наиб, вождь, способный к принятию кровавых решений. Первые же его слова подтвердили это.

— Приветствую вас, госпожа. Всегда приятно видеть решительные и эффективные действия.

По лицу Джессики мелькнуло некое подобие улыбки.

— Закройте порт, Стил. Никто не должен уйти, пока мы не допросим задержанных.

— Мы с Гурни уже все сделали, госпожа, — ответил Стилгар. — Его люди все понимают с полуслова.

— Значит, нам помогали ваши люди.

— Да, некоторые из них.

В его ответе Джессика уловила недомолвку и кивнула.

— Вы хорошо изучили меня в старые годы, Стил.

— Когда-то вам было очень больно говорить со мной, госпожа, но теперь уцелевшие расскажут все.

Вперед выступила Алия, и Стилгар отошел в сторону. Мать осталась стоять лицом к лицу с дочерью.

Зная, что нет никакого смысла прятать то, что ей известно, Джессика даже не пыталась сдерживаться. Алия могла читать малейшие нюансы чужих мыслей, как всякий адепт Общины Сестер. По одному поведению Джессики дочь давно уже должна была понять, что увидела и почувствовала мать. Они были враги, для которых определение *смертельные* затрагивало лишь поверхность.

В качестве самой простой и подходящей к случаю реакции Алия выбрала гнев.

— Как вы осмелились спланировать такую акцию, не посоветовавшись предварительно со мной? — процедила сквозь зубы Алия, приблизив свое лицо к лицу Джессики.

Джессика ответила со всей возможной мягкостью.

— Как ты только что слышала, Гурни не стал посвящать меня в весь план. Мы предполагали...

— А ты, Стилгар! — недослушав мать, Алия повернулась к наибу. — Кому *ты* верен?

— Я принес присягу детям Муад'Диба, — твердо ответил Стилгар. — Мы старались отвратить от них опасность.

— Почему же ты не испытываешь по этому поводу радости... дочь моя?

Алия моргнула, быстро взглянула на мать, подавила поднявшуюся в душе бурю и даже смогла обнажить в улыбке белоснежные зубы.

— Я *испытываю* радость, матушка, — сказала она, и, к своему неописуемому удивлению, вдруг почувствовала, что действительно радуется. Да что там — она просто счастлива, что все наконец открылось и между ней и матерью нет больше страшных тайн. Момент страха прошел, и Алия поняла, что равновесие сил не изменилось.

— Мы обсудим все подробности в более удобное время, — сказала Алия, обращаясь одновременно к матери и Стилгару.

— Конечно, конечно, — подтвердила Джессика, движением руки давая понять, что вопрос исчерпан, и повернулась к принцессе Ирулан.

Несколько мгновений Джессика и принцесса внимательно смотрели друг на друга — две воспитанницы Бене Гес-

серит, порвавшие с Общиной Сестер по одной и той же причине — из-за любви, любви к мужчинам, которые были теперь мертвы. Эта принцесса безнадежно любила Пауля, стала его женой, но не сумела стать подругой, а теперь живет только ради детей, которых родила Паулю его фрименская наложница Чани.

Первой заговорила Джессика.

— Где мои внуки?

— В сиетче Табр.

— Я понимаю, здесь слишком опасно.

Ирулан позволила себе едва заметный кивок. Она видела перепалку между Джессикой и Алией, но истолковала ее так, как ей накануне говорила регентша: *«Джессика вернулась в лоно Общины Сестер, а мы обе знаем, что у Сестер есть планы касательно детей Пауля»*. Ирулан никогда не была истинным адептом Бене Гессерит — ее больше ценили только за то, что она — дочь Шаддама Четвертого, слишком гордая, чтобы выставлять напоказ свои способности. Вот и теперь она выбрала поведение, которое никак не подчеркивало ее подготовку.

— В самом деле, Джессика, — сказала Ирулан, — надо было все же проконсультироваться предварительно с Императорским Советом.

— Мне следует думать, что вы не доверяете Стилгару? — спросила Джессика.

Ирулан хватило мудрости понять, что этот вопрос не требует ответа. Она была страшно рада, что священники, не сумев сдержать верноподданнического нетерпения, ринулись к госпоже. Ирулан переглянулась с Алией, подумав: *Джессика, как всегда, спесива и уверена в себе!* Аксиома Бене Гессерит на эту тему гласила: *«Высокомерие годится только на то, чтобы возвести крепостную стену, за которой прячутся сомнения и страх»*. Истинно ли это в отношении Джессики? Конечно, нет. Значит, это просто поза. Но с какой целью она это делает? Вопрос очень беспокоил Ирулан.

Священники с шумом завладели матерью Муад'Диба. Некоторые хватали ее за руки, другие низко кланялись, почтительно произнося слова приветствия. Наконец, главные священники — по принципу «первые да станут последними» — с заученными улыбками стали говорить Пресвя-

той Преподобной Матери, что официальная церемония Просветления состоится в Убежище — старой цитадели, построенной Паулем.

Джессика посмотрела на двоих священников и нашла их отталкивающими. Одного звали Джавид — это был молодой человек с угрюмым лицом и круглыми, детскими щеками, в затененных, глубоко посаженных глазах таилась подозрительность. Второго звали Зебаталеф, то был второй сын наиба, которого когда-то знавала Джессика, о чем он не преминул ей сообщить. Этого было просто вычислить: веселье в соединении с беспощадностью, худое аскетическое лицо, заросшее светлой бородой, глаза выдают тайное волнение и большие знания. Джавид был гораздо опаснее — муж Совета, обладавший магнетической силой, но одновременно — Джессика не могла подобрать более подходящего слова — *отталкивающий.* У него был странный акцент, Джавид говорил с сильным фрименским выговором, словно священник был выходцем из какого-то немыслимого захолустья.

— Скажи мне, Джавид, — спросила Джессика, — откуда ты?

— Я простой фримен, сын Пустыни, — ответил священник — каждое слово выдавало лживость этого утверждения.

Зебаталеф вмешался в разговор с напористой и почти шутовской вежливостью.

— Нам есть что вспомнить, госпожа. Я был одним из первых, вы знаете, кто познал святость и высокое предназначение миссии вашего сына.

— Но вы, насколько я помню, не были его федайкином, — ответила Джессика.

— Нет, госпожа. Я занимался более философским делом — изучал богословие, чтобы стать священником.

И тем спасал свою шкуру, подумала его собеседница.

— Нас ждут в Убежище, — напомнил Джавид.

Заданный все с тем же странным акцентом вопрос требовал ответа.

— Кто нас ждет?

— Совет Веры — все те, кто хранит светлое имя и деяния вашего святого сына, — сказал Джавид.

Джессика оглянулась через плечо, увидела, как Алия улыбается Джавиду, и спросила:

— Этот человек — один из твоих поверенных, дочь моя?

Алия кивнула.

— Он рожден для великих деяний.

Но Джессика заметила, что Джавид не слишком доволен вниманием к своей персоне, и решила приказать Гурни взять этого священника на заметку. Гурни оказался легким на помине. Он подошел к Джессике и доложил, что задержанные готовы к дознанию. Халлек передвигался развалистой походкой сильного человека, быстро оглядывая все вокруг, под одеждой при каждом движении перекатывались могучие мышцы, хотя с виду Гурни казался совершенно расслабленным — этому искусству научила его Джессика по способу прана-бинду, изобретенному Бене Гессерит. Казалось, Гурни состоит из одних отвратительных рефлексов, это был убийца, страшный человек, но Джессика любила его и ставила выше всех остальных смертных. Лицо Гурни пересекал обезображивающий багрово-синий шрам, но лицо телохранителя смягчилось улыбкой, когда он увидел Стилгара.

— Отлично сработано, Стил, — сказал он. Мужчины в знак приветствия взялись за руки по старинному фрименскому обычаю.

— Просветление, — напомнил Джавид, тронув Джессику за руку.

Джессика подалась назад и, тщательно подбирая слова и модуляции хорошо поставленного голоса, произнесла специально для большего эмоционального воздействия на Джавида и Зебаталефа:

— Я вернулась на Дюну, чтобы повидать внуков, так стоит ли переводить время на всякий религиозный вздор?

Реакция Зебаталефа была вполне предсказуемой — от растерянности он открыл рот, в глазах появился испуг — священник был потрясен, он переводил глаза с одного слушателя на другого, задавая каждому немой вопрос: *Религиозный вздор! Какой же эффект произведут эти слова, произнесенные матерью мессии?*

Джавид полностью оправдал опасения Джессики. Рот его сначала плотно сжался, но потом священник с трудом

растянул их в принужденной улыбке. Однако глаза оставались холодными, и он не стал обводить глазами невольных слушателей и свидетелей происшедшего. Джавид прекрасно знал всех участников и их роли. Знал он и тех, за кем надо было с этой минуты неусыпно наблюдать. Только спустя секунду Джавид вдруг перестал улыбаться, поняв, что улыбкой выдал себя с головой. Домашние уроки Джавида не пропали даром, он знал о способностях Джессики проникать в чужие мысли. Короткий судорожный кивок послужил косвенным признанием этой способности Преподобной Матери.

Джессика мгновенно взвесила все «за» и «против». Стоит подать Гурни едва заметный знак рукой — и Джавида можно считать покойником. Для вящего страха это можно проделать прямо здесь, или оттянуть смерть на более поздний срок, обставив все как несчастный случай.

Она задумалась: *Когда мы пытаемся скрыть наши сокровенные побуждения, каждая черточка наша выдает нас.* Учение Бене Гессерит готовило своих адептов к тому, чтобы они умели читать книгу плоти. Ум Джавида весил немало, если заполучить его на свою сторону, то можно будет проникнуть в среду священников Арракиса. К тому же это человек Алие.

Джессика заговорила:

— Моя свита должна быть немногочисленной, но одно вакантное место в ней есть. Джавид, вы присоединитесь к нам. Зебаталеф, прошу меня простить, но... Да, Джавид... я посещу эту... церемонию, если уж вы так настаиваете.

Джавид позволил себе глубокий вздох и, понизив голос, произнес:

— Да будет воля матери Муад'Диба, — он посмотрел на Алию, на Зебаталефа, потом снова на Джессику. — Мне доставляет боль необходимость оттягивать вашу встречу с внуками, но, увы, государственные соображения...

Хорошо. Он, кроме всего прочего, еще и деловой человек. Если подобрать нужную сумму, то мы наверняка сможем его купить, подумала Джессика. Она чувствовала радость от того, что он настоял на ее участии в церемонии. Эта маленькая победа добавит ему авторитет в глазах его сото-

варищей, и они оба это прекрасно понимали. Пусть Просветление станет платой за будущую службу.

— Надеюсь, вы позаботились о транспорте, — сказала Джессика.

Я даю тебе хамелеона Пустыни; его способность сливаться с песком скажет тебе все, что надлежит знать о корнях экологии и основаниях сохранения личности.
(Книга рассеяния племен из «Хроники Хаита»)

Лето играл на балисете, подаренном ему выдающимся исполнителем на этом инструменте — Гурни Халлеком на день рождения. Гурни прислал балисет, когда Лето исполнилось пять лет. За четыре года практики мальчик добился определенных успехов, однако ему по-прежнему не давались две боковые струны. Балисет успокаивал, хотя навевал грусть, и это не ускользнуло от внимания Ганимы. Лето, освещенный косыми лучами заходящего солнца, сидел на выступе скалы, отрог которой защищал сиетч Табр от беспощадного ветра Пустыни. Мальчик молчал, задумчиво и нежно перебирая струны.

Ганима стояла за спиной брата; вся ее маленькая фигурка выражала протест. Она очень не хотела выходить на улицу, после того как Стилгар сообщил, что бабушка задерживается в Арракине. Ганиме особенно не хотелось выходить потому, что приближалась ночь. Девочка решила поторопить брата.

— Ну что? — спросила она.

Вместо ответа брат принялся наигрывать другую мелодию.

Сегодня впервые Лето вдруг осознал, что инструмент был сработан на Каладане выдающимся мастером. Врожденная память наполняла Лето ностальгией по прекрасной планете, где правили потомки Атрейдесов. Надо было лишь с помощью музыки разрушить внутренний барьер, расслабиться... и в душе мальчика начала звучать живая память тех времен, когда Гурни с помощью этого самого балисета отвлекал от тяжких дум своего друга и подопечного — Пауля. Когда балисет звучал в его руках, Лето все больше и больше проникался ощущением физического присутствия отца. С каждой секундой мальчик все больше и больше сливался с звучащим инструментом, все существо Лето

возвысилось до полного *владения* балисетом, хотя мускулы девятилетнего мальчика не могли следовать за этим внутренним *знанием.*

Сама того не замечая, Ганима начала нетерпеливо притоптывать ногой в такт музыке.

Лето напряженно сжал губы и попытался играть древнюю песню, настолько древнюю, что Гурни не мог о ней знать. Эта песнь родилась, когда фримены осваивали свою пятую планету. Слова говорили о Зестунни, они исходили из глубин генетической памяти, в то время как пальцы Лето неуверенно нащупывали мелодию.

Прекрасная форма природы
Чудесной обладает сутью,
Которую иные зовут упадком.
Через его великолепные врата
Входит в мир новая жизнь.
В молчании льются тайные слезы.
Они не что иное, как влага души:
Это они несут новую жизнь
К боли бытия —
И отделяясь от видения,
Которое лишь смерть делает цельным.

Лето через плечо оглянулся на Ганиму. Его нисколько не удивило, что сестра знает песню и проникнута ее лирикой, но брат внезапно почувствовал трепет и благоговение перед тем, насколько сплетены их с сестрой жизни. Один из них мог умереть, но остаться живым в сознании другого; настолько они были близки. Мальчик был настолько напуган величием этой сети, соединявшей его с Ганимой, что поспешно отвел глаза. В этой сети, однако, были разрывы, и Лето знал это. Страх его еще более возрос от того, что именно в эту минуту возник еще один такой разрыв. Брат почувствовал, что их жизни начинают отчуждаться друг от друга. *Как могу я сказать ей о том, что происходит только и исключительно со мной?*

Он всмотрелся в Пустынный ландшафт, глядя на барханы — высокие, похожие на полумесяц, подвижные дюны, которые, подобно волнам, перекатывались по Арракису. То был *Кедем*, Внутренняя Пустыня, в барханах которой в нынешнее время редко можно было встретить

гигантских червей. Заходящее солнце окрасило дюны в кровавый цвет, пылавший на краях черных теней. С багрового неба, завладев вниманием Лето, стремительно упал ястреб, схватив со скалы куропатку.

Прямо внизу на плоской земле Пустыни в изобилии росли зеленые деревья, для полива которых частью по каналам, частью по огромным трубам текла вода с вершины скалы, на которой реяло зеленое знамя Атрейдесов.

Вода и зелень.

То был новый символ Арракиса: вода и зелень.

Похожий по форме на граненый бриллиант, оазис, расстилавшийся под выступом скалы, напомнил Лето о далеких временах фременов. С утеса внизу раздался звонкий крик ночной птицы, что еще больше усилило это чувство. Лето понял, что душа его переживает сейчас древнее дикое прошлое.

Nous avons change tout cela, подумал он, легко перейдя на древний земной язык, которым они с Ганимой иногда пользовались для задушевных бесед. *«Мы все это изменили»*. Он глубоко вздохнул. *Oublier je ne puis. «Я не умею забывать»*.

За оазисом была видна земля, которую фримены называли Пустошью; на этой земле ничто не росло, она никогда не плодоносила. Вода и экологический план озеленения разительно изменили облик Пустоши. Теперь на Арракисе были мягкие холмы, покрытые шелковистой зеленью лесов. Леса на Арракисе! Новое поколение с трудом могло представить себе древние дюны, которые скрывались под ними. Для юных глаз не было ничего потрясающего в плоских листьях деревьев. Однако в Лето сейчас говорил древний фримен, обеспокоенный изменениями.

— Дети недавно рассказывали мне, что теперь даже у поверхности трудно отыскать песчаную форель, — сказал он.

— И что это должно означать? — спросила Ганима; в голосе ее прозвучало раздражение.

— Все меняется слишком быстро, — ответил Лето.

На утесе вновь прокричала птица, ночь упала на Пустыню внезапно, словно ястреб на куропатку. Ночью у мальчика обострялась генетическая память — все дремавшие в нем прошлые жизни давали о себе знать, но у Ганимы не было таких просветлений, хотя она разделяла обеспокоен-

ность брата и старалась ему сочувствовать. Лето почувствовал, как сестра нежно коснулась рукой его плеча.

Балисет издал гневный аккорд.

Как сказать Ганиме о том, что с ним происходит?

В его голове бушевали войны, воспоминания о давно прервавшихся жизнях; происходили страшные катастрофы, любовные томления, мелькали цвета различных мест и разные лица... погребенное в глубинах души горе и утраченные радости. Он слышал весенние элегии на планетах, которые давно перестали существовать, видел буйство зелени и пляску света, стоны и крики, мольбы о помощи, глухой ропот толп людей, живших в незапамятные времена.

Наступало самое тяжелое время — начало ночи под открытым небом.

— Может быть, вернемся домой? — спросила Ганима.

Он отрицательно покачал головой, и сестра поняла, что брата охватили чувства, глубину которых она не могла постичь.

Почему я так приветствую наступление ночи? — спрашивал себя Лето. Он не почувствовал, как Ганима сняла руку с его плеча.

— Ты прекрасно знаешь, что заставляет тебя так переживать, — сказала она.

В ее голосе послышался ласковый упрек. Конечно, он знал. Ответ был очевиден и объяснялся знанием: *Это великое известное-неизвестное колышет меня, словно волну.* Гребни волн прошлого несли его словно на доске по поверхности волнующегося моря. Лето обладал памятью отца, предзнания, наложенного на все остальные проявления жизни, но Лето хотел большего — он хотел знать все прошлое без изъятия. Он жаждал этого всей душой. Эти воспоминания о прошлом таили в себе великую опасность. Теперь Лето полностью отдавал себе в этом отчет и должен был разделить новое знание с сестрой.

Пустыня озарилась неверным светом взошедшей Первой Луны. Лето внимательно смотрел на застывшие волны песка, уходившие в бесконечность. Слева, почти на расстоянии вытянутой руки лежала скала Спутник, которой песчаные бури придали форму гигантской змеи, уползавшей в песок Пустыни. Пройдет время, и ветры сровняют

с землей сиетч Табр, и только кто-то, похожий на Лето, сохранит о нем память. Мальчик почему-то не сомневался, что тот человек будет похож на него.

— Почему ты так пристально рассматриваешь Спутник? — спросила Ганима.

В ответ Лето только пожал плечами. Вопреки запретам слуг и охранников дети часто ходили на Спутник. Они нашли там потайное убежище, и теперь Лето понял, почему оно так манило их к себе.

Внизу поблескивали воды канала, по поверхности которых изредка пробегала рябь — то плескалась рыба, которую фримены разводили в искусственных водоемах, чтобы истребить песчаную форель.

— Я стою между рыбой и червем, — пробормотал Лето.

— Что?

Он повторил свою фразу громче.

Ганима прикрыла рот рукой, начиная прозревать, что именно движет ее братом. Именно так вел себя их отец; просто ей надо было внимательнее смотреть в себя и сравнивать.

Лето вздрогнул. Память, которая повела его по местам, где никогда не бывала его плоть, ответила на вопросы, которые он не задавал. На гигантском экране, развернувшемся перед его мысленным взором, Лето видел, как развертывались картины событий и давно ушедших в небытие отношений. Песчаный червь Дюны не сможет пересечь водный поток; вода — яд для него. Однако вода была известна здесь еще с доисторических времен. Белые гипсовые кратеры говорили о давно исчезнувших озерах. Источники пробивали себе дорогу с глубины, но их забивала песчаная форель. Лето ясно видел, как именно все это происходило, предвидя, что случится из-за вмешательства человека в экологию планеты.

— Я знаю, что случилось, Ганима, — едва слышно произнес Лето.

Она низко склонилась к его лицу.

— Что, что?

— Песчаная форель...

Он замолчал, и Ганима удивилась его упоминанию о гаплоидной фазе развития песчаного червя, но не стала торопить брата.

— Песчаная форель, — повторил он, — была занесена сюда из каких-то других мест. Раньше эта планета изобиловала водой. Форель размножилась до таких пределов, что экосистема Дюны не смогла с ней справиться. Песчаная форель забила собой источники воды и превратила планету в Пустыню... Они сделали это, чтобы выжить. Только в сухом месте форель может превратиться в песчаного червя.

— Песчаная форель?

Ганима покачала головой. Она не сомневалась в словах брата, но ей очень не хотелось спускаться в те глубины сознания, где Лето почерпнул эту информацию. *Песчаная форель?* — подумала она. Ганима вспомнила, как в своей нынешней плоти и в других она, будучи ребенком, играла с песчаной форелью, заманивая ее в ловушки, а потом убивая водой. Было очень трудно представить себе, что такие мелкие твари могли быть причиной столь грандиозных планетарных событий.

Лето кивнул своим мыслям. Фримены всегда разводили хищных рыб в водоемах. Песчаные форели всегда препятствовали накоплению воды у поверхности почвы планеты; поэтому рыбы и плавали в канале, который протекал под ногами. Тела песчаных червей могли выдерживать небольшие количества воды, она, как и в клетках человеческой плоти, составляла небольшую часть их тел, но если воды становилось много, то в обмене веществ песчаных червей происходили взрывоподобные изменения и в их организмах начинала накапливаться меланжа, который фримены в мельчайших дозах использовали для своих оргий. Меланжа вызывала у людей вспышки сверхъестественного прозрения. Чистый концентрат меланжи перенес Пауль Муад'Диба сквозь стены Времени, но не было в мире человека, который осмелился бы повторить его опыт.

Ганима физически ощутила дрожь, которая охватила брата.

— О чем ты думал? — спросила она.

Но Лето не мог остановиться — поток откровений продолжал литься.

— Чем меньше становится песчаной форели, тем экологическая трансформация планеты...

— Конечно, они сопротивляются, — заговорила сестра; Ганима начала понимать страх Лето, против воли проникаясь его возбуждением.

— Исчезнут песчаные форели, исчезнут и черви, — сказал он. — Надо предупредить племена.

— Не будет больше зелья, — предположила Ганима.

Все эти простые слова означали высочайшую степень общей опасности, которую брат и сестра видели во вмешательстве человека в древний миропорядок Дюны.

— Алия прекрасно это знает, — сказал Лето, — поэтому и злорадствует.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

Теперь сестра точно знала, что так беспокоит брата; от этого знания по спине ее пробежал холодок.

— Племена не поверят нам, если Алия станет все отрицать, — произнес Лето.

Это утверждение касалось главной проблемы бытия близнецов: какой фримен поверит в мудрость девятилетних детей? Алия же, все больше и больше проникая в тайну чужих душ, будет играть на этом.

— Нам надо убедить Стилгара, — сказала Ганима.

Не сговариваясь, брат и сестра повернули головы и вгляделись в залитую лунным светом Пустыню. Теперь они смотрели на нее совершенно другими глазами, осененные внезапно снизошедшим знанием. Никогда раньше тонкое взаимодействие природы и пытающегося изменить ее человека не было для них столь очевидным. Лето и Ганима почувствовали себя интегральной частью динамической, поразительно точно уравновешенной системы. Новый взгляд произвел переворот в их сознании. Как говорил Лиет-Кинес, Вселенная — это место, где популяции животных ведут между собой постоянный, ни на миг не прерывающийся диалог. Гаплоидные форели говорили сейчас с близнецами, словно люди.

— Племена поймут угрозу воде, — сказал Лето.

— Но это касается не только воды. Это... — Ганима замолчала, поняв глубинный смысл слов брата. Вода была абсолютным символом мощи Арракиса. В своих корнях фримены оставались специализированным, если можно так выразиться, видом, выжившим в условиях жестокой Пус-

тыни, ведущими специалистами жизни в условиях постоянного стресса. Как только на планете стало много воды, произошел странный перенос символа, хотя люди продолжали понимать и чувствовать свой древний долг.

— Ты имеешь в виду угрозу мощи, — поправила она Лето.

— Конечно.

— Но поверят ли они нам?

— Если они увидят, что происходит, если почувствуют нарушение равновесия...

— Равновесие, — произнесла Ганима и тут же повторила мысль, которую неоднократно высказывал их отец: — Равновесие — это то, что отличает людей от черни.

Ее слова пробудили в нем память об отце.

— Экономика против красоты — это старо, как Шеба, — Лето вздохнул и, подняв голову, посмотрел на Ганиму. — Я начал видеть сны предзнания, Гани.

Она судорожно втянула в себя воздух.

Лето между тем продолжал говорить.

— Когда Стилгар сказал, что бабушка задержится, то я уже знал это наперед. Но теперь я могу сказать, что и другие сны подозрительны мне.

— Лето, — тихо сказала Ганима, покачав головой и опустив глаза. — К нашему отцу это пришло позже. Не думаешь ли ты, что...

— Мне снилось, что я заперт в тесном шкафу, потом был сон о том, как я бегу по дюнам, — заговорил он. — Потом я был в Якуруту.

— Яку... — Ганима запнулась и откашлялась. — Это старый миф!

— Это место существует, Гани! Я должен найти человека, которого называют Проповедником и о многом его спросить.

— Ты думаешь, что это... наш отец?

— Спроси об этом у самой себя.

— Это очень похоже на него, — согласилась Ганима, — но...

— Мне не нравится многое из того, что мне предстоит сделать, но сегодня я впервые по-настоящему понял отца.

Девочка поняла, что сейчас ей нет места в его мыслях.

— Может быть, Проповедник — просто старый мистик.

— Я молю Бога, чтобы так оно и оказалось, — прошептал Лето. — О, как я надеюсь на это!

Он подался вперед и встал. Балисет загудел от этого движения.

— Пусть он окажется всего лишь Гавриилом без рога, — Лето молча вперил взор в освещенный призрачным лунным светом Пустынный ландшафт.

Ганима посмотрела в ту же сторону. На краю рощи у ворот сиетча светились гнилушки, окаймляя чистый силуэт дюн. В Пустыне кипела жизнь, которая никогда не затухала, даже тогда, когда Пустыня казалась спящей. Ганима чувствовала, что ее слушают какие-то неведомые твари. Откровения Лето преобразили ночь в глазах Ганимы. Это был момент прозрения, момент отыскания устоявшегося порядка в непрестанных изменениях, мгновение, в которое каждый человек чувствует свое земное прошлое — прошлое, которое неистребимо в памяти рода людского.

— Но почему Якуруту? — спросила она, и обыденность ее тона поколебала волшебное настроение.

— Почему?.. Не знаю. Когда Стилгар рассказал мне, как они убивали людей, а потом объявили то место запретным, наложив на него табу, я думал так же, как ты. Но теперь оттуда исходит опасность... но там живет и Проповедник.

Ганима не откликнулась, не стала просить, чтобы Лето рассказал ей что-то еще, понимая, как много это сказало брату об охватившем ее ужасе. Этот путь ведет к Мерзости, и оба — брат и сестра — понимали меру опасности. Страшное слово повисло между ними, когда Лето встал и они направились к входу в сиетч. *Мерзость.*

Вселенная принадлежит одному Богу. Они — одно; их целостность — мерило всех отчуждений и разделений. Преходящая жизнь, даже исполненная самосознания и разума, та жизнь, которую называют научной, есть не что иное, как только хрупкая вера в отдельную частицу целого.

(Комментарии КЭП, Комиссии Экуменических Преобразований)

Халлек пользовался едва заметными движениями рук для передачи важных сообщений, вслух говоря при этом о совершенно посторонних вещах. Ему сразу не понравилось маленькое помещение, которое священники выбрали для

проведения церемонии. Гурни понимал, что комната напичкана шпионской аппаратурой. Но пусть они попробуют расшифровать неуловимые сигналы. Атрейдесы пользовались этой тайной системой общения на протяжении многих веков, но человечество за это время не придумало ничего более мудрого.

Снаружи наступила ночь, но в помещении не было окон и оно круглые сутки освещалось шаровидными лампами, развешанными по углам на потолке.

«Многие из тех, кого мы взяли, — люди Алие», — жестами сообщил Джессике Халлек, вслух говоря о том, что расследование продолжается.

«Ты это предвидел», — ответила тайным кодом Джессика. Она кивнула и заговорила: — Я надеюсь, что вы представите мне полный отчет о расследовании, Гурни.

— Конечно, госпожа, — ответил Халлек. Его пальцы снова заработали: «Есть и еще кое-что, и это кое-что очень меня тревожит. Мы вводили допрашиваемым психотропные средства, и многие из них говорили о Якуруту. Стоило им произнести это название, как они тотчас умирали».

«Запрограммированная остановка сердца?» — знаками спросила Джессика и продолжила вслух: — Вы отпустили кого-нибудь из задержанных?

— Да, несколько очевидных олухов, — ответил Гурни, однако его пальцы говорили другое: «Мы подозреваем, что это сердечная компульсия, но полной уверенности пока нет, вскрытие еще не закончено. Я решил, что вы должны знать обо всем, поэтому и явился так скоро».

«Мы с герцогом всегда думали, что Якуруту — это только красивая легенда, вероятно, основанная на каких-то реальных фактах», — пальцы Джессики работали автоматически; она сумела подавить боль, вызванную упоминанием давно умершего возлюбленного.

— Вам угодно что-нибудь приказать, госпожа? — вслух осведомился Халлек.

Вслух Джессика ответила, что Гурни может вернуться на взлетную площадку и заканчивать дела, а потом вернуться с подробным докладом о результатах, однако руки ее передали другое сообщение:

«Возобнови связи со знакомыми контрабандистами. Если Якуруту существует, то эти люди добывают себе про-

питание продажей зелья. Нет более надежного рынка для него, чем контрабандисты».

Халлек склонил голову и ответил кодом:

«Я уже занялся этим вопросом, госпожа. — Инстинкт охранника и телохранителя возобладал, и Гурни закончил на привычной ноте. — Будьте осторожны здесь. Алия — ваш враг, а большинство священников на ее стороне».

«Но не Джавид, — ответили пальцы Джессики. — Он ненавидит Атрейдесов. Сомневаюсь, что кто-то может это обнаружить, кроме адепта, но я отчетливо это вижу. Он плетет заговор против Алие, но она об этом не подозревает».

— Я выделил для вас дополнительную охрану, — вслух произнес Гурни, стараясь не замечать огонек недовольства, вспыхнувший в глазах Джессики. — Я уверен, что некоторая опасность все же существует. Вы проведете ночь здесь?

— Нет, позже мы отправимся в сиетч Табр, — ответила она и подумала, не стоит ли отказаться от дополнительной охраны, но промолчала. Инстинктам Гурни стоит доверять. На собственном опыте в этом убедился не один властитель из рода Атрейдесов, как к своему удовольствию, так и на собственной шкуре. — У меня будет еще одна встреча — с Мастером Новициации, а потом я с радостью покину это место.

И увидел я другого зверя, восставшего из песка, и были у него два рога, похожих на агнчие, но в пасти сверкали клыки и изрыгал зверь пламя, как дракон, и светился зверь огнем и жаром и шипел по-змеиному.

(Библия Вильгельма Оранского)

Он называл себя *Проповедником*, и среди жителей Арракиса распространился сверхъестественный страх, что это вернулся из Пустыни считавшийся умершим Муад'Диб. Он мог остаться в живых, ибо кто из смертных видел воочию его мертвое тело? Да и кто вообще видел тела людей, которых взяла Пустыня? Но все-таки — неужели это — Муад'Диб? Однако до сих пор не нашлось ни одного старца, который выступил бы вперед и сказал: «Да, это Муад'-Диб. Я видел и узнал его».

Но все же... как и Муад'Диб, Проповедник был слеп. Его пустые черные глазницы были обезображены шрамами

от ожогов, причиненных огнеметом для выжигания камней. Его голос был грубоватым и надтреснутым, одно звучание его трогало неведомые струны в глубине души любого человека и взывало к истине. Многие заметили это. Проповедник этот был страшно тощ, лицо его было изборождено морщинами, а волосы белы от седины. Но такое бывало со всеми, кто подолгу жил в Пустыне. Пусть каждый сын Пустыни посмотрит на себя — ему не нужны будут другие доказательства. Но был и еще один предмет спора. У Проповедника был провожатый — молодой парень, фримен, который утверждал, что работает у слепца за плату. Никто не знал, из какого он сиетча. Некоторые спорили, что Муад'Диб, способный прозревать будущее, не нуждался в поводыре, который мог понадобиться ему только в минуты отчаяния и тоски. Им возражали, что, видимо, это время наступило, и теперь великому Муад'-Дибу нужен поводырь, и это знали все.

Однажды зимним утром Проповедник появился на улицах Арракина, загорелая, переплетенная темными венами рука его лежала на плече молодого поводыря. Этот поводырь, который называл себя Ассан-Тариком, вел своего подопечного по кремнистой пыли с живостью и ловкостью истинного жителя Пустыни, который мгновенно замечает любое препятствие.

Люди заметили, что Проповедник носит поверх Пустынного костюма обычную бурку. Такие бурки делали в отдаленных сиетчах Пустыни по старинному образцу. Одет Проповедник был отнюдь не в рубища, которые столь часто носят в наши дни бродячие фанатики. Носовой раструб, через который под одежду подавался увлажненный выдох, был заплетен в косу невиданного черно-красного цвета. Маска костюма, закрывавшая нижнюю половину лица, была заткана зеленым полотном с отметинами песчаных бурь Пустыни. Всем своим обликом Проповедник производил впечатление пришельца из прошлого Дюны.

В то утро, когда улицы были заполнены толпами, многие заметили слепца. Трудно было не обратить внимание на это шествие — слепой фримен был необычайной редкостью. Закон фрименов отдавал слепых во власть Шаи-Хулуда. Буква этого Закона, хотя его уже не столь ревностно почитали в мягкие новые времена, когда на планете на-

ступило изобилие воды, осталась тем не менее неизменной. Слепец должен стать даром Шаи-Хулуду. Незрячих выводили в Пустыню, где их пожирали большие черви. Когда это бывало сделано — а предания о таких событиях существовали во всех городах, — то слепых пожирали самые большие черви: их называли Старцами Пустыни. Таким образом, слепой на улице возбуждал немалое любопытство, и свидетели останавливались, чтобы поглазеть на странную пару, шествующую по улице.

Парню-поводырю было на вид около четырнадцати стандартных лет, на нем был модифицированный защитный костюм; лицо оставалось открытым для иссушающего ветра Пустыни. У поводыря были тонкие черты лица, голубые глаза, затуманенные зельем, небольшой вздернутый нос и наивные глаза, выражавшие полную невинность, которая в юности служит отличной маской цинизма. В противоположность поводырю слепой шел вперед широкими шагами человека, который за долгие годы жизни привык либо ходить пешком, либо ездить на приученных червях. Голова его была высоко поднята, а шея была почти неподвижна — весьма характерная для слепых осанка. Шея его сгибалась, только когда Проповедник поворачивал голову в сторону интересующего его звука.

Рассекая толпу, странная пара проследовала к огромным ступеням, ведущим к громадному сооружению — Храму Алие, достойному сопернику Убежища Пауля. Поднявшись по ступеням, Проповедник и его юный поводырь остановились на третьей площадке, где паломники, совершавшие хадж, ожидали утреннего открытия гигантских ворот. Проема этих ворот с лихвой хватило бы на постройку в нем самого величественного из храмов древних религий. Говорили, что, пройдя через эти ворота, душа паломника уменьшалась до размеров пылинки, способной пройти на небо сквозь игольное ушко.

На краю третьей площадки Проповедник оглянулся, словно мог своими пустыми глазницами видеть праздную толпу обитателей города. Некоторые из них были одеты в искусную имитацию защитных костюмов, хотя были сшиты из декоративной ткани. Проповедник *видел* паломников, только что сошедших с космического корабля, а те-

перь ожидавших своей очереди припасть к святыне, чтобы обеспечить себе место в раю.

На площадке было весьма шумно: здесь толпились последователи Духовного Культа Махди с живыми ястребами, приученными издавать «зов к небу». Между паломниками сновали продавцы еды, громко предлагавшие свой товар. Продавалась здесь и всякая всячина — торговцы изо всех сил старались перекричать друг друга. Один торговец предлагал одежды, к которым прикасался сам Муад'Диб. Другой продавал флаконы с водой из сиетча Табр, где жил Муад'Диб. В разноголосом гомоне толпы диалекты галактического языка смешивались с гортанными звуками языков внешнего кольца, покоренного Империей. Выделялись яркие одежды гимнастов и плясунов с планет тлейлаксу, показывавших свое искусство. Встречались худые и изможденные, полные и одутловатые лица. Слышалось шарканье тысяч подошв о рубчатые плиты площадки. Периодически гомон покрывал пронзительный крик исступления: «Муа-а-ад'Диб! Муа-а-ад'Диб! Приими восхождение моей души! О ты, присный Богу, приими мою душу! Муа-а-ад'Диб!»

Два бродячих актера в толпе за несколько монет разыгрывали сценку из популярного «Диспута между Правоверным и Леандграхом».

Склонив голову, Проповедник внимательно слушал шутовскую перепалку.

Актеры, городские жители средних лет, усталыми голосами обменивались репликами. По требованию Проповедника поводырь описал их внешность. Артисты выглядели нелепо и неуклюже в своих мешковатых одеждах, даже отдаленно не напоминающих строгие защитные костюмы Пустыни, но даже эти просторные лохмотья не могли скрыть их нездоровых, отечных тел. Ассан Тарик нашел это забавным, однако Проповедник строго упрекнул его за это.

Один из актеров, игравший роль Леандграха, заканчивал свою реплику:

— Ба! Ухватить Вселенную может лишь чувствующая рука. Именно эта рука приводит в движение твой драгоценный мозг и все, что он производит. Ты увидишь, что ты сотворил, ты сам *станешь* чувствующим только после того, как рука сделает свое дело.

Публика зааплодировала.

Проповедник втянул ноздрями воздух, и нос его ощутил богатейшую палитру запахов: дешевая синтетика плохо скроенных костюмов, разнообразные духи и дезодоранты, кремниевая пыль Пустыни, дух незнакомой экзотической пищи и аромат курений, которые возожгли тем временем в Храме Алие. Эти курения по строго рассчитанной траектории растекались по площадкам гигантской лестницы. Мысли Проповедника, словно в зеркале, отразились на его лице. *Мы дошли до этого, мы, фримены!*

По толпе на лестнице и площадках прошло какое-то движение. У подножия лестницы появились Песочные Танцоры. Две трети из них были связаны друг с другом толстыми веревками. Они танцевали свой танец уже много дней, дойдя до последней ступени экстаза. Они неистово дергались и извивались в такт таинственной музыке, на их губах пузырилась пена. Треть же, бегая взад и вперед, увлекала за собой остальных веревками, словно кукол в театре марионеток. Одна из этих кукол внезапно пришла в себя и остановилась. Вся толпа в нетерпении замерла — все знали, что сейчас произойдет.

— Я *ви-и-идел*! — громко вскричал пришедший в себя Танцор. — Я ви-и-идел!

Дико вращая глазами, человек пытался удержаться на месте, изо всех сил сопротивляясь натяжению веревок.

— Там, где простирается этот город, будут пески!

Ответом был громкий хохот зрителей. Смеялись даже новые паломники, только жаждущие обращения и просветления.

Это было слишком для Проповедника. Он поднял вверх руки и крикнул голосом, которому позавидовал бы погонщик песчаных червей:

— Тише!

Площадь послушно замерла при этом громовом кличе.

Проповедник простер худую руку по направлению к Танцорам. Толпу охватило жуткое чувство того, что слепец отчетливо их видит.

— Вы что, не слышали этого человека? Вы все богохульники и идолопоклонники! Все! Религия Муад'Диба — это не сам Муад'Диб. Он отвергает идолопоклонство и отвергает вас! Вы будете погребены песком.

Сказав это, он опустил руки, положил ладонь на плечо поводыря и сказал:

— Уведи меня из этого места.

Неизвестно, что именно подействовало на толпу: слова ли проповедника: «Он отвергает идолопоклонство и отвергает вас!», или нечеловеческая, сверхъестественная интонация, которой могли научить только Бене Гессерит. То был голос, который источал едва заметные, но от того не менее мощные флюиды. Возможно, сыграл роль мистический ореол храма, где жил, дышал и ходил Муад'Диб, но из притихшей толпы раздался трепетный голос, полный религиозного благоговения:

— Неужели это сам Муад'Диб вернулся к нам?

Проповедник остановился, открыл сумку, висевшую под буркой, и извлек оттуда то, что немедленно узнали стоявшие поблизости от него. Это была высушенная в знойных песках человеческая рука. Такие напоминания о бренности человека частенько находили в Пустыне, и люди считали, что это сообщения Шаи-Хулуда. Эта рука была иссушена и сжата в кулак, с противоположной стороны виднелась выбеленная солнцем и зноем кость, изборожденная песчаными бурями.

— Я принес Руку Бога, и это все, что я принес! — громовым голосом воскликнул Проповедник. — Я говорю от имени длани Божьей. Я — Проповедник.

Некоторые подумали, что это была рука Муад'Диба, но другие были как громом поражены ужасным повелевающим голосом — вот так Арракис узнал имя этого человека, которое он пожелал сказать. Но то был не последний раз, когда народ слышал этот голос.

Есть такое общепринятое мнение, дорогой мой Георад, что в употреблении меланжи есть естественная добродетель. Возможно, что это истина. Однако в глубине души меня обуревают глубокие сомнения в том, что каждое употребление меланжи приобщает человека к добродетели. Кажется мне, что некоторые люди из неверных побуждений и превратного понимания пользуют меланжу, бросая вызов Богу. Говоря словами Экуменона, такие люди уродуют свою душу. Они снимают сливки с меланжи, думая, что таким образом приобщаются благодати. Они отвращаются от своих сото-

варищей, вредят божественному и злонамеренно искажают значение этого обильного дара, нанося себе урон, который человек не в силах возместить. Чтобы стать заодно с естественной добродетелью меланжи, быть во всех отношениях безупречным и исполниться чести, нельзя допускать расхождения между словом и делом. Если же действия твои приводят к дурным последствиям, то судить тебя надо за последствия, а не за объяснение причин, их вызвавших. И именно за это следует осудить Муад'Диба.

(Педантическая ересь)

Небольшая комната была пропитана запахом озона. Размеры помещения скрадывались еще больше тусклым светом лампы и голубовато-серым светящимся экраном следящего монитора. На экране шириной в один метр и высотой в шестьдесят сантиметров во всех подробностях была видна бесплодная, окруженная горами долина. На первом плане виднелись два лазанских тигра, доедавших окровавленные останки. Позади зверей, на склоне холма стоял стройный человек в форме Сардаукарской гвардии с надписью «Левенбрех» на воротнике. На груди сардаукара висела сервомеханическая панель управления.

Напротив экрана стояло анатомическое кресло, в котором сидела светловолосая женщина неопределенного возраста, одетая в просторное, скрывающее фигуру, отороченное золотой каймой платье. Лицо женщины сужалось к подбородку, красивые руки судорожно сжимали ручки кресла. Женщина не отрываясь смотрела на экран монитора. Рядом с креслом стоял плотный мужчина в бронзово-золотистой форме сардаукарского адъютанта башара старой Империи. Седеющие волосы коротко подстрижены, лицо — бесстрастно.

Женщина коротко кашлянула.

— Все, как вы говорили, Тиеканик, — сказала она.

— Вы могли сразу на меня положиться, принцесса, — хриплым низким голосом отозвался адъютант.

Она улыбнулась, почувствовав напряжение в его интонациях, и спросила:

— Скажите, Тиеканик, моему сыну пойдет имя императора Фарад'на Первого?

— Этот титул очень подойдет ему, принцесса.

— Я спрашиваю не об этом.

— Возможно, ему не очень понравится способ, которым будет добыт его... э-э-э... титул.

— Знаете... — принцесса повернула голову и сквозь полумрак комнаты вгляделась в лицо офицера. — Вы преданно служили моему отцу, и не ваша вина в том, что трон достался Атрейдесам. Но я понимаю, что острота этой потери так же много значит для вас, как и...

— Принцессе Венсиции угодно дать мне особое задание? — спросил Тиеканик. Голос остался хриплым, но теперь в нем появилась военная четкость.

— У вас есть плохая привычка перебивать меня.

Мужчина улыбнулся, обнажив ряд безукоризненных зубов, сверкнувших в свете экрана.

— Временами вы напоминаете мне вашего отца, — произнес он. — Всегда длинная преамбула, прежде чем дать щекотливое... э-э-э... поручение.

Принцесса резко отвернулась, чтобы скрыть гнев; спросила:

— Вы действительно думаете, что эти лазанские звери вернут моему сыну трон?

— Это очень возможно, принцесса. Вы должны признать, что для этих двух кошек двое атрейдесовских бастардов не более чем лакомое блюдо. А уж когда близнецы исчезнут... — Он пожал плечами.

— Естественным наследником автоматически становится внук Шаддама Четвертого, — заговорила принцесса. — Правда, это произойдет, если мы сумеем отвести возражения фременов, Совета Земель и тех из Атрейдесов, которые, возможно, останутся...

— Джавид уверяет меня, что он и его люди легко справятся с Алией. Госпожу Джессику я не считаю наследницей Атрейдесов. Кто там еще?

— Совет Земель и Галактический Совет поддержат того, кто больше заплатит, — произнесла женщина, — но как быть с фременами?

— Мы опутаем их религией Муад'Диба!

— Это легче сказать, чем сделать, Тиеканик.

— Ясно, — проговорил мужчина, — мы опять возвращаемся к нашему старому спору.

— Дом Коррино творил и не такие злодеяния, чтобы захватить власть.

— Но чтобы такое... Это же религия Махди!

— Мой сын относится к вам с большим уважением, — сказала принцесса после недолгого молчания.

— Принцесса, я жду не дождусь того дня, когда Дом Коррино вернет себе по праву принадлежащий ему трон. Так же думают все сардаукары, оставшиеся здесь, на Салусе. Но если вы...

— Тиеканик! Эта планета называется Салуса Секундус. Не впадайте в небрежность, свойственную нынешней Империи, не скатывайтесь в дурной тон. Полные названия, полные титулы, внимание к мельчайшим деталям! Именно эта атрибутика выпустит в песок Арракиса кровь Атрейдесов. Каждая деталь, Тиеканик!

Он понимал, чего хочет принцесса достичь этой атакой. Это было частью арсенала уловок, усвоенного принцессой у ее сестры Ирулан. Однако Тиеканик тотчас почувствовал, что почва уходит из-под его ног.

— Вы слышите меня, Тиеканик?

— Я внимательно слушаю вас, принцесса.

— Я желаю, чтобы вы взяли под контроль религию Муад'Диба, — сказала она.

— Принцесса, за вас я пойду в огонь и в воду, но это...

— Это приказ, Тиеканик!

Он судорожно проглотил слюну и начал внимательно смотреть на экран. Тигры закончили свою кровавую трапезу и, лениво развалившись на песке, вылизывали передние лапы.

— Это приказ, Тиеканик, вы меня поняли?

— Слушаю и повинуюсь, принцесса, — тон Тиеканика не изменился ни на йоту.

Она тяжко вздохнула.

— О, если бы был жив мой отец...

— Да, принцесса.

— Не дразни меня, Тиеканик. Я понимаю, что для тебя это не слишком хорошо пахнет, но если бы ты подал пример...

— Он может не последовать за мной, принцесса.

— Он последует, — принцесса помолчала и ткнула пальцем в экран. — Этот Левенбрех может стать помехой и создать проблемы.

— Проблемы? Каким образом?

— Сколько людей знает о тиграх?

— Сам Левенбрех — он их тренер... пилот транспорта, вы и, конечно... — Тиеканик ударил себя в грудь.

— А покупатели?

— Они ничего не знают. Чего вы опасаетесь, принцесса?

— Мой сын очень догадлив.

— Сардаукары не выдают тайн, — сказал Тиеканик.

— Мертвые тоже, — принцесса нажала красную кнопку под экраном.

Лазанские тигры лениво поднялись, посмотрели на Левенбреха и огромными прыжками понеслись к вершине холма.

Левенбрех, сохраняя поначалу полное спокойствие, повернул ключ, однако кошки продолжали свой бег. Потеряв самообладание, Левенбрех, лихорадочно продолжал поворачивать ключ. Поняв бесплодность этих попыток, он потянулся к ножу на поясе, но было поздно. Мощная лапа ударила его в грудь и повалила на землю, человек не успел коснуться ее, когда второй тигр вонзил свои клыки в шею Левенбреха. Тело его дернулось и застыло.

— Внимание к деталям, — многозначительно произнесла принцесса. Повернувшись к Тиеканику, она похолодела и напряглась — адъютант башара достал нож. Однако тревога женщины была напрасной — мужчина взял оружие за лезвие и протянул его принцессе.

— Может быть, вы воспользуетесь моим ножом, чтобы проявить внимание и к другим деталям, — сказал он.

— Вложите оружие в ножны и не будьте дураком! — принцесса пришла в ярость. — Иногда, Тиеканик, вы пытаетесь...

— Это был хороший человек, принцесса. Один из моих лучших.

— Из *моих* лучших, — поправила она его.

Не в силах унять дрожь, Тиеканик вздохнул и спрятал нож.

— Что будет с пилотом? — поинтересовался он.

— Погибнет в катастрофе, — ответила принцесса. — Вы посоветуете ему принять все меры предосторожности при доставке зверей обратно к нам, и когда вы прибудете на место... — женщина выразительно посмотрела на нож.

— Это приказ, принцесса?

— Да.

— После этого я должен буду упасть на нож, не так ли, принцесса, или вы сами позаботитесь о деталях?

Принцесса заговорила с деланным спокойствием, но в голосе ее таилась угроза.

— Тиеканик, если бы я не была уверена, что вы по первому моему приказу броситесь на нож, то вы не стояли бы рядом со мной — с оружием.

Он поперхнулся и посмотрел на экран. Кошки снова ели.

Принцесса же не отрываясь смотрела на Тиеканика. Помолчав, она заговорила.

— Кроме того, вы сообщите покупателям, чтобы они больше не доставляли нам детей, похожих на интересующих нас.

— Как прикажете, принцесса.

— Не говорите со мной таким тоном, Тиеканик.

— Слушаюсь, принцесса.

Губы женщины вытянулись в узкую полоску.

— Сколько у нас осталось костюмов?

— Шесть наборов вместе с защитными костюмами и обувью, на всех вещах геральдические знаки Атрейдесов.

— Хорош ли материал?

— Материал годится для царского наряда, принцесса.

— Внимание к деталям, — сказала она. — Одежду надо послать на Арракис в дар нашим царственным кузенам. Это будут дары моего сына, вы поняли меня, Тиеканик?

— Я все понял, принцесса.

— Пусть он составит приличествующее случаю письмо. Надо написать, что эти скромные одежды в знак своей преданности Дому Атрейдес или что-нибудь в этом роде.

— А случай?

— Пусть это будет день рождения или праздник, или еще что-нибудь. Это я предоставляю вам, Тиеканик. Я полностью доверяю вам, мой друг.

Он молча смотрел на принцессу.

Лицо его стало жестким.

— Вы точно хотите это знать? Но на кого я еще могу положиться, кроме вас, после смерти моего мужа?

Тиеканик пожал плечами, думая о том, что принцесса пытается опутать его своей сетью. Ни в коем случае нельзя сближаться с ней, как это, по-видимому, сделал Левенбрех.

— Да, Тиеканик, еще одна деталь.

— Слушаю вас, принцесса.

— Моему сыну пора учиться править. Скоро придет время, когда ему надо будет взять в руки меч. Вы знаете, когда настанет этот момент, и, как только он наступит, немедленно известите меня.

— Повинуюсь, принцесса.

Женщина откинулась на спинку кресла и испытующе посмотрела на Тиеканика.

— Я вижу, что вы не одобряете мои действия, но для меня это не важно до тех пор, пока вы будете помнить урок Левенбреха.

— Он был чудесным дрессировщиком, но вполне заменимым человеком, принцесса.

— Это совсем не то, что я хотела сказать!

— Нет? Но тогда... я не понимаю.

— Армия, — изрекла принцесса, — состоит из сменных частей. Вот в чем заключается урок Левенбреха.

— Взаимозаменяемых частей, — проговорил Тиеканик, — включая высшее командование.

— Без высшего командования нет смысла содержать армию, Тиеканик. Поэтому займитесь религией Махди и обращением моего сына.

— Я не стану медлить, принцесса. Полагаю, что вы не хотите, чтобы я пожертвовал военными искусствами ради этой... э-э-э... религии?

Принцесса резко встала и, обойдя Тиеканика, словно неодушевленный предмет, направилась к двери.

— Вы слишком часто начинаете испытывать мое терпение, Тиеканик. — С этими словами она вышла.

Перед нами стоит дилемма: либо мы оставляем почитающуюся непогрешимой теорию относительности, либо расстаемся с верой в нашу способность точно и воспроизводимо предсказывать будущее. В самом деле, проблема знания будущего порождает массу вопросов, ответить на которые, принимая общепринятые допущения, невозможно, если только исследователь, во-первых, не поставит наблюдателя вне времени и, во-вторых, не сведет к нулю всякое движение. Если вы принимаете теорию относительности, то должны признать, что в ее рамках время и наблюдатель находятся в строго определенном взаимодействии; в противном случае в расчеты вкрадываются неточности. Может, таким обра-

зом, показаться, что точное предсказание будущего невозможно в принципе. Но как тогда объяснить то, что люди находят за пределами видимых целей уважаемых ученых? Как в таком случае можем мы объяснить феномен Муад'Диба?

(Лекции о предзнании, Харка аль-Ада)

— Мне надо кое-что сказать тебе, хотя я понимаю, что мои слова напомнят о многих опытах нашего совместного прошлого, а это может принести тебе определенный вред.

Джессика помолчала и посмотрела на Ганиму, стараясь понять, какое впечатление произвело на девочку ее предупреждение.

Они сидели вдвоем на низких подушках в покоях сиетча Табр. Потребовалось немалое искусство, чтобы устроить эту встречу наедине, и Джессика не была уверена, что это искусство потребовалось от нее одной. Ганима проявляла недюжинную способность к предчувствию и обостренному пониманию.

Прошло почти два часа после восхода солнца, время приветствий и восторгов осталось позади. Джессика успокоила неистовое биение сердца и постаралась сосредоточить внимание на грубых стенах покоев, украшенных темными занавесями и желтыми подушками. Напряжение тем не менее росло, и впервые за многие годы Джессика вспомнила Литанию против страха, усвоенную в Бене Гессерит.

«Я не должна бояться. Страх убивает ум. Страх — это маленькая смерть, которая несет с собой полное оцепенение. Я смело встречу свой страх. Пусть он охватит меня и пройдет через меня. И только когда он пройдет, я обращу свой внутренний взор на его путь. Там, где прошел страх, не остается ничего. Остаюсь только Я».

Мысленно повторив литанию, Джессика, успокоившись, глубоко вздохнула.

— Иногда это помогает, — сказала вдруг Ганима. — Я имею в виду литанию.

Джессика прикрыла глаза, чтобы скрыть то потрясение, которое вызвала у нее поразительная способность девочки к инсайту. Уже много лет не приходилось Джессике встречать людей, которые могли бы читать ее сокровенные мыс-

ли. Такое понимание и проникновение смущали еще больше, поскольку таились за маской детского личика.

Встретив свой страх, Джессика открыла глаза. Теперь она поняла источник этого страха: *Я боюсь за своих внуков.* У детей не было ни одной стигмы Мерзости, которая столь явно проступала в облике Алие, однако Лето проявлял пугающую скрытность. Именно поэтому его Джессика под благовидным предлогом исключила из этой встречи.

Повинуясь внезапному импульсу, Джессика отбросила эмоциональную маску, защитный барьер, понимая при этом, что от него в данном случае мало пользы. Она не делала этого с тех времен, когда общалась со своим возлюбленным герцогом, и испытала одновременно облегчение и боль. Оставались факты, которые невозможно устранить ни молитвой, ни литанией. От упрямых фактов не спасешься позорным бегством. Их нельзя игнорировать. Стихия видения Пауля видоизменилась и коснулась его детей. В пустоте Ничто есть магнетическое притяжение; над головами детей сгущались тучи зла и досадного неумения пользоваться властью.

Ганима, наблюдая за игрой чувств на лице бабушки, поняла, что Джессика отбросила всякую осторожность.

Синхронно, как автоматы, внучка и бабушка взглянули в глаза друг другу, и между ними начался обмен мыслями, разговор без слов, но исполненный глубокого смысла.

Джессика: *Я хочу, чтобы ты видела мой страх.*

Ганима: *Теперь я вижу, что ты любишь меня.*

Это был момент наивысшего взаимного доверия.

Джессика заговорила вслух:

— Когда твой отец был еще ребенком, я привезла на Каладан Преподобную Мать, чтобы испытать его.

Ганима кивнула. Память об этом была жива в сознании девочки.

— Мы, Бене Гессерит, принимали все меры предосторожности, чтобы быть уверенными в том, что дети, которых мы воспитываем, — люди, а не животные. По внешним же признакам не всегда можно об этом судить.

— Так вас учили, — сказала Ганима, и память захлестнула ее: старая Бене Гессерит, Гайя-Елена Мохийам, прибывшая в Замок Каладана с гом джаббаром и ящиком жгучей боли. Рука Пауля (а сейчас рука Ганимы) корчилась

от невыносимой боли, а стоявшая рядом старуха спокойным голосом говорила о неминуемой смерти при попытке выдернуть руку из ящика. И какое могло быть сомнение в неминуемой смерти, если к детской шее была приставлена смертоносная игла. Старческий голос между тем продолжал свое объяснение:

«Ты слышал о животных, которые перекусывают свои лапы, попав в капкан. Но так поступают именно животные. Человек должен остаться в ловушке, пережить боль, презирая смерть и отгоняя ее возможностью убить самого охотника, расставляющего капканы, и тем отвести угрозу от своего рода».

Ганима, вспоминая страшную боль, исступленно затрясла головой. Огонь! Огонь! Пауль видел, как кожа сворачивается и чернеет, плоть трескается и отделяется от обугленных костей. Но все это было видением — рука осталась невредимой. Однако при одном воспоминании об этом ужасе на лбу Ганимы выступил холодный пот.

— Конечно, ты можешь помнить об этом событии то, что не могу помнить я, — сказала Джессика.

В какой-то момент, увлеченная притяжением памяти, Ганима увидела бабушку в совершенно ином свете: насколько глубоко эта женщина была закалена ранними формами обучения у Бене Гессерит! Но это породило еще больше вопросов о причинах возвращения Джессики на Арракис.

— Было бы неразумно повторять такие испытание на тебе или твоем брате, — заговорила Джессика. — Вы же знаете суть этих испытаний. Но я должна признать, что вы — люди и не станете использовать во вред унаследованные вами силы и способность повелевать.

— Но совершенной уверенности у тебя нет, — возразила Ганима.

Джессика поняла, что барьеры снова водворились на место и убрала их, спросив:

— Ты хочешь поверить в мою любовь к вам?

— Да, — ответила Ганима и подняла руку, видя, что Джессика собирается говорить. — Но эта любовь не остановит тебя при необходимости уничтожить нас. Я даже знаю основание: «Лучше пусть человек-животное погибнет, нежели будет плодить себе подобных». Это особенно верно, если человек-животное носит имя Атрейдесов.

— Во всяком случае, ты — человек, — выпалила Джессика. — Я доверяю своим инстинктам в этом отношении.

Ганима почувствовала искренность в тоне бабушки.

— Но в Лето ты не уверена.

— Нет.

— Мерзость?

Джессика, потеряв дар речи, смогла только кивнуть в ответ.

— Пока еще нет, — заговорила Ганима. — Мы оба сознаем эту опасность, мы же видим Алию.

Джессика прикрыла ладонями глаза. *Даже любовь не может защитить нас от непрошеных фактов.* Она знала, что любит дочь вопреки жестокой судьбе и своей роли в ней. *Алия, о, Алия! Прости меня за то, что мне придется убить тебя!*

Ганима судорожно выдохнула.

Джессика опустила руки. *Я могу оплакивать свою возлюбленную дочь, но сейчас у меня другие задачи.*

— Так вы поняли, что произошло с Алией?

— Мы с Лето видели, как это случилось, и были бессильны помешать, хотя обсуждали многие возможности.

— Ты уверена, что твой брат чист?

— Да.

Невозможно было отринуть спокойную уверенность в голосе Ганимы, и Джессика поверила ей.

— Как вам удалось этого избежать?

Ганима рассказала, что они с Лето избегали меланжевого транса, и это отличало их от Алие. На этом была выстроена теория о том, как уйти от Мерзости. Рассказала Ганима и о снах Лето, и о его желании посетить Якуруту.

Выслушав внучку, Джессика кивнула головой.

— Алия принадлежит к Дому Атрейдес, и это создает немало проблем.

Ганима замолчала и вдруг до нее дошло, что бабушка оплакивает своего герцога так, словно он умер только вчера, что она будет хранить память о нем, несмотря на все угрозы и жизненные перипетии. Личная память о герцоге охватила Ганиму, острота потери смягчилась пониманием.

— Теперь, — голос Джессики стал резким и отчетливым, — поговорим о Проповеднике. Вчера я услышала некоторые тревожные подробности во время этого проклятого Просветления.

Ганима пожала плечами.

— Возможно, это...

— Пауль?

— Да, но мы не видели его и не можем утверждать это.

— Джавид смеется над этими россказнями, — сказала Джессика.

Ганима заколебалась, но потом спросила:

— Ты доверяешь этому Джавиду?

Губы Джессики тронула жестокая усмешка.

— Не больше чем ты.

— Лето говорит, что Джавид смеется не над теми вещами.

— Довольно о смехе Джавида, — произнесла Джессика. — Меня больше интересует, насколько серьезно вы относитесь к тому, что мой сын вернулся в таком обличье?

— Мы бы сказали, что это возможно. А Лето... — У Ганимы вдруг пересохло во рту, когда она вспомнила тот страх, который так недавно стискивал ее грудь, но она переступила через страх и рассказала Джессике о снах Лето, связанных с предзнанием.

Охваченная грустью и болью Джессика принялась раскачиваться на подушке из стороны в сторону.

— Лето сказал, что должен найти Проповедника и убедиться... — сказала Ганима.

— Да... Конечно. Мне не следовало уезжать отсюда, я проявила недопустимое малодушие.

— Зачем ты обвиняешь себя? Ведь ты дошла до предела. Я знаю это, и Лето тоже. Мне кажется, что об этом знает и Алия.

Джессика потерла рукой горло.

— Да, вся проблема заключается именно в ней.

— Это очень странно, но она притягивает Лето, словно магнит, — сказала Ганима. — Именно поэтому я помогла тебе встретиться со мной наедине, без него. Он согласен, что для Алие нет спасения, но хочет быть рядом с ней, чтобы изучить ее. И... это очень меня беспокоит. Когда я пытаюсь заговорить с ним об этом, он засыпает...

— Она соблазняет его?

— Нет-нет! — Ганима энергично тряхнула головой. — Но он чувствует какую-то странную эмпатию по отношению к Алие. И... во сне он часто произносит слово *Якуруту*.

— Опять! — Джессика сразу вспомнила слова Гурни о заговорщиках, собравшихся в космопорте.

— Иногда я боюсь, что это именно Алия побуждает Лето искать Якуруту, — продолжала Ганима. — Я сама склонна думать, что это всего лишь легенда. Но ты, конечно, ее знаешь.

Джессика содрогнулась.

— Ужасная история! Просто ужасная!

— Что мы должны делать? — спросила Ганима. — Я боюсь проникать в свою память, во все свои прошлые жизни...

— Я тоже хочу предостеречь тебя от этого, ты не должна рисковать...

— Это может случиться помимо моей воли и боязни риска. Откуда мы можем знать, что в действительности случилось с Алией?

— Нет! Ты можешь уберечься от этого *обладания*, — Джессика с трудом выдавила из себя это слово. — Значит... Якуруту, да? Я послала Гурни найти это место — если оно, конечно, существует.

— Но как он сможет... О, я же забыла о контрабандистах.

Джессика была поражена до немоты еще одним примером способности Ганимы проникать во внутренний мир других людей. *Боже мой! Как это странно,* подумала Джессика, *что эта юная плоть способна вместить в себя всю память Пауля, по меньшей мере до того момента, когда в его сперматозоиде произошло отделение от прошлых воспоминаний.* Это было вторжением в самую интимную часть личности, против которой восстало все примитивное и древнее, что было в душе Джессики. В тот же миг она погрузилась в абсолютное и непоколебимое суждение Бене Гессерит: *Мерзость!* Однако в этом нежном создании было столько сладости, готовности пожертвовать собой во имя брата, что Джессика не смогла удержаться от чувства умиления.

Мы — одна жизнь, протянутая в темное будущее, подумала женщина. *Мы — одна кровь.* Она преисполнилась решимости принять на себя ответственность за те события, которые последуют за их с Гурни решением. Лето надо разлучить с Ганимой и воспитывать в полном соответствии с требованиями Общины Сестер.

Я слышу, как завывает ветер, дующий в Пустыне, вижу, как восходят зимние луны, подобные кораблям, плывущим в пустоте. Им приношу я свою клятву: Я буду решителен и овладею искусством правления. Я овладею своей унаследованной памятью о прошлом и стану надежным ее хранилищем. Я прославлюсь более своей добротой, нежели знанием. Лицо мое будет светить во времени вечно, пока пребудет род людской.

(Клятва Лето, по Харку аль-Ада)

Будучи совсем юной, Алия Атрейдес посвятила много времени практике транса *прана-бинду*, стараясь защитить свою сокровенную личность от посягательств *всех прочих*. При этом она знала, что основная трудность заключается в невозможности избежать употребления меланжи в тесном пространстве сиетча. Меланжа была всюду: в пище, воде, воздухе и даже в ткани платка, куда она выплакала по ночам немало слез. Очень рано познала Алия смысл сиетчских оргий, во время которых участники пили мертвую воду червей. Во время оргий фримены освобождались от накопленного давления генетической памяти, после чего могли отрицать само ее существование. Алия видела, как ее подруги становились зомби во время таких оргий.

Для нее самой не существовало ни такого освобождения, ни отрицания. Сознание пришло к ней задолго до физического рождения. С этим осознанием явилось апокалиптическое знание условий своего существования: запертая в чреве матери, она с трагической неизбежностью входила в соприкосновение с масками всех своих предков и всех, кто так или иначе посмертно через мертвую росу передавал душу госпоже Джессике. Еще до рождения Алия знала все, что надлежит знать Преподобной Матери Бене Гессерит — плюс многое, многое другое обо *всех прочих*.

В этом знании содержалось признание чудовищной реальности — Мерзости. Тотальность этого знания высасывала из Алие все силы. Предрожденное не ушло после рождения. Она продолжала сражаться с призраками своих предков на протяжении всего детства, одержав в этой битве временную пиррову победу. У Алие была собственная личность, но не было иммунитета против случайного

вторжения тех, кто в своей рефлектированной жизни проходил сквозь ее душу.

Такой в один прекрасный день стану и я, думала Алия, и холодок бежал по ее спине. Идти и распадаться в течение жизни ребенка, ею же самой порожденного, постоянно вторгаясь и проникая в сознание, чтобы по крупице приобретать опыт.

Страх украл у нее детство. Страх продолжался и позже, в юности. Алия отважно сражалась с ним, не зовя никого на помощь. Да и кто смог бы понять, как помочь ей? Уж во всяком случае не мать, которая никогда не могла освободиться от железного диктата Бене Гессерит: предрождение равнозначно приобщению к Мерзости.

Потом наступила та роковая ночь, когда ее брат один ушел в Пустыню искать смерти, предавая себя Шаи-Хулуду, как требует того от слепых закон фременов. Через месяц Алия вышла замуж за оружейника Пауля Дункана Айдахо, чей дух был возрожден из мертвых искусством тлейлаксу. Мать вернулась на Каладан, Алия стала официальным опекуном близнецов Пауля.

Она стала регентшей.

Груз ответственности отодвинул страх на второй план, и она широко распахнула свою душу проходившим сквозь ее душу жизням, спрашивая их совета, погружаясь в транс зелья в поисках указующих видений.

Кризис наступил в ничем не примечательный день месяца Лааб, ясным утром в Убежище Муад'Диба, когда холодный ветер дул с полюса. Алия все еще носила желтый цвет, цвет траура и чистого, непорочного солнца. В последние недели она все больше и больше силилась отделаться от внутреннего голоса матери, которая настаивала на приготовлениях к празднику, центром которого должен был стать храм.

Самосознание Алие стало понемногу ослабевать... В конце концов оно превратилось в безликое требование, понудившее Алию заняться разработкой законодательства Атрейдесов. Внутренние жизни напирали все сильнее, и каждая из них требовала хотя бы момента в сознании. Алия почувствовала, что под ее ногами разверзается бездонная пропасть, из которой во множестве, словно тучи прожорливой саранчи, поднимались чужие лица. Чтобы не сойти

с ума, Алие пришлось сконцентрировать свое внимание на одном из этих лиц, похожем на звериную морду — то был барон Харконнен. В страшной ярости Алия издала бешеный крик, чтобы перекричать разноголосый гомон — это на время вернуло ей покой.

В то утро Алия, как обычно, решила прогуляться перед завтраком по саду на крыше Убежища. Чтобы и на этот раз выиграть внутреннюю битву, она сосредоточила все свое знание на напутствие Чоды Дзенсунни:

«Сойдя со ступени лестницы, можно упасть и вверх!»

Однако утренний свет, озарявший утесы Защитного Вала постоянно отвлекал ее внимание. Отвернувшись от Защитного Вала, Алия уперлась взглядом в траву, покрытую ночной росой. В каплях отражалась сама Алия, словно раздробившаяся на тысячу маленьких зеркал.

От этого множества у Алие закружилась голова. Ей представилось, что каждое отражение несет одно из лиц внутреннего множества.

Алия попыталась подумать о том, что означает роса на траве, как далеко зашла экологическая трансформация Арракиса. Произошло потепление климата этих северных широт; в атмосфере возросло содержание углекислого газа. Она напомнила себе, сколько гектаров земли будет в этом году засажено деревьями, а ведь каждый зеленый гектар требует для полива тридцать семь тысяч кубических футов воды.

Однако попытки сосредоточиться на мирских заботах были тщетны — перед внутренним взором, словно стая акул, продолжали кружиться эти проклятые другие.

Алия с силой прижала ладонь ко лбу.

На закате предыдущего дня храмовая стража привела к ней на суд заключенного, некого Эссаса Паймона, маленького темного человечка, который для отвода глаз торговал всякой мелочью и предметами религиозного культа в Небриосе. В действительности Паймон был агентом Межпланетного суда чести, в задачу шпиона входил сбор сведений о ежегодном урожае дурмана. Алия уже собиралась отправить его в темницу, но узник начал громко протестовать, крича о несправедливости Атрейдесов. Эта дерзость могла стоить ему смертного приговора через повешение, но Алия была поражена его отвагой. Она сурово заговорила с ним с высоты своего трона, стараясь

запугать узника и выведать больше, чем смогли узнать от арестованного дознаватели.

— Почему межгалактическому суду так важно знать, каков урожай зелья? — спросила Алия. — Скажи нам, и мы, может быть, пощадим тебя.

— Я собираю кое-что сам, — ответил Паймон, — ровно столько, сколько требует рынок. Я не знаю, что происходит дальше с моим урожаем.

— И из-за этих жалких грошей ты вмешиваешься в наши королевские планы? — вкрадчиво поинтересовалась Алия.

— Но королей никогда не интересует, что у нас тоже могут быть свои планы, — отпарировал узник.

Принцесса была пленена таким мужеством.

— Эссас Паймон, будешь ли ты работать на меня?

Темное лицо заключенного осветилось белозубой усмешкой.

— Вы без малейших колебаний собирались упрятать меня в подземелье. Какие новые ценные качества вы во мне открыли, что предлагаете продать их вам?

— Ты обладаешь простой и практической ценностью — мужеством и отвагой, — ответила Алия, — поэтому я предлагаю тебе самую высокую цену. Я заплачу тебе больше, чем кто-либо другой в Империи.

И тут Эссас оценил свои услуги в такую сумму, что Алия лишь рассмеялась и предложила более разумную плату, добавив, что такие деньги он никогда и ни от кого не получал.

— И, естественно, я кладу на чашу весов твою жизнь, которая для тебя тоже, наверно, представляет большую ценность.

— По рукам! — воскликнул Паймон, и по сигналу Алие его увели к Мастеру Договоров Зиаренко Джавиду.

Час спустя, когда Алия собиралась покинуть Дворец Правосудия, в зал торопливо вошел Джавид и сообщил, что стража подслушала, как Эссас пробормотал строки из католической библии: *«Maleficos non patieris vivere»*.

«Ты не должен будешь терпеть живых ведьм» — перевела с латинского Алия. Так вот какова благодарность! Этот мерзавец замыслил покушение на ее жизнь! В приступе ярости, какой Алия не испытывала никогда в жизни, она

приказала немедленно казнить Паймона и послать его тело в храм — пусть его вода служит хотя бы священникам!

Всю ночь Алию преследовало во сне темное лицо узника. Она пустила в ход все свои ухищрения, чтобы избавиться от этого преследования, читала наизусть строки *Бу Джи* из Фрименской Книги Креоса: «Ничего не произошло! Ничего не произошло!» Но Паймон мучил ее всю ночь до самого утра этого головокружительного дня; она неотвязно видела его лицо в одной из капель росы.

Женщина-стражница позвала Алию завтракать. Алия вздохнула и пошла к двери, скрытой за низкой живой изгородью из мимозы. Как мал, в сущности, выбор между двумя преисподними: крик стражницы или крик в душе Алие — какие это бессмысленные звуки, подобные шороху песка в часах. У принцессы появилось страстное желание прекратить все мучения ударом ножа.

Не обратив внимания на зов, Алия посмотрела на Защитный Вал. *Бахада* оставил широкую вымоину, которая, словно изломанный веер, покрывала владения принцессы. Перед взором Алие расстилалась песчаная дельта, которую неискушенный взгляд мог бы принять за реку со спокойным и гладким течением, но в действительности это было то самое место, где ее брат взорвал Стену атомным зарядом Атрейдесов и на песчаных червях ворвался в город, отняв престол у своего предшественника Шаддама Четвертого. Теперь вдоль стены протекал широкий канал, ставший неодолимой преградой для песчаных червей. Черви боятся соприкосновения с водой — она для них яд.

Хорошо было бы иметь такой барьер в голове, подумала Алия.

От этой мысли усилилось головокружительное чувство отчуждения от реальности.

Песчаные черви! Песчаные черви!

Услужливая память представила целую галерею выдающихся червей: Могущественный Шаи-Хулуд, демиург фрименов, смертельно опасный зверь глубин Пустыни, в чьих выделениях содержалось бесценное зелье. Как странно, что это могучее животное выросло из плоской и сухой песчаной форели, подумала Алия. Они, эти форели, подобны множеству роящихся в ее голове образов. Соединившись концом в конец, песчаные форели образовывали вокруг почвы планеты живую цистерну; они несли воду, без ко-

торой не мог жить вектор песчаных червей. Здесь была прямая аналогия, которая не укрылась от Алие: некоторые из *других* несли с собой силу, способную убить ее самое.

Стражница снова позвала Алию, на этот раз в голосе женщины послышалось нетерпение.

Алия в гневе обернулась и махнула рукой.

Стражница послушно исчезла, правда, довольно громко хлопнув дверью.

Как только раздался стук двери, Алия снова оказалась во власти всего того, что она с такой страстью хотела отринуть от себя. Чужие жизни хлынули в сознание, как морской прилив. Каждая жизнь стремилась протиснуться в ее сознание — это была целая туча лиц. Некоторые из них были поражены чесоткой, другие — грубые, покрытые черными тенями; виднелись рты, похожие на мокрые губки. Сонмище лиц захлестывало, призывало сдаться и окунуться в этот нескончаемый поток.

— Нет, — неистово зашептала Алия. — Нет... нет... нет...

Она неминуемо бы упала на дорожку, но рядом оказалась скамья, на которую Алия опустилась. Она попыталась сесть, но не смогла и всем телом вытянулась на холодном пластике, по-прежнему шепча слово «нет».

Волна образов продолжала захлестывать ее разум.

Она чувствовала, что ее душа настроена на каждый вопль из этой толпы, которая шумела внутри нее. Это была какофония просьб и требований выслушать или просто обратить внимание: *«Я, я! Нет, я!»* Алия поняла, что если она действительно обратит внимание хоть на одного из этих призраков, — она погибнет. Надо выделить одно лицо, одно-единственное и удержаться на плаву с помощью эгоцентризма, разделенного с другим человеком, который, в свою очередь, разделит с ней ее существование.

— Предзнание вытворяет с тобой такие штучки, — прошептал чей-то голос.

Она закрыла уши руками, думая: *«Я не предзнающая! Транс не помогает мне!»*

Но голос продолжал настаивать: *«Он сработает, если ты ему поможешь»*.

— Нет, нет, — шептала Алия.

В ушах ее зазвучали и другие голоса.

— Я, Агамемнон, твой предок, требую аудиенции!

Она с такой силой сжала уши, что живая плоть ответила ей болью.

Чей-то голос, дурацки хихикая, спросил:

— Знаешь, кто получился из Овидия? Нет? Это так просто. Он же вылитый Джон Бартлетт!

В том состоянии, в котором находилась Алия, все имена были лишены какого бы то ни было смысла. Ей хотелось кричать, но в невообразимом гомоне она бы не услышала собственного голоса.

Из дома снова вышла стражница, посланная старшей служанкой, посмотрела поверх живой изгороди, увидела лежащую Алию и громко сказала:

— А, так она отдыхает. И то правда, она так плохо спала прошлой ночью. *Заха*, утренняя сиеста будет ей очень полезна.

Алия не слышала стражницу. В ее мозгу, отдаваясь под сводом черепа, зазвучала развеселая песня: «Мы старые шальные птички, ура!» *Я схожу с ума,* подумала Алия. *Я теряю разум.*

Ноги Алие судорожно дернулись, ступни стукнулись о скамью. О, если бы она могла владеть своим телом, то тотчас бы бросилась бежать куда глаза глядят. Надо бежать, иначе эти голоса настолько овладеют ее душой, что она навсегда ее потеряет. Но мышцы не повиновались Алие. Ей, которая движением бровей могла ниспровергнуть Империю, не повиновалось собственное тело!

В голове Алие усмехнулся чей-то голос:

— Существует точка зрения, детка, согласно которой каждый случай нового творения является катастрофой, — басистый голос рокотал прямо за глазницами, усмешка словно издевалась над священническими интонациями собственного голоса. — Милое дитя, я помогу тебе, но и ты должна будешь помочь мне.

Звук голоса едва не потерялся на фоне жужжащего гомона толпы. Стуча зубами, Алия с трудом выдавила из себя:

— Кто... кто?..

В сознании возникло лицо. Лицо улыбалось и было таким жирным, что его можно было принять за младенческое, если бы не горящие вожделением глаза. Алия подалась назад, но достигла только того, что в поле ее зрения попало тело — огромное, жирное тело, одетое в простор-

ную одежду, из-под которой выступали портативные суспензории, поддерживавшие неимоверные складки жира.

— Видишь ли, — снова зарокотал бас, — это твой дед по материнской линии. Ты меня знаешь. Я — барон Владимир Харконнен.

— Но... ты же давно умер, — едва не задохнулась Алия.

— Ну конечно же, моя дорогая! Большинство из тех, кто осаждает тебя сейчас, тоже давным-давно мертвы. Но никто из них не хочет и не может тебе помочь. Они тебя просто не понимают.

— Уходи, — умоляюще произнесла Алия. — О, прошу тебя, уходи.

— Но тебе нужна помощь, внучка, — не согласился барон.

Как поразительно он выглядит, прикрыв веки и разглядывая огромную фигуру, подумала Алия.

— Я прямо-таки жажду помочь тебе, — льстиво увещевал барон. — Другие дерутся между собой, чтобы завладеть твоей душой целиком. Каждый хочет управлять тобой. Но я... Я хочу занять в твоей душе только маленький уголок.

Другие жизни в сознании Алие снова подняли гвалт. Прилив снова начал захлестывать Алию, когда она вдруг услышала голос матери. *Ведь она жива,* подумалось принцессе.

— Молчать! — скомандовал барон.

Собственное желание Алие усилило команду, громко прозвучав под сводами сознания.

Наступившая тишина омыла Алию словно холодной водой. Женщина почувствовала, как начинает замедляться ее пульс. Раздался успокоительный голос барона.

— Ну что? Вместе мы непобедимы. Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе.

— Что... что ты от меня хочешь взамен? — прошептала Алия.

Жирное фатоватое лицо стало грустным.

— Ах, моя дорогая внучка, — сказал он. — Я хочу всего-навсего несколько простых удовольствий. Позволь мне хотя бы немного прикоснуться к твоим чувствам. Никто об этом не узнает. Пусть я почувствую хотя бы маленький уголок этих чувств, например, когда ты с любовником. Разве это не малая цена?

— Д-да.

— Ну вот и хорошо, — удовлетворенно хрюкнул барон. — Взамен я могу очень многое для тебя сделать. Я могу давать тебе советы, помогать тебе рекомендациями. Ты будешь непобедима внутри и снаружи. Ты сметешь со своего пути всякую оппозицию. История забудет твоего брата и восславит тебя. Тебя ожидает великое будущее.

— Ты... не позволишь... другим одержать верх?

— Они не устоят против нас! По одиночке они нас раздавят, но вместе мы им покажем. Сейчас я продемонстрирую. Слушай.

Барон замолчал, исчез и его образ. Ни одной памяти, ни одного образа, ни одного голоса не появилось в сознании.

Дрожа всем телом, Алия с облегчением вздохнула.

Вместе со вздохом явилась мысль. Она как будто была ее собственной, но позади нее слышались тихие голоса.

Старый барон был воплощением зла. Он убил твоего отца. Он убил бы и тебя с Паулем. Барон пытался это сделать, но у него ничего не вышло.

Раздался голос барона, хотя его лица не было видно.

— Конечно, я бы убил тебя. Разве ты не стояла на моем пути? Но этот спор кончился. Ты победила, дитя мое. Теперь ты — новая истина.

Алия кивнула, слегка поцарапав при этом движении щеку о шероховатую скамейку.

В его словах есть рациональное зерно, подумала женщина. Старое предписание Бене Гессерит вполне согласовывалось со словами барона: «*Цель спора — изменить природу истины*».

Да... именно так Бене Гессерит истолковал бы слова барона.

— Точно! — воскликнул барон. — Кроме того, я мертв, а ты жива. Мое существование очень хрупко. Я лишь суть памяти внутри тебя. Я полностью подчинен тебе и прошу лишь крошечную мзду за те глубокие советы, которые могу дать тебе.

— Что бы ты посоветовал мне сейчас? — спросила Алия.

— Ты очень обеспокоена приговором, который вынесла вчера, — ответил барон. — Ты сомневаешься в том, что слова Паймона были верно переданы тебе. Возможно, Джавид увидел, что Паймон угрожает прочности его позиций при твоей особе. Разве не это сомнение терзает тебя?

— Д-да.

— Твое сомнение основано на точном наблюдении, не так ли? Джавид проявляет все больше интимности в отношении тебя. Это заметил даже Дункан, не правда ли?

— Ты же знаешь, что правда.

— Так вот и возьми Джавида в любовники и...

— Нет!

— Ты беспокоишься о Дункане? Но твой муж — духовный мистик. Его не тронут действия плоти, они не принесут ему ни малейшего вреда. Разве ты иногда не чувствуешь, как он далек от тебя?

— Н-но он...

— Духовная часть Дункана поймет, надо ли ему знать о том инструменте, с помощью которого был устранен Джавид.

— Устра...

— Ну конечно! Опасные инструменты надо использовать, но потом их выбрасывают, чтобы они не стали слишком опасными.

— Тогда... почему... я хочу сказать...

— Ах ты, тупица! В этом уроке содержится большая ценность.

— Не понимаю.

— Ценности, моя дорогая внучка, принимаются в зависимости от их успеха. Преданность Джавида должна быть безусловной, его восприятие твоей власти — абсолютным, а его...

— Мораль этого урока переходит...

— Не будь такой тупой, внучка! Мораль должна всегда основываться на практичности. Вспомни о Цезаре и прочих. Победа бесполезна, если она не приносит исполнения сокровенных желаний. Разве тебя не привлекает мужественность Джавида?

Алия едва не задохнулась — настолько была ненавистна сама мысль сделать это признание, к которому ее принудила полная обнаженность перед внутренним наблюдателем.

— Д-да.

— Очень хорошо! — фраза прозвучала в мозгу женщины очень игриво. — Вот теперь мы начинаем понимать друг друга. Когда он станет беспомощным, лежа в твоей постели, убежденный в том, что ты его рабыня, заведи шутливый разговор и спроси его о Паймоне. При этом больше

смейся. Когда же он признается в обмане, возьми нож и воткни его между ребер Джавида. Поток крови может многое добавить к удовлет...

— Нет, — горячо зашептала Алия. Во рту у нее пересохло от ужаса. — Нет... нет... нет...

— Тогда я сам сделаю это за тебя, — не сдавался барон. — Это надо сделать; ты сама это признаешь. Если ты все устроишь, то я предлагаю временное помутнение...

— Нет!

— Твой страх так прозрачен, внучка. Мое управление твоими чувствами может быть лишь временным. Есть и другие, которые могут имитировать то совершенство, с которым... Но ты и сама все знаешь. Со мной люди сразу догадаются о моем присутствии. Ты знаешь, что делает Закон фременов с такими одержимыми. Они подлежат казни. Да — даже ты, но я не хочу, чтобы это произошло. Я сам позабочусь о Джавиде, а когда все будет кончено, отойду в сторону. Тебе надо только...

— Это будет еще один добрый совет?

— Он избавляет тебя от опасного инструмента. И, детка, он устанавливает рабочие отношения между нами, отношения, которые научат тебя правильно судить в будущем, что...

— Научат меня?

— Естественно!

Алия прижала пальцы к глазам и стала думать, прекрасно отдавая себе отчет в том, что каждая ее мысль становится достоянием присутствующего в ней барона, а порожденные им мысли могут восприниматься ею как ее собственные.

— Зря ты так волнуешься, — льстиво проговорил барон. — Этот Паймон уже...

— То, что я сделала, было несправедливо! Я была утомлена, а надо было найти доказательства...

— Ты поступила совершенно правильно! Твой суд не может основываться на такой глупой абстракции, как атрейдесово понятие о равенстве. Именно оно заставило тебя ворочаться всю ночь, а не смерть Паймона. Ты приняла правильное, хорошее решение! Он был еще одним опасным инструментом, а ты действовала в интересах сохранения порядка в вверенном тебе обществе. Вот достойное

основание суда, а не эта бессмысленная *справедливость*. Нигде в мире нет равной для всех справедливости. Любое общество рухнет, если попытаться проводить в нем идею всеобщего равенства.

Алия почувствовала удовольствие от похвалы в адрес своего приговора, но испытала потрясение от аморальности аргументов.

— Равенство Атрейдесов... было... — она отняла ладони от глаз, но веки остались прикрытыми.

— Все твои духовные судьи должны знать об этой ошибке, — продолжал поучать барон. — Решения должны быть взвешенными в том, что касается их пользы в достижении упорядоченного общества. Цивилизации прошлого в огромном количестве терпели крушение, именно наталкиваясь на скалу равной справедливости. Эта глупость уничтожает естественную иерархию, которая гораздо более важна. Любой индивид имеет значение только в свете своего отношения к твоему тотальному обществу. Пока общество не упорядочено в логической последовательности, в нем никто не может найти себе места — ни низшие, ни высшие. Да, да, внученька! Ты должна быть суровой матерью своему народу. Твоя обязанность — хранить порядок.

— Все, что делал Пауль...

— Твой брат умер неудачником.

— Но о тебе можно сказать то же самое!

— Верно... но со мной произошел несчастный случай, который я не мог предусмотреть. Ладно, давай теперь займемся Джавидом, как я тебе говорил.

Она почувствовала, как против ее воли тело наливается приятным теплом. Она подумала: *Если это будет сделано, то только для того, чтобы поставить Джавида на место. Нет нужды убивать его. Дурак все расскажет и так... в моей постели.*

— С кем вы разговариваете, госпожа? — спросил женский голос.

В какой-то момент ошеломленная Алия подумала, что это один из ее внутренних голосов, но потом поняла, что это не так, и открыла глаза. Начальница амазонской гвардии Зияренка Валефор стояла возле скамьи и, озабоченно нахмурившись, смотрела на свою повелительницу.

— Я говорила со своими внутренними голосами, — сказала Алия и села. Она чувствовала себя отдохнувшей после того, как какофония внутренних голосов наконец смолкла.

— С внутренними голосами, о, я поняла госпожа, — глаза Зияренки блеснули уважением. Все знали, что Святая Алия пользуется для совета внутренними источниками, недоступными другим смертным.

— Приведи Джавида в мои апартаменты, — приказала Алия. — Мне надо обсудить с ним один очень важный вопрос.

— В ваши апартаменты, моя госпожа?

— Да, в мои личные покои.

— Как прикажете, госпожа, — амазонка отправилась выполнять приказ.

— Одну минуту, — окликнула ее Алия. — Мастер Айдахо уже уехал в сиетч Табр?

— Да, госпожа. Он уехал еще до рассвета, как вы и велели. Вы хотите, чтобы я послала...

— Нет, Зия, этим я займусь сама. Кроме того, никто не должен знать, что Джавид у меня. Приведешь его сама. Это очень серьезное дело.

Амазонка положила ладонь на рукоятку кинжала.

— Госпожа, если существует угроза...

— Да, угроза существует, и сердцем ее является сам Джавид.

— О, моя Госпожа, может быть, не следует приводить...

— Зия, не думаешь ли ты, что я не способна самостоятельно справиться с этим человеком?

На губах амазонки заиграла улыбка волчицы.

— Простите меня, госпожа. Я сейчас приведу Джавида в ваши личные покои, но... Госпожа, с вашего разрешения, я поставлю стражу у дверей.

— У дверей будешь только ты.

— Слушаю и повинуюсь, госпожа. Я иду.

Алия мысленно кивнула себе, глядя, как Зияренка задом пятится к дверям. Охрана Алие не любила Джавида. Это еще один балл ему в минус. Однако он очень ценен, очень. У него ключ к Якуруту, а это то самое место...

— Наверно, вы были правы, барон, — прошептала женщина.

— Ты сама увидишь! — хрюкнул знакомый голос. — Ах, какое удовольствие будет служить тебе, дитя мое, а ведь это только начало...

Истории народов пронизаны иллюзиями, которые активно поддерживают господствующие религии: злые люди никогда не процветают; только храбрые заслуживают награды; честность — лучшая политика; действия весомее слов; добродетель всегда побеждает; доброе деяние заключает награду в себе самом; плохого человека можно исправить; религиозные талисманы защищают от одержимости демонами; только мужчины понимают значение древних таинств; богатые обречены на несчастье...

*(Сборник инструкций, «Missionaria protectiva» *)*

— Меня зовут Мюриз, — отрекомендовался сухощавый фримен.

Он сидел на ноздреватом камне в пещере, освещаемой трепещущим светом фитильной лампы, выхватывавшим из темноты влажные стены и черные провалы дыр, служившими входом в пещеру. От одного из таких лазов доносились равномерные удары капающей с потолка воды. Эта капель, которую можно было принять за ипостась нынешнего фрименского рая, не вызывала ни малейшего восторга у шестерых связанных мужчин, смотревших на Мюриза. В помещении висел неистребимый запах плесени и смерти.

В отверстии входа появился подросток приблизительно четырнадцати стандартных лет от роду, вошел в помещение и встал по левую руку от Мюриза. На ноже сверкнул желтый блик лампы, когда мальчик указал кончиком лезвия на каждого из шести связанных.

Указав рукой на подростка, Мюриз сказал:

— Это мой сын, Ассан Тарик, он готов пройти испытание мужества.

Мюриз откашлялся и осмотрел шестерых пленников. Они сидели на камнях большим полукругом вокруг хозяина, надежно связанные канатами, прочно схватывавшими лодыжки. Руки были связаны за спиной. На концах веревок были петли, накинутые на шеи узников. Защитные костюмы были разрезаны на горле.

---

* «Защита миссионеров» *(лат.)*. — *Примеч. пер.*

Мужчины не отвели взглядов, когда Мюриз посмотрел на них. На двоих пленниках были свободные одежды городских жителей Арракина; кожа их была светлее, чем у их товарищей по несчастью, чьи грубые черты и широкая кость изобличали в них истинных сынов Пустыни.

Мюриз и сам был похож на них, но его глаза были посажены настолько глубоко, что в них даже не отражался тусклый свет фитильной лампы. Сын был неоформившейся копией отца — на его по-детски плоском лице отражалось кипение обуревавших его чувств.

— У нас, Отверженных, существует особый ритуал посвящения в мужчины, — сказал Мюриз. — Настанет день, когда мой сын примет должность судьи в Шулохе. Мы должны убедиться в том, что он способен исполнять свой долг. Наши судьи не имеют права забывать Якуруту и день нашего отчаяния. Крализек, Тайфуноборец, вечно жив в наших сердцах.

Все это было произнесено ровным, ритуальным тоном.

— Ты поступаешь несправедливо, угрожая нам и связав, как пленников. Мы мирно направлялись на *умму*, — сказал один из городских жителей.

Мюриз согласно кивнул.

— Вы шли туда в поисках личного религиозного пробуждения? Вот и хорошо. Вы переживете такое пробуждение.

— Если мы... — начал было пленник, но его перебил другой фримен — уроженец Пустыни.

— Молчи, глупец! Это же похитители воды. Мы думали, что уничтожили эту нечисть.

— Это старая история, — промолвил в ответ городской.

— Якуруту — это больше чем просто история. — Мюриз кивнул в сторону сына. — Я только что представил вам Ассана Тарика. Я — *арифа* — единственный здесь судья, и мой сын тоже научится распознавать демонов. Старые способы всегда лучше новых.

— Именно поэтому мы попали в глубину Пустыни, — запротестовал городской житель. — Мы избрали древний способ и путешествовали с...

— С наемными проводниками, — перебил его Мюриз, указывая рукой на темнокожих пленников. Он снизу вверх взглянул на сына. — Вы хотели купить путь на небо? Ассан, ты готов?

— Я много думал о той ночи, когда пришли те люди и начали убивать наш народ, — сказал Ассан. В голосе его звучало неимоверное напряжение. — Они должны отдать нам воду.

— Твой отец дает тебе шестерых из них, — произнес Мюриз. — Их вода отныне принадлежит нам. Их тени — твои; твои хранители — отныне и навсегда. Их тени предупредят тебя о появлении демонов. Они станут твоими рабами, когда ты перейдешь в *Алам аль-Митхаль*. Что скажешь, сын мой?

— Благодарю тебя, отец, — сказал Ассан и выступил вперед. — Я принимаю звание мужчины среди Отверженных. Эта вода — наша вода.

Произнеся формулу, юноша пересек пещеру и приблизился к пленникам. Начав с крайнего левого, он хватал узника за волосы и вонзал кинжал под подбородок, доставая до мозга, проливая при этом очень мало крови. Только один из пленников — городской житель — жалобно кричал при этом. Остальные встретили смерть мужественно, произнеся перед ударом ритуальную фразу: «Смотри, как мало ценю я свою воду, когда ее забирает животное!»

Когда все было кончено, Мюриз хлопнул в ладоши. Вошедшие слуги унесли тела в покои мертвых, где они смогут питаться своей водой.

Мюриз встал и посмотрел на сына, который, тяжело дыша, смотрел, как слуги выносят трупы казненных.

— Теперь ты мужчина, — сказал Мюриз. — Вода наших врагов будет питать рабов. Да, вот что еще, сын мой...

Ассан Тарик с готовностью обернулся и бросил взгляд на отца. На лице юноши появилась натянутая улыбка.

— Проповедник не должен знать об этом, — сказал Мюриз.

— Понимаю, отец.

— Ты хорошо это сделал. Те, кто становится на пути Шулоха, не должны жить.

— Все по твоему слову, отец.

— Тебе можно доверить важные дела, — промолвил Мюриз, — и я горжусь тобой.

Самый сложно устроенный человек может стать примитивным. В реальности это означает, что может измениться образ жизни этого человека. Старые ценности теряют свою силу, снижаясь до уровня окружающих растений и животных. Новое существование требует рабочих знаний о том, как функционирует все это сложное переплетенное множество — то, что именуется словом природа. *Оно же требует уважения внутренней силы этой* природной *системы. Человек, приобретший такие рабочие знания с уважением, и называется примитивным. Конечно, верно и обратное— примитивный человек может стать сложным, но это сопровождается катастрофической психологической ломкой.*

(«Комментарии Лето», Харк аль-Ада)

— Как мы можем быть столь уверены? — спросила Ганима. — Ведь это очень опасно.

— Но мы же все проверили, — возразил Лето.

— На этот раз все может быть по-другому. Что, если...

— Перед нами открыт только этот путь, — сказал Лето. — Согласись, что мы не можем пойти путем приема зелья.

Ганима в ответ только вздохнула. Ей не нравилась эта словесная пикировка, но она понимала, какая нужда давит на брата. Знала она и страшный источник собственного неприятия. Достаточно было одного взгляда на Алию, чтобы понять всю опасность внутреннего мира.

— Ну что? — спросил Лето.

Ганима снова вздохнула.

Скрестив ноги, брат и сестра сидели в одном из своих потайных мест возле узкой расселины в скале, с которой отец и мать часто любовались заходом солнца в *бледе*. После ужина прошло два часа — предполагалось, что в это время близнецы занимаются телесными и духовными упражнениями. Сегодня брат и сестра решили поупражнять гибкость ума.

— Я попробую сделать это один, если ты откажешься помогать мне, — сказал Лето.

Ганима отвернулась и принялась с преувеличенным вниманием рассматривать влажную перегородку расселины. Лето вперил взор в Пустыню.

Они говорили на языке столь древнем, что даже название его стерлось из памяти поколений. Язык придал их общению ту интимность, в которую не смог бы проникнуть ни один посторонний. Даже Алия, которая сумела каким-то образом избежать ловушек внутреннего мира, смогла бы понять в этом языке всего лишь несколько слов.

Лето вдохнул воздух, напоенный душным запахом фрименского пещерного сиетча, который существовал некогда в этом природном алькове. Гомон сиетча и влажная жара его уже давно исчезли, и брат с сестрой чувствовали от этого большое облегчение.

— Я согласна, что нам нужно руководство, — сказала Ганима. — Но если мы...

— Гани, нам нужно нечто большее чем руководство, нам нужна защита.

— Возможно, такой защиты просто не существует, — сестра взглянула брату в глаза, блестевшие хищным блеском. Глаза были полным контрастом безмятежным чертам спокойного лица.

— Нам надо любым способом избежать одержимости, — сказал Лето, при этом он использовал инфинитив древнего языка, форму строго нейтральную в залоге и времени, но очень активную в усилении значения.

Ганима верно истолковала слова брата.

— Мох'пвиум д'ми хиш паш мох'м ка, — ответила она. *Вместилище моей души есть вместилище тысячи душ.*

— И даже больше, — возразил Лето.

— Зная об опасности, можешь ей противостоять, — это было утверждение, а не вопрос.

— Вабун'к вабунат! — сказал он. *Поднимаясь, ты поднимаешься!*

Лето чувствовал, что его выбор является очевидной необходимостью. Если уж делать это, то делать активно. Надо допустить прошлое в настоящее и направить его в будущее.

— Муриат, — тихо произнесла Ганима. *Это должно быть сделано с любовью.*

— Конечно, — в знак согласия Лето взмахнул рукой. — Мы посоветуемся, как наши родители.

Ганима молчала, стараясь справиться с комом в горле. Повинуясь неясному инстинкту, она смотрела на юг, на сероватые силуэты дюн, готовые раствориться в вечерних

закатных сумерках. Именно туда ушел отец на свою последнюю прогулку.

Лето смотрел со скалы вниз на зеленый оазис сиетча. Теперь, в сумерках, все было серым, но мальчик знал форму и цвета оазиса: медно-красные, золотистые, красные, желтые и рыжие окаймляли скалы по границе зеленых насаждений. За границей скал широким поясом раскинулись разлагающиеся остатки жизни Арракина, убитой привезенными неведомо откуда растениями и избытком воды. Теперь этот пояс был границей Пустыни.

Ганима заговорила.

— Я готова, мы можем начинать.

— Да, будь все проклято! — он шагнул вперед, коснулся руки сестры, чтобы смягчить грубость. — Пожалуйста, Гани, спой песню. Мне будет легче.

Ганима подошла к брату, обняла его левой рукой за пояс, глубоко вдохнула и прочистила горло. Ясным и звонким голосом она запела песню, которую мать часто пела отцу:

Я отплачу тебе за тот подарок, что ты мне дал;
Я окроплю тебя сладкой водой.
Воцарится жизнь в этом тихом месте:
Любовь моя, ты будешь жить во дворце,
Враги твои обратятся в ничто.
Мы пройдем вместе тот путь,
Что проторила для нас любовь.
Я укажу тебе верный путь,
Ведь тот дворец — моя любовь к тебе...

Тишина Пустыни, в которой даже шепот казался криком, чистый голос Ганимы возымели магическое действие на Лето — мальчику показалось, что он погружается в неведомые глубины, становясь своим отцом, чья память расстилала перед его взором ковер прошлого бытия.

На краткий миг я должен стать Паулем, сказал себе Лето. *Рядом со мной не Гани; это моя возлюбленная Чани, чьи мудрые советы не раз спасали нас обоих.*

Ганима, со своей стороны, с пугающей легкостью приняла маску своей матери. Женщинам такое перевоплощение дается легче, чем мужчинам, но таит гораздо большую опасность.

В голосе Ганимы появилась ласковая хрипотца.

— Посмотри туда, любимый!

Первая луна заливала Пустыню призрачным светом, а по небу протянулся оранжевый огненный шлейф. Корабль, доставивший на Арракис госпожу Джессику, улетал к далеким созвездиям с грузом дурманящей приправы.

Ранящее душу воспоминание пронзило сердце мальчика, ласковыми колокольчиками зазвучало в его голове. В какое-то мгновение Лето почувствовал себя герцогом Джессики. В груди заныло от любви и боли.

Я должен быть Паулем, напомнил он себе.

Трансформация обрушилась на Лето своей пугающей двойственностью. Было похоже, что он превратился в темный экран, на который был спроецирован образ отца. Мальчик одновременно чувствовал свою и отцовскую плоть — этот дуализм грозил раздавить.

— Помоги мне, отец, — прошептал Лето.

По изображению прошла мимолетная рябь, и вот уже в сознании Лето возникло другое впечатление, при этом его собственное «я» стояло в стороне, наблюдая за происходящим.

— Мое последнее видение еще не прошло, — сказал Лето голосом Пауля и повернулся к Ганиме. — Ты знаешь, что я видел в последний раз?

Ганима коснулась рукой его щеки.

— Ты пошел в Пустыню умирать, любимый? Ты это сделал?

— Может быть, я действительно пошел умирать, но то видение... Разве это не было достаточным основанием для того, чтобы остаться жить?

— Даже слепым?

— Даже слепым.

— Куда ты мог уйти?

Отец судорожно вздохнул.

— В Якуруту.

— Мой возлюбленный, — слезы заструились по щекам Ганимы.

— Муад'Диб, герой, должен быть низвержен, иначе это дитя не сможет вырвать нас из хаоса.

— Золотой Путь, — сказала Ганима. — Это нехорошее видение.

— Это единственно возможное видение.

— Алия потерпела неудачу тогда...

— Совершеннейшую. Ты же видела запись.

— Твоя мать вернулась слишком поздно, — на детском личике девочки появилось мудрое выражение Чани. — Но не может ли быть другого видения? Возможно, если...

— Нет, любимая, это дитя не может прозреть будущее, а потом в целости и сохранности вернуться обратно.

Тело отца снова потряс глубокий судорожный вздох, и Лето почувствовал страстное желание отца прожить во плоти еще одну жизнь, опять принимать живые решения и... Сколь отчаянна нужда исправить прошлые ошибки!

— Отец! — позвал Лето, и зов эхом отдался под сводом его черепа.

Это был глубинный волевой акт, в ходе которого мальчик почувствовал медленное, тягучее освобождение от внутреннего присутствия отца, исчезновение ощущений и расслабление мышц.

— Любимый, — прошептал позади голос Чани, и отец остановился. — Что случилось?

— Постой, не уходи, — умоляюще произнес Лето своим немного охрипшим голосом. — Чани, ты должна сказать нам, как избежать того, что случилось с Алией.

Ответил на этот вопрос Пауль. Он говорил с трудом, делая долгие паузы.

— В этом нет определенности. Вы... видели то... что почти... произошло... со мной.

— Но Алия...

— Ею овладел проклятый барон!

От волнения у Лето пересохло в горле.

— Он... я...

— Он есть в тебе... но... я... мы не можем... иногда мы чувствуем... друг друга, но ты...

— Ты не можешь читать мои мысли? — спросил Лето. — Ты будешь знать, если... он...

— Иногда я способен чувствовать твои мысли... но я... мы живем только в вашем сознании, мы существуем только... посредством его отражения... Нас создает ваша память. Это опасно... память слишком точна. И те из нас... те из нас, кто любил власть... кто добивался ее... любой ценой... у того память более точна.

— Она сильнее? — прошептал Лето.

— Сильнее.

— Я знаю твое видение, — сказал Лето. — Слишком хорошо, чтобы дать ему завладеть мною. Я стану тобой.

— Только не это!

Лето кивнул сам себе, ощущая то грандиозное усилие, с которым отец старался удалиться из его памяти, понимая все тяжкие последствия неудачи. *Любая* одержимость приближала одержимого к Мерзости. Узнавание придавало такому человеку обновленное чувство силы, он начинал с особой остротой ощущать свое тело и проникал в глубокое осознание прошлых ошибок, совершенных самим собой и предками. Было в таком видении и нечто неопределенное, что ослабляло способность чувствовать — и сейчас Лето убедился в этом. В какой-то момент искушение в нем вступило в схватку со страхом. Плоть обладает способностью превращать меланжу в видение будущего. Приняв зелье, можно дышать будущим и срывать покровы с Времени. Лето охватил соблазн, которому было трудно противостоять, он сцепил руки и погрузился в состояние прана-бинду. Плоть отрицала искушение. Плоть несла в себе глубокое знание, унаследованное от Пауля. Те, кто хочет прозреть будущее, подобно мелким игрокам, надеются сорвать легкий куш на завтрашних скачках. Вместо этого они оказываются пожизненными пленниками, знающими наперед каждый удар своего сердца и все свои муки... Последнее видение Пауля указывало достойный выход из этой ловушки, и Лето знал, что теперь у него нет иного выхода — он должен следовать тем же путем.

— Радость жизни и ее красота связаны с тем фактом, что жизнь способна удивлять, — сказал он.

Возле уха Лето раздался тихий голос:

— Я всегда знала эту красоту.

Обернувшись, мальчик всмотрелся в глаза сестры, блестевшие в лунном свете. Это смотрела на него Чани.

— Мама, ты должна уйти.

— Ах, какое искушение! — произнесла она и поцеловала его.

Он оттолкнул ее.

— Ты примешь жизнь своей дочери?

— Это так легко... это до глупости легко, — ответила она.

Лето, чувствуя, как его начинает охватывать паника, вспомнил, с каким трудом образ отца покидал его плоть.

Неужели Ганима потерялась в том мире наблюдателей, откуда и он смотрел и слушал, учась у образа отца?

— Я буду презирать тебя, мама, — сказал он.

— Другие не будут меня презирать, — ответила она. — Будь моим возлюбленным.

— Если я это сделаю... ты знаешь, во что вы оба тогда превратитесь, — сказал он. — Мой отец начнет презирать тебя.

— Он не начнет.

— Но я начну!

Из горла Лето непроизвольно вырвался резкий звук. В этом звуке сплелись все обертоны, унаследованные Паулем от матери-колдуньи.

— Не говори так, — простонала она.

— Я буду тебя презирать.

— Пожалуйста... прошу тебя, не говори так.

Лето потер шею, ощутив, что снова обрел власть над своими мышцами.

— Он будет презирать тебя. Он снова отвернется от тебя и уйдет в Пустыню.

— Нет... нет...

В отчаянии она беспрерывно из стороны в сторону качала головой.

— Ты должна уйти, мама, — твердо произнес Лето.

— Нет... нет... — однако в голосе не было уже былой силы и убежденности.

Лето всмотрелся в лицо сестры — как подергиваются его мышцы! Плоть отражала страсти, бушующие в душе.

— Уходи, — прошептал он. — Уходи.

— Не-е-ет...

Лето схватил ее за руку, ощутил дрожь, сотрясавшую тело сестры. Она извивалась всем телом, стараясь вырваться, но он крепко удерживал ее, шепча: «Уходи, уходи».

Все последнее время Лето ругал себя за то, что вовлек Гани в *игру в родителей*. Они часто занимались этим, но в последнее время Ганима начала сопротивляться. Верно, что женщины слабее мужчин при вторжении в их внутренний мир, понял он. Именно на этом основаны страхи сестер Бене Гессерит.

Шли часы, но тело Ганимы продолжало дрожать и дергаться, сотрясаемое внутренней битвой, однако она окрепла

настолько, что смогла вступить в спор. Лето услышал, как Ганима разговаривает с образом в своем сознании.

— Мама... пожалуйста... — И снова: — Ты же видела Алию! Ты станешь такой же?

Наконец Ганима немного обмякла и приникла к брату.

— Она поняла и уходит.

Лето погладил сестру по руке.

— Гани, я очень виноват перед тобой, очень виноват. Я никогда больше не буду просить тебя о таких вещах, прости меня, прости.

— Мне нечего тебе прощать, — сказала она, ее голос прерывался, как после тяжелой физической нагрузки. — Мы научились очень нужным вещам.

— Она многое сказала тебе, — проговорил Лето. — Мы обсудим это потом.

— Нет. Мы сделаем это сейчас. Ты был прав.

— Мой Золотой Путь?

— Твой проклятый Золотой Путь!

— Логика бесполезна, если ее не подкрепить конкретными данными, — сказал он. — Но я...

— Бабушка приехала, чтобы проследить за нашим образованием и посмотреть, не заражены ли мы.

— То же самое говорит и Дункан. Нет ничего нового в...

— ...простых вычислениях, — согласилась Ганима; голос ее окреп, она отстранилась от брата и оглядела освещенную предрассветными сумерками Пустыню. Эта внутренняя битва... эти знания стоили им ночи. Королевским гвардейцам, патрулирующим ограду, придется сегодня объясняться с начальством. Ничего, Лето побеспокоится, чтобы у них не было неприятностей.

— Тонкости люди чаще всего постигают только с возрастом, — сказал Лето. — Но чему обучаемся мы с помощью возраста тех, кто является нам в образах памяти?

— Вселенная, которую мы наблюдаем, это не застывшая в своем физическом облике Вселенная, — отозвалась Ганима. — Мы не должны воспринимать бабушку как бабушку вообще.

— Это было бы опасно, — согласился брат. — Но мой вопр...

— Есть и еще кое-что, кроме восприятия тонкостей, — продолжала Ганима. — В нашем сознании должно остать-

ся место, где мы должны хранить то, что не можем предвидеть. Вот почему мать так много сказала мне о Джессике. В последние минуты, когда мы были в полном контакте, она очень многое мне сказала.

Ганима тяжело вздохнула.

— Мы *знаем*, что она наша бабушка, — заговорил Лето. — Вчера ты провела с ней несколько часов. Именно поэтому...

— Если мы допустим это, наше *знание* будет определять наше к ней отношение, — сказала Ганима. — Именно об этом предупредила меня мама. Один раз она процитировала бабушку и... — Ганима прикоснулась к руке Лето, — и я, словно эхо, услышала где-то на заднем плане голос бабушки.

— Предупредила тебя, — промолвил Лето. Неужели в этом мире не на что положиться?

— Самые смертельные ошибки проистекают из устаревших допущений, — сказала Ганима. — Вот что не уставала повторять мама.

— Но это же Бене Гессерит чистой воды.

— Если... Если Джессика снова вернулась в Общину Сестер...

— ...то для нас в этом заключается главная опасность, — закончил Лето мысль сестры. — В нас течет кровь Квисатц Хадераха — мужской ипостаси Бене Гессерит.

— Они не оставят своих поисков, — сказала Ганима, — но они могут оставить нас. Они нас покинут, и инструментом послужит бабушка.

— Но это совсем другой путь, — возразил Лето.

— Да, они могут соединить нас, как супругов, но они не могут не знать, что такое спаривание приведет к рецессивным осложнениям.

— Эту возможность они даже не должны обсуждать.

— Особенно с бабушкой. Мне очень не нравится такой выход.

— Мне тоже.

— Однако не впервые королевскую родословную пытаются подправить...

— На меня такое решение действует отталкивающе, — содрогнувшись, произнес Лето.

Уловив это движение, она замолчала.

— Сила, — произнес он.

Брат и сестра были настолько сильно охвачены одними и теми же мыслями и чувствами, что Ганима тотчас поняла, о чем думал Лето.

— Сила Квисатц Хадераха потерпит фиаско, — согласилась с братом девочка.

— Если ее использовать таким образом, — сказал он.

В этот момент за спинами детей взошло солнце — день вступил в свои права, дохнув на Лето и Ганиму зноем. Растения под скалами обрели цвет. Серо-зеленые остроконечные листья отбрасывали длинные тени в лучах взошедшего солнца. Косой серебристый свет окрасил оазис у подножия утеса зеленью, перемежающейся золотистыми и пурпурными тенями.

Лето встал и потянулся.

— Итак, Золотой Путь. — Ганима обращалась в равной степени к себе и к брату, зная, как преломилось последнее видение отца в сознании Лето.

За увлажняющими занавесями послышался шорох и голоса.

Лето перешел на древний язык, который служил брату и сестре для тайного общения.

— Л'ии ховр самис см'кви овр самит сут.

Именно таким было решение, которое они приняли с полным сознанием того, что совершают. В дословном переводе это означало: *Мы пойдем вместе по смертному пути, хотя только один, вероятно, сможет вернуться, чтобы рассказать о нем.*

Ганима тоже встала, и они направились в сиетч. Придворные стражи при виде приближающихся королевских близнецов поднимались и падали ниц. Брат и сестра проследовали в свои покои. Толпа расступалась перед ними, люди обменивались многозначительными взглядами со стражниками. Проводить ночи в уединении скал над Пустыней — было древним обычаем святых фременов. Все, исповедующие Умму, практиковали такие бдения. Этим занимались Пауль Муад'Диб и... Алия. Теперь настала очередь королевских близнецов.

Лето первым заметил изменившееся поведение толпы и сказал об этом Ганиме.

— Они не знают, что мы решили для них, — произнесла девочка. — Они действительно этого не знают.

— Чтобы знать, нужны благоприятные обстоятельства, — сказал Лето, по-прежнему пользуясь древним тайным языком.

Ганима некоторое время молчала, формулируя свою мысль.

— Будущий траур по брату или сестре должен быть вполне реален — следует даже возвести надгробье. Сердце должно спать до тех пор, пока его не разбудят.

На древнем языке это утверждение было несколько свернутым, полным местоименных дополнений, отделенных от инфинитива, что позволяло каждой части фразы жить как бы своей отдельной жизнью, причем каждая часть имела свой особый, отчетливый смысл с тонкими, едва заметными отношениями между ними. Выразить эту мысль можно было так: «Они с Лето, отправляясь в путь, рисковали жизнью — фигурально или в действительности, что, в сущности, одно и то же. Результатом будет смерть, похожая на «ритуальное похоронное умерщвление». Часть фразы содержала обвинение в адрес выжившего: *действовать от имени живущего*. Любой ошибочный шаг сорвет весь план целиком, и поход Лето по Золотому Пути кончится ничем.

— Очень деликатно сказано, — согласился с сестрой Лето. Он раздвинул занавеси, и они вошли в свою переднюю.

Прислуга, занимавшаяся своими делами, отвлеклась от них только на мгновение, пока близнецы шли к проходу, ведущему в апартаменты госпожи Джессики.

— Ты не Осирис, — напомнила брату Ганима.

— Я даже не буду пытаться им быть.

Ганима взяла Лето за руку и заставила его остановиться.

— Алия дарсатай хаунус м'смов, — предупредила она.

Лето внимательно посмотрел в глаза сестры. От деяний Алие очень дурно пахло, и бабушка не могла не учуять этот запах. Мальчик понимающе улыбнулся сестре. Она использовала смесь древнего языка с фрименским суеверием, призывая древнее племенное знамение. М'смов, гнилостный запах летней ночи, считался предвестником смерти от рук демонов. Изида же была богиней демонов смерти у народа, на чьем языке говорили сейчас близнецы.

— Мы, Атрейдесы, имеем репутацию храбрецов, — сказал Лето.

— Смелостью мы завоюем то, что нам нужно, — поддержала его сестра.

— Или станем просителями перед регентшей, — добавил Лето. — Алия будет очень этому рада.

— Но наш план... — непроизвольно вырвалось у девочки.

Наш план, подумал брат. Она полностью приняла его.

— Наш план тяжел, как работа на поливе.

Ганима оглядела переднюю, которую они только что миновали и вдохнула душный утренний запах. Все чувства были обострены ощущением причастности к вечному началу. Ей нравилось, как Лето пользуется древним языком. *Работа на поливе.* Это было обещание. Он назвал их план именем черной сельскохозяйственной работы, такой же, как удобрение, ирригация, прополка, пересадка и подрезка. По воззрениям фременов, те же работы выполнялись и на том свете — только там они касались возделывания души.

Ганима внимательно изучала брата, пока они в нерешительности стояли в проходе, вырубленном в скале. Девочке все больше и больше становилось очевидно, что Лето действует на двух уровнях: во-первых, следует по Золотому Пути, явившемуся в его видении и видении отца и, во-вторых, взял, с ее согласия, бразды правления в выработке весьма опасного мифа, который и породил этот план. Это очень напугало Ганиму. Было ли в видении Лето что-то такое, чего она не смогла с ним разделить в своем внутреннем знании? Мог ли Лето увидеть себя обожествленным, чтобы вести народ к возрождению в качестве сына своего бога-отца? Культ Муад'Диба выродился, перебродил под действием дурных поступков Алие и правления военизированной касты священников, захвативших власть у фременов. Лето хотел возрождения.

Он что-то от меня скрывает, подумала Ганима.

Она вспомнила, что он рассказывал ей о своем сне. То была столь яркая, цветная реальность, что после такого сна Лето несколько часов находился в состоянии какого-то оглушения. Он говорил, что сон всегда был одним и тем же.

Я— на песке, залитом ярким дневным светом, но солнца нет. Потом до меня доходит, что я сам— солнце. Мой свет сияет, как Золотой Путь. Поняв это, я покидаю свою оболочку. Обернувшись, я хочу посмотреть сам на себя, увидеть, каков я — солнце. Но оказалось, что я не солнце. Не

настоящее солнце. Я изображен на песке, как детский рисунок человечка: палочки— глазки, палочки— ручки и палочки— ножки. В левой руке я держу скипетр — и это настоящий скипетр в отличие от символической фигурки, которая его держит. Скипетр начинает двигаться, и это приводит меня в ужас. Я чувствую, что просыпаюсь, хотя я знаю, что еще сплю. Я понимаю, что закован в доспехи, которые движутся вместе с кожей. Я не могу видеть доспехи, но хорошо чувствую их. Ужас улетучивается, потому что доспехи придают мне силы десяти тысяч человек.

Пока Ганима смотрела на Лето, тот попытался пойти дальше к покоям Джессики, однако Ганима осталась стоять на месте.

— Этот Золотой Путь может оказаться ничуть не лучше любого другого, — сказала она.

Лето потупил взор и посмотрел на каменный пол прохода. К Ганиме с удвоенной силой вернулись ее прежние сомнения.

— Я должен это сделать, — просто сказал он.

— Алия — одержимая, — произнесла Ганима. — То же самое может случиться и с нами. Может быть, это уже произошло, только мы ничего не замечаем.

— Нет, — он отрицательно покачал головой, поднял взгляд и посмотрел в глаза сестры. — Алия сопротивлялась. Это придало силу тем, кто находился внутри нее. Они победили ее с помощью ее же силы. Мы осмелились проводить поиск внутри себя, мы обнаружили там древние языки и древние знания. Мы — амальгама всех жизней, которые существуют внутри нас. Мы не сопротивляемся, мы движемся вместе с ними. Именно этому ночью научил меня отец. Именно этому я должен был научиться.

— Он ничего не сказал о том, что находится внутри меня.

— Ты слушала маму. Это то, что мы...

— Я почти растворилась.

— Ты все еще сильно ощущаешь ее присутствие?

— Да... но я думаю, что теперь она охраняет меня своей любовью. Ты был очень хорош, когда спорил с ней. — Ганима снова подумала об образе матери внутри себя и продолжила: — Наша мама существует теперь в Алам аль-Михтале вместе с другими. Мне кажется, что она вкусила пло-

дов ада. Теперь я могу слушать ее без страха. Что же касается других...

— Да, — сказал Лето. — А я слушал отца, но мне кажется, что в действительности я следовал советам нашего деда, именем которого назвали и меня. Наверно, мне было легко его слушать по этой причине.

— Он не посоветовал тебе поговорить о Золотом Пути с бабушкой?

Лето помолчал, пока мимо не прошел слуга с завтраком для госпожи Джессики. В воздухе распространился густой запах зелья.

— Она живет и в нас, и в своей плоти, — сказал Лето. — Ее совета можно спросить дважды.

— Я не буду этого делать, — запротестовала Ганима. — Я не хочу снова так сильно рисковать.

— Тогда я сделаю это сам, — решил Лето.

— Мне казалось, что мы сошлись во мнении, что она вернулась в Общину Сестер.

— Все так. Бене Гессерит в начале ее пути, собственные творения в середине и опять Бене Гессерит в конце. Но помни, что в ней тоже течет кровь барона Харконнена, причем у нее этой крови больше, поэтому они ближе друг другу и она делит с ним нечто большее, чем мы.

— Это очень мелкая формулировка, — возразила Ганима. — К тому же ты не ответил на мой вопрос.

— Не думаю, что упомяну Золотой Путь.

— Я могу это сделать.

— Гани!

— Нам не нужны больше боги Атрейдесов! Надо оставить место человеку!

— Разве я когда-нибудь это отрицал?

— Нет. — Она глубоко вздохнула и отвернулась. Из передней выглянул слуга, привлеченный шумом спора, но не понявший ни одного слова древнего языка.

— Мы должны это сделать, — сказал Лето. — Если мы потерпим неудачу и не сможем действовать, то нам останется только упасть на ножи.

При этом Лето использовал фрименское выражение, означавшее «отдать свою воду в племенную цистерну».

Ганима снова посмотрела на брата. Она была вынуждена с ним согласиться, но чувствовала себя загнанной в

ловушку. Оба понимали, что день расплаты ждет их на пути, и день этот неотвратим, что бы они ни сделали. Ганима знала об этом, причем ее знание было неимоверно усилено данными, полученными от памяти других, обитавших в ее душе, но теперь девочка боялась той силы, которую она сообщила чужим душам, пользуясь данными их опыта. Эти души прятались в закоулках ее сознания, как демоны, притаившиеся в густых зарослях.

Все они были таковы, за исключением ее матери, которая сохранила силу своей плоти, но отказалась от нее. Ганима все еще дрожала от этой внутренней борьбы. Она давно бы сдалась этим другим, если бы не сила убеждения Лето.

Лето сказал, что из этой ловушки только один выход — Золотой Путь. За исключением болезненного понимания того, что он что-то утаивает из своих видений, Ганима могла положиться на искренность брата. Он нуждался в ее плодотворном сотрудничестве для улучшения плана.

— Нас будут проверять, — сказал он, понимая, в чем сомневается сестра.

— Но не с помощью же зелья.

— Может быть, и так. Во всяком случае, нас проверят в Пустыне и в Суде Одержимых.

— Ты никогда не говорил о Суде Одержимых! — обвиняющим тоном проговорила Ганима. — Это тоже часть твоего сна?

Лето старательно откашлялся, в душе проклиная случайно вырвавшееся слово.

— Да.

— Значит, мы станем одержимыми?

— Нет.

Ганима подумала о Судилище — этом древнем фрименском суде, по окончании которого часто происходили загадочные смерти. Кроме того, с их планом были связаны и другие сложности. Путь может привести их к тем границам, при переступании которых человек теряет контроль над собой и становится безумным.

Понимая, куда клонятся ее мысли, Лето сказал:

— Власть всегда привлекает психопатов. Вот чего нам надо избежать в наших душах.

— Ты уверен, что мы не станем... одержимыми?

— Нет, если сотворим Золотой Путь.

— Я не стану рожать твоих детей, Лето, — сказала Ганима, все еще преисполненная сомнений.

Лето тряхнул головой, отогнал случайные предательские слова и произнес на формальном королевском языке:

— Сестра моя, я люблю тебя больше, чем самого себя, но в моей любви нет чувственной нежности.

— Хорошо, тогда давай вернемся к другому спору, прежде чем идти к бабушке. Нож, вонзенный в грудь Алие, мог бы очень неплохо решить все проблемы.

— Верить в это — значит верить в то, что можно пройти по глине и не оставить следов, — сказал он. — Кроме того, Алия вряд ли предоставит кому бы то ни было такую возможность.

— Все вокруг говорят о Джавиде.

— Неужели у Дункана уже прорезались рога?

Ганима пожала плечами.

— Одна порция яда, две порции яда.

То был ранжир, по которому властители во все времена делили придворных по степени их опасности для правителя.

— Мы должны сделать это моим способом, — сказал Лето.

— Другой способ может быть чище.

По тону ее ответа брат понял, что сестра подавила свои сомнения и согласилась с его планом. Это понимание не принесло ему счастья. Он машинально посмотрел на свои руки, чтобы убедиться, не прилипла ли к ним грязь.

Вот в чем заключалось достижение Муад'Диба: он рассматривал подсознание каждого индивида как банк совокупной памяти, восходящей к первичной клетке — источнику всеобщего бытия. Каждый из нас, говорил он, может измерить расстояние, отделяющее его от этого общего происхождения. Придя к такому выводу, Муад'Диб принял смелое решение. Он поставил себе задачу интегрировать генетическую память в процесс оценки текущих событий. Таким образом ему удалось прорвать завесу Времени, соединив прошлое и будущее в единое целое. Свое творение Муад'Диб воплотил в сыне и дочери.

(Завет Арракиса, Харк аль-Ада)

Фарад'н расхаживал по оранжерее отцовского королевского дворца, глядя, как все короче становится его тень. Солнце планеты Салуса Секундус стремительно поднималось к зениту. Принцу приходилось непроизвольно удлинять шаг, чтобы не отставать от сопровождавшего его башара.

— Меня не оставляют сомнения, Тиеканик. Нет слов, конечно, трон очень привлекателен. — Он помолчал и тяжело вздохнул. — Но у меня так много других интересов.

Тиеканик, только что пришедший в себя после жестокого спора с матерью Фарад'на, искоса поглядывал на юношу, отмечая, что к восемнадцати годам в его чертах начинает проступать мужественность. В мальчике все меньше оставалось от Венсиции. Взрослея, Фарад'н становился похожим на старого Шаддама, который больше интересовался своими личными проблемами, нежели королевскими обязанностями. Именно это в конечном счете и стоило ему трона. Владыка не должен быть мягким.

— Вы должны сделать выбор, — сказал Тиеканик. — О, несомненно, надо оставить время и для личных интересов, но все же...

Фарад'н задумчиво пожевал нижнюю губу. Он находился здесь по обязанности, и это тяготило и подавляло его. С гораздо большим удовольствием он отправился бы сейчас в скалистый заповедник, где проводились опыты с песчаными форелями. Осуществлялся проект огромной значимости: речь шла о том, чтобы отнять у Атрейдесов монополию на зелье, после чего могло произойти все что угодно.

— Вы уверены, что близнецы будут... устранены?

— Этого нельзя сказать наверняка, но перспективы неплохие, мой принц.

Фарад'н пожал плечами. Убийство — обычное явление в жизни королей. Язык двора изобиловал всяческими тонкостями и намеками, обозначавшими способы убрать с дороги того или иного важного противника. Одним словом можно было дать понять, следует ли подсыпать яд в воду или добавить его в пищу. Принц думал, что Потриды будут устранены с помощью яда. Эта мысль отнюдь не приводила Фарад'на в восторг. Близнецы были по всем признакам очень интересной парой.

— Нам придется ехать на Арракис? — спросил Фарад'н.

— Это лучшее, что можно предпринять для усиления нашего влияния.

Фарад'н явно хотел задать какой-то вопрос, но Тиеканик не мог понять, какой именно.

— Меня кое-что беспокоит, — сказал Фарад'н, приближаясь к углу живой изгороди и подойдя к фонтану, окруженному гигантскими черными розами. Было слышно, как в кустах ножницами работают садовники.

— Я слушаю вас, мой принц, — произнес Тиеканик.

— Эта... э-э... религия, которую вы исповедуете...

— В этом нет ничего странного, мой принц, — заговорил Тиеканик, надеясь, что сумел сохранить твердость голоса. — Эта религия обращается ко мне как к воину. Она очень подходит для сардаукара. (Последнее, во всяком случае, было чистой правдой).

— Д-да, но моя мать тоже увлеклась ею.

Чертова Венсиция! — подумал Тиеканик. *Она сделала своего сыночка подозрительным.*

— Меня не очень заботит то, что думает по этому поводу ваша мать, — сказал Тиеканик. — Религия — сугубо личное дело. Возможно, она полагает, что это поможет вам вернуть трон.

— Так я и думал, — сказал Фарад'н.

У парня острый ум! — подумал Тиеканик.

— Разберитесь сами в этой религии, и вы поймете, чем она меня привлекает, — сказал он вслух.

— Но, однако... проповеди Муад'Диба? В конце концов он же Атрейдес.

— На это могу сказать только одно: неисповедимы пути Господни.

— Ясно. Но скажите мне, Тиек, почему вы просите меня пойти с вами прямо сейчас? Обычно в это время дня вы выполняете те или иные приказания моей матери.

Тиеканик остановился возле каменной скамьи между фонтаном и гигантскими розами. Шум воды успокоил его, башар собрался с мыслями и заговорил.

— Мой принц, я сделал одну вещь, которая, видимо, не понравится вашей матери, — произнес он вслух, подумав при этом, что если Фарад'н ему поверит, то дьявольский план Венсиции, пожалуй, сработает. *Доставить сюда*

проклятого Проповедника. Да она просто сумасшедшая. А какова цена!

Тиеканик замолк в ожидании ответа.

— Так что вы сделали, Тиек? — поинтересовался принц.

— Я доставил сюда специалиста по онейромании, — ответил башар.

Фарад'н устремил на собеседника проницательный взгляд. Некоторые старые сардаукары играли в игры с толкованием снов, это увлечение еще больше распространилось после поражения, которое они потерпели от Верховного Сновидца Муад'Диба. Они думали, что в сновидениях смогут найти обратный путь к славе и власти. Но Тиеканик всегда чурался таких игр.

— Это не похоже на вас, Тиек, — сказал Фарад'н.

— Тогда я могу говорить только о моей новой религии, — проговорил сардаукар, отвернувшись к фонтану. Этот разговор о религии послужит основанием для того риска, с которым связана доставка Проповедника.

— Да, тогда говорите о религии, — сказал Фарад'н.

— Как прикажете, мой принц. — Тиеканик повернулся лицом к собеседнику и внимательно вгляделся в это юное лицо, воплощение всех надежд Дома Коррино, воплощение того пути, по которому он собирался пойти. — Церковь и власть, мой принц, обычная наука и вера и даже более того: прогресс и традиция — все это соединено в учении Муад'Диба. Он учил, что непримиримые противоречия существуют только в представлениях человека и иногда в снах. Человек открывает будущее в прошлом, а оба они — часть единого целого.

Несмотря на сомнения, которые он пока не мог преодолеть, Фарад'н не мог отрицать, что его впечатлили слова Тиеканика. Принц услышал в голосе сардаукара сдержанную искренность, словно тот говорил вопреки собственным побуждениям.

— И для этого вы привезли мне этого... толкователя сновидений?

— Да, мой принц. Быть может, ваш сон пронзает Время. Вы вернете себе осознание своей внутренней сущности, если увидите вселенную, как единое и связное целое. Ваши сновидения... видите ли...

— Но я рассказывал о своих сновидениях без всякой цели, — запротестовал Фарад'н. — Они любопытны, но не более того. Я и подозревать не мог, что вы...

— Мой принц, важно все, что вы делаете.

— Вы мне просто льстите, Тиек. Вы что, правда верите в то, что человек может проникнуть в сердце таинств.

— Да, мой принц.

— Тогда можете вызвать недовольство моей матери.

— Вы встретитесь с этим человеком?

— Конечно, поскольку вы привезли его, чтобы вызвать недовольство матери.

Не вздумал ли он меня дразнить? — подумал Тиеканик.

— Должен предупредить вас, что старик носит маску. Это иксианское приспособление, которое позволяет слепым видеть с помощью кожи.

— Он слеп?

— Да, мой принц.

— Он знает, кто я?

— Я сказал ему, мой принц.

— Отлично, идемте к нему.

— Если мой принц соизволит подождать, то я приведу этого человека сюда.

Фарад'н, улыбаясь, оглядел сад с фонтаном. Очень подходящее место для такого рода глупостей.

— Вы рассказали ему содержание моих сновидений?

— Только в общих чертах, мой принц. Он попросит вас сделать это лично.

Фарад'н отвернулся, и башар торопливо вышел. Принц задумчиво смотрел на видневшуюся над живой изгородью голову садовника, который равномерно работал ножницами, подстригая кустарник. В этих движениях было нечто гипнотическое.

Эта затея со снами — полная бессмыслица, подумал Фарад'н. *Тиек неправильно сделал, что предварительно не посоветовался со мной. Странно и то, что Тиек в его годы вдруг стал религиозен. Теперь еще эти сновидения.*

В этот момент послышались шаги — твердый солдатский Тиеканика и чья-то старческая шаркающая походка. Фарад'н обернулся и с интересом посмотрел на толкователя снов. Иксианская маска оказалась черным ячеистым приспособлением, покрывающим все лицо от лба до под-

бородка. Прорезей для глаз, естественно, не было. Иксианские хвастуны утверждали, что эта маска представляет собой один большой глаз.

Тиеканик остановился в двух шагах от принца, но старик подошел ближе.

— Толкователь сновидений, — представил его башар.

Фарад'н кивнул.

Старик в маске утробно кашлянул, словно пытался кашлем очистить желудок.

На Фарад'на пахнуло острым запахом зелья. Тот же запах исходил и от серой длинной накидки старика.

— Эта маска и вправду часть вашей плоти? — спросил Фарад'н, понимая, что хочет просто оттянуть начало разговора о сновидениях.

— Да, когда она на мне, — ответил старик гнусавым голосом с фрименским акцентом. — Ваш сон. Расскажите мне.

Фарад'н пожал плечами. *Почему бы и нет?* Ведь Тиек именно для этого привел сюда старика. Или нет? Сомнения вновь охватили Фарад'на, и он спросил:

— Вы действительно специалист по онейромании?

— Я явился сюда, чтобы истолковать ваш сон, могущественный господин.

Фарад'н снова пожал плечами. Этот персонаж в маске все больше и больше действовал ему на нервы. Принц оглянулся на Тиеканика, ища у того поддержки, но башар, скрестив руки на груди, стоял, отвернувшись к фонтану.

— Так рассказывайте ваш сон, — не отставал старик.

Фарад'н перевел дух и начал рассказывать. Чем полнее проникал он в воспоминание о сне, тем легче становилось ему говорить. Он повествовал о воде, бьющей из источника, о мирах, которые, словно атомы, пляшут у него в мозгу, о змее, которая превращается в песчаного червя, а потом взрывается облаком пыли. Рассказ о змее, как с удивлением отметил принц, дался ему с большим трудом. Нежелание говорить подавляло, принца постепенно начал охватывать гнев.

Старик не проронил ни слова, когда Фарад'н закончил свой рассказ и замолчал. Черная ячеистая маска слабо шевелилась в такт дыханию. Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Фарад'н.

— Вы не собираетесь толковать мой сон?

— Я уже истолковал его, — ответил старик замогильным голосом.

— Так рассказывай, — гнев Фарад'на нарастал.

— Я же сказал, что истолковал его, — заупрямился старик. — Но я не согласен рассказывать вам о своем толковании.

От таких слов даже Тиеканик потерял свою обычную невозмутимость. Он опустил руки и крепко сжал кулаки.

— Что? — процедил он сквозь зубы.

— Я не обещал раскрывать свое толкование, — ответил старик.

— Тебе мало заплатили? — поинтересовался Фарад'н.

— Я не просил платы, когда меня везли сюда, — холодная гордость ответа немного смягчила гнев Фарад'на. Старику не откажешь в храбрости — он не мог не знать, что за такое неповиновение рискует поплатиться головой.

— Позвольте мне, мой принц, — выступил вперед Тиеканик. — Ты скажешь нам, почему не хочешь рассказать о своем толковании?

— Да, господа. Сон сказал мне, что бесцельно объяснять эти вещи.

Фарад'н не смог сдержаться.

— Ты хочешь сказать, что я и сам понимаю значение своего сна?

— Возможно, это и так, мой господин, но это уже не моя компетенция.

Тиеканик встал рядом с Фарад'ном. Оба сверлили старика горящими взглядами.

— Объяснись, — потребовал башар.

— Действительно, — поддержал сардаукара принц.

— Если бы я стал говорить об этом сновидении, исследовать суть воды и пыли, змей и червей, атомов, которые пляшут в вашей голове, как, впрочем, и в моей тоже, то, могущественный господин, мои слова вызвали бы у вас только растерянность, и вы бы обвинили меня в непонимании.

— Ты боишься, что твои слова вызовут мой гнев? — спросил Фарад'н.

— Мой господин! Вы и так уже охвачены гневом.

— Значит, ты нам не доверяешь? — вставил слово Тиеканик.

— Это очень близко к правде, мой господин. Я не доверяю вам обоим по той простой причине, что вы не доверяете сами себе.

— Ты очень близко подошел к краю пропасти, — предупредил старика Тиеканик. — Людей убивали и за менее дерзкое поведение.

Фарад'н кивнул в подтверждение слов сардаукара.

— Не испытывай наш гнев, — сказал принц.

— Смертельные последствия гнева людей из Дома Коррино хорошо известны за пределами Салусы Секундус, — промолвил старик.

Тиеканик положил свою тяжелую руку на плечо Фарад'на.

— Ты пытаешься спровоцировать нас на твое убийство?

Фарад'н, который только теперь подумал о такой возможности, почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Что могло означать такое поведение? Был ли этот человек, который называл себя Проповедником, могущественнее, чем казался? Каковы могли быть последствия его смерти? Мученики — очень опасные создания.

— Я сомневаюсь, что вы меня убьете, независимо от того, что я скажу, — проговорил Проповедник. — Я думаю, вы понимаете, в чем заключается моя ценность, башар, а теперь об этом догадывается и принц.

— Так вы наотрез отказываетесь толковать сон? — спросил Тиеканик.

— Я истолковал его.

— Но не скажете, что увидели в нем?

— Вы в чем-то обвиняете меня, мой господин?

— Но какую ценность вы можете для меня представлять? — поинтересовался Фарад'н.

Проповедник вытянул вперед правую руку.

— Мне стоит только подать знак вот этой рукой, как придет Дункан Айдахо и будет мне повиноваться.

— Что за дурацкое хвастовство? — взорвался Фарад'н.

Тиеканик, однако, с сомнением покачал головой, вспомнив свой спор с принцессой Венсицией.

— Мой принц, это вполне может оказаться правдой. Этот Проповедник имеет на Дюне множество последователей.

— Почему вы раньше не сказали мне, откуда он? — спросил Фарад'н.

Тиеканик не успел открыть рот, как Проповедник заговорил, отвечая принцу.

— Мой господин, вам не стоит испытывать чувство вины перед Арракисом. Вы всего-навсего продукт своей эпохи. Это обычная реакция человека, когда его одолевает чувство вины.

— Вины? — в ярости воскликнул Фарад'н.

В ответ Проповедник только пожал плечами.

Как это ни странно, ярость принца внезапно превратилась в изумление. Откинув назад голову, он рассмеялся, чем вызвал недоумение Тиеканика.

— Ты мне нравишься, Проповедник, — сказал Фарад'н.

— Это доставляет мне радость, принц, — ответил старик.

Фарад'н с трудом подавил улыбку.

— Мы дадим тебе покои здесь, во дворце. Ты станешь официальным толкователем снов — даже если не будешь рассказывать мне о своих толкованиях. Но зато ты расскажешь мне о Дюне, мне очень любопытно это место.

— Я не смогу воспользоваться вашим приглашением, принц.

Гнев Фарад'на вспыхнул с новой силой.

— Но почему?!

— Мой принц, — тихо сказал Тиеканик и тронул своего повелителя за руку.

— В чем дело, Тиек?

— Мы привезли его сюда по жесткому соглашению с Гильдией при условии, что он вернется на Дюну.

— Меня призывают назад, на Арракис, — подтвердил Проповедник.

— Кто призывает тебя? — требовательно спросил Фарад'н.

— Тот, кто обладает гораздо большей властью, чем твоя, принц.

Фарад'н вопросительно взглянул на Тиеканика.

— Он шпион Атрейдесов?

— Не похоже, мой принц. Алия назначила награду за его голову.

— Если это не Атрейдесы, то кто же призывает тебя? — Фарад'н снова обратился к Проповеднику.

— Тот, кто сильнее Атрейдесов.

Улыбка сбежала с лица принца. Это какая-то мистическая чушь. Как такой мошенник мог обмануть Тиека? Этот Проповедник точно призван, но, по всей видимости, собственными сновидениями, а какая важность может быть присуща обыкновенному сну?

— Это была пустая трата времени, Тиек, — сказал Фарад'н. — Зачем вы разыграли со мной этот... фарс?

— Здесь имеет место двойная сделка, мой принц, — ответил Тиеканик. — Толкователь сновидений обещал сделать Дункана Айдахо агентом Коррино. За это он попросил организовать встречу с вами и истолковать ваш сон. *«Или обещал это Венсиции!»* — мысленно добавил он. Башаром овладели новые сомнения.

— Почему мой сон так важен для тебя, старик? — спросил Фарад'н.

— Твой сон говорит мне, что великие события подходят к логической развязке, — ответил Проповедник. — Я должен ускорить свое возвращение.

Он просто смеется надо мной, подумалось Фарад'ну.

— И ты так и оставишь меня в неведении, не дав мне никакого совета?

— Советы, мой принц, очень опасная материя. Но я скажу тебе несколько слов, которые ты можешь по своему усмотрению считать советом.

— Я буду тебе очень признателен.

Проповедник подошел вплотную к принцу, приблизив к его лицу маску.

— Правительства приходят к власти и теряют ее от причин, которые часто кажутся незначимыми, принц. Какая малость! Спор двух женщин... направление ветра в определенный день, кашель, чихание, длина платья или попадание песчинки в глаз придворного. Отнюдь не всегда ход истории диктуют могущественные имперские министры Его Величества и не всегда рука священника движется согласно воле Бога.

Фарад'н был немало смущен этими словами и не мог объяснить причину этого волнения.

Тиеканика же заинтересовала одна фраза. Почему Проповедник заговорил об одежде? Он подумал об имперской одежде, которую послали близнецам, и о тиграх, натре-

нированных на людоедстве. Что если старик высказывает завуалированные предупреждения? Как много он знает?

— Как понимать этот совет? — спросил Фарад'н.

— Если хочешь добиться успеха, — ответил Проповедник, — ты должен ограничить стратегию точкой ее приложения. К чему обычно прикладывают стратегию? Ее увязывают с определенным местом и привлекают для ее осуществления определенных людей. Но даже при преувеличенном внимании к мелочам некоторые детали неизбежно ускользнут от вашего внимания. Может ли твоя стратегия, принц, быть сведена к амбициям жены какого-нибудь местного правителя?

Тиеканик ледяным тоном перебил старика:

— Что ты рассуждаешь о стратегии, Проповедник? Что, ты думаешь, будет иметь от этого мой принц?

— Ему внушают стремление к трону, — ответил Проповедник. — Я желаю ему удачи, но на этом пути ему потребуется нечто большее чем простая удача.

— Это очень опасные слова, — заговорил Фарад'н. — Как ты осмеливаешься их произносить?

— Амбиции не подвержены воздействию реальности, — ответил Проповедник. — Я осмеливаюсь произносить эти слова потому, что ты, принц, стоишь на перепутье. Ты можешь стать достойным всяческого восхищения. Но сейчас тебя окружают те, кто не утруждает себя поисками моральных оправданий своим действиям, эти советники ориентированы только на стратегию. Ты молод, силен, крепок, но тебе не хватает некоторых навыков, которые развили бы твой характер. Это очень прискорбно, потому что у тебя есть слабости, измерения которых я только что описал.

— Что ты хочешь этим сказать? — потребовал ответа Тиеканик.

— Думай, что говоришь, — добавил Фарад'н. — Что это за слабости?

— Ты никогда не думал о том, какое общество для тебя предпочтительнее, — ответил Проповедник. — Ты не принимаешь в расчет надежды своих объектов. Ты не представляешь себе даже устройство той Империи, которой ты собираешься управлять.

Он повернулся к Тиеканику.

— Твой взор устремлен на власть, а не на ее тонкое использование и ее опасности. Поэтому твое будущее наполнено ругающимися женщинами, кашлем и ветреными днями. Как сможешь ты создать эпоху, если не способен видеть каждой детали? Твой крепкий ум откажется служить тебе. В этом и заключается твоя слабость.

Фарад'н молча рассматривал Проповедника, поражаясь глубине затронутых им проблем, его преданности давно дискредитированным понятиям. Мораль! Социальная цель! Эти мифы давно выброшены за борт поступательным движением эволюции.

Молчание нарушил Тиеканик.

— Ну все, довольно слов. На какой цене мы сойдемся, Проповедник?

— Дункан Айдахо ваш, — ответил старик. — Используйте его по своему усмотрению, но могу сказать, что это бриллиант, не имеющий цены.

— У нас есть для него подходящая миссия. — Тиеканик взглянул на Фарад'на. — Мы уходим, мой принц?

— Отправляй его, пока я не передумал, — сказал Фарад'н, потом сверкнул глазами на Тиеканика. — Мне не нравится, как вы использовали меня, Тиек.

— Простите его, принц, — вмешался в разговор Проповедник. — Твой верный башар выполняет волю Бога, хотя и не догадывается об этом.

Поклонившись, старик направился к выходу, следом за ним поспешил Тиеканик.

Принц посмотрел им вслед и подумал: *Мне надо присмотреться к религии, которую исповедует Тиек.* Он печально улыбнулся. *Каков толкователь сновидений! Но что проку? Мой сон совсем не важен.*

И было у него видение доспехов. Доспехи эти не были его природной кожей и были они прочнее стали. Ничто не могло пробить их— ни нож, ни яд, ни песок, ни пыль и иссушающая жара Пустыни. В правой руке его— держава, сила которой способна вызвать кориолисову бурю, потрясти Землю и превратить ее в ничто. Глаза его устремлены на Золотой Путь, а в левой руке несет он скипетр абсолютной, ничем

не ограниченной власти. За Золотым Путем его взор проникает в вечность, питающую его душу и неистребимую плоть.
(«Вершины. Сон моего брата» из «Книги Ганимы»)

— Будет лучше, если я никогда не стану императором, — заговорил Лето. — О, я не хочу сказать этим, что совершил ошибку отца и заглянул в будущее с помощью склянки зелья. Я говорю об этом из чистого эгоизма. Нам с сестрой крайне необходимо время, чтобы научиться жить с тем, что мы собой представляем.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на госпожу Джессику. Он высказал свою точку зрения, как они и договорились с Ганимой, а теперь ждал, что ответит бабушка.

При свете желтой лампы Джессика внимательно вгляделась в лицо своего внука. Было раннее утро второго дня ее пребывания здесь, но она уже успела получить тревожное известие о том, что дети провели ночь бдения за пределами сиетча. Что они там делали? Она плохо спала и чувствовала, что в крови накопилось слишком много кислот утомления и ей надо немедленно снизить уровень регуляции, который поддерживал ее в работоспособном состоянии с момента прибытия в космопорт. Сиетч остался таким же, каким он снился ей в ночных кошмарах, но Пустыня изменилась до неузнаваемости. *Откуда взялись все эти цветы?* Воздух стал слишком влажным. Ношение защитных костюмов делало молодежь слабой и рыхлой.

— В чем причина того, что ты — ребенок — хочешь иметь время, чтобы изучить себя?

Лето неторопливо покачал головой — этот жест взрослого человека в соединении с детским телом производил странное впечатление, но принц напомнил себе, что его задача — вывести бабушку из равновесия.

— Во-первых, я не ребенок. О... — Он дотронулся до своей груди. — Это детское тело, в этом не приходится сомневаться, но *я* не ребенок.

Джессика непроизвольно закусила губу, чем выдала свое волнение. Ее герцог, много лет назад погибший на этой проклятой планете, смеялся над этой привычкой, приговаривая при этом: *«Это твой единственный необдуманный ответ. Как только ты закусываешь губы, становится ясно,*

что ты волнуешься, и я целую тебя в губки, чтобы ты успокоилась».

И вот теперь ее внук, носивший имя герцога, потряс ее до оцепенения — мальчик улыбнулся и сказал:

— Ты взволнована; я вижу это по твоим трясущимся губам.

Джессике пришлось призвать на помощь всю закваску, полученную у Бене Гессерит, чтобы восстановить спокойствие. Это ей удалось.

— Ты смеешься надо мной?

— Смеяться над тобой? Никогда. Но я должен показать, что мы очень разные. Позволь мне напомнить о той достопамятной оргии в сиетче, когда Старшая Преподобная Мать передала тебе свои жизни и память. Она настроилась на тебя и передала эту... эту длинную цепь, каждое звено которой представляло собой чью-то память. Эти жизни до сих пор в тебе. Поэтому ты понимаешь, что испытываем мы с Ганимой.

— А Алия? — спросила Джессика, проверяя его.

— Разве ты не обсуждала это с Гани?

— Я хочу обсудить это с тобой.

— Очень хорошо. Алия отринула то, чем она была в действительности, свою истинную суть и стала тем, чего она всегда боялась. *Прошлое внутри* нельзя отсылать в бессознательное. Это плохо для любого человека, но для нас, тех, кто предрожден, это хуже смерти. Это все, что я могу сказать об Алие.

— Ты действительно не ребенок, — признала Джессика.

— Мне миллион лет. Это требует умения приспособиться, умения, в котором люди никогда не нуждались.

Несколько успокоившись, Джессика кивнула. Следует быть намного осторожнее с этим мальчиком, чем с Ганимой. Кстати, где она? Почему Лето пришел один?

— Так вот, бабушка, я хочу спросить: мы — воплощение Мерзости или надежда Атрейдесов?

Джессика проигнорировала его вопрос.

— Где твоя сестра?

— Она отвлекает Алию, чтобы та не помешала нашей беседе. Это необходимо. Но Ганима не скажет тебе больше, чем сказал я. Разве ты не увидела этого вчера?

— То, что я увидела вчера, касается только меня. Почему ты вдруг начал болтать о Мерзости?

— Болтать? Не надо кормить меня жаргоном Бене Гессерит, бабушка. Я верну его тебе назад, слово за словом, и буду черпать их из глубин твоей собственной памяти. Я хочу большего, чем твоя закушенная губа.

Джессика в растерянности только покачала головой, чувствуя, как на нее повеяло холодом от этой... *маски*, в которой текла ее кровь. Его превосходство смирило ее. Стараясь приспособиться к его тону, Джессика спросила:

— Что тебе известно о моих намерениях?

В ответ Лето хмыкнул.

— Тебе нет нужды спрашивать, совершил ли я ошибку своего отца. Я не стал выглядывать из сада времени — во всяком случае, у меня не было такой цели. Оставим абсолютное знание будущего тем моментам *deja vu,* которые может испытать любой человек. Я *знаю* о капкане предзнания. Жизнь моего отца многое рассказала мне об этом. Нет, бабушка, абсолютное знание будущего — это абсолютная ловушка. Такое знание приводит к коллапсу Времени. Настоящее становится будущим, а мне нужна большая свобода.

Джессика чувствовала, что ее язык подергивается от желания заговорить, но может ли она сказать ему то, чего он еще не знает? Это было чудовищно! *Это же я! Это мой возлюбленный Лето!* Мысль потрясла ее. Какое-то мгновение ей казалось, что детская маска вот-вот упадет и откроются дорогие черты... но нет!

Мальчик, склонив голову, внимательно смотрел на бабушку. Да, в конце концов ею можно управлять.

— Когда думаешь о предзнании, что, я надеюсь, случается редко, то практически ничем не отличаешься от прочих людей. Очень многие воображают, что было бы прекрасно знать завтрашние цены на китовую шкуру, или знать о том, сумеют ли Харконнены снова захватить свои владения. Но мы знаем о Харконненах и без предзнания, не правда ли, бабушка?

Она не клюнула на его приманку. Конечно, он знает о том, что проклятые Харконнены — наши предки.

— Кто такой этот Харконнен? — спросил Лето, провоцируя Джессику. — Кто этот Зверь Раббан? Он — каждый

из нас, да? Но я отвлекся: суть популярного мифа о предзнании — абсолютное знание будущего! Всего будущего! Знать, что можно сделать состояние — или потерять его, — вот в чем видят абсолютное знание, верно? В это верит чернь. Она верит в то, что чем больше, тем лучше. Великолепно! И если этим людям вручить полный сценарий их жизни, неизменные до самой смерти диалоги, то это будет поистине дьявольский дар, исполненный немыслимой скуки! Каждую секунду человек будет проигрывать то, что он и так целиком и полностью знает наперед. Не будет никаких отклонений. Знать каждый ответ, каждую реплику — снова и снова, и снова...

Лето тряхнул головой.

— В незнании содержится огромное преимущество. Вселенная сюрпризов — вот о чем я молю для себя!

То была долгая речь, все время которой Джессика не могла надивиться манерой и интонациями внука, которые были так похожи на манеру говорить его отца — ее потерянного сына. Даже идеи были сходны — так мог бы говорить и Пауль.

— Ты напомнил мне сейчас твоего отца, — сказала она.

— Это причинило тебе боль?

— В какой-то степени да, но зато теперь я знаю, что он живет в тебе.

— Ты не слишком верно представляешь, как именно он живет во мне.

В ответе внука Джессике послышалась затаенная, но сильная горечь. Она взглянула в глаза Лето.

— Или как во мне живет твой герцог, — продолжал внук. — Бабушка, Ганима — это *ты!* Она настолько идентична с тобой, что хранит всю твою память, начиная с того момента, когда ты родила нашего отца. И меня тоже! Я — ходячий каталог телесной памяти. Иногда это становится трудно выносить. Ты приехала сюда судить нас? Ты приехала судить Алию? Но лучше мы будем судить тебя!

Джессика изо всех сил пыталась найти ответ, но ответа не было. Что он делает? Почему так настаивает на своей особенности? Ищет ли он отвержения? Постиг ли он состояние Алие — Мерзость?

— Тебя это очень волнует, — заметил Лето.

— Да, это волнует меня. — Джессика позволила себе небрежно пожать плечами. — Да, это сильно меня тревожит, и ты прекрасно знаешь причину. Я уверена, что ты проник в суть моей подготовки у Бене Гессерит. Это признала и Ганима. Я знаю, что... сделала Алия. А ты понимаешь последствия своего отличия от прочих.

Он посмотрел на бабушку снизу вверх напряженным взглядом.

— Мы не приняли твою линию, — его голос, казалось, был пропитан усталостью Джессики. — Мы знаем, что дрожание губ — это признак твоего волнения, не хуже, чем это знал твой герцог. Мы можем по своей воле вызвать в памяти все те ласковые слова, которые шептал тебе в спальне твой возлюбленный. Ты восприняла все это с помощью интеллекта, в этом нет никакого сомнения. Но я хочу предупредить тебя, что интеллектуальное приятие — это еще не все. Если кто-то из нас проникнется Мерзостью, то именно твое присутствие в нас сотворит это! Либо мой отец, либо моя мать! Твой герцог! Мы можем стать одержимыми каждым из вас — результат будет одним и тем же.

Джессика ощутила жжение в груди, на глаза ее навернулись слезы.

— Лето, — с трудом произнесла она, впервые называя внука по имени. Боль оказалась меньше, чем она ожидала, и Джессика смогла говорить дальше: — Что ты хочешь от меня?

— Мне придется учить мою бабушку.

— Учить меня — чему?

— Прошедшей ночью мы с Ганимой играли роли матери и отца. Мы едва уцелели, но зато многому научились. Есть вещи, которые можно знать, если осознаешь условия, в которых находишься. Действия можно предвидеть. Например, Алия — это можно утверждать с очень высокой определенностью — плетет заговор с целью вывести тебя из игры.

Джессика была потрясена таким скорым обвинением. Она знала этот трюк и сама много раз им пользовалась — человека ведут по одной линии рассуждений, а потом обрушивают на его голову рассуждение из другой парадигмы. Она сделала глубокий вдох и взяла себя в руки.

— Я знаю, что делала Алия... и кто она, но...

— Бабушка, пожалей ее. Пользуйся не только своим умом, но и сердцем. Ты же умела делать это раньше. Ты же представляешь для нее угрозу, а Алия хочет заполучить Империю, вернее сказать, этого хочет то, во что превратилась Алия.

— Как я смогу понять, что это говорит не Мерзость?

Лето пожал плечами.

— Вот здесь-то и надо воспользоваться сердцем. Мы с Гани хорошо знаем, как пала Алия. Очень нелегко противостоять воплям всей толпы внутренних образов. Попробуй подавить их «я» и они будут возникать всякий раз, когда ты решишь воспользоваться памятью. Настанет день, — Лето сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло, — и какая-нибудь сильная личность внутри тебя захочет разделить с тобой твою плоть.

— И... с этим ничего нельзя поделать? — спросила Джессика, со страхом сознавая, что знает ответ.

— Мы думаем, что кое-что можно сделать... да. Мы не можем довериться зелью — это слишком высокая вершина, а нам нельзя полностью подавлять будущее. Мы должны его использовать, сделать из него нечто вроде амальгамы, вплетая прошлое в свою настоящую сущность. Мы, конечно, перестанем быть исходными самостями, но зато и не станем одержимыми.

— Ты говорил о заговоре с целью моего устранения.

— Он очевиден. Венсиция лелеет амбиции в отношении своего сына. Алия же имеет свои собственные амбиции и...

— Алия и Фарад'н?

— На это пока нет четких указаний, но Алия и Венсиция идут параллельными курсами. У Венсиции есть сестра в доме Алие. Нет ничего проще, чем отправить послание...

— Ты знаешь о таком послании?

— Я даже дословно знаю его содержание.

— Но воочию ты его не видел?

— В этом нет никакой нужды. Надо только знать, что все Атрейдесы находятся здесь, на Арракисе. Вся вода в одной цистерне, — Лето махнул рукой, словно желая обвести контуры планеты.

— Дом Коррино не осмелится атаковать нас здесь.

— Алие будет очень выгодно, если они все же решатся, — насмешливые нотки в голосе Лето вывели Джессику из равновесия.

— Я не желаю, чтобы меня опекал собственный внук! — воскликнула она.

— Черт возьми, женщина, перестань думать обо мне, как о своем внуке! Думай обо мне, как о своем *герцоге* Лето!

Выражение лица и характерный жест были настолько верны, что Джессика в растерянности умолкла.

— Я пытался подготовить тебя. Предоставь мне хотя бы это, — отчужденно и сухо произнес внук.

— Но почему Алия должна меня устранить?

— Естественно, для того, чтобы возложить вину на Дом Коррино.

— Я не верю в это. Даже для нее это было бы... чудовищно! Слишком опасно! Как она сможет сделать это без... Нет, я не могу в это поверить!

— Поверишь, когда это случится. Ах, бабушка, нам с Гани надо было лишь прислушаться к самим себе, чтобы *узнать* это. Это же простое самосохранение. Как иначе можем мы распознать ошибки, которые совершаются вокруг нас?

— Я ни на минуту не могу принять, что мое устранение входит в планы Алие и...

— Господи! Ну как ты, выученица Бене Гессерит, можешь быть такой тупой? Вся Империя почти наверняка знает, зачем ты здесь. Сторонники Венсиции делают все от них зависящее, чтобы дискредитировать тебя. Алия просто не может ждать. Если ты падешь, то Дом Атрейдес не переживет смертельного удара.

— Так о чем же почти наверняка знает вся Империя?

Теперь она трезво и холодно взвешивала каждое слово, ибо понимала, что никакими доводами не сможет она обмануть это *не*дитя.

— Она уверена, что госпожа Джессика хочет соединить в браке близнецов, — хрипло произнес Лето. — Этого желает Община Сестер. Она хочет инцеста!

Джессика часто заморгала глазами.

— Пустые слухи, — возразила она и нервно сглотнула. — Бене Гессерит не допустит, чтобы такие слухи циркулиро-

вали по империи. У нас есть еще кое-какое влияние, запомни это.

— Слухи? Какие слухи? У тебя совершенно точно есть такой выход — сочетать нас браком. — Он тряхнул головой и продолжил: — Не отрицай этого. Нам надо созреть в этом доме, в котором ты будешь жить вместе с нами, хотя твое влияние — это не более чем грязная тряпка, которой размахивают перед лицом песчаного червя.

— Ты что, действительно думаешь, что мы такие отпетые дураки? — спросила Джессика.

— Да, действительно. Ваша Община Сестер — это не что иное, как сборище выживших из ума старых баб, которые как курица с яйцом носятся со своей любимой селекционной программой! Мы с Гани знаем, какие рычаги у них есть. Надеюсь, ты не считаешь нас дураками?

— Рычаги?

— Они знают, что ты из рода Харконненов! Они знают об этом из своих записей: Джессика дочь Танидии Нерус от барона Владимира Харконнена. Если эту запись *случайно* опубликовать, то все твои зубы...

— Ты полагаешь, что Община Сестер опустится до шантажа?

— Я *знаю*, что они это сделают не колеблясь. Нет, они конечно, прикроют это весьма ласковыми словами и искренней заботой. Они сказали тебе, что надо проверить слухи о твоей дочери. Они разбудили в тебе любопытство и страх. Они воззвали к твоему чувству ответственности, они заставили тебя ощутить вину за то, что ты вернулась на Каладан. Они предложили тебе план *спасения* твоих внуков.

Джессика могла лишь молча слушать Лето. Было такое впечатление, что он слышал каждое слово, произнесенное на эмоциональных встречах с доверенными Сестрами из Общины. Она полностью доверилась его словам и теперь была склонна думать, что суждения Лето в отношении Алие были справедливыми.

— Теперь ты видишь, бабушка, что мне пришлось принять нелегкое решение, — сказал он. — Следую ли я мистике Атрейдесов? Живу ли я для выполнения своих задач... и умру ли я ради них? Или мне надо выбрать иной путь — путь, который позволит мне прожить тысячу лет?

От этих слов Джессика непроизвольно отпрянула назад. Эти столь непринужденно сказанные слова коснулись предмета, который Община Сестер сделала практически немыслимым. Многие Преподобные Матери могли выбрать этот путь... и даже пытались это сделать. Манипуляции с биохимией организма были доступны всем посвященным в Общину, но если это сделает один человек, то и другие захотят попробовать. Такому накоплению женщин, не имеющих возраста, нельзя было бы положить предел. Сестры точно знали, что это путь к самоуничтожению, ибо все остальные смертные ополчатся против них. Нет, этот выход был немыслим.

— Мне не нравится ход твоих мыслей, — сказала она.

— Ты не понимаешь моих мыслей, — ответил Лето. — Гани и я... — он снова покачал головой. — У Алие было в руках это оружие, но она его отбросила.

— Ты в этом уверен? Я уже послала в Общину отчет о том, что Алия практикует немыслимое. Посмотри на нее! Она нисколько не постарела с тех пор, как я в последний раз...

— Ах, это! — движением руки Лето отмел прочь упоминание о телесном равновесии Бене Гессерит. — Я говорю о другом — о том совершенстве, которое выходит далеко за пределы, достижимые обычным человеком.

Джессика хранила молчание, пораженная той легкостью, с которой внук уничтожал ее маскировку. Он точно знал, что такое сообщение — это смертный приговор Алие, и не важно, какие он при этом произносит слова — важно, что он хочет сделать то же самое. Понимает ли он всю опасность и вредоносность своих слов?

— Ты должен объясниться, — выдавила из себя Джессика.

— Каким образом? — спросил он. — Если ты не поймешь, что Время — это совсем не то, чем оно кажется, то мне не стоит даже начинать приступать к объяснению. Мой отец подозревал это. Он стоял на краю понимания, но не удержался и пал. Теперь настала наша с Гани очередь.

— Я настаиваю на объяснении, — произнесла Джессика и нащупала в складках накидки отравленную иглу. Это был гом джаббар, смертельный настолько, что легкий укол вызывал практически мгновенную смерть. *Меня предупреждали, что, возможно, придется им воспользоваться,*

подумала она. От этой мысли рука ее задрожала, и Джессика была очень благодарна за то, что одежда скрыла эту дрожь от глаз Лето.

— Ну хорошо, — со вздохом сказал внук. — Во-первых, что касается Времени: нет никакой разницы между тысячью лет и одним годом, между сотней тысяч лет и одним мгновением. Нет никакой разницы. Это первый факт, касающийся Времени. А вот и второй факт: вся Вселенная со всем ее временем находится внутри меня.

— Что это за бессмыслица? — поинтересовалась Джессика.

— Вот видишь? Ты ничего не поняла. Попробую объяснить это другим способом, — он поднял руку, иллюстрируя ее движениями свои слова. — Мы движемся вперед, потом движемся назад.

— Эти слова ничего не объясняют!

— Это верно, — согласился Лето. — Есть вещи, которые нельзя объяснить словами. Их должно почувствовать без слов, но ты не готова к такому восприятию, потому что смотришь на меня, но не видишь.

— Но... я же смотрю прямо на тебя, значит, я без сомнения тебя вижу, — она действительно уставила на него свой горящий взор. Его слова были отражением знания Кодекса Дзенсунни, которому ее саму учили в школе Бене Гессерит: игра словами, имеющая целью исказить понимание собеседником основ философии.

— Некоторые вещи происходят вне нашего контроля, — сказал Лето.

— Но как таким путем можно объяснить это... это *совершенство*, которое столь далеко выходит за пределы человеческого опыта?

Он кивнул.

— Если человек задерживает наступление старости с помощью меланжи или регуляцией телесных процессов, чего столь обоснованно боятся посвященные Бене Гессерит, то такая задержка является лишь иллюзией контроля. Быстро пройдет человек из одного края сиетча в другой или медленно, он все равно пересечет сиетч. Течение же времени ощущается лишь внутренне.

— Зачем ты играешь словами? Я сломала свои зубы мудрости на этой чуши, когда твой отец еще не родился.

— Росли только зубы, но не мудрость, — отпарировал Лето.

— Слова! Одни только слова!

— Ах, как ты близка к истине!

— Ха!

— Бабушка?

— Что?

В ответ он выдержал длинную паузу, потом заговорил:

— Вот видишь, ты можешь отвечать искренне. — Он улыбнулся. — Но ты не можешь видеть сквозь тень. Посмотри, я же здесь. — Он снова улыбнулся. — Мой отец подошел очень близко к этому открытию. Пока он жил — он жил, но умереть ему не удалось.

— О чем ты говоришь?

— Покажи мне его тело!

— Ты думаешь, что этот Проповедник...

— Возможно, но даже если это и так, то это не его тело.

— Ты мне ничего не объяснил, — в тоне Джессики прозвучало обвинение.

— Я тебя предупреждал.

— Тогда почему...

— Ты очень просила, и я вынужден был тебе показать. Теперь давай вернемся к Алие и ее плану твоего устранения для...

— Ты хочешь сделать немыслимое? — спросила Джессика и приготовила к действию отравленную иглу гом джаббара.

— А ты хочешь стать ее палачом? — вкрадчиво спросил он и указал рукой на пальцы бабушки под накидкой. — Неужели ты думаешь, что она позволит тебе этим воспользоваться? Или ты воображаешь, что я позволю это сделать?

Джессика хотела глотнуть, но мышцы не повиновались ей.

— Отвечаю на твой вопрос, — продолжал Лето. — Я не хочу исполнить немыслимое, я не настолько глуп. Но я поражаюсь тебе. Ты осмеливаешься судить Алию. Ну конечно, она же нарушила любезные твоему сердцу заповеди Бене Гессерит! Чего ты ждешь? Ты сбежала отсюда и фактически оставила ее королевой, не утвердив в должности официально. Оставила ей всю власть! Отправилась на Каладан зализывать раны в объятиях Гурни. Очень хорошо. Но кто ты такая, чтобы судить Алию?

— Еще раз говорю тебе, я не буду об...

— Заткнись! — он с отвращением отвернулся. Слово было произнесено специальным способом, разработанным

Бене Гессерит, — это был *Голос*, которому повиновались все, кто его слышал. Джессика замолчала, словно рот ей заткнули ладонью. Женщина подумала: *Кто же еще мог лучше воспользоваться Голосом, чем этот мальчик?* Этот аргумент подсластил пилюлю и унял расходившиеся было чувства. Как часто она сама пользовалась Голосом в отношении других, но никогда не думала, что она столь же подвержена ему... такого не было никогда... даже в дни учения, когда...

Он снова повернулся к бабке лицом.

— Прошу прощения. Я только теперь убедился, как слепо ты можешь реагировать, если...

— Слепо? Я? — Это замечание привело ее в большую ярость, чем то, что он осмелился усмирить ее Голосом.

— Ты, — ответил он. — Слепо. Если в тебе осталась хоть капля честности, то ты оценишь свою реакцию. Я называю твое имя и ты отвечаешь: «Да?» Я призываю все мифы твоего Бене Гессерит. Взгляни, как тебя учили. По крайней мере хоть это ты можешь для себя сделать...

— Как ты смеешь? Что ты знаешь... — голос ее предательски сорвался. Конечно, он знает!

— Всмотрись в себя! — в его голосе прозвучал металл.

Голос снова изменил Джессике. Чувства ее застыли, дыхание участилось. Где-то вне сознания остались трепещущее сердце и боль в груди. Внезапно до Джессики дошло, что учащенное дыхание и сердцебиение не поддавались контролю по Бене Гессерит. Это осознание потрясло ее: плоть, ее собственная плоть подчинилась чужой воле. Она с трудом восстановила равновесие, но воспоминание о пережитом осталось. Это *недитя* играло на ней, как на послушном, хорошо настроенном инструменте.

— Теперь ты понимаешь, как глубоко ты обусловлена своими любимыми сестрами из Бене Гессерит, — сказал он.

Она смогла только кивнуть в ответ. Лето заставил ее взглянуть прямо в глаза ее физической сущности, и она была потрясена открывшимся ей осознанием. *«Покажи мне его тело!»*. Он показал ей ее тело так, словно она была новорожденной. С времен своей учебы в Валашской школе, с того ужасного дня, когда прибыли покупатели герцога, не чувствовала Джессика такой ужасной неуверенности в следующем мгновении.

— Ты позволишь устранить себя, — сказал Лето.

— Но...

— Я не собираюсь обсуждать эту тему, — сказал он. — Ты позволишь. Считай это приказом своего Герцога. Ты увидишь цель, когда все будет сделано, при этом ты столкнешься с очень интересным студентом.

Лето встал и коротко поклонился.

— Некоторые действия имеют конец, но не имеют начала; некоторые начинаются, но не имеют конца. Все зависит от того, где находится наблюдатель.

Повернувшись, он вышел из покоев.

Выйдя в переднюю, он столкнулся с Ганимой, спешившей в их апартаменты. Увидев брата, она остановилась.

— Алия на Совете Веры, — сказала Ганима и вопросительно взглянула на проход, ведущий в покои Джессики.

— Подействовало, — ответил Лето на немой вопрос сестры.

Жестокость с легкостью распознается как таковая, как жертвой, так и преступником, всеми, кто узнает о ней даже издалека. Жестокость нельзя простить; она не может иметь смягчающих обстоятельств. Жестокостью невозможно ни уравновесить, ни оправдать прошлое. Жестокость готовит будущее к еще большей жестокости. Она совершает преступление сама над собой— это варварская форма первобытного инцеста. Тот, кто совершает жестокость, воспитывает жестокость и в будущих поколениях.

(Апокрифы Муад'Диба)

Вскоре после полудня, когда большинство паломников направилось в поисках благодетельной тени и дешевой выпивки, Проповедник вступил на большую площадь у подножия Храма Алие. Сейчас он держался за руку своих искусственных глаз — юного Ассана Тарика. В кармане под полой развевающейся накидки лежала черная ячеистая маска, которую он надевал на Салусе Секундус. Было забавно думать, что и маска, и мальчик служили одной цели — притворству и обману. Пока ему были нужны глаза-суррогаты, продолжали существовать сомнения.

Пусть миф растет, но сомнения должны оставаться жить, думал он.

Ни один человек не должен догадываться, что маска — это всего лишь кусок материи, а не иксианский шедевр; рука его не должна соскальзывать с костлявого плеча Ассана Тарика. Стоит только Проповеднику предстать перед людьми зрячим, несмотря на пустые глазницы, как отпадут все сомнения. Умрет даже та малая надежда, которую он пестовал. Каждый день он молился об изменениях, о каком-нибудь отличии, о которое можно было бы споткнуться, но даже на Салусе Секундус все было гладко, как на прибрежной гальке, все было заранее известно. Ничто не изменилось; ничто и не могло измениться... пока.

Многие видели, как он шел мимо лавок и аркад, замечая при этом, как он время от времени поворачивает голову из стороны в сторону, явно рассматривая витрину или человека. Движения его не были похожи на движения слепого, и это поддерживало и усиливало миф.

Алия следила за Проповедником сквозь прикрытую бойницу на стене храма. Женщина внимательно рассматривала покрытое шрамами лицо, ища в нем надежные признаки идентификации. Ей докладывали обо всех слухах. Каждый новый слух возбуждал страх.

Алия подумала о том, что ее приказ тайно захватить Проповедника тоже вернулся к ней в виде слуха. Даже ее гвардия не умела держать язык за зубами. Она надеялась все же, что гвардейцы выполнят ее новый приказ и схватят слепца тайно, не в людном месте, где момент ареста увидит слишком много народа.

На площади было жарко и пыльно. Юный поводырь прикрыл краем накидки нижнюю часть лица, оставив только глаза и узкую полоску лба. Эта завеса оттопыривалась влагоуловителем защитного костюма. Эта деталь сказала Алие, что путники пришли откуда-то из Пустыни. Интересно, где они там прячутся?

Проповедник не закрывал лица от иссушающего воздуха. Он даже сбросил трубку влагоуловителя. Лицо старика было открыто солнечному свету и колебалось в волнах марева, поднимавшегося от раскаленных плит площади.

На ступенях храма стояла группа из девяти паломников, которые обменивались на прощание вежливыми поклонами. В тени по краям площади находились еще человек пятьдесят, большей частью тоже паломники, которые

предавались наказаниям, наложенным на них священниками. Среди зевак преобладали посыльные и купцы, которые не продали достаточно товара, чтобы закрыть лавки на эту самую жаркую часть дня.

Наблюдая всю эту сцену из открытой амбразуры, Алия чувствовала текучую жару и разрывалась между мыслями и безотчетными чувствами. Точно в таком же состоянии часто пребывал и ее брат. Искушение посоветоваться с кем-нибудь из внутренних образов было так сильно, что отдавалось в голове зловещим гулом. Барон был здесь — как всегда, готовый к услугам, но тоже, как всегда, играющий на ее страхе, когда рациональное суждение пасовало, и в голове смешивались прошлое, настоящее и будущее.

Что если это действительно Пауль? — спрашивала она себя.

«Глупости!» — ответил внутренний голос.

Однако в подлинности донесений о сути слов Проповедника сомневаться не приходилось. *Ересь!* Было страшно подумать, что Пауль сам разрушает строение, зиждущееся на его имени.

А почему бы и нет?

Она вспомнила, что говорила на Совете этим утром, когда злобно обрушилась на Ирулан, которая настаивала на принятии даров от Дома Коррино.

— Все дары близнецам буду тщательно осмотрены и проверены, как всегда, — протестовала Ирулан.

— И что будет, если мы найдем их безвредными? — воскликнула Алия.

Почему-то больше всего пугало именно это: что в дарах не будет никакой скрытой угрозы.

В конце концов дары были приняты, и они перешли к следующему вопросу: следует ли ввести госпожу Джессику в состав Совета? Алия умудрилась добиться отсрочки голосования.

Сейчас она думала обо всем этом, глядя на площадь.

То, что случилось с ее регентством, напоминало изнанку той трансформации, которая произошла с планетой по их милости. Некогда Дюна была символом могущества безграничной Пустыни. Сила Пустыни уменьшилась чисто физически, но миф о ее могуществе продолжал разрастаться. Остался только океан-Пустыня, огромная Мать Пус-

тыня, окаймленная колючим кустарником, который фримены все еще называли Королевой Ночи. За кустарником начинались покрытые зеленью холмы, полого спускавшиеся к пескам. Все эти холмы были рукотворными произведениями человеческого гения. Каждый холм был обсажен растениями, которые сажали люди, работавшие на этих посадках с трудолюбием муравьев. Зелень этих холмов придавала небывалую силу всякому, кто поднимался на них, как это сделала Алия, согласно традиции страны, сплошь покрытой некогда сѐровато-коричневым песком. В ее сознании, как и в сознании большинства фрименов, океан-Пустыня все еще держал Дюну мертвой хваткой, которая никогда не ослабнет. Стоило только закрыть глаза, как перед внутренним взором возникал величественный пейзаж Пустыни.

Но стоило только их открыть, как становились видны зеленеющие холмы, болота, вытянувшие свои псевдоподии по направлению к пескам — но Пустыня оставалась Пустыней — могучей и грозной.

Алия тряхнула головой и снова посмотрела на Проповедника.

Он взошел на первую, обширную, словно терраса, ступень храма, остановился и повернулся лицом к опустевшей площади. Алия нажала кнопку на подоконнике, включив прибор, усиливающий голоса, доносящиеся снизу. Ей вдруг стало жалко себя за то, что она пребывает здесь в полном одиночестве. Кому может она доверять? Она думала, что можно положиться на Стилгара, но он заразился идеями этого слепца.

— Вы знаете, как он считает? — спросил ее однажды Стилгар. — Я слышал, как он считает монеты, расплачиваясь с поводырем. Это было очень странно для моего фрименского уха и это просто ужасно. Он считает: шук, ишкай, кимса, чуаску, пича, сукта и так далее. Последний раз я слышал такой счет в Пустыне в давние времена.

Из этого Алия заключила, что Стилгара нельзя посылать сделать то, что должно быть сделано. Надо быть особенно осмотрительной с охранной гвардией, где малейший намек регентши истолковывается как жесткий приказ.

Что он там делает, этот Проповедник?

Рынок, расположенный под защитными балконами и аркадами, все еще являл миру свое безвкусное аляповатое лицо: товары остались на прилавках под присмотром нескольких мальчишек. Некоторые продавцы, вместо того чтобы спать, продолжали вытряхивать деньги за свои приправленные зельем бисквиты у жителей деревень и бренчащих мелочью паломников.

Алия внимательно рассматривала спину Проповедника. Кажется, он приготовился говорить, но что-то сдерживало его голос.

Зачем я стою здесь и смотрю на эту древнюю развалину? спросила она себя. *Этот обломок человека не может быть «сосудом величия», каким был некогда мой брат.*

Ее охватила подавленность, граничащая с гневом. Как можно узнать что-нибудь о Проповеднике, узнать что-то определенное, не узнавая при этом ничего? Она загнала сама себя в ловушку. Она не осмеливается выказать ничего, кроме легкого любопытства по отношению к этому еретику.

Ирулан хорошо это почувствовала. Она потеряла всю свою Бене-Гессеритскую невозмутимость и кричала на Совете, как базарная торговка: «Мы утратили способность хорошо думать о самих себе!»

Даже Стилгар был шокирован.

В чувство всех вернул Джавид:

— У нас нет времени на всю эту чушь.

Джавид был прав. Какая в конце концов, разница, как они думают о самих себе? Все, что их на самом деле заботило, — это как сохранить имперскую власть.

Но Ирулан, даже придя в себя, не могла остановиться, и продолжала говорить ужасные вещи.

— Я говорю вам, что мы потеряли нечто жизненно важное. Когда же мы потеряли это, то стали не способны принимать правильные, хорошие решения. Мы набрасываемся на первые попавшиеся решения, как на врага, либо занимаем выжидательную позицию и без конца ждем, чтобы нами руководили решения, принятые другими. Неужели мы забыли, что были первыми, кто пустил этот поток?

И превыше всего вопрос о том, принимать или не принимать дары Дома Коррино.

Придется устранить Ирулан, решила Алия.

Но между тем чего ждет старик у подножия храма? Он называет себя Проповедником, так почему он не проповедует?

Ирулан неправильно судит о нашем способе принятия решений, сказала себе Алия. *Я все еще могу принимать верные решения!* Человек, который имеет возможность манипулировать жизнью и смертью, обязан принимать решения, иначе его неизбежно будет раскачивать, как маятник. Пауль всегда говорил, что самая опасная и неестественная вещь на свете — это застой. Единственное, что должно быть постоянным и перманентным — это течение. Изменение, вот то главное, что имеет значение.

Я покажу им изменения! — подумала Алия.

Проповедник вскинул руки для благословения.

Немногие люди, остававшиеся на площади, подтянулись поближе к старику, и Алия мысленно отметила неторопливость этого движения. Да, по стране ходили слухи, что Проповедник возбудил неприязнь Алие. Она приникла ухом к иксианскому громкоговорителю, вмонтированному в потайное отверстие. Из динамика донесся ропот людей, свист ветра и скрип подошв о песок.

— Я принес вам четыре вести, — провозгласил Проповедник.

Слова Проповедника раздались из динамика, словно трубный глас, и Алия уменьшила громкость.

— Каждая весть предназначена для определенного человека, — продолжал Проповедник. — Первая весть — для Алие, сюзерена этого места.

При этих словах старик, не оборачиваясь, ткнул пальцем в направлении окна, у которого стояла Алия.

— Я принес ей предупреждение: ты, кто владеет тайной бессмертия чресл, продала свое будущее за пустой кошель!

Как он смеет? — подумала Алия, но слова старика поразили ее смертельным холодом.

— Мое второе послание, — продолжал вещать Проповедник, — предназначено Стилгару, наибу фрименов, который полагает, что может превратить силу племен в силу Империи. Мое предупреждение тебе, Стилгар: самое опасное из всех творений — это застывший этический кодекс. Он обрушится на тебя самого и отправит тебя в изгнание!

Он заходит слишком далеко! — подумала Алия. *Надо послать стражу и арестовать его, невзирая на последствия.* Однако руки ее остались неподвижными.

Проповедник обратил лицо к храму, взошел на вторую ступень, снова обернулся к площади, по-прежнему держась за плечо поводыря. Опять в динамике раздался его голос.

— Моя третья весть предназначена для принцессы Ирулан. Принцесса! Унижение, это такая вещь, которая не забывается никогда. Я предупреждаю тебя — беги!

Что он говорит? — спросила себя Алия. *Мы действительно унижали Ирулан, но... Почему он предупреждает ее и призывает к бегству? Ведь я приняла решение только сейчас.* Страх охватил Алию. Откуда Проповедник знает об этом?

— Моя четвертая весть — для Дункана Айдахо, — крикнул Проповедник. — Дункан! Тебя учили, что за верность платят верностью. О, Дункан, не верь истории, потому что история движется не верностью, но деньгами. Дункан! Возьми свои рога и делай то, что ты умеешь делать лучше всего.

Правой рукой Алия ущипнула себя за спину. *Рога!* Она хотела было нажать кнопку вызова стражи, но рука отказывалась повиноваться.

— А теперь я буду говорить с вами, — промолвил старик. — Это слово Пустыни. Я направляю свою проповедь к священникам Культа Муад'Диба, кои практикуют экуменизм меча. О, вы, верующие в явленность предназначения! Ведомо ли вам, что явленная судьба имеет демоническую сторону. Вы кричите, что приходите в состояние экзальтации просто для того, чтобы жить, как порождения Муад'Диба, а я говорю вам, что вы покинули Муад'Диба. Святость заменила любовь в вашей религии! Вы накликаете на себя месть Пустыни!

Проповедник, словно для молитвы, склонил голову.

В этот миг Алию потрясло озарение. Господи! Этот голос! За много лет он стал надтреснутым и глуховатым, но это было то, что осталось от голоса Пауля в знойных песках Пустыни.

Проповедник поднял голову. Голос его снова загремел над площадью, которая снова стала заполняться людьми, привлеченными этим странным пришельцем из прошлого.

— И сказано в писании, — вещал Проповедник. — Те, кто молился о росе в Пустыне, принесут потоп! И не избегнут они участи своей силой разума своего! Разум возникает из гордыни, которую человек может не распознать в тот миг, когда совершает зло, — старик понизил голос. — Было сказано, что Муад'Диб умер от предзнания, что знание будущего убило его, и он перешел из реальной вселенной в Алам аль-Митхаль. Скажу вам, что это майянская иллюзия. В таких мыслях не существует независимой реальности. Эти мысли не могут покинуть ваших голов и творить действительность. О себе сам Муад'Диб говорил, что не обладал магией Рихани, с помощью которой можно зашифровать Вселенную. Не сомневайтесь в его словах.

Проповедник снова поднял руки, и голос его зазвучал громоподобными раскатами.

— Я предостерегаю священников Муад'Диба! Огонь снизойдет на скалу и сожжет вас! Те, кто слишком хорошо усвоил уроки самообмана, сам первый погибнет от этого обмана. Кровь брата нельзя смыть простым омовением!

Старик опустил руки, отыскал плечо поводыря и покинул площадь прежде, чем Алия успела прийти в себя — ее охватила дрожь и оцепенение. Такая дерзкая ересь! Это наверняка Пауль. Надо предупредить стражу. Против этого *Проповедника* нельзя выступать в открытую. То, что произошло на площади, еще больше укрепило ее в этом мнении.

Несмотря на явную ересь, никто даже не попытался задержать старика. Даже храмовая стража не бросилась за ним в погоню. Даже паломники остались безучастны. Этот слепец обладает харизмой! Каждый, кто слышит его, чувствует его силу, отражение в нем божественного таланта.

Несмотря на сильную жару, Алию начал колотить озноб. Она чисто физически почувствовала, как слабо держит она в своих руках Империю. Она ухватилась за край подоконника, словно желая почерпнуть из него силу, чтобы укрепить свою хрупкую власть. Равновесие между Советом Земель, Высшим Судом и Фрименской армией составляли ядро власти, в то время как Космическая Гильдия и Бене Гессерит предпочитали оставаться в тени. Запрещенная законом утечка передовой технологической информации на краях проникновения людей, подтачивала центральную власть. Продукция, которую выпускали предприятия Ик-

сиана и Тлейлаксу, не могли сдерживать это давление с периферии. Кроме того, на горизонте постоянно маячил Фарад'н из Дома Коррино, наследник титулов и притязаний Шаддама Четвертого.

Без фременов, без гериатрического снадобья и монополии на него Атрейдесов ее хватка наверняка ослабнет. Власть распадется. Алия уже сейчас чувствует, как она ускользает из рук. Люди следуют за Проповедником. Просто заткнуть ему рот — опасно. Это практически также опасно, как позволить ему и дальше произносить те еретические речи, которые он произносил сегодня на площади перед храмом. Алия ясно видела зловещие предзнаменования собственного поражения и те проблемы, которые встали на повестку дня. Бене Гессерит кодифицировал эту проблему:

«Большая популяция, находящаяся под контролем малой, но мощной силы, — это обычное явление в нашей вселенной. Мы знаем главные условия, когда эта большая популяция может обратиться против своих властителей.

Первое: Когда популяция обретает лидера. Это летучая, как огонь, угроза власть предержащим; лидеры должны находиться под контролем.

Второе: Когда популяция осознает свое рабство. Народ надо держать в слепоте и невежестве. Он не должен рассуждать и задавать вопросы.

Третье: Когда популяция обретает надежду сбросить цепи. Она никогда не должна даже помышлять о такой возможности».

Алия тряхнула головой, чувствуя, как от этого энергичного движения задрожали ее щеки. Все признаки в ее популяции были налицо. Каждое донесение секретных агентов убеждало ее в этом знании. Непрекращающаяся война фременского джихада оставляла свои следы повсюду. Какой бы планеты ни коснулся экуменизм меча, ее население начинало проявлять все признаки покоренных наций: сопротивление, замкнутость, уклонение. Все проявления власти — а в данном случае *религиозной власти* — становились объектом озлобления и возмущения. Нет, конечно, миллионы паломников продолжали прибывать на Арракис, и многие из них были действительно преданными верующими. Однако в большинстве случаев паломни-

ки имели иные побудительные мотивы, нежели искреннюю веру. Чаще всего это была хитрость, направленная на обеспечение своей будущности. Такие паломники подчеркивали свое послушание и получали в обмен определенную форму власти, которая легко трансформировалась в материальное благосостояние. Совершившие хадж на Арракис, возвращаясь домой, обретали власть и получали новый, более высокий социальный статус. Паломники могли отныне принимать такие экономические решения, которые не снились им в родных пенатах до совершения хаджа.

Алия вспомнила старую популярную загадку: «Что можно найти в пустом кошельке паломника, вернувшегося с Дюны?» Ответ: «Глаза Муад'Диба» (огненные бриллианты).

Перед мысленным взором Алие промелькнули традиционные способы противодействия растущему неповиновению: народ надо приучить к мысли о том, что любая оппозиция наказуема, а любое проявление лояльности влечет за собой вознаграждение. Имперские силы надо менять в обычном порядке. Дополнительные воинские формирования должны быть скрыты. Все мероприятия регентства против потенциального сопротивления должны быть тщательно спланированы во времени для того, чтобы выбить почву из-под ног оппозиции.

Неужели я потеряла способность распоряжаться Временем? — подумала Алия.

«Что за праздные рассуждения?» — раздался знакомый голос. Алия почувствовала, как успокаивается. Да, план барона был хорош. Мы устраняем угрозу, исходящую от госпожи Джессики и одновременно дискредитируем Дом Коррино. Вот так.

Проповедником можно заняться и позже. Его положение ясно, символика понятна. Старик — воплощение древнего духа необузданных спекуляций, дух живой и ортодоксальной ереси Пустыни. В этом его сила. Не имеет значения, Пауль ли это... во всяком случае, до тех пор, пока в этом есть сомнения. Школа Бене Гессерит подсказывала Алие, что ключом к поиску слабости Проповедника может стать его сила.

В Проповеднике обязательно существует некий порок, который мы отыщем. Я направлю шпионов по его следам, мы

будем следить за ним каждую минуту и дискредитируем его, как только представится такая возможность.

Я не стану спорить с утверждениями фременов о том, что они вдохновлены Богом для передачи религиозного откровения. На самом деле это утверждение касается чисто идеологического откровения, что вдохновляет меня на то, чтобы осыпать этих людей насмешками. Конечно, они ставят себе такие двойственные цели в надежде, что они укрепят их деспотию и помогут распространиться по Вселенной, которая находит их обычными угнетателями. От имени всех угнетенных народов я хочу предупредить фременов: кратковременная выгода никогда не становится долговременной.
(Арракинский Проповедник)

Вместе со Стилгаром Лето поднялся ночью на узкий выступ низкого скалистого отрога, который в сиетче Табр называли Спутником. В неверном свете ущербной Второй Луны с уступа открывалась широкая панорама: Защитный Вал с горой Айдахо на севере, Великая Равнина на юге и простирающиеся на восток до самого Хаббанийского хребта. Вьющаяся пыль, не осевшая после бури, скрывала южный горизонт. В лунном свете Защитный Вал казался покрытым инеем.

Стилгар пришел сюда против своей воли, движимый лишь любопытством, которое Лето возбудил в нем своим таинственным предприятием. Зачем надо было рисковать переходом по пескам? Но парень пригрозил, что в случае отказа Стилгара он пойдет один, а это было чревато большими опасностями — мальчик мог заблудиться и пропасть в Пустыне. Однако ночное путешествие всерьез беспокоило старого воина. Ночью, одни, они с Лето были прекрасными и очень желанными кое для кого мишенями.

Лето вскарабкался на уступ и стал смотреть на южную равнину. Словно в растерянности, он стукнул себя ладонью по колену.

Стилгар ждал. Он очень хорошо умел молча ждать. Вот и сейчас он безмолвно стоял в двух шагах от своего подопечного, скрестив руки на груди. Легкий ночной бриз шевелил накидку.

Для Лето переход по пескам был ответом на внутреннее побуждение, необходимость поиска новых связей в жизни в ходе подспудного конфликта, в который он не стал втягивать Ганиму, не желая подвергать ее ненужному риску. Стилгара он уговорил участвовать в походе вместе с ним, поскольку воин знал, что надо приготовить для длительного путешествия.

Лето снова хлопнул себя по колену. Как трудно дается любое начало! Иногда он чувствовал бесчисленные чужие жизни, которые были в нем, как свои собственные. Течение этих чужих жизней отличалось одной особенностью — у них не было конца, свершения — они представляли собой бесконечное начало. Они могли стать гомонящей, неуправляемой толпой, которая вела себя так, словно он был единственным окном, сквозь которое они могли выглянуть в реальный мир. В них таилось зло, которое поразило Алию.

Лунный свет серебрил пейзаж после бури. По равнине змеились бесчисленные, прихотливо извивающиеся дюны; ветры словно просеивали осколки силикатной породы: пыль, песок, галька. Сейчас, прямо перед рассветом, Лето снова почувствовал, как его охватывает нерешительность. Время давило на плечи тяжким грузом. Уже стоял месяц Аккад, а позади было бесконечное ожидание: долгие жаркие дни и иссушающие душные ночи, такие, как эта, — они несли в себе тревожный аромат и дух знойных земель Хокбледа. Лето оглянулся через плечо и посмотрел на Защитный Вал, зубчатые гребни которого четко вырисовывались на фоне ярких звезд. За хребтом, в южной котловине, находилось средоточие мучившей его проблемы.

Лето снова вгляделся в Пустыню. Пока он глядел в темноту, занялся рассвет, солнце, взошедшее среди шлейфов пыли, высветило красноватые полоски песка, прихотливо вившиеся по земле после ночной бури. Мальчик прикрыл глаза, стараясь представить себе, как выглядит начинающийся день из Арракина. Город лежал позади в полном сознании своего могущества, похожий на коробки, разбросанные между светом и новыми тенями. Пустыня... коробки... Пустыня... коробки.

Когда Лето открыл глаза, Пустыня осталась на месте: выбеленный солнцем бескрайний песок. Маслянисто по-

блескивавшие тени у основания каждой дюны протягивались по земле, словно отметины только что прошедшей ночи. Эти отметины связывали одно время с другим. Он подумал о ночи, о том, что он пробирается по Пустыне с верным Стилгаром, который торопливо идет сзади, обеспокоенный тишиной и необъяснимыми причинами, толкнувшими Лето на это путешествие. Кто-кто, а Стилгар очень хорошо знает этот путь — он не раз проделывал его со своим любимым Муад'Дибом. Вот и сейчас старый воин шел по песку, настороженно оглядывая окрестности, остерегаясь опасности. Стилгар не любил дневной свет, в этом он был истинным фрименом.

Умом Лето не желал, чтобы кончились ночь и чистые тяготы перехода по пескам. Только в скалах еще оставались черные остатки ночи. Лето разделял страх Стилгара перед дневным светом. Чернота цельна, даже если кипит ужасом. Свет же многолик. Ночь страшна запахами и летучими неуловимыми звуками. Измерения в ночи распадаются, все становится преувеличенным — шипы более колючими, листья — острее. Но ужас дня может быть намного хуже.

Стилгар покашлял, чтобы привлечь внимание.

— У меня очень серьезная проблема, Стил, — сказал Лето, не оборачиваясь.

— Я так и думал, — голос был глух, в нем сквозила тревога. Ребенок слишком разительно напоминает своего отца. Это беспокоило Стилгара. Сама мысль о запретной магии вызывала у него спазм отвращения. Фримены хорошо понимали ужас *одержимости*. Тех, кто ею страдал, по праву убивали, а воду выливали в песок, чтобы она не загрязняла племенную цистерну. Мертвые должны оставаться мертвыми. Конечно, нет ничего предосудительного в том, чтобы отцы сохраняли свое бессмертие в детях, но дети не имеют права слишком верно следовать формам прошлого.

— Моя проблема заключается в том, что отец не успел завершить многих дел, — заговорил Лето. — В особенности это касается средоточия наших жизней. Империя не может дальше существовать без надлежащего внимания к человеческой жизни. Я говорю о жизни, Стил, ты понимаешь меня? О жизни, а не о смерти.

— Однажды, встревоженный своим видением, ваш отец точно так же говорил со мной, — отозвался Стилгар.

Лето испытывал большое искушение сменить тему страха каким-нибудь легким ответом, например, предложить позавтракать. Он только теперь понял, насколько он голоден. Они со Стилгаром в последний раз ели в прошлый полдень и по настоянию Лето голодали всю ночь. Но теперь Лето мучил и другой голод.

Проблема моей жизни связана с проблемой этого места, думал Лето. *Не существует предварительного творения. Я просто возвращаюсь назад, возвращаюсь беспрестанно, снова и снова, до тех пор, пока расстояние, отделяющее меня от начала, не исчезает полностью. Я не могу увидеть горизонт, я не могу увидеть Хаббанийский хребет. Я не в силах отыскать оригинальное местоположение проверки истины.*

— Предзнанию действительно нет замены, — сказал Лето. — Вероятно, мне стоит рискнуть и принять зелье.

— И погибнуть, как ваш отец?

— В этом и состоит дилемма, — ответил Лето.

— Однажды ваш отец поведал мне, что знание будущего может запереть человека в нем, как в ловушке, и исключить любую свободу и возможность что-то изменить.

— Этот парадокс и составляет суть проблемы, — проговорил Лето. — Предзнание — очень тонкая, но мощная вещь. Будущее наступает сейчас. Очень опасно быть зрячим в стране слепых. Пытаясь растолковать слепому то, что ты видишь, рискуешь забыть, что слепому присуща особая система движений, обусловленная его состоянием. Слепые подобны чудовищным машинам, движущимся по предначертанному пути. У них свои ценности, представления и точки опоры. Я боюсь слепых, Стил. Я действительно их боюсь. На своем пути они могут легко сокрушить что угодно и кого угодно.

Стилгар не мигая всматривался в Пустынный ландшафт. Известковый рассвет сменился стальным сиянием дня.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил Стилгар.

— Я хотел, чтобы ты увидел место, где я могу умереть.

Стилгар напрягся, затем спросил:

— Так у вас все же было видение?

— Возможно, это был всего лишь сон.

— Зачем мы пришли в такое опасное место? — Стилгар взглянул на Лето горящими глазами. — Надо немедленно уйти отсюда.

— Я умру не сегодня, Стил.

— Нет? А в чем заключалось видение?

— Я видел перед собой три пути, — ответил Лето. Голос его стал тягучим и сонным, словно он с трудом вспоминал виденные им образы. — Одно из этих будущностей заключается в том, что мне следует убить свою бабушку.

Стилгар стремительно оглянулся в сторону сиетча Табр, словно боясь, что госпожа Джессика может услышать через Пустыню эти слова своего внука.

— За что? — спросил он.

— Чтобы не потерять монополию на зелье.

— Не понимаю.

— Я тоже. Но таково содержание сна, причем я пользуюсь для убийства ножом.

— О, — Стилгар прекрасно представлял себе, как пользуются ножом. Он глубоко вздохнул. — А каков был второй путь?

— Гани и я женимся, чтобы сохранить чистоту крови Атрейдесов.

— Гааа, — выдохнул Стилгар, демонстрируя все отвращение, на которое был способен.

— В древние времена это было обычное явление в королевских домах, — пояснил Лето. — Но Гани и я решили, что мы не будем размножаться ради улучшения породы.

— Заклинаю вас потверже держаться этого решения, — от слов Стилгара пахнуло смертью. По Закону фрименов инцест карался смертью через повешение. Стилгар откашлялся и спросил: — Что ждало вас на третьем пути?

— Я был призван низвести отца до положения человека.

— Муад'Диб был моим другом, — сказал вполголоса Стилгар.

— Он был твоим богом, я же хочу лишить его ореола божественности.

Стилгар повернулся спиной к Пустыне и принялся рассматривать зеленеющий оазис своего любимого сиетча Табр. Такие разговоры были ему всегда неприятны.

При движении Стилгара до Лето донесся запах пота. Было такое искушение избежать имеющих определенную

цель тем, которых пришлось коснуться в разговоре. Они могли бы беседовать полдня, уходя от специфики к абстракции, от непосредственной необходимости, от реальных решений, перед лицом которых они оказались. Не было никаких сомнений, что Дом Коррино представляет собой реальную угрозу реальным жизням — его и Гани. Однако все, что он сейчас делал, должно было быть взвешено и испытано в свете тайных необходимостей. Когда-то Стилгар очень ратовал за убийство Фарад'на, предлагая добавить чомурки в сладкий ликер, который очень любил принц. Но этого никак нельзя было разрешить.

— Если я умру здесь, Стил, — сказал Лето, — то хочу предупредить тебя об Алие — она больше не друг тебе.

— К чему весь этот разговор о смерти и вашей тетке? — Стилгар был вне себя от ярости. *Убить госпожу Джессику! Предупредить об Алие! Я умру здесь!*

— Маленькие люди меняют свои лица по ее команде, — сказал Лето, — но правитель не должен быть пророком, Стил, или полубогом. Правитель должен быть понимающим. Я привел тебя сюда, чтобы рассказать, в чем нуждается наша Империя. Она нуждается в хорошем правительстве. Это не зависит от законов или прецедентов. Это зависит от личных качеств того, кто правит.

— Регент прекрасно управляется с делами Империи, — возразил Стилгар. — Когда вы достигнете нужного возраста...

— Я уже достиг нужного возраста! Из нас двоих — старший я! По сравнению со мной ты просто хныкающий младенец. Я помню времена, бывшие пятьдесят веков назад. Ха! Я даже помню времена, когда мы — фримены — жили еще на Тургроде.

— Зачем тешить себя такими фантазиями? — безапелляционно заявил Стилгар.

Лето мысленно кивнул. Действительно, зачем? Зачем выплескивать наружу всю память об этих дано прошедших столетиях? Непосредственной проблемой сегодня были фримены — полуприрученные дикари, готовые издеваться над несчастной невинностью.

— Нож рассыпается в прах после смерти владельца, — сказал Лето. — Муад'Диб рассыпался в прах, но почему живы фримены?

Такой обрывочный обмен мыслями сбивал Стилгара с толку, вызывало какое-то временное отупение. В словах Лето был ясный смысл, но ускользало намерение.

— От меня ждут, что я стану Императором, но я должен быть слугой, — снова заговорил Лето, оглянувшись на Стилгара. — Мой дед, имя которого я ношу, добавил к своему девизу новые слова: «Здесь я нахожусь, здесь я и останусь».

— У него просто не было выбора.

— Правильно, Стил. Но и у меня его нет. Я должен быть Императором по рождению, по мере своего понимания, по всем своим качествам. Я даже знаю, что нужно Империи — ей нужно хорошее правительство.

— У слова «наиб» есть древнее значение: «слуга сиетча», — заметил Стилгар.

— Я запомню твой урок, Стил, — сказал Лето. — Для того, чтобы иметь подходящее правительство, племена должны выбирать в него людей, образ жизни которых служит гарантией должного поведения правительства.

— Вы получите императорскую мантию, если этому суждено случиться, — от всего своего фрименского сердца сказал Стилгар, — но сначала вы должны доказать, что способны вести себя как подобает правителю!

Лето неожиданно рассмеялся.

— Ты сомневаешься в моей искренности, Стил?

— Конечно, нет.

— В моем природном праве?

— Вы — тот, кто вы есть.

— И если я сделаю то, чего от меня ждут, то это и будет мерой моей искренности, не так ли?

— Таков обычай фрименов.

— Значит, в своем поведении я не должен следовать моим чувствам?

— Я не могу понять, что означает...

— Это означает, что если я буду вести себя как положено, то есть подавлять свои естественные, присущие мне желания, то это и будет истинной моей мерой.

— Это есть способность к самоконтролю, юноша.

— Юноша! — Лето покачал головой. — Ах, Стил, ты прямо-таки даешь мне ключ к рациональной этике пра-

вительства. Я должен быть постоянен, а все мои действия уходить корнями в древние традиции.

— Да, именно так и полагается поступать.

— Но дело в том, что мое прошлое гораздо древнее твоего.

— Какая разница...

— У меня нет первого лица единственного числа, Стил. Я — множественная личность с памятью о традициях более древних, чем ты можешь себе вообразить. Это мой гнет, мой крест, Стилгар. Я направлен в прошлое. Я отягощен врожденным знанием, которое сопротивляется всякой новизне и переменам. Однако Муад'Диб сумел все это изменить, — Лето жестом указал на Защитный Вал.

Стилгар повернулся в указанном направлении. У подножия Вала приютился поселок. Он стоял здесь со времен Муад'Диба, а жили в нем планетологи, занимавшиеся озеленением Пустыни. Стилгар внимательно рассматривал рукотворное вторжение в Пустынный ландшафт. Правильность планировки поселка оскорбляла чувства Стилгара. Он стоял молча, не обращая внимания на зуд от попавших под костюм песчинок. Поселок был вызовом самой сути его планеты. Внезапно Стилгару страстно захотелось, чтобы дикий порыв ветра взметнул песок с дюны и засыпал проклятый поселок. Это желание пронизало его трепетом.

— Ты не заметил, Стилгар, что новые костюмы делаются из слишком дешевой ткани? В них мы теряем очень много воды.

Стилгар задумался над вопросом. *Разве я не говорил ему?*

— Наши люди становятся все больше и больше зависимыми от таблеток, — произнес он вслух.

Лето согласно кивнул. Изменяя температуру тела, таблетки уменьшали потери воды организмом. Таблетки были дешевле, чем костюмы, да и принимать их было несравненно легче, чем надевать костюм. Однако у лекарства были побочные эффекты — снижение реакции и временами нечеткость зрения.

— Мы для этого и пришли сюда? — съязвил Стилгар. — Обсудить ткань костюма?

— Почему бы и нет? — ответил Лето вопросом на вопрос. — Мы будем обсуждать это, если ты не обратишь внимание на то, о чем я в действительности хочу с тобой говорить.

— Почему я должен опасаться вашей тети? — с гневом в голосе спросил Стилгар.

— Потому что она, играя на упорном сопротивлении старых фрименов к переменам, сама готовит такие ужасные перемены, которые ты даже не можешь себе вообразить.

— Вы делаете из мухи слона. Алия — настоящая фрименка.

— Ах да, истинный фримен держится обычаев прошлого, но у меня еще более древнее прошлое. Стил, если я дам волю своим внутренним склонностям, то потребую создания закрытого общества, полностью основанного на священных ритуалах древности. Я стану контролировать миграцию, объясняя это тем, что она питает распространение новых идей, а новые идеи — это угроза всей структуре жизни общества. Каждый маленький планетарный полис пойдет своим путем и станет обособляться. Империя в конце концов рассыплется под тяжестью таких различий.

В горле Стилгара невыносимо пересохло. Эти слова вполне мог бы сказать и Муад'Диб. Слова звучали правдоподобно, были полны парадоксов, пугали... Ведь если допустить изменения... Стилгар горестно покачал головой.

— Прошлое может показать правильный образ жизни, если остаешься жить в прошлом, но обстоятельства меняются, Стил.

Стилгару ничего не оставалось, как согласиться с тем, что обстоятельства действительно изменились. Но как вести себя в них? Он смотрел поверх головы Лето на Пустыню, но не видел ее. Туда ушел Муад'Диб. Равнина окрашивалась в золотистый оттенок по мере того, как солнце поднималось все выше и выше над горизонтом. Пурпурные тени окружали ручейки, испарения которых смешивались с тонкой пылью. Пыльная пелена, постоянно висящая над Хаббанийским хребтом, была видна сегодня особенно отчетливо, а простирающаяся до хребта Пустыня была покрыта уменьшающимися по направлению к горизонту дюнами. Сквозь марево, поднимавшееся от раскаленной земли, Стилгар видел зеленые насаждения, окаймлявшие Пустыню. Муад'Диб пробудил к жизни эти Пустынные места. Медные, золотистые, красные цветы, желтые цветы, ржавые, красновато-коричневые и серо-зеленые листья, длинные побеги и густая тень под куста-

ми. Поднимавшийся с земли зной заставлял колебаться и дрожать эти черные тени.

Стилгар заговорил.

— Я всего лишь вождь фременов, а вы — сын герцога.

— Ты сказал истину, сам не зная об этом, — произнес Лето.

Стилгар нахмурился. Когда-то очень давно в том же самом упрекнул его Муад'Диб.

— Ты помнишь это, не правда ли, Стил? — спросил Лето. — Мы были у подножия Хаббанийского хребта с капитаном сардаукаров, ты должен помнить — его звали Арамшам? Защищаясь, он убил своего друга. Ты несколько раз в течение дня предупреждал, что вряд ли стоит сохранять жизнь сардаукара, проникшего в чужую тайну. Наконец, ты прямо сказал, что они выдадут то, что видели, поэтому их должно убить. И тогда мой отец сказал: «Ты сказал истину, сам не зная об этом». Ты обиделся и сказал, что ты всего лишь *простой* вождь фременов. Герцоги должны понимать более важные вещи.

Стилгар ошеломленно воззрился на Лето. *Мы были у подножия Хаббанийского хребта! Мы!* Это... это дитя, которое тогда еще не было зачато, знает мельчайшие детали того, что происходило в тот день. Знает то, что может знать только тот, кто присутствовал в тот день в том месте. Да, к этим детям Атрейдесов нельзя подходить с обычными мерками.

— Теперь ты будешь слушать меня, — повелительно произнес Лето. — Если я умру или исчезну в Пустыне, ты должен будешь бежать из сиетча Табра. Это приказ. Ты должен взять с собой Гани и...

— Но ты еще не герцог! — взорвался Стилгар. — Ты... ты ребенок!

— Я взрослый в обличии ребенка, — ответил Лето и указал рукой на узкую трещину в скале. — Если я умру здесь, то именно в этом месте. Ты увидишь кровь и поймешь, что я мертв. Тогда ты возьмешь мою сестру и...

— Я удвою твою охрану, — заговорил Стилгар. — Ты не пойдешь больше сюда. Сейчас мы уйдем и ты...

— Стил! Ты не сможешь меня удержать. Обрати свою память к тем дням у Хаббанийского хребта. Вспомнил? Там был фабричный трактор. В то время приезжал Великий Делатель, и не было никакой возможности сохранить трак-

тор от червя. Мой отец был весьма раздосадован этим обстоятельством, но Гурни мог думать только о людях, которых он потерял в песках. Помнишь, как он сказал: «Твой отец не мог бы больше думать даже о людях, которых он не мог спасти». Так вот, Стил, я доверяю тебе спасти людей. Они важнее, чем неодушевленные предметы. Гани же дорога мне больше других, потому что без меня она остается единственной и последней надеждой Атрейдесов.

— Я не стану больше вас слушать, — ответил Стилгар и повернул обратно, по направлению к сиетчу. Лето последовал за ним. Обогнав стража, он обернулся и сказал:

— Ты не замечал, Стил, как хороши в этом году молоденькие женщины?

Жизнь отдельного человека, так же как жизнь семьи или целого народа, сохраняется в виде памяти. Мой народ должен дойти до этого понятия, рассматривая свой путь к пониманию как процесс созревания. Люди, составляющие народ, представляют собой организм, *который хранит накапливающуюся в памяти информацию на подсознательном уровне. Человечество надеется, что в случаях, когда Вселенная меняется, народ может вызвать нужную ему информацию из хранилищ подсознательной памяти. Однако многое из того, что хранится, может быть потеряно в той игре случаев, которую мы зовем «фатумом». Многое не может быть интегрировано в эволюционные отношения и, таким образом, не может быть оценено и применено в решении реальных задач в условиях изменений внешней среды, которые меняют телесные свойства человеческой плоти.* Биологический вид *может забывать! В этом заключается особая ценность Квисатц Хадераха, о которой не подозревает Бене Гессерит: Квисатц Хадерах не способен забывать.*

(«Книга Лето», Харк аль-Ада)

Стилгар не мог объяснить почему, но последнее случайное замечание Лето сильно его взволновало. Оно перемалывалось в сознании фрименского вождя всю дорогу от Спутника до сиетча Табр. Эти мысли затмили то, о чем они с Лето говорили в Пустыне.

Действительно, в этом году молодые женщины в Арракисе были необычайно хороши, впрочем, так же, как молодые мужчины. Их лица сияли от избытка воды, головы высоко подняты, выражение лиц светилось безмятежностью. Они пренебрегали масками и влагоуловителями, а иногда и вовсе не носили защитные костюмы, предпочитая другую одежду, которая не скрывала гладкую гибкость молодых тел.

«Вызов человеческой красоты был обусловлен новыми красотами ландшафта. В сравнении со старым Арракисом глазу было на чем остановить свой очарованный взор — очарование рождалось при виде зеленых побегов, росших в расщелинах красно-коричневых скал. Старые сиетчи с их сложной системой водосберегающих запоров и ловушек для влаги постепенно уступали место открытым поселкам с домами, сложенными из глиняных кирпичей. Глиняных кирпичей!»

Почему мне так хотелось стереть поселок с лица земли? удивлялся Стилгар. Внезапно он споткнулся.

Стилгар знал, что он — один из последних представителей вымирающей породы. Старые фримены приходили в ужас от небывалой расточительности своей планеты. Единственное, на что была способна вода, испарявшаяся в воздух, — это на то, чтобы портить кирпичные стены новых домов. Дом на одну семью расходовал столько же воды, сколько ее уходило на поддержание жизни обитателей целого сиетча в течение года.

Мало того, в этих домах были прозрачные окна, сквозь которые в дом проникала иссушающая жара. Такие окна открывались наружу.

Новые фримены, жившие в новых кирпичных домах, могли зато любоваться своим рукотворным пейзажем. Эти люди не запирали себя в тесное пространство сиетча. Как только открылись новые горизонты, тотчас разыгралось и воображение. Стилгар хорошо это чувствовал. Новое видение реальности объединяло фременов с остальными обитателями межгалактической империи, приучало их к мысли о неограниченном пространстве. Когда-то они были связаны по рукам и ногам безводными Пустынями Арракиса, были рабами горькой необходимости и не разделяли

образ мыслей и жизни с другими, более изнеженными обитателями Империи.

Стилгар видел, что эти изменения представляют собой разительный контраст его сомнениям и страхам. В старые дни редкий фримен мог позволить себе покинуть планету, переселиться на другую и начать там новую жизнь. Запрещалось даже *мечтать* о таком побеге.

Стилгар внимательно посмотрел на идущего впереди Лето. Он тоже говорил о запрещении переезжать на другие, богатые водой планеты. Да, такой переезд был обычным делом для обитателей тех, других планет, даже если существовал только в виде мечты, предохранительного клапана, выпускника недовольства. Однако в чистом виде планетарное рабство достигло своего апогея именно здесь, на Арракисе. Фримены обратили свой взор внутрь себя, забаррикадировали свои умы так же, как забаррикадировали они свои пещерные жилища.

Было извращено само понятие сиетча — места убежища на случай невзгод. Теперь сиетч считался местом заключения, тюрьмой народа.

Лето сказал правду: все это изменил Муад'Диб.

Стилгар растерялся. Его старые убеждения рассыпались в прах. Видение новой действительности стало источником жизни, свободной от всякой замкнутости.

Как хороши в этом году молодые женщины!

Старый образ мышления (*Мой образ мышления!* — был вынужден признать Стилгар) принуждал его народ игнорировать всю историю, кроме той ее части, которая была обращена на их собственные труды. Старые фримены читали почти исключительно историю своих ужасающих переселений, бегств от одних преследований к другим. Старые планетарные правительства строго следовали государственной политике старой Империи. Правительства подавляли всякую тягу к творчеству и прогрессу, стремление к развитию. Процветание нации было смертельно опасно для старой Империи и ее властителей.

Стилгара внезапно потрясла мысль о том, что все эти вещи представляют смертельную опасность для того курса, который хочет проводить Алия.

Стилгар снова споткнулся и упал позади Лето.

В старом образе мыслей, как и в старой религии, не было места будущему, было лишь вечно продолжающееся бесконечное *теперь*. До Муад'Диба, как видел теперь Стилгар, фримены были приучены всегда верить в неудачу и никогда в возможность свершения. Ну... они поверили Лиет-Кинесу, но он установил предел жизни на планете в сорок поколений. То не было свершением, то была мечта, обращенная опять-таки внутрь.

Все это смог изменить Муад'Диб!

Во время джихада фримены многое узнавали о старом Падишахе-Императоре Шаддаме Четвертом. Восемьдесят первый падишах из Дома Коррино, заняв Трон Золотого Льва и правя железной рукой бесчисленными мирами, использовал Арракис как полигон той политики, которую он надеялся проводить и в других частях Империи. Планетарные правители Шаддама насаждали в людях пессимизм, чтобы иметь опору своей власти. Они тщательно следили за тем, чтобы все жители Арракиса, даже кочевники-фримены, знали обо всех случаях несправедливости и нерешаемых проблемах; людей приучали думать о себе как о беспомощных созданиях, которым не на что рассчитывать в тяжелую минуту.

Как хороши в этом году молодые женщины!

Глядя, как Лето шагает впереди него, Стилгар только удивлялся тому, как этот юноша, мальчик, сумел вселить в него подобные мысли одним случайным замечанием, из-за которого Стилгар стал смотреть на Алию и свое участие в Совете совсем другими глазами.

Алия любила говорить, что старое медленно уступает дорогу новому. Стилгар был вынужден признать, что всегда находил эти заявления успокаивающими. Они значили: изменения опасны, всякое изобретательство надо подавлять, личную волю индивида надо сломить в зародыше. Какую еще функцию выполняло священство, как не отрицало свободу воли?

Алия постоянно повторяла, что предоставление возможностей для открытой конкуренции должно быть сведено к управляемому минимуму. Но это означало одно — угроза со стороны технологии может быть использована только для ограничения населения, именно так поступали с технологиями древние деспоты. Всякая разрешенная техно-

логия должна уходить своими корнями в ритуал. Иначе... иначе...

Стилгар снова споткнулся. Лето остановился на берегу канала возле абрикосовой рощи и ждал, когда к нему приблизится наиб. Стилгар шел и чувствовал, как о его ноги шелестит некошеная трава.

Некошеная трава!

Во что верить? — спросил себя Стилгар.

Фримену его поколения было положено верить в то, что индивид нуждается в глубоком понимании своей ограниченности. Самым контролируемым элементом безопасного надежного общества является, несомненно, традиция. Народ должен знать ограничения, накладываемые временем, обществом и территорией. Что было несправедливого в сиетче как модели всякого мышления? Чувство отгороженности должно определять каждый индивидуальный выбор — будь то рамки семьи, общины или мер, предпринимаемых подходящим правительством.

Стилгар остановился и посмотрел на Лето. Мальчик стоял в саду и улыбался.

Неужели он знает о сумятице, которая творится у меня в голове? — изумился Стилгар.

В этот миг старый фрименский наиб попытался вернуться к накатанному катехизису своего народа. Каждый аспект жизни требует особой единичной формы и должен быть основан на внутреннем мысленном круговороте, основанном на скрытом понимании того, что будет действовать в обществе, а что действовать не будет. Модель жизни, общины, начиная с низшего элемента общества и его элиты, кончая государством и выше, — это модель сиетча и его противовеса в Пустыне — Шаи-Хулуда. Гигантский песчаный червь был самой ужасной тварью, но если ему угрожала опасность, он немедленно прятался на недосягаемой глубине.

Изменения опасны! — сказал себе Стилгар. Тождество и стабильность — вот достойные цели правительства.

Но как прекрасны молодые мужчины и женщины!

И это именно они помнили слова Муад'Диба, которые тот произнес после низложения Шаддама Четвертого: «Не долгой жизни для императора я ищу, а долгой жизни для Империи».

Не это ли и я говорил себе? — подумал Стилгар.

Он снова зашагал к входу в сиетч, держась справа от Лето. Мальчик преградил путь наибу.

Но Муад'Диб говорил и другое, напомнил себе Стилгар: «*Подобно индивиду, общества, цивилизации и правительства рождаются, мужают, оставляют потомство и умирают*».

Опасны изменения или нет, но их не миновать. Прекрасные юные фримены знали это. Они могли прозревать будущее и готовиться к нему.

Чтобы не наскочить на Лето, Стилгар был вынужден остановиться.

Мальчик посмотрел на наиба мудрым, как у совы, взглядом.

— Ты понял, Стилгар? Традиция — не единственная путеводная нить, как тебе казалось.

Фримен умирает, если его надолго разлучить с Пустыней; мы называем эту болезнь «водным отравлением».

(Стилгар, «Комментарии»)

— Мне очень трудно просить тебя сделать это, — произнесла Алия. — Но... Я должна подстраховаться, чтобы дети Пауля унаследовали Империю. Другой цели у Регентства нет.

Алия обернулась, оторвавшись от зеркала, возле которого она заканчивала свой утренний туалет, и взглянула на мужа, чтобы посмотреть, как он воспринял ее слова. Дункан Айдахо и вправду заслуживал внимательного изучения в такие моменты; нет никаких сомнений в том, что он стал намного умнее и опаснее по сравнению с тем его уровнем, на каком он пребывал в бытность свою простым оружейником Дома Атрейдес. Внешне он остался практически таким же — черные жесткие волосы окаймляли лицо с темными резкими чертами, но за долгие года, прошедшие с момента пробуждения из состояния гхола, Айдахо претерпел глубокий внутренний метаморфоз.

Алия не первый раз подивилась, что могло прятаться в мистическом одиночестве мужа после его посмертного возрождения. До того, как специалисты с Тлейлаксу поработали с Дунканом по своей методике, он был совершенно ясен для Атрейдесов — душа этого человека читалась как

открытая книга: верность, фанатическая приверженность моральному кодексу буржуазной бережливости, вспыльчивость и отходчивость. Он был непримирим в своей решимости мстить Дому Харконнен. К тому же он умер, спасая Пауля. Тлейлаксу выкупили тело убитого у сардаукаров, регенерировали его и вырастили зомби катрундо: плоть Дункана Айдахо, лишенную сознания и памяти. Его научили ментальности и прислали как живой компьютер в подарок Паулю. То был превосходный инструмент, в который заложили гипнотическую одержимость к убийству собственного владельца. Плоть Айдахо сопротивлялась этой одержимости, и невыносимый стресс пробудил клеточную память, вернув Дункану память о прошлом.

Алия уже давно приняла решение, что очень опасно думать о нем, как о Дункане в глубине сокровенных мыслей. Лучше думать о нем, называя его именем гхола — Хейтом. Гораздо лучше. Самое главное, что муж даже не подозревал, что в психике его жены сидел старый барон Харконнен.

Дункан видел, что жена рассматривает его изучающим взглядом, и отвернулся. Любовь не смогла скрыть ни происшедшие в ней изменения, ни замутить прозрачность ее мотивов. Фасеточные металлические глаза, которыми снабдили его тлейлаксу были жестоки в своей способности проникать в тайну любого обмана. Сейчас глаза рисовали Алию злобной, похожей на мужчину. Это было так невыносимо, что Дункан с отвращением отвернулся.

— Почему ты отворачиваешься? — спросила Алия.

— Я должен обдумать твои слова, — ответил он. — Госпожа Джессика принадлежит... Дому Атрейдес.

— И твоя верность принадлежит Дому Атрейдес, но не распространяется на меня? — надулась Алия.

— Не стоит так вольно интерпретировать мои слова, — произнес Дункан.

Алия сжала губы. Не слишком ли она торопится?

Дункан подошел к окну, выходившему на угол площади храма. Там уже начали собираться паломники, по краям теснились арракинские торговцы, собравшиеся, словно хищники, поживиться за счет толпы. Особенно Дункана заинтересовали торговцы с плетеными из Пряности корзинами, поднятыми высоко над головой. Позади арракин-

цев были видны фрименские коробейники. Уверенные в своей силе, они без труда рассекали толпу.

— Они продают выветренный мрамор, — сказал Дункан, указывая на фрименов. — Ты знала об этом? Они находят в Пустыне куски мрамора, которые обтачивают песчаные бури. Иногда попадаются очень красивые композиции. Сейчас этот вид искусства становится очень популярным: природный выветренный мрамор с Дюны. На прошлой неделе я купил одну такую штучку — золотистое деревце с пятью кисточками. Очень миленькая вещица, но, к сожалению, весьма хрупкая.

— Ты уклонился от темы, — напомнила мужу Алия.

— Я и не думаю от нее уклоняться, — возразил он. — Эти штучки милы, но это не искусство. Люди создают произведения искусства своей неистовостью, своей волей. — Дункан оперся рукой о подоконник. — Близнецы не любят этот город, и, боюсь, я понимаю, за что.

— Я не улавливаю в твоих словах никакой связи, — ответила Алия. — Устранение моей матери не будет настоящим устранением. Она будет твоей пленницей, оставшись в полной безопасности.

— Город был построен слепым, — продолжал Дункан. — Ты знаешь, что Лето и Стилгар уходили из сиетча Табр в Пустыню на прошлой неделе? Они отсутствовали всю ночь.

— Да, мне докладывали об этом, — ответила Алия. — Кстати, об этих торговцах безделушками — по-твоему, я должна запретить их промысел?

— Это испортит им все дело, — сказал он и обернулся. — Ты знаешь, что ответил Стилгар, когда я спросил его, зачем они ходили в пески? Он ответил, что Лето хотел пообщаться с духом Муад'Диба.

Алия почувствовала, что ее охватывает тихая холодная паника. Женщина посмотрела на себя в зеркало и постаралась справиться с волнением. Лето никогда не пошел бы ночью из сиетча ради такого вздора. Может быть, это просто конспирация?

Айдахо протянул руку к глазам, чтобы выключить изображение жены и сказал:

— Стилгар сказал, что пошел с Лето только потому, что до сих пор верит в Муад'Диба.

— Конечно, верит!

Дункан усмехнулся.

— Он сказал, что верит в Пауля, потому что он всегда стоял на стороне маленьких людей.

— Что ты ответил на это? — спросила Алия, чувствуя, что голос выдает ее страх.

Айдахо отнял руки от глаз.

— Я сказал: «Это делает тебя одним из маленьких людей».

— Дункан! Это очень опасная игра. Подразни *этого* наиба и ты разбудишь в нем зверя, который уничтожит всех нас.

— Он до сих пор верит в Муад'Диба, — отпарировал Айдахо. — Это наша надежная защита.

— И что же он тебе ответил?

— Он сказал, что это его личное дело.

— Понимаю.

— Нет... не думаю, что ты понимаешь. Есть вещи пострашнее, чем длинные руки Стилгара.

— Да, сегодня я не могу тебя понять, Дункан. Я прошу тебя сделать одну очень важную вещь, вещь жизненно необходимую для... Так зачем все это хождение вокруг да около?

Как она сегодня раздражена. Он снова повернулся к окну.

— Когда меня учили ментальности... мне было очень трудно, Алия, понять, как работает наше сознание. Сначала надо понять, что сознанию надо позволить работать самому. Это очень странное ощущение. Ты можешь работать мышцами, упражнять и укреплять их, но сознание, мозг, работают сами по себе. Когда узнаешь эту вещь, то временами сознание показывает тебе такое, чего ты не хотел бы видеть.

— Именно поэтому ты пытался оскорбить Стилгара?

— Стилгар не знает своей психики, его сознание не свободно.

— Кроме оргий с Пряностью.

— Нет, дело не только в этом. Это качество делает его наибом. Для того чтобы править людьми, он контролирует и ограничивает свои реакции и делает то, чего от него ждут. Если это понимаешь, то знаешь, кто такой Стилгар и насколько длинны его руки.

— Да, это в обычае фременов, — сказала Алия. — Ладно, Дункан, ты сделаешь то, о чем я прошу, или нет? Ее

надо похитить и представить дело так, словно это дело рук Дома Коррино.

В ответ в покоях повисло тягостное молчание. Дункан взвешивал ее тон и аргументы своим особым ментальным способом. Этот план устранения говорил о холодной жестокости, мера которой потрясла Айдахо. Рисковать жизнью собственной матери ради каких-то надуманных оснований? Алия явно лгала. Кто знает, возможно, слухи о связи Джавида и Алие соответствуют действительности. От этой мысли у Дункана похолодело в животе.

— Ты единственный, кому я могу это доверить, — сказала Алия.

— Я знаю, — ответил он.

Женщина приняла эти слова за согласие и улыбнулась своему отражению в зеркале.

— Тебе, должно быть, известно, что таких ментатов, как я, учат рассматривать людей, как последовательность их отношений.

Алия не ответила. Она сидела, охваченная своей персональной памятью, что лишило ее лицо всякого выражения. Айдахо увидел ее отражение в зеркале и содрогнулся. Было такое впечатление, что она общается с голосами, слышными только ей одной.

— Отношений, — снова шепотом повторил он.

Он начал думать: *От старых мук надо избавляться так же, как змея избавляется от старой кожи. Это надо сделать для того, чтобы вырастить новые отношения и понять ограничения, которые накладывали старые муки. То же самое касается правителей, даже если это регенты. Старое правительство надо отбросить, как старую тряпку. Эту схему надо отработать, но не так, как это желает сделать Алия.*

Она наконец встряхнула плечами.

— Лето не будет больше выходить в Пустыню, как в этот раз. Я отчитаю его.

— Даже со Стилгаром?

— Даже с ним.

Она встала, пересекла комнату, подошла к Дункану и положила ему руку на плечо.

Он подавил дрожь с помощью ментальных операций. Что-то в ней выводило его из равновесия.

Что-то в ней.

Он не мог заставить себя смотреть на нее. Вдохнув смесь ее духов, он покашлял, чтобы прочистить горло.

— Сегодня я буду занята исследованием подарков Фарад'на, — сказала Алия.

— Одежды?

— Да. Он всегда делает не то, что хочет показать. Надо, кроме того, помнить, что его башар, Тиеканик — приверженец религии чоауроки, он чомас и в совершенстве владеет приемами убийства королевских особ.

— Цена власти, — философски заметил Дункан и отодвинулся от жены. — Но мы мобильны, а Фарад'н нет.

Алия изучающе посмотрела на чеканный профиль мужа. Иногда было очень трудно понять работу его ума. Думал ли он, что только свобода действий вдыхает жизнь в военные действия? Ну что ж, жизнь на Арракисе и так слишком долго была безопасной. Чувства, отточенные некогда каждодневной опасностью, надо упражнять, иначе они атрофируются.

— Да, — сказала она, — и к тому же мы все еще владеем Фременами.

— Мобильностью, — повторил он. — Мы не можем деградировать до инфантильного состояния. Это было бы недопустимо глупо.

Его тон раздражал Алию больше обычного.

— Фарад'н использует любое средство, чтобы нас уничтожить.

— Ах, это, — протянул он. — Это форма инициативы, мобильность, которой мы встарь не обладали. У нас был кодекс, кодекс Дома Атрейдес. Мы всегда платили по счетам и позволяли нашим врагам грабить и мародерствовать. Этого ограничения больше нет. Теперь мы равно мобильны, Дом Атрейдес и Дом Коррино.

— Мы устраним мою мать для того, чтобы уберечь ее от вреда и по некоторым другим причинам, — сказала Алия. — Мы все еще живем по кодексу.

Он взглянул на жену сверху вниз. Она знала, как это опасно, когда ментат начинает свои вычислительные логические операции. Она понимает, что он сейчас вычисляет. Хотя... он все еще любит ее. Дункан провел рукой по глазам. Как же молодо она выглядит. Госпожа Джесси-

ка права: Алия не постарела ни на один день за все годы, что они вместе. Она полностью сохранила мягкость черт, унаследованную от матери Бене Гессерит, но глаза были жесткими — как у всех Атрейдесов. Глаза хищной птицы. Нечто, холодный расчет и преступление мелькали в выражении этих глаз.

Айдахо слишком много лет служил Дому Атрейдес, чтобы знать не только их сильные стороны, но и слабые. Но сейчас в Алие появилось что-то незнакомое и новое. Атрейдесы могли вести хитрую игру против врагов, но никогда против друзей и союзников; в том, что касалось членов семьи, об этом просто не могло быть и речи. Это было частью существа всех Атрейдесов — поддерживать своих людей, чтобы те знали: жить под властью Атрейдесов лучше, чем под властью кого бы то ни было. Демонстрировать свою любовь к друзьям искренностью поведения с ними. То, о чем просила Алия, было не в духе Атрейдесов. Он чувствовал это всей своей плотью, всеми своими нервами. Дункан был единым целым, которое чувствовало в Алие какое-то чуждое отношение.

Сенсориум его ментата включился, сознание вступило в состояние холодного транса, в котором перестало существовать время. Теперь в разуме производились только логические операции. Алия, конечно, поймет, что с ним происходит, но здесь уже ничем не поможешь. Дункан переключился на свои алгоритмы.

Ход логических операций: *Отраженная* госпожа Джессика живет в сознании Алие своей псевдожизнью. Он видел это так же ясно, как Айдахо в том состоянии, в каком он пребывал до состояния гхола — он тоже был в сознании Алие. Алия обладала такой способностью, ибо была предрождена. Свои же способности Айдахо получил в баках регенерации на Тлейлаксу. Однако Алия пренебрегла отражением матери и решилась подвергнуть ее риску. Следовательно, жена не находится в контакте со своей псевдоматерью, существующей в ее сознании. Следовательно, Алия полностью одержима другим псевдообразом, который изгнал из ее сознания всех остальных.

Одержимость!

Отчуждение!

Мерзость!

Холодный разум ментата, Дункан сразу это заметил, переключился на другие грани проблемы. Все Атрейдесы находятся на одной планете. Решатся ли Коррино на риск атаковать их из космоса? Ум быстро принялся сканировать все факторы, положившие конец примитивным способам ведения войны.

Первое: Все планеты уязвимы нападению из космоса. Следовательно, властители каждой планеты прежде всего заботятся о средствах отражения агрессии и средствах возмездия. Фарад'н не может не понимать, что и Атрейдесы не забыли о таких элементарных предосторожностях.

Второе: Противоракетная оборона на сто процентов защищала любую планету от поражающих снарядов и взрывчатых веществ неядерного типа. По этой причине основной формой сражений снова стали наземные войсковые операции и рукопашные схватки. Но у пехоты есть свои ограничения. Дом Коррино может доставить на Арракис сардаукаров, но они не смогут эффективно воевать в суровых условиях этой планеты.

Третье: Планетарному феодализму постоянно угрожала опасность со стороны мощного технократического класса, хотя непрерывный бутлерианский джихад служил буфером избыточной технологичности. В этом отношении Иксиан, Тлейлаксу и несколько других рассеянных в космосе планет представляли собой в этом отношении чисто гипотетическую опасность. С другой стороны, сами эти планеты были весьма уязвимы перед совместной агрессией остальной части Империи. Бутлерианский джихад будет продолжаться вечно. Механические средства ведения войны требуют высоких технологий. Империя Атрейдесов использовала технологии для других целей, держа под контролем технологический класс. Таким образом, Империя оставалась чисто феодальной, что, естественно, давало ей возможность распространять свои границы до самых дальних необжитых планет.

Сознание автоматической ментальности осветилось вспышкой, когда были просканированы все данные собственной памяти. Этот процесс был недоступен ходу времени. Придя к убеждению, что Дом Коррино не рискнет начать незаконную атомную войну, Дункан переключился на логические операции головного мозга, главный путь

принятия решений. Элементы рассуждения были очевидны: Империя располагала таким же количеством атомного и иного оружия массового поражения, что и остальные властители в космосе. Половина Династий отреагирует не раздумывая, если Дом Коррино осмелится нарушить Конвенцию. Внепланетные силы Атрейдесов будут пущены в ход автоматически. Страх сделает свое дело. Салуса Секундус и ее союзники просто испарятся в жарком ядерном облаке. Дом Коррино не решится на этот холокост. Несомненно, представители этого Дома были вполне искренни, когда подписывали соглашение о том, что ядерное оружие может быть применено только в случае защиты человечества от столкновения с другими цивилизациями, если таковое произойдет.

Операционно-логическое мышление было четко очерчено и ясно сформулировано. В нем не было промежуточных тонов — только черное и белое. Алия выбрала устранение и устрашение потому, что стала чужой, перестала быть представительницей Дома Атрейдес. Дом Коррино был враждебен, но совсем не в том смысле, о котором говорила на Совете Алия. Она хотела удалить госпожу Джессику, поскольку увядшие девы Бене Гессерит давно поняли то, что Дункану стало ясно только сейчас.

Айдахо вывел себя из ментального транса и увидел, что Алия стоит перед ним, холодно рассматривая мужа.

— Может быть, ты предпочитаешь, чтобы госпожу Джессику просто убили? — спросил он.

Вспышка радости этого чуждого существа не укрылась от глаз Айдахо. Впрочем, радость тут же уступила место фальшивому возмущению.

— Дункан!

Да, эта чуждая Алия с удовольствием убила бы собственную мать.

— Ты боишься своей матери, а не за нее, — сказал он.

Жена смерила Айдахо взглядом.

— Конечно, боюсь. Она доложила обо мне Общине Сестер.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Разве ты не знаешь о самом большом искушении для Бене Гессерит? — вкрадчиво спросила Алия, соблазнительно глядя на мужа снизу вверх сквозь опущенные ресницы. —

Но я просто хотела сохранить силу для лучшей охраны близнецов.

— Ты говоришь о каком-то искушении, — без всякого выражения проговорил Дункан.

— Это вещь, которую Сестры прячут особенно тщательно и которой они больше всего боятся. Вот почему они считают меня воплощением Мерзости. Они понимают, что не остановят меня своими притеснениями. Это не просто искушение — они с придыханием говорят о нем, как о *Великом Искушении*. Видишь ли, мы, воспитанницы Бене Гессерит, способны изменять определенным образом свой обмен веществ. Это продлевает молодость — причем намного эффективнее, нежели прием меланжи. Ты представляешь последствия, если все Сестры начнут этим заниматься? Это станет заметным. Мне кажется, что ты уже просчитал истинность моих слов. Меланжа — это то, что делает нас объектом множества заговоров. Мы владеем веществом, которое продлевает жизнь. Но что будет, если все узнают, что сестры Бене Гессерит владеют еще более мощным орудием омоложения? Понял? Ни одна Преподобная Мать в этом случае не сможет считать себя в безопасности. Похищения и пытки последователей Бене Гессерит станут обычным явлением.

— Ты изменила свой обмен веществ. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Я пренебрегла Общиной Сестер! Рапорт матери в Общину сделает Бене Гессерит самым надежным союзником Дома Коррино.

Звучит очень правдоподобно, подумал он. Алию надо было проверить.

— Но ведь твоя мать ни при каких обстоятельствах не выступит против тебя.

— Она была воспитанницей Бене Гессерит задолго до моего рождения. Дункан, она позволила своему сыну, моему брату, пройти испытание *гом джаббар*! Она сама это устроила, хотя знала, что во время испытания он мог умереть! В действиях Бене Гессерит мало веры, но зато много прагматизма. Она несомненно выступит против меня, если решит, что это в интересах Общины Сестер.

Он кивнул. Слова жены звучали очень убедительно. То была грустная мысль.

— Мы должны перехватить инициативу, — сказала она. — Это наше самое острое оружие.

— Есть проблема с Гурни Халлеком, — сказал он. — Я должен буду убить своего друга?

— Гурни находится в Пустыне с какой-то разведывательной миссией, — сказала она, зная, что Айдахо знает об этом. — Он не сможет тебе помешать.

— Очень странно, — произнес вполголоса Айдахо. — Правящий регент Каладана бродит по Арракису.

— А почему нет? — с вызовом спросила Алия. — Он ее любовник — если не на деле, то в мечтах.

— Конечно, конечно, — ответил он, и, как ни странно, Алия не заметила неискренности в его голосе.

— Когда ты ее похитишь?

— Тебе лучше этого не знать.

— Да... да, я понимаю. Куда ты ее отвезешь?

— Туда, где ее никто не найдет. Оставь тревогу, она не останется здесь и не сможет тебе угрожать.

Алия не смогла скрыть ликования.

— Но где будет...

— Если ты не будешь этого знать, то тебе не придется лгать на детекторе лжи, поскольку ты и в самом деле не будешь ничего знать.

— Ах, какой ты умный, Дункан.

Теперь она верит, что я действительно убью госпожу Джессику, подумал он.

— До свидания, любовь моя, — произнес он вслух.

Она не услышала решимости в его голосе и даже на прощание поцеловала мужа.

Идя по коридорам храма, похожим на ходы сиетча, Айдахо вытирал глаза. Мудрые аппараты мастеров тлейлаксу тоже умели плакать.

Ты любил Каладан
И оплакал его погибшее воинство —
Но боль открыла тебе:
Новая любовь не может стереть
Тех, кто стал вечными призраками.

(Рефрен «Плача Хаббании»)

Стилгар удвоил охрану близнецов, полностью отдавая себе отчет в бесполезности этой меры. Парень очень напо-

минал своего тезку деда Лето Атрейдеса. Это замечал каждый, кто знал герцога. Конечно, мальчик не по годам серьезен и рассудителен, ему присуща осмотрительность, но это не гарантия от неожиданных поступков и опасных решений.

Ганима была больше похожа на свою мать. У девочки были такие же рыжие волосы и разрез глаз, как у Чани. Ганима трезво смотрела на трудности, приспосабливаясь к ним, и не раз говорила, что если Лето поведет, то она без колебаний последует за братом.

Лето же был готов повести их навстречу опасности.

Не раз и не два Стилгар думал о том, чтобы поделиться этой проблемой с Алией. Он не стал этого делать, потому что принцесса Ирулан бегала к Алие с любой мелочью. Придя к такому решению, Стилгар внезапно осознал, что в суждениях Лето об Алие есть немалая доля истины.

Она походя и грубо использует людей, думал он. *Она использует, как неодушевленный предмет, даже Дункана. Можно ожидать, что в один прекрасный день она, не колеблясь, отдаст приказ о моем устранении. Она* выбросит *меня, как ненужный хлам.*

Тем не менее он усилил охрану и постоянно обходил посты, придирчиво вникая в каждую мелочь. Ум его смущали мысли и сомнения, посеянные Лето. Если нельзя держаться за традиции, то где та скала, на которую можно бросить якорь своей жизни?

В тот день, когда состоялось большое собрание по поводу приезда госпожи Джессики, Стилгар видел Ганиму, стоявшую рядом с бабкой у входа в Палату Собраний сиетча. Было еще рано, Алия еще не приехала, и толпа ожидала ее прибытия, бросая скрытые взгляды на бабушку и внучку, проследовавших в палату.

Притаившись в темном алькове, Стилгар наблюдал за ними, отделенный от Джессики и Ганимы проходящей мимо толпой. Он не мог расслышать их голосов из-за ропота толпы. Сегодня здесь собрались представители многих племен, чтобы приветствовать возвращение прежней Преподобной Матери. Однако Стилгар во все глаза рассматривал Ганиму. Какие у нее живые глаза! Эта живость зачаровала старого воина. Темно-синие, твердые, вопрошающие, трезвые глаза. А как она резким поворотом го-

ловы отбрасывает волосы с плеч! Это же Чани. То было истинное духовное воскрешение, сверхъестественное сходство.

Стилгар переместился ближе и встал в другом алькове.

По способности Ганимы трезво наблюдать и делать выводы Стилгар не мог бы поставить рядом с ней ни одного ребенка, за исключением ее брата. Кстати, где Лето? Стилгар оглянулся на запруженный людьми проход. Охрана немедленно подняла бы тревогу, если бы что-то случилось. Стилгар покачал головой. Эти близнецы сведут его с ума. Они постоянно нарушают его душевный покой. Иногда Стилгар почти ненавидел этих детей. Можно ненавидеть родственников, но кровь (и ее драгоценная вода) требуют моральной поддержки и постоянной заботы. Эти брат и сестра — его ответственность, которую никто не в силах с него снять.

Из пещеры Палаты Собраний лился просеянный пылью коричневатый свет, оттенявший силуэты Ганимы и Джессики. Свет коснулся плеч девочки и снежно-белой накидки на ее плечах, придав неописуемый оттенок ее волосам, когда она обернулась к проходу и посмотрела на толпу.

Зачем Лето смутил мой покой своими сомнениями? — подумал Стилгар. Мальчик сделал это обдуманно и с ясным намерением. *Может быть, Лето хотел, чтобы я хоть в малой степени разделил с ним его ментальный опыт?* Стилгар *знал*, в чем состоит разница между близнецами, но не был в состоянии мышлением постигнуть, в чем именно состоит это знание. Он не воспринимал утробу матери как узилище бодрствующего сознания — сознания, которое оживает со второго месяца с момента зачатия, как ему сказал Лето.

Мальчик однажды сказал ему, что его память подобна «внутренней голограмме, которая увеличивается в размерах и охватывает все больше и больше деталей с момента потрясения, связанного с упомянутым пробуждением, но не меняет своей формы и контуров».

Сейчас, когда Стилгар наблюдал за Ганимой, он вдруг впервые понял, что значит жить в такой паутине памяти, не будучи способным спрятаться в уединенном уголке сознания. Столкнувшись с таким состоянием, человек должен интегрировать в свою психику безумие, быстро ото-

брав и отвергнув негодные из множества одновременно поступающих предложений, в которых ответы менялись гораздо быстрее, чем вопросы.

В таком мире не может существовать застывшая традиция. На двуликий вопрос не может существовать однозначного ответа. Что в таких условиях действует? То, что не действует. Но тогда что же не действует? То, что действует. Смысл ясен. Это тот же смысл, который содержится в старой фрименской загадке: «Что приносит жизнь и смерть?» — «Ветер Кориолиса».

Зачем Лето хотел, чтобы я это понял? — спросил себя Стилгар. Из своих осторожных расспросов Стилгар знал, что близнецы одинаково смотрели на свою особенность; для них это был источник огорчений. *Родовой канал для таких— это путь бегства*, подумал он. Невежество уменьшает потрясение такого опыта, но близнецы были лишены этого спасительного невежества. На что похоже ощущение, когда живешь, все зная о тех вещах, которые могут происходить не так, как надо? Это — постоянное столкновение с сомнениями. Твое отличие постоянно будут высмеивать сверстники. Какое это удовольствие оскорблять других даже намеком на такое неравенство. «Почему я?» — вот первый же вопрос жертвы, на который никто никогда не даст ответа.

А о чем спрашиваю себя я? — подумал Стилгар. Кривая усмешка коснулась его губ. *Почему я?*

Дети предстали перед ним в совершенно новом свете. Теперь Стилгар понимал, почему они, не колеблясь, подвергают опасности свои детские несовершенные тела. Ганима очень кратко и точно сформулировала причину, когда однажды Стилгар отчитывал ее за то, что она взобралась на отвесную западную стену сиетча Табр.

— Почему я должна бояться смерти? Я уже бывала *там* и не один раз.

Как могу я взять на себя дерзость чему-то учить таких детей? — подумал Стилгар. *Кто вообще может набраться такой дерзости?*

Как это ни странно, но мысли Джессики во время разговора с внучкой текли по тому же руслу. Она думала о том, как трудно должно быть зрелым человеком в детском

теле. Разум должен знать, что тело способно совершить какое-то действие, только в этом случае оно должно ему обучаться — так формируются телесные ответы и рефлексы. Детям доступна практика Бене Гессерит по достижению *прана-бинду*, но даже эта техника предусматривает, что разум может подниматься на недоступные для тела высоты. Именно поэтому Гурни с таким трудом выполнял приказы Джессики.

— Стилгар смотрит на нас из алькова, — сказала Ганима.

Джессика не обернулась. Ее смутили интонации голоса внучки. Девочка любила старого фримена, как родного отца. Она любила старого воина даже когда пренебрежительно о нем отзывалась или поддразнивала его. Понимание этого заставило Джессику в новом свете взглянуть на старого наиба и в образах гештальт-психологии увидеть то, что объединяет детей со Стилгаром. Кроме того, Джессика поняла, что наиб на слишком-то одобряет нововведения на Арракисе, которые очень по нраву ее внукам.

На ум Джессике невольно пришла неуместная сейчас максима Бене Гессерит: *«Прозреть, что ты смертен— это значит познать начала ужаса; познать же неизбежность смерти— это значит положить конец ужасу»*.

Да, смерть — это не столь уж тяжкое иго, но жизнь для Стилгара и близнецов превратилась в пытку на медленном огне. Все они находили, что мир устроен дурно и желали найти такие пути его преобразования, которые бы никому не угрожали. То были дети Авраама, которые узнают о жизни не из книг, а наблюдая полет ястреба над Пустыней.

Лето привел в замешательство Джессику сегодня утром, когда, стоя на берегу канала у подножия сиетча, сказал: «Вода загнала нас в ловушку, бабушка. Лучше бы мы жили, как пыль Пустыни, ибо ветер может вознести ее выше самых высоких скал Защитного Вала».

Джессика уже привыкла к аномальной зрелости этого мальчика, но все равно была поражена этим его высказыванием. Правда, она быстро взяла себя в руки.

— То же самое мог бы сказать твой отец.

Лето подбросил в воздух пригоршню песка, задумчиво глядя, как песчинки падают обратно на землю.

— Да, мог бы. Но тогда отец не принимал во внимание, что вода подтачивает и обрушивает любое русло, по которому течет.

Сейчас, стоя рядом с Ганимой, Джессика снова испытала потрясение от этих слов. Она обернулась и поверх голов посмотрела на неясную тень Стилгара в алькове. Стилгар так и не стал прирученным фрименом, способным только таскать ветви в свое гнездышко. Нет, этот человек остался ястребом, и когда слышал слово «красное», то представлял не прекрасный цветок, но кровь.

— Ты вдруг очень притихла, — сказала Ганима. — Что-то не так?

Джессика отрицательно покачала головой.

— Просто вспомнила, что мне сказал Лето сегодня утром, вот и все.

— Когда вы ходили в лесополосу? И что же он сказал?

Джессика вспомнила взрослое выражение лица Лето во время утреннего разговора. Теперь у Ганимы было точно такое же выражение.

— Он рассказывал о временах, когда Гурни вернулся от контрабандистов под знамена Атрейдесов, — ответила Джессика.

— А потом вы говорили о Стилгаре, — проговорила Ганима.

Джессика не стала спрашивать, каким образом это было известно внучке: близнецы без труда проникали в мысли друг друга.

— Да, говорили, — сказала Джессика. Стилгару очень не нравилось, что Гурни называл... Пауля своим герцогом, но Гурни заставил всех фрименов так его называть, а Гурни всегда говорил: «Мой герцог».

— Понятно, — промолвила Ганима. — И, конечно, Лето заметил, что сам он еще не стал для Стилгара его герцогом.

— Это так, — согласилась Джессика.

— Ты, конечно, знаешь, что он для тебя сделал, — сказала Ганима.

— Не уверена, что знаю, — призналась Джессика, и это признание очень ее обеспокоило, потому что она вообще не догадалась и не почувствовала, что Лето что-то для нее сделал.

— Он попытался разжечь в тебе память о нашем отце, — сказала Ганима. — Лето всегда хочет понять, как воспринимали нашего отца другие.

— Но разве... Лето не...

— Конечно, он может слушать звуки *внутренней жизни. Это не подлежит сомнению. Но это не одно и то же.* Естественно, ты говорила о нем, я имею в виду нашего отца, и говорила о нем, как о своем сыне.

— Да, — отрывисто произнесла Джессика. Ей не нравилось ощущение того, что эти дети могут делать с ней все что угодно по своему произволу, взламывать ее память, делая бесстрастные наблюдения, затрагивать интересующие их эмоции. Да ведь Ганима сейчас занимается именно этим!

— Слова Лето были тебе неприятны? — спросила внучка.

Джессика была потрясена охватившим ее гневом, который она с трудом подавила.

— Да... очень неприятны. Они обеспокоили меня.

— Тебе не нравится, что он знает нашего отца так же, как его знала наша мать, и знает мать так же, как знал ее отец, — заговорила Ганима. — Тебе не нравится, к чему это приводит — к способности знать и тебя.

— Я никогда раньше об этом не задумывалась, — Джессика заметила, что язык с трудом повинуется ее воле.

— Такое знание чувственной сферы действительно тревожит, — сказала Ганима. — Но в действительности ты просто предубеждена, потому что тебе трудно думать о нас не как о детях. Но нет ничего такого, что делали бы наши родители на людях или в приватной обстановке, о чем бы мы не знали.

На короткое мгновение Джессика испытала то же самое чувство, что и возле канала с Лето, правда, теперь ее реакция обратилась против Ганимы.

— Вероятно, он говорил о «половой чувственности» герцога, — высказала догадку Ганима. — Да, иногда Лето надо просто затыкать рот.

Существует ли на свете что-нибудь, что эти близнецы не могли бы приземлить и опошлить? — удивленно подумала Джессика. Потрясение и ярость сменились отвращением. Как они осмеливаются говорить о чувственности *ее* Лето? Конечно, мужчина и женщина, которые любят друг друга, получают наслаждение от своих тел! Эту чудесную тай-

ну не должно выставлять напоказ в случайном разговоре ребенка и взрослого.

Ребенка и взрослого!

До Джессики вдруг с потрясающей ясностью дошло, что ни Лето, ни Ганима ничего не делают случайно.

Джессика хранила молчание, и Ганима снова заговорила:

— Мы неприятно поразили тебя, и я прошу прощения за нас обоих. Зная Лето, я понимаю, что он не станет извиняться. Когда он преследует какую-то цель, то забывает, насколько мы отличаемся... например, от тебя.

Джессика тем временем напряженно размышляла.

Конечно, именно поэтому вы оба так поступаете. Вы *учите* меня! — Удивление Джессики нарастало. *Интересно, кого еще они учат? Стилгара? Дункана?*

— Лето пытается видеть вещи такими, какими их видишь ты, — сказала Ганима. — Для этого недостаточно одной памяти. Даже когда пытаешься сделать это не жалея сил, то почти всегда терпишь неудачу.

Джессика только вздохнула в ответ.

Ганима коснулась ее руки.

— Твой сын ушел, не сказав так многого, но это должно быть высказано, по крайней мере тебе. Прости нас, но он любил тебя. Разве ты не знала об этом?

Джессика отвернулась, чтобы скрыть слезы, заблестевшие в ее глазах.

— Ему были ведомы твои страхи, — продолжала Ганима, — точно так же, как страхи Стилгара. Милый Стил. Наш отец был «Врачом Зверей» для него. Стил был не более чем зеленой улиткой в раковине.

Она напела мелодию песни, откуда были взяты эти слова. Лирическая музыка против воли захватила Джессику без остатка.

О Врач Зверей,
Ты явился, словно божество,
К маленькой зеленой улитке —
Этому робкому чуду,
Прячущемуся в раковине в ожидании смерти!
Даже улитки знают,
Что боги убивают,
А исцеление приносит боль,
Что небеса видны

Сквозь врата адского пламени.
О Врач Зверей,
Я — человек-улитка,
Которая видит твой единственный глаз,
Проникающий взглядом в мою раковину!
За что, Муад'Диб? За что?

— К несчастью, отец оставил во вселенной слишком много людей-улиток, — сказала Ганима.

Допущение того, что человек существует в рамках исключительно изменчивой вселенной, взятое в качестве предварительной операциональной концепции, требует, чтобы интеллект был полностью осознаваемым уравновешивающим инструментом. Однако интеллект не может реагировать на изменчивую реальность, не вовлекая в процесс реакцию целостного организма. Такой организм можно распознать по его активному, деятельному поведению. То же самое можно сказать и об обществе, если рассматривать его как организм. Но здесь мы сталкиваемся с инерцией старого. Подчиняясь импульсам, общество неосознанно стремится к сохранению древних устоев. Общество требует постоянства. Любая попытка представить вселенную как арену беспрестанных изменений вызывает в обществе паттерны отторжения, страх, гнев и отчаяние. Так как же мы объясняем принятие обществом предзнания? Очень просто: носитель предвидения, говоря об абсолютном (то есть неизменном) понимании, радостно превозносится толпой, даже если предсказания ясновидца грозят ужасными событиями.
(«Книга Лето» Харк аль-Ада)

— Это все равно что сражаться в темноте, — сказала Алия.

Она гневно мерила шагами Палату Совета — от серебристых солнцезащитных занавесей на восточных окнах до диванов, расставленных возле противоположной, декорированной деревянными панелями, стены. Обутые в сандалии ноги Алие топтали ковры, паркет, гранатовые плиты и снова ковры. Наконец она остановилась около Ирулан и Айдахо, сидевших напротив друг друга на диванах, устланных серыми китовыми шкурами.

Айдахо всячески сопротивлялся приезду из Табра, но Алия приказала ему приехать. Устранение Джессики становилось насущной необходимостью, но осуществлять его сейчас было немыслимо. Требовались перцептивные способности ментата.

— Все это — звенья одной цепи, — заговорила Алия. — От них издалека несет заговором.

— Может быть, не все так страшно, — вмешалась Ирулан и вопросительно взглянула на Дункана.

Лицо Алие исказилось в презрительной усмешке. Как Ирулан может быть такой наивной? Если только... Она бросила на принцессу проницательный взгляд. Простая белая аба подчеркивала бездонную синеву глаз, светлые волосы собраны на затылке, подчеркивая удлиненный овал лица, ставшего сухощавым после многих лет, проведенных на Арракисе. Ирулан все еще сохранила налет надменности, усвоенной ей во время пребывания при дворе ее отца, Шаддама Четвертого, и Алие часто приходило в голову, что за этим высокомерием могут прятаться мысли истинного заговорщика.

Айдахо щеголял в черно-зеленой форме придворной гвардии Атрейдесов без знаков различия. То была аффектация, над которой исподтишка смеялись настоящие гвардейцы, особенно амазонки, весьма гордившиеся своими звездочками и нашивками. Им было не по нраву само присутствие какого-то ментата, оружейного мастера, тем более что он был мужем их любимицы.

— Итак, племена желают, чтобы госпожа Джессика была вновь введена в регентский Совет, — сказал Айдахо. — Каким образом можно...

— Они требуют этого единодушно?! — Алия сорвалась на крик, показывая на лист тисненой бумаги, лежавший на диване рядом с Ирулан. — Фарад'н это одно, но это... это пахнет совсем другим сговором!

— Что думает по этому поводу Стилгар? — спросила Ирулан.

— Там красуется и его подпись, — огрызнулась Алия.

— Но если он...

— Как он может отказать матери своего божества? — презрительно хмыкнула Алия.

Дункан взглянул на жену. *Кажется, дело идет к столкновению с Ирулан!* Он снова прикинул, для чего Алия потребовала его присутствия на сегодняшнем Совете, прекрасно зная, что он нужен в сиетче на случай экстренного устранения Джессики. Может быть, она слышала о послании, которое он получил от Проповедника? От этой мысли у Айдахо заныло в груди. Откуда этот нищий мистик мог знать секретный код, которым Пауль всегда вызывал к себе своего верного оруженосца? Айдахо не терпелось покинуть это собрание, чтобы хорошенько поразмыслить над этим вопросом.

— Нет никакого сомнения в том, что Проповедник какое-то время отсутствовал на нашей планете, — сказала Алия. — Гильдия не осмелилась бы нас обмануть. — Мне придется его...

— Берегись! — воскликнула Ирулан.

— В самом деле, тебе следует соблюдать осторожность, — поддержал принцессу Айдахо. — Половина планеты уверена, что он, — Дункан пожал плечами, — твой брат.

Ментат от души надеялся, что голос его прозвучал равнодушно и небрежно. Откуда этот человек мог знать тайный пароль?

— Но если он курьер или шпион...

— У него не было никаких контактов ни с Судом ни с Домом Коррино, — заявила Ирулан. — Мы можем быть уверены, что...

— Мы не можем быть уверены ни в чем, — Алия даже не сочла нужным скрыть свое презрение. Она повернулась спиной к Ирулан и обратилась к Айдахо. Почему он валяет дурака? Что, он не понимает, зачем его сюда позвали? Он присутствует на Совете только потому, что здесь находится Ирулан. Никто и никогда не забудет истории, связанной с появлением представительницы Дома Коррино в семье Атрейдесов. Изменивший один раз изменит снова. По мельчайшим особенностям поведения Ирулан Айдахо должен выявить ее темные замыслы.

Несколько взволнованный Айдахо взглянул на Ирулан. Были времена, когда он смеялся над такой прямолинейностью задач, возлагавшихся на ментата. Он прекрасно понимал ход мыслей Алие, понимала это и сама Ирулан. Однако в свое время эта принцесса, законная жена Пауля

Муад'Диба, приняла такое решение, что в своем положении оказалась ниже кояяевской наложницы Чани. Однако в преданности Ирулан близнецам не приходится сомневаться. Эта женщина отреклась от семьи и Бене Гессерит во имя преданности Атрейдесам.

— Моя мать — часть этого заговора! — продолжала настаивать Алия. — По какой другой причине ее могла прислать сюда Община Сестер?

— Истерика нам не поможет, — высказал свое мнение Айдахо.

— Но, — заговорила Ирулан, — Гильдии можно не доверять в том, что...

— Гильдия... — Алия скорчила гримасу.

— Мы не можем исключить враждебности Гильдии или Бене Гессерит, — сказал Дункан. — Но мы можем со спокойной совестью записать их в категорию весьма пассивных противников. Гильдия живет только за счет своего железного закона: ни в коем случае не вмешиваться в управление. Гильдия — паразитическое образование и прекрасно это знает. Они не ударят пальцем о палец для того, чтобы убить организм, за счет которого они живут.

— Их представления о том, за счет какого организма они живут, могут сильно отличаться от наших, — растягивая слова, проговорила Ирулан. Она впервые так явно продемонстрировала свое презрение. Ленивый тон ее голоса, казалось, говорил: «Ты упустил самое главное, ментат».

Алия была озадачена — она не ждала от Ирулан такого выпада. Заговорщица вряд ли стала бы затрагивать этот пункт.

— В этом нет никакого сомнения, — согласился Айдахо, — но Гильдия никогда открыто не выступит против Дома Атрейдес. С другой стороны, Община Сестер может пойти на рискованную политическую игру, которая...

— Если они и сделают это, то скрытно, постаравшись дезавуировать одно или несколько лиц, — сказала Ирулан. — Бене Гессерит не продержался бы столько столетий, если бы не понимал ценность самоустранения. Они всегда предпочитали стоять за троном, а не сидеть на нем.

Самоустранение? — подумала Алия. Не тактика ли это самой Ирулан?

— То же самое я могу сказать и в отношение Гильдии, — произнес Айдахо. Он находил полезным для себя этот спор и выяснение позиций — они отвлекали его от более сложных проблем.

Алия снова отошла к окнам. Она знала уязвимое место Айдахо, которым отличались все ментаты. Этим людям нужны декларации. Это несет с собой тенденцию к зависимости от абсолюта, видеть конечную границу в любом явлении, и они сами это великолепно знают. Таково непременное условие их обучения. Однако действовать они могли и за пределами параметров самоограничения. *Надо было оставить его в сиетче Табр,* подумала Алия. *Ирулан надо было отправить к Джавиду для допроса.*

В этот миг в мозгу Алие раздался знакомый до тошноты раскатистый голос: «Совершенно верно!»

Заткнись! Заткнись! Заткнись! Опасное ошибочное решение едва не заманило ее в ловушку. Единственным чувством Алие в этот момент было чувство опасности. Айдахо должен помочь ей выпутаться из этого затруднительного положения. Он — ментат, а ментаты именно для этого и созданы. Люди-компьютеры заменили собой электронные аппараты, уничтоженные в ходе бутлерианского джихада. *И не создашь ты машину по образу и подобию человеческого разума!* Но именно сейчас Алие была просто необходима послушная машина, которая не страдала бы ограниченностью Айдахо. Машине всегда можно доверять.

До слуха Алие донесся тягучий голос Ирулан.

— Притворство, притворство и еще раз притворство, — говорила принцесса. — Мы все знаем общепринятые приемы нападения на власть. Я не виню Алию за ее подозрения. Естественно, она подозревает всех, в том числе и нас. Однако не будем пока обращать на это внимания. Что остается первичной ареной движущих сил, где таится наиболее действенный источник опасности для Регентства?

— В Объединенном Совете Прогрессивной Честной Торговли, — ответил Дункан бесстрастным голосом ментата.

Лицо Алие исказилось в жестокой ухмылке. Объединенный Совет Прогрессивной Честной Торговли! Но Дом Атрейдес имеет в ОСПЧТ пятьдесят один процент акций. Священство Муад'Диба — пять процентов. Кроме того, Властвующие Дома прагматично признали, что именно

Дюна контролирует производство и продажу бесценной меланжи. Эту меланжу не без оснований называют «секретным монетным двором». Без меланжи не могла бы функционировать транспортная система Космической Гильдии. С помощью меланжи на пилотов наводился «навигационный транс», посредством этого транса они могли заранее «видеть» трассу, по которой им предстояло лететь со сверхсветовой скоростью. Без меланжи и ее воздействия на иммуногенетическую систему продолжительность жизни богатых людей уменьшилась бы в четыре раза. Даже обширный средний класс употреблял меланжу в разведенном виде по крайней мере один раз в день.

Однако в голосе Айдахо слышалась искренность ментата, и Алия с трепетом ждала, что он скажет дальше.

ОСПЧТ. Объединенный Совет Прогрессивной Честной Торговли был гораздо больше, нежели Дом Атрейдес, больше, чем Дюна, больше, нежели священство и меланжа вместе взятые. Это чернильная лоза, китовые шкуры, шига-проволока, иксианские изделия и предприниматели, торговля людьми и городами, хадж, продукция разрешенных законом технологий тлейлаксу; это сильнодействующие лекарственные препараты и медицинская техника; это транспортные связи (совместно с Гильдией) и вся сверхсложная коммерческая деятельность Империи, включающей в себя тысячи известных планет, плюс некоторые секретные планеты, расположенные на передовых подступах к ее границам. Когда Айдахо произнес буквосочетание ОСПЧТ, он говорил о постоянной закваске, интриге интриг, игре мощнейших сил, где сдвиг биржевого индекса в одну двадцатую пункта означал изменение интересующего платежа на цену собственности планеты средних размеров.

Алия снова остановилась возле диванов, где сидели Айдахо и Ирулан.

— Что именно в ОСПЧТ тебя беспокоит? — спросила она.

— Некоторые Владетельные Дома во все тяжкие спекулируют акциями Пряности, — высказала догадку Ирулан.

Алия возмущенно хлопнула себя ладонями по бедрам, потом указала пальцем на тисненую бумагу, лежавшую около Ирулан.

— Это *требование* вас не заинтриговало; пусть все идет, как...

— Хватит! — рявкнул Айдахо. — Достаточно об этом. Что тебя останавливает? Ты же прекрасно знаешь, что нельзя отрицать данные, и тем не менее ждешь, что я буду функционировать, как...

— В последнее время резко возрос спрос на людей, имеющих четыре специальности, — произнесла Алия, вдруг подумав, сообщит ли она новость сидящим напротив нее людям.

— Какие специальности? — поинтересовалась Ирулан.

— Оруженосцы, закрученные ментаты с Тлейлаксу, дипломированные медики из школы Сук и квалифицированные бухгалтеры; особенно последние. Почему бухгалтерия с двойным дном начала пользоваться спросом именно сейчас? — Вопрос был задан Айдахо.

Функционировать, как ментат, подумал он. Ну что ж, это лучше, чем оставаться супругом той Алие, какой она стала. Он сконцентрировался на ее словах, проигрывая их на свой ментальный манер. *Оруженосцы?* Когда-то это было и его профессией. Конечно, оруженосцы были не просто мастерами индивидуальной схватки. Они могли ремонтировать силовые щиты, планировать военные операции, разрабатывать военно-инженерные сооружения, усовершенствовать оружие. *Закрученные ментаты?* Ну, конечно, эти мастера с Тлейлаксу настояли на таком бессовестном обмане. Будучи сам ментатом, Айдахо знал ненадежность *закручивания.* Владетельные Дома, покупавшие таких ментатов, надеялись абсолютно контролировать их работу, но это было невозможно. Даже Питер де Фриз, который служил Харконнену в его борьбе с Домом Атрейдес, предпочел смерть предательству своего «я». *Врачи Сук?* Их обучение гарантировало безусловную преданность пациентам, их собственникам. Доктора Сук были очень дороги. Возросший спрос на выпускников Сук повлечет за собой изменения валютных курсов.

Айдахо взвесил эти факты и сопоставил их с повышенным спросом на бухгалтеров.

— Первичный вывод логических операций, — сказал он, подчеркивая, что сообщаемые им соображения основаны на индукции. — Совсем недавно произошло улучше-

ние материального благосостояния второстепенных Владетельных Домов. Некоторые из них достигли уровня великих. Такие сдвиги могут происходить только в результате изменений политического устройства.

— Наконец, мы добираемся до Совета Земель, — произнесла Алия, выражая свое мнение.

— Следующая сессия Совета состоится только через два стандартных года, — возразила Ирулан.

— Политический торг не прекращается никогда, — проговорила Алия. — И я ручаюсь, что среди тех, кто это подписал, — она жестом указала на бумагу племенных вождей, — много представителей второстепенных Домов, сменивших политическую ориентацию.

— Возможно, — согласно кивнула Ирулан.

— Совет Земель, — сказала Алия. — Разве можно придумать лучший фронт для Бене Гессерит? И где Община Сестер найдет лучшего агента, чем моя собственная мать? — Алия встала прямо напротив Айдахо. — Ну же, Дункан?

Почему бы мне не быть ментатом? — спросил себя Айдахо. Он понял теперь, куда клонятся подозрения Алие. В конце концов именно Дункан Айдахо многие годы был персональным телохранителем госпожи Джессики.

— Дункан! — не отставала Алия.

— Тебе надо вплотную поинтересоваться теми законопроектами, которые готовятся для следующей сессии Совета Земель, — сказал Айдахо. — При этом они смогут занять такую правовую позицию, что Регентство не сможет наложить вето на определенные законы, особенно касающиеся изменения налогообложения и политики в отношении картелей. Есть и еще кое-что, но...

— Это был бы не слишком прагматичный шаг с их стороны, если они займут такую позицию, — заметила Ирулан.

— Согласна, — сказала Алия. — У сардаукаров давно нет зубов, а у нас есть превосходная фрименская гвардия.

— Не горячись, Алия, — предостерег жену Айдахо. — Наши враги спят и видят, как бы им представить нас в образе чудовищ. Не так важно, сколько легионов находится под твоим командованием. Власть в конечном итоге зиждется на народной поддержке, особенно в такой обширной и редконаселенной Империи, как наша.

— Народная поддержка? — недоуменно переспросила Ирулан.

— Ты имеешь в виду поддержку Великих Домов? — решила уточнить Алия.

— А со сколькими Великими Домами нам придется столкнуться при таком новом раскладе? — спросил Айдахо. — Деньги концентрируются в весьма странных местах.

— На периферии? — спросила Ирулан.

Айдахо только пожал плечами. На этот вопрос не существовало ответа. Все подозревали, что в скором времени обитатели Тлейлаксу или технологические гении с секретных планет изобретут способ уничтожения эффекта Холцмана. В тот день защитные экраны станут бесполезными игрушками. Рухнет весь межпланетный баланс сил, установленный межгалактическими феодалами.

Алия отказалась даже рассматривать такую возможность.

— Будем ехать на том, что у нас есть, — сказала она. — А у нас есть определенные сведения о том, что Совет директоров ОСПЧТ знает, что мы уничтожим Пряность, если нас к этому вынудят. Они не будут так сильно рисковать.

— Мы опять возвращаемся к ОСПЧТ, — сказала Ирулан.

— Если только кому-нибудь не удалось повторить цикл «песчаная форель — червь» на другой планете, — ответил Айдахо на предположение Алие. Он задумчиво посмотрел на Ирулан, взволнованную его словами. — Салуса Секундус?

— Нет, — без колебаний ответила принцесса. — У меня там надежные контакты.

— Тогда мой вопрос остается в силе, — сказала Алия, пристально глядя на Айдахо. — Будем ехать на том, что у нас есть.

Она меня изматывает, подумал Айдахо, а вслух сказал:

— Зачем ты отвлекаешь меня от действительно *важной работы*? С этим ты вполне могла бы справиться и сама.

— Не разговаривай со мной таким тоном! — взорвалась Алия.

У Дункана расширились глаза. В какое-то мгновение он снова увидел чуждое выражение на лице жены, это было тягостное зрелище. Он посмотрел на Ирулан, но та ничего не заметила или сделала вид, что ничего не видит.

— Мне не нужно объяснять прописных истин, — продолжала Алия, все еще пылая чуждым гневом.

Айдахо примирительно улыбнулся, хотя в груди у него появилась давящая боль.

— Мы никогда не сумеем отвлечься от богатства и всего, что с ним связано, решая вопросы власти, — тягуче произнесла Ирулан. — Пауль в этом отношении был социальным мутантом, и мы должны помнить, что именно он нарушил равновесие состояний.

— Такие мутации обратимы, — сказала Алия, отвернувшись, словно не желая выставлять напоказ чуждость своего облика. — Они точно знают, у кого в Империи имеются состояния.

— Они также знают, — сказала Ирулан, — что есть три человека, которые могут претерпеть такую мутацию: близнецы и... — она указала рукой на Алию.

Может быть, они обе сошли с ума? — подумал Дункан.

— Они постараются убить меня, — прохрипела Алия.

Пораженный Айдахо сидел не в силах произнести ни слова. Его ментатский ум просто кипел от такой несуразицы. Убить Алию? Для чего? Они могут очень легко ее дискредитировать. Они могут изолировать ее от фрименской гвардии и охотиться за ней по своему усмотрению. Но вот близнецы... Он понимал, что находится не в лучшей психологической форме для решения такой сложной задачи, но он обязан попытаться. Надо собраться и точно выполнить логические операции. С другой стороны, он понимал, что точное мышление обязательно зиждется на неких абсолютных истинах. Природа не отличается точностью. Вселенная, если ее вести до уровня человека, тоже не точна. Она полна неопределенности и тумана, неожиданных смещений и перемен. В таких рассуждениях человечество должно рассматриваться как исключительно природный феномен. Весь процесс точных рассуждений заключается в разложении, отчуждении от реальных процессов, протекающих во вселенной. Надо погрузиться в поток изменений, проследить его направление.

— Мы были правы, когда сосредоточились на ОСПЧТ, — продолжала растягивать гласные Ирулан, — а предложение Дункана содержит первую линию расследования...

— Деньги, как выражение энергии, могут быть отделены от энергии, которую они выражают, — сказала Алия. — Мы

все это знаем. Но нам надо ответить на три конкретных вопроса: Когда? Каким оружием? Где?

Близнецы... близнецы, думал Айдахо. *В опасности близнецы, а не Алия.*

— Тебя не интересуют вопросы: Кто? и Каким образом? — поинтересовалась Ирулан.

— Если Дом Коррино или ОСПЧТ, или какая-либо другая группа попытается использовать в качестве инструмента людей, — сказала Алия, — то шестьдесят процентов шансов за то, что их можно будет обезвредить до того, как они начнут действовать. Знание о том, когда и где все произойдет, дает нам в руки оружие против этих негодяев. Как? Это тот же вопрос, что и Каким оружием?

Почему они не видят все так же ясно, как и я? — удивленно подумал Айдахо.

— Все верно, — согласилась Ирулан. — Так когда?

— Когда все внимание будет сосредоточено на другом человеке, — ответила Алия.

— На Совете все внимание было отдано госпоже Джессике, — возразила Ирулан, — но покушения не было.

— Там было неподходящее место, — сказала Алия.

Что она творит? — продолжал негодовать Айдахо.

— Тогда где? — не отставала Ирулан.

— Здесь, в Убежище, — ответила Алия. — Здесь я чувствую себя в наибольшей безопасности и нахожусь под надежной охраной.

— Каким оружием? — спросила Ирулан.

— Обычным: любой фримен может его носить — отравленный нож, пистолет...

— Они давно не пользовались самонаводящимся патроном, — сказала Ирулан.

— Это оружие не сработает в толпе, — возразила Алия. — Они постараются сделать это в толпе.

— Биологическое оружие? — высказала еще одно предположение Ирулан.

— Инфекционный агент? — уточнила Алия, не скрывая скепсиса. Как может Ирулан думать, что какая-то бацилла сможет прорвать иммунный барьер, который защищает всех Атрейдесов?

— Нет, я подумала о каком-нибудь животном, — уточнила Ирулан свою мысль. — Какой-нибудь мелкий зве-

рек, натасканный на определенную цель. Зубы его можно обработать ядом.

— Меня защитят Хорьки, — сказала Алия.

— А если это будет один из них?

— Это невозможно. Охранные Хорьки не допустят в свою среду чужака, они его убьют, и ты это знаешь.

— Я только перечисляю возможности в надежде, что...

— Я приведу в повышенную готовность свою охрану, — проговорила Алия.

Когда Алия произнесла слово *охрану*, Айдахо прижал ладони к глазам, пытаясь не допустить наступления состояния, которое неотвратимо надвигалось на его сознание. Раджия, движение Бесконечности, выраженной всеобщей Жизнью, скрытая до поры чаша тотального погружения в осознание всего сущего, которое дремлет в каждом ментате. Сознание в таком состоянии набрасывается на вселенную как сеть, придавая форму всякому возможному событию. Дункан увидел скорчившихся на земле близнецов, которых накрывают гигантские когтистые лапы.

— Нет, — прошептал он.

— Что? — Алия посмотрела на мужа, словно удивляясь тому, что он еще здесь.

Айдахо оторвал руки от глаз.

— Где одежда, которую прислали из Дома Коррино? — спросил он. — Ее уже отдали близнецам?

— Конечно, — ответила Ирулан. — Она совершенно безопасна.

— Никто не посмеет напасть на близнецов в сиетче Табр, — сказала Алия. — Никогда, пока там находится гвардия Стилгара.

Айдахо внимательно посмотрел на жену. У него не было достаточно данных, чтобы подкрепить свои выкладки, но он знал. *Он знал.* То, что он видел, было явлением того же порядка, что и видения Пауля. Ни Ирулан, ни Алия не поверят ему.

— Я прикажу властям порта не пропускать в страну никаких животных, — сказал он.

— Ты принял всерьез предположения Ирулан? — протестующе воскликнула Алия.

— Нельзя пренебрегать ни одной из возможностей.

— Скажи об этом контрабандистам, — сказала Алия. — Я же вполне полагаюсь на Хорьков.

В ответ Айдахо только покачал головой. Что могут сделать Домовые Хорьки против лап таких устрашающих размеров? Но Алия права. Взятка, знакомый пилот, подкупленный навигатор Гильдии и... корабль совершает посадку в любом месте Пустыни. Гильдия, конечно, не выступит в открытую против Атрейдесов, но если цена окажется достаточно высокой... Таким образом, Гильдию можно рассматривать лишь как геологический барьер — его трудно, но вполне возможно преодолеть. Они всегда могут сказать в свое оправдание, что их дело только транспорт, они не отвечают за способ применения доставленного груза.

Алия нарушила наступившее молчание. Взметнув руку в чисто фрименском жесте — поднятый кулак с отставленным в сторону большим пальцем, — она произнесла ритуальную фразу, означавшую «Я начинаю войну тайфуна». Она, без сомнения, считала себя единственно возможной мишенью убийства, а жест и фраза обозначали объявление беспощадной битвы со всеми угрозами вселенной.

Айдахо чувствовал, что всякий протест обречен на неудачу — ему никто не поверит. Он видел только, что Алия больше ни в чем его не подозревает. Он вернется в Табр, и Алия будет искренне ждать устранения госпожи Джессики. Он поднялся с дивана, пылая гневом. *Если бы Алия действительно была целью! Если бы ее смог настичь убийца!* На мгновение он положил ладонь на рукоятку кинжала, но потом понял, что не должен этого делать. Будет гораздо лучше, если Алия умрет, как мученица, а не будет дискредитирована, казнена и брошена в яму, как собака.

— Да, — произнесла Алия, неверно истолковав выражение его лица, как тревогу за ее жизнь. — Поспеши в сиетч Табр.

При этом она подумала: *Как это было глупо подозревать Дункана! Он принадлежит мне, а не Джессике!* Она могла подумать такое только потому, что ее огорчило требование племен, подумала Алия. На прощание она ласково помахала рукой уходящему Дункану.

Айдахо покидал Палату Совета с чувством полной безнадежности. Алия не только стала слепой, когда ее поразила одержимость отчуждением, ее безумие усиливалось

после каждого криза. Она уже прошла критическую точку и теперь обречена. Но что можно сделать для близнецов? Кого можно убедить? Стилгара? И что может сделать Стилгар сверх того, что он уже сделал?

Может быть, госпожу Джессику?

Да, надо исследовать эту возможность, хотя она, вероятно, слишком сильно вовлечена в заговор Общины Сестер. Айдахо практически не питал иллюзий относительно этой наложницы Атрейдеса. По приказу Бене Гессерит она может сделать все что угодно — даже выступить против собственных внуков.

Хорошее правительство в своих действиях никогда не опирается на законы, но лишь на личные качества тех, кто правит. Деятельность правительства всегда подчинена воле тех, кто запускает эту деятельность. Следовательно, главным элементом построения правительства является метод выбора лидеров.

(«Закон и правление». Устав Космической Гильдии)

Для чего Алие нужно мое участие в утренней аудиенции? мучительно раздумывала Джессика. *Меня даже отказались ввести в состав Совета.*

Джессика стояла в вестибюле Большого Зала Убежища. Этот вестибюль на любой другой планете, кроме Арракиса, вполне и сам мог быть Большим Залом. Чем больше увеличивались власть и богатство Атрейдесов, тем более гигантскими становились сооружения Арракина; громадный вестибюль внушал Джессике дурные предчувствия. Она не любила это помещение, на выложенном плитами полу которого была запечатлена победа ее сына над Шаддамом Четвертым.

Она всмотрелась в свое отражение в металлической пластиковой двери, ведущей в Большой Зал. Само возвращение на Дюну вынуждало Джессику к таким сравнениям, и в эту минуту она ясно видела признаки старения на своем лице: на удлиненном лице появились тонкие морщинки, а глаза цвета индиго потеряли былую живость. Джессика еще помнила то время, когда синева радужек оттенялась белизной склер. Бронзовый оттенок волос сохранялся благода-

ря умению парикмахера. Нос сохранил свои небольшие размеры, рот оставался чувственным, а фигура стройной, но даже тренированные по методикам Бене Гессерит мышцы с возрастом теряли былую реакцию и эластичность. Кто-то, конечно, мог не заметить разрушительного воздействия времени и сказать: «Вы нисколько не изменились за прошедшие годы!» Но тренировка Общины Сестер была обоюдоострым лезвием: даже небольшие изменения редко ускользали от внимания тех, кто сам прошел такую тренировку.

Джессика прекрасно видела, что у Алие действительно отсутствуют малейшие признаки старения.

Джавид, ставший главным церемониймейстером Алие, уже стоял у больших дверей. Сегодня он был очень официален. Одетый в накидку джин с циничной усмешкой на круглом лице. Джессику поразил парадокс Джавида: хорошо откормленный фримен. Заметив устремленный на него взгляд Джессики, Джавид понимающе улыбнулся и пожал плечами. Участие Джавида в приеме Джессики должно быть кратким, и он прекрасно это понимает. Он ненавидит Атрейдесов, но... он человек Алие, причем сразу в нескольких ипостасях, если верить слухам.

Джессика заметила жест Джавида и на секунду задумалась. *Век пожатий плечами. Он знает, что мне известны все сплетни о нем, и ему на это наплевать. Наша цивилизация развалится от такого безразличия скорее, чем от ударов внешних врагов.*

Охрана, которую перед своим убытием в Пустыню к контрабандистам оставил ей Гурни, была страшно недовольна тем, что Джессика сегодня отказалась от ее присутствия. Однако сегодня она чувствовала себя, как это ни странно, в полной безопасности. Пусть кто-нибудь попробует сделать из нее мученицу в этом зале — Алия этого не переживет. Впрочем, дочь и сама это хорошо понимает.

Джессика не отреагировала на улыбку и пожатие плечами. Тогда Джавид заученно покашлял. Это было похоже на сигнал, поданный на тайном языке: «Мы прекрасно понимаем бессмысленность всей этой помпезности, милостивая госпожа. Разве это не чудо, что люди верят подобным глупостям!»

Чудо! — Мысленно согласилась с Джавидом Джессика, однако лицо ее осталось бесстрастным.

Вестибюль постепенно наполнялся людьми. Здесь в основном были допущенные людьми Джавида просители. Внешние двери были все еще закрыты. Просители и свита держались от Джессики на почтительном расстоянии, однако все заметили, что она одета в черную абу фрименской Преподобной Матери, а это порождало множество вопросов. Сейчас не было заметно никаких признаков связи Джессики со священниками культа Муад'Диба. Под сводами вестибюля стоял сдержанный гомон — люди делили свое внимание между Джессикой и маленькой потайной дверью, из которой должна была выйти Алия и повести всех присутствующих в Большой Зал. Для Джессики было очевидно, что старый ритуал, очерчивавший пределы власти Регентства, был в данный момент потрясен до основания.

И все это из-за моего появления, подумала Джессика. *Но я пришла сюда только по приглашению Алие.*

Наблюдая признаки замешательства, Джессика поняла, что Алия намеренно затягивает начало церемонии, позволяя проявиться подводным течениям, за которыми она несомненно сейчас внимательно наблюдает через потайное отверстие в стене. Некоторые мелкие особенности поведения дочери не поддавались объяснению и с каждой минутой Джессике становилось понятнее, насколько была она права, приняв на себя миссию, возложенную на нее Общиной Сестер.

— Мы не можем позволить, чтобы дела и дальше развивались подобным образом, — убеждала ее руководительница делегации Бене Гессерит. — Несомненно, что признаки упадка не ускользнули от твоего внимания — именно от тебя! Мы знаем, почему ты покинула нас, но мы знаем и степень твоей подготовки. Твое образование осталось прежним. Ты — адепт Пророческого Оружия и не можешь не понимать, какую угрозу может представлять для нас загнивание столь могущественной религии.

Задумавшись, Джессика сжала губы и отвернулась к окну, за которым разворачивалась панорама ранней каладанской весны. Ей не нравилось, что ее заставляют мыслить столь прямолинейно логически. Одной из первых заповедей образования Общины Сестер было недоверие к чему

бы то ни было, в чем тебя стараются убедить, прикрываясь логикой. Но... члены делегации Бене Гессерит тоже знали об этом.

Как был напоен влагой воздух в то утро, подумала Джессика, оглядывая вестибюль Алие. Каким свежим он был. Здесь же пахло потом и застоявшейся сыростью, и это вызывало чувство неприятной тяжести. *Я вернулась на пути Фрименов,* подумалось Джессике. В сиетче воздух был тоже слишком сырым. Что происходит с мастером по увлажнителям? Пауль никогда не допустил бы такой небрежности.

Она заметила, что Джавид, несмотря на всю свою собранность и готовность, не видит таких нарушений влажности. Это большой недостаток для человека, рожденного на Арракисе.

Члены делегации Бене Гессерит хотели знать, нужны ли Джессике доказательства обоснованности их предположений. Она рассердилась и ответила им цитатой из их собственных уставов: «Все доказательства призваны обосновать утверждения, которые не имеют доказательств. Мы понимаем только то, во что хотим верить!»

— Однако мы доверили эти рассуждения ментатам, — возразила руководительница.

Джессика в изумлении уставилась на женщину.

— Мне странно, что вы сумели достичь своего высокого положения, не зная ограничений ментатов, — произнесла Джессика.

По тому, как внезапно успокоились все члены делегации, Джессика поняла, что это было всего лишь испытание, которое она успешно прошла. Конечно, они сильно боялись, что за прошедшие годы Джессика утратила способность к балансированию на грани возможного, что составляло ядро подготовки сестер Бене Гессерит.

Джессика слегка насторожилась, когда Джавид оставил свой пост у входа в зал и подошел к ней, согнувшись в низком поклоне.

— Госпожа, мне пришло на ум, что, возможно, вы не слышали ничего о последнем подвиге Проповедника.

— Я каждый день получаю сведения о том, что происходит, — ответила Джессика. *Пусть он доложит об этом Алие!*

Джавид улыбнулся.

— Тогда вы знаете, что он обрушился на вашу семью. Прошлым вечером он проповедовал в южном пригороде, и никто не осмелился схватить его. Вы, конечно, понимаете почему.

— Потому что они думают, что это мой сын вернулся к ним, — устало ответила Джессика.

— Мы еще не задавали этот вопрос ментату Айдахо, — сказал Джавид. — Видимо, придется это сделать, чтобы прояснить наконец положение.

Вот один представитель рода человеческого, который не понимает ограничений ментатов, хотя осмеливается наставлять ему рога — если не в действительности, то в мечтах, подумала Джессика.

— Ментаты совершают те же ошибки, что и люди, которые их используют, — сказала она. — Человеческий разум, как и разум любого животного, — это резонатор. Он резонирует в ответ на колебания окружающей среды. Ментат обучен одновременному сознательному следованию по параллельным петлям кажущихся случайными связей, просчитывая всю цепь причин и следствий.

Пусть он попробует прожевать все это!

— Значит, этот Проповедник вас нисколько не тревожит? — спросил Джавид. Его тон внезапно стал формальным и зловещим.

— Я считаю это признаком оздоровления, — сказала Джессика, — и не хочу, чтобы его трогали.

Джавид явно не ожидал такого скоропалительного, по его мнению, ответа. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой и неестественной.

— Правящий Совет Церкви, обожествивший твоего сына, конечно, преклонится перед твоим желанием, но требуются некоторые объяснения...

— Вероятно, лучше было бы вам объяснить, какое место *я* занимаю в ваших схемах, — отпарировала Джессика.

Джавид посмотрел на Джессику осуждающим взглядом.

— Женщина, я не вижу разумных оснований с твоей стороны отказываться от осуждения Проповедника. Он не может быть твоим сыном. Я ставлю вполне разумное требование: осуди его.

Это хорошо разыгранный спектакль, подумала Джессика, *и поставила его Алия, назначив на главную роль Джавида.*

— Нет, — твердо произнесла она.

— Но он оскверняет имя твоего сына! Он проповедует омерзительные вещи, покушается на святую дщерь. Он восстанавливает против нас толпу. Когда его спрашивают, он отвечает, что даже ты одержима природой зла и что ты...

— Довольно этого вздора! — отрезала Джессика. — Скажи Алие, что я отказываюсь. Я не слышала об этом Проповеднике ничего, кроме всяких сказок. Он мне наскучил.

— Скучно ли будет тебе, женщина, услышать, что в своих последних поношениях он говорил, что ты никогда не выступишь против него? Тут совершенно ясно, что ты...

— Я, как воплощение зла, все равно не стану осуждать его, — сказала она.

— Это не шутки, женщина!

Джессика негодующе взмахнула рукой.

— Убирайся! — она произнесла это слово достаточно громко, чтобы его услышали, и Джавиду пришлось подчиниться.

Глаза его сверкнули яростью, однако он неуклюже поклонился и вернулся на свое место у двери.

Эта ссора прекрасно вписывалась в результаты наблюдений Джессики. Когда Джавид говорил об Алие, в его голосе проскальзывали ласковые хрипловатые нотки любовника, в этом Джессика не могла ошибиться. Слухи, несомненно, соответствуют истине. Алия позволила себе окончательно разложиться. Наблюдения говорят о том, что Алия стала сознательной соучастницей Мерзости. Что это — извращенная воля к самоуничтожению? Совершенно ясно, что Алия делает все, чтобы разрушить самое себя и основу своей власти, возросшей на учении ее брата.

В вестибюле почти осязаемо повисло неловкое беспокойство. Завсегдатаи вестибюля, конечно, знают, в каких случаях Алия задерживает свой выход, а теперь еще все слышали, как Джессика без колебаний прогнала фаворита своей дочери.

Джессика тяжело вздохнула. Она почувствовала, что, хотя ее тело пришло сюда, душа осталась за пределами этого зловещего вестибюля. Движения придворных были так прозрачны! Поиск покровительства нужных людей был

танцем, столь же явным, как утренний ветер, волнующий пшеничное поле. Возросшие при дворе статисты усиленно морщили лбы и высчитывали важность каждого здесь присутствующего. Очевидно, что ее гневная отповедь Джавиду повредила его репутации; теперь мало кто о нем говорил. Но были и другие! Ее наметанный глаз ясно видел результаты подсчета рейтинга во взглядах сателлитов и прилипал власти.

Они не примкнут ко мне, потому что я опасна, подумала она. *Но я чувствую запах того, кого боится Алия.*

Джессика обвела взглядом вестибюль и увидела, как люди отводят глаза в сторону. Эти люди были настолько бесполезны, их существование настолько бессмысленно, что Джессике захотелось выкрикнуть опровержение их готовым оправданиям своей бесцельной жизни. О, если бы только Проповедник мог их сейчас видеть!

Ее внимание привлек обрывок случайно услышанного разговора. Это был высокий, стройный священник. Он обращался к своему окружению, несомненно, просителям, которых он опекал.

— Я часто вынужден говорить не то, что думаю, — произнес он. — Это называется дипломатия.

Смех прозвучал слишком громко и слишком фальшиво. Впрочем, он быстро оборвался — люди заметили, что Джессика слышит их.

Мой герцог выслал бы этих людей в самое вонючее захолустье! — подумала она. *Я приехала как раз вовремя.*

Она только сейчас поняла, что, живя на Каладане, она пребывала в плотном коконе, сквозь стенки которого до нее доходили только самые вызывающие проступки Алие. *Я была такой благодаря своему тихому, как во сне, существованию,* подумала она. Каладан был подобен громадному кораблю, ведомому опытнейшими капитанами. Только самые крутые виражи воспринимаются пассажирами, да и то в виде едва заметных движений.

Как же соблазнительна спокойная жизнь, подумала Джессика.

Чем больше наблюдала Джессика жизнь двора Алие, тем более справедливыми казались ей слова Проповедника, о которых ей ежедневно докладывали. Да, Пауль имел все основания произносить их, видя, во что превратилась его Империя. Джессика вспомнила о Гурни, отправившимся к контрабандистам. Интересно, что ему удалось узнать?

Ее первое впечатление об Арракине оказалось верным. В ту первую поездку по городу вместе с Джавидом она обратила внимание на глухие бронированные заборы вокруг домов, охраняемые улицы и аллеи, шпиков на углах, высокие стены и глубокие подвалы строений, о чем можно было судить по мощным фундаментам. Арракин потерял свое благородство, он стал безумным, самовлюбленным городом, воплощением грубости и безвкусицы.

Внезапно открылась маленькая боковая дверь. В помещение вступил отряд священных амазонок, под прикрытием которых вышла Алия, надменная, высокомерная, вполне сознающая всю свою огромную и страшную власть. Лицо принцессы было предельно собранным: на нем не отразилось никаких чувств, когда ее взгляд встретился с взглядом матери, хотя обе знали, что битва не на жизнь а на смерть уже началась.

По команде Джавида неслышно раскрылись створки громадных ворот, ведущих в Большой Зал. В этом движении чувствовалась невидимая, скрытая в глубинах здания чудовищная энергия.

Алия подошла к матери. Их немедленно окружила охрана.

— Войдем внутрь, матушка? — спросила дочь.

— Давно пора, — ответила Джессика, уловив злорадство в глазах Алие. *Она думает, что может уничтожить меня и остаться безнаказанной! Она просто безумна!*

Джессика подумала, что Айдахо, видимо, желает помешать своей жене. Джессике принесли его послание, на которое она не смогла пока ответить. То было очень загадочное письмо: *«Вам угрожает опасность. Я должен встретиться с вами»*. Послание было составлено на древнем языке чакобса, в котором слово «опасность» имело значение «заговор».

Я увижусь с ним тотчас по возвращении в Табр, решила Джессика.

Вот в чем заключается заблуждение власти: она в конечном счете эффективна в абсолютном, ограниченном пространстве, а главный урок, который мы извлекаем из релятивистской вселенной, заключается в ее изменчивости. Любая

сила неизбежно наталкивается на большую силу. Пауль Муад'-Диб преподал этот урок сардаукарам на равнинах Арракиса. Его последователям еще предстоит сделать из этого урока выводы для себя.

(Проповедь в Арракине)

Первым просителем на утренней аудиенции был кадешианский трубадур, паломник хаджа, кошелек которого опустошили арракинские торговцы. Человек стоял на малахитовом полу палаты, не в силах решиться просить за себя.

Сидя на своем месте, Джессика восхищалась смелостью паломника, стоявшего у подножия трона Алие. Троны матери и дочери были одинаковы, но трон последней стоял справа, то есть на мужском месте.

Что же касается кадешианского трубадура, то люди Джавида пустили его сюда только благодаря тому качеству, которое он сейчас демонстрировал, — мужеству. Предполагалось, что трубадур окажет кое-какие услуги двору в счет денег, коих у него больше не было.

Из речи священника-адвоката, который представлял кадешианца, явствовало, что у того осталась только одежда, которая на нем, и балисет, висевший на плече.

— Он утверждает, что его опоили темной жидкостью, — говорил адвокат, не слишком сильно пытаясь скрыть усмешку, кривившую его губы. — Если это будет угодно вашему святейшеству, питье сделало его беспомощным, но сохранило сознание, и он видел, как у него срезали кошель.

В то время, как адвокат тянул свою бесконечную песню, выказывая фальшивую угодливость и склонность к морализаторству, Джессика внимательно изучала трубадура. Кадешианец был высок, не меньше двух метров. Живые, подвижные глаза выдавали острый ум и незаурядное чувство юмора. Золотистые волосы, по моде его планеты, были распущены по плечам; трубадур был широк в плечах, и узок в бедрах — он него веяло мужской силой, которую не могла скрыть свободная одежда паломника. Звали трубадура Тагир Мохандис, он происходил из семьи торговых инженеров, очень гордился своими предками и собой.

Алия нетерпеливо прервала адвоката движением руки и, не оборачиваясь, произнесла:

— В честь своего возвращения первое дело решит госпожа Джессика.

— Благодарю тебя, дочь моя, — сказала Джессика, чтобы до всех дошел порядок старшинства. Дочь! Так этот Тагир Мохандис стал частью их плана. Или он просто невинный дурачок? Предоставление ей первого права решения дела было спланировано для организации массированной атаки на нее, поняла Джессика. Это было ясно по тону и отношению Алие.

— Хорошо ли ты играешь на этом инструменте? — спросила Джессика, указывая на балисет.

— Так же хорошо, как несравненный Гурни Халлек! — Тагир Мохандис говорил громко, чтобы все слышали его слова. Среди придворных обозначилась заинтересованность, люди зашевелились.

— Тебе нужны деньги на проезд, — сказала Джессика. — Куда доставят тебя эти деньги?

— На Салусу Секундус, ко двору Фарад'на, — ответил Мохандис. — Я слышал, что ему нужны трубадуры и менестрели, что он поддерживает искусство и возрождает в своей Империи культурную жизнь.

Джессика не стала оглядываться на Алию. Естественно, и она, и ее присные прекрасно знали, что и зачем будет просить трубадур. Она просто наслаждалась этой двойной игрой. Неужели они думают, что могут поймать ее на такую дешевую приманку?

— Не сыграешь ли ты, чтобы заработать на проезд? — спросила Джессика. — Мои условия — это обычные фрименские условия. Если твоя музыка усладит мой слух, то ты останешься здесь и будешь играть для меня; если же твоя музыка оскорбит мой слух, я отправлю тебя на принудительные работы в Пустыню и там ты заработаешь деньги; если же я найду, что твоя музыка понравится Фарад'ну, врагу Атрейдесов, то я с благословением пошлю тебя к нему. Станешь ли ты играть на этих условиях, Тагир Мохандис?

Откинув белокурую голову, трубадур зычно расхохотался. Принимая условия Джессики, он снял с плеча балисет и принялся настраивать инструмент.

Толпа в зале попыталась приблизиться, но придворные и охрана проявили бдительность.

Наконец Мохандис взял ноту, заставив звучать в басовом регистре боковые струны, возвысил голос до сладчайшего тенора и, импровизируя, запел. Он касался струн настолько искусно, что Джессика была захвачена его музыкой раньше, чем до нее дошел смысл лирических слов.

Влекут вас Каладана виды,
Когда-то вы там правили, Атрейдесы,
Без устали — вы даровиты...
Теперь изгнанники вы в стороне чужой.

Здесь было горько, люди — грубы,
Мечту сломали Шаи-Хулуда зубы,
Еда и вина были вам не любы...
Теперь изгнанники вы в стороне чужой.

Арракис к нежности приучен вами,
Управились вы с грозными червями,
Но дни свои закончите вы сами
Изгнанниками в стороне чужой.

Алия! Тебя зовут все Коан-Тин,
Как духа, что никем не видим,
До той поры, пока...

— *Довольно!* — Алия в бешенстве подскочила на троне. — Я тебя...

— Алия! — громко произнесла Джессика — так, чтобы не спровоцировать перепалку, но привлечь к себе внимание. То было мастерское владение Голосом, и все, кто слышал Джессику, поняли всю его силу. Алия снова уселась на трон, и мать заметила, что дочь не проявила ни малейшего замешательства.

Это они тоже предвидели, подумала Джессика. *Как это интересно.*

— Принимать решение по этому делу буду я, — напомнила Джессика Алие.

— Очень хорошо, — едва слышно произнесла Алия.

— Я нахожу, что этот человек будет подходящим подарком для Фарад'на, — заговорила Джессика. — У Мохандиса язык остер, как бритва. Кровопускание, которое

может причинить этот язычок, не повредило бы и нашему двору, но пусть он лечит Дом Коррино.

По залу прокатился сдержанный смешок.

Алия позволила себе возмущенно фыркнуть.

— Ты понимаешь, как он меня назвал?

— Никак он тебя не назвал, дочь моя. Он просто повторил то, что он, как и всякий другой, мог услышать на улице. Именно там тебя называют Коан-Тин...

— Женский дух смерти, который ходит без ног, — злобно произнесла Алия.

— Если ты ликвидируешь всех, кто говорит правду, то останутся только те, кто говорит то, что ты хочешь услышать, — сладким голосом сказала Джессика. — Я не могу представить ничего более ядовитого, чем прокисать в зловонии собственной рефлексии.

Было слышно, как все присутствующие затаили дыхание.

Джессика пристально посмотрела на Мохандиса. Тот молчал, сохраняя полнейшее спокойствие. Он с такой безмятежностью ожидал приговора, словно тот его совершенно не касался. Мохандис, без сомнения, был из тех людей, которых герцог без колебаний брал на службу в самые тяжелые времена, людей, способных действовать по собственному усмотрению и не боящихся брать на себя ответственность и умеющих принимать любые удары, даже смерть, не проклиная при этом судьбу. Почему он решил так себя вести?

— Почему ты пел именно эти слова? — спросила Джессика.

Трубадур поднял голову и заговорил, сохраняя самообладание и четко произнося фразы.

— Я слышал, что Атрейдесы честны и искренни, и решил проверить это. Быть может, мне повезло бы попасть к вам на службу, и тогда у меня появилась бы возможность найти моих обидчиков и поквитаться с ними по-свойски.

— Он осмеливается проверять нас! — пробормотала Алия.

— А почему бы и нет? — возразила Джессика.

В знак благосклонности она улыбнулась трубадуру с высоты своего трона. Человек пришел в этот зал только для того, чтобы использовать возможность испытать новое приключение, пройти свою вселенную другим, неизведанным доселе путем. Джессика едва устояла перед искушением оставить трубадура у себя, но реакция Алие предвещала

смельчаку злую судьбу. Кроме того, по некоторым признакам Джессика поняла, что именно этого и ждала от нее дочь — что мать возьмет Мохандиса в свою свиту, как когда-то она взяла к себе храбреца Халлека. Пусть Мохандис следует своим путем, хотя жалко уступать такой экземпляр человеческой породы Фарад'ну.

— Он отправится к Фарад'ну, — объявила Джессика. — Позаботьтесь, чтобы он получил проездные деньги. Пусть его язык устроит кровопускание Дому Коррино, а мы посмотрим, как они это переживут.

Алия сердито уставилась в пол, потом, спохватившись, улыбнулась.

— Пусть торжествует мудрость госпожи Джессики. — Алия жестом руки отпустила Мохандиса.

Она хотела совсем другого, подумала Джессика, но судя по поведению Алие можно было думать, что у нее в запасе есть еще одно испытание.

Вперед выступил другой проситель.

Заметив реакцию дочери, Джессика почувствовала, что ее обуревают сомнения. Как ей пригодился сейчас урок, который преподали близнецы. Пусть даже Алия ныне воплощение *Мерзости*, но она отмечена предрождением. Она знает свою мать точно так же, как себя саму. Не стоит полагать, что Алия не поняла суть действий матери при разбирательстве с трубадуром. *Но зачем Алия так искусно режиссирует столкновение? Чтобы отвлечь меня?*

Однако времени на рефлексию не оставалось. Место у подножия тронов занял другой проситель. Рядом с ним стоял адвокат.

На этот раз просителем был старый фримен с обветренным лицом уроженца Пустыни. Старик был невысок ростом, но худ и жилист, а носимая обычно поверх защитного костюма *дишдаша* придавала его облику известную величавость. Одежда видно подчеркивала узкое лицо, орлиный нос и горящие глаза — синие радужки на голубом фоне склер. Сейчас на старике не было защитного костюма и фримен чувствовал себя не в своей тарелке. Огромное пространство Зала Аудиенций, видимо, казалось старику опасным местом, где он может лишиться всей своей драгоценной воды. Капюшон был откинут назад, откры-

вая волосы, собранные в *кеффию*, отличительный знак наиба.

— Меня зовут Гхадхеан аль-Фали, — сказал он, поставив одну ногу на нижнюю ступеньку трона, чтобы подчеркнуть свое превосходство над остальными присутствующими. — Я был одним из воинов-смертников Муад'Диба и хочу выступить здесь от имени народа Пустыни.

Алия слегка напряглась и едва не выдала себя. Имя аль-Фали стояло под петицией о введении Джессики в Совет.

От имени народа Пустыни, мысленно повторила Джессика.

Гхадхеан аль-Фали заговорил прежде, чем адвокат успел раскрыть папку с прошением. Формальная фрименская фраза, которую произнес наиб, говорила о том, что он выступит сейчас с тем, что тревожит всю Дюну, и о том, что говорить будет не кто-нибудь, а федайкин, который предложил свою жизнь вместо жизни Муад'Диба. Джессика сомневалась, что эту причину старый наиб указал Джавиду и Главному Адвокату, добиваясь аудиенции. Догадка оказалась верной, ибо не успел старик начать, как по залу к тронам начал пробираться чиновник Священства с черным платком в руке — требованием прервать аудиенцию.

— Государыни! — крикнул чиновник. — Не слушайте этого человека! Он пробрался сюда под фальшивым...

Видя бегущего к ним священника, Джессика краем глаза уловила, как Алия подает рукой знак на тайном боевом языке Атрейдесов: «Сейчас!» Джессика не поняла, к кому относится этот приказ, но инстинктивно метнулась влево, свалив трон. Падая, она откатилась от развалившегося трона, вскочила на ноги и в этот миг услышала плевок выстрела... потом еще один. На бегу Джессика почувствовала, что кто-то словно схватил ее за рукав. Она немедленно нырнула в толпу просителей и придворных, собравшихся под помостом. Алия осталась неподвижно сидеть на троне.

Оказавшись в окружении людей, Джессика остановилась.

Она видела, как Гхадхеан аль-Фали стремительно переместился к противоположной стороне помоста, оставив адвоката на месте.

Все произошло в мгновение ока, но все присутствующие в зале знали, что могут сделать с тренированными

людьми безошибочные рефлексы в минуту опасности. Алия и адвокат остались на своих местах, словно в оцепенении.

Какое-то движение толпы к центру зала не ускользнуло от внимания Джессики, и она, прокладывая себе путь сквозь скопление народа, бросилась к тому месту, где находился чиновник Священства. Кусок черной материи валялся у его ног, а в складках ее виднелся пистолет.

Молниеносно переведя взгляд со священника на пистолет, мимо Джессики, словно ураган, пронесся старый наиб. Издав крик ярости, он нанес священнику удар выпрямленными пальцами кисти в горло. Чиновник, издав хлюпающий звук, упал. Не оглянувшись на человека, которого он только сейчас убил, аль-Фали обернул искаженное гневом лицо к помосту.

— Далал-иль'ан-нубувва! — воскликнул старик, прижал ладони ко лбу и тотчас опустил руки. — Кадис аш-Шалаф не позволит заткнуть мне рот! Если я не убью тех, кто мне препятствует, то их убьют другие!

Наиб думает, что мишенью был он, догадалась Джессика. Она посмотрела на свой рукав и приложила палец к маленькой дырочке — пуля наверняка была отравлена.

Просители отошли от священника, который корчился на полу в предсмертных муках. Джессика повернулась к двоим потрясенным придворным, стоявшим слева, и приказала:

— Я хочу, чтобы этого человека спасли для допроса. Если он умрет, то умрете и вы! — Видя, что они колеблются, оглядываясь на помост, она крикнула своим Голосом: — Шевелитесь!

Придворные бросились выполнять приказ.

Джессика подбежала к аль-Фали и толкнула его локтем.

— Ты глупец, наиб! Они охотятся за мной, а не за тобой!

Эти слова слышали несколько человек, стоявших рядом. В наступившей мертвой тишине аль-Фали посмотрел на Алию, продолжавшую сидеть на уцелевшем троне. Лицо его озарилось пониманием, недоступным для непосвященного.

— Федайкин, — обратилась к наибу Джессика, напоминая о его былой службе ее семье, — мы, те, кого преследуют, умеем сражаться спиной к спине.

— Можешь мне верить, госпожа, — ответил наиб, поняв Джессику с полуслова.

Резкий вскрик сзади заставил Джессику стремительно обернуться, и в это мгновение она почувствовала, что за ее спиной стоит аль-Фали. Над распростертым на полу телом священника выпрямилась женщина в безвкусном кричащем наряде городской фременки. Двоих придворных нигде не было видно. Женщина не смотрела на Джессику, она возвысила голос в древнем плаче своего народа — плаче о тех, кто заслужил смертный покой, зов к ним, чтобы они отдали свою воду в племенную цистерну. Трудно было ожидать такого плача от женщины, одетой в такой наряд. Старые обычаи живучи, мысленно отметила Джессика, хотя в этой женщине была какая-то фальшь. Это создание в пестром платье, очевидно, сама убила священника, чтобы он никогда не заговорил.

Зачем она так суетилась? — удивленно подумала Джессика. *Надо было всего лишь подождать, пока он сам не умер бы от асфиксии.* Такие поступки — следствие сильнейшего страха.

Алия, подавшись вперед, сидела на краю трона, напряженно наблюдая за происходящим. Стройная женщина с пучком кос, одна из амазонок Алие, прошла мимо Джессики, склонилась над священником, выпрямилась и объявила:

— Он мертв.

— Уберите тело, — приказала Алия, сделав знак рукой охране, стоявшей у помоста. — Поставьте на место трон госпожи Джессики.

Итак, ты решила спрятать все концы в воду, подумала Джессика. Неужели Алия думает, что ей удастся кого-то одурачить? Аль-Фали воззвал к Кадис аш-Шалафу, к святым отцам фременской мифологии, как к своим защитникам. Но отнюдь не сверхъестественная сила пронесла в зал пистолет, хотя вход сюда с оружием строго воспрещен. Единственный ответ на эту головоломку — заговор, в который вовлечены люди Джавида, а судя по спокойному поведению Алие, она также является участницей этого заговора.

Старый наиб, обернувшись через плечо, тихо проговорил:

— Примите мои извинения, госпожа. Мы, люди Пустыни, пришли к вам, как к нашей последней отчаянной надежде, и теперь мы видим, что все еще нужны вам.

— Убийство матери не слишком к лицу моей дочери, — сказала Джессика.

— Племена узнают об этом, — пообещал аль-Фали.

— Если я была вам так нужна, то почему вы не обратились ко мне во время Большого Совета в сиетче Табр?

— Стилгар никогда не позволил бы нам это сделать.

Ах, подумала Джессика, *это же старинное правило наибов! В Табре слово Стилгара — закон.*

Тем временем на помосте восстановили трон Джессики. Алия жестом пригласила мать занять свое место.

— Пусть все запомнят смерть этого изменника. Те, кто угрожает мне, погибнут, — она взглянула на аль-Фали. — Я выражаю вам свою признательность, наиб.

— Признательность за ошибку, — тихо пробормотал аль-Фали и взглянул на Джессику. — Вы были правы. Моя ярость — причина того, что погиб тот, кого можно и должно было допросить.

— Запомните тех двух придворных и женщину в пестром одеянии, федайкин. Их надо схватить и допросить, — прошептала в ответ Джессика.

— Будет исполнено, — ответил наиб.

— Если мы выберемся отсюда живыми, — произнесла Джессика. — Пошли, будем дальше играть свои роли.

— Слушаю и повинуюсь, госпожа.

Вместе они вернулись к помосту. Джессика заняла свое место на троне, а наиб встал у подножия трона на месте просителя.

— Итак, — провозгласила Алия.

— Одну минуту, дочь моя, — заговорила Джессика. Она подняла вверх простреленный рукав и на виду у всех просунула палец в отверстие. — Целью нападения была я. Пуля едва не нашла свою мишень, хотя я вовремя среагировала. Но пистолета вы уже не найдете. На трупе его нет. Кто его взял?

В ответ в зале воцарилась мертвая тишина.

— Вероятно, это все же можно выяснить, — сказала Джессика.

— Какая чепуха! — крикнула Алия. — Это *я* была...

Джессика вполоборота повернулась к дочери и махнула рукой, приказав Алие замолчать.

— У кого-то из людей в зале — пистолет. Ты не боишься, что...

— Пистолет взял один из моих стражей.

— Пусть этот страж принесет оружие мне, — потребовала Джессика.

— Его уже унесли отсюда.

— Как это удобно, — язвительно произнесла мать.

— О чем ты говоришь, — угрожающе спросила Алия.

Джессика позволила себе жестокую усмешку.

— Я говорю о том, что двоим из твоих людей было приказано спасти этого изменника. Я предупредила их, что если он умрет, то умрут и они. Они умрут.

— Я запрещаю это!

В ответ Джессика лишь пожала плечами.

— Перед нами стоит храбрый наиб, — заговорила Алия. — Наш спор может подождать.

— Он может ждать вечно, — ответила мать на языке чакобса. Потайной смысл фразы заключался в том, что ничто не сможет предотвратить смертный приговор.

— Посмотрим, — ответила Алия. — Для чего ты пришел сюда, Гхадхеан аль-Фали?

— Увидеть мать Муад'Диба, — ответил наиб. — Что еще остается федайкину? Наше братство, служившее ее сыну, собрало деньги на проезд сюда и на взятки алчным чиновникам, которые скрывают от Атрейдесов правду об Арракисе.

— Если федайкины чего-то хотят, то им стоит всего лишь... — начала говорить Алия, но ее перебила Джессика.

— Он пришел ко мне, — сказала она. — В чем состоит твоя отчаянная нужда, федайкин?

— Здесь я говорю от лица Атрейдесов, — протестующе возвысила голос Алия. — Итак, в чем...

— Замолчи, смертоносная Мерзость! — взорвалась Джессика. — Ты пыталась меня убить, *доченька!* Я говорю это в присутствии всех. Ты при всем желании не сможешь убить всех присутствующих, чтобы заткнуть им рот, как убила этого священника. Да, удар наиба мог убить этого человека, но его можно было спасти. Его можно было допросить! Тебя совершенно не волнует то обстоятельство, что

он мертв и не сможет ничего сказать. Ты можешь протестовать сколько тебе угодно, но твоя вина доказывается твоими действиями!

Алия в оцепенении застыла на месте, лицо ее покрылось мертвенной бледностью. Наблюдая за лицом дочери, Джессика вдруг с ужасом заметила, что пальцы Алие выбивают дробь, которую когда-то выбивал в напряженных ситуациях смертельный враг Атрейдесов. Дважды удар мизинцем, трижды — указательным пальцем, средним — дважды, мизинцем еще один удар, средним пальцем — два и... все сначала в той же последовательности.

Старый барон!

Алия проследила за взглядом матери и посмотрела на свою руку, перестала барабанить пальцами и снова посмотрела на Джессику, чтобы подтвердить страшную догадку. Лицо Алие исказилось злобной ухмылкой.

— Ты решила направить свою месть на нас? — прошептала Джессика.

— Мама, ты сошла с ума?

— Хотелось бы, — произнесла Джессика. *Она знает, что я доложу об этом Общине Сестер. Она знает. Она даже подозревает, что я сообщу об этом фрименским племенам, и тогда ей не избежать Суда Одержимых. Она не может выпустить меня отсюда живой.*

Наш храбрый федайкин ждет окончания нашего спора, — напомнила Алия.

Джессика усилием воли переключила внимание на старого наиба.

— Ты явился сюда, чтобы встретиться со мной, Гхадхеан?

— Да, моя госпожа. Мы, люди Пустыни видим, что происходят страшные события. Маленькие Дельцы объявляются в Пустыне, как о том предупреждали нас древние пророчества. Шаи-Хулуда можно отыскать теперь только в Великой Пустоши. Мы покинули и предали нашего друга — Пустыню!

Джессика взглянула на Алию, но та молча дала матери знак продолжать. Джессика оглядела зал — на всех лицах была написана тревога. Ссора между матерью и дочерью продолжала занимать всех и людям было странно видеть, что аудиенция продолжается. Джессика снова обратила свое внимание на аль-Фали.

— Гхадхеан, кто такие эти Маленькие Дельцы и почему ушли песчаные черви?

— Мать Влаги, — ответил наиб, называя Джессику старым фрименским титулом, — в Китаб аль-Ибар содержится предупреждение об этом. Мы на коленях умоляем тебя: пусть никто не забудет, что в тот день, когда умер Муад'Диб, Арракис перевернулся! Мы не можем, не имеем права покинуть Пустыню.

— Ха! — презрительно скривилась Алия. — Все это — суеверный бред на тему экологической трансформации. Они...

— Я слушаю тебя, Гхадхеан, — сказала Джессика.

— Если исчезнут черви, исчезнет и Пряность. Если же исчезнет Пряность, то где мы возьмем деньги, чтобы жить?

Под сводами зала эхом разнесся общий вздох.

Алия пожала плечами.

— Суеверный вздор!

Аль-Фали поднял правую руку и указал на Алию.

— Я говорю с Матерью Влаги, а не с Коан-Тин!

Алия изо всех сил вцепилась в ручки трона, больше ничем не выказав своей злобы.

Аль-Фали снова обратил свой взор на Джессику.

— Когда-то это была земля, на которой ничего не росло. Теперь у нас есть деревья и другие растения. Они расползлись по планете, словно черви по кровоточащей ране. В поясе Дюны появились облака и пошли дожди! Дожди, моя госпожа! О, драгоценная мать Муад'Диба, подобно сну, дождь в поясе Дюны — это брат смерти. Это смерть для всех нас.

— Мы делаем только то, что начали Лиет-Кинес и сам Муад'Диб, — запротестовала Алия. — Что за суеверная болтовня? Мы преклоняемся перед словами Лиет-Кинеса, который сказал: «Я желаю видеть всю планету покрытой деревьями». И так будет.

— А как быть с червями и Пряностью? — спросила Джессика.

— Часть Пустыни все равно останется, — ответила Алия, — и черви выживут.

Она лжет, подумала Джессика. *Почему она лжет?*

— Помоги нам, Мать Влаги, — умоляюще проговорил аль-Фали.

У Джессики внезапно возникло двойное видение, сознание словно накренилось под воздействием слов наиба.

Ошибки быть не могло — это *адаб*, память, которая возникает в мозгу сама по себе. Эта память не имеет определенных свойств и парализует все внешние чувства, а в сознание в это время проникают уроки прошлого. Это состояние охватывает человека целиком, он запутывается в нем, словно рыба в сетях. Однако это наиболее *человеческое* из всех состояний, воспоминание о творении. Каждый элемент этого урока реален, но не поддается описанию, он беспредметен в силу своей изменчивости. Именно это и есть в чистом виде предзнание, которое выкристаллизовывается в абсолютное знание истины. Это знание стало причиной гибели сына.

Алия солгала, потому что она одержима одним из тех, кто хочет уничтожить род Атрейдесов. Она сама пала первой жертвой этой войны. Аль-Фали говорит правду. Черви обречены, если не изменить способ экологической трансформации.

Подавленная этим откровением, Джессика оглядела людей в Зале Ауедиенций. Движения их словно бы замедлились, и роль каждого из них стала ясна Преподобной Матери. Одни понимали, что Джессике не уйти из зала живой! Сознание соединило Джессику с ними ярким светом, как путеводной нитью, — люди были растеряны, притворялись, что спотыкаются, наталкиваясь друг на друга, группки смешались. Она понимала, что если покинет Большой Зал, то неминуемо попадет в руки других убийц. Алие все равно, станет ли ее мать мученицей или нет. Точнее даже было бы сказать, что это безразлично тому существу, которым одержима ее дочь.

В эту страшную минуту Джессика нашла способ спасти старого наиба и послать его из зала как вестника. Путь из зала был свободен. Как все просто! Перед ней стояли фигляры с заложенными ушами, плечи их опущены в знак пассивной защиты. Каждое существо на полу зала было коллизией бесплодной драмы, плоть этих людей можно было отделить от костей, обнажив омерзительные скелеты, коими они в действительности и являлись. Их тела, одежды, лица — все это воплощения их личного персонального ада — иссушенной груди запечатленного ужаса, блестящая наживка фальшивого камня заменила собой рыцарские доспехи; уста были готовы изрыгнуть любую

истину, чтобы только избавиться от страха; брови были подняты, отражая возвышенные религиозные чувства, не усвоенные чреслами.

Джессика почувствовала разрушительную силу, которая грозила уничтожить сформированный мир Арракиса. Голос аль-Фали послужил сигналом, разбудившим зверя, дремавшего в глубинах ее души.

Спустя мгновение, Джессика вернулась в реальный мир движений, но это была уже не та вселенная, занимавшая ее ум всего секунду назад.

Алия начала было говорить, но Джессика грубо перебила ее.

— Молчать! Здесь присутствуют те, кто испытывает страх по поводу моего безусловного возвращения в лоно Общины Сестер. Но с того дня, когда фримен преподнес дар жизни мне и моему сыну, я сама стала фрименкой! — Она перешла на древнее фрименское наречие, которое могли понять только те, кому предназначались слова Джессики. — Онсар акхака зелиман ав маслумен! *Поддержи в несчастье брата своего, прав он или не прав!*

Слова Джессики произвели желаемый эффект, в зале произошло заметное движение.

Но Джессика уже пришла в ярость и не могла остановиться.

— Этот Гхадхеан аль-Фали, честный фримен, явился сюда сказать то, что должны были открыть мне другие, и пусть никто не смеет это отрицать! Экологическая трансформация превратилась в экологическую катастрофу, вышедшую из-под нашего контроля.

Всеобщее молчание было лучшим подтверждением правоты Джессики.

— Моя дочь наслаждается этой катастрофой! — продолжала Джессика. — Мектуб аль-меллах! Ты разрываешь мою плоть и сыпешь в раны соль! Почему Атрейдесы обрели свой дом здесь? Потому что *мохалата* оказалась для нас естественной. Для Атрейдесов правление всегда было партнерством во имя защиты подданных, а фримены называют это своим словом *мохалата*. Теперь посмотрите на нее! — Джессика указала рукой на Алию. — По ночам она смеется, одержимая искушениями зла! Производство Пряности

упадет до нуля или до ничтожной доли современного уровня! И когда слово об *этом* вырвется наружу...

— Мы все равно останемся главными производителями этого бесценного продукта во вселенной! — закричала Алия.

— Мы будем главными в аду! — яростно вскричала в ответ Джессика.

Алия заговорила на древнем языке Атрейдесов, языке, изобилующем гортанными звуками и толчками.

— Теперь ты все знаешь, мама! Ты что, думала, что бабка барона Владимира Харконнена не одобрит все те жизни, которые ты навязала мне прежде, чем я успела появиться на свет? Когда я пришла в ярость от того, что ты со мной сделала, то я просто спросила себя, что сделал бы в этой ситуации барон. Но он ответил! Понимаешь, Атрейдесова сука? Он ответил *мне*!

Джессика физически ощутила яд, который источали слова Алие, и поняла, что ее догадка полностью оправдалась. *Мерзость!* Алия порабощена изнутри, одержима *кагуэтом* зла, бароном Владимиром Харконненом. Барон сам говорит устами Алие, нисколько не беспокоясь, что именно она раскрывает. Он хочет видеть, как она осуществит его мщение, хочет убедиться, что его нельзя изгнать из души дочери Джессики.

Я осуждена оставаться здесь в полной беспомощности своего знания. Осознав это, она встала и направилась к пути, который видела в состоянии *адаба*.

— Федайкины, за мной! — скомандовала она.

В зале было шесть федайкинов. Пятеро из них немедленно оказались возле Матери Влаги.

Если я слабее тебя, то я прошу у тебя свободы, ибо это согласуется с твоими принципами; если же я сильнее тебя, то я отнимаю у тебя свободу, ибо это согласуется с моими принципами.

(Слова древнего философа, приписываемые Харком аль-Ада некоему Луи Вейо)

Лето выглянул из потайного выхода из сиетча, пригнулся, чтобы посмотреть, что находится за нависшим выступом скалы, закрывавшей ему обзор. Вечернее солнце от-

теняло длинные, казавшиеся черными трещины в скалах. Бабочка-скелет то ныряла в тень, то вылетала на свет, причудливые переплетения жилок крыльев отчетливо виднелись на фоне прозрачных перепонок. Каким нежным созданием выглядит эта бабочка в этом суровом уголке, подумал Лето.

Прямо перед мальчиком раскинулся абрикосовый сад, в котором работали дети, собирая упавшие на землю плоды. За садом пролегал канал. Они с Ганимой ускользнули от охраны, быстро смешавшись с толпой возвращавшихся в сиетч рабочих. Оказалось очень несложно проползти по вентиляционной трубе к потайному выходу. Теперь оставалось только слиться с работающими детьми, пройти к каналу и выбраться к туннелю. Там принцу и принцессе предстояло пройти мимо хищной рыбы, которая охраняла племенную систему ирригации от засорения песчаными форелями. Ни одному фримену не пришло бы в голову, что найдется человек, рискнувший погрузиться в воду.

Лето выступил из защитного прохода. По обе стороны простирались скалы. Мальчик полз и ему казалось, что скалы прилегли на землю отдохнуть.

Следом за братом ползла Ганима. У обоих в руках были маленькие плетеные из Пряности корзинки для фруктов, в которых, правда, находились пистолеты, ножи, фримпакеты и... костюмы, присланные Фарад'ном.

Вслед за братом Ганима проскользнула в абрикосовый сад, где они смешались с работающими детьми. Маски защитных костюмов закрывали все лица. Было такое впечатление, что работников стало на двоих больше, но Ганима чувствовала, что то, что они делают, уводит их от привычной безопасности и известного образа жизни. Как просто было сделать этот шаг — шаг от одной опасности к другой!

Лежавшие в корзинках новые костюмы от Фарад'на преследовали цель, хорошо понятную обоим. Ганима подчеркнула это знание, вышив на груди каждого костюма слова: «Мы отвечаем».

Скоро должны были наступить сумерки. За каналом, отмечавшим границу сиетча, начинался новый мир, в котором вечера не походили на вечера в любом другом месте

вселенной. То был мягко освещенный мир Пустыни с его одиночеством, насыщенным ощущением того, что каждое существо в этом мире одиноко в новой вселенной.

— Нас видели, — прошептала Ганима, наклонившись к брату.

— Охрана?

— Нет, другие, — ответила девочка.

— Хорошо.

— Нам надо быстрее двигаться, — сказала Ганима.

Лето выразил свое согласие действием: он быстро направился через сад от скал. В голове билась мысль отца: *В Пустыне надо двигаться, иначе погибнешь.* Вдалеке на фоне песков вырисовывался Спутник, напоминание о вечной подвижности. Скалы лежали на песке, полные величавой статичности и загадочности, уменьшаясь с каждым годом под ударами песчаных бурь. Скоро и Спутник превратится в песок.

Приблизившись к каналу, брат и сестра услышали музыку, доносившуюся с башни над воротами сиетча. Играл фрименский оркестр традиционного состава: двухклапанная флейта, тамбурины и тимпаны — огромные барабаны из пластика, обтянутые на одном конце кожей. Никто никогда не интересовался, с какого животного умудрились содрать столько кожи.

Стилгар вспомнит, что я говорил ему у расщелины Спутника, подумал Лето. *Он пойдет в темноте, когда будет уже поздно, и все поймет.*

Тем временем дети подошли к каналу, проскользнули в открытую трубу и взобрались по лестнице на служебную галерею. В трубе канала было темно, сыро и холодно, слышались всплески от ударов хвоста хищной рыбы. Любая песчаная форель, вздумавшая стащить воду из канала, немедленно подвергнется атаке рыбы. Людям тоже было не вредно поберечься рыбы.

— Осторожно, — предупредил сестру Лето, ступив на скользкий настил галереи. Его память была полна воспоминаний о событиях, никогда не происходивших с его собственной плотью. Ганима следовала за братом.

Подойдя к концу трубы, они сбросили защитные костюмы и надели новые присланные Коррино одежды. Старую фрименскую одежду они оставили на месте и взобра-

лись в другую инспекционную трубу, преодолели дюну и спустились с противоположного склона. Скрытые от сиетча дюной, они вытащили из корзинок пистолеты, ножи и накинули на плечи фримпакеты. Музыка затихла.

Лето встал и направился по долине между дюнами.

Ганима старалась не отстать, двигаясь за братом и спотыкаясь с непривычки в зыбком песке.

Прячась за гребнями дюн, они часть пути преодолевали ползком и часто оглядывались, опасаясь погони. За все время пути им не встретился ни один охотник. Дети пришли к скалам.

В тени скал они обошли Спутник и взошли на наблюдательную вышку. Краски *бледа* тускнели в сумерках. Темнеющий воздух был кристально хрупок. Ландшафт, расстилавшийся перед их глазами, не знал жалости и нигде не кончался — в нем не было намека на сомнение. Глазу не на чем было задержаться в этой огромности.

Вот он, горизонт вечности, подумал Лето.

Ганима подобралась к брату. *Скоро последует нападение,* подумала она. Она прислушивалась к доносившимся звукам, все ее тело, казалось, состояло теперь из органов чувств.

Лето был предельно собран. Он понимал, что сейчас наступила кульминация всего того, чему были научены люди, населявшие его память. В этой глуши жизнь зависит от восприятия и только от него. Жизнь становится хранилищем восприятий, каждое из которых служит непосредственно выживанию.

Ганима взобралась на скалу и через расселину взглянула на путь, который они с Лето преодолели. Надежность и безопасность сиетча остались в каком-то другом измерении времени, казалось, что они ушли оттуда вечность тому назад. Из земли поднимались массивы темных скал, контрастно выделявшихся на фоне коричневато-пурпурной почвы. Пыльный горизонт серебрился в лучах закатного солнца. Никаких преследователей не было пока видно. Ганима вернулась к Лето.

— Это будет хищный зверь, — сказал он. — Таковы мои логические расчеты.

— Ты слишком рано их закончил, — ответила Ганима. — Будет не один зверь. Дом Коррино никогда не складывает свои надежды в один мешок.

Лето согласно кивнул.

Его сознанию вдруг стало очень тяжело от того множества жизней, которые теснились там вследствие его несхожести с другими. Все эти жизни принадлежали ему еще до рождения. Он был насыщен жизнью и был бы рад избавиться от собственного перегруженного сознания. Внутренний мир был хищным зверем, способным пожрать своего обладателя.

Охваченный беспокойством, он взобрался к расселине, от которой только что спустилась Ганима, и посмотрел на скалы сиетча. Там, вдалеке, линия канала делила мир между жизнью и смертью. На краю оазиса виднелись верблюжий шалфей, луковая трава, гобийская перистая трава и дикая люцерна. В последних отблесках заката было видно, как птицы из поднебесья падали в заросли люцерны в поисках пищи. Ветер поднял пыль и мелкий песок и погнал эту тучу на абрикосовый сад. Это движение тени овладело сознанием Лето, внутри этих теней он разглядел скрытые текучие, изменчивые формы, открывшие в небе серебристую радугу на затянутом пылью небе.

Что же здесь будет происходить? — мысленно спросил себя Лето.

Он понял, что это будет либо смерть, либо игра со смертью, причем объектом охоты будет он сам. Ганима вернется в сиетч, веря в реальность смерти брата, либо под воздействием гипнотической компульсии искренне думая, что он действительно убит.

Неизведанность этого места не давала Лето покоя. Он подумал о том, как легко поддаться искушениям предзнания, рискнуть и запустить сознание по пути абсолютного знания будущего. Видение его сна было, однако, достаточно дурным. Но мальчик знал, что на более подробное видение он не решится.

Он вернулся к Ганиме.

— Пока никого не видно, — сказал он.

— Звери, которых они натравят на нас, должны быть большими, — сказала Ганима. — Возможно, мы сумеем увидеть их заранее.

— Да, если они не придут глубокой ночью.

— Скоро совсем стемнеет, — сказала она.

— Да, и нам пора перейти в *наше* место, — он указал рукой на скалу слева, в базальтовом основании которой песок и ветер образовали маленькое отверстие. Оно было достаточно большим, чтобы в нем поместились дети, но слишком малым для того, чтобы в него протиснулся крупный зверь. Лето не хотел идти туда, но чувствовал, что это необходимо. Именно это место он указал Стилгару.

— Они могут убить нас, — сказал Лето.

— Нам придется положиться на случай, — ответила Ганима. — Это наш долг перед отцом.

— Не спорю.

Мы на верном пути и поступаем правильно, подумал он при этом. Но Лето понимал, что самое опасное в нашем мире — это быть правым. Их с сестрой выживание зависело сейчас всецело от быстроты и физической тренированности, а также понимания своих ограничений в каждый данный момент. Фрименский обычай был лучшим вооружением, а знания Бене Гессерит — той силой, которая придавала запас энергии. Они мыслили и действовали сейчас, как ветераны войска Атрейдесов, не имеющие никакой защиты, кроме фрименского упорства и закалки, которые никак не вязались с их детским обличьем и нарядом.

Лето дотронулся до рукоятки отравленного ножа, висевшего у него на поясе. Ганима непроизвольно повторила его жест.

— Будем спускаться? — спросила она. Произнося эти слова, Ганима уловила далеко внизу какое-то движение, едва заметное движение, угроза которого была скрыта расстоянием. Она застыла, и Лето насторожился прежде, чем Ганима успела произнести слова предупреждения.

— Тигры, — сказал он.

— Лазанские тигры, — поправила она брата.

— Они видят нас, — сказал он.

— Нам лучше поспешить, — сказала Ганима. — Пистолеты не остановят этих тварей. Они слишком хорошо натасканы.

— Где-то здесь находится человек, который их направляет, — произнес Лето, бегом направляясь к расположенной слева скале.

Девочка согласилась, но не стала ничего говорить, чтобы поберечь силы и не сбивать дыхание. Где-то здесь находится человек.

Звери стремительно перемещались в тусклом свете наступающей ночи, прыгая от скалы к скале. У лазанских тигров отменное зрение, но скоро наступит ночь — время животных с отличным слухом. Пронзительно закричала ночная птица, словно оповещая обитателей Пустыни о наступлении темноты. Скоро в расселинах скал начнут шевелиться ночные охотники.

Бегущие близнецы все еще хорошо видели тигров. Звери неслись в полном сознании своей силы, преисполненные уверенностью.

Лето почувствовал, что стоит ему споткнуться, как душа расстанется с телом. Он бежал с твердым знанием того, что они с Ганимой успеют добежать до спасительной скалы, но, оглядываясь, он не мог оторвать зачарованного взгляда от приближавшихся зверей.

Одно падение, и мы погибли, подумал он.

Эта мысль уменьшила уверенность, и он прибавил темп.

Вы, Бене Гессерит, называете свою деятельность — Оружие Пророчества — «Наукой религии». Что ж, я, ищущий образ совершенно иного ученого, *нахожу, что это вполне адекватное определение. В самом деле, вы создаете свой миф, но точно так же поступает любое общество. Вас, однако, я должен кое о чем предупредить. Вы ведете себя так же, как вели себя в прошлом многие ученые, ослепленные блеском собственных идей. Ваши действия доказывают, что вы стремитесь отнять у жизни ее неотъемлемое свойство. Настало время напомнить вам то, что вы сами предсказываете: не существует такой вещи, которая не имела бы своей противоположности.*

(Арракинский Проповедник, Послание Общине Сестер)

В этот предрассветный час Джессика неподвижно сидела на потертом ковре в пещере древнего сиетча, озирая голые каменные стены. Бедный и суровый сиетч был расположен ниже края Красной Расщелины, который защищал поселение от беспощадного западного ветра Пусты-

ни. Сюда привезли Джессику аль-Фали и его братья, а теперь все ждали слова Стилгара. Федайкины, однако, проявили мудрую предосторожность — Стилгар не знал, где в данный момент находится Джессика.

Федайкины прекрасно сознавали, что сейчас все они — объекты *proces verbal* — официального расследования их действий, направленных против Империи. Алия поняла, что ее мать — на стороне врагов государства, хотя Община Сестер явно не была упомянута. Здесь проявилась жестокая, тираническая природа власти Алие, и теперь предстояло испытать истинность ее убеждения в том, что кто контролирует священников, тот контролирует фременов.

Послание Джессики Стилгару было прямым и простым по содержанию: *«Моя дочь одержима и подлежит суду»*.

Страх уничтожает понятие о ценностях, и многие фримены, как стало известно, не были склонны поверить в это обвинение. Попытка использовать его для выхода из резиденции Алие спровоцировала два столкновения в течение ночи, но людям аль-Фали удалось угнать два орнитоптера, и вот они здесь — в безопасности древнего сиетча Красной Расщелины. Сюда же было послано сообщение федайкинам, хотя здесь их оставалось не более двухсот человек, остальные заняли свои посты в других местах Империи.

Размышляя над этими фактами, Джессика подумала, не придется ли ей принять здесь смерть. Некоторые федайкины разделяли ее опасения, хотя смертники аль-Фали отнеслись к ним достаточно спокойно, а он сам только ободряюще улыбнулся Джессике, когда молодые бойцы заговорили о своих страхах, и сказал:

— Когда Бог желает, чтобы человек умер в определенном месте, то Он делает так, чтобы человек сам хотел направиться в это место.

Зашуршала залатанная занавеска, и в помещение, где сидела Джессика, вошел аль-Фали. Узкое, обветренное лицо старика было хмурым, глаза лихорадочно блестели — было заметно, что отдохнуть ему не пришлось.

— Кто-то идет, — сказал он.

— От Стилгара? — встрепенулась Джессика.

— Возможно, — он потупил глаза и склонил голову влево, как поступают фримены, сообщая плохую весть.

— Что случилось? — властно спросила Джессика.

— Мы получили известие, что ваших внуков нет в Табре, — глухо произнес старик, по-прежнему не глядя на Джессику.

— Алия...

— Она приказала доставить детей под ее охрану, но ей сообщили, что близнецов в Табре нет. Это все, что мы знаем.

— Это Стилгар послал их в Пустыню, — высказала предположение Джессика.

— Возможно и это, но нам известно, что сам Стилгар искал их всю ночь. Может быть, это был с его стороны отвлекающий маневр.

— Это не похоже на Стилгара, — с сомнением в голосе проговорила Джессика и подумала: *Если только он заранее не договорился с близнецами.* Однако в этом деле явно не вязались концы с концами. Она удивилась, поняв, что не испытывает ни малейшей паники после того, что ей рассказала Ганима. Джессика взглянула на аль-Фали и прочла жалость в его глазах.

— Они ушли в Пустыню сами, — сказала она.

— Одни? Эти двое детей?

Джессика не стала говорить старику, что «эти двое детей» знают о том, как выжить в Пустыне получше любого самого закаленного фримена. Вместо этого она подумала о странном поведении Лето, когда он предложил ей не препятствовать устранению. Надо бы отложить до лучших времен эти воспоминания, но момент был решительный, и Джессика сказала тогда, что знает, когда надо будет подчиниться внуку.

— Посланник будет в сиетче с минуты на минуту. Я пришлю его к вам, — сказал аль-Фали и вышел.

Джессика внимательно посмотрела на занавеску — она была выткана из волокон Пряности красного цвета, но заплаты на ней были синие. Все дело было в том, что этот сиетч отказался кормиться на религии Муад'Диба, чем заслужил открытую неприязнь священников Алие. Эти люди занимались разведением больших собак размером с пони; собак дрессировали для охраны детей, но недавно все собаки погибли. Вероятно, их отравили священники.

Джессика отвлеклась от своих размышлений, поняв, что они собой представляют: *гхафла*, бесполезные, раздражающие и отвлекающие мысли.

Куда ушли дети? В Якуруту? У них наверняка есть план. *Они пытались все объяснить мне в тех пределах, в которых я была способна это понять,* припомнила Джессика. Когда эти пределы были, по его мнению, достигнуты, Лето приказал мне повиноваться без рассуждения.

Он приказал *ей*!

Лето понял, что делает Алия; это было совершено очевидно. Оба близнеца говорили о «несчастье», приключившемся с теткой, даже жалели и защищали ее. Алия играла на *законности* своего Регентства. Требование опеки над близнецами доказывало это. Джессика горько рассмеялась. Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам обожала разъяснять именно эту ошибку своей ученице Джессике. *«Если ты концентрируешься только на сознании своей правоты, то противостоящая тебе сила подавит тебя. Это самая распространенная ошибка. Даже я в свое время ее совершила».*

— И даже я, твоя ученица, ее совершила, — прошептала Джессика.

Она услышала шелест одежд за занавеской. Вошли два молодых фримена из сопровождения, которое они с аль-Фали собрали прошлой ночью. Эти двое испытывали благоговейный трепет в присутствии матери Муад'Диба. Джессика читала их как открытую книгу: люди не склонны размышлять и думать, они лепятся к любой внешней силе, которая одна придает им чувство собственной идентичности. Если она не внушит им мысль, они останутся пусты, и в этом состоит их опасность.

— Нас прислал аль-Фали, чтобы подготовить вас, — сказал один из юношей.

Джессика почувствовала стеснение в груди, но, когда она заговорила, голос ее остался спокойным и ровным.

— Подготовить к чему?

— Стилгар прислал сюда своим вестником Дункана Айдахо.

Неосознанным жестом Джессика накинула на голову капюшон абы. *Дункан?* Но ведь он — орудие Алие.

Фримен отступил на полшага.

— Айдахо говорит, что явился для того, чтобы увезти вас в безопасное место, но я не понимаю, каким образом он собирается это сделать.

— Это и в самом деле становится очень странным, — проговорила Джессика, — но в нашем мире происходят и куда более странные вещи. Введите его.

Фримены переглянулись, но бросились выполнять приказание с такой поспешностью, что сделали еще одну прореху в и без того дышавшей на ладан занавеске.

В пещеру вошел Айдахо в сопровождении двух фрименов и аль-Фали, который замыкал шествие, держа руку на рукоятке ножа. На Дункане была надета полевая форма Личной Гвардии Атрейдесов, форма, которая практически не изменилась за последние четырнадцать столетий — только кинжал заменили на нож, но это незначительная мелочь.

— Мне сказали, что ты хочешь помочь мне, — промолвила Джессика.

— Да, каким бы странным ни показалось вам это желание, — ответил Айдахо.

— Разве Алия прислала тебя не для того, чтобы устранить меня?

Лишь легкий подъем бровей выдал удивление Айдахо. Его фасеточные глаза, изготовленные мастерами тлейлаксу, продолжали разглядывать Джессику с напряженным вниманием.

— Да, таков был ее приказ, — ответил он.

Костяшки пальцев аль-Фали, сжимавшего нож, побелели, но старик не пошевелился.

— Этой ночью я много думала о тех ошибках, которые я совершила в отношениях со своей дочерью, — сказала она.

— Их было много, — согласился с Джессикой Айдахо, — и за многие из них я несу равную с вами ответственность.

Только теперь Джессика заметила, как подрагивает лицо Дункана.

— Было очень легко выслушивать аргументы, которые увели нас в сторону, — сказала Джессика. — Я хочу покинуть это место... Ты... ты... хотел увидеть девушку, которая была бы юной копией меня.

В ответ Айдахо промолчал.

— Где мои внуки? — спросила Джессика внезапно охрипшим голосом.

Дункан в ответ моргнул.

— Стилгар считает, что они ушли в Пустыню и скрываются там. Возможно, они видели, что наступает кризис.

Джессика взглянула на аль-Фали и увидела, что старик помнит, что она предвидела это.

— Что делает Алия?

— Рискует спровоцировать гражданскую войну, — ответил Айдахо.

— Ты полагаешь, что дойдет и до этого?

В ответ Дункан только пожал плечами.

— Вероятно, нет, сейчас более мягкие времена. Многие люди склонны выслушивать приятные для себя аргументы.

— Согласна, — сказала Джессика. — Все очень хорошо, но все же, что с моими внуками?

— Стилгар найдет их, если...

— Да, я понимаю, — ясно, что теперь все зависит от Гурни Халлека. Она отвернулась и посмотрела на каменную стену. — Алия сейчас ухватится за власть мертвой хваткой. — Джессика оглянулась на Айдахо. — Ты понимаешь? Власть надо держать очень деликатно. Если в нее вцепиться очень сильно, то рискуешь стать ее жертвой.

— Так мне всегда говорил мой герцог, — произнес Айдахо.

Шестым чувством Джессика поняла, что Дункан имеет в виду старшего Лето, а не Пауля.

— Куда меня отвезут для... устранения?

Айдахо напряженно всмотрелся в Джессику, словно пытаясь проникнуть взглядом под капюшон.

Аль-Фали выступил вперед.

— Моя госпожа, вы что, всерьез думаете...

— Я уже не вправе решать свою собственную судьбу? — спросила женщина.

— Но этот... — старик замолчал и кивнул в сторону Айдахо.

— Этот был моим верным телохранителем еще тогда, когда Алия не родилась на свет, — сказала Джессика. — Еще до того, как он погиб, спасая моего сына и меня. Мы, Атрейдесы, всегда помним такие одолжения.

— Так вы пойдете со мной? — спросил Айдахо.

— Куда ты ее отвезешь? — спросил аль-Фали.

— Тебе лучше этого не знать, — ответила Джессика старому фримену.

Аль-Фали нахмурился, но промолчал. На его лице отразилась нерешительность: он понимал мудрость слов Джессики, но не знал, можно ли доверять Айдахо.

— Что с федайкинами, которые помогли мне? — спросила Джессика.

— Они могут рассчитывать на поддержку Стилгара, если доберутся до Табра, — ответил Айдахо, и Джессика перевела взгляд на аль-Фали. — Я велю вам отправиться туда, мой друг. Стилгар сможет использовать федайкинов в поисках моих внуков.

Старый наиб склонил голову.

— Как будет угодно Матери Муад'Диба.

Он все еще повинуется Паулю, подумала Джессика.

— Нам надо быстрее убираться отсюда, — заговорил Айдахо. — Погоня будет здесь с минуты на минуту.

Джессика порывисто встала, демонстрируя плавность движений, которая была столь характерна для воспитанниц Бене Гессерит, даже испытавших удары возраста. А Джессика чувствовала себя очень старой после ночного бегства. Ум ее постоянно возвращался к разговору с внуком. Что он задумал на самом деле? Она покачала головой и поправила капюшон, чтобы скрыть невольный жест. Как легко впасть в заблуждение и попасть в ловушку, недооценивая Лето. Жизнь в окружении обыкновенных детей приводит к неверному взгляду на наследственность, которой наслаждаются ее внуки.

Ее внимание привлекла поза Айдахо. Он стоял в расслабленной готовности ответить на нападение, выставив вперед одну ногу. Когда-то она сама научила его этой боевой стойке. Джессика быстро взглянула на двух молодых фременов, потом на аль-Фали. Сомнения все еще обуревали старика, и молодые бойцы это чувствовали.

— Я готова доверить этому человеку свою жизнь, — сказала Джессика. — Это будет не в первый раз.

— Моя госпожа, — запротестовал аль-Фали. — Это же просто... — он метнул на Айдахо яростный взгляд. — Ведь он муж Коан-Тин!

— Но его готовили мой герцог и я! — возразила Джессика.

— Но он же *гхола*! — аль-Фали выкрикнул эти слова.

— Он гхола моего сына, — напомнила наибу Джессика.

Это было слишком для бывшего федайкина, который когда-то поклялся поддерживать Муад'Диба до самой смерти. Он поклонился и отступил, подав знак молодым фрименам отодвинуть занавеску.

Джессика пошла к выходу, за ней Айдахо. В проеме она обернулась и обратилась к наибу.

— Иди к Стилгару. Ему можно доверять.

— Слушаюсь... — но в голосе его звучали ноты сомнения.

Айдахо тронул Джессику за рукав.

— Нам надо уходить. Вы ничего не хотите с собой взять?

— Только свой здравый смысл, — ответила она.

— Что? Вы все еще боитесь, что делаете ошибку?

Она взглянула на него снизу вверх.

— Ты всегда был нашим лучшим пилотом, Дункан.

Эти слова не удивили Айдахо. Он шагнул вперед и быстро пошел по дороге, которой явился сюда. Аль-Фали двинулся рядом с Джессикой.

— Откуда вы узнали, что он прилетел на топтере?

— На нем нет защитного костюма.

Наиб удивился такой наблюдательности, но продолжил:

— Наши люди привезли его прямо от Стилгара. Их могли выследить.

— Вас видели, Дункан? — спросила Джессика идущего впереди Айдахо.

— Вы же не хуже меня знаете ответ, — сказал Дункан. — Мы летели ниже вершин дюн.

Они свернули в боковой проход, спустились по винтовой лестнице и оказались в расширении пещеры, ярко освещенном светильниками. У стены стоял орнитоптер. Стена оказалась фальшивой, за ней была Пустыня. Даже в этом бедном сиетче сумели позаботиться о надлежащей маскировке.

Айдахо открыл дверь экипажа и помог Джессике войти в кабину. Она села на правое сиденье. Когда Айдахо пробирался мимо на кресло пилота, она обратила внимание на прядь волос, закрывавших лоб ментата. Невольно ей вспомнилось, как именно из этой части головы Айдахо хлынула кровь в той достопамятной пещере много лет на-

зад. Стальной оттенок искусственных глаз вернул ее к реальности. Что было, то прошло. Она застегнула ремень безопасности.

— Давно мы не летали с тобой, Дункан, — сказала она.

— Да, страшно подумать, сколько лет прошло с тех пор, — откликнулся Айдахо.

Аль-Фали и молодые фримены принялись отодвигать фальшивую стену.

— Ты думаешь, что я все еще сомневаюсь в тебе? — мягко спросила Джессика.

Айдахо занимался проверкой двигателя, включил импеллеры, взглянул на показания приборов. Нежная улыбка коснулась его сурового, жесткого лица и сразу исчезла, словно ее и не было.

— Я все еще Атрейдес, — сказала Джессика, — но Алия потеряла это право.

— Не бойтесь, — проскрипел он в ответ. — Я все еще служу Атрейдесам.

— Алия больше не Атрейдес, — повторила Джессика.

— Не надо мне об этом напоминать, — вдруг огрызнулся Айдахо. — Замолчите, сейчас мы взлетим.

Отчаяние в его голосе не вязалось с тем Айдахо, которого она помнила. Подавив новый приступ страха, Джессика все же спросила:

— Куда мы все же летим, Айдахо? Теперь ты можешь мне это сказать.

Однако в ответ Дункан лишь подал знак аль-Фали и тот, повернув рукоятку механизма, сдвинул в сторону скалу. В пещеру хлынул серебристый свет яркого дня. Орнитоптер рванулся вперед и вверх, заревели двигатели, дрожа от напряжения, машина поднялась в воздух, и Айдахо направил ее на юго-запад, к Сахайскому хребту, темневшему на фоне бескрайних песков.

Наконец Дункан заговорил:

— Не думайте обо мне плохо, моя госпожа, — сказал он.

— Я не думаю о тебе плохо с тех пор, как ты однажды явился в Большой Зал Арракина, напившись где-то пива с Пряностью и горланя непристойные песни, — сказала Джессика, однако его слова снова возбудили в ней подозрения, и она приготовилась защищаться, расслабившись и входя в состояние *прана-бинду*.

— Я очень хорошо помню тот вечер, — заговорил Айдахо. — Как я был тогда молод и... неопытен.

— Ты и тогда был лучшим оруженосцем в свите моего герцога.

— Не совсем, моя госпожа. Гурни оказывался лучшим в шести случаях из десяти, — он искоса взглянул на Джессику. — Кстати, где Гурни?

— Выполняет мое поручение.

Дункан покачал головой.

— Ты хотя бы сам знаешь, куда мы летим? — спросила женщина.

— Да, моя госпожа.

— Тогда скажи мне.

— Хорошо. Я обещал, что подготовлю вполне правдоподобный заговор против Атрейдесов. Есть только один способ сделать это. — Он нажал кнопку на штурвале, и из кресла Джессики вылетели скобы, которые зафиксировали ее тело, превратив женщину в кокон. Теперь Джессика могла двигать лишь головой. — Я отвезу вас на Салуса Секундус, к Фарад'ну.

Не сознавая, что делает, Джессика попыталась вырваться из захватов, но почувствовала, что они сдавливают ее тело, когда она начинает вырываться, и распускаются, когда она расслабляется. Под защитной оболочкой угадывалась прочная шиговая проволока.

— Замок захватов отключен, — произнес Айдахо, не поворачивая головы. — Да, да, и не пробуйте на мне свой Голос. Те времена, когда он на меня действовал, давно прошли. Тлейлаксу меня научили, как бороться с этими штучками.

— Ты служишь Алие, — сказала Джессика, — а она...

— Не Алие, — возразил Айдахо. — Мы выполняем волю Проповедника. Он хочет, чтобы вы научили Фарад'на тому, чему когда-то научили... Пауля.

Джессика оцепенела в ледяном молчании, вспомнив слова Лето о том, что она скоро обретет интересного ученика. Собравшись с силами, она заговорила.

— Этот Проповедник — мой сын?

Голос Айдахо прозвучал глухо, словно издалека:

— Если бы я мог знать...

Вселенная здесь, она перед вами; единственно таким образом может федайкин рассматривать ее и оставаться при этом хозяином своих чувств. Вселенная не угрожает, но и не обещает. Она поддерживает порядок вещей, недоступный нашему воздействию: падение метеорита, цветение Пряности, старение и умирание. Это реальности вселенной и воспринимать их следует, невзирая на те чувства, *которые мы при этом испытываем. Вы не можете словами справиться с этими реальностями. Они войдут к вам, не произнося слов, и тогда, только тогда вы поймете, что значит «жизнь и смерть», и понимание это наполнит вашу жизнь радостью.*

(Муад'Диб своим федайкинам)

— Нам пришлось все это задействовать, — сказала Венсиция, — и делается это только ради *тебя.*

Фарад'н ничего не ответил, продолжая неподвижно сидеть напротив матери в ее утренних покоях. Золотистые лучи солнца падали на принца сзади, отбрасывая его тень на пол, покрытый белым ковром. Свет, отраженный от противоположной стены, рисовал прозрачный нимб вокруг волос матери. Венсиция была одета в свое обычное белое платье, отделанное золотом, — напоминание о былом королевском величии. Сужающееся книзу лицо было напряжено, но сын понимал, что мать следит за каждым его движением. Фарад'н внезапно почувствовал пустоту в желудке. Странно, ведь он только что позавтракал.

— Ты не одобряешь наши действия? — спросила Венсиция.

— Что я могу одобрять или не одобрять? — спросил сын.

— Ну... то, что мы до сих пор скрывали это от тебя.

— Ах, это, — он изучающе посмотрел на мать, стараясь разобраться в том сложном положении, в котором он оказался. Но в голове билась только одна мысль — совсем недавно Фарад'н заметил, что Тиеканик перестал называть Венсицию «моя принцесса». Кстати, как он ее теперь называет? Королева-мать?

Почему я чувствую боль утраты? — подумал он. *Что я теряю?* Ответ был очевиден: он теряет беззаботные дни, ту свободную игру ума, которая была столь мила его душе. Если удастся заговор, который сплела мать, то прежняя

жизнь навсегда канет в прошлое. Все его внимание будет занимать новая ответственность, а это вызывало чувство неприятия. Как могут они позволять себе такие вольности, распоряжаясь его временем? Даже не посоветовавшись с ним самим!

— Выскажись, — приказала мать. — Я же чувствую, что что-то не так.

— Что, если план потерпит неудачу? — спросил он первое, что пришло ему в голову.

— Как он может потерпеть неудачу?

— Не знаю... Любой план может провалиться. Каким образом ты хочешь использовать в этом деле Айдахо?

— Айдахо? К чему этот интерес к... Ах, да — тот мистик, которого привозил сюда Тиек, не посоветовавшись со мной. Он был неправ. Кажется мистик говорил об Айдахо, не так ли?

С ее стороны это была неуклюжая ложь, и Фарад'н удивленно уставился на мать. Она-то должна была знать о Проповеднике!

— Дело просто в том, что я никогда в жизни не видел гхола, — сказал он.

Она приняла эту игру.

— Мы приберегаем Айдахо для важных дел, — сказала она.

Фарад'н в задумчивости пожевал верхнюю губу.

Венсиция внезапно вспомнила его покойного отца. Временами Далак становился точно таким же — замкнутым, сложным; его было очень трудно читать. Вспомнила она и то, что Далак приходился родственником графу Хазимиру Фенрингу — в них обоих было что-то от денди и фанатика. Неужели Фарад'н унаследовал и эти качества? Она начала жалеть, что позволила Тиеку втянуть мальчика в религию Арракиса. Кто знает, куда это заведет Фарад'на?

— Как теперь называет тебя Тиек? — спросил сын.

— Что такое? — Венсиция была явно озадачена таким поворотом.

— Я заметил, что он перестал называть тебя «моя принцесса».

Как он наблюдателен, подумала она, удивившись охватившему ее беспокойству. *Неужели он думает, что Тиек стал моим любовником? Вздор, это его бы нисколько не взволновало. Тогда к чему этот вопрос?*

— Он называет меня «моя Госпожа».

— Почему?

— Потому что таков обычай всех Великих Домов.

В том числе и Атрейдесов, подумал Фарад'н.

— Это вызовет меньше пересудов, если нас нечаянно услышат, — объяснила Венсиция. — Некоторые подумают, что мы отказались от своих легитимных притязаний.

— Кто же эти глупцы?

Мать поджала губы, решив оставить вопрос без ответа. Мелочь, конечно, но бывало, что из-за мелочей начинались большие войны.

— Госпоже Джессике не следовало покидать Каладан, — произнес Фарад'н.

Венсиция резко тряхнула головой. Что с ним? Его мысли блуждают, как у умалишенного!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ей не надо было возвращаться на Арракис, — сказал он. — Это плохая стратегия. Просто на удивление плохая. Было бы гораздо лучше отвезти на Каладан внуков.

Он прав, подумала Венсиция. Какая досада, что это не пришло в голову ей самой. Надо поручить Тиеку немедленно исследовать эту возможность. Она снова тряхнула головой. *Нет!* Что задумал Фарад'н? Священники никогда не допустят, чтобы в космос полетели оба внука сразу.

Венсиция высказала эту мысль сыну.

— Священники или госпожа Алия? — спросил он, заметив, что сумел направить мысли матери в нужное ему русло. Фарад'н начал находить странную радость в своей новой значительности, оказывается, в политических интригах тоже требуется игра ума. Правда, умом своей матери он уже давно перестал интересоваться — ею было очень легко манипулировать.

— Ты думаешь, что Алия хочет власти для себя? — спросила Венсиция.

Сын отвернулся. Конечно, Алия хочет власти для себя! Это подтверждают все донесения с той проклятой планеты. Мысли Фарад'на приняли иное направление.

— Я читал об их планетологе, — сказал он. — Кажется, должен появиться ключ к пониманию феномена песчаных червей и их гаплоидной стадии, тогда, если только...

— Оставь решать эти проблемы другим, — Венсиция начала терять терпение. — Это все, что ты можешь сказать о том, что мы сделали для тебя?

— Вы делали это не для меня, — сказал он.

— Что?!

— Вы делали это для Дома Коррино, — сказал Фарад'н. — Меня лично никто не принимал в расчет.

— На тебе лежит большая ответственность! — горячо заговорила мать. — Что будет с людьми, которые всецело зависят от тебя?

Этими словами Венсиция возложила на плечи сына огромную тяжесть, которую он ощутил чисто физически — велик груз всех тех надежд и мечтаний, которые обуревали Дом Коррино.

— Да, — сказал Фарад'н, — все это я понимаю, но некоторые вещи, которые вы делали от моего имени, я нахожу безвкусными.

— Без... Да как у тебя поворачивается язык? Мы делаем все, что делают другие королевские Дома для достижения своих целей!

— Так ли? Мне кажется, что вы перестарались. Нет! Не смей меня перебивать. Если мне суждено стать императором, то приучайся слушать меня. Вы что, думаете, я не умею читать между строк? Каким образом дрессировали этих тигров?

На мгновение Венсиция потеряла дар речи, осознав способность сына к анализу.

— Понятно, — сказал он. — Я сохраню Тиеканика, поскольку это ты втравила его в некрасивую историю. Он хороший офицер и проявил свои качества во многих тяжелых ситуациях, но он будет отныне отстаивать свои принципы только на дружественном поле...

— Свои... *принципы?*

— Разница между хорошим и плохим офицером заключается в силе характера и способности действовать, раздумывая не больше пяти секунд, — сказал Фарад'н. — Ему придется придерживаться своих принципов всякий раз, когда им будет брошен вызов.

— Тигры были необходимостью, — сказала мать.

— Я поверю в это, если они добьются успеха, — произнес Фарад'н, — но я не стану смотреть сквозь пальцы на то,

каким образом их дрессируют. Не возражай! Это очевидно. Их *настроили*, как механизм. Ты сама это говорила.

— Что ты собираешься делать? — спросила Венсиция.

— Ждать, что из этого выйдет, — ответил он. — Возможно, что я действительно стану императором.

Мать прижала руки к груди и вздохнула. Был момент, когда сын ужаснул ее. Она была готова поверить, что в следующую минуту он ее уничтожит. Принципы! Но теперь он вовлечен во власть, он проникся ею. В этом Венсиция была теперь твердо убеждена.

Фарад'н встал, подошел к двери и позвонил слугам матери. Он оглянулся.

— Мы закончили, не так ли?

— Да, — она подняла руку в прощальном приветствии, видя, что сын уходит. — Куда ты собрался?

— В библиотеку. В последнее время меня очаровала история Дома Коррино. — Он вышел, унося с собой новое служение.

Будь она проклята!

Но Фарад'н знал теперь, что он проникся властью и интересом к ней. Он понял, почувствовал, что существует глубокая эмоциональная разница между историей, записанной на шиге и читаемой в минуты блаженной лени, и истинной историей, которую переживаешь на собственном опыте. Эта новая живая история охватила все его существо, унося в необратимое будущее. Принц чувствовал, что теперь его поведут устремления тех, кто связывает с ним свои чаяния. Странно только, что в эту картину не вписывались его собственные чаяния.

Говорят, что когда однажды Муад'Диб увидел, как сквозь узкую щель между двумя камнями пробивается трава, он отодвинул в сторону один из камней. Позже, когда трава разрослась, Муад'Диб накрыл ее тем же камнем. «Такова ее судьба», — сказал он при этом.

(Комментарии)

— Давай! — крикнула Ганима.

Лето, бежавший на два шага впереди сестры, достиг расщелины и, не колеблясь, нырнул в нее и пополз впе-

ред, пока тьма не окутала его. Он слышал, как Ганима проникла в расщелину вслед за ним. Затем наступила тишина, в которой раздался спокойный голос Ганимы.

— Я застряла.

Лето поднялся, понимая, что становится досягаем для смертоносных когтей, повернулся в узком проходе и пополз назад, пока не ухватился за протянутую руку сестры.

— Это одежда, — сказала девочка. — Она зацепилась за скалу.

Чувствуя, как под его ногами осыпаются камни, Лето сильно потянул, но без особого результата.

Снаружи доносились тяжкое звериное дыхание и рык.

Лето напрягся, уперся бедрами в камень и изо всех сил начал тянуть. Раздался треск разрываемой ткани, и Ганима рванулась к брату, зашипев от боли. Стараясь не обращать внимания на этот звук, Лето потянул еще раз, еще сильнее. Они были еще слишком близко к наружному концу расщелины. Лето опустился на четвереньки и пополз глубже, Ганима начала пробираться за ним и вскоре оказалась рядом с братом. Каждое ее движение сопровождалось учащенным, тяжелым дыханием; это подсказало Лето, что его сестра испытывает боль. Он добрался до конца узкого прохода и выглянул наружу. Отверстие зияло на высоте около двух метров, небо было усыпано звездами, которые вдруг загородила исполинская тень.

Раскатистое рычание заполнило убежище, в котором прятались близнецы. То был нутряной, угрожающий древний звук: хищник, говорящий со своей жертвой.

— Насколько серьезна твоя рана? — спросил Лето, стараясь сохранять спокойствие.

Ганима поддержала тон брата.

— Один из них дотянулся до меня лапой и порвал левую штанину защитного костюма. Я чувствую, как у меня по ноге течет кровь.

— Сильно?

— Из вены. Я могу остановить кровотечение.

— Прижми рану, — сказал он, — и не двигайся. Я позабочусь о наших приятелях.

— Будь осторожен, — сказала девочка. — Они намного больше, чем я ожидала.

Лето извлек из ножен оружие и приподнялся. Он знал, что тигр попытается дотянуться лапой туда, куда не может протиснуться его массивное тело.

Медленно-медленно поднимал мальчик свой нож, пока лезвие не коснулось чего-то мягкого. Лето нанес удар такой силы, что едва не выпустил нож из руки. Сверху на его руку хлынула кровь, заливая и лицо. Сверху раздался оглушительный вой. Стали видны звезды. Огромная кошка, издавая дикое мяуканье и дергаясь в судорогах, скатилась со скалы на песок.

Звезды снова исчезли, послышалось рычание следующего охотника. Второй тигр, не обращая внимания на судьбу своего предшественника, пытался проникнуть в расщелину.

— Какие они упорные, — заметил Лето.

— Одного ты точно убил, — сказала Ганима. — Послушай!

Вой и конвульсии внизу постепенно затихали, но сверху тяжкой громадиной навис другой тигр, закрывая собой звездное небо.

Лето вложил клинок в ножны и коснулся руки Ганимы.

— Дай мне свой нож. Нужен свежий яд, чтобы наверняка покончить и с этим.

— Ты не думаешь, что у них есть и третий — в резерве? — спросила сестра.

— Вряд ли, лазанские тигры охотятся парами.

— Так же, как мы, — горько пошутила девочка.

— Да, так же, как мы, — согласился Лето. Ощупав протянутый ему рукояткой вперед нож, мальчик крепко взял ее в руку и снова начал осторожное движение верх. Он тянулся и тянулся, не встречая цели. Вот Лето уже приподнялся до опасной черты. Лето опять присел, решив отложить попытку.

— Ты не можешь до него дотянуться? — спросила Ганима.

— Он ведет себя не так, как первый.

— Но он все еще здесь. Ты чувствуешь запах?

Лето попытался проглотить слюну — в горле пересохло от волнения. В нос ударил гнилостный, отдающий мускусом запах дикой кошки. Звезд не было видно по-прежнему. Первой кошки больше не было слышно. Яд ножа сделал свое дело.

— Думаю, что мне придется встать, — сказал Лето.

— Нет!

— Его надо поддразнить, чтобы ударить ножом.

— Да, но мы договорились, что если один из нас будет ранен, то...

— Ранена ты, значит, ты и вернешься.

— Но если ты получишь серьезную рану, то я не смогу тебя покинуть.

— Ты можешь предложить лучший вариант?

— Отдай мне мой нож.

— А твоя нога?

— Я вполне могу стоять на здоровой.

— Этот зверь может снести тебе голову одним ударом. Может быть, пистолет...

— Если с кошками человек, то он услышит выстрел и поймет, что мы готовы ко всему.

— Я не хочу, чтобы ты рисковала!

— Кто бы ни был там снаружи, он не должен знать, что у нас есть пистолеты. Пока не должен, — она нежно прикоснулась к его плечу. — Я буду осторожна, пригну голову.

Лето молчал, и Ганима снова заговорила.

— Ты же понимаешь, что именно я должна это сделать. Отдай нож.

Лето неохотно подчинился. Нащупав в темноте руку сестры, он вложил в нее рукоять ножа. Решение Ганимы было логичным, но все чувства Лето восставали против такой логики.

Он почувствовал, как Ганима отодвинулась в сторону, услышал шорох песчинок на ее одежде. Девочка слегка застонала, и Лето понял, что она встала. *Будь осторожна!* подумал он. Он был уже готов стащить ее вниз и настоять на применении пистолета. Но это могло стать предупреждающим сигналом для человека, который прячется где-то у скал. И что тогда? Они окажутся запертыми в этой ловушке с подстерегающим их снаружи раненым тигром.

Ганима сделала глубокий вдох и прижалась спиной к стенке расщелины. *Все надо сделать быстро,* подумала она. Она протянула вперед руку с ножом. В том месте левой ноги, куда дотянулась лапа тигра, пульсировала сильная боль. Штанина окончательно промокла, пропитавшись кровью, которая продолжала течь. *Быстрее!* Она погрузи-

ла свои чувства в спокойствие, предшествующее схватке по способу Бене Гессерит, отогнав от себя боль и все посторонние мысли. Кошка должна протянуть вниз лапу! Девочка не спеша провела ножом вдоль зева расщелины. Где же этот проклятый зверь? Она снова полоснула клинком воздух. Тигра надо спровоцировать на атаку.

Ганима осторожно потянула носом воздух. Теплое звериное дыхание доносилось слева. Она мысленно успокоила себя, сделала глубокий вдох и закричала: «Таква!» Это был старинный фрименский боевой клич, смысл которого был обозначен в самых древних легендах: *«Цена свободы!»* С этим кликом девочка выбросила вперед и вверх руку с ножом. Когтистая лапа ударила ее по руке прежде, чем клинок вонзился в звериную плоть. За то короткое мгновение, пока боль не стала нестерпимой, а кисть не онемела, Ганима успела ткнуть ножом вперед, поразив кошку. Клинок выпал из одеревеневших пальцев, но зато в расщелину стали снова видны звезды. Корчившееся в муках тело второго тигра покатилось вниз. Потом наступила мертвая тишина.

— Он задел мне руку, — сказала Ганима, пытаясь обмотать предплечье полой накидки.

— Сильно?

— Думаю, да. Я совершенно не чувствую кисть.

— Сейчас я зажгу свет и...

— Сначала давай накроемся.

— Я быстро.

Она услышала, как он достает из корзины фримпакет, разворачивает тент, прижимая его к стенкам убежища. Лето так спешил, что не стал пользоваться влагоуловителем.

— Мой нож лежит с этой стороны, — сказала Ганима. — Я чувствую его коленом.

— Пусть полежит.

Лето зажег походную лампу. Яркий свет заставил Ганиму зажмуриться. Лето поставил лампу на песок и ахнул, увидев рану сестры. Коготь разорвал кожу и плоть от локтя до самой кисти. Рана вилась по руке спиралью, повторив вращательное движение, которое Ганима сделала, вонзая нож в лапу тигра.

Она взглянула на свою руку, закрыла глаза и принялась читать Литанию против страха.

Лето с радостью последовал бы примеру сестры, но взял себя в руки, отринул от себя эмоции и начал перевязывать рану. Надо было остановить кровотечение и одновременно сделать перевязку неумело и неуклюже, чтобы создать впечатление, будто Ганима перевязывала себя сама. Он даже заставил ее саму завязать узел, держа один конец бинта свободной рукой, а другой зажав зубами.

— Теперь давай займемся ногой, — сказал он.

Ганима повернулась, чтобы показать брату другую рану. Она оказалась сущим пустяком по сравнению с первой: два мелких пореза вдоль икры. Правда, раны продолжали кровоточить. Лето очистил их поверхность, перевязал и прикрыл повязку тканью костюма.

— В раны попало немного песка, — сказал он. — Обработай их как следует, когда вернешься домой.

— Песок в наших ранах, — нараспев протянула Ганима. — Старая фрименская история.

Лето натянуто улыбнулся и сел.

Ганима глубоко вздохнула.

— Ну вот все и кончилось.

— Еще не все.

Девочка судорожно сглотнула, стараясь справиться с пережитым потрясением. В ярком свете лампы была особенно заметна резкая бледность ее лица. Ганима напряженно размышляла. *Теперь нам надо действовать очень быстро. Тот, кто управлял зверями, все еще находится где-то поблизости.*

Лето, внимательно смотревший на сестру, вдруг испытал опустошающее чувство утраты. Грудь пронзила острая боль. Сейчас они с Ганимой должны будут расстаться. С самого рождения они чувствовали себя единым целым, практически одним человеком. Но их план требовал разлуки, они и их отношения должны претерпеть метаморфоз, они разными путями снова придут к единству, но того единения, которое они испытывали, деля повседневную жизнь, уже никогда не будет.

Лето занялся рутиной.

— Это мой фримпакет, — сказал он. — Я брал из него бинты. Это могут заметить.

— Ты прав, — согласилась Ганима. Они поменялись фримпакетами.

— Тот, кто управлял тиграми с помощью передатчика, ждет нас, чтобы удостовериться, что мы живы. Этот тип находится где-то возле канала.

Ганима потрогала рукой пистолет, лежавший на фримпакете, взяла оружие и вложила его в кобуру под накидкой.

— Накидка совсем порвалась, — сказала девочка.

— Да.

— Скоро сюда придет поисковая группа, среди них может оказаться изменник, так что лучше тебе вернуться в Табр одной, — снова заговорил Лето. — Пусть тебя укроет Хара.

— Я... Я начну поиски изменника, как только вернусь домой, — пообещала сестра. Она буквально впилась взглядом в лицо брата, разделяя его болезненное знание, что с этого момента между ними начнут накапливаться различия. Никогда больше не будут они единым целым, никогда больше не будут они делить друг с другом знания, недоступные чужим.

— Я пойду в Якуруту, — сказал он.

— В Фондак, — поправила Ганима.

Лето согласно кивнул. Якуруту, или Фондак — это, должно быть, одно и то же место. Только там может быть сокрыто легендарное место, и сделали это контрабандисты. Как им легко сменить название, действуя под прикрытием негласных договоров, с помощью которых они только и могли существовать. Правящая династия должна иметь черный ход на случай непредвиденного бегства с планеты в экстремальных ситуациях. Символическое участие в промысле контрабандистов давало такую возможность. В Фондаке/Якуруту контрабандисты построили настоящий сиетч, который стороной обходили местные жители. Якуруту существовал тайно и в то же время открыто, лучше всякой гвардии охраняемый табу, которое не позволяло приближаться к нему простым фременам.

— Ни одному фримену не придет в голову искать меня в том месте, — сказал Лето. — Они, конечно, наведут справки у контрабандистов, но...

— Мы все сделаем, как договорились, — сказала Ганима. — Это просто...

— Я знаю. — Услышав свой голос, Лето понял, что они оба оттягивают момент расставания, стремясь продлить свое чудесное тождество друг другу. Ганима же поняла, что уже смотрит на Лето сквозь завесу времени, на взрослого Лето. Слезы жгли девочке глаза.

— Еще рано отдавать свою воду мертвым, — сказал Лето и нежно провел пальцем по влажным щекам сестры. — Я отойду подальше, чтобы никто меня не услышал, и вызову червя. — Он указал рукой на крюки погонщика, прикрепленные к фримпакету. — Через два дня, перед рассветом, я буду в Якуруту.

— Езжай побыстрее, мой старый друг, — прошептала Ганима.

— Я вернусь к тебе, мой единственный друг, — сказал он. — Помни, будь предельно осторожна у канала.

— Выбери себе доброго червя, — произнесла Ганима древнюю формулу фрименского прощания. Левой рукой она выключила лампу и, зашелестев тентом, свернула его и уложила в сумку. Она почувствовала, как, выскользнув из расщелины, Лето направился в Пустыню.

Ганима собрала всю свою волю, чтобы сделать то, что она была обязана сделать. Лето должен умереть для нее. Она должна сама в это поверить. В ее мозгу нет места для Якуруту и для брата, который ищет место, затерянное в дебрях фрименской мифологии. С этого момента она не должна думать о Лето, как о живом. Она должна приучить себя думать о брате, как о мертвом, как об убитом лапой лазанского тигра. Немного найдется людей, способных обмануть Вещающего Истину, но она сумеет... должна суметь. Те многие жизни, ведомые им с Лето, научили близнецов справляться с подобными трудностями; гипноз был стар как мир уже во времена царицы Савской, но только Ганима могла вызвать в своем сознании живой образ этой мудрой царицы. Имитация должна быть выполнена безупречно, и после ухода Лето Ганима довольно долго просидела в расщелине, приводя себя в состояние одинокой сестры, потерявшей брата. Она провела в скале ровно столько времени, сколько потребовалось для создания цельного образа. Внутренний мир девочки стал пуст, молчалив и неспособен вторгнуться в сознание. Это был побочный эффект, которого она не предусмотрела.

Если бы Лето был жив, я бы могла поделиться с ним моим открытием, подумала она, и мысль не показалась ей парадоксальной. Поднявшись, она посмотрела на то место, где лазанский тигр убил ее брата. Где-то в песках возник и стал нарастать звук, столь знакомый фрименам: звук движения песчаного червя. Черви стали редкостью, но все же еще встречались. Может быть, мучительный вой первого тигра... Да, Лето успел убить одного тигра, прежде чем второй сумел достать его самого. В появлении червя была какая-то странная символика. Побуждение было так сильно, что Ганима явственно видела на песке три темных пятна — два тигра и Лето. Потом пришел червь, и только глубокая борозда осталась на песке в том месте, где прополз Шаи-Хулуд. Это был не очень большой червь... но и не слишком маленький. Волевым усилием девочка заставила себя не видеть маленькую фигурку на выгнутой спине червя.

Поборов свою печаль, Ганима запечатала фримпакет и осторожно выбралась из убежища. Положив руку на пистолет, она внимательно осмотрела местность. Никаких признаков человека с передатчиком. Миновав скалы, она двинулась в путь, тщательно прислушиваясь, не бродит ли поблизости подстерегающий ее убийца.

В направлении Табра виднелись мерцающие огни фонарей — это двинулась в путь поисковая группа. Темное пятно двигалось по пескам к Спутнику. Ганима направилась к северу, чтобы по большой дуге обойти группу, прячась в тени дюн. Стараясь сбивать шаг с ритма, чтобы не вызвать червей, Ганима пошла по пути, отделяющему Табр от того места, где погиб Лето. Она знала, что особую осторожность надо соблюдать возле канала. Ничто не должно помешать ей рассказать, как умер брат, защищая ее от тигров.

Правительства, если они удерживаются у власти достаточно долго, всегда имеют тенденцию принимать аристократическую форму. Ни одно известное в истории правительство не избежало такого пути. По мере того как развивается аристократия, правительство все в большей и большей степени начинает выражать интересы правящего класса— будь

то потомственное дворянство, олигархи финансовых империй или укрепившаяся у власти бюрократия.

(Политика, как повторяющийся феномен, «Учебное руководство Бене Гессерит»)

— Почему он делает нам такое предложение? — спросил Фарад'н. — Это самое главное.

Принц и башар Тиеканик стояли в комнате отдыха личных покоев Фарад'на. Венсиция сидела здесь же, на низком голубом диване, скорее в роли зрительницы, нежели участницы. Она вполне осознавала свою унизительную роль, и это особенно бесило ее. После того как она открыла Фарад'ну суть заговора, в сыне произошла ужасающая и разительная перемена.

Время близилось к вечеру, приглушенный свет создавал ощущение комфорта в кабинете принца — помещение было уставлено книгами, выполненными в старинной манере из пластина, вдоль стен стояли стеллажи, заполненные проигрывающими катушками, блоками данных, кассетами шиги, мнемоническими умножителями. Все указывало на то, что этой комнатой часто пользовались по назначению. Потрепанные корешки книг, отполированный до блеска металл умножителей, потертые края блоков. В помещении был всего лишь один диван, но зато множество удобных, но отнюдь не роскошных стульев.

Фарад'н стоял спиной к окну. На нем была надета скромная черно-серая форма сардаукара, единственным украшением которой была золотая львиная лапа на петлицах. Он специально пригласил башара и мать в эту комнату, чтобы создать более непринужденную атмосферу, чем в формальном заседании в официальном зале приемов. Однако Тиеканик своими бесконечными «мой господин, то» и «моя госпожа, это» выдерживал дистанцию.

— Мой господин, я не думаю, что он сделал бы нам это предложение, если бы не мог его выполнить, — сказал Тиеканик.

— Конечно, нет, — вмешалась в разговор Венсиция.

Фарад'н покосился на мать, заставив ее замолчать.

— Мы не оказывали на него никакого давления, не делали никаких попыток обеспечить эту доставку, которую обещал Проповедник, не так ли?

— Нет, — ответил Тиеканик.

— Тогда почему Дункан Айдахо, известный своей фанатичной преданностью Атрейдесам, предлагает передать нам в руки госпожу Джессику?

— Поговаривают о каких-то беспорядках на Арракисе, — снова заговорила Венсиция.

— Эти слухи ничем не подтверждены, — отрезал Фарад'н. — Возможно ли, что это дело рук Проповедника?

— Вполне возможно, — сказал Тиеканик, — но я не вижу достаточного мотива.

— Он говорит о том, что ищет для Джессики убежища, — продолжал Фарад'н. — Это вполне правдоподобно, если слухи...

— Совершенно точно, — произнесла Венсиция.

— Однако это может оказаться и своеобразной военной хитростью, — проговорил Тиеканик.

— Мы можем выдвинуть несколько предположений и исследовать каждое из них, — предложил Фарад'н. — Что если Айдахо впал в немилость у своей госпожи Алие?

— Этим можно объяснить происходящее, — сказала Венсиция, — но он...

— Что говорят контрабандисты, — перебил ее сын. — Почему бы нам...

— В это время года связь с ними всегда затруднена, — сказал Тиеканик, — и из соображений безопасности...

— Да, но тем не менее... — Фарад'н задумчиво покачал головой. — Мне что-то не слишком нравится это допущение.

— Не стоит слишком поспешно от него отказываться, — сказала Венсиция. — Все эти сплетни об Алие и священнике, как его...

— Джавиде, — подсказал Фарад'н. — Но очевидно, что этот человек...

— Он был для нас весьма ценным источником информации, — продолжала Венсиция.

— Я только что хотел сказать, что этот человек может быть и двойным агентом, — произнес принц. — Зачем ему самому обвинять себя в этом? Ему нельзя доверять и для этого есть основания.

— Я их не вижу, — заупрямилась Венсиция.

Принца внезапно разозлила тупость матери.

— Примите мои слова как факт, матушка. Основания есть, я все объясню вам позже!

— Боюсь, что вынужден согласиться с вами, мой господин, — сказал Тиеканик.

Венсиция обиженно замолчала. Как они осмеливаются отодвигать ее на второй план, словно легкомысленную, пустоголовую бабенку? Словно у нее нет...

— Мы не должны забывать, что одно время Айдахо был гхола, — сказал Фарад'н. — Тлейлаксу... — он искоса взглянул на Тиеканика.

— Мы рассмотрим и эту возможность, — сказал башар. Он восхищался работой ума принца: быстро, пытливо, проницательно. Да, мастера тлейлаксу, восстановив личность Айдахо, могли вставить в его мозг некое приспособление, чтобы использовать Дункана в своих, неведомых пока целях.

— Но должен признаться, мне не удается понять их мотивов, — сказал Фарад'н.

— Вложение средств в наше достояние, — сказал Тиеканик. — Небольшая страховка на будущее?

— Я бы сказал, что это крупное вложение, — проговорил Фарад'н.

— И очень опасное, — вставила слово Венсиция.

На этот раз принц был вынужден согласиться с матерью. Способности госпожи Джессики были известны во всей Империи. Еще бы — ведь эта женщина учила самого Муад'Диба.

— Если узнают, что мы ее приютили, — ответил Фарад'н матери.

— Да, это будет обоюдоострый меч, — добавил Тиеканик. — Но надо сделать так, чтобы никто ничего не узнал.

— Допустим, — сказал Фарад'н, — что мы принимаем предложение. В чем ценность Джессики? Сможем ли мы в случае необходимости обменять ее на нечто более важное?

— Не в открытую, — сказала Венсиция.

— Естественно! — он выжидательно посмотрел на Тиеканика.

— Об этом надо подумать, — ответил тот.

Фарад'н кивнул.

— Да, если мы примем предложение, то будем рассматривать госпожу Джессику как деньги, вложенные в банк на не определенные до поры цели. В конце концов не обязательно надо на что-то сразу тратить имеющиеся деньги. Это может принести нам... потенциальную пользу.

— Это будет весьма опасная пленница, — предостерег принца Тиеканик.

— Над этим действительно стоит подумать, — согласился принц. — Мне говорили, что у Бене Гессерит есть способы воздействия на людей, и госпожа Джессика способна добиваться своего, просто изменяя интонации своего голоса.

— У них есть и телесные способы, — заговорила Венсиция. — Ирулан однажды рассказала мне об этом кое-что. Правда, сама я этого не видела. Однако вполне очевидно, что у воспитанниц Бене Гессерит существует масса способов добиваться своих целей.

— Уж не хотите ли вы сказать, матушка, — поинтересовался Фарад'н, — что она может меня соблазнить?

В ответ Венсиция только пожала плечами.

— Вам не кажется, что она для этого немного стара? — спросил Фарад'н.

— С этими людьми из Бене Гессерит нельзя быть ни в чем уверенным, — произнес Тиеканик.

Фарад'н почувствовал, что его охватывает волнение, смешанное со страхом. Игры в реставрацию Дома Коррино одновременно привлекали и отталкивали принца. Как было бы хорошо отказаться от всей этой суеты и снова погрузиться в любимые исторические изыскания, отправляя одновременно необременительные обязанности по управлению Салусой Секундус. Восстановление Сардаукарской гвардии само по себе было довольно нелегкой задачей, и Тиек был для этого незаменимым инструментом. Даже одна планета — это уже громадная ответственность. Но Империя... это куда большая ответственность, но и куда более привлекательное орудие власти! Чем больше принц читал о Муад'Дибе/Пауле Атрейдесе, тем больше проникался он очарованием путей использования власти. Для него, титулованного главы Дома Коррино, прямого наследника Шаддама Четвертого, было бы громадным достижением

восстановить и взять штурмом Трон Львов. Он этого хочет! Он этого хочет. Повторяя это заклинание, эту литанию, Фарад'н сумел прогнать минутные сомнения.

Прислушавшись, он понял, что Тиеканик продолжает говорить.

— ...и конечно же, Бене Гессерит учит, что мир порождает агрессию, которая выливается в войну. Парадокс этого...

— Как мы будем решать этот вопрос? — спросил принц, прерывая поток отвлеченных рассуждений Тиеканика.

— Что такое? — сладким голосом спросила Венсиция, видя, что ее сын витает в облаках. — Я спросила Тиека, что он знает о философии, являющейся движущей силой Общины Сестер.

— Не стоит с излишним почтением относиться к философии, — резко произнес Фарад'н, повернувшись к Тиеканику. — Что же касается предложения Айдахо, то мне думается, что надо побольше о нем разузнать. Когда мы разберемся в этом частном вопросе, тогда и настанет момент заниматься побудительными мотивами и философией.

— Будет сделано, — сказал Тиеканик. Ему импонировала осторожная тактика Фарад'на, но башар надеялся, что эта медлительность не коснется принятия быстрых и точных военных решений.

— Вы знаете, что, на мой взгляд, самое интересное в истории Арракиса? — с деланным равнодушием спросил Фарад'н. — В древние времена каждый фримен был обязан убить любого, кто не одет в защитный костюм, который можно было распознать издалека по капюшону.

— Почему вас так очаровал защитный костюм? — поинтересовался Тиеканик.

— Вы это заметили, да? — спросил принц.

— Как же можно этого не заметить? — подала голос Венсиция.

Фарад'н раздраженно посмотрел на мать. Зачем она всюду сует свой нос? Он снова обратился к Тиеканику.

— Защитный костюм — это ключ к пониманию характера обитателей планеты, Тиек. Это тавро Дюны, ее символ. Люди сконцентрированы на физических характеристиках: защитный костюм предохраняет организм от потери жидкости, обеспечивает ее рециркуляцию. Только в нем

можно существовать на этой планете. Вы же знаете, что в обычае фременов было иметь в доме защитные костюмы для каждого члена семьи, *кроме* собирателей пищи. Они представляли собой исключение, которое щадили. Но пожалуйста, заметьте оба... — при этих словах Фарад'н обернулся к матери, — что в последнее время по всей Империи распространилась мода на ношение имитации защитных костюмов. В настроениях людей доминирует желание подражать завоевателям!

— Вы действительно находите эту информацию ценной? — озадаченно спросил Тиеканик.

— Тиек, Тиек, да без такой информации невозможно править государством. Я сказал, что защитный костюм — ключ к пониманию характера, и это действительно так. Это — проявление консерватизма. Ошибки, которые они совершат, будут по своей природе консервативны.

Тиеканик бросил быстрый взгляд на Венсицию, которая, встревоженно нахмурившись, внимательно рассматривала сына. Характеристика, высказанная Фарад'ном привлекала и беспокоила башара. Как это не похоже на старого Шаддама! Перед ним сейчас стоял настоящий сардаукар: военный убийца, не знающий ненужных сомнений и колебаний. Шаддам пал под ударом Атрейдесов, которых вел проклятый Пауль. Действительно, то, что он читал о Пауле Атрейдесе, подтверждало характеристику, данную сейчас Фарад'ном. Возможно, Фарад'н, получивший воспитание сардаукара, будет меньше колебаться, чем Атрейдесы, будучи поставленным перед необходимостью совершить жестокость.

— Многие правили, не прибегая к таким тонкостям, — заметил Тиеканик.

Принц удивленно воззрился на башара.

— Правили и потерпели поражение, — сказал принц после недолгого молчания.

Тиеканик плотно сжал губы, поняв этот не слишком тонкий намек на правление Шаддама. То было и поражение сардаукаров, и ни один из них не мог легко относиться к подобным напоминаниям.

Фарад'н снова заговорил:

— Видите ли, Тиек, влияние планеты на подсознание массы обитателей никогда не оценивалось должным образом. Для того чтобы нанести поражение Атрейдесам, надо понимать не только Каладан, но и Арракис. На одной планете мягкие условия, на другой жесткие — эти условия приучают людей принимать столь же жесткие решения. То было уникальное событие — брак Атрейдеса и фрименки. Если мы не поймем природу этого явления, то не сможем не только нанести им поражение, но даже приспособиться к ним.

— Какое отношение имеют эти рассуждения к предложению Айдахо? — ехидно поинтересовалась Венсиция.

Фарад'н с жалостью взглянул на мать.

— Мы начнем поражать их, внеся смятение в их общество. Это очень мощное оружие: стресс смятения. Очень важно также отсутствие стресса. Вы не заметили, каким образом Атрейдесам удалось успокоить нашу планету?

Тиеканик коротко кивнул в знак согласия. Это был хороший знак. Сардаукар не должен быть излишне мягким. Однако предложение Айдахо продолжало тревожить принца.

— Пожалуй, нам стоит отклонить предложение, — сказал он.

— Давайте не будем спешить, — предложила Венсиция. — У нас есть выбор, наша задача — проанализировать весь спектр возможных решений. Мой сын прав: нам нужно больше информации.

Фарад'н внимательно посмотрел на мать, стараясь оценить ее намерения и значение сказанных ею слов.

— Но сможем ли мы понять, что нашли единственное верное решение? — спросил он.

До слуха Фарад'на донесся кислый смешок Тиеканика.

— Если бы спросили меня, то я бы сказал, что для нас дороги назад уже нет.

Фарад'н откинул голову и от души расхохотался.

— У нас есть еще альтернативные решения, Тиек! Когда мы дойдем до конца, то узнаем очень важные вещи!

В нашу эпоху, когда средства транспорта способны перемещать человека в глубинах космоса, минуя временные измерения, когда другие транспортные средства способны с голо-

вокружительной скоростью перемещаться по кажущимся непроходимыми ландшафтам, странно даже думать о пеших путешествиях. Тем не менее пешее передвижение остается главным на Арракисе. Этот факт можно отчасти объяснить привычным предпочтением, а отчасти теми непомерными требованиями, которые эта планета предъявляет к механическим средствам передвижения. В структуре Арракиса человеческая плоть остается самым долговечным и надежным источником хаджа. Вероятно, имплицитное осознание этого факта делает Арракис несравненным зеркалом человеческой души.

(Руководство по хаджу)

Медленно и осторожно пробиралась Ганима к Табру, прячась в тени дюн и опускаясь на четвереньки в открытых местах. Она двигалась, обойдя поисковую группу, направившуюся к югу. Душа девочки была охвачена ужасом: червь, пожравший тела тигров и Лето; опасности, подстерегавшие ее на пути. Он ушел, ее брат ушел. Ганима перестала плакать, в душе ее вскипела ярость. В этом она была чистокровной фрименкой, и это радовало ее.

Ганима понимала отношение всех остальных к фрименам. Считалось, что у фрименов нет совести, что они потеряли ее, сжигаемые ненавистью к тем, кто вынудил их скитаться с планеты на планету. Конечно, это глупость. Только самые примитивные существа не имеют совести. У фрименов она была развита, может быть, больше, чем у других, и была направлена на процветание и благополучие собственного народа. Только чужакам фримены казались бессовестными и жестокими, так же как и чужаки казались жестокими фрименам. Каждый фримен знал, что может совершить жестокость, и не испытывал по этому поводу чувства вины. Фримены не испытывали этого чувства, совершая такие поступки, которые вызывали угрызения совести у представителей других планет. Ритуалы сурового быта освобождали людей от чувства вины, и это было залогом самого существования, иначе фримены могли бы просто погибнуть. В глубине души они сознавали, что любое прегрешение можно, по крайней мере частично, оправдать обстоятельствами: «слабостью власти» или

«естественными дурными наклонностями», присущими всем людям, или «невезением», которое любое чувствующее создание способно идентифицировать, как столкновение между смертной плотью и внешним хаосом вселенной.

В этом контексте Ганима сознавала себя чистейшей фрименкой, несущей на себе отпечаток племенной жестокости. Нужна была только цель, и, естественно, этой целью был Дом Коррино. О, как жаждала Ганима увидеть кровь Фарад'на, текущую к ее ногам.

У канала Ганиму никто не ждал. Мимо прошла и поисковая группа. Девочка по мосту пересекла канал и по высокой траве поползла к тайному лазу в сиетч. Внезапно впереди вспыхнул свет, и Ганима стремительно распростерлась на земле, напряженно всматриваясь вперед сквозь стебли гигантской люцерны. Снаружи в потайной ход вошла женщина, при этом кто-то подготовил лаз так, как он и должен быть подготовлен. В тяжелые времена каждого пришельца приветствовали ярким светом, преследуя при этом двоякую цель — ослепить гостя и внимательно к нему присмотреться, прежде чем впустить. Однако это фрименское приветствие никогда не бывало таким явным, не допускалось, чтобы свет был виден далеко в Пустыне. Видимый свет означал, что сняты внешние заслоны стен.

Ганиме стало горько от такого забвения правил безопасности сиетча. Пусть все видят даму в кружевной рубашке!

Фонарь продолжал отбрасывать столб света к основанию скалы. Из темноты сада выскочила молоденькая девушка, в ее движениях сквозил испуг. Внутри прохода горел яркий свет, окруженный радужным ореолом, в котором кружились насекомые. Свет выхватывал из темноты две фигуры — мужскую и женскую. Мужчина и женщина, держась за руки, смотрели друг другу в глаза.

Что-то в этой сцене было не так. Это были не любовники, улучившие момент для свидания. Слишком яркий свет горел в проходе. Парочка беседовала в проходе на фоне яркого света и была видна любому, кто мог бы оказаться поблизости. Мужчина то и дело высвобождал руку и показывал на лампы быстрыми и одновременно робкими движениями.

Тишину нарушали лишь крики ночных животных, но Ганима отмела этот отвлекающий фактор.

Кто эти двое и что они здесь делают?

Движения мужчины были очень осторожны.

Вот он обернулся. Отражение от платья женщины упало на его лицо — красное лицо с большим угреватым носом. Ганима едва не задохнулась, узнав этого человека. Палимбаша! Внук наиба, чьи сыновья пали на службе у Атрейдесов. При движении одежда мужчины распахнулась, и Ганима увидела пояс, к которому был пристегнут прибор с кнопками и наборными дисками. Этот инструмент сработали или на Тлейлаксу или на Иксиане. Скорее всего это передатчик, с помощью которого управляют тиграми. Палимбаша. Это означает, что еще один наиб переметнулся к Дому Коррино.

Кто же тогда женщина? Впрочем, это неважно. Просто женщина, которую использовал Палимбаша.

Невольно в голову Ганиме пришла афористическая мысль Бене Гессерит: *Каждая планета, как и человек, проходит в жизни разные периоды.*

Наблюдая сейчас Палимбашу с женщиной, передатчиком и пугливыми движениями, Ганима отчетливо вспомнила этого человека. Палимбаша преподавал в сиетче математику. Этот человек был, если можно так сказать, математическим грубияном. Он пытался объяснить феномен Муад'Диба с точки зрения математики, но священники запретили ему заниматься этим. Это был раб мысли, и это порабощение можно было объяснить очень просто и исчерпывающе: он переносил на явления техническое знание, но не переносил человеческие ценности.

Я могла бы заподозрить его и раньше, подумала Ганима. *Признаки предательства были налицо.*

Девочка внезапно почувствовала прилив желчи. *Он убил моего брата!*

Она силой заставила себя успокоиться. Палимбаша убьет и ее, если она попытается проскользнуть мимо него по проходу. Теперь стало ясно, почему столь нагло попран старинный фрименский обычай, и проход освещен, как ярмарка. В этом свете Палимбаша надеялся увидеть, не

избежал ли кто-то из жертв смерти. Должно быть, это самые ужасные часы в их жизни, подумала Ганима. Теперь девочка могла объяснить движения мужчины — он периодически со злостью нажимал на кнопки прибора.

Присутствие этой парочки многое сказало Ганиме. Видимо, такие наблюдатели были выставлены во всех потайных проходах в сиетч.

В ноздри попала пыль, и Ганима почесала нос. Боль пульсировала в раненой ноге и в руке. Пальцы онемели и по-прежнему ничего не чувствовали. Если придется пустить в ход нож, то надо будет работать левой рукой.

Ганима подумала о пистолете, но характерный звук выстрела может привлечь нежелательных свидетелей. Надо искать другой выход.

Палимбаша снова отвернулся, его силуэт чернел на фоне яркого света. Женщина что-то говорила, внимательно осматривая ночную Пустыню. В женщине чувствовалась сноровка и умение наблюдать ночь, пользуясь боковым зрением. Это был не просто полезный инструмент, она тоже была частью обширного заговора.

Ганима вспомнила и то, что Палимбаша прочили на пост правителя при регенте. Теперь ясно, что план заговорщиков просто грандиозен. У них масса сторонников даже здесь, в Табре. Ганима попыталась понять суть возникших проблем. Если удастся захватить живым хотя бы одного из этих двоих, то поплатятся и остальные.

Посвистывание маленького ночного животного, подошедшего напиться к каналу, привлекло внимание Ганимы. Естественный звук, естественное явление. Память преодолела некий барьер молчания, и перед мысленным взором девочки возник образ жрицы Иовафа, плененной ассирийским царем Сеннахерибом. Память этой жрицы подсказала Ганиме, что надо делать. Палимбаша и эта женщина — просто дети, капризные и опасные. Они ничего не ведают об Иовафе и даже о той планете, на которой и Сеннахериб, и жрица давно обратились в прах. Если бы пришлось объяснять этой паре заговорщиков, что именно с ними произойдет, то пришлось бы говорить о том, что все началось здесь.

И здесь же кончится.

Перевернувшись на бок, Ганима извлекла из корзины фримпакет, достала из него трубку, из которой удалила длинный тонкий фильтр. Теперь это была тонкая полая трубка. Из набора Ганима достала иглу подходящего диаметра, вытащила из ножен отравленный клинок и погрузила острие иглы в тонкое отверстие на лезвии, куда был налит яд. Боль в правой руке тормозила работу. Ганима достала из набора марлевый шарик и воткнула в него основание иглы. Полученный снаряд она вставила в трубку. Получилось древнее оружие.

Держа его на весу, Ганима осторожно подползла поближе к проходу, стараясь не шевелить стебли люцерны. Присмотревшись, девочка увидела, что вокруг парочки вьются сливовые мухи, большие охотники до человеческой плоти. Отравленная игла ударит незаметно, ее примут за укусившую муху. Осталось принять решение: кого из этих двоих убить — мужчину или женщину?

Мюриз. Имя всплыло в памяти невольно и словно ниоткуда. Так звали эту женщину. Вспомнила Ганима и то, что о ней говорили. Это была одна из многочисленных дам, которые увивались вокруг Палимбаши, словно мухи вокруг свечи. С ней легко справиться, она слаба.

Что ж, очень хорошо. Палимбаша выбрал себе сегодня неудачную компанию.

Ганима набрала в легкие побольше воздуха, вставила трубку в рот и изо всех сил дунула, вызвав в памяти ощущения достославной жрицы Иовафа.

Палимбаша ударил себя по щеке, на ладони осталось пятнышко крови. Иглы не было видно, Палимбаша отбросил ее движением руки.

Женщина что-то сказала, и Палимбаша рассмеялся. Он все еще смеялся, когда ноги его стали подкашиваться, а сам он грузно повалился на пытавшуюся удержать его женщину. Она, все еще дрожа от напряжения, не давала упасть телу мужчины, когда рядом с ней появилась Ганима и приставила кончик ножа к спине женщины.

— Не делай резких движений, Мюриз. Нож отравлен. Можешь отпустить Палимбашу — он мертв, — произнесла Ганима, не повышая голоса.

Внутри всех главных общественных сил вы найдете глубинные течения, которые можно усилить, чтобы поддержать власть, пользуясь словами. Это касается всех — от шарлатана-знахаря и священника до бюрократа. Управляемая масса должна быть обработана таким образом, чтобы она воспринимала слова, как нечто реальное, то есть перепутала систему символов с истинной материальной вселенной. Для поддержания такой структуры власти определенные символы должны быть выведены за пределы общего понимания — например, это касается символов, предназначенных для экономического манипулирования массой или символов, определяющих критерии ясного мышления. Таинственность символических форм такого рода приводит к формированию фрагментарных подъязыков. Каждый такой подъязык является сигналом того, что его пользователь обладает той или иной формой власти. Если взглянуть на природу власти под таким углом зрения, то нашим Силам Имперской Безопасности надо быть готовыми к разработке и внедрению в массовое сознание таких подъязыков.

(Из лекции принцессы Ирулан в Арракинском военном училище)

— Возможно, нет никакой необходимости напоминать вам об этом, — сказал принц Фарад'н, — но во избежание недоразумений я объявляю вам, что вы оба будете немедленно убиты, как только вздумаете начать заниматься колдовством.

Впрочем, он не ждал, что его слова окажут какое-то воздействие на стоявших перед ним людей, и госпожа Джессика, и Айдахо вполне оправдали его ожидания.

Фарад'н преднамеренно выбрал для первой проверочной беседы с этими людьми старый Зал Аудиенций Шаддама. Недостаток величественности в помещении компенсировала необычность положения. За стенами был зимний вечер, но в лишенном окон зале царило вечное лето. Палаты были залиты золотистым светом хрустальных иксианских ламп.

Последние вести с Арракиса наполняли Фарад'на бурной радостью. Лето, один из близнецов — мертв, его убил

специально выдрессированный лазанский тигр. Ганима — его сестра — находится под опекой тетки и содержится как пленница. Эти подробные донесения вполне объясняли присутствие здесь Айдахо и госпожи Джессики. Они просили убежища. Шпионы Коррино докладывали, что на Арракисе наступило недолгое и непрочное затишье — затишье перед бурей. Алия согласилась предстать перед Судом Одержимых. Цель проведения такого суда оставалась пока не вполне ясной. Однако дата заседания трибунала не была определена, и двое разведчиков доложили, что, возможно, суд так и не состоится. Одно было более или менее ясно: между фременами Пустыни и Фрименской Имперской гвардией состоялась битва, которая временно парализовала правительство. В настоящее время после обмена пленными Стилгар сохраняет нейтралитет и является посредником между конфликтующими сторонами. Видимо, Ганима является одной из таких пленниц, хотя в конкретных действиях сторон еще предстояло разобраться.

Джессика и Айдахо были доставлены на аудиенцию связанными по рукам и ногам в специальных креслах, к которым пленники были привязаны шиговой проволокой, которая способна разрезать плоть до костей при малейшей попытке освободиться от пут. Два сардаукара, которые привезли пришельцев, молча проверили вязки и тихо удалились.

Так что предупреждение было излишним. Джессика увидела у стены глухонемого ветерана, вооруженного легким, но вполне способным убить человека стрелковым оружием. Немного расслабившись, Джессика позволила себе окинуть взором экзотическое убранство зала. Широкие листья редкого железного кустарника, украшенные крупными жемчужинами, полукругом сплетались в центре сводчатого потолка. Пол был в шахматном порядке выложен плитами из бриллиантового дерева и раковин кабуцзу, окантованных костью пассакета. Кости были обработаны лазером и отполированы до немыслимого блеска. Отборные прочные материалы украшали стены орнаментом в виде ломаных линий, на фоне которых были помещены фигуры львов из самородного золота — герб наследников покойного Шаддама Четвертого.

Фарад'н принял своих пленников стоя. На нем был надет простой костюм — шорты и легкий золотистый френч с открытым воротником. Единственным украшением были королевские звезды Дома Коррино на левой стороне френча. Принца сопровождал башар в форме сардаукара с тяжелым пистолетом в поясной кобуре. Это был Тиеканик, она знала о его суровом виде из донесений, поступавших в Бене Гессерит. Башар стоял в трех шагах левее и чуть позади принца. Возле стены помещался один трон из темного дерева, стоявший прямо на полу.

— Итак, — произнес Фарад'н, обращаясь к Джессике, — хотите ли вы мне что-нибудь сказать?

— Хотелось бы поинтересоваться, по какой причине нас связали?

— Мы только сейчас получили некоторые сообщения с Арракиса, которые объясняют ваше присутствие здесь, — ответил принц. — Возможно, сейчас вас развяжут, — он улыбнулся. — Если вы... — Фарад'н осекся на полуслове, увидев вошедшую в зал мать.

Венсиция поспешно прошла мимо Джессики и Айдахо, не удостоив их даже взглядом, и протянула Фарад'ну кубик с посланием. С горящим лицом принц прочитал послание, лицо его потемнело. Он вернул кубик матери, жестом приказав ей передать кубик Тиеканику. Сделав это, он хмуро воззрился на Джессику.

Забрав послание у башара, Венсиция встала по правую руку сына.

Джессика повернула голову и взглянула на Айдахо, но тот отвел глаза.

— Бене Гессерит недовольны мной, — сказал Фарад'н. — Они полагают, что я несу ответственность за смерть вашего внука.

Лицо Джессики осталось бесстрастным. *В историю Ганимы поверили, если только...* — подумала она. Ей не нравилась подозрительная неизвестность.

Айдахо закрыл глаза, открыл и посмотрел на Джессику. Та продолжала сверлить взглядом Фарад'на. Айдахо уже говорил ей об этом Взгляде Раджи, но Джессику, казалось, ничто не волновало, и он не понимал причину

такой бесстрастности. Очевидно, она что-то знает, но не хочет открыть.

— Таково положение, — начал Фарад'н и изложил все, что он знал о последних событиях на Арракисе, не упустив ни одной мелочи. — Ваша внучка жива и находится под опекой своей тетки, госпожи Алие. Эта новость должна вас в какой-то степени порадовать.

— Так это вы убили моего внука? — спросила Джессика.

— Нет, не я. Недавно я узнал о заговоре, но не я был его инициатором, — со всей искренностью ответил принц.

Джессика взглянула на Венсицию, увидела злорадное выражение на ее лице и подумала: *Это ее проделки! Львица задумала возвысить своего детеныша.* О своих играх эта львица будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Она снова обратилась к Фарад'ну и сказала:

— Но Община Сестер думает, что это сделали именно вы.

Принц обернулся к матери.

— Покажи ей послание.

Венсиция заколебалась, и Фарад'н повысил голос едва ли не до окрика.

— Я сказал — покажи ей послание.

Побледнев, Венсиция приблизила лицевую сторону кубика к глазам Джессики. Отвечая на движения ее глаз, по лицевой поверхности побежали слова: «*Совет Бене Гессерит на основании законов Валлаха Девятого заявляет протест по отношению действий Дома Коррино за убийство Лето Второго Атрейдеса. Доводы и свидетельства представлены в Комиссию Внутренней безопасности Совета Земель. Будет избрано место проведения суда и назначены судьи, удовлетворяющие обе стороны. Требуется ваш немедленный ответ. От имени Совета Земель Сабит Рекуш*».

Венсиция обернулась к сыну.

— Как вы намерены ответить? — поинтересовалась Джессика.

Вместо Фарад'на заговорила Венсиция.

— Поскольку мой сын формально еще не является главой Дома Коррино, то отвечать буду я. Куда ты идешь? — Этот вопрос был обращен к сыну, который действительно направился к выходу из зала мимо немого ветерана.

— Я возвращаюсь к моим книгам и другим занятиям, которые представляют для меня гораздо больший интерес.

— Как ты смеешь? — рассвирепела Венсиция, лицо и шея ее стремительно покрылись красными пятнами.

— От своего имени я смею делать очень немногое, — ответил Фарад'н. — От моего имени вы приняли решение, которое я нахожу отвратительным. Либо с этого момента я один буду принимать решения, либо вы наймете для этого кого-нибудь другого.

Джессика быстро переводила взгляд с сына на мать и обратно. От нее не укрылась искренность гнева Фарад'на. Башар стоял на своем прежнем месте и старательно делал вид, что он ничего не видит и не слышит. Венсиция была на грани неуправляемой ярости и была готова разразиться бранью. Фарад'н решился положиться на брошенный им жребий. Спокойствие Фарад'на восхитило Джессику, и она подумала о том, какую ценность это может иметь для нее. Казалось вполне вероятным, что решение послать на Арракис тигров-убийц было принято без ведома Фарад'на. Практически не приходилось сомневаться в искренности слов принца о том, что он узнал о заговоре после того, как он был приведен в действие. Не было также никаких сомнений в истинности его гнева, когда он стоял в дверях, готовый к любому решению матери.

Вся дрожа от гнева, Венсиция глубоко вздохнула.

— Ну хорошо, официальная церемония передачи власти состоится завтра. Можешь начинать действовать самостоятельно прямо сегодня, — она посмотрела на Тиеканика, но тот отвел взгляд.

Сколько будет крика, когда сын и мать выйдут отсюда, подумала Джессика. *Но мне кажется, что он победил.* Она позволила своим мыслям вернуться к посланию из Совета Земель. Община Сестер тонко выбирала своих курьеров, что делало честь планам Бене Гессерит. Это послание было предназначено для Джессики, хотя формально было направлено Дому Коррино. Сам факт отправки послания говорил о том, что Сестры знают о положении Джессики и очень высоко оценили Фарад'на, рассчитывая, что он с милостью отнесется к своим пленникам.

— Я все же хотела бы получить ответ на свой вопрос, — заговорила Джессика, обращаясь к Фарад'ну.

— Я отвечу Совету Земель, что не имею ничего общего с этим убийством, — ответил принц. — К этому я добав-

лю, что полностью разделяю с Общиной Сестер мое отвращение к таким методам, хотя и не могу быть недовольным исходом заговора. Я приношу мои извинения за то горе, которое вы испытываете. Судьба всесильна.

Судьба всесильна! — подумала Джессика. То была любимая поговорка ее герцога, и было похоже, что Фарад'н это знал. Она заставила себя игнорировать возможность того, что они и в самом деле убили Лето. Надо допустить, что страх Ганимы обусловлен тем, что план близнецов оказался раскрыт. Контрабандисты устроят встречу Гурни с Лето, а потом туда отправятся машины Общины Сестер. Лето надо испытать. Обязательно надо. Без этого испытания он обречен, как обречена Алия. А Ганима... Что ж, этим придется заняться позже. Нельзя посылать предрожденного без решения Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийам.

Джессика позволила себе глубокий вздох.

— Рано или поздно, — заговорила она, — кому-то придет в голову соединить вас и мою внучку, чтобы объединить наши два Дома и залечить старые раны.

— Такая возможность уже обсуждалась, — ответил Фарад'н, быстро взглянув на мать. — Я ответил, что подожду исхода событий на Арракисе. Сейчас нет необходимости в поспешных решениях.

— Однако вы всегда находили возможность лить воду на мельницу моей дочери, — сказала Джессика.

Фарад'н напрягся.

— Объяснитесь!

— Дела на Арракисе обстоят не совсем так, как вы их себе представляете, — ответила Джессика. — Алия играет свою игру, игру Мерзости. Моя внучка будет постоянно находиться в опасности, если Алия найдет способ ее использовать.

— Вы ждете, что я поверю, будто вы и ваша дочь воюете друг с другом, что Атрейдес выступил против Атрейдеса?

Джессика посмотрела сначала на Венсицию, потом на Фарад'на.

— Однако Коррино может выступить против Коррино.

Кривая усмешка коснулась губ принца.

— Хорошо подмечено. Так каким образом я лью воду на мельницу вашей дочери?

— Тем, что вас вовлекли в убийство моего внука, и тем, что вы участвуете в моем устранении.

— Устране...

— Не верь этой ведьме, — предостерегающе произнесла Венсиция.

— Я сам разберусь, кому мне доверять, — произнес Фарад'н. — Простите, госпожа Джессика, но я не понимаю причин вашего устранения. Единственное, что я понял, так это то, что вы и ваш верный хранитель...

— Который, кстати, муж Алие, — сказала Джессика.

Фарад'н изучающе посмотрел на Айдахо, потом на башара.

— Что ты думаешь по этому поводу, Тиек?

Башар, очевидно, думал именно так, как предвидела Джессика.

— Я думаю, что ваша матушка права. Будьте осторожны!

— Он ментат-гхола, — сказал Фарад'н. — Мы можем замучить его до смерти, но все равно не добьемся никакого ответа.

— Но для нас безопаснее и проще допустить, что с нами разыгрывают трюк, — проговорил Тиеканик.

Джессика поняла, что настало время действовать. Именно теперь, когда печаль и горе Айдахо замкнули его психику в той части сознания, которую он выбрал. Ей не нравилось использовать его таким образом, но ставки были слишком высоки.

— Начнем с того, — заговорила Джессика, — что я прибыла сюда по своему выбору и по своей доброй воле.

— Это интересно, — заметил Фарад'н.

— Вам придется поверить мне и предоставить полную свободу на Салусе Секундус. Я говорю это по доброй воле и без всякого принуждения.

— Нет! — запротестовала Венсиция.

Фарад'н не обратил на ее крик никакого внимания.

— На каком основании вы это утверждаете?

— Я полномочная посланница Общины Сестер и должна заняться здесь вашим образованием.

— Но Община обвиняет меня...

— Это потребует от вас решительных действий, — сказала Джессика.

— Не верь ей! — истерически выкрикнула Венсиция.

Фарад'н посмотрел на мать с убийственной вежливостью.

— Если вы перебьете меня еще раз, то я прикажу Тиеканику выставить вас вон. Он слышал, что вы согласились на расследование. Это передает его в мое распоряжение.

— А я говорю тебе, что она ведьма! — Венсиция бросила выразительный взгляд на немого сардаукара у стены.

Фарад'н заколебался.

— Тиек, что ты думаешь? Я околдован?

— Насколько я могу судить, нет. Она...

— Вы оба околдованы!

— Матушка, — тон сына был ледяным и безапелляционным.

Венсиция, сжав кулаки, попыталась что-то сказать, потом резко повернулась на каблуках и выскочила из зала.

Фарад'н снова обратился к Джессике.

— Согласится ли на это Бене Гессерит?

— Согласится.

Фарад'н оценил скрытый смысл сказанного и натянуто улыбнулся.

— А чего вообще хочет Община Сестер?

— Вашей женитьбы на моей внучке.

Айдахо вопросительно посмотрел на Джессику, словно желая что-то сказать, но промолчал.

— Ты хотел что-то сказать, Дункан? — спросила Джессика.

— Да, Община Сестер хочет того, чего она хотела всегда: чтобы вселенная не мешала их действиям.

— Очевидное допущение, — произнес Фарад'н, — но я не понимаю, почему для этого пришлось присылать сюда вас.

Айдахо был привязан к стулу и поэтому изобразил пожатие плечами движением бровей и обескураженно улыбнулся.

Фарад'н заметил эту усмешку и круто повернулся к Айдахо.

— Я вас забавляю?

— Меня забавляет вся эта ситуация. Кто-то из вас скомпрометировал Космическую Гильдию, использовав их

транспорт для доставки на Арракис орудия убийства — орудия, чье назначение невозможно было скрыть. Вы нанесли ущерб Бене Гессерит, убив мужчину, которого они собирались использовать в своей наследственной программе...

— Так ты называешь меня лжецом, гхола?

— Нет, я верю, что ты ничего не знал о заговоре. Но думаю, что ситуацию надо прояснить.

— Не забывайте, что он ментат, — сказала Джессика.

— Именно об этом я сейчас и подумал, — ответил Фарад'н. Он снова повернулся к Джессике. — Давайте решим так: я освобождаю вас, и вы делаете заявление. Это по крайней мере позволит оставить на время вопрос о смерти вашего внука. Ментат прав.

— Эта женщина — ваша мать? — спросила Джессика.

— Мой господин! — предостерегающе воскликнул Тиеканик.

— Все верно, Тиек, — отмахнулся принц. — Что, если это действительно моя мать?

Джессика решила рискнуть всем, поставив на раскол в Доме Коррино.

— Вы должны удалить ее от себя и отправить в изгнание.

— Мой господин, — еще раз предостерег своего повелителя Тиеканик. — Это скорее всего мошенничество в квадрате.

— Это верно, — произнес Айдахо, — но его жертвами стали госпожа Джессика и я.

Фарад'н изо всех сил стиснул зубы.

Не вмешивайся, Дункан! — подумала Джессика. *Не сейчас!* Но слова Айдахо привели в действие развитую в Бене Гессерит способность Джессики к логическому мышлению. Дункан потряс ее. Неужели Лето и Ганима использовали ее как пешку в своей игре, а она даже не поняла этого... Предрожденные могли мобилизовать себе на помощь опыт бесчисленного количества поколений, гораздо больший, чем могли использовать живые воспитанницы Бене Гессерит. Был и еще один мучивший ее вопрос: были ли Сестры до конца честны с нею? Они могли ей не доверять. Ведь она однажды предала их... ради герцога.

Принц смотрел на Айдахо, озадаченно нахмурившись.

— Ментат, мне надо знать, что для тебя значит этот Проповедник.

— Он организовал пролет сюда. Я... Мы не успели обменяться даже десятком слов. Другие действовали от его имени. Он мог быть... Он мог быть Паулем Атрейдесом, но у меня нет достаточных данных, чтобы утверждать это со всей определенностью. Все, что я могу сказать, — это то, что, когда у меня возникла необходимость уехать, он нашел средства для этого.

— Ты говорил, что тебя обманули, — напомнил Дункану принц.

— Алия ждет, что вы убьете нас и скроете этот факт, — ответил Айдахо. — Избавите ее от госпожи Джессики. Я ей больше не нужен. А госпожа Джессика сделала свое дело для Бене Гессерит и тоже больше не нужна Общине Сестер. Алия захочет посчитаться с Сестрами, но они переиграют ее. — Джессика закрыла глаза и сконцентрировалась. Айдахо прав! Она слышала нотки уверенности в твердом голосе ментата, его безусловную искренность. Все сходилось без сучка и задоринки. Она сделала глубокий вдох, вошла в состояние мнемонического транса, прокачала через сознание все нужные данные, вышла из транса и открыла глаза. Пока она занималась этим, Фарад'н отошел от нее и переместился к Айдахо — теперь принца отделяло от ментата расстояние не больше трех шагов.

— Не говори больше ни слова, Дункан, — произнесла Джессика и вспомнила, как Лето предупреждал ее об опасности обработки жертв Бене Гессерит.

Айдахо, готовый заговорить, закрыл рот.

— Здесь распоряжаюсь я, — произнес Фарад'н. — Говори, ментат.

Айдахо молчал.

Принц повернулся вполоборота и изучающе взглянул на Джессику.

Она стала внимательно смотреть на выбранную точку стены, обдумывая, что получилось из слов Айдахо и пережитого транса. Конечно, люди Бене Гессерит не покинули на произвол судьбы линию Атрейдесов. Но они хотят контролировать Квисатц Хадераха и слишком много вложили в селекционную программу. Они хотят открытого

столкновения между Атрейдесами и Коррино, чтобы потом выступить в роли третейских судей. Дункан прав, тысячу раз прав! Они начали с контроля Ганимы и Фарад'на. Это был единственный возможный компромисс. Чудо, что Алия не сумела этого разгадать. Джессика судорожно сглотнула слюну. Алия... Мерзость! Ганима права, жалея свою тетку. Но кто теперь пожалеет саму Ганиму?

— Сестры обещали посадить вас на трон вместе с Ганимой, как вашей супругой, — сказала Джессика.

Фарад'н отшатнулся. Неужели эта ведьма умеет читать чужие мысли?

— Они работали тайно и не через твою мать, — продолжала Джессика. — Они сказали тебе, что я не посвящена в их план.

Джессика прочитала все на лице Фарад'на. Какой он открытый! Но все правда. Айдахо продемонстрировал мастерские способности ментата, увидев всю структуру заговора, имея в своем распоряжении минимум фактов.

— Значит, они вели двойную игру и все сказали и вам, — возразил Фарад'н.

— Об этом они мне ничего не сказали, — запротестовала Джессика. — Дункан был прав: они провели меня, — она кивнула, чтобы подтвердить собственные слова. Это было традиционное для Сестер отлаженное действие — сначала идет правдоподобная история, в которую жертва тем легче верит, чем больше она соответствует ее внутренним мотивам и побуждениям. Но потом Джессика должна была быть устранена, поскольку она запятнана в глазах Сестер своей изменой.

Тиеканик обратился к принцу:

— Мой господин, эти двое слишком опасны, чтобы...

— Подожди, Тиек, — отозвался Фарад'н. — Это колесики в колесиках, — он повернулся к Джессике. — Мы полагали возможным, что Алия предложит себя в качестве моей невесты.

Айдахо непроизвольно рванулся вперед, из разорванной проволокой кожи руки закапала кровь.

Джессика слегка округлила глаза от удивления. Она, которая знала старшего Лето как любовника, отца ее детей

и верного друга, видела, как в судорогах Мерзости искажается способность Лето к холодному расчету.

— И вы примете это предложение? — спросил Айдахо.

— Об этом надо будет подумать.

— Дункан, я же просила тебя помолчать, — укоризненно произнесла Джессика. Она снова обратилась к Фарад'ну. — Ее цена — две неоправданные смерти — моя и Дункана.

— Мы подозревали предательство, — сказал Фарад'н. — Не ваш ли сын говаривал: «Предательство рождает предательство»?

— Таким образом, Община Сестер контролирует в настоящий момент как Дом Атрейдес, так и Дом Коррино. Разве это не очевидно? — спросила Джессика.

— Мы обыграем ваши предложения Госпожа Джессика, но Дункана Айдахо мы отправим назад, к его любящей жене.

Боль — это функция нерва, напомнил себе Айдахо. *Боль входит в нерв, как свет входит в глаз. Усилие же — функция мышц, а не нервов.* Это было старое упражнение ментатов, и Айдахо, повторив его на одном дыхании, повернул кисть правой руки и перерезал артерию.

Тиеканик молниеносно метнулся к креслу и разомкнул проволоку, позвав врачей. Из соседней комнаты в зал влетели медики.

Дункан всегда был немного глуповат, подумала Джессика.

Фарад'н изучал Джессику, пока медики работали с Айдахо.

— Я же не сказал, что приму предложение Алие.

— Он совсем не поэтому перерезал себе артерию, — возразила женщина.

— О! А я думал, что он просто хочет устраниться.

— Вы не настолько глупы. Перестаньте притворяться, принц.

Он улыбнулся.

— Я прекрасно понимаю, что Алия уничтожила бы меня. Думаю, что даже Бене Гессерит не ожидали, что я приму ее предложение.

Размышляя, Джессика смотрела на Фарад'на. Каков он, этот юный отпрыск Дома Коррино? У него плохо получается разыгрывать из себя дурака. Она опять вспомнила слова Лето о том, что ей встретится интересный ученик. Того

же хотел и Проповедник, как говорил ей Айдахо. Хотелось бы встретиться с этим Проповедником.

— Вы отправите Венсицию в изгнание? — спросила Джессика.

— Это было бы разумной сделкой, — отозвался Фарад'н.

Джессика взглянула на Айдахо. Медики закончили свое дело, и теперь Дункан возлежал в кресле, фиксированный к своему ложу щадящими повязками.

— Ментаты должны быть больше проникнуты абсолютными истинами, — сказала она.

— Я устал, — откликнулся Айдахо. — Вы не представляете себе, как я устал.

— Если верность долго испытывать и использовать сверх меры, то в конце концов изнашивается даже она, — сказал Фарад'н.

И снова Джессика с интересом взглянула на принца.

Фарад'н посмотрел на женщину и подумал: *Со временем она лучше меня узнает, и это может быть очень ценным приобретением. Мой собственный ренегат Бене Гессерит! Такое было у ее сына, но не было у меня. Пусть пока она увидит только намек на мои достоинства. Все остальное она увидит позже.*

— Это прекрасный обмен, — сказал принц. — Принимаю ваше предложение на ваших условиях, — он подал пальцами сигнал немому, стоявшему у стены. Тот кивнул. Фарад'н наклонился к креслу и распустил проволоку.

— Мой господин, вы уверены? — спросил Тиеканик.

— Разве мы не все обсудили? — поинтересовался у него Фарад'н.

— Да, но...

Принц усмехнулся и обратился к Джессике.

— Тиек подозревает, что во всем виноваты мои источники. Но человек узнает из книг только то, что некоторые вещи могут быть сделаны. Настоящее учение наступает тогда, когда эти вещи делаешь сам.

Удивившись этим словам, Джессика встала с кресла. Она думала сейчас о тех знаках, которые подавал Фарад'н немому. Это были сигналы боевого языка Атрейдесов! Это говорило о глубоком анализе. Кто-то здесь сознательно копировал Атрейдесов.

— Это правильно, — сказала Джессика, — и если вы хотите, я могу начать учить вас по методике Бене Гессерит.

Принц посмотрел на женщину, сияя.

— Вот этому предложению я совершенно не в силах противиться, — сказал он.

Пароль мне дал человек, который умер в застенках Арракина. Вот так мне досталось это кольцо в форме черепахи. Перстень лежал в суке *недалеко от города, где меня держали мятежники. Пароль? О, он с тех пор много раз менялся. Тогда он был «Упорство», отзыв — «Черепаха». Только благодаря паролю я выбрался оттуда живым и только поэтому купил кольцо — на память.*

(Тагир Мохандис, Беседы с другом)

Лето успел отойти довольно далеко от мертвых тигров, которых он присыпал пыльцой Пряности, когда услышал позади звук от передвижения по Пустыне чего-то огромного. То был червь, и это был хороший знак, потому что здесь, в этой части Пустыни, черви стали большой редкостью. Червь оказался не слишком хорошим, но помочь сумел. Теперь Ганиме не придется объяснять, почему на месте происшествия нет мертвого тела.

Лето знал, что к этому времени Ганима уже успела убедить себя в истинности гибели брата. Теперь в ее памяти остался лишь маленький островок, где помещалось истинное воспоминание, и ключом к этому отгороженному от остального сознания островку были слова на древнем языке, на котором был закодирован доступ. *Секер нбив.* Если Ганима услышит эти слова — *Золотой Путь...* то только в этом случае она вспомнит, что ее брат в действительности жив. До тех пор он будет для нее мертв.

Теперь Лето почувствовал себя по-настоящему одиноким.

Он шел спокойным шагом, который производил только естественные для Пустыни звуки. Никакой шорох не скажет червю, ползущему сзади, что впереди него идет человек. Эта походка была настолько привычной, что мальчику не приходилось задумываться о том, как ставить ноги — они шли сами. Каждый шорох, каждый звук, производи-

мый Лето, мог быть приписан ветру и падению камня. Никто не мог бы заподозрить, что идет человек.

Когда червь закончил свое дело, Лето взобрался на пологий склон дюны и внимательно оглядел Спутник. Да, он ушел уже достаточно далеко. Лето подозвал червя. Тот подполз на удивление быстро и пролежал на месте ровно столько времени, чтобы Лето успел взобраться на него. Мальчик достал крюк погонщика и открыл чувствительный канал на головном конце червя и погнал безмозглое животное на юго-восток. Червь был небольшой, но очень сильный — это чувствовалось по звуку, который издавало его тело, извиваясь при движениях по песку. Дул ветер, и Лето чувствовал его обжигающее дыхание; червь неутомимо двигался вперед, порождая своими движениями Прянность в своем чреве.

Червь полз вперед, а мысли Лето шли своим чередом. Когда-то, в первое путешествие верхом на черве, Лето взял Стилгар. Мальчик дал волю своей памяти и явственно услышал голос старого наиба, исполненный спокойствия, значительности и куртуазности давно прошедших эпох. То был не тот Стилгар, который угрожал отребью, напившемуся пряной водки. Не громоподобный вождь. Нет — то был Стилгар, исполняющий свою службу, службу воспитателя наследника престола.

— В старые времена птиц называли по их песням. У каждого ветра тоже было свое имя. Шестищелчковый ветер назывался Пастаза, двадцатищелчковый — Куэшма, стощелчковый — Хейнали, ветер-мужеубийца. Был еще ветер демона открытой Пустыни: Хуласкали Вала — ветер, поедающий плоть.

Лето, который прекрасно все это знал, благодарно кивал головой, выражая признательность за такое обучение мудрости.

— В старые времена были еще племена, которые назывались охотники за водой. Их называли Идуали, что означает «водные мухи», потому что те люди, не колеблясь, могли украсть воду у другого фримена. Если они ловили в Пустыне одинокого путника, то не оставляли даже воду его плоти. Было и особое место, где они жили, — сиетч Якуруту. Другие племена объединились и уничтожили пле-

мя охотников за водой. Это было давно, еще до Кинеса, при моих прапрапрадедушках. Но с того времени ни один фримен не заходит в Якуруту. Это табу.

Так напомнил себе Лето знания, лежавшие в тайниках его памяти. Это был поучительный урок, как именно работает память. Одной памяти было недостаточно, даже такой памяти, как у него; нет, воспоминание невозможно, если оно не освящено ценностями и суждениями. В Якуруту была вода, ветряные ловушки и все прочие атрибуты фрименского сиетча, плюс несравненная ценность — туда никогда не входят посторонние. Многие молодые люди даже не подозревают о существовании Якуруту. Конечно, они знают, что есть Фондак, но это место, где живут контрабандисты.

Не найти лучшего места, где можно спрятать труп — среди контрабандистов и мертвецов другой эпохи.

Спасибо тебе, Стилгар.

Червь выбился из сил на рассвете. Лето соскользнул с него и молча смотрел, как червь ввернул свое тело в дюну, ушел на глубину и затаился там.

Надо дождаться дня, чтобы идти дальше, подумал Лето.

Он встал и осмотрел окрестность — Пустыня, Пустыня, Пустыня — без конца и края. Однообразие ландшафта нарушал только след ушедшего под землю червя.

Протяжный крик ночной птицы возвестил наступление рассвета — на востоке появилась зеленоватая полоска восходящего солнца. Лето зарылся в песок, раздул солнцезащитный тент и выставил наружу дыхательную трубку.

Он долго не мог уснуть, лежа в темноте и размышляя о том, правильное ли решение приняли они с Ганимой. Это было нелегкое решение, особенно для Ганимы. Он не раскрыл ей полного содержания своего видения и не рассказал о выводах, которые из него сделал. То, что это было настоящее видение, а не простой сон, Лето был теперь абсолютно уверен. Особенностью же было то, что этот феномен был видением в видении. Если и были хоть какие-то доводы в пользу того, что его отец жив, то искать их надо было в этом двойном видении.

Жизнь пророка заключается для нас в его видениях, подумал Лето. *И пророк может порвать со своим видением только*

своей смертью, которая вступит в противоречие с видением. Именно это рассуждение было предметом двойного видения, и сейчас Лето рассуждал, как это видение относится к выбору, который он сделал. *Бедный Иоанн Креститель,* подумал он. *Если бы он нашел в себе мужество выбрать другой путь... Но, может быть, его выбор был выбором храброго человека. Откуда мне знать, какие альтернативы были у него? Но зато я знаю, какие альтернативы были у отца.*

Лето вздохнул. Отвернуться от отца — это то же самое, что предать Бога. Но Империю Атрейдесов надо потрясти до основания. Она впала в худшие из видений Пауля. Как же случайность может изуродовать людей. Да и сделано это было без всякой задней мысли. Пружина религиозного безумия была закручена до отказа, и теперь машина набирает обороты.

Мы все оказались запертыми в видении отца.

Лето знал, что дорога из этого безумия пролегает по Золотому Пути. Это видел и отец. Но человечество может сбиться с Золотого Пути, оглянуться на путь Муад'Диба, и, решив, что то был Золотой Век, попытаться вернуться назад. Люди должны испытать альтернативу Муад'Дибу, иначе они никогда не поймут сути собственных мифов.

Безопасность... мир... процветание...

Учитывая такой выбор, нетрудно догадаться, какую альтернативу выберет большинство граждан Империи.

Хотя они ненавидят меня, подумал он. *Хотя и Ганима ненавидит меня.*

Правая рука зачесалась, и Лето вспомнил ужасную перчатку из своего видения. *Это будет,* подумал он. *Да, это будет.*

Арракис, дай мне силу, взмолился он. Его планета оставалась живой и сильной под его ногами. Песок плотно облегал защитный тент. Дюна — это гигант, подсчитывающий свои богатства. Это обманчивая цельность, поражающая одновременно своей красотой и безобразием. Единственная валюта, которую признают ее купцы, — это биение крови их собственной силы, неважно, как приумножается эта сила. Властители обладают этой планетой, как обладают захваченной в плен наложницей, как обладает Бене Гессерит своими Сестрами.

Неудивительно, что Стилгар так ненавидит купцов-священников.

Спасибо тебе, Стилгар.

Лето вспомнил красоты и прелести старинной жизни сиетчей, до прихода на планету имперской технократии, и ум мальчика начал блуждать так же, как блуждал ум Стилгара в его сновидениях. До прихода светильников, орнитоптеров и тракторов для сбора Пряности была другая жизнь: загорелые матери с детьми на коленях, лампы, в которых горело пряное масло, и всепроникающий аромат корицы, наибы, которые убеждали соплеменников в своей правоте, ибо знали, что никого нельзя принуждать. Это было средоточие жизни в скалистых ущельях...

Ужасная перчатка восстановит равновесие, подумал Лето.

Незаметно он уснул.

Я видел кровь и куски одежды, разорванной острыми когтями. Его сестра очень живо рассказывает о тиграх и их нападении. Мы допросили также одного из заговорщиков. Другие мертвы или находятся под стражей. Все указывает на заговор Дома Коррино. Все свидетельства подтверждены Вещающим Истину.

(Рапорт Стилгара Комиссии Совета Земель)

Фарад'н тайно наблюдал за Айдахо, стараясь отыскать ключ к странному поведению этого человека. Было чуть позже полудня, и Айдахо стоял возле дверей покоев, отведенных госпоже Джессике в ожидании аудиенции. Примет ли она его? Она, естественно, знает, что за ними наблюдают. Но примет ли она его?

Фарад'н находился сейчас в той самой комнате, в которой Тиеканик руководил обучением лазанских тигров, — это была в действительности нелегальная комната, набитая запрещенным оборудованием с Тлейлаксу и Иксиана. С помощью особой рукоятки Фарад'н мог наблюдать за Айдахо с шести различных положений, мог он осмотреть и покои госпожи Джессики с помощью не менее хитроумных приспособлений.

Больше всего Фарад'на беспокоили глаза Айдахо. Эти глубоко посаженные металлические глазницы, которыми снабдили Дункана в восстановительных баках тлейлаксу, делали его столь непохожим на остальных представителей рода человеческого. Принц коснулся собственных глаз, ощутив твердость контактных линз, скрывавших синеву белков человека, постоянно употребляющего Пряность. Глаза Айдахо воспринимали совершенно другую реальность. Как иначе объяснить поведение этого человека? Фарад'н испытал жгучее желание спросить об этом у того хирурга с Тлейлаксу, который снабдил Дункана железными глазами.

Почему Айдахо хотел покончить с собой?

Действительно ли он этого хотел? Ведь он не мог не знать, что мы не позволим ему этого сделать.

Айдахо остается во всем этом деле опасным знаком вопроса?

Тиеканик предложил интернировать Айдахо на Салусе или убить его. Вероятно, это было бы наилучшим решением.

Фарад'н включил фронтальный вид. Айдахо сидел на жесткой банкетке у входа в покои госпожи Джессики. Стены фойе были отделаны светлыми деревянными панелями, украшенными остроконечным орнаментом. Айдахо сидел на банкетке уже час и, по-видимому, был готов просидеть на ней вечность. Фарад'н склонился к экрану. Видимо, на Арракисе с верным оруженосцем Атрейдесов и инструктором Муад'Диба обращались очень недурно. У Айдахо была юношеская походка и он, естественно, получал пряную добавку к рациону. В восстановительных баках тлейлаксу объектам программировали идеально уравновешенный обмен веществ. Помнит ли Айдахо свое прошлое, ту жизнь, которой он жил до своей первой смерти? Ни один человек, переживший восстановление, этого не помнил. Какая загадка окутывает Айдахо?

В библиотеке имелось подробное сообщение об обстоятельствах его смерти. Сардаукары, убившие его, отмечают доблесть Айдахо — перед своей гибелью он сумел уничтожить девятнадцать сардаукаров. Девятнадцать! Плоть этого человека стоила того, чтобы отправить ее на восстановление. Но на Тлейлаксу сделали из него ментата. Какое странное создание жило в этом возрожденном теле. Како-

во чувствовать себя компьютером вдобавок ко всем остальным своим талантам?

Так почему он пытался убить себя?

Фарад'н знал меру своего таланта и не обольщался на этот счет. Он был прирожденным историком и археологом и умел судить о причинах поступков людей. Необходимость заставила его стать экспертом в отношении людей, которые со временем будут служить ему, — в отношении Атрейдесов. То была цена, которую приходится платить за аристократизм. Умение править требовало точного и проницательного суждения о поступках людей, которые узурпировали твою власть. Не один правитель пал жертвой ошибок и избыточного рвения своих чиновников.

Тщательное изучение Атрейдесов выявило их несравненный талант в выборе слуг. Атрейдесы знали, как воспитывать верность и как ограничивать разумными рамками воинственный пыл своих солдат.

Айдахо выпадал из общего ряда.

Почему?

Фарад'н прищурился, словно пытаясь проникнуть взглядом сквозь кожу этого человека. При взгляде на Айдахо появлялось ощущение необычной долговечности — этот человек не знал физической усталости и отличался потрясающей, сверхъестественной выносливостью. Это была самодостаточная, хорошо организованная и цельная личность. Мастера тлейлаксу вложили в его движения что-то сверхчеловеческое. Фарад'н хорошо это чувствовал. В этом человеке было что-то самообновляющееся, словно он действовал согласно неким незыблемым законам, которые восстанавливали Айдахо по завершении любого действия. Он действовал с неумолимостью планеты, движущейся вокруг звезды. На любое силовое воздействие Дункан ответит не ломаясь — он просто слегка изменит орбиту, но не изменит основополагающему закону своего движения.

Зачем он перерезал себе артерию?

По какой бы причине Айдахо так ни поступил, он сделал это для Атрейдесов, Правящего Дома, который был звездой его планетного движения.

По какой-то причине Айдахо думает, что пребывание госпожи Джессики у меня усилит Дом Атрейдес.

Так думает ментат, напомнил себе Фарад'н.

Это придало мыслям принца дополнительную глубину. Ментаты ошибаются, но весьма и весьма редко.

Придя к такому заключению, Фарад'н хотел было вызвать адъютанта и немедленно отдать приказ о высылке госпожи Джессики и Айдахо, но в последний момент успокоился и передумал.

Оба эти человека — ментат-гхола и ведьма Бене Гессерит были фигурами неизвестного качества в игре власти. Айдахо, конечно, надо выслать, ибо это спутает карты правителей Арракиса. Джессику же следует оставить здесь и обратить добытые у нее знания на пользу Дома Коррино.

Фарад'н понимал, что ввязывается в смертельно опасную и очень тонкую игру, но ведь недаром он всю жизнь, на протяжение многих лет готовил себя к ней, с того самого момента, когда осознал, что он умнее и проницательнее, чем большинство окружающих его людей. То было пугающее открытие для ребенка, который понял, что укрыться от этого страха можно в библиотеке и в классной комнате.

Однако и сейчас сомнения продолжали грызть — готов ли он к подобной игре? Он удалил от себя мать и лишился ее советов, но решения Венсиции всегда представляли для него немалую опасность. Тигры! Их подготовка была отвратительной, а применение неимоверной глупостью! Их же так легко выследить и просчитать, откуда они взялись! Мать должна радоваться, что для нее дело ограничилось высылкой. Совет госпожи Джессики пришелся как нельзя кстати. Он полностью отвечает его нуждам. Джессику надо заставить открыть способы мышления Атрейдесов.

Сомнения постепенно отступили. Фарад'н подумал о своих сардаукарах, которые становились день ото дня все более боеспособными в результате жестких тренировок, которых требовал принц. Его Сардаукарская гвардия мала, но это люди, способные противостоять в единоборстве фрименам. В гвардии, конечно, будет мало проку, если учесть разницу в численности. Фримены могут подавить своим численным превосходством, если, конечно, не будут раздроблены гражданской смутой.

Время битвы сардаукаров с фрименами еще не наступило. Нужны союзники из недовольных Атрейдесами Больших Домов и набирающих силу Домов Младших. Нужны источники финансирования в ОСПЧТ. Нужно время, чтобы сардаукары стали сильнее, а фримены — слабее.

Фарад'н снова обратился к экрану и всмотрелся в лицо терпеливо ожидающего гхола. Зачем Айдахо хочет видеть Джессику в такое время? Он должен знать, что за ними тщательно следят, анализируя каждое слово и каждый жест.

Тогда зачем?

Фарад'н отвернулся от экрана и взглянул на стеллажи с катушками, на которых была записана последняя информация его шпионов с Арракиса. Этим шпионам приходилось доверять, и сейчас принц прослушал отредактированную выжимку из сообщений с Дюны. Эти сообщения вселяли оптимизм и радость.

С тех пор как планета стала плодородной, фримены освободились от удушающего давления земли. Их новые сообщества утратили связь с жестко организованными сиетчами. В старые времена каждому фримену с детства внушалась мысль: «Сиетч формирует основу знаний о собственном теле и знания того, как вести себя, когда из сиетча вы выходите в мир и вселенную».

Старая фрименская поговорка гласит: «Следуй массифу», что означает — господином жизни является Закон. Однако новые социальные структуры ослабили ограничения старых законов; дисциплина общества перестала быть железной. Фрименские лидеры в настоящее время знают лишь Начальный Катехизис своих предков и историю, закамуфлированную в форме древних песен. Жители новых общин более свободны в передвижениях, более открыты; они чаще ссорятся между собой и не склонны без рассуждений повиноваться власти. Жители же старых сиетчей более дисциплинированны, склонны к коллективным действиям и более трудолюбивы. Эти люди бережно относятся к своим истокам. Люди старой закалки все еще убеждены, что упорядоченное общество полнее выражает чаяния индивида. Молодые люди вырастают вне этих убеждений. Старики с грустью смотрят на молодежь и говорят: «Ветер смерти лишил их прошлого».

Фарад'ну понравилось подготовленное им самим резюме. Расслоение общества Арракиса чревато насилием. На магнитных носителях была записана цельная всеохватывающая концепция.

Религия Муад'Диба зиждется на древней культурной традиции сиетча, в то время как новая культура все дальше и дальше уводит народ от этой непререкаемой дисциплины.

Уже не первый раз принц задавал себе вопрос: по какой причине Тиеканик принял эту религию? В лоне этой морали башар выглядел довольно странно и нелепо. Возможно, он действовал совершенно искренне, но Фарад'н не мог отделаться от впечатления, что Тиеканик поступает так вопреки своей воле. Складывалось впечатление, что башар вступил в водоворот, чтобы испытать его силу, но был увлечен силой вихря и уже не может выбраться на безопасный берег. Новообращение Тиеканика раздражало Фарад'на своей нехарактерной завершенностью и полнотой. То было обращение к древнейшим традициям сардаукаров, предупреждением о том, что юные фримены могут точно так же обратиться внезапно к своим изначальным истокам и корням.

Мысли принца снова обратились к сообщениям с Арракиса. В них было и нечто тревожное, то, что лишало покоя: древнейшие традиции были живучи и существовали вопреки всему среди самых молодых обитателей Дюны. Главной традицией была «Вода зачатия». Амниотическая жидкость новорожденного сохранялась после его появления на свет и добавлялась в воду, которой поили ребенка. Крестная мать, хранившая воду, подавала ее ребенку со словами: «Это вода твоего зачатия». Этой традиции неукоснительно следовали все молодые фрименские родители.

Это вода твоего зачатия.

Фарад'на передернуло от мысли, что можно пить воду с амниотической жидкостью. Он подумал о Ганиме, чья мать умерла после того, как ее дочь выпила той странной воды. Размышляла ли девочка о том необычном факте из своего прошлого? Вряд ли. Ее воспитали по фрименским обычаям. То, что естественно и приемлемо для фримена, было естественным и приемлемым для нее.

В какое-то мгновение принц остро пожалел о смерти Лето. Было бы интересно обсудить с ним этот вопрос. Но кто знает, может быть, представится возможность обсудить его с Ганимой.

Почему Айдахо перерезал себе артерию?

Мучительный вопрос возникал всякий раз, когда Фарад'н смотрел на экран. Принца вновь одолели сомнения. Как ему не хватало сейчас способности погрузиться, подобно Муад'Дибу, в транс Пряности и прозреть будущее, чтобы *узнать* ответ на вопрос. Однако сколько бы Пряности ни принимал принц, его сознание оставалось в пределах текущего *теперь*, отражая неопределенность действительности.

Служанка тем временем отворила дверь покоев госпожи Джессики. Женщина жестом пригласила Айдахо, который встал с банкетки и вошел в апартаменты. Служанка напишет подробный отчет позже, но любопытство настолько охватило Фарад'на, что он нажал другую кнопку и на экране появился интерьер комнаты Джессики, куда только что вошел Дункан.

На лице ментата были написаны спокойствие и уверенность, но насколько бездонны глаза гхола!

Прежде всего ментат не должен быть узким специалистом, он обязан широко мыслить. Очень мудро в переломные и великие моменты жизни и истории принимать решения на основе такого широкого подхода. Эксперты и узкие специалисты способны в таких ситуациях лишь запутать дело и усугубить хаос, вступая в ожесточенные споры по поводу положения какой-нибудь запятой. Широко мыслящий ментат, наоборот, должен в своих решениях руководствоваться нормальным, здравым смыслом. Ментат не должен отгораживаться от масштабных процессов, протекающих в его вселенной. Он должен оставаться способным сказать: «Во всем том, что происходит в настоящий момент, нет ничего таинственного. Мы все этого хотим. Возможно, впоследствии окажется, что мы были не правы, но, когда до этого дойдет, мы сможем внести простые и ясные исправления». Ментат должен понимать, что то, что мы принимаем за все-

ленную, есть не что иное, как небольшая часть гораздо более крупного феномена. Эксперт, напротив, смотрит назад, вглядываясь в узкие стандарты своей специальности. Ментат обязан смотреть вне, отыскивая в феномене живые принципы, полностью отдавая себе отчет в том, что эти принципы могут меняться, что они подвержены развитию. Ментат должен отыскивать за конкретными событиями характеристики именно таких изменений. Не может даже теоретически существовать перечня таких изменений, учебника или руководства по классификации этих изменений. Смотреть на них надо как можно с меньшей предвзятостью, постоянно спрашивая себя: «Каким образом работает эта вещь?»

(Руководство ментата)

Наступил день Квисатц Хадераха, первый священный день для последователей Муад'Диба. То был праздник обожествленного Пауля Атрейдеса, как человека, который был всем сущим одновременно, мужским воплощением Бене Гессерит, человеком, в котором мужское и женское начала соединились, дав начало некоему Единому-во-Всем. Верующие называют этот день *Аиль*, то есть День Священной Жертвы, ибо он есть напоминание о том, что смерть сделала Муад'Диба «вездесущим».

Проповедник выбрал именно этот день, чтобы снова появиться на площади перед Храмом Алие, не обращая никакого внимания на приказ о своем аресте, который, как все знали, был давно отдан. Существовало, правда, хрупкое перемирие между Священством и мятежными племенами, но само это перемирие воспринималось жителями Арракина как нечто неудобное и искусственное. Проповедник не рассеял это настроение.

Шел двадцать восьмой день официального траура по сыну Муад'Диба, шестой — после поминального ритуала Старого Прохода, который был отложен из-за мятежа. Но даже сражения не остановили хадж. Паломники продолжали прибывать на площадь перед храмом, и Проповедник знал, что вся она будет забита народом во время его появления. Большинство паломников желали встретить в Арракине *Аиль*, чтобы «проникнуться Священным Присутствием Квисатц Хадераха в Его день».

Проповедник вступил на площадь с первыми лучами солнца, но она была уже давно заполнена верующими. Рукой Проповедник держался за плечо поводыря, ощущая в походке юноши циничную гордость. Едва появившись на площади, Проповедник немедленно стал предметом всеобщего внимания, люди подмечали каждый нюанс в его поведении. Такое внимание не было неприятным для поводыря, а Проповедник воспринял это как печальную необходимость.

Поднявшись на третью ступень гигантской лестницы, Проповедник остановился, ожидая тишины. Когда воцарилось всеобщее молчание и стали слышны шаги тех, кто стремился занять место поближе к Проповеднику, он прочистил горло. В воздухе стоял утренний холод и предутренний мрак; огни на верхних этажах зданий уже погасли. Молчание было осязаемо, как вязкая серая масса. Проповедник заговорил.

— Я пришел воздать должное и почтить память Лето Атрейдеса Второго, — заговорил старик зычным голосом погонщика червей. — Я делаю это с большим сочувствием к тем, кто страдает. Я скажу вам, чему учил покойный Лето, — он учил тому, что завтрашний день еще не наступил и может никогда не наступить. Здесь и сейчас — это единственное, что существует для нас в этой вселенной. Я говорю вам: цените этот момент и постарайтесь понять, чему он учит вас. Говорю вам, что рост и смерть правителей очевидно заключаются в росте и смерти их подданных.

По площади прокатился ропот. Он что, издевается над смертью Лето Второго? Почему Священническая Стража не арестует тотчас дерзкого старика?

Алия знала, что ничего подобного не случится, никто не станет мешать Проповеднику. Это был ее приказ: не трогать Проповедника в этот день. Сегодня Алия была одета в добротный защитный костюм с маской и трубкой влагоуловителя, которые закрывали половину лица, верхняя часть которого была спрятана под капюшоном. Принцесса стояла во втором ряду, недалеко от Проповедника, и во все глаза смотрела на него. Неужели это Пауль? Конечно, годы могли изменить его до полной неузнаваемости. Он всегда умел владеть Голосом, поэтому его трудно опознать

по интонациям и тембру речи. Проповедник же творил со своим голосом что хотел. Пауль не мог бы делать этого лучше. Алия не могла выступить против старика, не удостоверившись прежде, кто он такой на самом деле. Как ее озадачивали его слова!

В утверждениях Проповедника не было и тени иронии. Он использовал соблазнительную привлекательность законченных предложений, высказанных с трогательной искренностью. Люди могли споткнуться на понимании смысла высказываний, но потом понимали, что Проповедник и рассчитывал на то, что они споткнутся, чем и достигался эффект внушения и научения. Действительно, старик трогал толпу, когда говорил: «Ирония часто маскирует неспособность выйти за рамки собственных допущений. Я не пользуюсь иронией. Ганима сказала вам, что кровь Лето нельзя смыть. Я согласен с ней.

Будут говорить, что Лето ушел туда, куда ушел его отец, что он сделал то, что сделал его отец. Церковь Муад'Диба утверждает, что от своего собственного лица он выбрал путь абсурда и упрямства, который оценит лишь история. Но история пишется заново сейчас, на наших глазах.

Я же говорю вам, что есть еще один урок, который надо извлечь из жизней и их окончания».

Алия, которая ловила каждый нюанс в речи старика, отметила, что Проповедник употребил слово «окончание», а не «смерть». Не хочет ли он сказать, что они оба или один из них — живы? Но этого просто не может быть. Вещающий Истину подтвердил правдивость рассказа Ганимы. Но что в таком случае делает Проповедник? Говорит ли он о мифе или о реальности?

— Хорошенько помните об этом другом уроке! — гремел Проповедник, воздев кверху руки. — Если вы станете одержимыми своим человеческим содержанием, то можете забыть о вселенной!

Он опустил руки, направил пустые глазницы прямо на Алию. Он говорил именно с ней. Это было так явно, что несколько человек, стоявших радом, принялись пристально ее разглядывать. Это мог быть Пауль! Мог быть!

— Но я понимаю, что люди не часто выносят реальность бытия, — продолжал Проповедник. — Большинство

жизней — это бегство от себя. Люди предпочитают истине стабильность. Вы стоите в стойле и, опустив голову к корыту, довольно чавкаете до самой смерти. Другие же используют вас в своих целях. Этого не происходит, если вы поднимаете голову и начинаете осознавать себя своими собственными творениями. Муад'Диб явился, чтобы сказать вам об этом. Не понимая этого, как можете вы почитать его?!

Один из толпы, видимо, это был священник, не выдержал. Над толпой прокатился его грубый голос, срывающийся на крик.

— Ты не живешь жизнью Муад'Диба, так как же смеешь ты учить, как надо нам его почитать?!

— Потому что он мертв, — прогремел в ответ Проповедник.

Алия обернулась, чтобы рассмотреть, кто осмелился бросить вызов Проповеднику. Человек был скрыт от ее взгляда, но тут снова раздался его голос:

— Если ты воистину считаешь его мертвым, то ты останешься в одиночестве отныне и навсегда!

Несомненно, это был священник, подумала Алия, но не смогла узнать голос.

— Я пришел задать вам простой вопрос, — сказал Проповедник. — Неужели вы считаете, что за смертью Муад'Диба должно последовать моральное самоубийство всех людей? Это ли необходимое следствие прихода мессии?

— Так ты признаешь его мессией? — выкрикнул из толпы тот же голос.

— Отчего же нет? Ведь я пророк его времени.

В тоне и манерах Проповедника сквозила такая спокойная уверенность, что даже священник замолчал. Толпа отреагировала негромким, каким-то животным рокотом.

— Да, — подтвердил Проповедник, — я — пророк нашего времени.

Алия сконцентрировала на старике все свое внимание, отмечая модуляции его интонаций. Надо признать, что он мастерски владел Голосом. Проповедник свободно управлял настроением толпы. Он учился в Бене Гессерит? Еще одна уловка Защитной Миссии? Он вовсе не Пауль, но еще один из бесчисленных винтиков механизма игры власти?

— Я высказываю миф и мечту! — крикнул Проповедник. — Я врач, который принимает роды и возвещает, что дитя родилось на свет. И я же прихожу к вам в минуту смерти. Это не тревожит вас? Это должно потрясти ваши души!

Несмотря на душивший ее гнев, Алия поняла направленность его речей. Вместе с другими она придвинулась ближе к высокому старику в одежде жителя Пустыни. Ее внимание привлек юный поводырь: как ясны его глаза, как сладок его облик! Стал бы Муад'Диб использовать столь бесстыдную юность?

— Я хочу растревожить вас! — продолжал кричать Проповедник. — Таково мое намерение! Я пришел бороться с мошенничеством и иллюзиями вашей застоявшейся и условной религии. Как и во всех таких религиях, ваши институты заражаются трусостью, лицемерием, инерцией и самодовольством!

В середине толпы зародился злобный ропот.

Алия почувствовала, как по толпе разливаются волны напряжения, и злорадно подумала, не случится ли расправа? Сможет ли Проповедник справиться с этим напряжением? Если нет, то его могут сейчас убить!

— Где тот священник, который бросил мне вызов? — вопросил Проповедник, указывая пальцем на середину толпы.

Он знает! — подумала Алия. Ее охватило почти сексуальное возбуждение. Этот Проповедник играет в опасные игры, но играет безупречно.

— Ты, священник, — позвал Проповедник, — ты подлинный капеллан самодовольства. Я пришел не для того, чтобы ниспровергнуть Муад'Диба; я пришел ниспровергнуть тебя! Для тебя действительна только та религия, которая ничего тебе не стоит и ради которой ты ничем не рискуешь, не так ли? Для тебя действительна только та религия, на которой ты жиреешь? Для тебя действительна только та религия, именем которой ты можешь безнаказанно совершать мерзости? Куда приведет тебя упадок исходного откровения? Ответь мне, священник!

Вызов остался без ответа. Алия поняла, что толпа снова благоговейно внимает словам старого Проповедника. Своими нападками на священников он снискал располо-

жение толпы. И ведь ее шпионы сообщают, что большинство паломников и фрименов верят, что Проповедник и есть Муад'Диб.

— Сын Муад'Диба рискнул! — крикнул Проповедник, и в его голосе Алия уловила неподдельное рыдание. — Рискнул и Муад'Диб! Они оба заплатили свою цену! И чего добился Муад'Диб? Религии, которая покончила с ним самим!

Сколь многое перевернули бы эти слова, если бы их произносил сам Пауль, подумала Алия. *Я должна это узнать!* Она протиснулась ближе к старику и могла уже, если бы захотела, дотронуться до него, вытянув руку. От Проповедника исходил дух Пустыни, аромат Пряности, смешанный с запахом кремнезема. Проповедник и его молодой поводырь были покрыты густым слоем пыли, словно они только что пришли из *бледа.* Кисти рук Проповедника были опутаны венами, на левой руке, на пальце, был след кольца — Пауль носил кольцо с изображением ястреба Атрейдесов. Этот перстень лежал теперь в сиетче Табр. Его носил бы Лето, если бы не его смерть... или если бы она позволила ему унаследовать трон.

Проповедник снова направил свои глазницы на Алию и заговорил — очень задушевно, но так, что его слышала вся толпа.

— Муад'Диб показал вам две вещи: определенное будущее и неопределенное будущее. С полным осознанием он выступил против неопределенности огромной вселенной. Он *слепо* сошел со своей позиции в этом мире. Он показал нам, что человек должен поступать так всегда — предпочитая неопределенное определенному. — Алия заметила, что к концу фразы тон его стал едва ли не жалобным.

Принцесса огляделась и незаметно коснулась рукой рукоятки отравленного кинжала. *Что они будут делать, если я убью его прямо сейчас?* Она снова ощутила дрожь, охватившую ее тело. *Что, если я убью его, и, сказав, кто я, объявлю Проповедника самозванцем и еретиком!*

А вдруг они докажут, что это действительно Пауль?

Кто-то подтолкнул Алию еще ближе к Проповеднику. Она почувствовала, что трепещет в его присутствии, хотя

этот трепет был смешан с неистовым гневом. Пауль ли это? О, Господи! Что ей делать?

— Почему был взят от нас еще один Лето? — вопросил Проповедник. В голосе его звучала неподдельная боль. — Ответьте мне, если сможете. Ах, я понимаю, он оставил определенность. — Старик перешел на сдавленный шепот: — Оставил определенность! Это самое глубокое веление времени. В этом-то и состоит вся жизнь. Мы все пробные камни, которыми испытывают неизвестное и неопределенное. Почему вы не можете услышать, что говорит вам Муад'Диб? Если определенность — это абсолютное знание абсолютного будущего, то она всего лишь замаскированная смерть. Такое будущее наступает только *сейчас!* Он показал вам это!

С ужасающей точностью Проповедник протянул руку и схватил Алию за кисть. Старик сделал это, не колеблясь, точным и рассчитанным движением. Она попыталась вырваться, но он держал ее мертвой хваткой, и она едва не вскрикнула от боли. Люди вокруг отпрянули в полной растерянности.

— Что говорил тебе Муад'Диб, женщина? — громовым голосом спросил старик.

Откуда он знает, что я женщина? — спросила себя Алия. Она хотела погрузиться в свои жизни, спросить совета, но в душе, испуганной этой фигурой из прошлого, царило полное молчание.

— Он говорил тебе, что завершенность тождественна смерти! — кричал Проповедник. — Абсолютное предсказание — это завершенность... это смерть!

Она снова попыталась вырваться из его железных пальцев, ударить его ножом, но не посмела этого сделать. Никогда еще не была она так испугана.

Проповедник вскинул голову и возвысил голос, обращаясь к толпе.

— Я передам вам слова Муад'Диба! Он сказал: «Я окуну твое лицо в то, чего ты так хочешь избежать. Мне не кажется странным, что единственное, во что ты хочешь верить, это в то, что приносит тебе удобство. Как еще объяснить, что люди постоянно изобретают для себя ловушки,

которые повергают их в посредственность? Как еще можно определить трусость?» Вот что сказал тебе Муад'Диб!

Он отпустил руку Алие и оттолкнул ее в толпу. Она упала бы, если бы ее не поддержали люди.

— Существовать — это значит выступить вперед, сойти с удобной подставки, добровольно лишиться опоры, — продолжал Проповедник. — Вы не мыслите и не существуете, если не хотите рискнуть своим здоровьем и душевным покоем ради верного суждения о своем существовании.

Спустившись, Проповедник снова безошибочно взял Алию за руку. На этот раз он был намного аккуратнее и не причинил ей боли. Наклонившись, он шепнул женщине на ухо только ей одной предназначенные слова: «Не пытайся еще раз задвинуть меня на задний план, сестрица».

Произнеся эти слова, он положил руку на плечо поводыря и направился в толпу. Люди расступались перед этой странной парой. Отовсюду тянулись руки желающих прикоснуться к пророку, однако люди делали это осторожно, со страхом думая, кто может скрываться под простой накидкой фримена Пустыни.

Потрясенная Алия осталась стоять на месте, словно пригвожденная к плитам площади. Толпа ушла вслед за Проповедником, оставив ее одну.

Ей все стало ясно — это Пауль, не оставалось никаких сомнений. Она чувствовала сейчас то же, что чувствовала толпа. Она находилась в святом месте, и вся ее вселенная рушилась вокруг нее. Она хотела кинуться вслед за ним, умолять его спасти ее от самой себя, но она не могла сдвинуться с места. Все остальные пошли вслед за Проповедником, одна Алия осталась стоять на месте, словно пораженная молнией. Ее опьянило абсолютное отчаяние, это был такой тяжкий удар, что она могла только дрожать, не способная пошевелить ни одним мускулом.

Что мне делать? Что мне делать? — спрашивала она себя.

У нее нет даже ни Дункана, на которого она могла бы опереться, ни матери. Внутренние голоса молчали. Была Ганима, которую держали под надежной охраной в Убежище, но не могла же Алия вылить свое отчаяние на оставшуюся в живых девочку.

Все обернулось против меня. Что я могу сделать?

Односторонний взгляд на нашу вселенную говорит о том, что вы не должны искать проблемы вдали от себя. Такие проблемы могут вообще никогда не возникнуть. Вместо этого займитесь волком, который гуляет у вас на скотном дворе. Те трудности, которые громоздятся снаружи, могут оказаться воображаемыми.

(Книга Азхара; Шамра 1:4)

Джессика ожидала Айдахо у окна своего кабинета. Это была уютная комната с мягкими диванами и старинными стульями. Не было никаких подвесных кресел, а светильники казались пришельцами из далеких эпох. Окно выходило на сад.

Она услышала, как служанка открыла дверь, а потом шаги Айдахо — сначала по деревянному полу, потом по ковру. Джессика не повернула головы, продолжая смотреть на зеленую траву внутреннего двора. Надо подавить смятение, страх и волнение. Она глубоко вдохнула по методике *прана-бинду* и почувствовала, как в ее душу вливается спокойствие.

Солнце стояло почти в зените, в столбе света вилась пыль, между липами серебристо сверкала паутина. Ветви деревьев почти доставали до окна. В кабинете было прохладно, но за запечатанным окном стояла одуряющая жара. Замок Коррино располагался в области стоячих болот, и вид зеленой травы двора был обманчив.

Джессика слышала, что Айдахо остановился у нее за спиной.

Женщина заговорила, не поворачивая головы.

— Дар слова — это дар обмана и иллюзий, Дункан. Зачем ты хочешь говорить мне слова?

— Возможно, выживет только один из нас, — ответил он.

— И ты хочешь, чтобы я доложила о твоих героических усилиях на этом поприще? — она обернулась, увидела, как спокойно он стоит, оглядывая ее своими металлическими глазами, по которым нельзя было определить направление взора. Как пусты эти искусственные глаза!

— Дункан, неужели ты так беспокоишься о своем месте в истории?

В ее голосе звучали обвиняющие нотки, и она вспомнила тот момент, когда впервые столкнулась с этим че-

ловеком. Он был тогда пьян, не говоря уже о том, что его приставили к ней в качестве соглядатая. Его тогда раздирали два чувства долга. Правда, тогда это был живой Айдахо, это было до того, как он стал гхола. Теперь перед Джессикой стоял совершенно другой человек. Этот не страдает раздвоением личности, и никакие эмоции его не раздирают.

Он доказал справедливость ее мнения улыбкой.

— У истории собственный суд и она выносит свои независимые суждения, — сказал он. — Я сомневаюсь, что буду сильно переживать, когда история огласит мой приговор.

— Зачем ты здесь? — спросила она.

— По той же причине, что и вы, — ответил Айдахо.

Ни одним движением не выдала Джессика той бури чувств, которые всколыхнули ее душу при этих простых словах. *Он действительно знает, зачем я здесь?* Откуда? Об истинной цели моего пребывания здесь знает только Ганима. Неужели у Айдахо было достаточно данных для производства логических операций и вычислений? Это вполне возможно. Что если он что-то сказал для того, чтобы ее выслали отсюда? Сделал бы он это, если бы знал об истинной цели прибытия в Дом Коррино? Он знает, что каждое движение, каждое слово наше просматривается и прослушивается Фарад'ном и его слугами.

— Дом Атрейдес находится на трудном перепутье, — заговорила она. — Семья разделилась на враждующие партии. Ты был одним из самых верных людей моего герцога, Дункан, и когда барон Харконнен...

— Давайте не будем говорить о бароне, — возразил Айдахо. — Это было другое время, да и герцог ваш давно мертв. — *Не может ли она знать, что Пауль догадался, что кровь Харконненов течет в жилах Атрейдес?* — подумал Айдахо. Это был большой риск для Пауля, но Дункан еще крепче привязался к нему после этого откровения. Такое доверие стоит дороже любых денег, ведь Пауль знал, что сделал барон Айдахо.

— Дом Атрейдес еще не мертв, — произнесла Джессика.

— Что такое Дом Атрейдес? — спросил Дункан. — Это вы? Или Алия? Ганима? Может быть, это люди, которые

служат Атрейдесам? Я смотрю на всех этих людей и вижу, что за их словами таится тяжкий, мучительный труд! Как могут они быть Атрейдесами? Ваш сын правильно сказал: «Муки и гонения преследуют тех, кто идет за мной». Я хочу нарушить эту традицию, моя госпожа.

— Ты действительно переметнулся к Фарад'ну?

— Разве это не то же, что сделали и вы, моя госпожа? Разве вы не явились сюда для того, чтобы убедить Фарад'на в том, что его женитьба на Ганиме решит все наши проблемы?

Он и в самом деле так думает? — поразилась Джессика. *Или он говорит это только для вездесущих шпионов?*

— Дом Атрейдес всегда был исключительно сильно предан одной идее, — промолвила Джессика. — Мы всегда платили верностью за верность.

— Служение людям, — презрительно произнес Айдахо. — Ах, как часто я слышал эти слова от вашего герцога. Должно быть, ему не очень уютно лежать в могиле, моя госпожа.

— Неужели ты думаешь. что мы действительно столь низко пали?

— Моя госпожа, вы знаете, что есть фрименские мятежники — они называют себя «маркграфами Внутренней Пустыни» — которые проклинают Атрейдесов и даже самого Муад'Диба?

— Я слышала, как об этом говорил Фарад'н, — ответила Джессика, стараясь понять, куда клонит Айдахо.

— Есть кое-что кроме того, что говорит Фарад'н. Есть много больше того. Я лично слышал это проклятие. Вот оно: «Да снизойдет на вас небесный огонь, Атрейдесы! Да не будет у вас ни души, ни духа, ни тела, ни тени, ни магии, ни костей, ни волос, ни фраз, ни слов. Да не будет у вас могил, ни домов, ни нор, ни гробниц. Да не будет у вас ни садов, ни деревьев, ни кустов. Да не будет у вас ни воды, ни хлеба, ни света, ни огня. Да не будет у вас ни детей, ни семьи, ни наследников, ни племени. Да не будет у вас ни головы, ни рук, ни ног, ни ходьбы, ни семени. Да не будет для вас места ни на одной планете. Да не смогут ваши души восстать из бездны, да не смогут они жить на земле. Никогда не сможете вы оседлать Шаи-

Хулуда, но погибнете вы в мерзости, растерзают вас и разметают по лицу земли и никогда дух ваш не войдет в свет славы и ныне и присно и вовеки веков». Такое вот проклятие, моя госпожа. Могли ли вы ожидать такой ненависти от фременов? Они причисляют всех Атрейдесов к проклятым от левой руки Женщины-Солнца, которая полна всесожигающего пламени.

Джессика содрогнулась. Айдахо воспроизвел проклятие с теми же интонациями, с которыми он их слышал. В этом не могло быть сомнений. Зачем он показывает это Дому Коррино? Она живо представила себе разъяренного фримена, страшного в своем гневе, который стоит перед людьми своего племени и произносит перед ними древнее проклятие. Зачем Айдахо надо, чтобы это слышал Фарад'н?

— Это очень сильный аргумент в пользу женитьбы Фарад'на на Ганиме, — сказала Джессика.

— Вы всегда смотрели на проблемы однобоко, — произнес Айдахо. — Ганима — фременка. Она может выйти замуж только за такого человека, который не платит *фай*, то есть налога на защиту. Дом Коррино потерял все свои владения в ОСПЧТ — они достались вашему сыну и его наследникам. Фарад'н существует только с молчаливого попустительства Атрейдесов. Вы же помните, что сказал герцог, когда водрузил на Арракисе свой флаг с ястребом? «Здесь я есьм и здесь я остаюсь!» Его кости лежат на Арракисе. И Фарад'ну тоже придется жить на Арракисе, да еще вместе со своими сардаукарами.

Айдахо покачал головой, словно недоумевая, как вообще можно думать о таком мезальянсе.

— Есть старая поговорка о том, что любую проблему можно очистить, как луковицу, — произнесла Джессика ледяным тоном. *Как он смеет поучать меня таким покровительственным тоном? Если, конечно, это не представление для шпионов Фарад'на...*

— Как бы то ни было, я не могу представить себе, как фримены и сардаукары уживутся на Арракисе, — сказал Айдахо. — Это слой, который невозможно счистить.

Джессике не понравилась мысль, которую Дункан хотел внушить Фарад'ну и его советникам. Она резко запротестовала.

— Атрейдесы пока еще диктуют законы Империи!

Не хочет ли Айдахо убедить Фарад'на в том, что он может получить трон без помощи Атрейдисов?

— О, да! — язвительно воскликнул Айдахо. — Я чуть было не забыл. Законы Атрейдесов! Так, во всяком случае, переводят это словосочетание Жрецы Золотого Эликсира. Стоит мне только закрыть глаза и я слышу слова незабвенного герцога — настоящие состояния зарабатываются только насилием или угрозой его применения. Состояния валяются под ногами — так, кажется, пел об этом Гурни. Цель оправдывает средства. Я не перепутал поговорки? При этом не важно, направляется ли противнику кулак в виде легионов мятежных фременов, дисциплинированных сардаукаров или в виде законов Атрейдесов — кулак в любом случае присутствует. Так что в этом случае шелуха не желает слезать с лука, моя госпожа! Интересно только, какого кулака потребует Фарад'н?

Что он делает? — ужаснулась Джессика. Дом Коррино раскусит наш диалог и будет злорадно над ним потешаться.

— Итак, ты думаешь, что священники не разрешат Ганиме жениться на Фарад'не? — Джессика запустила пробный шар, чтобы понять, в какое русло направляет их беседу Дункан.

— Конечно! Боже упаси! Священники сделают все, что им прикажет Алия своим декретом. Скорее она сама выйдет замуж за Фарад'на!

Не этого ли он в действительности хочет?

— Нет, моя госпожа, — сказал Айдахо. — Дело вовсе не в этом. Народ Империи не способен отличить правительство Атрейдесов от правительства Зверя Раббана. В арракинских застенках каждый день умирают люди. Я покинул Арракис, потому что не могу больше своим мечом служить Атрейдесам ни одного часа! Неужели вы не понимаете, почему я прибыл сюда, о чем я вообще говорю? Неужели не понимаете, почему я пришел к вам, ближайшей представительнице Атрейдесов? Империя Атрейдесов предала герцога и его сына. Я любил вашу дочь, но наши пути разошлись. Если дело дойдет до этого, то я посоветую Фарад'ну принять руку Ганимы — или Алие, — но только на его условиях.

Ах, вот оно что! Он обставляет свой уход со службы Атрейдесам на почетных для себя условиях! Но как понять другие вещи, о которых он говорил и которые могут сослужить ей неплохую службу, сделав за нее кое-какую работу? Она нахмурилась и посмотрела на Айдахо.

— Ты что, не понимаешь, что шпионы записывают каждое наше слово?

— Шпионы? — он широко улыбнулся. — Конечно, они подслушивают нас так же, как и я подслушивал бы на их месте. Вы так и не поняли, что моя верность стала несколько иной за последние несколько лет? В Пустыне, особенно ночью, когда отовсюду грозит опасность, в голову лезут разные тяжелые мысли.

— Именно там ты слышал то самое проклятие?

— Да, это было в племени аль-Куруба. По заданию Проповедника я присоединился к ним, моя госпожа. Мы называли себя Зарр Садус, то есть теми, кто отказался подчиниться священникам. Я здесь для того, чтобы сделать Атрейдесам формальное заявление: я ухожу от вас на территорию противника.

Джессика внимательно разглядывала Айдахо, стремясь найти в его словах какой-то скрытый смысл или намек, но тщетно. Неужели он и вправду переметнулся к Фарад'ну? Она вспомнила максиму Общины Сестер: *В делах человеческих не бывает длительного постоянства; все эти дела развиваются по спирали, все дальше и дальше удаляясь от центра.* Если Айдахо действительно решил оставить знамена Атрейдесов, то его поведение вполне объяснимо. Он ходил вокруг да около, но отметать возможность предательства полностью нельзя.

Но зачем он подчеркнул, что выполнял задание Проповедника?

Мысли Джессики метались, и, обдумывая альтернативы, она решила, что ей надо было убить Айдахо. План, на который были возложены слишком большие надежды, был столь деликатен, что его нельзя было доверять каким бы то ни было случайностям. Никаким. Она осмотрела комнату и переместилась в позицию, удобную для нанесения смертельного удара.

— Я всегда считала, что нормализующий эффект *faufreluche* был столпом нашего могущества, — сказала она.

Пусть помучается, затем она сменила тему разговора. — Совет Земель Великих Домов, региональные Советы заседателей, все они заслуживают нашего...

— Вам не удастся меня отвлечь.

Айдахо подивился тому, насколько прозрачными стали ее действия. Неужели она так расслабилась в заточении, или ему удалось-таки пробить стену ее Бене-Гессеритской неуязвимости? Видимо, верно последнее, но что-то произошло и с ней самой — она постарела. Айдахо стало грустно от того, что он понял, чем старые фримены отличаются от новых — это было очень малое различие, но оно было. Уход в небытие Пустыни было уходом чего-то очень дорогого; он не мог бы описать эти чувства точно так же, как не мог он описать того, что произошло с госпожой Джессикой.

Она уставилась на Айдахо, не в силах скрыть ни своего изумления, ни своей реакции. Как легко он читает ее мысли!

— Вы не убьете меня, — сказал он. Дункан использовал для этого старинное фрименское предупреждение: «Не бросайте свою кровь на мой нож». *Я стал почти прирожденным фрименом,* подумал он при этом. Прихотлива линия судьбы, заставившей его глубоко воспринять обычаи планеты, приютившей его на вторую жизнь.

— Я думаю, что тебе лучше уйти, — сказала она.

— Я не уйду до тех пор, пока вы не примете мое прошение об отставке со службы Атрейдесам.

— Я его приняла! — выкрикнула Джессика. Только после того как слова были сказаны, она поняла сколь многое было построено в этой перепалке на чистых рефлексах. Нужно время, чтобы осмыслить и взвесить все происшедшее. Как мог Айдахо понять, что она собирается делать? Она не верила, что он может с помощью Пряности пронзать Время.

Айдахо пятился от Джессики до тех пор, пока не уперся спиной в дверь. Он поклонился.

— Я еще раз, в последний раз назову вас моей госпожой. Я посоветую Фарад'ну выслать вас на Валлах, аккуратно и быстро, в первый же подходящий момент. Вы слишком опасная игрушка, чтобы держать вас рядом. Хотя я не думаю, что он относится к вам, как к игрушке. Вы работаете для Общины Сестер, а не для Атрейде-

сов. Я сомневаюсь, что вы вообще когда-нибудь служили интересам Атрейдесов. Вы — ведьмы — проникаете в слишком темные глубины, чтобы вам мог доверять простой смертный.

— Гхола, считающий себя простым смертным, — язвительно отозвалась Джессика.

— По сравнению с вами, — сказал он.

— Уходи! — приказала Джессика.

— Я только этого и хочу. — Он выскользнул из двери, пройдя мимо служанки, бросившей на него любопытствующий взгляд. Она, очевидно, подслушала их разговор.

Сделано, подумал он. *Этот разговор можно прочитать только одним способом.*

Только математика может дать доступное представление о способности Муад'Диба точно предвидеть будущее. Во-первых, постулируем наличие в пространстве любого количества точек, имеющих координаты. (Это классическая n-*мерная* развернутая совокупность n-*измерений). В такой сетевой структуре* Время, *и это является общепринятым, становится совокупностью одномерных свойств. Приложив это к феномену Муад'Диба, мы либо сталкиваемся с новыми свойствами Времени, либо (сокращая их количество посредством исчисления бесконечно малых) с отдельными системами, проявляющими в совокупности свойства* n-*мерного тела. Для случая Муад'Диба мы выберем последнее. Как было показано, точки, имеющие координаты в* n-*мерном пространстве, способны существовать только в различных сетевых структурах Времени. Таким образом, различные измерения Времени могут сосуществовать друг с другом. Таким образом, существует только одно объяснение: Муад'Диб понимал* n-*мерность не как развернутую совокупность, но как некоторые операции внутри единой сетевой структуры. В действительности он просто заморозил свою вселенную в некой сети, и это был его взгляд на* Время.

(Палимбаша, Лекции, читанные в сиетче Табр)

Лето лежал на гребне дюны, рассматривая лежавший за полосой песка извилистый отрог скалы. В утреннем свете этот отрог казался огромным червем, плоским и устрашающим. Вокруг не было видно никакого движения. В небе

ни одной птицы, между скал не снуют звери. Почти в самой середины «спины» червя были видны щели ветроуловителя — там должна быть вода. Весь отрог напоминал по конфигурации сиетч с его системой защиты — единственным отличием было отсутствие в этом сиетче каких-либо признаков жизни. Зарывшись в песок, Лето спокойно и неторопливо наблюдал.

В голове неотвязно и монотонно звучала одна из мелодий Гурни Халлека:

Крадутся чуть слышно лисы под холмом,
И солнце светит над прудом,
Где спит моя любовь.
А под холмом растет трава,
Любовь не встанет никогда,
Она лежит в могиле,
В могиле под холмом.

Где же вход в этот заброшенный сиетч? — размышлял Лето.

Он определенно чувствовал, что это и есть Якуруту — Фондак, но что-то было не так, помимо отсутствия животных и птиц. На окраинах сознания мерцал какой-то предостерегающий огонек.

Так что лежит под холмом?

Отсутствие зверей настораживало. Это будило в Лето фрименское ощущение тревоги. *Когда речь идет о выживании в Пустыне, то самое страшное — это отсутствие, оно говорит гораздо красноречивее, чем присутствие.* Однако в скале были ветроуловители. Значит, там была и вода, и люди, которые пользуются этой водой. Это место было строжайшим табу, его прятали под названием Фондак, а первоначальное имя было утеряно даже в памяти старых фременов. Не было здесь ни птиц, ни зверей.

Здесь не было и людей, но ведь именно отсюда начинается Золотой Путь.

Отец однажды сказал: «Вокруг нас неизведанное встречается на каждом шагу. Именно в нем следует черпать знания».

Лето посмотрел направо — вдоль гребня дюны. Здесь недавно прошла страшная буря, обнажившая гипсовое дно давно высохшего озера Азрак. Суеверные фримены утверждали, что того, кто увидит белую землю — Биян, ох-

ватит обоюдоострое желание, желание, которое уничтожит несчастного. Лето же видел в этом гипсе только дно бывшего озера. Значит, на Арракисе существовали когда-то открытые водоемы.

И будут существовать снова.

Он посмотрел вверх, оглядел горизонт и небосвод, надеясь хотя бы там найти признаки малейшего движения. Небо после бури было затянуто пеленой пыли, в которой местами виднелись просветы — словно прорехи в одеяле. Сквозь эти прорехи светило высокое серебристое солнце, лучи которого превращали пыль в молочный туман.

Лето снова начал осматривать извилистую скалу. Он достал из фримпакета бинокль, подкрутил окуляры и пристально вгляделся в сплошную серость отрога, в котором когда-то жили люди Якуруту. Мощные линзы приблизили колючий кустарник, который в народе называли Королевой Ночи. Кустарник был особенно густым в затененных расселинах, в которых мог скрываться вход в сиетч. Лето осмотрел отрог на всем протяжении. Серебристое солнце превращало красные краски в серые, придавая длинной скале скучный вид. Лето повернулся на другой бок, спиной к скале, и внимательно осмотрел в бинокль горизонт. Нигде не было видно никаких следов человека. Ветер уничтожил даже его собственные следы — было видно только круглое углубление в том месте, где Лето спрыгнул с червя.

Он снова посмотрел на Якуруту. Кроме того, что в скале были ветроуловители, не было никаких следов того, что здесь в обозримом отрезке времени бывали люди. Если бы не скала, то глазу было бы не за что зацепиться в этом выбеленном солнечным зноем песке. Пустыня от горизонта до горизонта.

Лето внезапно почувствовал, что оказался здесь только потому, что отказался ограничить себя рамками системы, завещанной ему предками. Он подумал о том, как смотрели на него люди, чувствовал при этом, что все они, за исключением Ганимы, впадают в одну и ту же ошибку.

Исключительно по воле той массы чужой памяти этот ребенок никогда не был ребенком.

Я один должен взять на себя ответственность за наше решение, подумал он.

Он еще раз внимательно осмотрел скалу по всей длине. По всем описаниям это мог быть только Фондак, только Якуруту. Он ощутил странное чувство едва ли не родственной близости к табу этого места. По способу Бене Гессерит он открыл свое сознание Якуруту, страстно желая ничего не знать об этом месте. *Знание* — это барьер, препятствующий научению. Несколько мгновений он старался попасть в резонанс чувству, ничего не требуя и не задавая вопросов.

Проблема заключалась в отсутствии животных, это была частность, но она насторожила Лето. Потом он понял: не было видно птиц, питающихся падалью, — ни орлов, ни грифов, ни ястребов. Каждое место в Пустыне, где есть вода, имеет свою животную пищевую цепь. В конце этой цепи всегда присутствуют санитары — охотники за падалью. Ни одно животное не поинтересовалось его персоной. Как хорошо Лето знал этих «ищеек сиетча» — птиц, гнездящихся в расщелинах скал, примитивных любителей мертвой плоти. Фримены называют этих птиц «наши соперники», причем это говорится без зависти и злобы, потому что эти птицы появляются при приближении чужаков.

Что, если этот Фондак покинули даже контрабандисты?

Лето выпил немного воды из влагоуловителя.

Что, если здесь и в самом деле нет воды?

Он оценил свое положение. Он приехал сюда, загнав по дороге двух червей, оставив их здесь полумертвыми. Он находится сейчас во Внутренней Пустыне, где должны находиться контрабандисты. Если здесь существует жизнь, если она *может* существовать, то она существует только при наличии воды.

Что, если здесь все-таки нет воды? Что, если это не Фондак и не Якуруту?

Он еще раз навел бинокль на ветроуловитель. Его наружный край был изъеден песком и нуждался в ремонте, но вода там вполне могла быть. Здесь обязательно должна быть вода.

Но что, если ее все-таки нет?

Покинутый сиетч мог просто потерять воду — она могла просто-напросто испариться в любой из всевозможных катастроф. Но почему нет стервятников? Они убиты из-за воды? Но кем? Как можно было извести такую массу птиц? Ядом?

Отравленной водой.

В легендах о Якуруту нет упоминаний о цистернах с отравленной водой, но они вполне могут быть. Первоначальные стаи могли погибнуть, но потом должны были появиться новые. Почему их нет? Идуали были истреблены несколько поколений назад и никогда и нигде не было упоминаний о яде в цистернах Якуруту. Лето снова осмотрел скалу в бинокль. Как мог исчезнуть сиетч? Конечно, кого-то в нем нет. Редко все обитатели сиетча сидят дома. По Пустыне бредут караваны контрабандистов, некоторые партии направляются в города.

С негодующим вздохом Лето отложил в сторону бинокль. Спустившись на противоположную сиетчу сторону дюны, Лето вырыл углубление, прикрепил к его стенкам защитный тент, тщательно его замаскировал и удобно устроился во влажной темноте, чтобы провести в ней самые жаркие часы. По членам текла истома. Полдня Лето провел в полудреме и грезил, представляя себе все те ошибки, которые он мог совершить. В своих грезах Лето защищался от ошибок, но какая могла быть самозащита в том суде, который выбрали они с Ганимой. Неудача сожжет их души. Лето съел пряный бисквит и уснул, проснулся он только для того, чтобы попить и снова поесть, и опять уснул. Путешествие было долгим и послужило суровым испытанием для детских мышц Лето.

Вечером Лето проснулся бодрым и посвежевшим и сразу прислушался, нет ли признаков жизни в вечерней Пустыне. Он выполз из песчаного укрытия. Высоко в небе неслась пыль, но Лето сразу почувствовал, что по его щекам бьет песок, который несет ветер с противоположной стороны — такое бывает только к смене погоды. Наверняка надвигается буря.

Лето осторожно взобрался на гребень дюны и в который уж раз всмотрелся в загадочную скалу. Воздух приобрел желтый цвет. Надвигалась буря Кориолиса — буря, чрева-

тая смертью. Фронт переносимого такой бурей песка достигал четырех градусов широты. Гипсовое дно высохшего озера было теперь желтым от облаков взметенного ветром песка. Лето захватила обманчивая тишина вечера. День вдруг перешел в ночь, стремительную ночь Внутренней Пустыни. Скалы превратились в угловатые пики, высвеченные инеем света Первой Луны. Лето почувствовал, как по его щекам бьют струйки песка. До слуха мальчика донеслись раскаты, словно в отдалении кто-то бил в гигантский барабан. Внезапно в темном пространстве между луной и землей Лето заметил какое-то движение: летучие мыши. Он слышал шорох их крыльев и тонкий писк.

Летучие мыши.

Намеренно или случайно, но это место порождало ощущение покинутости. Но ведь именно здесь должна быть легендарная цитадель контрабандистов — Фондак. Но если это не Фондак? Что, если табу все еще действует и этот сиетч — всего лишь оболочка призрачного Якуруту?

Лето пробрался к подножию дюны и затаился, прислушиваясь к звукам ночи. Терпение и осторожность, осторожность и терпение. Когда-то он развлекался тем, что вместе с Чосером совершал путешествие из Лондона в Кентербери, отмечая места, начиная с Саутворка: две мили до колодца Святого Фомы, пять миль до Деатфорда, шесть миль до Гринвича, тридцать миль до Рочестера, сорок миль до Ситтингборна, сорок пять миль до Бафтона, что под Блейном, пятьдесят восемь миль до Харблдона и шестьдесят миль до Кентербери. Знание того, что мало кто из людей сможет вспомнить Чосера или Лондон, за исключением Лондона, расположенного на Гансириде, придавало Лето ощущение плавания вне времени и пространства. Святой Фома сохранился в Оранжевой Библии и в книге Азхара, но Кентербери исчез из памяти людской так же, как и планета, на которой находился некогда этот населенный пункт. Это был гнет его памяти, всех тех жизней, которые грозили поглотить и унести его. Однажды он совершил свое паломничество в Кентербери.

Нынешнее путешествие было, однако, длиннее и гораздо опаснее.

Лето перелез через гребень дюны и направился к скале, залитой лунным светом. Мальчик старался слиться с тенями и не издавать звуков, чтобы не привлекать внимания, пересекая гребни дюн.

Пыль исчезла, как это часто бывает перед бурей, и ночь стала прозрачной. Днем в Пустыне не было никаких признаков жизни, однако сейчас Лето слышал шорохи — по песку перебегали мелкие животные.

В распадке между двумя дюнами он натолкнулся на семейство тушканчиков, которые бросились в разные стороны при его приближении. Лето взобрался на следующий гребень — его начало снедать беспокойство. Та расщелина, которую он видел, — она действительно ведет к воротам сиетча? Были и другие заботы: сиетчи старых времен были окружены западнями — ямами с отравленными шипами на дне и отравленными колючками растений на дорогах. Лето вспомнил неписаную заповедь фременов: *Ночной разум питается ушами.* И он прислушивался, стараясь ловить самые неслышные звуки.

Серая скала высилась над Лето, словно сказочный исполин; он подошел к ней вплотную. Прислушавшись, он уловил звуки, которые производили охотившиеся птицы, дневные птицы. Что заставило этот мир перевернуться? Близость человека?

Внезапно Лето инстинктивно застыл, прижавшись к песку. В расселине скалы был свет. На фоне непроглядной тьмы в расселине весело плясал огонек, словно сигнализируя пришельцам о том, что сиетч обитаем. Кто же населяет это место? Лето заполз в самую густую тень под скалой, вытянул вперед руку и, ощупывая скалу в поисках расселины, которую видел днем, медленно двинулся вперед. На восьмом шаге он нащупал расселину и, достав из сумки дыхательную трубку, несколько раз ткнул ею в пространство перед собой. Двинувшись дальше, он вдруг ощутил, как гибкие прутья охватили тело, обездвижив его.

Капкан!

Лето победил желание немедленно вырваться из ловушки, при малейшем движении прутья только сильнее впивались в плоть. Он выпустил из рук трубку, согнул пальцы левой руки и попробовал дотянуться до ножа, висевшего

на поясе. Какой же он наивный — надо было бросить в расселину что-нибудь с безопасного расстояния. Он слишком увлекся огнем на вершине утеса.

При каждом движении хватка капкана становилась все более удушающей, но Лето все-таки смог дотянуться до рукоятки ножа. Осторожно он сомкнул пальцы на ней и начал вытягивать клинок из ножен.

Внезапно вспыхнувший свет ослепил и парализовал мальчика.

— Ах, какая великолепная добыча попалась к нам в силки, — раздался грубый мужской голос откуда-то позади Лето, интонация голоса показалась ему странно знакомой. Лето попытался повернуть голову, помня о том, что прутья могут задушить его, если он будет двигаться слишком вольно.

Чья-то сильная рука выхватила у него нож, заодно прихватив мелкие приспособления, которые они с Ганимой взяли с собой, чтобы выжить в Пустыне. Ничто не ускользнуло от внимания напавшего — он даже извлек из волос Лето маленькую удавку из шиги.

Мальчик все еще не видел мужчину.

Пальцы последнего что-то сделали с прутьями, и Лето смог глубоко вдохнуть, но голос предупредил:

— Не вырывайся, Лето Атрейдес. Твоя вода — в моей чаше.

Усилием воли мальчик заставил себя не двигаться.

— Тебе известно мое имя? — спросил он.

— Конечно! Кто ставит силок, рассчитывает на особую добычу, не правда ли?

Лето оставался внешне спокойным, но внутри у него все буквально бурлило.

— Думаешь, что тебя предали? — снова заговорил низкий голос. Сильные мужские руки не без некоторой нежности повернули мальчика. Взрослый мужчина объяснил ребенку, как обстоят дела и кто из них сильнее.

Лето всмотрелся в яркий свет, на фоне которого чернел силуэт защитного костюма, лицо человека было закрыто маской, голова прикрыта капюшоном. Когда глаза привыкли к темноте, Лето разглядел узкую полоску кожи лица и глаза человека, зависимого от Пряности.

— Ты хочешь спросить, зачем нам все эти хлопоты, — произнес человек глуховатым голосом. Было такое впечатление, что он старается скрыть акцент.

— Я уже давно перестал удивляться числу людей, желающих смерти близнецам Атрейдесам, — сказал Лето. — Их основания очевидны.

Произнося эти слова, Лето бился о неизвестное, словно о прутья клетки, лихорадочно стараясь найти ответ. Расставленная ловушка? Но кто мог знать, кроме Ганимы? Это невозможно! Ганима никогда не предала бы брата. Кто-то мог предсказать действия Лето, хорошо его зная, но кто? Бабушка? Но как она могла?

— Тебе нельзя позволить идти тем путем, каким ты идешь, — продолжал между тем человек. — Это очень плохой путь. Прежде чем ты взойдешь на трон, ты должен получить соответствующее образование.

Глаза без белков уставились на Лето.

— Ты хочешь спросить, кому может прийти в голову бредовая идея учить такого человека, как ты? Тебя, обладающего знаниями бесчисленного множества людей, чьей памятью ты обладаешь? Но ты увидишь, что именно поэтому-то тебя и надо учить. Ты мнишь себя образованным, но ты есть не что иное, как хранилище мертвых жизней. У тебя нет еще своей собственной жизни. Ты пляшешь на поверхности чужих, давно отошедших душ, у всех у них одна цель — искать смерти. Ты заполнил свое окружение трупами. Твой отец, например, никогда не понимал, что...

— Ты осмеливаешься так дерзко говорить о моем отце?

— Я всегда осмеливался делать это. Он был всего лишь Пауль Атрейдес. Ну что ж, мальчик, добро пожаловать в нашу школу.

Выпростав руку из-под одежды, мужчина потрепал Лето по щеке. Вслед за этим Лето ощутил легкий толчок и направился вниз по ступенькам в темноту, где развевался зеленый флаг. То было зеленое знамя Атрейдесов с символами дня и ночи на полотнище вместе с изображением водяной трубы — знака Дюны. Последнее, что услышал Лето, теряя сознание, было журчание воды. А может быть, это был чей-то издевательский смех?

Мы все еще помним золотое время до Гейзенберга, который показал людям стены, ограничивающие наши предопределенные аргументы. Жизни, обитающие во мне, находят это забавным. Знания, и это очевидно, бесполезны без цели, но цель возводит эти ограничительные стены.
(Лето Атрейдес Второй, Его Голос)

Алия хрипло отчитывала стражников в фойе храма. Их было девять в запыленной зеленой форме пригородных патрулей. Люди все еще тяжело дышали, отирая пот после большой нагрузки. Вечерело, неяркий свет лился из дверного проема позади гвардейцев. Площадь была уже давно очищена от паломников.

— Итак, мои приказы уже ничего для вас не значат? — угрожающе спросила она.

Ей было удивительно, что она даже не пытается сдержать гнев, позволяя ему свободно изливаться на головы солдат. Все тело Алие сотрясалось от неимоверного напряжения. Айдахо исчез... Госпожа Джессика тоже... никаких сообщений... одни слухи о том, что они на Салусе. Почему Айдахо не прислал донесения? Что он сделал? Узнал ли он что-нибудь о Джавиде?

На Алие был надет желтый наряд — знак траура, желтый — цвет обжигающего солнца, цвет горя в истории фременов. Через несколько минут ей предстоит возглавить последнюю, вторую погребальную процессию к Старой Пропасти, где надо установить траурный знак в честь утраченного племянника. В течение ночи работы по возведению памятника будут завершены, он будет установлен для увековечения имени того, кому было предназначено быть вождем фременов.

Священническая стража не чувствовала себя ни смущенной, ни пристыженной гневом принцессы. Они стояли напротив нее, облитые тусклым светом заходящего солнца. Сквозь тонкую ткань декоративных городских защитных костюмов легко пробивался запах их пота. Начальник стражи, высокий блондин Каза с гербом семьи Каделам, снял с лица маску, чтобы она не мешала ему говорить.

Голос его был исполнен гордыни — как-никак Каза был отпрыском династии, некогда правившей сиетчем Аббиром.

— Конечно, мы хотели его схватить!

Стражник был взбешен и раздосадован гневом Алие.

— Он богохульствует! Мы знаем приказ, но мы все слышали собственными ушами!

— Тогда почему вы его не схватили? — тихо, но угрожающе спросила Алия.

Другая стражница, невысокая молодая женщина попыталась оправдаться.

— Там была такая толпа! Клянусь вам, люди мешали нам поймать Проповедника!

— Мы организуем погоню, — пообещал Каделам. — Не всегда же будут нас преследовать неудачи.

Алия нахмурилась.

— Почему вы не хотите ничего понимать и не подчиняетесь моим приказам?

— Моя госпожа, мы...

— Что ты будешь делать, потомок Каделама, если, схватив этого человека, обнаружишь, что это мой брат?

Каза не мог не понять, что скрывалось за словами Алие. Будучи священником, он осознавал это и не хотел приносить себя в жертву.

От волнения он судорожно перевел дух, но сказал то, что думал:

— Мы должны сами его убить, чтобы он не сеял беспорядки.

Другие стражники пришли в ужас от таких слов, но продолжали стоять на своем. Они лично слышали слова Проповедника.

— Он призывает племена объединиться против вас, — сказал Каделам.

Теперь Алия знала, как справиться с этим человеком. Она заговорила спокойным, будничным тоном:

— Понятно. Если ты решил пожертвовать собой таким способом, то есть взять его открыто, не скрывая того, кто ты такой и что делаешь, то думаю, что ты должен это сделать.

— Пожертвовать моей... — он осекся и взглянул на своих товарищей. Как командир группы он имел право гово-

рить от ее имени, но на этот раз Каделам смолчал. В группе возникло неловкое замешательство. В пылу они выказали неповиновение Алие и теперь могли только гадать, чем обернется такое поведение с «Чревом Неба». Между стражниками и командиром образовалось свободное пространство.

— Для блага Церкви наша официальная реакция должна быть суровой, — сказала Алия. — Ты меня хорошо понял?

— Но он...

— Я все слышала сама, — отрезала Алия. — Но это особый случай.

— Он не может быть Муад'Дибом, моя госпожа!

Как мало ты понимаешь, подумала Алия.

— Мы не можем рисковать и арестовывать его прилюдно, — сказала она вслух. Мы не можем причинять ему вред на глазах толпы. Если, конечно, представится возможность, тогда...

— Но в последние дни он постоянно окружен толпами народа.

— Тогда, боюсь, вы должны проявить терпение. Если, конечно, вам угодно повиноваться мне... — Алия не закончила фразу, но смысл ее был и без того ясен. Этот Каделам амбициозен, его манит блестящая карьера.

— Мы не желали оказывать вам неповиновение, моя госпожа, — командир овладел собой. — Мы действовали в спешке. Простите нас, но он...

— Ничего не случилось и мне нечего прощать, — ответила Алия старинной фрименской формулой. Именно так соблюдался мир в племенах. Этот Каделам был истинным сыном Пустыни, в нем еще не погибла закваска наибов. Вина была кнутом наиба и пользоваться им надо было скупо. Фримен лучше всего служит, если он свободен от чувства вины и озлобления.

Каделам все понял, потому что тоже ответил старинной формулой:

— Во благо племени я все понял.

— Идите и приведите себя в порядок, — приказала Алия. — Процессия двинется через несколько минут.

— Слушаюсь, моя госпожа, — стражники, облегченно вздохнув, поспешили к выходу, радуясь, что на этот раз так легко отделались.

В мозгу Алие раздался рокочущий бас.

— Ловко ты это провернула. Один или двое из них все еще думают, что ты действительно жаждешь убить Проповедника. Они найдут способ это сделать.

— Заткнись, — прошипела Алия. — Заткнись! Мне не следовало тебя слушать. Посмотри, что ты наделал...

— Стань лучше на путь бессмертия, — невозмутимо промолвил бас.

Эти слова болью отозвались под сводами ее черепа. *Где мне спрятаться? Мне просто некуда деться!*

— Нож Ганимы остер, — продолжал вещать барон. — Помни об этом.

Алия зажмурила глаза. Да, ей есть о чем помнить. Нож Ганимы остер. Этот нож, пожалуй, сможет вывести их всех из того затруднительного положения, в котором они оказались.

Когда вы верите словам, вы в действительности верите в скрытые за ними аргументы. Если вы верите, что нечто является верным или неверным, истинным или ложным, то вы верите в допущения слов, выражающих аргументы. Эти допущения часто страдают противоречиями и умолчаниями, но они дороги сердцу того, кто убежден в их истинности.

(Открытое доказательство из «Оружия пророчества»)

Лето всплывал в сознание, охваченный смесью острых запахов. Он узнал тяжкую пряность меланжи, запах пота рабочих мускулистых тел, едкий дух мертвого тела, удушающий запах пыли и кремния. Запахи прокладывали путь в зыбучем песке сна, создавали форму из тумана мертвой земли. Лето понимал, что эти запахи должны ему о чем-то рассказать, но не мог сейчас слушать их говор.

Мысли, подобно духам смерти, витали в его сознании: *Сейчас у меня нет своих собственных черт; я весь состою из моих предков. Солнце, которое садится в песок, садится в*

мою душу. Когда-то многое воинство в моей душе было неизмеримо велико, но теперь этому настал конец. Я фримен и закончу свою жизнь как подобает фримену. Золотой Путь закончился, не начавшись. Этот путь есть не что иное, как колея, занесенная песком. Мы, фримены, знаем, как прятаться: мы не оставляем после себя ни кала, ни мочи, ни следов... Смотрите, как исчезает мой след.

Где-то очень близко от его уха прозвучал знакомый мужественный голос:

— Я мог убить тебя, Атрейдес. Я мог убить тебя, Атрейдес... — Эта фраза повторялась бесконечно, до полной потери смысла, став просто литанией, вплетающейся в сновидение. — Я мог убить тебя, Атрейдес.

Лето кашлянул, чтобы прочистить горло. Все его чувства были потрясены простотой того действия, которое содержалось в этом предложении.

— Кто... — прошептал Лето, превозмогая сухость в горле.

— Я — образованный фримен, — произнес голос. — Я убил мужа своего племени. Вы забрали у нас наших богов, Атрейдес. Какое нам дело до вашего вонючего Муад'-Диба? Ваш бог мертв!

Был ли это реальный голос Ураба или просто еще одна часть его сновидения? Лето открыл глаза и только теперь понял, что без всяких оков лежит на жестком ложе. Подняв взгляд, мальчик увидел грубые каменные стены, тусклые лампы и лицо, которое было так близко, что Лето ощутил запах дыхания, насыщенного запахами пищи сиетча. Лицо было чисто фрименским: нельзя было ошибиться, глядя на темную кожу, резкие черты иссушенного солнцем лица. В этом человеке не было ни унции лишнего жира избалованного городского жителя. То был фримен Пустыни.

— Меня зовут Напри, я — отец Джавида, — произнес фримен. — Теперь ты узнаешь меня, Атрейдес?

— Я знаю Джавида, — выдохнул Лето.

— Да, твоя семья хорошо знает моего сына. Я горжусь им. Скоро вы, Атрейдесы, узнаете его еще лучше.

— Что?..

— Я — один из твоих учителей, Атрейдес. При этом у меня только одна функция: я — тот, кто мог бы убить тебя.

Я бы сделал это с великой радостью. Особенность нашей школы заключается в том, что только те, кто ее успешно заканчивает, остаются в живых. Тот, кто не справляется с учением, попадает в мои руки.

В голосе говорившего Лето уловил неподдельную искренность. По спине мальчика пробежал холодок. Перед ним был гомджаббар в образе человека, враг, который испытывает его, Лето, право на участие в конкурсе жизни. В этом деянии Лето узнал руку бабки и безликий, стоявший за ее спиной Бене Гессерит. При этой мысли он содрогнулся.

— Твое образование начнется с меня, — снова заговорил Намри. — Это справедливо. Это то, что нужно. Потому что оно может мною и закончиться. Теперь слушай меня внимательно. Каждое мое слово — это твоя жизнь. Все, что связано со мной, может означать твою смерть.

Лето еще раз оглядел помещение — голые стены из скальной породы и ложе. Больше ничего, кроме выхода, черная пасть которого темнела за спиной Намри.

— Ты не сможешь пройти мимо меня, — сказал он, и Лето понял, что человек говорит правду.

— Зачем ты это делаешь? — спросил мальчик.

— Я уже дал тебе ответ на этот вопрос. Подумай, какие планы роятся в твоей голове! Но вот ты здесь и не можешь применить знание о будущем к своему нынешнему положению. Эти двое — прошлое и настоящее — никогда не встречаются. Но если ты действительно знаешь прошлое, если ты оглянешься назад и поймешь, где ты находился и кто ты был, то попробовать стоит. Если же ты ничего не поймешь, то это будет означать твою смерть.

В тоне Напри Лето не уловил злобы, но голос был тверд, в нем не было отрицания смерти как таковой.

Намри поднялся и взглянул на потолок.

— В старые времена фримены на рассвете смотрели на восток. Рассвет на одном древнем языке называется *эос*. Ты знаешь об этом?

— Я говорю на этом языке, — не скрывая горечи, с гордостью ответил Лето.

— Значит, ты меня не слушал, — произнес Намри, и в его голосе прозвучали стальные ноты. — Ночь была време-

нем хаоса. День — временем порядка. Так было во времена того языка, на котором, как ты утверждаешь, ты умеешь говорить: тьма — беспорядок, свет — порядок. Мы, фримены, изменили это. *Эос* — это свет, которому мы никогда не доверяли. Мы всегда предпочитали свету солнца свет луны и звезд. В свете слишком много порядка и это может стать губительным для человека. Теперь ты понимаешь, что сделали вы — Атрейдесы-Эос? Человек — это порождение только такого света, который защищает его. Солнце же всегда было врагом Дюны. — Напри снова посмотрел на Лето. — Какой свет предпочитаешь ты, Атрейдес?

По деланному спокойствию Намри Лето понял, что этот вопрос очень много значит. Убьет ли его этот человек, если он даст неверный ответ? Вполне возможно. Лето увидел, что рука Намри лежит на рукоятке отравленного ножа, палец был украшен кольцом с изображением магической черепахи.

Упершись на локтях, Лето приподнялся, стараясь проникнуть в суть фрименских верований. Эти старые фримены любили внимать воле Закона, которому доверяли, в форме пространных аналогий. Свет луны?

— Я предпочитаю... свет *лизану Л'хакк*, — сказал Лето, наблюдая за нюансами реакции Намри. Человек выглядел разочарованным, но при этом все же убрал руку с ножа. — Это свет истины, свет совершенного человека, в котором заметно влияние аль-Мутакаллима. Какой другой свет может предпочесть человек? — продолжил Лето.

— Ты говорил это без веры, а прочел наизусть, — сказал Намри.

Ведь я действительно прочел ответ наизусть, подумал Лето. Он почувствовал, однако, что в настроении Напри наметился перелом. Слова мальчика будут просеиваться сквозь сито древней игры в загадки. Надо было только находить правильные отгадки в примерах, переполнявших его память. *Пароль: Молчание. Отзыв: Друг гонимых.*

Намри кивнул, словно соглашаясь с такими мыслями, и произнес:

— Есть пещера — это пещера жизни фримена. Это настоящая пещера, скрытая в песках Пустыни. Шаи-Хулуд,

праотец всех фрименов, запечатал эту пещеру. Об этой пещере мне рассказывал мой дядя Зиамад, а он никогда не лгал. Такая пещера действительно существует.

В интонациях замолкшего Намри послышался вызов. *Пещера жизни?*

— Мой дядя Стилгар тоже говорил мне об этой пещере, — сказал Лето. — Она была запечатана, чтобы в ней не прятались трусы.

Глаза Намри сверкнули в свете ламп.

— Станешь ли ты, Атрейдес, открывать эту пещеру? Ты ищешь управлять жизнью с помощью слуг-министров: вашего Центрального Министерства Информации, Аукафа и хаджа. Маулана зовут Каузар. Он прошел большой путь, ведь этот человек из семьи, работавшей на соляных шахтах в Ниязи. Скажи мне, Атрейдес, чем плохи твои министры?

Лето сел. Теперь он окончательно понял, что его вовлекли в старинную игру-загадку, вел игру Намри, а ставкой в ней была смерть. Было ясно, что этот человек пустит в ход нож при первом же неверном ответе.

Намри словно прочитал его мысли.

— Верь мне, Атрейдес, я без колебаний сокрушаю дураков. Я — Железный Молот.

Вот теперь Лето действительно понял все. Намри видел себя Мирзабахом, железным молотом, которым били тех умерших, которые не могли правильно отвечать на вопросы, служившие пропуском в рай.

Чем плохо Центральное Министерство, созданное Алией и ее священниками?

Лето задумался над тем, зачем он явился в Пустыню, и к нему вернулась слабая надежда, что Золотой Путь еще появится в его мире. В вопросе Намри был только один простой смысл — узнать, какие мотивы повлекли родного сына Муад'Диба в Пустыню.

— Верный путь может указать только Бог, — ответил Лето.

Подбородок Намри резко дернулся, мужчина сурово посмотрел на мальчика.

— Действительно ли ты веришь в это?

— Только поэтому я здесь, — ответил Лето.

— Чтобы найти этот путь?

— Чтобы открыть его для себя, — продолжал Лето. Он свесил ноги с ложа. На холодном полу не было ковра. — Священники создали свое министерство, чтобы скрыть путь истины.

— Ты говоришь, как настоящий повстанец, — сказал Намри и потер перстень с черепахой. — Ну что ж, посмотрим. Слушай меня внимательно еще раз. Знаешь ли ты Защитный Вал Джелалэд-дина? На этом валу есть знаки, вырубленные там моей семьей в первые дни. Джавид, мой сын, видел эти знаки. Видел их и мой племянник, Абеди Джалал. Муджахид Шафкат, из других, тоже видел их. Я ходил в те места вместе с другом, Якупом Абадом, во время сезона бурь в Суккаре. Дули такие жаркие ветры, что нам пришлось повертеться — это был настоящий танец Пустыни. Нам не удалось увидеть знаки, бури преградили нам путь. Но когда она миновала, мы узрели видение Тхатты над взметенным песком. В тот момент мы увидели лицо Шакира Али, который взирал сверху на свой город могильных памятников. Видение исчезло в то же мгновение, но мы все видели это. Скажи мне, Атрейдес, где могу я найти этот город мертвых?

Вихри, которые научили нас танцу, подумал Лето. *Видение Тхатты и Шакир Али.* То были слова Дзенсунни Путника, одного из тех, кто считал себя единственным мужем в Пустыне.

фрименовм запрещено иметь надгробия.

— Город надгробий находится в конце пути, которым следуют все смертные, — ответил Лето и углубился в блаженные рассуждения Дзенсунни. — Он расположен на площади в тысячу шагов. К нему ведет коридор длиной двести и тридцать три шага и шириной в сто шагов, выложенный плитами драгоценного мрамора из древнего Джайпура. Там живет ар-Раззак, который дает пищу всем алчущим. И в Судный День все, кто восстанет и будет искать город надгробий, не найдут его, ибо сказано в писании: «То, что знаете в одном мире, не отыщете в другом».

— Ты опять читаешь не то, во что веришь, — насмешливо произнес Намри. — Но я принимаю тебя, потому

что думаю, что ты действительно знаешь, зачем ты здесь, — губ мужчины коснулась холодная усмешка. — Я дам тебе *условное* будущее, Атрейдес.

Лето тревожно взглянул на Намри. Не замаскированный ли это вопрос?

— Хорошо! — удовлетворенно сказал фримен. — Твой ум подготовлен. Я спрячу шипы. Но хочу сказать тебе еще одно. Ты слышал что-нибудь об имитациях защитных костюмов, которые носят в городах далекого Кадриша?

Намри ждал, а Лето лихорадочно искал в уме скрытый в вопросе смысл. *Имитация защитного костюма? Их носят на многих планетах.* Лето заговорил: «Суетные обычаи Кадриша — это старая и часто повторяющаяся история. Мудрое животное сливается со своим родным окружением».

Намри медленно кивнул.

— Скоро ты увидишь того, кто поймал тебя и привел сюда. Не пытайся выйти отсюда, это будет стоить тебе жизни. — Поднявшись, Намри вышел в темный проход.

Лето долго сидел, глядя вслед старому фримену. С противоположной стороны коридора доносились спокойные голоса стражей. Из головы мальчика не выходила история о мираже с чудесным видением, рассказанная Намри. В памяти всплыли свежие воспоминания о недавнем переходе через Пустыню. Неважно теперь, здесь ли находится Фондак — Якуруту. Намри не контрабандист. Он неизмеримо более важная и могущественная личность. Игра Намри отдавала духом бабки, от этого действа за милю несло Бене Гессерит. Во всем замысле было что-то удручающе опасное. Но единственным выходом из пещеры был проход, через который вышел Намри. За проходом — странный сиетч, а за ним бескрайняя Пустыня. Жестокая суровость этой Пустыни, ее упорядоченный хаос с миражами и бесчисленными дюнами были частью одной огромной западни, в которую он попал. Можно снова пересечь пески, но куда приведет его бегство на этот раз? Мысли Лето стали подобны стоячей воде. Такая вода не утоляет жажду.

Вследствие того, что человеческое сознание погружено в понимание Времени, как униполярной прямой, человек скло-

нен думать обо всем последовательными словесными структурами. Эта ментальная ловушка является причиной зыбких концепций и условием неожиданных, непредсказуемых действий в кризисных ситуациях.

(Лиет-Кинес, Рабочие записные книжки)

Слова и движения должны быть одновременными, напомнила себе Джессика, мысленно готовясь к назначенной встрече.

Недавно прошел завтрак, и золотистое солнце Салусы Секундус только-только коснулось дальнего угла сада, видного из окна покоев Джессики. Для этой встречи она тщательно оделась: черный плащ Преподобной Матери с капюшоном, украшенный, правда, гребнем Атрейдесов, вышитым золотом вдоль подола и по обшлагам рукавов. Повернувшись спиной к окну, Джессика так расположила детали одежды и так положила руку на пояс, что вошедшему сразу бросались в глаза ястребы, украшавшие гребень.

Фарад'н сразу заметил герб Атрейдесов на одежде Джессики и сказал ей об этом, но в его тоне не было ни гнева, ни удивления. Правда, в голосе проскользнули насмешливые нотки, и это удивило Джессику. Сам принц был одет в серое трико, которое она сама предложила ему надеть. Фарад'н сел на низкий зеленый диван, куда жестом усадила его женщина и свободно закинул руку на спинку дивана.

Почему я ей доверяю? — спросил принц сам себя. *Ведь это ведьма Бене Гессерит!*

Джессика угадала его мысль по контрасту между расслабленной позой и напряженным выражением лица. Она улыбнулась.

— Ты доверяешь мне, потому что мы заключили выгодную сделку, и потому, что ты хочешь того, чему я могу тебя научить.

Джессика увидела, как принц слегка поднял бровь, и махнула рукой, чтобы успокоить Фарад'на.

— Нет, нет, я не умею читать мысли. Я читаю лицо, тело, манеры, интонации голоса, положение рук. Это может делать каждый. Кто изучает Путь Бене Гессерит.

— И... ты будешь меня учить?

— Я уверена, что ты внимательно изучал донесения о нашей деятельности, — ответила она. — Было ли хоть одно, в котором бы сообщалось, что мы не выполняем прямых обещаний?

— Таких донесений не было, но...

— Отчасти мы выжили за счет того доверия, которое люди испытывают к нашей честности. Это положение не изменилось.

— Я нахожу это объяснение достаточным и горю желанием начать.

— Я очень удивлена, что ты никогда не просил Бене Гессерит прислать тебе учителя, — сказала Джессика. — Они не упустили бы возможность сделать тебя своим должником.

— Моя мать просто не стала бы меня слушать, если бы я попросил ее об этом, — признался принц. — Но теперь...

Он пожал плечами, красноречиво прокомментировав изгнание Венсиции.

— Так начнем?

— Это следовало бы начать, когда ты был моложе, — сказала Джессика. — Теперь учение будет для тебя более трудным и продлится дольше. Тебе придется учиться терпению, великому терпению. Я молю Бога, чтобы это не показалось тебе слишком высокой платой за обучение.

— Но награда стоит таких жертв.

В его тоне Джессика уловила искренность, подавленные ожидания и оттенок благоговейного трепета. Можно было начинать.

— Итак, искусство терпения, начнем с элементарного упражнения *прана-бинду* для ног, рук и дыхания. Кистями и пальцами мы займемся позже. Ты готов?

Она села на стул лицом к Фарад'ну.

Принц кивнул, стараясь выражением ожидания скрыть внезапно подступивший страх. Тиеканик предупреждал, что в предложении госпожи Джессики кроется какая-то хитрость, какое-то колдовство, придуманное Общиной Сестер. «Ни в коем случае не верьте, что она оставила их или они оставили ее», — сказал башар. Тогда Фарад'н грубо обо-

рвал Тиеканика, о чем сейчас очень жалел. Эмоциональная реакция быстро заставила его согласиться с осторожностью старого воина. Фарад'н окинул взором углы комнаты, отмечая тусклый блеск глазков, спрятанных в укромных местах. Это были глазки камер, фиксирующих все происходящее в комнате. Потом лучшие умы истолкуют все, что произойдет между Фарад'ном и Джессикой.

Она улыбнулась, проследив его взгляд, но не стала говорить, что знает, куда он посмотрел.

— Для того чтобы научиться терпению по способу Бене Гессерит, надо начать с того, чтобы проникнуться первородной нестабильностью нашей вселенной. Мы называем природу — имея в виду цельность всей совокупности ее проявлений — Окончательным Не-Абсолютом. Чтобы освободить свое зрение от пут и осознать эти обусловленные природой пути изменения, вытяни руки перед собой на всю их длину. Посмотри на вытянутые кисти, сначала на ладони, а потом на тыл. Хорошенько рассмотри пальцы: спереди, сзади. Сделай это.

Чувствуя себя полным глупцом, Фарад'н подчинился. Это были его руки, в этом он был совершенно уверен.

— Вообрази, что твои руки стареют, — сказала Джессика. — Они должны стать очень старыми у меня на глазах. Очень, очень старыми. Смотри, как высыхает кожа...

— Мои руки не меняются, — сказал он, чувствуя, как дрожат мышцы предплечий.

— Продолжай пристально смотреть на свои руки. Сделай их старыми, настолько старыми, насколько тебе это удастся. Это может занять некоторое время. Но когда ты увидишь, что они стали старыми, обрати процесс вспять. Постарайся менять их возраст от младенчества до старости, туда и обратно, туда и обратно.

— Но они не меняются, — запротестовал Фарад'н, чувствуя, как начинает ломить плечи.

— Если ты потребуешь этого от своих чувств, то они непременно постареют, — сказала она. — Сконцентрируй свое внимание на течении времени, того времени, которое тебе нужно: от младенчества до старости, от старости до младенчества. Это может занять у тебя часы. Дни, месяцы. Но этого можно достичь. Обращение же изменений

научит тебя видеть каждую систему, как нечто, обращающееся в относительной стабильности, но только относительной.

— Я думал, что меня обучают терпению. — Джессика уловила в его голосе раздражение; юноша был на грани фрустрации.

— Теперь что касается относительной стабильности. — Это перспектива, которую ты создаешь собственной верой, а верой можно манипулировать с помощью воображения. Ты научен только ограниченному взгляду на вселенную. Теперь же ты должен сделать вселенную своим собственным творением. Это позволит тебе взнуздать вселенную и использовать ее в своих интересах, в таких интересах, которые ты только сможешь себе вообразить.

— И сколько времени, ты говоришь, это может занять?

— Терпение, — напомнила она принцу.

Фарад'н неожиданно для себя улыбнулся. Теперь его глаза были прикованы к Джессике.

— Смотри на свои руки! — скомандовала она.

Усмешка исчезла с лица Фарад'на, словно ее и не было. Взгляд его дернулся и застыл, зафиксировавшись на вытянутых руках.

— Что я должен делать, если у меня устанут руки? — спросил он.

— Перестань болтать и концентрируй внимание, — сказала Джессика. — Если ты очень сильно устанешь, то прекрати упражнение. В этом надо быть упорным и обязательно добиться результата. В твоем нынешнем состоянии это настолько важно для тебя, что ты даже представить себе не можешь. Выучи этот урок, иначе у тебя ничего больше не получится.

Фарад'н сделал глубокий вдох, прикусил губу и уставился на свои руки. Он медленно поворачивал их — вверх, вниз, вверх, вниз, вверх... Плечи дрожали от утомления. Вперед, назад... но ничего не изменилось.

Джессика встала и направилась к единственной двери.

— Куда ты уходишь? — спросил он, не меняя напряженного выражения лица, выражавшего предельную концентрацию внимания.

— Тебе будет лучше работаться, если ты останешься один. Я вернусь приблизительно через час. Терпение.

— Я все понял.

Несколько мгновений она внимательно изучала принца. Он выглядел очень целеустремленно. Сердце вдруг защемило — Фарад'н напомнил ей утраченного сына. Она позволила себе вздохнуть.

— Когда я вернусь, то научу тебя, как снимать мышечную усталость. Дай себе время. Ты сам удивишься тому, что ты сможешь делать со своим телом и своими чувствами.

Она вышла из комнаты.

Вездесущие стражники стояли в трех шагах от нее, пока она расхаживала по холлу. Благоговение и страх были буквально написаны на лицах охранников. Они были сардаукарами, трижды предупрежденными о ее доблестях, воспитанными на историях своего поражения от фременов на Арракисе. Эта ведьма была фременской Преподобной Матерью и Бене Гессерит из рода Атрейдесов.

Джессика оглянулась, напряженные каменные лица охранников она воспринимала как столбы, как вехи своего пути. Она повернулась, спустилась по лестнице и вышла в сад под своими окнами.

Теперь все зависит от того, могут ли Гурни и Айдахо сыграть свои партии, подумала она, слыша, как шуршит гравий под ее ногами, и видя, как золотистые лучи солнца просеиваются сквозь густую листву.

Закончив следующую ступень своего ментального образования, вы научитесь интегральным коммуникационным методам. Это гештальт-функция, с помощью которой можно направлять поток данных в ваше сознание, разрешая при этом сложность и громоздкость введения, применяя технику индексирования каталогов, которой вы уже овладели. Начальная проблема будет заключаться в снятии напряжения, возникающего от увеличивающегося рассеянного собрания минимальных, но многочисленных фактов, касающихся конкретных отдельных объектов. Но предупреждаем! Без этой интеграции вы окажетесь неспособными решить проблему Бабеля, как мы обозначаем постоянную опасность сделать неверные выводы из точных исходных данных.

(Руководство ментата)

Звук шелестящей материи пробудил в Лето проблески сознания. Он был удивлен, что довел свою восприимчивость до такой степени, что мог идентифицировать ткань по этому шелесту. Было ясно, что фрименская одежда трется о занавеску. Лето обернулся на звук. Он исходил от перехода, в который вышел Намри несколько минут назад. Как только Лето повернулся, в пещеру вошел захвативший его человек. Это был несомненно тот же самый человек. Та же темная полоска кожи над маской защитного костюма, те же самые сухие глаза. Человек поднял руку, вытащил из ноздрей влагоуловитель, снял маску и в ту же секунду откинул с головы капюшон. Не успев даже толком рассмотреть шрам на нижней челюсти, Лето мгновенно узнал этого человека. Узнавание было цельным в своей осознанности, восприятие мелких деталей пришло позже. Никакой ошибки быть не могло, этот перекати-поле в человеческом облике, этот воин-трубадур, был не кто иной, как Гурни Халлек!

Лето изо всех сил сжал кулаки, пораженный до глубины души этим узнаванием. Ни один телохранитель Атрейдесов не отличался такой верностью, как Гурни. Никто не сражался лучше, защищая их. Это было доверенное лицо Пауля, его учитель.

Он был слугой госпожи Джессики.

Мало этого, он стал теперь его, Лето, тюремщиком. Гурни и Намри оба состояли в этом заговоре. В нем чувствовалась рука Джессики.

— Насколько я понимаю, ты уже познакомился с нашим Намри, — сказал Халлек. — Умоляю, верь ему, молодой господин. Он исполняет одну и только одну функцию. Только он один способен убить тебя, если в этом возникнет нужда.

Лето ответил, автоматически заговорив тоном отца:

— Так ты присоединился к моим врагам, Гурни! Я никогда не думал...

— Не пробуй на мне свои дьявольские штучки, парень, — ответил Халлек. — Я к ним не чувствителен. Я всего лишь исполняю приказы твоей бабки. Твое образование было спланировано до мельчайших деталей. Именно она одобрила мой выбор Намри. Все, что будет сделано потом,

как бы болезненно это ни было, будет делаться по ее команде.

— И в чем же заключается ее команда?

Халлек поднял руку с зажатым в ней примитивным, но надежным фрименским инъектором. Цилиндр шприца был наполнен голубой жидкостью.

Лето вспрыгнул на ложе и уперся спиной в грубую стену. В это мгновение вошел Намри, встал рядом с Халлеком и положил руку на нож. Вдвоем они блокировали единственный выход из пещеры.

— Я вижу, что ты узнал эссенцию Пряности, — промолвил Халлек. — Тебе придется отправиться в *путешествие с червем*, парень. Ты должен пройти через это. В противном случае, то, на что отважился твой отец и не отважишься ты, будет висеть над тобой всю оставшуюся жизнь.

Не говоря ни слова, Лето отрицательно покачал головой. Они с Ганимой знали, что эта эссенция может оказаться сильнее их. Гурни просто невежественный глупец! Как могла Джессика... Лето ощутил присутствие отца в своей памяти. Он вторгся в сознание сына, стараясь разрушить его защиту. Лето хотелось рычать от ярости, но губы не повиновались. Этого онемения больше всего на свете боялось его предрожденное сознание. То был транс предзнания, прочтение неизменного будущего, со всеми его ужасами и неизбежностью. Джессика не могла обречь родного внука на такую пытку. Но ее присутствие в сознании было несомненным, это наполняло его аргументами «за». Литания против страха давила его своей монотонностью. «Я не должен бояться. Страх убивает рассудок. Страх — это маленькая смерть, которая приводит к полному отупению. Я встречу свой страх. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет...»

С проклятиями, которые были стары как мир, когда Халдея была еще совсем юной, Лето попытался броситься на двух мужчин, склонившихся над ним, но мускулы отказались служить ему. Словно уже пребывая в трансе, Лето видел, как рука Халлека с шприцем приблизилась к нему. От стенок цилиндра с голубоватой жидкостью отразился

свет лампы. Игла коснулась руки Лето. Боль пронзила руку и отдалась в голове.

Внезапно Лето увидел молодую женщину, сидевшую у входа в жалкую, грубую хижину. Женщина жарила кофейные зерна, которые становились розовато-коричневыми, добавляя к ним корицу и меланжу. За спиной мальчика раздались жалобные звуки старинной трехструнной скрипки. Музыка отдавалась эхом бесконечно, пока наконец не вошла в его голову, продолжая отдаваться эхом под сводами черепа. Тело начало раздуваться, становясь непомерно большим, очень большим и совсем не детским. Кожа стала чужой, она больше не принадлежала Лето. Он очень хорошо знал это ощущение. Это была не его кожа! По всему телу разлилось тепло. Столь же внезапно Лето увидел, что стоит в полной темноте. Была ночь. Из блистающего космоса, подобно дождю, падали гроздья янтарных звезд.

Часть его сознания понимала, что выхода нет, но он продолжал сопротивляться до тех пор, пока отец не сказал ему: «Я защищу тебя во время транса. Другие души не возьмут власть над тобой».

Ветер свалил Лето с ног, перевернул его, свистя и пронося над ним тучи песка и пыли. Песок резал руки, лицо, срывал одежду, трепал концы разорванной, бесполезной уже ткани. Но боли мальчик не чувствовал, видя, как раны зарастают столь же быстро, как и появляются. Но ветер продолжал катить его по земле. И кожа перестала быть его.

Это все-таки случится, подумал он.

Мысль пришла откуда-то издалека, словно это была не его мысль; она не принадлежала ему точно так же, как кожа.

Видение поглотило его. Видение являло собой стереоскопическую память, разделявшую прошлое и настоящее, будущее и настоящее, прошлое и будущее. Каждое разделение смешивалось с другими в тройном фокусе, что воспринималось Лето в виде трехмерной карты его будущего существования.

Он думал: *Время есть мера пространства, так же как поисковый прибор есть мера пространства, однако сам процесс измерения запирает нас в месте, которое мы измеряем.*

Он чувствовал, что транс становится глубже. Это происходило, как умножение внутреннего сознания, пропитанного сознанием своей идентичности, посредством которой он ощущал изменения, происходящие в нем. То было живое Время, и он не мог остановить или прервать его течение ни на одно мгновение. Лето затопили фрагменты памяти, будущее и настоящее. Однако все эти фрагменты существовали словно монтаж движущихся изображений. Отношения между ними напоминали непрестанный танец. Память стала линзой, ярким рыскающим в непрестанных поисках светом, который выхватывал из тьмы фрагменты, отделял их друг от друга, но не был в состоянии остановить хоть на миг бесконечное движение и изменения, которые, сменяя друг друга, появлялись перед его внутренним взором.

Вот в луче этого света появились их с Ганимой планы. Он видел их очень ясно, но теперь они ужаснули его. Видение было настолько правдивым, что Лето испытал боль. Некритично воспринимаемая неизбежность заставило его *ego* съежиться от страха.

И его кожа тоже больше не принадлежала ему! Прошлое и настоящее прорывались сквозь него, ломая барьеры ужаса. Он не мог более отделить прошлое от настоящего. В один из моментов он почувствовал, что идет во главе бутлерианского джихада, полный стремления уничтожить любую машину, которая осмелится имитировать человеческое сознание. Должно быть, это было прошлое — все, что он видел, было задумано, сделано и исполнено. Но сознание Лето вновь переживало трагедию в мельчайших деталях. Вот он слышит, как с трибуны вещает заместитель министра: *«Мы должны уничтожить машины, способные думать. Люди должны следовать по своему пути самостоятельно. Машина не может сделать это за человека. Обоснование зависит от программы, а не от железа, в котором эта программа воплощена. Мы, люди, и есть самая совершенная и окончательная программа».*

Он слышит голос совершенно ясно и даже представляет, в какой обстановке все это происходит, — в огромном деревянном зале с занавешенными окнами. Помещение освещено колеблющимся пламенем. Заместитель министра

продолжает говорить: «Наш джихад — это «опрокидывающая программа». Мы опрокинем вещи, которые уничтожают нас как людей».

Лето помнил, что говоривший был когда-то слугой компьютеров, он знал их и служил им. Сцена погасала, и вот Лето видит Ганиму, которая стоит перед ним и говорит: *«Гурни знает. Он говорил мне. Они действуют по слову Дункана, а Дункан говорил как ментат. «Делая добро — избегайте огласки, а делая дурное — избегайте самоосознания».*

Должно быть, это было будущее, далекое будущее, но воспринималось оно как несомненная реальность. Будущее было таким же насыщенным, как и прошлое из его бесчисленных памятей. Он прошептал: «Это правда, отец?»

Но образ отца ответил лишь предостережением: *«Не призывай на свою голову катастрофу! Сейчас ты обучаешься стробоскопическому сознанию. Без него ты можешь убежать от самого себя и потерять свое место во времени».*

Но воображаемый барельеф продолжал двигаться перед глазами Лето. В мозг стучались непрошеные пришельцы. Прошлое-настоящее-теперь. Все вместе, без всякого видимого разделения. Он понимал, что надо плыть по течению, но само такое плавание ужасало его до глубины души. Как он сможет вернуться хотя бы в одно знакомое место? Однако Лето и сам чувствовал, что вынужден прекратить всякие попытки сопротивляться. Он не мог воспринимать вселенную, как совокупность неподвижных, маркированных объектов. Ни один объект не был неподвижным. Никакие вещи не могли быть четко раз и навсегда упорядочены и сформулированы. Надо было найти ритм изменений, и между изменениями отыскать саму суть изменчивости. Не зная, где и с чего все это начинается, он двигался в гигантском *moment bienheureux**, способный видеть прошлое в будущем, настоящее в прошлом, а теперь как в прошлом, так и в будущем. Это был опыт, накопленный за столетия, прошедшие между двумя ударами сердца.

Сознание Лето свободно блуждало, лишенное компенсирующих барьеров и психологической защиты. «Условное будущее» Намри тоже присутствовало, но сосуществ-

* движение наудачу *(фр.)*. — *Примеч. пер.*

вало с другими вариантами будущности. В этом устрашающем потоке сознания все его прошлое, все бывшие в нем прошлые жизни стали его неотъемлемой собственностью. С помощью памяти о самых великих из них Лето сумел удержать власть над своей душой. Все прошлые жизни принадлежали ему и только ему.

Он думал: *Когда изучаешь предмет издали, то бывают видны только основные принципы его организации.* Он овладел этим расстоянием и сейчас ясно видел множественное прошлое и память о нем со всеми его тяготами, радостью и необходимостью. Но *путешествие с червем* добавило жизни еще одно измерение, и отец больше не стоял на страже его души, потому что в этом не было более нужды. На расстоянии Лето ясно видел как прошлое, так и настоящее. Прошлое представлялось ему сейчас в виде единственного предка Гарума, без которого не могло существовать отдаленное будущее. Это прозрачное для внутреннего взора расстояние помогло понять новые принципы, новое измерение вовлеченности. Какую бы жизнь Лето сейчас ни выбрал, он мог бы прожить ее в самостоятельной сфере массового опыта. Траектории жизней были свернуты так, что ни один их носитель не смог бы проследить свою родословную. Восстав, этот массовый опыт стал поддержкой самости Лето. Мальчик мог бы сейчас почувствовать себя индивидом, нацией, обществом или даже целой цивилизацией. Именно поэтому Гурни поручили предварительно напугать принца; именно поэтому его подстерегал удар ножа Намри. Им нельзя видеть силу в душе Лето. Никто не смеет увидеть ее во всей полноте — никто, даже Ганима.

Лето открыл глаза и сел. Возле ложа, наблюдая за мальчиком, сидел один Намри.

Лето заговорил своим обычным голосом:

— Для всех людей не существует раз и навсегда заданного одного набора пределов, за которые никто не смеет заходить. Универсальное предзнание — это пустой миф. Предсказать можно только мощные местные потоки Времени. Однако в масштабах вселенной эти местные потоки могут быть столь мощными и огромными, что человеческий разум съеживается, сталкиваясь с ними.

Намри покачал головой в знак того, что он ничего не понял.

— Где Гурни? — спросил Лето.

— Он ушел, чтобы не видеть, как я убью тебя.

— Ты убьешь меня, Намри? — в голосе Лето прозвучала мольба. Он просил фримена убить его.

Намри снял руку с ножа.

— Я не буду убивать тебя, потому что ты сам просишь об этом. Если бы тебе было все равно, тогда...

— Болезнь равнодушия разрушает многое, — сказал Лето, кивнув своим мыслям. — Да... даже цивилизации умирают от этой болезни. Дело выглядит так, словно существует плата за достижение новых уровней сложности и сознания.

Он внимательно посмотрел на Намри.

— Так они велели тебе узнать, не поразило ли меня равнодушие?

Теперь Лето понял, что Намри был больше чем просто убийцей, он был рукой прихотливой судьбы.

— Да, как признак неуправляемой силы, — солгал Намри.

— Безразличной силы, — поправил его Лето, тяжко вздохнув. — В жизни моего отца не было морального величия, Намри. Он попал в ловушку, которую расставил для себя сам.

О Пауль, ты — Муад'Диб,
Махди всех людей,
Твое мощное дыхание
Подобно урагану.

(Песнь Муад'Диба)

— Никогда! — крикнула Ганима. — Да я убью его в первую брачную ночь!

Она говорила это, ощетинившись упрямством, нечувствительным к самым ласковым уговорам. Алия и ее советники провели в этих уговорах половину ночи; в королевских покоях царило смятение, вызывались все новые советники, а повара не успевали готовить пищу и питье. Храм и Убежище пребывали в полной растерянности — власти никак не удавалось принять решение.

Ганима, сжавшись в комок, сидела в кресле в своих личных покоях — большой комнате с коричневыми стенами, имитирующими стены пещеры сиетча. Потолок, однако, был сделан из хрусталя, сияющего голубым светом, а пол выложен черной плиткой. Обстановка была весьма скромной — небольшой письменный стол, пять кресел и узкое ложе, спрятанное по фрименскому обычаю в алькове. На Ганиме было надето желтое траурное платье.

— Ты не свободна в выборе решений, касающихся твоей жизни, — повторяла Алия, вероятно, уже в сотый раз. *Должна же эта дурочка наконец понять прописную истину! Она должна согласиться на помолвку с Фарад'ном. Должна! Пусть она убьет его потом, но сейчас это обручение должно быть признано фрименами.*

— Он убил моего брата, — сказала Ганима, держась за этот аргумент, как за последнюю спасительную соломинку. — Это известно всем. Фримены будут плеваться при одном упоминании моего имени, если я соглашусь на эту помолвку.

И это еще один аргумент в пользу такого обручения, подумала Алия.

— Это сделала мать принца, и за это он отправил ее в изгнание. Что ты еще от него хочешь?

— Я хочу его крови, — отрезала Ганима. — Он — Коррино.

— Он устранил от власти свою мать, — запротестовала Алия. — Да и какое тебе дело до фрименской черни. Они примут то, что мы захотим. Гани, спокойствие Империи требует, чтобы...

— Я не соглашусь, — сказала Ганима. — Вы не можете объявить о помолвке без моего согласия.

В этот момент в комнату вошла Ирулан и вопросительно взглянула на Алию и двух советниц, почтительно стоявших за ее спиной. Заметив, что Алия возмущенно вскинула вверх руки, Ирулан уселась в кресло лицом к Ганиме.

— Поговори ты с ней, Ирулан, — взмолилась Алия.

Ирулан придвинула свое кресло к креслу Алие.

— Ты — Коррино, Ирулан, — заговорила Ганима. — Не испытывай на мне свою судьбу.

Девочка встала, направилась к своему ложу и села на него, скрестив ноги и глядя горящими глазами на обеих женщин. Ирулан, как и Алия, была одета в черную абу.

Капюшон был откинут, открывая золотистые волосы принцессы Коррино. В желтом свете ламп волосы казались траурной накидкой.

Взглянув на Алию, Ирулан встала и подошла вплотную к Ганиме.

— Гани, я сама убила бы его, если бы можно было таким способом решить все проблемы. Как ты милостиво заметила, в жилах Фарад'на течет та же кровь, что и в моих. Но у тебя есть долг, который превыше твоего долга перед фрименами...

— Все это звучит в твоих устах ничуть не лучше, чем в устах моей дражайшей тетушки, — сказала Ганима. — Кровь брата невозможно смыть. Это не просто расхожий фрименский афоризм.

Ирулан плотно сжала губы.

— Фарад'н держит в плену твою бабушку. Он захватил и Дункана, и если мы...

— Меня не удовлетворяют рассказанные вами истории о том, как все это произошло. — Девочка, глядя мимо Ирулан, вперила свой взор в Алию. — Однажды Дункан предпочел умереть, нежели дать врагам убить моего отца. Может быть, теперь его новая плоть гхола сделала свое дело и это уже совсем другой человек...

— Дункан был запрограммирован защищать жизнь твоей бабки! — воскликнула Алия, крутанувшись в кресле. — Мне кажется, что он выбрал для этого единственно правильный путь.

Дункан, Дункан! Кто мог предположить, что ты поступишь именно так? — подумала Алия.

Ганима, почувствовав новый подвох в голосе Алие, внимательно посмотрела на тетку.

— Ты лжешь, о, Чрево Небес. Я же слышала о целом сражении между тобой и бабушкой. Отчего ты так боишься рассказать нам о ней и твоем распрекрасном Дункане?

— Ты же все слышала, — небрежно ответила Алия, но почувствовала при этом укол страха перед таким прямым обвинением. Усталость сделала ее слишком беспечной. Она поднялась. — Ты знаешь все, что знаю я.

— Поработай с ней. Ее надо заставить... — обратилась Алия к Ирулан.

Ганима перебила Алию грубым фрименским ругательством, столь неуместным для незрелых уст девочки.

— Вы думаете, что я обычный ребенок, что, поскольку вы старше меня, то имеете право работать со мной, и я готова это принять. Но подумайте еще раз, о, Небесный Регент. Ты лучше кого бы то ни было знаешь о тех годах многих жизней, которые живут во мне. Я буду внимать им, а не тебе.

Алия с трудом смогла сдержать гневный выпад и тяжелым взглядом уставилась на Ганиму. *Мерзость?* Кто этот ребенок? Алия вновь ощутила страх перед Ганимой. Неужели девочка тоже заключила соглашение со своими внутренними жизнями, которые были предрождены вместе с ней самой?

— Настало время тебе самой увидеть основания правильного решения, — сказала Алия племяннице.

— Лучше, наверное, сказать, что настало время увидеть, как хлынет кровь Фарад'на, пораженного моим ножом, — сказала Ганима. — Помните об этом. Если мы с ним останемся наедине, то один из нас наверняка умрет.

— Ты думаешь, что любила брата больше, чем я? — спросила Ирулан. — Ты играешь в идиотскую игру! Я была ему матерью, так же, как и тебе. Я...

— Ты никогда не знала его, — отрезала Ганима. — Все вы, за исключением моей некогда *возлюбленной тетушки*, продолжаете считать нас детьми. Вы глупцы! Алия знает об этом! Посмотри, как она убегает от...

— Я ни от чего не убегаю, — заговорила Алия, но, отвернувшись от Ганимы и Ирулан, стала с преувеличенным вниманием разглядывать двух амазонок, которые делали вид, что ничего не слышат и не видят. Эти женщины наверняка приняли сторону Ганимы, убежденные ее аргументами. Видимо, они даже сочувствовали бедной девочке! Разозлившись, Алия выслала их вон из комнаты. На лицах обеих было написано неимоверное облегчение, когда они покидали покои Ганимы.

— Ты убегаешь, — продолжала настаивать на своем Ганима.

— Я избрала тот образ жизни, который меня устраивает, — сказала Алия, глядя на сидевшую, скрестив ноги,

племянницу. Неужели возможно, что Ганима решилась на страшный внутренний компромисс? Алия попыталась прочесть это по лицу девочки, но оно оставалось непроницаемым. *Может быть, она сумела увидеть это во мне? Но как она смогла?* — подумала Алия.

— Ты испугалась, что станешь окном для множества, — обвиняющим тоном заговорила Ганима. — Но мы обе предрождены и знаем, в чем тут дело. Ты все равно будешь их окном — неважно, осознанно или нет. Ты не сможешь игнорировать их.

Да, я знаю, что ты— воплощение Мерзости. Возможно, что и я пойду твоим путем, но пока я жалею и презираю тебя, подумала Ганима.

Между племянницей и теткой повисло тяжелое, почти осязаемое молчание. Это молчание встревожило способную выученицу Бене Гессерит Ирулан.

— Что это вы вдруг обе так притихли? — спросила она.

— Мне только что пришла в голову мысль, которая требует обдумывания, — ответила Алия.

— Обдумывай эту мысль в свое удовольствие, дорогая тетушка, — издевательски произнесла Ганима.

Алия подавила гнев, смешанный с усталостью, и заговорила в ответ:

— Пожалуй, хватит! Пусть она подумает сама. Может быть, в одиночестве она придет наконец в чувство.

Ирулан поднялась.

— Скоро рассвет, Гани. Перед тем как мы уйдем, не хочешь ли ты послушать последнее послание Фарад'на? Он...

— Не хочу, — ответила Ганима. — И перестаньте называть меня этим дурацким уменьшительным именем. Гани! Это поддерживает в вас ошибочное мнение, что я просто дитя, которое можно...

— Почему ты и Алия так внезапно притихли несколько минут назад? — Ирулан вернулась к прежнему вопросу, играя модуляциями Голоса.

Откинув голову, Ганима от души расхохоталась.

— Ирулан, ты хочешь испытать на мне Голос?

— Что? — озадаченно спросила Ирулан.

— Ты бы лучше поучила свою бабушку сосать яйца, — выпалила Ганима.

— Лучше бы я — что?

— Один тот факт, что я знаю выражение, о котором ты никогда не слыхала, должен заставить тебя остановиться, — ответила Ганима. — Это старинное выражение презрения, которое употребляли в Бене Гессерит, когда он только начинался. Но даже если и это не пристыдило тебя, то могу спросить, о чем думали твои августейшие родители, когда называли тебя Ирулан? Им следовало назвать тебя Руиналь!

Несмотря на всю подготовку, лицо Ирулан вспыхнуло.

— Ты хочешь разозлить меня, Ганима!

— А ты пытаешься подействовать на меня Голосом. На меня! Меня, которая помнит первые попытки, предпринятые человеком в этом направлении. Я помню это, Разрушительница Ирулан! А теперь убирайтесь отсюда, обе!

Однако в этот момент Алию заинтриговала одна идея, которая как рукой сняла усталость.

— Возможно, мое новое предложение изменит твое отношение к делу, Гани.

— Опять Гани! — хрупкий смешок сорвался с уст Ганимы. — Ну подумайте сами: если я бы я жаждала убить Фарад'на, то с удовольствием приняла бы участие в ваших матримониальных планах. Полагаю, что вы об этом думали. Берегитесь *Гани*, которая легко с вами соглашается. Видите, я предельно честна с вами.

— Именно на это я и надеялась, — сказала Алия. — Если ты...

— Кровь брата не может быть смыта, — сказала Ганима. — Я не могу стать предательницей в глазах любимых мною фременов. *Никогда не прощать и никогда не забывать.* Разве это не наш катехизис? Я предупреждаю вас здесь и заявляю это публично: я никогда не дам согласия на обручение с Фарад'ном. Кто, зная меня, поверит в возможность такой помолвки? Да Фарад'н сам в нее не верит. Любой фримен, услышав эту новость, посмеется в рукав и скажет: «Смотрите-ка! Она решила заманить его в ловушку». Если вы...

— Это я понимаю, — сказала Алия и повернулась к потрясенной Ирулан, которая уже поняла, куда клонит Ганима.

— Именно так я и заманила бы его в ловушку, — сказала Ганима. — Если вы хотите именно этого, то я согла-

шусь, но он вряд ли попадется на этот крючок. Если же это обручение — фальшивая монета, которой вы хотите выкупить у Коррино бабушку и вашего драгоценного Дункана, то я не стану возражать. Но это касается того, о чем думаете вы. Фарад'н мой. Его я убью.

Ирулан резко повернулась к Алие.

— Алия! Если мы собираемся следовать этому... — она осеклась, увидев лицо Алие. Та, улыбаясь, представляла себе, какой переполох поднимется среди Великих Домов, как разрушится вера в честь Атрейдесов, как будет утрачена религия, как рухнет с таким трудом выстроенное здание Империи.

— Все это будет повернуто против нас, — запротестовала Ирулан. — Будет разрушена вера в пророчества Пауля. Это... Империя...

— Кто осмелится оспаривать наше право решать, что верно, а что неверно? — вкрадчивым голосом спросила Алия. — Мы выбираем нечто среднее между добром и злом. Мне стоит только провозгласить...

— Ты не сможешь этого сделать, — запротестовала Ирулан. — Память Пауля...

— Это всего лишь еще один инструмент церкви и государства, — вмешалась в разговор Ганима. — Ирулан, перестань болтать глупости. — Ганима тронула рукой отравленный нож, висевший у нее на поясе и взглянула на Алию. — Я неправильно судила о своей умной тетушке, о Регентше всей этой великой Святости, которая только есть в нашей славной Империи памяти Муад'Диба. Я действительно тебя недооценила. Если хочешь, можешь заманить Фарад'на в нашу гостиную.

— Это очень опрометчиво, — возмутилась Ирулан.

— Ты согласна на обручение, Ганима? — спросила Алия, не обращая внимания на Ирулан.

— На моих условиях, — ответила Ганима, снова положив ладонь на рукоятку ножа.

— Я умываю руки, — сказала Ирулан и действительно потерла ладони друг об друга. — Я действительно хотела настоящей помолвки, чтобы исцелить...

— Мы дадим тебе такую возможность — залечить рану куда более тяжелую, Алия и я, — пообещала Ганима. —

Доставьте его сюда поскорее, если он, конечно, приедет. Вероятно, он все-таки это сделает. Неужели он сможет заподозрить ребенка столь нежного возраста? Давайте разработаем церемонию помолвки, которая потребует его присутствия, а потом оставьте его наедине со мной — на минуту или две...

Ирулан содрогнулась, поняв, что Ганима — истинная фременка, где дети не уступали взрослым в кровожадности. В конце концов именно фримены добивали раненых на поле боя, избавляя женщин от ухода за ними. Ганима же, говоря голосом фрименского ребенка, выражала свои мысли языком зрелого человека, тем еще больше усиливая тот ужас, который внушала завеса кровной мести, которая, словно аура, окружала Ганиму.

— Решено, — произнесла Алия и отвернулась, чтобы скрыть радость, загоревшуюся в ее глазах. — Мы подготовим официальное извещение о помолвке. Подписи заверят виднейшие представители Великих Домов. Фарад'н не станет ни минуты сомневаться...

— Он будет сомневаться, — возразила Ганима, — но приедет. При этом с ним будет охрана, но разве ей придет в голову защищать его от меня?

— Из любви к тому, что пытался сделать Пауль, — запротестовала Ирулан, — давайте хотя бы оформим это как несчастный случай или как результат какого-то внешнего заговора...

— Мне доставит удовольствие показать окровавленный нож моим братьям, — отрезала Ганима.

— Алия, я прошу тебя, — сказала Ирулан. — Оставь эту безумную затею. Выступите против Фарад'на открыто, пусть что-нибудь...

— Нам не нужно публичное объявление вендетты, — заявила Ганима. — Вся Империя прекрасно знает, какие чувства мы испытываем по отношению к Фарад'ну. — Она показала на рукав своего платья. — Мы носим сейчас желтый цвет траура. Неужели вы думаете, что если я надену черное платье фрименской невесты, то это кого-нибудь одурачит?

— Будем молиться, что это одурачит Фарад'на и делегатов Великих Домов, которые явятся заверять наши подписи на...

— Каждый из этих делегатов выступит против вас, когда все раскроется, — сказала Ирулан, — и вы прекрасно это знаете!

— Очень ценное замечание, — сказала Ганима. — Выбери подходящих делегатов, Алия. Они должны быть такими, чтобы потом их не жалко было бы ликвидировать.

Ирулан в отчаянии всплеснула руками и выбежала из комнаты.

— За ней должен быть неусыпный надзор, чтобы она не сумела предупредить своего племянника, — распорядилась Ганима.

— Не пытайся учить меня, как плести заговоры, — сказала Алия и вышла из комнаты вслед за Ирулан, правда, не столь поспешно. Охрана и адъютанты вихрем закружились вокруг нее, словно песчинки, крутящиеся вокруг червя, поднимающегося из песка.

Когда за теткой закрылась дверь, Ганима печально покачала головой. *Все происходит так, как думали мы с бедным Лето. Боже мой! Лучше бы тигр убил меня вместо него.*

Многочисленные силы стремились контролировать близнецов Атрейдесов. Когда же было объявлено о смерти Лето, заговоры и контрзаговоры умножились. Примите во внимание разнообразие мотивов: Община Сестер боялась Алие, как зрелого воплощения Мерзости, но желало сохранить генетические признаки Атрейдесов, носительницей которых она являлась. Церковные иерархи Аукафа и хаджа искали власти, которая досталась бы им вместе с наследниками Муад'Диба. ОСПЧТ хотел получить доступ к богатствам Дюны. Фарад'н и его сардаукары жаждали вернуть себе былую славу Дома Коррино. Космическая Гильдия боялась уравнения Арракис — меланжа; без Пряности настал бы конец навигациям. Джессика хотела поправить свои отношения с Бене Гессерит, испорченные из-за ее непослушания Сестрам. Мало кому приходила в голову мысль спросить самих близнецов об их планах, до тех пор пока не стало слишком поздно.

(Книга Крео)

Вскоре после ужина Лето увидел, как мимо него прошел человек, направившийся в его покои через сводчатый проход, и мысленно двинулся вслед за незнакомцем. Про-

ход остался открытым, и Лето видел, что люди что-то делают в его створе — мимо провезли несколько корзин с Пряностью, прошли три женщины в замысловатой одежде контрабандистов. Человек, за которым мысленно отправился Лето, ничем не отличался от остальных, кроме того, что очень походил на Стилгара — Стилгара в молодости.

То было совершенно особое путешествие ума. Время наполняло Лето, как наполняют звезды большую галактику. Он мог видеть бесконечные массивы Времени, но сначала надо было проникнуть в свое собственное будущее, чтобы понимать, в каком именно временном интервале находится сейчас его плоть. Многоликая память живущих в нем людей то наступала, то отступала, но теперь вся она без остатка принадлежала Лето. Эта память приливала, словно прибой, но если волна вздымалась слишком высоко, то стоило только приказать ей, как она тотчас уходила обратно в океан Времени, оставляя позади себя царственного Гарума.

Время от времени Лето приходилось прислушиваться к тому, о чем вещали ему те жизни. Кто-то выступал, как суфлер на сцене, высовывая голову из будки, стараясь подсказать, как вести себя в той или иной ситуации. Во время мысленной прогулки неожиданно появился отец и сказал: «Ты еще ребенок, который ищет стать мужчиной. Когда же ты станешь мужчиной, то будешь тщетно искать ребенка, каким ты был когда-то».

Временами его одолевали блохи и вши, которых было в старом сиетче великое множество. Никто из живших здесь людей, питавшихся пищей, богато приправленной Пряностью, казалось, не страдал от этих тварей. Был ли у этих людей иммунитет против них или за многие годы такой жизни они просто смирились с этим неудобством и перестали его замечать?

Да и вообще, кто были эти люди, собранные Гурни? Как попали они в это место? Действительно ли это был легендарный Якуруту? Множественная память давала ответы, которые очень не нравились Лето. То были безобразные люди и безобразнее всех был Гурни. Совершенство, однако, витало в этих местах, неуловимое, скрытое под отвратительной наружностью.

Отчасти Лето сознавал, что пристрастился к Пряности, которой была обильно сдобрена вся здешняя еда. Детское тело стремилось восстать, но маска его буквально бредила от присутствия памяти поколений множества давно прошедших эпох.

Сознание вернулось с прогулки, и Лето стало интересно, осталось ли тело с сознанием. Пряность мешала мыслить и чувствовать. Мальчик чувствовал, что самоограничения громоздятся над ним, словно дюны, которые, подползая к скалам, образуют возле них грандиозные насыпи, надвигаясь одна на другую. Сначала к подножию скалы ложатся несколько песчинок, но постепенно гора песка растет, и скоро на этом месте к небу вместо скалы вздымается огромная песчаная гора.

Но внизу, под этой массой оставался крепкий, несокрушимый камень.

Я все еще пребываю в трансе, подумал Лето.

Он знал, что скоро достигнет развилки путей жизни и смерти. Надзиратели снова заставили его принимать Пряность, посылая его в наркотический дурман, будучи каждый раз недовольными теми ответами, которые он давал на их вопросы по возвращении. И всякий раз его ожидал изменник Намри со своим ножом. Лето знал бесчисленное множество прошлых и будущих событий, но так и не понял, чем можно угодить Намри... или Гурни Халлеку. Они хотели чего-то большего, чем рассказы о видениях. Развилка жизни и смерти манила к себе Лето. Он понимал, что жизнь его должна содержать некое внутреннее значение, которое несет ее превыше конкретного характера видений. Размышляя об этих требованиях, Лето почувствовал, что его внутреннее сознание есть его истинное существование, а внешнее существование есть не что иное, как транс. Это приводило его в ужас. Он не желал возвращаться в сиетч с его блохами, с его Намри и с его Гурни Халлеком.

Я трус, подумал он.

Но трус, даже трус, может храбро умереть, сделав какой-то красивый жест. Но как найти такой жест, который снова сделал бы его цельной натурой? Как может он однажды очнуться от транса и видений и оказаться во все-

ленной, которой столь упорно добивается от него Гурни Халлек? Без этого превращения, без избавления от бесцельных видений он может умереть в этой тюрьме, которую сам избрал. В этом он по крайней мере искренне желал сотрудничать с людьми, лишившими его свободы. Каким-то образом Лето предстояло отыскать мудрость, внутреннее равновесие, которое будет верным отражением вселенной и вернет ему ощущение спокойной силы. Только в этом случае сможет он начать поиск Золотого Пути и обрести наконец ощущение собственной кожи.

В сиетче кто-то играл на балисете. В настоящем, как понимал Лето, его тело слышит музыку. Он чувствовал спиной жесткость узкого ложа. Он мог слышать музыку. Это Гурни играл на балисете. Никакие другие пальцы не умели извлекать столь великолепных звуков из этого сложнейшего инструмента. Халлек играл старинную фрименскую песню — ее называют *хадит* — баллада, тональность которой так помогает выжить на Арракисе. Говорилось в песне о жизни людей сиетча.

Музыка ввела Лето в дивную древнюю пещеру. Он увидел женщин, бросающих остатки Пряности в огонь, перетирающих Пряность, прежде чем положить ее в бродильный чан, прядущих волокно из стеблей Пряности. Весь сиетч был буквально пропитан меланжей.

Наступил момент, когда Лето не смог отличить звуки музыки от видений людей в древнем сиетче — видение и музыка слились в одно целое. Скрип и стук ткацкого станка слились с заунывной мелодией балисета. Перед внутренним взором Лето мелькали ткань из человеческих волос, длинная шерсть крыс-мутантов, нити Пустынного хлопка и кожные завитки на тушках птиц. На волнах музыки яростно метался язык Дюны. Видел Лето и солнечную силовую установку на кухне, длинный цех, в котором изготовляли и ремонтировали защитные костюмы. Возникали в этом видении и предсказатели погоды, читавшие свои прогнозы по шестам, привезенным из Пустыни.

Во время этого путешествия кто-то принес мальчику еду и начал кормить его с ложки, поддерживая голову сильной рукой. Лето понимал, что это происходит в реальном, чувственном мире, но воображаемое путешествие продолжалось, невзирая на это вторжение действительности.

Было такое впечатление, что буквально спустя мгновение после насыщенной Пряностью еды перед мысленным взором Лето возникла картина неистовых вихрей песчаной бури. Дыхание ветра создавало из песка замечательные картины, в этих завихрениях вдруг возник огромный золотистый глаз бабочки, а собственная жизнь показалась мальчику маленькой, словно шелковистый след ползущего насекомого.

В его мозгу, словно в бреду, прозвучали слова из «Оружия пророчества»: «Говорят, что нет ничего прочного, ничего уравновешенного, ничего длительного и ничего устойчивого во вселенной — ничто не остается в неизменном состоянии, но каждый день, а иногда и каждый час, несут с собой перемены».

Защитная Миссия еще в старину знала, что делала, подумал он. *Они знали об Ужасной Цели. Они знали, как манипулировать людьми и религиями. Даже мой отец не избежал их сетей, он не смог выпутаться из них до самого конца.*

Именно здесь находится ключ, который он столь усердно ищет. Лето задумался над этим и почувствовал, как в его плоть вновь возвращается прежняя сила. Все его многоликое существование вдруг каким-то образом повернулось и взглянуло на реальную вселенную. Он сел и понял, что находится в сумрачной камере, освещенной лишь тусклым светом, пробивавшимся сквозь незакрытый проход. Снаружи был виден человек, который сразу отбросил сознание Лето на несколько эонов назад.

— Доброй судьбы всем нам! — выкрикнул Лето традиционное фрименское приветствие.

В дверном проеме появился Гурни Халлек. Его силуэт чернел на фоне светлого пятна проема.

— Принеси свет, — потребовал Лето.

— Ты хочешь, чтобы тебя подвергли новым испытаниям?

Лето рассмеялся.

— Нет, теперь настала моя очередь испытывать вас.

— Посмотрим, — отозвался Халлек. Он вышел и через несколько мгновений вернулся, неся в руке ярко горящую синюю лампу. Выйдя на середину помещения, он повесил лампу под потолком.

— Где Намри? — спросил Лето.

— Снаружи, я могу позвать его.

— Ах, Старая Фрименская Вечность может очень терпеливо ждать, — сказал Лето. Он чувствовал себя до странности свободно, находясь в преддверии открытия.

— Ты называешь Намри по одному из имен Шаи-Хулуда? — спросил Халлек.

— Его нож — это зуб червя, — сказал Лето. — Таким образом, он действительно Старая Отеческая Вечность.

Халлек мрачно улыбнулся, но промолчал.

— Вы все еще оттягиваете срок моего суда, — продолжал Лето. — И нет у нас никакого способа обмениваться информацией, признаюсь, именно по той причине, что мы не можем высказывать суждений. Хотя кто может требовать точности от вселенной?

Позади Халлека раздался шорох — это приблизился Намри, остановившийся в полушаге слева от Гурни.

— Ах, левая рука предназначена для проклятых, — заявил Лето.

— Не очень-то это мудро — отпускать шуточки по поводу Абсолютного и Бесконечного, — прорычал Намри и искоса взглянул на Халлека.

— Уж не Бог ли ты, Намри, что осмеливаешься говорить от имени Абсолютного? — спросил Лето, но смотрел он при этом на Гурни. Приговор будет выносить именно он.

Мужчины молча смотрели на мальчика и не спешили с ответом.

— Каждое суждение качается на волне ошибки, — объяснил Лето. — Заявлять об абсолютной правоте может только чудовище. Знанйе — это нескончаемое путешествие по окрестностям неопределенности.

— Что это за игра в слова? — поинтересовался Халлек.

— Пусть говорит, — сказал Намри.

— Эту игру начал со мной Намри, — ответил Лето и увидел, как старый фримен кивнул в знак согласия. Конечно, он узнал старинную игру в загадки. — Наши чувства всегда имеют по меньшей мере два уровня, — продолжал Лето.

— Тривиальность и болтовня, — сказал Намри.

— Превосходно! — живо откликнулся Лето. — Ты кормил меня тривиальностями, теперь я буду кормить тебя

болтовней. Я смотрю, я слышу, я чувствую запахи, я осязаю, я чувствую изменения температуры и вкуса, я ощущаю ход времени. Я могу́ брать потрясающие образцы на пробу. Ах, да я просто счастлив! Ты слышишь, Гурни? Намри? В человеческой жизни нет никакой тайны. Нет никакой проблемы, которую надо разрешить. Есть просто реальность, которую надо прочувствовать на опыте.

— Ты испытываешь наше терпение, парень, — сказал Намри. — Ты выбрал именно эту пещеру местом своей смерти?

Однако Халлек движением руки остановил старого фримена.

— Во-первых, я не парень, — сказал Лето. Он предостерегающе поднял руку к правому уху. — Ты не убьешь меня; я возложил на тебя большой груз воды.

Намри наполовину извлек клинок из ножен.

— Я тебе ничего не должен, — сказал он.

— Но Бог создал Арракис для воспитания веры, — сказал Лето. — Я же не только показал вам свою веру, но и заставил вас осознать ваше собственное существование. Жизнь требует споров. Вас заставили понять — посредством меня! — что ваша действительность отличается от действительности других; таким образом, вы поняли, что живете.

— Я бы никому не советовал играть со мной в непочтительность, — сказал Намри, по-прежнему держа руку на кинжале.

— Непочтительность есть необходимый компонент религии, — ответил ему Лето. — Я уже не говорю о ее важности в философии. Непочтительность и скептицизм — это единственный оставленный нам путь испытать нашу вселенную.

— Так ты считаешь, что постиг вселенную? — спросил Халлек и отступил в сторону, словно оставив Намри наедине с Лето.

— Д-да, — процедил сквозь зубы Намри. Его голосом говорила смерть.

— Вселенную понимает только один ветер, — ответил Лето. — В нашем мозге нет места для седалища мощного разума. Творение и есть открытие. Бог открывает нас в

Пустоте потому, что мы движемся на основании, которое Ему известно. Стена же была пуста. Там не было движения.

— Ты играешь в прятки со смертью, — предупредил Халлек.

— Но вы же оба — мои друзья, — сказал Лето. При этом он взглянул на Намри. — Когда вы предлагаете сиетчу друга, то разве вы не убиваете при этом орла или ястреба в знак этого предложения? И разве вы не знаете ответ на такое предложение: «Бог посылает каждого человека в его конец, как ястребов, орлов и друзей»?

Намри снял руку с ножа. Клинок скользнул обратно в ножны. Расширенными глазами он уставился на Лето. Каждый сиетч хранил свой тайный ритуал посвящения в друзья, но это была неизвестная посторонним сокровенная часть этого ритуала.

Халлек, однако, не выдержал и спросил:

— Так этот сиетч и есть твой конец?

— Я знаю, что ты хочешь от меня услышать, Гурни, — сказал Лето, наблюдая, как подозрение сменяется надеждой на некрасивом лице Халлека. Лето прижал руку к груди. — Этот ребенок никогда не был ребенком. Внутри меня живет мой отец, но он — не я. Ты любил его, и он действительно был благородным человеком, волны его добродетели стремились покорить высокие берега. Он хотел предотвратить войны, но не понимал бесконечного движения жизни, а ведь именно в этом заключается Раджия! Намри знает это. Это движение жизни может увидеть любой смертный. Берегитесь путей, сужающих будущие возможности. Такие пути уводят от бесконечности и завлекают в смертельную ловушку.

— Так что я должен услышать от тебя? — спросил Халлек.

— Он просто играет словами, — мрачно заметил Намри, но в его голосе звучали колебания и глубокие сомнения.

— Я объединяюсь с Намри против моего отца, — сказал Лето. — И мой отец внутри меня объединяется с нами против того, что сделали с ним и его делом.

— Почему? — требовательно спросил Гурни.

— Потому что то, что я несу человечеству, есть *amor fati**, акт конечного самопознания. В этой вселенной я по добровольному выбору выступаю против любой силы, которая несет унижение человеку. Гурни, Гурни! Ты родился и воспитывался не в Пустыне. Твоя плоть не знает истины, о которой я говорю. Но Намри знает ее. В дикой природе один путь ничуть не хуже, чем другой.

— Я все еще не услышал того, что должен услышать, — сказал Гурни.

— Он выступает за войну, против мира, — произнес Намри.

— Нет, — возразил Лето. — И мой отец в действительности не выступал против войны. В этой Империи мир был пустым понятием, лишенным всякого содержания. Это понятие служило для поддержания одного и только одного образа жизни. Вам приказывали быть довольными. На всех планетах жизнь должна быть устроена по образу и подобию жизни, правила которой установлены законами имперского правительства. Главной задачей учения Священства является отыскание правильных форм человеческого поведения. Для этого они постоянно возвращаются к словам Муад'Диба! Скажи мне, Намри, ты доволен?

— Нет, — слово вырвалось у фримена искренне, без обдумывания.

— Богохульствуешь ли ты?

— Конечно, нет!

— Но ты недоволен. Ты видишь, Гурни? Намри доказал нам мою правоту. Любой вопрос, любая проблема не имеют единственного правильного ответа. Надо допустить расхождения во мнениях. Монолит неустойчив. Так почему вы ждете от меня единственно правильного ответа? Неужели это будет мерилом вашего чудовищного судилища?

— Ты хочешь вынудить меня убить тебя? — мучительно выдавил из себя Халлек.

— Нет, но мне очень жаль тебя, — ответил Лето. — Можешь послать моей бабке весть о том, что я готов к сотрудничеству. Община Сестер выразит по этому поводу сожаление, но Атрейдес даст свое слово.

---

* любовь к судьбе (*лат*).

— Надо проверить его с Вещающим Истину, — сказал Намри. — Эти Атрейдесы...

— У него будет шанс высказаться перед бабкой, тогда он скажет то, что должен сказать, — проговорил Халлек, и обернулся к проходу.

Прежде чем выйти, Намри помолчал, потом взглянул на Лето.

— Я молюсь, чтобы мы оказались правы, оставляя его живым, — сказал фримен.

— Идите, друзья мои, — напутствовал их Лето. — Идите и думайте.

Мужчины вышли, а Лето откинулся на спину, ощущая холод жесткого ложа. От этого движения голова, отягощенная Пряностью, закружилась, и мальчик едва не потерял сознание. В этот момент своим внутренним взором он охватил почти всю планету — каждую деревню, каждый поселок, каждый город, Пустыни и оазисы. Все формы, которые теснились в его сознании, несли отпечаток теснейших отношений, связывающих внутренние части этих форм между собой и все формы друг с другом и внешним миром. Он увидел структуру имперского общества, отраженную в физических структурах планет и обществ Империи. В сознании Лето развертывался огромный экран, мальчик видел то, что должен был увидеть: окно, сквозь которое можно было наблюдать невидимые составляющие общества. Увидев это, Лето понял, что каждая система обладает таким окном. Даже система его собственного существа и его вселенной.

Вот чего ищут его бабка и Община Сестер! Лето отчетливо это понял. Его сознание поднялось на новый, более высокий уровень. Лето чувствовал, что прошлое действует в клетках его тела, в множественной памяти, в архетипах, составлявших основу его представлений, в мифах, которые пронизывали все его существо, в языках и в доисторических обломках. Теперь в Лето объединилось все — его человеческое и нечеловеческое прошлое, все жизни, которыми он мог теперь распоряжаться по своему усмотрению — все это превратилось в высшую цельность. Лето физически чувствовал, как все его существо движется вместе с приливами и отливами упорядоченных нуклеотидов.

Обратной стороной его бесконечного существа было строение простейшего животного, в котором акты рождения и смерти спокойно уживаются рядом, но сам он был одновременно бесконечным и простейшим, то есть творением молекулярной памяти.

Мы, люди, есть форма существования колониального организма! — подумал Лето.

Они хотят сотрудничать с ним. Обещание такого сотрудничества отсрочило удар ножа Намри. Взывая к сотрудничеству, они пытаются узнать целителя.

Лето подумал: *Но я не принесу им того социального порядка, которого они ждут!*

Гримаса исказила лицо мальчика. Он знал, что не является таким бессознательным злодеем, как его отец — раб и деспот одновременно, — но вселенная может потребовать возвращения к «старым добрым временам».

Отец в его душе попробовал поговорить с сыном, но это был не приказ, а просьба об аудиенции.

И Лето ответил:

— Нет. Мы дадим им сложность мира, чтобы занять их мышление. Есть много способов избежать опасности. Как узнают они, опасен он или нет, если не испытают моей тысячелетней власти? Да, отец мой, мы озадачим их массой вопросительных знаков.

В вас нет ни греха, ни невинности. Все это остается в прошлом. Вина бьет по мертвым, а я— не Железный Молот. Вы— множество мертвых, просто люди, которые совершили в жизни определенные поступки, но память о них освещает мой путь.

(Лето Второй своим внутренним жизням. Из книги Харка аль-Ада)

— Это происходит само! — сдавленным шепотом прокричал Фарад'н.

Он стоял у кровати госпожи Джессики, за ним плотной стеной выстроились охранники. Джессика стремительно села. Она была одета в блестящий белый шелковый пеньюар, медные волосы повязаны такой же полоской. Фарад'н ворвался в спальню Джессики всего несколько мгно-

вений назад. На принце было серое трико, лицо вспотело от волнения и стремительного бега по коридорам дворца в покои Джессики.

— Который час? — спросила она.

— Который час? — недоуменно переспросил принц.

— Третий час пополуночи, моя госпожа, — ответил один из охранников. Они со страхом смотрели на Фарад'на. Юный принц пронесся по коридорам, как метеор, за ним бросились несшие службу стражники.

— Оно все-таки происходит! — сказал Фарад'н. Он вытянул вперед левую руку. Потом правую. — Я видел, как моя кисть сморщилась в маленький кулачок, и я вее вспомнил! Такими были мои руки, когда я был совсем маленьким. Я вспомнил, я снова ясно увидел себя маленьким! Я сумел организовать свою память!

— Очень хорошо, — похвалила принца Джессика. Его волнение оказалось заразительным. — А что произошло, когда твои руки стали старыми?

— Мой ум... стал каким-то вялым, — ответил он. — И я почувствовал боль в спине. Вот здесь, — он показал на область левой почки.

— Ты усвоил очень важный урок, — сказала Джессика. — Понял ли ты, в чем он заключается?

Руки Фарад'на повисли вдоль тела, он изумленно посмотрел на Джессику и после недолгой паузы заговорил:

— Мой мозг управляет реальностью. — Глаза принца засверкали и он повторил снова, на этот раз громче: — Мой мозг управляет реальностью!

— Это начало равновесия прана-бинду, — сказала Джессика. — Но только самое начало.

— Что я буду делать дальше? — спросил он.

— Моя госпожа, — охранник, ответивший Джессике, который час, осмелился перебить своего принца. — Время.

Наверное, их посты меняются именно в этот час, подумала Джессика.

— Расходитесь, — приказала она. — Нам надо заняться делом.

— Но, моя госпожа, — не унимался охранник, переводя испуганный взгляд с Джессики на Фарад'на и обратно.

— Ты думаешь, что я хочу его соблазнить? — спросила Джессика.

Охранник оцепенел.

Фарад'н весело рассмеялся и махнул рукой.

— Вы слышали, что она сказала. Разойдись!

Стражники переглянулись, но выполнили приказ.

Фарад'н присел на краешек кровати.

— Что дальше? — спросил он, продолжая изумленно качать головой.

— Я хотел в это поверить, но не верил. Потом случилось так, что мозг... словно бы начал таять. Я очень устал. Мой разум перестал сражаться с тобой. Это случилось! Случилось! — Он сжал пальцы в кулак.

— Твой разум сражался вовсе не со мной, — напомнила ему Джессика.

— Конечно, нет, — признал Фарад'н. — Я сражался с собой, со всем тем вздором, которому меня научили. Но что дальше?

Джессика улыбнулась.

— Признаюсь, я не ожидала, что ты будешь так быстро делать успехи. Прошло всего лишь восемь дней и...

— Я был терпелив. — Фарад'н расплылся в довольной улыбке.

— Да, ты начал учиться терпению, — подтвердила Джессика.

— Начал? — удрученно переспросил Фарад'н.

— Ты только вышел к старту обучения, — сказала она. — Теперь ты — ребенок, младенец. До этого... ты был всего лишь возможностью, еще не родившимся.

Уголки рта принца опустились книзу.

— Не расстраивайся, — подбодрила его Джессика. — Ты это сделал и это очень важно. Много ли людей могут похвастаться тем, что заново родились на свет?

— Какой будет следующий шаг? — не сдавался Фарад'н.

— Ты будешь практиковаться в том, чему уже научился, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты делал это легко, в любой момент по своему желанию. Позже ты наполнишь новым содержанием то свободное место в своем сознании, которое откроется по достижении этой первой ступени. Это содержание будет означать твою способность испытывать любую реальность по своему усмотрению.

— Значит, все, что я буду делать дальше, это практиковаться в...

— Нет. Теперь ты можешь начинать тренировать свои мышцы. Скажи-ка, сможешь ли ты пошевелить пятым пальцем левой ноги так, чтобы не шелохнулся больше ни один мускул?

— Пятым пальцем... — Джессика увидела, что лицо принца стало отчужденным. Он изо всех сил пытался выполнить упражнение. Она внимательно смотрела на его левую ногу. На лбу принца выступил пот, дыхание участилось. — Я не могу этого сделать.

— Нет, можешь, — сказала она. — Ты научишься и этому. Ты изучишь каждую, самую мелкую мышцу своего тела. Ты узнаешь свою мускулатуру лучше, чем свои пять пальцев.

Фарад'н судорожно глотнул, осознав всю грандиозность такой перспективы.

— Что ты хочешь из меня сделать? — спросил он. — Каковы твои планы?

— Я намерена освободить тебя для вселенной, — ответила она. — Ты научишься становиться кем угодно и управлять чем угодно по своему желанию.

Фарад'н несколько секунд переваривал сказанное.

— По своему желанию?

— Да.

— Это невозможно.

— Да, если ты не научишься владеть своими желаниями так же, как владеть своей реальностью, — сказала Джессика и задумалась.

Так! Теперь пусть он проанализирует все это. Ему будут советовать проявлять разумную осторожность, но Фарад'н сделает еще один шаг к пониманию того, что я делаю в действительности.

Фарад'н подтвердил ее догадку.

— Одно дело — сказать человеку, что он будет понимать желания своего сердца, и совсем другое — научить его делать это.

— Ты зашел дальше, чем я ожидала, — похвалила принца Джессика. — Это очень хорошо. Я обещаю: если ты сумеешь закончить весь курс обучения, то станешь мужчи-

ной, способным распоряжаться собой. Все твои действия будут продиктованы только тем, что тебе действительно нужно.

И пусть Вещающий Истину попробует доказать, что это не так, подумала она.

Принц встал, но взгляд, которым он одарил Джессику, был теплым, почти товарищеским.

— Знаешь, я тебе верю. Будь я проклят, если понимаю почему, но верю. Больше я не скажу тебе ни слова.

Джессика проводила принца взглядом, дождалась, когда он выйдет из спальни и, выключив свет, легла. Этот Фарад'н очень глубок. Он только что сказал ей, что начинает понимать содержание ее замысла, но присоединяется к ее заговору по собственной воле.

Подождем, пока он научится владеть своими эмоциями, подумала Джессика. С этими мыслями она устроилась поудобнее и начала засыпать. Утро будет омрачено бесчисленными встречами с обитателями дворца, которые так любят задавать невинные с виду вопросы.

Человечество периодически проходит периоды ускорения своей активности, испытывая при этом соперничество между жизнеспособностью обновления и пороками декаданса. В этой периодически наступающей гонке каждая передышка воспринимается как роскошь. Только тогда человек становится способным понять, что все дозволено, все возможно.
(Апокрифы Муад'Диба)

Очень важно чувство прикосновения к песку, подумал Лето.

Сейчас мальчик очень хорошо чувствовал под собой крупнозернистый теплый песок, на котором он сидел, глядя в бездонное яркое небо. Его усиленно кормили большими дозами меланжи, и ум Лето временами испытывал чудовищные завихрения. В горловине этого водоворота бесконечно вращались одни и те же вопросы, на которые он не находил ответа. Почему они так настаивали, чтобы я сказал это? Гурни был неумолим, в этом нет никаких сомнений, и действовал он по приказу госпожи Джессики.

Для этого «урока» его вывели из сиетча на яркий полуденный свет. У мальчика было странное ощущение, что

во время этой короткой прогулки в нем развернулась ожесточенная битва между герцогом Лето Первым и старым бароном Харконненом. Они сражались внутри него и посредством него, поскольку он не давал им столкнуться прямо. Эта битва показала Лето, что произошло с Алией. Бедная Алия.

Я был прав, когда боялся этих путешествий после приема Пряности, подумал он.

При воспоминании о госпоже Джессике Лето охватило горькое чувство. Ее проклятый гомджаббар! Надо сразиться с ним и победить, или умереть, сражаясь. Она не сможет приставить отравленную иглу к его горлу, но вполне сможет послать его в долину смерти, о чем недвусмысленно говорила ее собственная дочь.

В его сознание проникли какие-то гнусавые звуки. Они менялись в тональности, становились то громче, то тише... то снова громче. Лето никак не мог понять, слышит ли он реальные звуки или это говорит съеденная им меланжа.

Лето ссутулился, сложив руки на груди, горячий песок жег ягодицы. Перед мальчиком был расстелен ковер, но он предпочел сидеть на голом песке. На ковер легла большая тень. Намри. Лето продолжал неотрывно смотреть на пузырившийся в некоторых местах старый грязный ковер. Мысли текли своим чередом, в то время как глаза машинально осматривали умопомрачительно зеленый горизонт.

Под сводом черепа, в мозгу, грохотали барабаны. Было жарко, мальчика трясло словно в лихорадке. Жгучее давление насиловало его чувства, от этого исходила лихорадка, сжигавшая чувства, — теперь Лето сознавал только надвигающуюся гибель. Намри и его нож. Давление... Давление... Лето находился в каком-то подвешенном состоянии между песком и небом, его ум подчинялся только лихорадке. Сейчас он ждал, ждал, что произойдет некое единственное, первое и одновременно последнее событие.

Жаркие сверкающие лучи беспощадного солнца хлестали словно плетью, не зная ни милости, ни сострадания. Где он, мой Золотой Путь? Отовсюду наползали какие-то жуки. Отовсюду. Мне не принадлежит даже моя кожа. Посылая импульсы по своим нервам, Лето ожидал ответа, словно от другого существа.

Пошлите сигнал голове, приказал Лето своим нервам.

Голова, которая, похоже, все-таки принадлежала пока ему, склонилась вперед, в направлении пятен пустоты в ярком ослепительном свете.

Кто-то прошептал: «Он сейчас находится очень глубоко».

Нет ответа.

Обжигающее, как огнем, солнце громоздило невыносимую жару.

Медленно, постепенно распрямляясь, поток его сознания повлек Лето сквозь последнюю завесу зеленеющей пустоты, а там за низкими, свернутыми, как змеи, дюнами, на расстоянии не более километра за вытянутой вдоль горизонта линией меловых скал, там простиралось буйное зеленое будущее, расцвет, бурный рост, текущий в бескрайнюю зелень, зеленое безумие, вечно длящееся и никогда не прерывающееся зеленое безмолвие.

Во всем этом зеленом величии не было ни одного великого червя.

Какое богатство дикой зелени, но нигде не видно Шаи-Хулуда.

Лето почувствовал, что преступил старые границы и вошел в новую, неведомую доселе землю, о которой могло свидетельствовать лишь его воображение, и что отныне он заглядывает за последний занавес, который зевающее от скуки человечество называет Неведомым.

Такова была кровожадная реальность.

Он почувствовал, как красный плод его жизни, словно раздавленный, выпустил из себя сок, вытекший в песок. Эта жидкость была не что иное, как эссенция Пряности, смешанная с его кровью.

Не будет Шаи-Хулуда, не будет и Пряности.

Сейчас Лето прозревал будущее, в котором нет места великим серым, извилистым, как черви или змеи, дюнам. Он знал это, но не мог вырвать себя из транса, чтобы воспрепятствовать такому исходу.

Внезапно его сознание начало стремительно перемещаться назад, назад, подальше от такого смертельного будущего. Мысли свернулись, спрятавшись в его чрево, стали примитивными, их можно было пробудить ото сна только

сильными эмоциями. Лето почувствовал, что не способен сконцентрироваться ни на какой конкретной части своего видения, но зато внутри зазвучал голос. Голос вещал на древнем языке, который Лето отлично понимал. Голос был музыкальным и веселым, но слова били Лето словно дубиной.

«На будущее влияет не настоящее, глупец, это будущее формирует настоящее. Переверни все свои представления. Как только будущее задано, события начинают разворачиваться так, что это будущее становится неизбежным».

Эти слова пронзили душу Лето. Все его тело — от головы до кончиков пальцев ног — было охвачено глубоко укоренившимся ужасом. Из этого он вывел, что его тело все еще существует, но дерзкая природа и огромная сила его видения заставляли Лето чувствовать себя запятнанным, беззащитным, неспособным заставить мышцы подчиняться его воле. Он понял, что все больше и больше подвергается натиску того скопища чужих жизней, которые некогда заставили его поверить в свою собственную реальность. Страх заполнил все существо мальчика. Он подумал, что еще немного и он утратит контроль над собой и впадет наконец в Мерзость.

Он почувствовал, как его тело извивается от ужаса.

Он должен одержать победу в этой схватке с множественной памятью и вновь выиграть добровольное сотрудничество с нею. Пока же все эти давно прекратившиеся в реальной вселенной жизни ополчились против него, даже царственный Гарум, которому Лето так доверял. Мелко дрожа, он распростерся на песке, в котором не было никаких живых корней, неспособный придать никакого выражения собственной жизни. Лето попытался сконцентрироваться на ментальной картине своей сущности, но тут на него обрушились самые разнообразные человеческие тела — самых разных возрастов: от младенцев до дряхлых стариков. Он припомнил, чему когда-то в раннем детстве учил его отец: «Пусть твои руки станут сначала юными, а потом старыми». Однако сейчас все его тело было погружено в утраченную реальность, и цельный образ растворялся в других лицах, черты которых услужливо подсовывала ему его память.

В мозгу разорвалась бриллиантовая молния, и все тело потряс неистовый удар грома.

Лето почувствовал, что его сознание разлетается на куски, однако часть своего существа он успел удержать где-то на грани существования и не-существования. Появилась надежда, он почувствовал, как дышит его тело. Вдох... Выдох. Он глубоко вдохнул: инь. Выдохнул: ян.

Где-то почти за гранью восприятия находилось место высшей независимости, победы над всеми этими унаследованными чужими жизнями и их памятью — это было не фальшивое чувство господства, а истинная победа. Теперь он понял, в чем заключалась его прежняя ошибка: он искал силу в реальности транса, вместо того чтобы встретить страх лицом к лицу, тот страх, который они с Ганимой сами воспитали в себе.

Алию сокрушил страх!

Однако поиск силы расставил Лето еще одну ловушку, завлек его в область фантазий. Появилась иллюзия. Проходя мимо Лето, она развернулась на половину оборота, и теперь Лето стал виден центр, откуда он мог бесцельно наблюдать полет своих видений, передвижения внутренних жизней.

Душевный подъем с необычайной силой охватил Лето. Ему хотелось смеяться, но он сам отказал себе в этой роскоши, понимая, что смех захлопнет дверь памяти.

Ах, мои памяти, подумал он. *Я видел вашу иллюзию. Вы больше не сможете двигать мною, как пешкой. Вы отныне будете показывать мне, как создавать движение. Я не стану больше скатываться на старую колею.*

Эта мысль, словно метеор, прошла сквозь его сознание, вытерев его начисто. Лето пришел в себя, чувствуя цельность своего тела, единство, которое сообщало ему о том, что происходит с мельчайшими частями организма, с каждой клеткой и с каждым нервом. Мальчик вступил в состояние напряженного спокойствия. В этом состоянии он слышал какие-то голоса, которые доносились словно издалека, но он слышал их настолько ясно, как будто они отдавались эхом в глубокой расселине.

Один из голосов принадлежал Халлеку.

— Может быть, мы дали ему слишком много зелья?

— Мы дали ровно столько, сколько она велела, — ответил Намри.

— Может быть, нам стоит пойти и еще раз взглянуть на него, — предложил Халлек.

— Сабиха хорошо знает свое дело; она бы позвала нас, если бы дела пошли не так, как надо.

— Мне не нравится ремесло Сабихи, — произнес Халлек.

— В этом деле она необходима, — возразил Намри.

Лето чувствовал снаружи яркий свет, а внутри черную темноту, но эта темнота была неожиданно сокровенной, укрывающей и теплой. Свет ярко пламенел, и Лето чувствовал, что он исходит из внутренней тьмы, выплывая наружу, словно сверкающее облако. Тело стало прозрачным и увлекло его кверху, но Лето продолжал чувствовать вновь обретенную цельность, которая знала все о его клетках и нервах. Множество внутренних жизней выстроилось в определенном стройном порядке, не стало никаких следов путаницы или смешения. Чужая память присмирела и успокоилась, последовав примеру внутреннего спокойствия, охватившего Лето. Каждая жизнь-память существовала отдельно, но все вместе они составляли неразрывное единство.

Лето заговорил с ними: «Я — ваш дух. Я — единственная жизнь, которую вы можете реализовать. Я — дом вашего духа, который пребывает в стране, которая расположена нигде. Без меня ваша разумная вселенная обратится в хаос. Творческое и бездонно-невежественное неразрывно связаны во мне; только я могу балансировать на грани между ними. Без меня человечество погрязнет в трясине и суете знания. С моей помощью они поймут, что единственный способ избежать хаоса — это понимание житием».

С этими словами Лето позволил себе отойти от себя и снова стал самим собой, своей личностью, овладевшей цельностью своего прошлого. То была не победа и не поражение; то было нечто новое, что он разделил с той внутренней жизнью, которую для себя выбрал. Лето наслаждался этой новизной, впуская ее в каждую клеточку, каждый нерв, пользуясь тем, что предложило ему единство, и одновременно восстанавливая свою исходную цельность.

Через некоторое время Лето проснулся в белесой мгле. Вспышка озарения подсказала ему, где пребывает его плоть. Он сидел на песке приблизительно в километре от скалистой стены, которая отмечала северную границу сиетча. Теперь он точно знал, что это за сиетч: Якуруту — Фондак. Но насколько же реальность оказалась отличной от тех мифов и слухов, которые распускали сами контрабандисты.

Прямо перед ним на коврике сидела молодая женщина, яркий светильник, пристегнутый к левой руке, висел над ее головой. Лето отвернулся от светильника и увидел звезды. Эта молодая женщина была ему знакома; он видел ее в своих видениях раньше — это она готовила кофе. Племянница Намри, и тоже с ножом. Только у нее оружие лежало в подоле — на женщине было простое зеленое платье, надетое поверх защитного костюма. Сабиха, так ее звали. Намри имел в отношении нее какие-то планы.

Сабиха заметила, что он открыл глаза.

— Скоро рассвет. Ты провел здесь всю ночь, — сказала она.

— И почти весь день, — сказал он. — Ты приготовила хороший кофе.

Это утверждение несколько озадачило женщину, но она решила не обращать на него внимания, что говорило о хорошей подготовке и ясных инструкциях относительно поведения с пленником.

— Час убийств, — проговорил Лето. — Но твой нож больше не нужен.

— Это будет решать Намри, — произнесла женщина.

Значит, не Халлек. Сабиха только подтвердила то, что знал Лето.

— Шаи-Хулуд очень хороший уборщик. Он прекрасно убирает ненужные улики, — продолжал Лето. — Я и сам использовал его для этого.

Сабиха положила ладонь на рукоять ножа.

Лето потянулся и зевнул до боли в челюстях.

— Я видел тебя в своем видении, — сказал он.

Плечи Сабихи слегка расслабились.

— Мы слишком однобоко судили об Арракисе, — говорил между тем Лето. — Мы были просто варварами. В том, что мы делали, есть большой элемент принуждения,

но теперь нам надо уменьшить свое рвение и сдать некоторые позиции. Это поможет восстановить равновесие.

Сабиха озадаченно нахмурилась.

— Это было в моем видении, — объяснил Лето. — Если мы не восстановим естественный танец жизни на Дюне, то Дракон, Обитающий в Основании Пустыни, погибнет.

Лето употребил древнее фрименское название червя, и женщина сразу поняла, о чем идет речь.

— Черви? — спросила она.

— Мы находимся в темном переходе, — сказал Лето. — Без Пряности Империя распадется. Будет парализована Космическая Гильдия. Планеты постепенно забудут, что они не одни в мироздании. Население их замкнется само на себе. Космос станет неприступным, если Гильд-навигаторы потеряют свое мастерство. Мы же будем сидеть на вершинах своих дюн, не зная, что находится над нами и под нами.

— Ты говоришь очень странно, — сказала Сабиха. — А как ты видел меня в своем видении?

Доверяйте суевериям фрименов! — подумал он.

— Я — живой стиль, которым напишут грядущие в нашей жизни изменения. Если их не напишу я, то вы испытаете такую душевную боль, какую не испытывал еще ни один человек.

— И что же это за письмена? — спросила Сабиха, но рука ее осталась лежать на оружии.

Лето посмотрел на скалы Якуруту, из-за которых всходил предрассветный пылающий шар Второй Луны. Неподалеку раздался предсмертный крик Пустынного зайца. Лето увидел, что Сабиха вздрогнула. Вслед за криком зверька послышалось хлопанье крыльев хищной ночной птицы. Множество горящих янтарным огнем глаз пролетели над их головами к расселинам скал.

— Я должен следовать велениям своего нового сердца, — сказал Лето. — Ты смотришь на меня, как на обыкновенного ребенка, Сабиха, но если...

— Меня предупреждали об этом, — сказала Сабиха, и ее плечи снова напряглись.

В ее голосе послышался страх.

— Не бойся меня, Сабиха. Ты прожила на свете на восемь лет больше, чем плоть, в которую заключен мой дух, и

за это я уважаю тебя. Но во мне свернуты тысячелетия чужих жизней, их намного больше, чем ты можешь себе представить. Не смотри на меня как на ребенка. Я — мост в будущее, и в одно из мгновений этого будущего я видел, как наши тела сплетались в любви. Ты и я, Сабиха.

— Но... Этого не может быть... — женщина явно растерялась.

— Эта идея созреет в тебе, — сказал он. — Теперь помоги мне дойти до сиетча, я побывал во многих местах, и очень устал от этого дальнего путешествия. Намри должен услышать о том, что я видел. Нам надо сделать многое, пока наша вселенная не распалась.

— Я не верю в то, что ты сказал... о червях, — сказала она.

— И в то, что мы полюбим друг друга?

Она отрицательно покачала головой. Но Лето видел, что в ее голове, словно перья на ветру, закружились мысли. Его слова одновременно притягивали и отталкивали ее. Стать сопричастной власти — большое искушение. Но был и прямой приказ дяди. Но... в один прекрасный день этот сын Муад'Диба может стать правителем всей огромной Империи, не говоря о Дюне. Подумав немного, Сабиха почувствовала чисто фрименское отвращение к подобному будущему. Супруга Лето будет у всех на виду, станет объектом измышлений и сплетен. Правда, она станет состоятельной, но...

— Я сын Муад'Диба и могу прозревать будущее, — сказал он.

Сабиха медленно вложила клинок в ножны, легко поднялась с коврика, подошла к Лето и помогла ему встать на ноги. Лето был немало удивлен ее дальнейшими действиями: девушка свернула ковер и повесила его на правое плечо. Заметил он и разницу в росте, вспомнив свои слова: «Тела сплетались в любви».

Рост тоже изменяется со временем, подумал он.

Она взяла его за руку и повела по песку. Лето споткнулся, и Сабиха прикрикнула на него:

— Для этого мы слишком далеко от сиетча! — она имела в виду близость червей, которых мог привлечь шум падения.

Лето чувствовал, что его тело стало сухой оболочкой, такой, какая остается после линьки насекомого. Он знал такие оболочки: они были продуктами общества, построенного на торговле меланжей и религии Золотого Эликсира. Общество было опустошено его избытком. Высокие цели Муад'Диба растворились в колдовстве, поддерживаемом вооруженной рукой Аукафа. Теперь религия Муад'Диба имела другое название — Шень-сянь-Шао, это иксианское выражение обозначало напряженность и безумие тех, кто думал, что возможно привести вселенную в рай, погоняя ее острием кинжала. Но и это изменится, когда преобразится Икс. Ведь это всего-навсего девятая планета того же солнца, а они даже забыли язык, который дал этой планете название.

— Джихад был проявлением массового психоза, — пробормотал Лето.

— Что? — спросила Сабиха. Она в это время была занята тем, чтобы вести Лето шагом, сбитым с определенного ритма, — так достигалась лучшая маскировка при продвижении по открытой Пустыне. Она прислушалась, но отнесла его слова на счет сильной усталости. Она чувствовала, насколько он утомлен и опустошен пережитым трансом. Все, что делали с мальчиком, казалось ей бессмысленным и жестоким. Если его надо было убить, как говорил Намри, то надо было сделать это быстро, без всяких ухищрений. Однако Лето говорил о чудесных откровениях. Может быть, это и интересовало Намри. Определенно должны же быть какие-то мотивы для такого жестокого поведения родной бабушки мальчика. Иначе зачем наша госпожа Дюны дала бы санкцию на такое опасное обращение с ребенком?

Ребенком?

Она снова задумалась над его словами. Они уже достигли подножия скалы, и Сабиха отпустила Лето, чтобы он немного отдохнул, здесь было уже безопасно. Глядя на него в тусклом свете звезд, она спросила:

— Как может случиться, что исчезнут черви?

— Только я смогу сделать так, чтобы этого не случилось, — сказал он. — Не бойся, я смогу изменить все.

— Но это...

— Некоторые вопросы не имеют ответов, — сказал он. — Я видел это в будущем, но противоречивость вызовет у тебя только растерянность. Вселенная изменчива, но самое странное проявление этой изменчивости — мы, люди. Мы отвечаем, как резонаторы, на многие воздействия. Наше будущее нуждается в постоянной корректировке. Но есть барьер, который мы должны снести, и это потребует жестокости; нам придется восстать против наших самых дорогих, самых сокровенных желаний... Но это должно быть сделано.

— Что должно быть сделано?

— Тебе когда-нибудь приходилось убивать друга? — спросил он, повернувшись к ней лицом, и направился к расщелине, в которой был скрыт вход в сиетч. Лето шел настолько быстро, насколько позволяла усталость после пережитого транса. Девушка догнала его и, схватив за одежду, остановила.

— При чем здесь убийство друга? — спросила она.

— Как бы то ни было, он умрет, — заговорил Лето. — Я не должен этого делать, но я предотвращу убийство. Если же я этого не сделаю, то разве я не стану убийцей?

— Кто тот человек... который должен умереть?

— Может случиться разное, поэтому пока я вынужден молчать, — ответил он. — Возможно, мне придется отдать сестру чудовищу.

Он снова отвернулся, и она снова схватила его за одежду, но он не стал отвечать на ее вопросы. *Пусть она ничего не знает до тех пор, пока не придет время,* подумал он.

Естественная селекция описывалась как селективный скрининг, проводимый с целью отбора особей с прогенией. Когда дело касается человека, то выявляется ограниченность такого подхода. Половое размножение становится предметом экспериментов и инноваций. Это порождает множество вопросов, включая древнюю проблему: является ли окружающая среда селекционным агентом, действующим после того, как произойдут изменения, или же среда играет роль в определении тех изменений, которые подвергаются затем скринингу. Дюна не ответила на этот вопрос: взамен она подняла новые, на которые могут попытаться ответить Лето и Об-

щина Сестер. Для этого в их распоряжении имеются следующие пятьсот поколений.

(«Катастрофа Дюны» Харк аль-Ада)

Дальние очертания голых коричневых скал Защитного Вала казались Ганиме воплощением призрака, угрожавшего ее будущему. Девочка стояла в саду на крыше Убежища спиной к заходящему солнцу, которое приобрело зловещий оранжевый оттенок из-за густых облаков пыли. Этот цвет напоминал цвет пасти червя. Ганима вздохнула. *Алия... Алия... Неужели твоя судьба станет и моей судьбой?*

В последнее время внутренние жизни в Ганиме стали проявлять небывалую активность. Во фрименском обществе были некоторые особенности в положении женщин — возможно, это было следствием реальных половых различий, но как бы то ни было из-за такого отношения женщины были более чувствительны к внутренним переживаниям. Об этом Ганиму давно предупреждала бабушка, ссылаясь при этом на аккумулированную мудрость Бене Гессерит. Предупреждала она и о том, что, проснувшись, эта мудрость может стать опасной для самой Ганимы.

— Мерзость, — говорила тогда госпожа Джессика, — это понятие, относящееся к предрожденным, оно имеет долгую драматичную историю печального и горького опыта. Путь, которым проходит Мерзость, определяется тем, что внутренние личности или жизни, живущие в предрожденном, можно разделить на два класса — добрые и злые. Добрые легко управляемы и очень полезны. Злые же, наоборот, объединяются в одну мощную «Психе» и пытаются овладеть живой плотью хозяина и его сознанием. Известно, что этот процесс продолжается довольно долго, но его признаки хорошо известны.

— Почему ты покинула Алию? — спросила Ганима.

— Я бежала в ужасе от того, что я породила, — ответила Джессика тихим голосом. — Я сдалась. И теперь меня это очень сильно гнетет... возможно, я сдалась слишком рано.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не могу это объяснить, но... может быть... нет! Я не хочу внушать тебе несбыточных надежд. *Гафла*, мерзо-

стное совращение, имеет длинную историю в человеческой мифологии. Это совращение с истинного пути называли по-разному, но чаще всего для этого употребляют слово «одержимость». Вот так скорее всего обстоит дело. Ты теряешь свой путь среди злокозненных жизней, и они овладевают тобой, ты становишься одержимой ими.

— Лето... очень боялся Пряности, — сказала Ганима, поняв, что может спокойно говорить о брате. Какую страшную цену пришлось ему заплатить!

— Это мудро, — сказала Джессика и замолчала.

Однако Ганима рискнула взорвать мир своей предковой памяти и заглянула сквозь туманную завесу, которую тщетно натягивала над древним страхом Бене Гессерит. Объяснение того, что произошло с Алией, ни на йоту не облегчило страданий Ганимы. Накопленный Бене Гессерит опыт говорил о том, что из этой ловушки можно выпутаться, и Ганима призвала на помощь *Мохалату*, добрые жизни, которые могли защитить ее от злых.

Сейчас она, стоя на краю сада на крыше Убежища в лучах заходящего солнца, вспоминала испытанное ощущение. В тот же миг она почувствовала присутствие своей матери. Чани, словно призрак, стояла здесь же, между Ганимой и дальними скалами.

— Только войди сюда и тебе придется отведать плод Заккума, пищу ада! — сказала Чани. — Закрой эту дверь дочь; это твое единственное спасение.

Суета между тем усилилась, перед внутренним взором Ганимы замелькали многочисленные лица, зазвучали голоса. Она ускользнула от них, погрузив сознание в Кредо Общины Сестер, больше подчиняясь отчаянию, нежели истинной вере. Шевеля губами, Ганима шепотом начала быстро произносить слова Кредо:

— *«Религия есть соперничество взрослого и живущего в нем ребенка. Религия — это инкапсулированные прошлые верования: мифология, которая построена на иносказаниях, скрытых допущениях веры во вселенную, те верования, которые возвещали попытки человека найти в себе силу, все это смешивалось с мизерным просвещением. И всегда окончательной невысказанной заповедью является: «Ты не станешь вопрошать!» Но мы вопрошаем. Мы нарушаем эту заповедь*

походя. Работа, которой мы должны себя посвятить, заключается в освобождении воображения, чтобы затем впрячь его в чувство творчества, которое немыслимо без воображения».

Постепенно мысли Ганимы потекли ровно и упорядоченно. Она чувствовала, как трепещет ее тело, и знала, насколько хрупок этот обманчивый покой, которого она сумела достичь — туманная пелена продолжала висеть в ее мозгу.

— Леб Камай, — прошептала она. — Сердце моего врага, не стань моим сердцем.

Она вызвала в памяти лицо Фарад'на — угрюмое молодое лицо с тяжелыми надбровными дугами и упрямо сжатым твердым ртом.

Ненависть сделает меня сильной, подумала она. *В ненависти я смогу избежать судьбы Алие.*

Но сознание ненадежности ее положения не покидало Ганиму, и все, о чем она могла думать, — это о том, насколько похож Фарад'н на ее покойного дядю — Шаддама Четвертого.

— Вот ты где!

Справа вдоль парапета к Ганиме своей солдатской походкой приблизилась Ирулан. Повернувшись к принцессе, Ганима подумала: *А это дочь Шаддама!*

— Почему ты все время проводишь в уединении, избегаешь нас? — нахмурившись, спросила Ирулан, став лицом к Ганиме.

Ганима не стала говорить, что никогда не бывает одна, что охрана прекрасно знает, где она и куда направилась. Гнев Ирулан был вызван тем, что они стояли на возвышенном открытом месте и представляли собой идеальную мишень.

— Ты не носишь защитный костюм, — сказала Ганима. — Ты знаешь, что в старые времена всякого, кто оказывался вне сиетча без защитного костюма, убивали. Он терял воду, подвергая опасности все племя.

— Воду, воду! — передразнила Ганиму Ирулан. — Меня больше интересует, почему ты подвергаешь опасности себя, гуляя по крышам? Возвращайся в дом. Ты создаешь проблемы для всех нас.

— Какая здесь может быть опасность? — удивилась Ганима. — Стилгар покарал всех предателей. Кругом охранники Алие...

Ирулан посмотрела вверх, в темнеющее небо. На серо-синем небосклоне зажглись первые звезды. Она снова посмотрела на Ганиму.

— Не буду с тобой спорить. Меня прислали сказать, что Фарад'н прислал свое слово. Он принимает предложение, но по некоторым причинам хочет отложить церемонию.

— Надолго?

— Этого мы пока не знаем, ведутся переговоры. Но Дункана отослали домой.

— А что с бабушкой?

— Она пожелала остаться на Салусе на неопределенное время.

— Кто сможет ее за это осудить? — спросила Ганима.

— Это была совершенно глупая стычка с Алией!

— Не пытайся меня одурачить, Ирулан! Это была не глупая стычка, я же слышала рассказы о ней.

— Страхи Общины Сестер...

—... вполне реальны, — закончила Ганима фразу Ирулан. — Ты доставила мне сообщение. Воспользуешься ли ты теперь возможностью разубедить меня в моем намерении?

— Нет, я сдалась.

— Ты же знаешь, что мне не стоит лгать, — сказала Ганима.

— Ну, хорошо. Да, я буду пытаться разубедить тебя. Этот план безумен.

Зачем я ее так раздражаю, подумала Ирулан. *Последователи Бене Гессерит не должны раздражаться ни при каких обстоятельствах.*

— Я очень обеспокоена большой опасностью, которая над тобой нависла, — сказала Ирулан. Ты это знаешь. Гани, Гани, ты же дочь Пауля. Как ты можешь...

— Именно потому, что я — дочь Пауля, — ответила Ганима. — Мы, Атрейдесы, восходим к Агамемнону и знаем свою кровь. Никогда не смей об этом забывать, бездетная жена моего отца. У нас, Атрейдесов, кровавая история, и мы не остановимся перед необходимостью ее пролить.

— Кто такой Агамемнон? — вдруг спросила Ирулан.

— Ваше хваленое образование в школе Бене Гессерит говорит само за себя, — ответила Ганима. — Я все время забываю, что твой род слишком короток. Но моя память восходит к...

Она замолчала не желая нарушать хрупкий сон спящих в ее памяти предков.

— Что бы ты ни помнила, могу сказать, что твой курс очень опасен, потому что...

— Я убью его, — пообещала Ганима. — Он должен мне жизнь.

— Я не допущу этого, если смогу.

— Мы это и так знаем. Но у тебя не будет такой возможности. Алия отошлет тебя в один из южных городов, где ты и будешь находиться до тех пор, пока все не будет исполнено.

Ирулан негодующе покачала головой.

— Гани, я поклялась, что буду защищать тебя от любой опасности. Если потребуется, то ради этого я пожертвую жизнью. Если ты думаешь, что я буду спокойно отсиживаться за каменными стенами какой-нибудь джедиды, когда ты...

— Всегда найдется Хуануй, — сказала Ганима очень мягко. — Смерть — это всегда альтернатива. Я уверена, что из ссылки ты ни во что не сможешь вмешаться.

Ирулан побледнела и, забыв на мгновение обо всей своей подготовке, прижала ладонь к губам. Она столько заботы вложила в эту девочку, сейчас женщину покинули все чувства, кроме, может быть, животного страха. Губы ее задрожали, она заговорила, почти срываясь на крик:

— Гани, я не боюсь за себя! Ради тебя я могу броситься в пасть червю. Да, ты правильно сказала: я — бездетная жена твоего отца, но ты — это тот ребенок, которого у меня никогда не было. Я умоляю тебя... — слезы заблестели в уголках ее глаз.

У самой Ганимы подступил комок к горлу, но она не дала волю своей слабости.

— Между нами есть еще одна разница. Ты никогда не была в отличие от меня фрименкой. Это пропасть, которая разделяет нас. Алия знает об этом. Кто бы она ни была, это она знает твердо.

— Ты не можешь говорить, что Алия знает, — с горечью произнесла Ирулан. — Если бы я не знала, что она из Атрейдесов, то могла бы поклясться, что она желает уничтожить свою семью.

Откуда, собственно говоря, ты можешь знать, что Алия все еще Атрейдес? — подумала Ганима, удивляясь слепоте Ирулан. Она же из Бене Гессерит, а кто лучше Сестер знает историю Мерзости? Она не посмела бы даже думать об этом, не говоря уж о том, чтобы поверить в такую возможность. Должно быть, Алия испробовала на этой несчастной женщине кое-какие приемы своего колдовства.

— Я должна тебе воду. Поэтому я стану охранять тебя, — сказала Ганима. — Но твой кузен потерял это право. Так что не будем больше говорить об этом.

Губы Ирулан все еще дрожали, когда она вытерла глаза.

— Я очень любила твоего отца, — прошептала она. — Я даже не догадывалась, насколько, до тех пор пока он не умер.

— Может быть, он жив, — сказала Ганима. — Этот Проповедник...

— Гани! Иногда я перестаю тебя понимать. Неужели Пауль стал бы так нападать на свою семью?

Ганима пожала плечами и вгляделась в темное уже небо.

— Он может находить это забавным...

— Как ты можешь так легко об этом говорить?

— Чтобы не погрузиться в темную бездну, — ответила Ганима. — Я не издеваюсь над тобой. Бог видит, что нет. Просто я — дочь своего отца. Я человек, в котором посеяно семя Атрейдесов. Ты не станешь думать о Мерзости, а я могу думать только о ней. Я — предрожденная. Я знаю, что творится у меня внутри.

— Это глупое суеверие о...

— Не надо, — Ганима протянула руку к губам Ирулан. — Я — продукт проклятой селекционной программы Бене Гессерит, ее придумала моя родная бабка. Но это еще далеко не все.

Она ногтем разорвала кожу на ладони, из раны потекла кровь.

— Видишь, какое у меня юное тело, какая тонкая кожа... Но мой опыт... О, боги, Ирулан! Мой опыт! Нет!

Она выбросила вперед руку, видя, что Ирулан приблизилась к ней.

— Мне ведомо все то будущее, которое с таким тщанием исследовал мой отец. Во мне столько мудрости предков и столько же их невежества... и моральной неустойчивости. Если ты хочешь помочь мне, то сначала пойми, кто я.

Совершенно инстинктивно Ирулан наклонилась вперед и крепко обняла Ганиму, прижавшись щекой к ее щеке.

Боже, сделай так, чтобы мне не пришлось убить эту женщину! — подумала Ганима. *Не дай этому случиться!*

На Пустыню незаметно опустилась ночь.

Позвала тебя маленькая пташка
С красным полосатым клювом.
Прокричала она над сиетчем Табр,
И отнесли тебя на могильное поле.

(Плач по Лето II)

Лето проснулся от позвякивания водяных колец в волосах женщины. Он посмотрел в проем открытой двери своей кельи и увидел сидевшую там Сабиху. Полупогруженный в наркотический дурман, он увидел сейчас то, что открыло ему недавнее видение. Сабиха была на два года старше того возраста, когда большинство фрименских женщин уже замужем или, по меньшей мере, обручены. Следовательно, ее семья бережет ее для чего-то... или для кого-то. Девушка, очевидно, уже давно пересиживала свой брачный возраст. Затуманенное видениями зрение все-таки позволило ему разглядеть, что женщина похожа на образ из древнейшего земного прошлого: темные волосы и светлая кожа, глубоко посаженные глаза синие-на-синем, тень придавал им зеленоватый оттенок. У нее был маленький нос, большой рот и острый подбородок. Сабиха была живым сигналом того, что план Бене Гессерит известен — или о нем догадываются — здесь, в Якуруту. Они хотят возродить старый империализм фараонов с его помощью? Зачем же тогда эти попытки принудить его к браку с собственной сестрой? Несомненно, Сабиха не могла предотвратить этого.

Однако его тюремщикам план Бене Гессерит был известен. Но как они об этом ўзнали? Они не могли проникать в чужие видения. Они не могли бывать вместе с Лето там, где жизнь превращалась в подвижную мембрану, проникающую в иные измерения. Рефлексивные и повторяющиеся видения, в которых неизменно присутствовала Сабиха, принадлежали только и исключительно Лето.

Кольца снова звякнули в волосах Сабихи, и этот звук спугнул видение. Теперь он точно знал, где находится и чему научился. Это знание не могло быть стерто ничем. Нет, это не паланкин, не звон колец, не песня путников. Нет... Он находится здесь, в келье Якуруту, вовлеченный в самое опасное из путешествий: туда и обратно, к Аль ассунна валь-джамас, из реального мира чувств и обратно — в иллюзорный мир видений.

Что она делает там со своими кольцами, звенящими в волосах? О, да. Она готовит варево, которым будут потчевать сегодня его, Лето Атрейдеса, те, кто схватил его и держит в неволе. Это зелье, которое держит его в реальном мире только наполовину, будут давать ему до тех пор, пока либо он умрет, либо исполнятся планы его бабки. Каждый раз, когда он думал, что победил в этой схватке, они тотчас отсылали его назад, в небытие! Госпожа Джессика оказалась права — старая ведьма! Но кое-что надо сделать не откладывая. Все воспоминания о прошлой жизни всех его предков бесполезны до тех пор, пока не научится организовывать данные о них и не сможет вспоминать их по первому требованию. Сейчас эти жизни живут в условиях полнейшей анархии. Одна или несколько из них могут полностью подавить его волю. Пряность и ее неумеренное потребление им здесь, в Якуруту, стали отчаянной азартной игрой.

Гурни ждет знака, а я отказываюсь его дать. Насколько же хватит его терпения?

Он внимательно посмотрел на Сабиху. Она откинула с головы капюшон, и на висках стала видна ее племенная татуировка. Сначала Лето не узнал ее, но потом припомнил, где он находится. Да, сиетч Якуруту до сих пор жив.

Лето не мог понять, следует ли ему ненавидеть бабку или, наоборот, благодарить ее за то, что она с ним сдела-

ла. Она хотела, чтобы его инстинкты проникли на уровень сознания. Но что такое инстинкты? Это расовая память на то, как справляться с кризисными ситуациями. Его прямой доступ к памяти живших до него предоставлял такую возможность без всякой Пряности. Теперь, когда отношения с множественной предковой памятью были упорядочены, надо было как можно тщательнее скрывать это от Гурни. Но не было способа спрятать это от Намри. Да, Намри — это большая проблема.

Сабиха вошла в келью с чашей в руках. Свет, падавший от двери, образовывал вокруг ее волос восхитительные радужные круги. Она осторожно приподняла его голову и начала кормить из чаши. Только теперь Лето понял, насколько он ослаб. Он позволил ей кормить себя, но ум его в это время был далеко, беседуя с Гурни и Намри. Они верили ему! Намри верил больше, но даже Гурни не мог отрицать того, что сообщали ему чувства Лето о Дюне.

Сабиха вытерла ему рот подолом платья.

Ах, Сабиха, подумал он, вспомнив недавнее видение, наполнявшее его сердце болью. *Много ночей грезил я у открытой воды, и ветер проносился у меня над головой. Много ночей провела моя плоть возле змеиного гнезда, а я мечтал о Сабихе во время летнего зноя. Я видел, как она складывает испеченные на докрасна раскаленных противнях сдобренные Пряностью хлебы. Я видел чистую воду канала, тихую и гладкую, но в моем сердце бушевала буря. Вот она пьет кофе и ест. Зубы ее поблескивают в тени. Я вижу, как она вплетает мои водяные кольца в свои волосы. Янтарный аромат ее груди задевает струны моих самых сокровенных чувств. Она мучит меня и сжигает мою душу одним только своим существованием.*

Как ни сопротивлялся Лето натиску этой страсти, все было тщетно: замороженный шар его пространственно-временной памяти взорвался. Мальчик явственно ощутил, как в его объятиях ритмично движется, издавая сладострастные звуки, женское тело; они впитывали ощущения всем своим телом — губами, через влажное, хрипловатое дыхание, языком... перед мысленным взором возникали видения каких-то спиралей... В мозгу же звучал исступлен-

ный голос: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Жаркое, распирающее, взрослое ощущение появилось у Лето в паху. На всем теле выступил пот, наступила кульминация.

О, как сладко будет испытать все это наяву!

— Сабиха, — страстно зашептал Лето. — О, моя Сабиха.

Как только ее подопечный вошел в нужную глубину транса, Сабиха поставила на пол чашу и вышла, остановившись у выхода, чтобы доложить обо всем Намри.

— Он снова произносит мое имя, — сказала она.

— Иди и сиди с ним, — сказал Намри. — Мне надо найти Халлека и обсудить это с ним.

Сабиха вынесла чашу с остатками варева и вернулась в келью. Сев на край ложа, она принялась разглядывать затененное лицо мальчика.

Вот он открыл глаза, протянул руку и коснулся кончиками пальцев щеки девушки. Он заговорил, рассказывая ей о видении, главной героиней которого была она, Сабиха.

Пока он говорил, женщина положила свою ладонь на его руку. Какой он сладкий... какой сла... — она прилегла рядом с ним, подложив под голову его руку. Сабиха уснула глубоким сном еще до того, как Лето высвободил руку. Он сел, чувствуя всю глубину своей немощи. Пряность и видения истощили его, выпили до дна. Он оглядел келью, стараясь хоть чуть-чуть взбодриться, и поднялся с ложа, не потревожив Сабиху. Надо уйти, хотя он понимал, что в таком состоянии уйти далеко не сможет. Лето медленно застегнул защитный костюм, собрал лежавшую возле ложа одежду и вышел наружу. Вокруг были люди, занятые своими делами, они знали его, но не были обязаны за ним следить. Намри и Халлек скоро узнают, что он сделал. Сабиха спит не слишком глубоко.

Мальчик увидел боковой лаз и храбро спустился в него.

Сабиха действительно мирно спала, когда в келью вошли Халлек и Намри.

Женщина быстро села, протерла глаза, увидела пустое ложе, дядю, стоявшего позади Халлека, и выражение гнева на их лицах.

Первым заговорил Намри.

— Да, да, он ушел.

— Как ты его упустила? — в ярости прошипел Халлек. — Как это могло случиться?

— Видели, как он пошел к нижнему выходу, — произнес Намри до странности спокойным тоном.

Сабиха, съежившись от страха, стояла перед мужчинами, силясь вспомнить, что произошло.

— Я не помню, я ничего не помню, — повторяла она.

— Наступает ночь, а он очень слаб, — сказал Намри. — Он не сможет уйти далеко.

Халлек резко повернулся к нему.

— Ты хочешь, чтобы мальчик умер?

— Это не слишком меня огорчит.

Халлек снова обернулся к Сабихе.

— Расскажи мне, что произошло.

— Сначала он коснулся моей щеки. Говорил о своем видении... где мы были вместе, — она посмотрела на пустое ложе. — Он заставил меня уснуть. Это было какое-то волшебство.

Халлек взглянул на Намри.

— Он не может прятаться где-нибудь внутри?

— Нет, его бы нашли, заметили. Нет, он направлялся к выходу. Его здесь нет.

— Волшебство, — продолжала бормотать Сабиха.

— Никакого волшебства, — заявил Намри, — он просто загипнотизировал ее. Он и со мной чуть было это не проделал? Сказал, что я его друг.

— Он очень слаб, — сказал Халлек.

— Только телом, — возразил Намри. — Но далеко он не уйдет. Я испортил пяточные насосы его костюма. Он умрет от обезвоживания, если мы его не найдем.

Халлек едва не ударил Намри, но вовремя сдержался. Джессика предупреждала, что Намри, возможно, придется убить парня. Господи! До чего они дошли — Атрейдесы против Атрейдесов.

— Может быть, он просто побрел куда глаза глядят, может быть, он просто не вышел из транса?

— Какая разница? — возразил Намри. — В любом случае, если мы его не найдем, он умрет.

— Начнем искать его на рассвете, — решил Халлек. — Он взял с собой фримпакет?

— У входа всегда лежит несколько штук, — сказал Намри. — Он был бы полным дураком, если бы не взял один. Но он не произвел на меня впечатления дурака.

— Тогда пошли сообщение нашим друзьям, — сказал Халлек. — Расскажи им, что произошло.

— Этой ночью не будет никаких сообщений, — ответил Намри. — Надвигается буря. Племена следят за ее продвижением уже три дня. Она будет здесь в полночь. Все средства связи отключены. Спутники перестали выходить на связь с нашим сектором два часа назад.

Халлек судорожно вздохнул. Если мальчика застигнет буря, он, без сомнений, погибнет. Ветер сожрет его плоть и измельчит кости. Вымышленная смерть станет реальной. Он изо всех сил ударил кулаком в ладонь. Буря может запереть их в сиетче, они не смогут даже носа из него высунуть. Накопившееся в воздухе электричество уже отрезало сиетч от внешнего мира.

— Дистранс, — произнес Халлек. Ему пришло в голову, что можно записать сообщение на сигналы летучих мышей и передать их по аварийной системе.

Намри отрицательно покачал головой.

— Летучие мыши не летают в такую погоду. Они чувствуют бурю лучше, чем мы, и прячутся в скалах до тех пор, пока не уляжется ветер. Правда, можно связаться со спутником, чтобы нас снова включили. Тогда мы сможем хотя бы найти его останки.

— Он не погибнет, если взял с собой фримпакет и зароется в песок во время бури, — сказала Сабиха.

Выругавшись себе под нос, Халлек резко повернулся и стремительно вышел из кельи.

Мир требует решений, но мы никогда не принимаем живых решений; мы лишь стремимся это делать. Закрепленное решение есть, по определению, мертвое решение. Вся проблема мира заключается в том, что он наказывает за ошибки, вместо того чтобы награждать за блестящие достижения.

(Слова моего отца; рассказ о Муад'Дибе, восстановленный Харком аль-Ада)

— Она его учит? Она учит Фарад'на?

Алия смотрела на Дункана Айдахо с недоверием и злостью. Лайнер Гильдии перешел на орбиту вокруг Арракиса в полдень по местному времени, а час спустя челнок без всякой пышной помпы доставил Айдахо в Арракин. Через несколько минут орнитоптер приземлился на крыше Убежища. Предупрежденная о его вынужденном приезде, Алия встретила его очень сухо и официально на глазах своих гвардейцев, и вот теперь они стоят напротив друг друга в северном крыле Убежища. Айдахо только что передал ей точное, правдивое сообщение о том, что произошло, подчеркивая каждую важную деталь.

— Она совершенно потеряла чувство реальности, — сказала Алия.

Он воспринял этот ответ в его ментальном аспекте.

— Все указывает на то, что Джессика пребывает в уравновешенном состоянии духа. Я бы сказал, что ее индекс душевного здоровья...

— Прекрати, — огрызнулась Алия. — О чем она вообще думает?

Айдахо, который понял, что его собственный психический баланс зависит сейчас от того, насколько быстро он сумеет погрузиться в эмоциональное спокойствие ментата, произнес:

— Я вычислил, что она думает о помолвке внучки.

Лицо его при этом оставалось ласковым и мягким — маской, под которой скрывались ярость и горе. Здесь не было Алие. Прежняя Алия умерла. Иногда перед его внутренним взором возникал мифический образ прежней, возможно, никогда не существовавшей Алие, но ум ментата мог выдерживать такой самообман не дольше нескольких минут. Эта тварь в человеческом облике была одержима, ее душой овладели демоны. Фасетки его стальных глаз разложили Алию на множество образов, каждый из которых был отражением мифа. Потом он попытался сложить эти фрагментарные образы в один, но Алия не получилась, ее больше не существовало. Ее характеристики были разодранными, их нельзя было более соединить в цельную личность. Его жена превратилась в пустую оболочку, внутри которой осталась только одна злоба.

— Где Ганима? — спросил он.

— Я отослала ее вместе с Ирулан в имение Стилгара, — она небрежно отмахнулась от его вопроса.

Это нейтральная территория, подумал Айдахо. *Значит, она провела переговоры с мятежными племенами. Она теряет почву под ногами и даже не догадывается об этом... не догадывается ли? Переметнулся ли Стилгар на ее сторону?*

— Обручение, — вслух размышляла Алия. — Какова обстановка в Доме Коррино?

— Салуса налаживает контакты с инопланетными родственниками, которые ставят на Фарад'на, надеясь получить свою долю, когда принц вернет себе власть.

— И она учит его по методике Бене Гессерит?

— Разве это не нужно будущему мужу Ганимы?

Алия едва заметно улыбнулась, вспомнив неугасимую ярость Ганимы. Пусть Фарад'на учат. Джессика готовит к обучению труп. Все это пустая трата времени.

— Мне надо все это обдумать, — сказала Алия. — Что-то ты слишком спокоен, Дункан.

— Я жду твоих вопросов.

— Вижу. Понимаешь ли ты, как я рассердилась на тебя? Взять и отвезти ее к Фарад'ну!

— Ты сама поручила мне привести твой замысел в исполнение.

— Я была вынуждена оставить без последствий сообщение о том, что вас, как пленников, захватили на Салусе, — сказала она.

— Я выполнял твой приказ.

— Временами ты бываешь невыносимо пунктуален, Дункан. Иногда ты меня просто пугаешь. Но если бы ты этого не сделал, то...

— Госпожа Джессика в безопасности, — сказал он. — Ради Ганимы мы должны быть благодарны, что...

— В высшей степени благодарны, — согласилась Алия. *Ему нельзя больше доверять. В нем крепко сидит верность Атрейдесам. Надо под каким-то предлогом отослать его отсюда... и ликвидировать. Несчастный случай, конечно...*

Она прикоснулась кончиками пальцев к его щеке.

Айдахо заставил себя ответить на ласку и почтительно поцеловал жене руку.

— Дункан, Дункан, как это все грустно, — сказала она. — Но я не могу держать тебя здесь, со мной. Произошло так много событий, и так мало осталось людей, которым можно полностью доверять.

Он отпустил ее руку и застыл в ожидании.

— Я была вынуждена послать Ганиму в Табр, — сказала она. — Здесь стало очень неспокойно. Отряды с Порченой Земли разрушили канал в бассейне Кагги и выпустили всю воду в песок. В Арракине снижены нормы потребления воды. Бассейн, правда, уцелел с помощью песчаной форели, и мы собираем оставшуюся воду, хотя ее слой очень тонок.

До Айдахо вдруг дошло, что в Убежище почти не видно амазонок из личной гвардии Алие. Он подумал: *Повстанцы Внутренней Пустыни не оставят своих попыток пробить оборону Алие. Знает ли она об этом?*

— Табр пока нейтрален, — продолжала Алия. — Переговоры продолжаются. Там Джавид с делегацией священников. Но я хочу, чтобы ты в Табре понаблюдал за ними, особенно за Ирулан.

— Да, конечно, она же Коррино, — согласился он.

Но по глазам жены Айдахо понял, что для нее он уже не существует. Как же прозрачна стала эта тварь в образе Алие!

Она махнула рукой.

— Теперь иди, Дункан, пока я не размякла и не позволила тебе остаться. Я так скучала по тебе...

— Я тоже скучал, — он вложил в эту фразу всю свою неизбывную печаль.

Она внимательно посмотрела на мужа, пораженная этой искренней грустью.

— Ради тебя, Дункан, — сказала она вслух, а про себя подумала: *Очень плохо, Дункан.* — Зия отвезет тебя в Табр, орнитоптер нам сейчас очень нужен самим.

Это ее любимая амазонка, подумал Айдахо. *Надо соблюдать предельную осторожность.*

— Я понимаю, — сказал он и еще раз поцеловал Алие руку, снова посмотрел на дорогую для него плоть, которая когда-то была плотью его возлюбленной Алие. Уходя, он так и не смог заставить себя взглянуть ей в лицо. В ее глазах был виден чужой человек.

Выйдя на взлетную площадку, Айдахо испытал какую-то неудовлетворенность от вопросов, на которые он пока не ответил. Встреча с Алией была нелегким испытанием для его способностей обрабатывать поступающую информацию. Он стоял возле орнитоптера рядом с охранявшей его амазонкой, угрюмо глядя на юг. Воображение унесло его за Защитный Вал, в сиетч Табр. *Почему Зия должна везти меня в Табр? Вернуть орнитоптер — это минутное дело для первого же попавшегося лакея. В чем причина задержки? Зия получает инструкции?*

Айдахо взглянул на бдительную амазонку, сел на место пилота, высунулся из кабины и сказал:

— Скажи Алие, что я немедленно пришлю орнитоптер назад с одним из людей Стилгара.

Прежде чем женщина успела ответить, Дункан запустил двигатель. Амазонка стояла в нерешительности. Кто может оспаривать решения супруга Алие? Когда она поймет, что делать, он будет уже в воздухе.

Теперь, когда Айдахо был один в кабине, он мог дать волю своему горю, и зарыдал. Алия ушла. Сегодня они расстались навеки. Слезы текли из его искусственных глаз, а он исступленно шептал: «Пусть все воды Дюны уйдут в песок. Я восполню их своими слезами».

Это был не поступок ментата, и Айдахо пришлось собраться, чтобы переключить внимание на текущие дела. Надо было внимательно управлять машиной. Управление отвлекло внимание от горя, и Дункан смог взять себя в руки.

Ганима снова со Стилгаром. И с Ирулан.

Зачем Зия должна была сопровождать его? *Должен был произойти несчастный случай со смертельным исходом.*

Каменная усыпальница правителя — не приют для молящихся. Она — могила скорби. Только ветер слышит голоса этого места. Крики ночных тварей и непреходящее чудо света двух лун вопиют о том, что сочтены дни этого человека. Нет больше просителей. Гости покинули веселый пир. Опустела тропа к этой горе.

(Строки об усыпальнице герцога Атрейдеса неизвестного автора)

Сложившиеся обстоятельства поражали Лето своей обманчивой простотой. Чтобы избежать видений, надо делать все, основываясь на том, чего не видишь. Он понимал, что главная ловушка находится в его голове. Нити запертого в сознании будущего захватывают человека и не выпускают, порвать эти нити — вот главная задача. Ни в одном видении Лето не было сцены бегства из Якуруту. Но первое, что надо было сделать, — это перерезать нить, связывавшую его с Сабихой.

В последних лучах заходящего солнца он взобрался на край скалы, которая прикрывала Якуруту с востока. Во фримпакете оказались тонизирующие таблетки и еда. Он принял препарат и теперь следовало подождать прилива сил. К западу лежало озеро Азрак — гипсовая чаша, заполненная некогда открытой водой. Но это было еще до появления червей. К югу находился невидимый отсюда Бене Шерк, новые поселения, покрывшие безжизненный *блед*. К югу была Танзерцфа — Земля Ужаса: три тысячи восемьсот километров безводной Пустыни с редкими пятнами травы вокруг дюн с водоуловителями. То была работа экологов, проводивших трансформацию Арракиса. Эти зеленые островки обслуживались воздушными вахтами, которые подолгу там не задерживались.

Я пойду к югу, решил Лето. *Гурни ждет, что именно туда я и направлюсь.* Сейчас не тот момент, чтобы делать что-то неожиданное и непредсказуемое.

Скоро стемнеет и тогда можно будет покинуть это временное убежище. Лето оглядел южный горизонт. Там с земли поднимались, словно клубы дыма, пыльные вихри, закрывающие небо горячей завесой, — буря. Гигантский центр бури, подобно извивающемуся червю, вздымался на Великой Равнине. Почти минуту Лето наблюдал за центром и понял, что тот не движется. На ум мальчику пришла старая фрименская мудрость: *Если центр не движется, значит, ты на пути бури.*

Это обстоятельство меняло все.

Несколько мгновений он смотрел на запад, туда, где был Табр, ощутив обманчивый покой вечера в Пустыне; белое гипсовое дно старого озера с круглой, обточенной

ветрами галькой; первобытная бескрайняя пустота с нереальной блестящей поверхностью тыльных облаков. Ни в одном видении Лето не представлял себя в эпицентре матери-бури, закопавшимся в песок, чтобы выжить в этом страшном хаосе. Было, правда, видение, в котором его несет ветер... но это могло наступить позже.

Буря между тем надвигалась. Фронт сметающего все на своем пути ветра достигал нескольких градусов широты. Это становилось рискованным. Лето приходилось слышать старые фрименские истории, обычно передаваемые через третьи, а то и четвертые руки о том, что можно пригвоздить к земле уставшего червя, если воткнуть крюк погонщика в землю сквозь одно из широких колец червя, и выжить, спрятавшись с подветренной стороны животного. То была грань между отвагой и давно забытой безрассудностью, которая сейчас бросала вызов мальчику. Буря начнется не раньше чем в полночь, так что время еще есть. Сколько нитей надо еще перерезать? Все, включая и главную?

Гурни думает, что я пойду к югу, но не в эпицентр бури.

Он посмотрел на юг, отыскал глазами дорогу, увидел черную, как эбонит, горловину расселины в скале, в изгибах которой был песок, падавший, словно вода, на плоскую равнину. Жажда обожгла горло, когда Лето, вскинув на плечо фримпакет, направился по тропе к каньону. Было еще достаточно светло и дорогу было неплохо видно, но Лето понимал, что играет с Временем в очень азартную игру.

Когда он достиг губы каньона, на Пустыню внезапно, как это и бывает, упала ночная тьма. Пятнистое глиссандо лунного света показывало путь к Танзеруфту. Сердце его забилось чаще при воспоминании о всех тех ужасах, которыми щедро снабдили его услужливые внутренние жизни с их богатой памятью. Мальчик почувствовал, что может попасть прямо в лапы Хуануй-наа, так обозначает старинный фрименский страх крупнейшие бури: это означает Смерть Земли. Но что бы ни произошло, это будет не видение, а подлинная реальность. Каждый пройденный шаг все дальше уводил Лето от наведенной Пряностью *дхи-*

аны, того специфического осознания интуитивно-творческого характера его натуры, с ее развернутостью к неподвижной цепи случайностей. На каждые сто шагов, которые он теперь проходил вперед, приходился один шаг, сделанный в сторону. Лето делал это для того, чтобы без слов слиться с вновь обретенной внутренней реальностью.

Тем или иным путем, но я приду к тебе, отец.

Вокруг него попискивали невидимые маленькие птицы. Будучи фременом, он ориентировался по этим звукам там, где не было видно ни зги. Минуя расселины, он часто видел горящие в них зеленые глаза ночных хищников, попрятавшихся в преддверии бури.

Лето вышел из горловины каньона на открытое пространство Пустыни. Живой песок шевелился и дышал под его ногами, рассказывая о своей потаенной, но мощной жизни. Он оглянулся и увидел в лунном свете застывшую вулканическую лаву, покрывавшую скалы Якуруту. Вся структура этого мира была метаморфична, говорила о том, что Арракису есть еще чем поделиться с будущим. Лето поставил на землю ударник, чтобы вызвать червя. Стукнув о песок, он стал ждать, внимательно вслушиваясь в тишину Пустыни. Неосознанно он потрогал рукой кольцо Атрейдесов, спрятанное в складке одежды. Гурни наверняка видел его, но не взял. Интересно, что он подумал, увидев кольцо Пауля?

Отец, жди меня; я скоро приду к тебе.

Червь пришел с юга. Он изогнулся углом, чтобы не сталкиваться со скалами. Червь был не такой большой, как надеялся Лето, но здесь уж ничего не поделаешь. Лето проверил направление движения, установил крюки и взобрался по складчатому боку червя на его спину, подняв при этом клубы пыли. Ветер раздувал одежду Лето. Мальчик стал смотреть на тусклые от поднятой в воздух пыли южные звезды и направил червя вперед.

Прямо в бурю.

Когда взошла Первая Луна, Лето уточнил расположение бури и рассчитал время ее начала. Выходило, что она начнется не раньше утра. Теперь надо было собраться с силами и сделать большой рывок. Да, после такой бури

будет много работы экологическим командам. Можно было подумать, что планета сопротивляется человеку с тем большей яростью, чем большие площади отвоевываются у Пустыни.

Всю ночь Лето гнал червя к югу, измеряя оставшуюся у животного энергию по его движениям, которые Лето ощущал ступнями. Иногда он позволял зверю сбиваться с пути немного на запад. Червь делал это отчасти потому, что на западе была граница его ареала, а может быть, животное тоже чувствовало приближение гигантской бури. Обычно для того, чтобы избежать гибели от ударов несущегося над поверхностью песка, черви зарываются в землю. Но этот не сможет зарыться, потому что Лето фиксирует его открытое кольцо крюком погонщика.

К полуночи червь начал выдыхаться. Движения его борозд стали медленнее, он начал вихлять, но продолжал стремиться на юг.

Буря разразилась на рассвете. Сначала возникла какая-то странная неподвижность Пустыни. Было такое чувство, что восход спрессовал дюны друг с другом. Летящая в лицо пыль заставила Лето прикрыть глаза полами одежды. Облака пыли сгустились, и Пустыня превратилась в некое пространство, лишенное каких бы то ни было очертаний. По щекам и векам начали стегать иглы мелких пока песчинок. Рот наполнился крупным песком, и Лето понял, что настала решительная минута. Стоит ли рискнуть и пригвоздить к земле загнанного червя? Лето понадобилась всего секунда, чтобы отказаться от такого решения. Он пробрался к хвосту червя и выдернул свои крюки. Едва двигаясь, червь начал зарываться в песок. Энергетическая система животного продолжала переносить тепло, и у хвоста было жарко, как в печи. Фримены с детства знают, как опасно подходить к хвосту червя. Червь — это фабрика, производящая кислород. На пути движения червя, возле его хвоста пылал страшный огонь — кислород выделялся как побочный продукт синтеза смазки, которая помогала червю легко двигаться в песке.

Летящий песок неистово бил Лето по ногам. Лето окончательно вырвал крюки и бросился в сторону, чтобы не

сгореть в горниле червя. Самое главное теперь заключалось в быстроте, с которой Лето удастся зарыться во взрыхленный червем песок.

Схватив уплотняющий инструмент левой рукой, Лето вгрызся в пологий склон дюны, зная, что червь слишком устал, чтобы обернуться и пожрать человека. Работая левой рукой, Лето правой одновременно извлек из фримпакета тент и приготовился раздуть его. Все было сделано меньше чем за минуту: тент был развернут в кармане, образовавшемся в подветренной стороне дюны. Лето раздул тент и вполз в него. Прежде чем запечатать вход, он выдвинул наружу уплотнитель и переключил его на реверсивный режим — инструмент стал разрыхлителем. Песок неумолимо засыпал тент. Однако Лето успел вовремя запечатать отверстие — внутрь тента попало всего несколько песчинок.

Теперь надо было работать еще быстрее. Никакой дыхательной трубки не хватит, чтобы вывести ее на поверхность через многотонную массу песка. Надвигалась великая буря, которую мало кому удается пережить. Его сможет защитить только пузырь раздутого тента, спрятанный в полости с плотными стенками.

Лето лег на спину и вытянулся. Он сложил руки на груди и вызвал у себя гипнотический транс, во время которого частота его дыхания снизится до одного дыхания в час. Таким образом, он вручил свою судьбу неизвестности. Если буря не вскроет его убежище, то он сможет, вероятно, выбраться... или же войти в *мадинат ас-салам* — Местопребывание Мира. Но что бы ни случилось, в первую очередь надо порвать все нити, одну за одной, оставив только ту, что связывает его с Золотым Путем. Или он это сделает, или никогда не вернется в халифат наследников своего отца. Надо разрушить всю ложь, все колдовские обряды, поразившие халифат, ставший ужасным прибежищем для демиурга его отца. Лето не станет больше молчать, когда очередной священник понесет откровенную чушь: *«Его кинжал рассеет воинство демонов!»*

Приняв это решение, Лето толкнул свое сознание на вневременной путь *дао*.

В любой планетарной системе существуют очевидные влияния высших порядков. Это положение часто демонстрируют с помощью перенесения земных форм жизни на вновь открытые планеты. Во всех таких случаях жизнь в похожих зонах проявляет поразительное подобие в развитии адаптивных признаков. Образование таких форм означает нечто большее, чем морфологическое приспособление; это говорит об общей организации выживаемости и о родстве таких организаций. Человек должен исследовать этот взаимозависимый порядок и отыскать в нем нашу нишу— это является для нас задачей первостепенной важности. Этот поиск, конечно, может выродиться в консервативное нахождение простого тождества условий. Но такой подход оказался смертельным для многих систем.

(«Катастрофа Дюны» Харк аль-Ада)

— В действительности мой сын никогда не видел *будущего*; он видел процесс творения и его отношение к мифам, в которых спит убаюканное человечество, — сказала Джессика. Она говорила быстро, но без скороговорки, внятно излагая суть дела. Она знала, что скрытые соглядатаи прервут эти занятия, как только им станет ясно, что именно она задумала.

Фарад'н сидел на полу, озаренный золотистыми солнечными лучами, которые щедро вливались в комнату через окно, возле которого сидел принц. Со своего места у противоположной стены Джессика могла видеть только верхушки деревьев в дворовом саду. Перед ней сидел новый Фарад'н: более стройный, более жилистый. Месяцы тренировок сделали свое дело. Глаза принца сияли, когда он смотрел на Джессику.

— Он видел формы, которые существующие силы, если они не отклонятся от первоначального пути, создадут из существующих исходных форм, — продолжала Джессика. — Он обращался за поиском этих форм больше к себе и своему опыту, нежели к опытам других людей. Он отказывался принимать что-то только потому, что это было удобно лично ему, считая это моральной трусостью.

Фарад'н научился молча слушать, оценивать и ни о чем не спрашивать до тех пор, пока его вопросы не станови-

лись точны и безошибочны. Джессика же говорила ему о взглядах Бене Гессерит на молекулярную память, выраженную в ритуалах, и очень естественно приучила его анализировать деятельность Пауля Муад'Диба с точки зрения Общины Сестер. Однако Фарад'н видел теневую сторону ее игры, видел проекции неосознанных форм, которые противоречили поверхностным намерениям и видимому смыслу ее утверждений и высказываний.

— Из всех наших наблюдений — это наиболее значимое, — сказала она. — Жизнь — это маска, посредством которой вселенная выражает самое себя. Мы допускаем, что все человечество и поддерживаемые им живые формы представляют собой *естественную* общность, и что судьба всей жизни является ставкой в решении судеб отдельно взятого человека. Таким образом, когда дело доходит до самопознания, до *amor fati*, мы перестаем играть в бога и обращаемся к обучению. В этом хаосе мы отыскиваем и отбираем индивидов и делаем их настолько свободными, насколько нам хватает сил.

Теперь он ясно видел, куда она вела его, и понимал, какой эффект все это производило на тех, кто следил за этим обучением с помощью шпионских ухищрений. Фарад'н едва удержался от того, чтобы бросить понимающий взгляд на дверь. Только наметанный глаз мог заметить, что Фарад'н на секунду потерял душевное равновесие, но Джессика сразу заметила это и улыбнулась. Правда, эта улыбка могла значить и что-то другое.

— Сегодня у нас нечто вроде выпускной церемонии, — сказала Джессика. — Я очень довольна тобой, Фарад'н. Будь добр, встань, пожалуйста.

Он повиновался и, встав, загородил Джессике вид деревьев в саду.

Джессика вытянула руки по швам, встав по стойке «смирно».

— Я уполномочена сказать тебе следующее: «Я стою здесь в присутствии священного существа — человека. Как я делаю это сейчас, так же будешь делать и ты, когда наступит твой час. В твоем присутствии я молюсь, чтобы это было так. Будущее остается неопределенным и так должно быть, ибо это холст, на котором каждый из нас пишет свои желания. Таким образом, человек создан для того,

чтобы все время смотреть на этот прекрасный, ничем не заполненный холст. Мы по-настоящему владеем только этим моментом, когда мы посвящаем себя священному присутствию, которое разделяем и творим одновременно».

Когда Джессика закончила говорить, в комнату вошел Тиеканик. Он с деланной беспечностью подошел к Джессике, но его истинное настроение было нетрудно угадать. Лицо башара было мрачным и хмурым.

— Мой господин, — сказал он, но было уже поздно. Слова Джессики и ее тренировка сделали свое дело. Фарад'н больше не принадлежал Дому Коррино. Теперь он принадлежал только Бене Гессерит.

Мне кажется, что вы, Совет директоров ОСПЧТ, не способны понять, что в коммерции чрезвычайно редко можно найти образцы истинной верности. Когда вы последний раз слышали о клерке, отдавшем жизнь за компанию? Возможно, этот недостаток проистекает у вас из ложного допущения, что вы можете заставить людей определенным образом думать и сотрудничать с вами. Это ошибка очень многих организаций, включая генеральные штабы и церкви. В истории часто бывало, что генеральные штабы уничтожали собственные народы. Что же касается церкви, то я рекомендовал бы вам перечитать сочинения Фомы Аквинского. Что же касается вас, то в какой вздор вы верите! Люди должны хотеть делать дело, исходя из своих внутренних побуждений. Люди, а не коммерческие организации или цепи команд, делают огромную цивилизационную работу. Каждая цивилизация зависит от качества тех индивидов, которых она порождает. Если вы перестараетесь с организацией или с навязыванием законов, если подавите стремление людей к величию — то они не смогут работать, и их цивилизация погибнет.

(Послание в ОСПЧТ, приписывается Проповеднику)

Лето вышел из транса на удивление легко, даже не заметив самого перехода. Одно состояние плавно перешло в другое.

Он прекрасно знал, где находится. Восстановление энергии прошло быстро, но в это время Лето понял другое — в застоявшейся атмосфере защитного тента практически не осталось кислорода. Если он не будет двигаться, то навсегда останется в тенетах безвременья, в вечном *теперь*, в котором сосуществуют все события сразу. Такая перспектива показалась ему заманчивой. Он видел сейчас время, как договор, оформленный коллективным разумом всех органов чувств. Время и Пространство были категориями, которые он сам, своим сознанием, приложил к существованию вселенной. Надо было всего лишь освободиться от множественности, в которой внечувственные видения продолжали искушать его. Смелый выбор может изменить будущее.

Но какая смелость требуется от него в этот момент?

Состояние транса манило к себе. Лето почувствовал, что покинул состояние *Алам аль-Митха* и вернулся в состояние нормального восприятия реальности только для того, чтобы убедиться, что эти состояния идентичны. Он хотел было использовать магию Рихани для проверки этого открытия, но необходимость выживания требовала принятия немедленных решений. Неудержимое инстинктивное желание жить посылало повелительные сигналы по нервам, требуя беспрекословного подчинения.

Лето рывком вытянул вперед руку и нащупал инструмент, оставленный им в песке снаружи тента. Он ухватился за рукоятку, перевернулся на живот и проделал отверстие в заслонке тента. На голову обрушился поток песка. Подгоняемый затхлым воздухом, Лето быстро работал в темноте, проделывая круто поднимающийся кверху лаз. Этот лаз получился длиной в шесть раз превышающей его рост, прежде чем мальчик вылез на поверхность и вдохнул свежий ночной воздух. Выскользнув на склон дюны, освещенный лунным светом, Лето увидел, что выход был от земли на расстоянии в треть высоты самой дюны.

Над головой плыла в небе Вторая Луна. Ночное светило стремительно двигалось за дюны, и путь его был усеян, словно придорожными камнями, огромными яркими звездами. Лето отыскал на небосводе созвездие Бродяги и, проследив за направлением вытянутой руки вечного небесного скитальца, определил местонахождение Фоум пль-Хоут — Полярной Звезды Юга.

Вот тебе твоя проклятая вселенная! — подумал он. Если приглядеться к звездам, то видно, что и в их мире царит такая же сутолока, как в песках Пустыни. Вселенная — это место, где одна уникальность без всякой системы громоздится на другую. Если же смотреть на звездное небо издали, то видны паттерны, внутри которых не видно никакого движения — и это создает иллюзию небесного абсолюта.

В абсолютном мы потеряем свой путь. Эта мысль заставила его вспомнить старую фрименскую поговорку: *«Кто потеряет дорогу в Танзеруфте, тот потеряет жизнь».* Паттерны могут вести по верному пути, но могут завлечь в ловушку. Надо помнить об изменениях самих паттернов.

Лето глубоко вздохнул и начал действовать. Скользнув в лаз, он выпустил воздух из тента, сложил его, и вытащил наверх вместе с фримпакетом.

На востоке ярко пламенел рассвет. Лето вскинул на плечо свои вещи, взобрался на гребень дюны и стоял там в утреннем холоде до тех пор, пока первые лучи взошедшего солнца не начали припекать правую щеку. Он нанес краску на глазницы, чтобы уменьшить отражение, ибо понимал, что Пустыне лучше подчиниться, чем воевать с ней. Спрятав краску в мешок, он выпил воды из влагоуловителя, втянул в себя воздух с распыленными в нем каплями.

Усевшись на песок, Лето внимательно осмотрел защитный костюм. В последнюю очередь он проверил подошвенные насосы. Чья-то рука умело надрезала их стилетом. Выскользнув из костюма, Лето отремонтировал его, но небольшое повреждение все же осталось. Он потерял приблизительно половину своей воды. Если бы не защитный тент... Он размышлял, надевая костюм, о том, как все же странно, что он не предусмотрел такой неприятности. Вот она, реальная опасность будущего, недоступного видениям.

Лето забрался на вершину дюны, подавленный безлюдностью этого места. Взгляд его блуждал в надежде зацепиться хоть за что-нибудь, за какую-нибудь неровность, которая говорила бы о Пряности или о присутствии червя. Однако буря подстригла местность под одну гребенку. Он вытащил из фримпакета ударник, снарядил его и при-

нялся вызывать из-под земли Шаи-Хулуда. Сделав это, он стал ждать.

Червя не было очень долго. Сначала Лето услышал звук, а потом увидел, как содрогнулась земля и в завихрениях песка из-под земли появилась оранжевая пасть червя. Он выполз на поверхность стремительно, с жутким шорохом, разбрасывая вокруг тучи песка и пыли. Лето установил крюки, легко вскочил на червя и погнал его на юг.

Под ударами крючьев червь постепенно набрал скорость. Ветер свистел в ушах Лето и раздувал одежду. Сильнейший ток в чреслах подгонял Лето так же, как он сам подгонял червя. Каждая планета, так же как и человек, имеет в своей истории разные периоды, подумал Лето.

Червь принадлежал к тому типу, который фримены называли «ворчуном». Зверь периодически погружал передние пластинки в песок, правя хвостом. При этом возникал громкий рокочущий звук, и впереди червя вырастал бурун песка. Однако это был быстрый червь, и когда ветер стал попутным, Лето почувствовал жар кислородного потока, извергавшегося из хвоста червя, смешанный с едким запахом потока кислорода.

Червь несся на юг, а Лето дал волю своим мыслям. Он пытался думать об этом переходе, как о новой церемонии в своей жизни, церемонии, которая удержит его от подсчета цены, которую придется платить за поиск Золотого Пути. Подобно фрименам старого времени, он знал, что должен принять множество новых для себя церемоний, чтобы жившие в нем памяти не разодрали на части его душу, чтобы научиться держать этих охотников на безопасном для собственной психики расстоянии. Противоречивые образы, которые никогда нельзя объединять, должны быть заперты и ограничены живым напряжением, поляризующей силой, которая двигала им изнутри.

Всегда что-то новое, думал он. *Я должен постоянно искать новые нити моих видений.*

В разгар дня его внимание привлек протуберанец, возникший впереди и немного справа по курсу. Постепенно стало заметно, что этот протуберанец представляет собой узкий край высокой скалы. Скала находилась точно в том месте, где он и ожидал ее увидеть.

Намри... Сабиха, давайте посмотрим, как ваши братья воспримут мое присутствие, подумал он. Впереди его ожидала самая деликатная нить, больше опасная своим соблазном, нежели реальной угрозой.

Высокий камень постоянно менял свои очертания — складывалось впечатление, что это он несется навстречу мальчику, а не Лето продвигается к нему.

Начавший уставать червь взял круто влево, но Лето переставил крюки и погнал его прямо. В нос ударил острый и одновременно нежный запах меланжи. Должно быть, здесь расположена богатая жила. Они миновали фиолетовый, покрытый лепрозными пятнами меланжи, песок, и Лето направил червя дальше, мимо жилы. Ветер, напоенный имбирным ароматом корицы, преследовал их некоторое время, пока Лето не изменил курс движения, прямо к высившейся впереди скале.

Внезапно впереди засверкали яркие цвета южного *бледа*: в его огромности всеми цветами радуги заблистало что-то рукотворное. Лето поднял к глазам бинокль, навел фокус, и на расстоянии увидел блестящие крылья разведчика Пряности. Под разведчиком стоял большой комбайн. Лето опустил бинокль, машина превратилась в точку, и мальчик почувствовал себя буквально раздавленным *хадждхабом*, неимоверной огромностью Пустыни, ее вездесущим присутствием. Он понял, что охотники за Пряностью давно увидели его — любое темное пятно между небом и песком считается у фрименов символом *человека*. Они, несомненно, его видели и теперь проявят максимум осторожности. Они станут выжидать. Фримены всегда очень подозрительны при встречах в Пустыне и держатся за эту подозрительность, пока не убедятся, что или знают приближающегося человека, или он не представляет для них опасности. Даже живя в условиях имперской цивилизации с ее сложными правилами, эти люди оставались наполовину необузданными дикарями, которые хорошо усвоили, что нож не опасен, если он в ножнах мертвеца.

Вот что может спасти нас, подумал Лето. *Дикость.*

Было видно, как разведчик подался вправо, потом влево — это был явный знак для тех, кто находился на земле. Он представил себе, как экипаж разведчика вглядывается

в пространство позади Лето, чтобы узнать, не следуют ли основные силы за одиноким путником на одиноком черве.

Лето направил червя влево, потом спрыгнул с его бока и отпрыгнул в сторону. Червь, почувствовав свободу, несколько раз сердито вздохнул, а потом на треть ушел под землю — он сильно устал от столь длинного путешествия.

Лето отвернулся от червя. Разведчик кружил очень низко, продолжая подавать сигналы крыльями. Это были поисковики, несомненно нанятые контрабандистами, из осторожности не пользующиеся электронными средствами связи. Охотники за Пряностью. Покачивание крыльями — это сигнал о присутствии всадника с червем.

Разведчик сделал еще один круг, опустил крылья и полетел прямо на Лето. Мальчик узнал тип машины: легкий орнитоптер, который начали использовать на Арракисе во времена деда. Машина сделала еще один круг и зашла на посадку против ветра, приземлившись в десяти метрах от дюны, на которой стоял Лето. Дверь слегка приоткрылась и из орнитоптера вышел человек, одетый в старую фрименскую полевую форму. Справа на груди человека красовалось символическое изображение копья.

Фримен приближался не спеша, давая им обоим внимательно присмотреться друг к другу. Человек был высок, глаза его от систематического употребления Пряности были целиком окрашены в фиолетовый цвет. Маска защитного костюма закрывала нижнюю часть лица, сверху был надвинут капюшон. Было заметно, что в складках одежды человек прячет пистолет.

Остановившись в двух шагах от Лето, человек, озадаченно прищурив глаза, окинул мальчика внимательным взглядом.

— Доброй судьбы всем нам, — сказал Лето.

Человек оглянулся, потом снова вгляделся в лицо ребенка.

— Что ты здесь делаешь, дитя? — спросил он. Из-под маски костюма голос его звучал глухо и невнятно. — Хочешь стать затычкой в глотке червя?

Лето снова воспользовался старинной фрименской формулой.

— Пустыня — мой дом.

— Венн? — спросил человек. *Куда держишь путь?*

— Иду на юг из Якуруту.

Человек коротко рассмеялся.

— Ну, Батиг, ты самый странный парень из всех, кого мне приходилось встречать в Танзеруфте.

— Я не маленькая дынька, — возразил Лето, имея в виду слово *батиг*. Такое обращение содержало в себе страшный намек. Маленькая дынька росла на краю Пустыни, и ее водой мог воспользоваться каждый прохожий.

— Мы не станем пить твою воду, Батиг, — сказал человек. — Меня зовут Мюриз, я арифа этого тайфа.

С этими словами человек обернулся в сторону сборщиков Пряности.

Лето особо отметил, что человек назвал себя судьей отряда. Он назвал своих людей *тайфом*, то есть группой или бригадой. Они не были *ихван*, то есть братьями. Наемные перекати-поле, это не вызывает никаких сомнений. За эту ниточку можно ухватиться.

Мальчик молчал, и Мюриз снова заговорил.

— У тебя есть имя?

— Достаточно будет и Батига.

Мюриз зловеще хохотнул.

— Ты так и не сказал мне, что ты тут делаешь.

— Ищу следы червя, — ответил Лето. Это был традиционный ответ, подразумевающий, что человек совершает хадж в поисках своего личного тайного откровения, *Уммы*.

— Уж очень ты молод, — произнес человек. — Прямо не знаю, что с тобой делать. Ты нас видел.

— Что я видел? — спросил Лето. — Я сказал тебе о Якуруту, а ты ничего не ответил.

— Игра в загадки, — сказал Мюриз. — Ну что ж, тогда скажи, что это? — он показал рукой на скалу.

Лето вспомнил о своем видении.

— Это всего лишь Шулох, — ответил он.

Мюриз оцепенел, и Лето почувствовал, как у него самого сильно забилось сердце.

Наступило долгое молчание, и Лето ясно видел, что человек мысленно перебирает в уме и отвергает различные ответы. *Шулох!* После ужина в сиетчах наступало время

для всяких историй, и очень часто можно было услышать массу караванных рассказов о Шулохе. Слушатели были всегда уверены, что Шулох — это мифическое место, где случаются всякие удивительные вещи, но рассказывают о них только затем, чтобы украсить рассказ. Лето вспомнил одну из таких историй. Однажды на краю Пустыни люди нашли ваифа и привели его в сиетч. Вначале ваиф отказывался говорить со своими спасителями, но когда он наконец открыл рот, то никто не мог понять ни единого слова. Шли дни, ваиф оставался все таким же безмолвным — мало того, он отказывался одеваться и вообще иметь дело с людьми. Каждый раз, оставшись один, он начинал производить какие-то странные движения руками. Были призваны на совет лучшие лекари сиетча, но и они только разводили руками, не в силах что-либо понять. Но однажды мимо открытой двери его комнаты прошла древняя старуха. Она увидела, что делает ваиф, и рассмеялась. «Он всего-навсего подражает движениям своего отца, который плел веревки из волокон Пряности, — объяснила она людям. — Так он не чувствует себя одиноким». Мораль такова: *«В старых обычаях Шулоха скрывается надежность и чувство причастности к золотой нити жизни»*.

Мюриз молчал.

— Я — ваиф из Шулоха, который умеет только двигать руками.

По тому, как непроизвольно дернулась голова Мюриза, Лето понял, что тот знает старую историю. Человек заговорил тихо, но с явной угрозой в голосе.

— Ты человек?

— Такой же, как ты, — ответил Лето.

— Ты говоришь очень странно для ребенка. Напомню тебе, что я — судья и могу защищаться от *таквы*.

Ах да, подумал Лето. В устах такого судьи слово «таква» означало непосредственную угрозу. Таква — это страх, вызываемый присутствием демона, это верование широко распространено среди старых фременов. Арифа всегда знал, как убить демона, за что его и избирали на этот пост, «потому что он обладает мудростью быть беспощадным, не проявляя при этом жестокости, зная, что доброта иногда сама порождает жестокость».

Лето, однако, добивался именно этого эффекта и поэтому сказал:

— Я могу подчиниться *машхаду*.

— Я буду судьей в этом духовном испытании, — сказал Мюриз. — Ты принимаешь это?

— Би-лай кафа, — ответил Лето. *Без колебаний.*

Мюриз хитро улыбнулся.

— Сам не знаю, зачем я это делаю. Проще всего было бы убить тебя и дело с концом. Но ты — маленький батиг, а у меня недавно умер сын. Пошли, мы полетим в Шулох, я посоветуюсь с Иснадом насчет того, что с тобой делать.

Лето понимал, что за всеми этими увертками кроется смерть. Неужели находятся глупцы, которые им верят?

— Я знаю, что Шулох — это Аль ас-сунна валь-джамас.

— Что может знать ребенок о реальном мире? — спросил Мюриз, знаком предлагая Лето сесть в орнитоптер.

Мальчик подчинился, но внимательно прислушался к шагам идущего позади Мюриза.

— Самый верный способ сохранить тайну, это заставить людей поверить, что они сами знают ответ, — сказал Лето. — В этом случае люди не задают вопросов. Ты очень умно поступил, отбросив разговор о Якуруту. Кто поверит в то, что Шулох, это мифическое место, о котором ходят столько россказней, существует в действительности? А как это удобно для контрабандистов или всех прочих, кому нужен доступ в дюны!

Шаги Мюриза внезапно стихли. Лето обернулся, стоя левым боком вплотную к винту орнитоптера.

Мюриз застыл в полушаге от него с пистолетом, наставленным в спину Лето.

— Итак, ты не ребенок, — проговорил Мюриз. — Ты — проклятый лилипут, присланный шпионить за нами! Сначала мне показалось, что ты просто слишком мудр для ребенка, но теперь вижу, что ты еще и слишком много болтаешь.

— И это еще не все, — невозмутимо сказал мальчик. — Я — Лето, сын Муад'Диба. Если ты меня убьешь, то тебя и твоих людей просто живыми зароют в песок. Если же ты сохранишь мне жизнь, то я приведу тебя к величию.

— Прекрати свои игры, малютка, — прорычал Мюриз. — Лето находится сейчас в Якуруту, откуда, как ты говоришь...

Он осекся на полуслове. Рука с пистолетом чуть опустилась, Мюриз нахмурился.

Лето только и ждал этого минутного колебания. Он показал противнику, что собирается метнуться влево, но сместился едва ли на миллиметр. Рука Мюриза задела винт, и пистолет, выбитый из руки, отлетел на несколько метров в сторону. Не успел Мюриз опомниться, как Лето уже стоял сзади него, уперев кончик ножа в спину мужчины.

— Острие отравлено, — произнес Лето. — Скажи своему приятелю в орнитоптере, чтобы он не вздумал двигаться, иначе я буду вынужден тебя убить.

Мюриз, прижимая к груди раненую руку, кивнул головой пилоту и сказал:

— Мой друг Бехалет слышал твои слова. Он будет недвижим, как скала.

Лето понимал, что в его распоряжении очень мало времени. Эти двое могут разработать какой-нибудь план действия или подойдут их приятели. Мальчик заговорил.

— Я нужен тебе, Мюриз. Без меня черви и их Пряность исчезнут с лица Дюны, — он почувствовал, как оцепенел фримен.

— Но откуда ты знаешь о Шулохе? — спросил Мюриз. — О нем никогда не говорят в Якуруту.

— Так ты признаешь, что я — Лето Атрейдес?

— Кем же еще ты можешь быть? Но каким образом ты...

— Потому что вы здесь, — ответил Лето. — Шулох существует, все остальное выводится очень просто. Вы — Отверженные, уцелевшие после разрушения Якуруту. Я видел ваши сигналы, которые вы подаете друг другу — следовательно, вы не применяете средства, которые можно обнаружить на расстоянии. Вы собираете Пряность и торгуете ею. Торговать вы можете только с контрабандистами. Ты — контрабандист, но ты и фримен. Значит, ты из Шулоха.

— Почему ты провоцировал меня на убийство?

— Потому что вам все равно пришлось бы убить меня в Шулохе.

Все тело Мюриза страшно напряглось.

— Спокойно, Мюриз, — предостерег его Лето. — Я все о тебе знаю. Ты всегда отнимал воду у невинных путников. Это стало у тебя привычным ритуалом. Как еще заставить замолчать тех, кто случайно увидел вас? Как еще можно сохранить вашу тайну? Батиг! Ты хотел соблазнить меня ласковыми словами и льстивыми эпитетами. Зачем выливать воду в песок просто так? Я бы пропал, как пропадают в Танзеруфте многие. Пустыня поглотила бы меня, и все...

Мюриз сложил пальцы правой руки в виде *рогов червя*, отгоняя Рихани, которого могли привлечь слова Лето. Мальчик, зная, насколько старые фримены боятся ментатов и людей, способных мыслить логически, едва подавил улыбку.

— Это Намри разболтал. Он сказал тебе о нас, — проговорил Мюриз. — Я заберу его воду, если...

— Ты не заберешь ничего, кроме пустого песка, если и дальше будешь разыгрывать из себя дурака, — сказал Лето. — Что ты будешь делать, Мюриз, когда вся Дюна покроется зеленой травой, деревьями и открытыми водоемами?

— Это никогда не произойдет!

— Это уже происходит на твоих глазах.

Лето слышал, как Мюриз в ярости и страхе заскрежетал зубами. Наконец он прохрипел:

— Как ты сможешь предотвратить это?

— Я знаю полный план трансформации, — ответил Лето. — Я знаю его сильные и слабые стороны. Без меня Шаи-Хулуд исчезнет навеки.

В голосе Мюриза вновь зазвучало лукавство.

— Зачем нам обсуждать все это здесь? Мы сыграли вничью. Ты, конечно, можешь убить меня ножом, но Бехалет тотчас застрелит тебя.

— Он не успеет это сделать: я выстрелю первым из твоего пистолета, — сказал Лето, — а потом я захвачу орнитоптер. Я умею им управлять.

Мюриз нахмурился.

— Но что, если ты не тот, за кого себя выдаешь?

— Разве мой отец не опознает меня?

— А-а, — протянул Мюриз, — вот как ты узнал, да? Но... — он покачал головой. — Мой сын служит у него поводырем. Он говорит, что вы двое никогда... Как же тогда...

— Так ты не веришь, что Муад'Диб может читать будущее? — спросил Лето.

— Нет, конечно же, я верю! Но он сам говорит о себе, что... — Мюриз снова замолчал.

— Ты думаешь, что он ничего не знает о вашем недоверии к нему, — продолжал Лето. — Я пришел именно в это место и именно в это время, чтобы встретиться с тобой, Мюриз. Я все о тебе знаю, потому что *видел* тебя и... твоего сына. Я знаю, насколько сильно вы верите в себя и как смеетесь над Муад'Дибом, какие заговоры вы плетете, чтобы спасти свой клочок Пустыни. Но без меня этот клочок обречен, Мюриз. Мой отец уже не владеет видениями и вам можно обратиться только ко мне.

— Этот слепец... — Мюриз замолчал и судорожно сглотнул.

— Скоро он вернется из Арракина, и тогда мы увидим, насколько он слеп. Насколько сильно отклонились вы от древних фрименских обычаев, Мюриз?

— Что?

— Он живет у вас, как *вадхияз*. Твои люди нашли его в Пустыне и доставили в Шулох. Какая это богатая находка. Да она богаче любой, самой богатой жилы Пряности! Вадхияз! Он жил с тобой, его вода смешалась с водой твоего племени. Он — часть твоей Реки Духа. — Лето сильно прижал острие ножа к спине Мюриза, поднял левую руку и отстегнул клапан лицевой маски. — Берегись, Мюриз.

Поняв, что задумал Лето, мужчина спросил:

— Куда ты пойдешь, убив нас?

— Вернусь в Якуруту.

Лето прижал основание своего большого пальца ко рту Мюриза.

— Укуси и пей, иначе ты умрешь.

Поколебавшись, Мюриз вцепился зубами в плоть Лето.

Мальчик внимательно посмотрел, как Мюриз сделал глотательное движение и отдал нож Мюризу.

— Вадхияз, — сказал он. — Прежде чем взять у человека воду, надо, чтобы он оскорбил племя.

Мужчина согласно кивнул.

— Твой пистолет там, — сказал Лето, повернув голову к тому месту, где упало оружие.

— Теперь ты мне доверяешь? — спросил Мюриз.

— Как иначе смогу я жить с Отверженными?

Лето снова увидел в глазах Мюриза лукавое выражение, но на этот раз человек просто подсчитывал возможную выгоду. Приняв решение, Мюриз подобрал пистолет и шагнул к трапу орнитоптера.

— Летим, — сказал он. — Мы и так слишком задержались у логова червя.

Будущее предзнания не может быть ограничено рамками правил прошлого. Нити существования переплетены согласно многим непознанным законам. Будущее предзнания развертывается по своим собственным законам. Это будущее не подчиняется ни повелениям Дзенсунни, ни логике науки. Предзнание строит относительную целостность. Эта целостность требует работы в каждый данный момент, всегда предупреждая о том, что вы не можете вплести любую нить в ткань прошлого.

(Калима: Слова Муад'Диба. Шулохский комментарий)

Мюриз легко посадил орнитоптер в Шулохе. Лето, сидевший рядом с пилотом, постоянно ощущал присутствие вооруженного Бехалета за спиной. Все зависело теперь от доверия и той нити видения, за которую ухватился теперь Лето. Если он потерпит неудачу, то... *Аллах акбар.* Бывает, что надо подчиниться высшему порядку.

Шулох высился посреди Пустыни неприступным утесом. Само его присутствие здесь, не отмеченное ни на одной карте, говорило о громадных взятках, страшных убийствах и влиятельных друзьях на высших постах Империи. Сверху Шулох был виден, как большая площадка, окруженная скалистыми стенами. В Цитадель вели слепые каньоны. Тенистые переходы, засаженные соляными кустами, и берег каньона, окаймленный веерными пальмами, указывали на изобилие воды в Шулохе. Некрасивые, грубо сколоченные здания, утопавшие в зеленых ку-

старниках и оплетенные пряными волокнами, были выстроены из веерных пальм. Дома были похожи на зеленые пуговицы, пришитые вразброс к песчаной почве. Здесь жили Отверженные, следующей ступенью падения которых была лишь смерть.

Мюриз посадил машину у нижней точки одного из входных каньонов. Прямо у носа орнитоптера стояло здание: крыша, сплетенная из ветвей Пустынного винограда и листьев беджато, и прикрытая обожженными волокнами Пряности. Живая копия первых примитивных защитных тентов. Красноречивая иллюстрация деградации тех, кто жил в Шулохе. Лето понимал, что в таком жилище легко теряется влага, не говоря об укусах многочисленных кровососущих, живших в зарослях. Так живет теперь и его отец. И бедняжка Сабиха. Здесь будет она принимать свое наказание.

По знаку Мюриза Лето выпрыгнул из орнитоптера и зашагал к хижине. У пальм на берегу каньона работали люди. Все они выглядели оборванными бедняками, и факт, что они даже не взглянули в сторону приземлившегося орнитоптера, свидетельствовал о том угнетенном состоянии, в каком они находились. Каменистый берег канала за спинами рабочих и влажный воздух говорили о близости открытой воды. Пройдя к хижине, Лето убедился в том, что она действительно примитивна, как он и ожидал. Вглядевшись в воду канала, он увидел в воде хищных рыб. Рабочие, избегая встречаться с ним глазами, продолжали отгребать песок от берега канала.

Мюриз остановился позади Лето и сказал:

— Ты стоишь на границе между рыбой и червем. Каждый из этих каньонов имеет своего червя. Этот канал открыт, и мы хотим выловить всю хищную рыбу, чтобы заманить сюда песчаную форель.

— Правильное решение, — похвалил Лето. — Вы сможете продавать форель и червей на другие планеты.

— Это предложил Муад'Диб.

— Я знаю, но форели и черви не выживают на других планетах.

— Пока нет, — согласился Мюриз, — но когда-нибудь...

— Этого не будет даже через десять тысяч лет, — холодно произнес Лето. Он повернулся, чтобы увидеть смяте-

ние на лице Мюриза. Вопросы отразились на этом лице, как солнце в водах канала. Может ли этот сын Муад'Диба действительно прозревать будущее? Некоторые думали, что это может делать Муад'Диб, но... Как вообще можно судить о таких вещах?

Мюриз отвернул лицо и направился к хижине. Откинул грубую занавеску и пригласил Лето войти. У дальней стены горела лампа, заправленная пряным маслом, возле стены скорчилась маленькая фигурка. Горящее масло распространяло тяжелый, вязкий аромат корицы.

— Нам прислали новую пленницу, которая будет следить за порядком в сиетче Муад'Диба, — язвительно заметил Мюриз. — Если она будет хорошо служить, то, возможно, сумеет сохранить свою воду до поры до времени.

Он обернулся к Лето.

— Некоторые думают, что это зло — отбирать у людей воду. Это говорят одетые в кружевные рубашки фримены, громоздящие на улицах своих городов кучи хлама. Кучи хлама! Разве виданное это дело на Дюне — кучи мусора? Когда мы получаем таких вот, — он протянул руку в направлении фигурки под лампой, — то они обычно оглушены страхом, теряют собственное лицо; таких нельзя принимать за истинных фременов. Ты понимаешь меня, Лето-Батиг?

— Я понимаю тебя. — Скрюченная фигурка на полу не шевелилась.

— Ты говорил, что поведешь нас, — сказал Мюриз. — Фременов всегда вели за собой кровавые вожди. Но куда сможешь привести нас ты?

— В Крализек, — ответил Лето, продолжая разглядывать человека у стены.

Мюриз вперил в Лето пылающий взор, брови его сошлись над фиолетовыми глазами. Крализек? То была не война и не простая революция. Это будет Битва Тайфунов. Это слово пришло из самых древних фременских легенд: битва в конце мироздания. Крализек?

Высокий фримен судорожно вздохнул. Этот коротышка непредсказуем, словно городской хлыщ! Мюриз повернулся к скрюченной фигурке.

— Женщина! Либан вахид! — приказал он. *Неси нам пряный напиток!*

Фигурка застыла на месте.

— Делай, как он велит, Сабиха, — сказал Лето.

Она подскочила на ноги, в ней все кипело и бурлило. Она смотрела на Лето, не в силах отвести от него взгляд.

— Ты ее знаешь? — спросил Мюриз.

— Это племянница Намри. Она совершила в Якуруту преступление и ее сослали к тебе.

— Намри? Но...

— Либан вахид, — промолвил Лето.

Сабиха сорвалась с места, пролетела мимо Лето и Мюриза, зацепилась одеждой за занавеску и выскочила на улицу. Был слышен топот ее ног.

— Далеко не уйдет, — сказал Мюриз. Он дотронулся пальцем до носа. — Родственница Намри, каково? Очень интересно. И какое же преступление она совершила?

— Она позволила мне бежать. — Лето встал и последовал за Сабихой. Он нашел ее стоящей на берегу канала. Лето встал рядом и посмотрел в воду. На ветвях пальм сидели птицы, Лето слышал их щебет и хлопанье крыльев. Рабочие скребли песок. Лето стоял и точно так же, как Сабиха, смотрел в воду, видя краем глаза пестрые перья длиннохвостых попугаев. Один из них пролетел над каналом, отразившись в серебристой чешуе рыбы. Было такое впечатление, что рыбы и птицы живут вместе в одной воде.

Сабиха откашлялась.

— Ты меня ненавидишь, — сказал Лето.

— Ты опозорил меня. Ты опозорил меня перед всем народом. Они связались с Иснадом и послали меня сюда, чтобы я здесь лишилась своей воды. И все это из-за тебя!

Сзади раздался смех незаметно подошедшего Мюриза.

— Теперь ты видишь, Лето-Батиг, что наша Река Духа имеет множество притоков.

— Но моя вода течет в жилах вашей Пряности, — произнес Лето, обернувшись. — Это не приток вашей реки. Сабиха — судьба моих видений, и я следую за ней. Я пересек Пустыню, чтобы встретить свое будущее здесь, в Шулохе.

— Ты и... — потеряв дар речи, Мюриз посмотрел на Сабиху и, откинув голову назад, оглушительно расхохотался.

— Все будет не так, как ты думаешь, Мюриз, — сказал Лето, чувствуя, как в глазах его закипают слезы. — Запомни это, Мюриз. Я нашел следы своего червя.

— Он отдает воду мертвым, — изумленно пролепетала Сабиха.

Даже Мюриз смотрел на Лето с выражением изумленного благоговения. Фримены никогда не плачут, расценивая способность плакать как величайший дар души. Почти смущенный, Мюриз надел маску и надвинул на голову капюшон.

Лето посмотрел куда-то мимо Мюриза и произнес:

— Здесь, в Шулохе, все еще молятся за росу на краю Пустыни. Иди, Мюриз, и молись о Кризеке. Я обещаю тебе, что он грядет.

Фрименская речь в высшей степени лаконична и сжата, предполагая чувство точности выражений. Весь язык пропитан иллюзией абсолютного. Такое положение представляет собой плодородную почву для абсолютистской религии. Более того, фримены склонны к морализаторству. Они противопоставляют ужасающей нестабильности обстоятельств институциональные утверждения. Они говорят: «Мы знаем, что не существует верхнего предела *всех мыслимых знаний; это прерогатива Бога. Но человек должен удержать то, чему он способен научиться». Из этого острого, как лезвие ножа, подхода к вселенной вытекает фантастическая вера в воздействие на судьбу знаков и знамений. Здесь кроется происхождение веры в Кризек— войну в конце мироздания.*

(Тайные донесения Бене Гессерит /лист 80088/)

— Они препроводили его в надежное место, — улыбаясь, сообщил Намри Гурни Халлеку. Мужчины стояли в большой комнате с каменными стенами. — Можешь доложить об этом своим друзьям.

— И где находится это надежное место? — поинтересовался Гурни. Ему не понравился тон Намри, чувствовался железный стиль приказов Джессики. Черт бы побрал эту ведьму! Все ее объяснения не имеют никакого смысла, кроме предупреждения, что может случиться, если Лето не сможет смирить свои многочисленные жизни, свою ужасную память.

— Это очень надежное место, — повторил Намри. — Больше мне ничего не разрешили тебе сказать.

— Откуда ты все это узнал?

— По дистрансу. С ним Сабиха.

— Сабиха? Но ведь она позволит...

— На этот раз нет.

— Ты собираешься его убить?

— От меня это больше не зависит.

Халлек недовольно сморщился. *Дистранс.* На каком расстоянии можно передавать послания с помощью этих проклятых обитателей пещер? Ему часто приходилось видеть этих тварей, в писке которых были закодированы секретные послания. Но как далеко могут летать они по этой Богом забытой планете?

— Я должен увидеть его своими глазами, — сказал Халлек.

— Это запрещено.

Чтобы успокоиться, Халлек сделал глубокий вдох. Два дня и две ночи он ждал сообщений поисковых групп. Наступило это распрекрасное утро, и он почувствовал, что его роль сыграна до конца. Он раздет и выброшен голым за ненадобностью. Он никогда не любил командовать. Командовать — это значит ждать, когда другие сделают интересную и опасную работу.

— Почему это запрещено? — спросил он. Контрабандисты, обосновавшиеся в этом сиетче, оставили слишком много вопросов без ответа, и теперь Халлек хотел, чтобы Намри восполнил этот пробел.

— Некоторые вообще думают, что ты видел слишком многое, побывав в нашем сиетче, — ответил Намри.

Халлек услышал в этих словах неприкрытую угрозу, расслабился, как опытный боец перед схваткой, и придвинул руку поближе к ножу. Подумал он и о защитном экране, но его использование было бесполезным — во время испытаний с червями оказалось, что щиты разрушаются под действием статического электричества.

— Такая секретность не была оговорена в нашем соглашении, — сказал Халлек.

— А если бы я его убил, то было бы это частью нашего соглашения?

Снова Халлек почувствовал железную хватку тех сил, о которых его не соизволила предупредить госпожа Джесси-

ка. Будь прокляты ее планы! Наверно, это правильно — не доверять выкормышам Бене Гессерит. Он сразу почувствовал, что становится нелояльным. Если бы она объяснила, в чем суть проблемы, то он, вникнув в план, начал бы его выполнять, ожидая, что этот план, как и все другие, не есть догма и может потребовать каких-то корректив. Нет, это не Бене Гессерит; это Джессика Атрейдес, которая всегда была ему другом и опорой. Не будь ее, он сейчас вел бы гораздо более опасную и зыбкую жизнь.

— Ты не можешь ответить на мой вопрос, — сказал Намри.

— Ты должен был убить его только в одном случае: если он оказался бы одержим, — сказал Халлек, — Мерзостью.

Намри поднес кулак к уху.

— Твоя госпожа знает, что мы умеем проверять это. Она поступила мудро, что предоставила решать этот вопрос мне.

Халлек в растерянности сжал губы.

— Ты же слышал, что сказала мне Преподобная Мать, — произнес Намри. — Мы, фримены, понимаем таких женщин, в отличие от вас, инопланетян. Фрименские женщины часто посылают своих сыновей на смерть.

— Ты хочешь сказать, что убил его? — процедил сквозь зубы Халлек.

— Он жив. Он находится в надежном месте и он будет принимать Пряность.

— Но я должен сопроводить его назад к бабке, если он останется жив, — сказал Халлек.

Намри просто пожал плечами.

Халлек понял, что другого ответа не будет. Проклятие! Но не может же он вернуться к Джессике, не получив ответ. Он покачал головой.

— Зачем спрашивать о том, что ты не можешь изменить? — спросил Намри. — К тому же тебе хорошо платят.

Халлек злобно посмотрел на собеседника. Фримен! Все здесь думают, что чужестранцы интересуются только деньгами. Но в Намри говорило нечто большее, чем обычный фрименский предрассудок. В данном деле были заинтересованы другие, более могущественные силы, и это было ясно всякому, кто хоть раз наблюдал работу воспитанни-

ков Бене Гессерит. Все это было похоже на мошенничество ради мошенничества...

Халлек заговорил оскорбительно фамильярным тоном.

— Госпожа Джессика сокрушит тебя. Она пришлет когорты против...

— *Занадик!* — выругался Намри. — Заткнись, конторский управляющий! Ты не причастен *махолаты*! Я с удовольствием отдам твою воду Благородным Людям!

Халлек взялся за нож и приготовил левый рукав, в котором был припрятан сюрприз для нападающего.

— Я не вижу, чтобы кто-то разлил здесь воду, — сказал он. — Наверно, ты ослеплен своей гордыней.

— Ты живешь только потому, что я хочу перед твоей смертью показать тебе, что твоя госпожа Джессика не пришлет сюда никаких когорт. Я не дам тебе спокойно уйти в Хуануй, чужестранное барахло. Я — Благородный Человек, а ты...

— А я всего-навсего слуга Атрейдесов, — почти нежно проговорил Халлек. — Такое барахло, как я, сняло барона Харконнена с вашей вонючей шеи.

Намри оскалил белые зубы.

— Твоя госпожа — пленница Салусы. Приказы, которые, как ты думал, исходили от нее, исходят, на самом деле, от ее дочери!

Неимоверным усилием Халлек сумел сохранить самообладание.

— Это не имеет значения. Алия еще будет...

Намри обнажил клинок.

— Что ты знаешь о Чреве Небес? Я ее слуга и выполню ее приказ, взяв твою воду!

С этими словами он, очертя голову, бросился на противника.

Халлека не обманула эта показная оплошность, он молниеносно вытянул вперед левую руку, с которой, словно занавес, спустился полог тяжелой ткани, принявший на себя удар. В то же мгновение Халлек, откинув капюшон с головы Намри, ударил его ножом в лицо. Удар достиг цели. Тело Намри стукнуло Халлека в корпус, и он почувствовал, что на фримене надет стальной панцирь. Намри издал пронзительный крик, пошатнулся и упал. Кровь текла у него изо рта, глаза начали тускнеть, и он умер.

Халлек с напряжением выдохнул воздух. Как мог этот идиот фримен думать, что кто-то не догадается, что под его одеждой стальные доспехи? Халлек покосился в сторону мертвеца, закатывая фальшивый рукав. Он вытер клинок и вложил его в ножны.

— Ты не думал, глупец, о том, как готовят слуг Атрейдесов?

Он тяжело вздохнул. *Ну ладно. Так чья же я подсадная утка?* В словах Намри была правда. Джессика в плену на Салусе, а Алия плетет свои злокозненные заговоры. Джессика сама предупреждала Халлека о том, что слишком многие признаки указывают, что Алия стала врагом, но она не могла предполагать, что окажется в заточении. Но как бы то ни было, у него был приказ, который надо выполнять. Сначала надо выбраться из этого проклятого места. К счастью, один человек во фрименской одежде похож на другого, словно близнец. Халлек оттащил тело Намри в угол, прикрыл подушками, а ковром закрыл лужу крови на полу. Покончив с этим, он надел маску защитного костюма, надвинул на лоб капюшон и вышел в проход.

Невиновный передвигается без предосторожностей, подумал он, придав своей походке беззаботность и неторопливость. Он чувствовал себя необычайно свободным. Казалось, что он только что избегнул большой опасности, а не двигался ей навстречу.

Мне никогда не нравились ее планы относительно мальчика, думал он. *Я обязательно скажу ей об этом, если, конечно, увижу. Если.* Потому что если Намри говорил правду, то в действие приведен совершенно другой план. Алия не даст ему прожить долго, если поймает, но есть еще Стилгар, хороший фримен с добротными фрименскими предрассудками.

Джéссика говорила о Стилгаре так: «Его природная натура покрыта тонким слоем цивилизованного поведения. Все зависит от того, как ты будешь снимать этот слой...»

Дух Муад'Диба есть нечто большее, чем слова, чем буква Закона, названного его именем. Муад'Диб— это внутренняя ярость, направленная против самодовольной власти, против шарлатанов и догматичных фанатиков. Это та внутренняя ярость, которая должна быть высказана, ибо Муад'-

Диб учил нас самому главному: человечество сможет выжить только в братстве социальной справедливости.
(Устав федайкинов)

Лето сидел, прислонившись спиной к стене хижины, глядя на Сабиху и следя за тем, как развертываются нити его видения. Сабиха приготовила кофе и отставила в сторону кофейник. Она прокралась по комнате и стала размешивать его ужин. На этот раз ужином служила каша, сдобренная меланжей. Девушка быстро работала лопаточкой, и стенки чаши окрасились в фиолетовый цвет. Она склонилась над чашей, вся погруженная в свое занятие. Грубый тент за спиной Сабихи прохудился и его залатали более легким материалом. В этом месте вокруг девушки светился ореол, на фоне которого плясала ее тень, освещенная пламенем печи и светом лампы.

Эта лампа заинтриговала Лето. Эти люди в Шулохе очень расточительно расходовали пряное масло: они жгли его в лампах, не пользуясь современными светильниками. В своих хижинах они рабски следовали древнейшим фрименским традициям. Хотя при этом они летали на орнитоптерах и пользовались наисовременнейшими комбайнами для сбора Пряности. То была грубая смесь древности и современности.

Сабиха пододвинула ему чашу и погасила огонь в печи.

Лето не притронулся к чаше.

— Меня накажут, если ты не станешь есть, — сказала она.

Он смотрел на девушку и думал. *Если я убью ее, то это разобьет одно видение. Если я расскажу ей о плане Мюриза, то это разрушит другое видение. Если я дождусь здесь моего отца, то нити видений превратятся в крепкие канаты.*

Лето начал мысленно перебирать нити. Некоторые из них были очень сладостны и от них было бы трудно избавиться. Будущее с Сабихой очень привлекало, но грозило перечеркнуть всю остальную будущность, если довести дело до мучительного конца.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила она.

Он не стал отвечать.

Она еще ближе пододвинула ему чашу.

У Лето пересохло в горле и он попытался сглотнуть слюну. В нем поднялось неукротимое желание убить Сабиху. От этого желания его начала колотить дрожь. Как легко было бы разорвать одну из нитей и высвободить свою дикость.

— Так приказал Мюриз, — сказала она и снова взялась за чашу.

Да, Мюриз приказал. Суеверие побеждает все. Мюриз хотел ясного прочтения видений. Он просто древний дикарь, который хочет, чтобы шаман подбросил вверх кости быка и истолковал форму их падения. Мюриз отобрал защитный костюм своего пленника «просто из предосторожности». В этом высказывании был тайный сговор с Намри и Сабихой. *Только дураки упускают пленников.*

Мюриз озабочен глубоко эмоциональной проблемой: Рекой Духа. Вода узника питает его месторождения Пряности. Поэтому Мюриз ждет только сигнала, чтобы начать угрожать Лето или расправиться с ним.

Каков отец, таков и сын, подумал Лето.

— Пряность поможет тебе обрести видения, — сказала Сабиха. Долгое молчание действовало ей на нервы. — На оргиях у меня часто бывали видения. Они же ничего не значат.

Вот оно! — подумал Лето, все его тело оцепенело, кожа стала холодной и влажной. Подготовка Бене Гессерит взяла свое, вспыхнуло пламя видения, осветившего ярким светом Сабиху и всех ее сотоварищей — Отверженных. Древнее учение Бене Гессерит было простым и ясным:

«Языки устроены так, чтобы отражать специализацию образа жизни. Каждая такая специализация распознается по словам языка, по его допущениям и по структуре предложений. Обратите внимание на знаки препинания. Специализация представляет в этом отношении те места, где останавливается жизнь, где движение перегораживается плотиной и застывает». Он увидел Сабиху, как мастера, который по праву создает свои видения, и каждый человек несет в себе те же возможности. Но ее можно лишь презирать за ее видения во время оргий с Пряностью. Они причиняют беспокойство, их надо отставить, забыть, сде-

лать это обдуманно и с ясным намерением. Ее соплеменники молятся Шаи-Хулуду, потому что червь доминирует в большинстве их видений. Они молят о росе на краю Пустыни, потому что влага является условием их выживания. Тем не менее они спокойно делают свои состояния на Пряности и запускают песчаную форель в открытые каналы. Сабиха грубо вторглась в его видения, но в ее словах он уловил светлый сигнал: она зависима от абсолютного, ищет конечных пределов, и все потому, что не может совладать с жесткостью ужасных решений, касающихся ее собственной плоти. Она столь однобоко рассматривает свою вселенную, превращает ее в застывший шар только потому, что ее страшно пугает альтернатива.

В противоположность этому Лето чувствовал в себе чистое движение сущности. Он был оболочкой, собирающей бесконечное множество измерений и, поскольку охватывал их взглядом, мог принимать ужасные решения.

Как делал мой отец.

— Ты должен это съесть, — настаивала Сабиха, все больше и больше раздражаясь.

Теперь Лето видел все свои нити и понимал, какой из них надо следовать. *Моя кожа больше не принадлежит мне.* Он встал и завернулся в накидку. От соприкосновения одежды телом, не прикрытым защитным костюмом, возникло странное ощущение. Босые ступни ощущали шероховатость пола, сплетенного из пряных волокон, между которыми застряли песчинки.

— Что ты делаешь? — спросила Сабиха.

— Здесь очень плохой воздух. Я хочу прогуляться.

— Ты не сможешь убежать, — сказала она. — В устье каждого каньона сидит червь. Если ты минуешь канал, то черви учуют тебя по влажности. Эти черви очень бдительны, не то что Пустынные черви. Кроме того... — какой злорадный у нее тон! — ...у тебя нет защитного костюма.

— Тогда что ты так волнуешься? — спросил он, удивляясь тому, что мог вызвать у нее такую живую реакцию.

— Потому что ты не ешь.

— А ты за это будешь наказана?

— Да!

— Но я уже и так перенасыщен Пряностью, — сказал он. — Каждый момент передо мной возникают видения.

Босой ногой он указал на чашу.

— Вылей это в песок. Кто узнает?

— Они следят, — прошептала Сабиха.

Лето покачал головой, изгоняя из своих видений эту женщину и чувствуя, как его охватывает чувство полной свободы. Нет нужды убивать эту бедную пешку. Она танцует под чужую музыку, не зная даже движений танца и веря, что может в какой-то мере разделить власть алчных пиратов Шулоха и Якуруту. Лето подошел к двери и взялся за занавеску.

— Когда придет Мюриз, — сказала она, — он очень рассердится из-за...

— Этот Мюриз — торговец пустотой, — отозвался Лето. — Моя тетка высосала из него все, что могла.

Она поднялась на ноги.

— Я пойду вместе с тобой.

Он подумал: *Она помнит, как я сбежал от нее. Сейчас она чувствует, что может и на этот раз не удержать меня. Все ее видения смешались в ее мозгу.* Но она не будет прислушиваться к этим видениям. Она, должно быть, думает: «Как он сможет обмануть сторожевого червя в каньоне? Как он выживет в Танзеруфте без защитного костюма и фримпакета?»

— Я должен идти один, чтобы спокойно посоветоваться со своими видениями, — сказал он. — Ты останешься здесь.

— Куда ты пойдешь?

— К каналу.

— По ночам песчаные форели выходят оттуда стаями.

— Они не съедят меня.

— Иногда прямо к воде спускается червь, — сказала девушка. — Если ты захочешь пересечь канал... — Она замолчала, стараясь придать своему голосу угрожающие нотки.

— Как я смогу оседлать червя без крюков? — спросил Лето, думая, может ли она сохранять хотя бы осколки своих видений.

— Ты поешь, когда вернешься? — спросила Сабиха, снова опускаясь на корточки возле чаши и помешав ее содержимое лопаткой.

— Всему свое время, — сказал он, зная, что она не сможет распознать, когда он незаметно использует Голос для того, чтобы вложить свои желания в ее решения.

— Мюриз придет и посмотрит, были ли у тебя видения, — предупредила она Лето.

— С Мюризом я разберусь сам, — сказал он, видя, как тяжелы и замедленны стали ее движения. Он руководил ее поведением, следуя фрименскому ритму жизни. Известно, что фримены очень активны на рассвете, но с наступлением ночи ими овладевает какая-то меланхолия и сонливость. Сабиха была уже готова уснуть и видеть сны.

Лето вышел из хижины.

Небо было усеяно сверкающими звездами, и Лето в их свете ясно видел очертания утеса, окружающего поселок. Он направился к пальмам, растущим на берегу канала.

Лето долго крался вдоль края канала, слушая шуршание песка в каньоне. Это маленький червь, судя по звуку. Именно по размеру его и выбрали, подумал Лето. Маленького червя легче транспортировать. Он подумал о том, как ловят червей. Охотники усыпляют их водяными брызгами, используя при этом древний фрименский способ ловли червей для оргий с трансформационными ритуалами. Но этого червя не убьют, погружая его в воду. Лайнер Гильдии отвезет его какому-нибудь самонадеянному покупателю, который отвезет червя в свою Пустыню, которая, без сомнения, окажется для червя слишком влажной. Очень немногие инопланетные жители понимают, какое иссушающее действие оказали на Арракис песчаные форели. *Оказывали.* Потому что теперь даже в Танзеруфте влажность воздуха гораздо выше, чем она была тогда, когда червей топили в ритуальных фрименских цистернах.

Он услышал, как в хижине беспокойно зашевелилась Сабиха. Ее тревожат подавленные видения. Интересно, как жить с ней без всяких видений, деля с ней каждый момент жизни, каждый, каким бы он ни был. Эта мысль привлекала его гораздо больше, чем какое бы то ни было видение, вызванное Пряностью. В непредвиденном будущем была определенная чистота.

Один поцелуй в сиетче стоит двух в городе.

В этой старинной фрименской максиме было сказано все. Общество традиционного сиетча являло собой смесь

дикости и целомудрия. Следы этого целомудрия можно было заметить и в обитателях Шулоха и Якуруту. Но только следы. Чувство утраты наполнило Лето грустью.

Медленно, настолько медленно, что знание пришло раньше, чем Лето начал слышать, мальчик понял, что вокруг него движется масса живых существ.

Песчаная форель.

Скоро наступит время перейти от одного видения к другому. Он ощущал движения форели как свои, внутренние движения. Фримены жили бок о бок с этими тварями в течение многих поколений, зная, что если рискнуть, и приманить форель водой, то ее вполне можно поймать. Бывали случаи, когда умирающие от жажды люди использовали последние капли воды для того, чтобы поймать форель, из которой можно было выдавить нежный зеленоватый сироп, утолявший жажду и восстанавливавший силы. Но в основном такими играми баловались дети, которые ловили форель для Хуануя. Или просто ради забавы.

Лето содрогнулся при мысли о том, чем может стать сейчас для него эта игра.

Одна из этих тварей скользнула по его босой ноге. Задержавшись на секунду, форель двинулась дальше, привлеченная водой в канале.

На мгновение Лето потряс его собственный ужасный замысел, принятое им страшное решение. *Перчатка из форели.* Это была еще одна детская игра. Если песчаную форель подержать на руке и растереть, то она принимает форму кисти, становится живой перчаткой. Ток крови по подкожным капиллярам улавливается форелью, но какое-то соединение, входящее в состав крови, отталкивает ее. Рано или поздно «перчатка» соскальзывает с руки в песок, тогда ее бросают в корзину из волокон Пряности. Пряность одурманивает форель, и она постепенно умирает.

Было слышно, как форель падает в воду, где ее поедают рыбы. Вода размягчает форель, делает ее податливой. Дети тоже знают это. Немного слюны и форель начинает выделять зеленый сироп. Лето прислушивался к плеску воды. Это передвигались форели, но они не могли остановить движение воды в канале, населенном хищными рыбами.

Но форель все шла и шла, падая в воду.

Лето пошарил рукой по песку и наткнулся на кожистую поверхность тела песчаной форели. Экземпляр, как он и надеялся, оказался крупным. Животное не пыталось ускользнуть, наоборот, с готовностью прильнуло к человеческой плоти. Лето ощупал форель. Шероховатая поверхность в форме бриллианта. Нет ни головы, ни конечностей, ни глаз — странно, но это создание безошибочно находит дорогу к воде. А вместе с другими форелями они образуют стену, сцепляясь друг с другом посредством присосок. Получается мешок, который отводит ток «яда» от гиганта, которым предстоит стать песчаным форелям, — от Шаи-Хулуда.

Песчаная форель удлинялась, растягивалась, растекаясь по руке. По мере ее движения Лето чувствовал, что то же самое происходит и с его видением. *Вот она, эта нить, а не та, что была.* Он чувствовал, как форель, становясь все тоньше и тоньше, обволакивает его руку. Ни одна форель еще не сталкивалась с человеческой рукой, столь сильно насыщенной Пряностью. Ни один человек не жил и не был способен рассуждать в таких условиях. Лето очень осторожно регулировал свой ферментативный баланс, чтобы компенсировать яркую уверенность, вызванную пряным трансом. Знания бесчисленных жизней внутри Лето, которые пребывали в нем, придавали определенность, посредством которой он выбирал самую точную регулировку, избегая смерти от передозировки; он умер бы, если бы ослабил бдительность хотя бы на одно мгновение. В то же время он слился с песчаной форелью, питаясь ею, питаясь на ней и учась у нее. Видения транса создавали шаблон, которому Лето следовал.

Он почувствовал, что форель становится все тоньше и тоньше, перейдя с кисти на предплечье. Он нашел еще одну форель и поместил ее на первую. Контакт оживил движения обоих животных. Реснички-присоски сомкнулись, и образовалась одна мембрана, одевшая руку Лето до локтя. Форель приспособилась к поверхности руки, как в детской игре, но Лето нужна была более тонкая оболочка, буквально сросшаяся с его собственной кожей. Он протянул руку в живой перчатке и пощупал песок. Да, он

чувствует каждую песчинку, каждый мелкий камешек — все доступно его осязанию. На руке не было больше форелей как таковых — был плотный жесткий покров. И он станет еще крепче... Лето нащупал еще одну форель, и она сама соединилась со своими предшественницами и быстро приспособилась к своей новой роли. Кожистая плотность распространилась до плеча.

Достигнув устрашающей степени концентрации, он сроднился со своей новой кожей и предотвратил отторжение. Концентрация внимания была настолько велика, что Лето не мог думать о возможных страшных последствиях своих действий. Имело значение только видение, испытанное в состоянии транса. Результатом этого сурового испытания могло стать обретение Золотого Пути.

Лето отбросил одежду и голым лег на песок, на пути миграции форели, вытянув вперед обтянутую «перчаткой» руку. Он вспомнил, как однажды они с Ганимой поймали песчаную форель и терли ее песком до тех пор, пока она не свернулась в *ребенка-червя.* Получилась плотная трубка, наполненная зеленым сиропом. Надо было осторожно надкусить кончик трубки и высосать несколько капель сладости.

Теперь песчаные форели покрыли все тело Лето. Он чувствовал, как кровь, пульсируя в сосудах, бьется о живую оболочку. Одна из форелей попыталась покрыть лицо, но он потер лицо и снял форель, скатав ее в тонкую трубку. Получившаяся трубка была гораздо длиннее червя-ребенка и осталась гибкой. Лето надкусил кончик трубки и из нее потекла сладкая жидкость. Она текла очень долго, ни один фримен никогда не видел такого долгого истечения сиропа из форели. Лето чувствовал, как вместе с сиропом в него вливается энергия. Странное двигательное возбуждение овладело его телом. Он скатал оболочку с лица и сделал повязку от лба до подбородка, оставив открытыми уши.

Теперь настало время проверить видение.

Он встал и бросился бежать назад к хижине. Он бежал так быстро, что не успевал сохранять равновесие. Он упал, прокатился по песку и тотчас вскочил на ноги. Вскакивая, он подпрыгнул на два метра от земли, и когда попытался

замедлить шаг, то понял, что не может этого сделать — ноги сами несли его с ужасной быстротой.

Стой! — скомандовал он себе. Лето вошел в состояние принудительной релаксации *прана-бинду*, собрав все свои ощущения в сознании. Он сфокусировал внутреннее волнение на том чувстве *постоянно и теперь*, посредством которого ощущал Время, и расширение видения согрело его. Оболочка работала точно так, как это предсказано видением.

Моя кожа не принадлежит мне.

Однако мышцам надо было приспособиться к новым, усиленным движениям. Пытаясь идти, Лето постоянно падал и начинал катиться по песку. Наконец он сел. Когда он остановился, повязка вновь соскользнула с подбородка и попыталась покрыть лицо. Он плюнул и надкусил ее, высосав еще несколько капель сиропа, и снова свернул форель в трубку.

Прошло достаточно времени, чтобы снова воссоединиться со своим телом. Лето улегся на песок лицом вниз и пополз. Оболочка терлась о песок. Лето отчетливо ощущал кожей песчинки, но при этом не царапал собственную плоть. Несколькими гребками он преодолел пятьдесят метров. От трения создавалось приятное ощущение тепла.

Оболочка больше не наползала на нос и рот, но теперь Лето предстояло сделать второй шаг к Золотому Пути. Он перепрыгнул канал и оказался возле каньона, где содержался пойманный червь. Мальчик услышал, как шипит червь, растревоженный его движениями.

Лето вскочил на ноги, чтобы встать и подождать, но сила прыжка была такова, что он пролетел еще около двадцати метров, прежде чем смог присесть, затормозить и выпрямиться. Прямо перед его ногами выросла чудовищная гора песка, сиявшая в звездном свете. В тусклом свете блеснули хрустальные зубы. Лето увидел разинутую пасть, позади которой виднелось текучее пламя. Вокруг Лето распространилось облако острого аромата Пряности. Но червь остановился. Он стоял так до тех пор, пока над вершиной скалы не поднялась Первая Луна. Свет луны отражался от зубов зверя, внутри которого переливался огонь его биохимических реакций.

Страх, укоренившийся во фрименской душе, был так силен, что Лето едва подавил в себе желание бежать без оглядки. Но видение удержало его на месте, он стоял, как зачарованный, страстно желая продлить это мгновение. Никому еще не удавалось стоять так близко от разинутой пасти червя и остаться в живых. Лето мягко оттолкнулся правой ногой от песчаной борозды и подлетел прямо к пасти, остановившись на коленях.

Червь, однако, не двигался.

Зверь мог чуять только песчаную форель и не нападал на свою личинку. Червь мог атаковать другого червя, проникшего на его территорию, и реагировал на призывный аромат Пряности. Остановить зверя мог только водный барьер и песчаная форель, поскольку она содержала воду.

Экспериментируя, Лето протянул руку к пасти. Червь отпрянул, словно его ударило током, отлетев назад приблизительно на метр.

Вновь обретя уверенность, Лето отвернулся от червя и начал приучать себя обращаться со своими невероятно сильными мышцами. Сначала он осторожно направился к каналу. Червь позади оставался недвижим. Оказавшись у воды, Лето начал прыгать от радости, проплыл десять метров по песку, ползал, катался, смеялся.

Приоткрылась занавеска хижины, и на песке возникло пятно света. На фоне желтоватого света лампы на пороге хижины стояла Сабиха и удивленно смотрела на Лето.

Громко смеясь, он бросился обратно к каналу, подбежал к червю и, раскинув руки в стороны, взглянул на девушку.

— Смотри, — крикнул он. — Червь делает все, что я хочу.

Пока Сабиха стояла, оцепенев от изумления, Лето развернулся и побежал вокруг червя, а потом спустился в каньон. Освоившись со своей новой кожей, он теперь понял, что для того, чтобы нормально бежать, надо практически без усилий слегка сгибать мышцы. Стоило только приложить малейшее усилие, как вздымавшийся песок и поднятый им ветер начинали обжигать незащищенное лицо. Лето не стал останавливаться у слепого конца каньона, а взлетел вверх на пятнадцать метров и, пробежав, словно насекомое, по отвесной стене, выскочил на гребень скалы.

Перед ним расстилалась огромная, колеблющаяся в серебристом свете луны, Пустыня.

Лето ощутил новый прилив какой-то маниакальной радости.

Он присел на корточки, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Обычно физическое усилие приводили к образованию пленки пота на коже, но эта пленка поглощалась специальной тканью защитного костюма, после чего освобождалась от соли и поступала в систему улавливания влаги. Новая кожа Лето справлялась с задачей удаления пота лучше и быстрее, чем защитный костюм. Лето тщательно свернул оболочку под губами и высосал из нее еще немного сладкой жидкости.

Рот не был защищен. Как истинный фримен, Лето понимал, что с каждым выдохом теряет драгоценную влагу. Вытянув оболочку, закрывавшую нос, Лето прикрыл рот, потом еще больше оттянул мембрану, чтобы она не мешала вдоху. Паттерн дыхания был выработан раз и навсегда: вдох через нос, выдох через рот. При выдохе оболочка немного раздувалась, но крепко держалась на месте, при этом на губах и ноздрях жидкость не конденсировалась. Система работала.

На фоне неба появился орнитоптер. Наклон крыльев изменился, и машина зашла на посадку в сотне метров от Лето. Лето посмотрел на орнитоптер, потом оглянулся на путь, которым он поднялся на вершину. Внизу были видны мелькающие огни — похоже, в сиетче подняли тревогу. Снизу доносились приглушенные крики. К Лето между тем направились два человека с оружием.

Машхад, подумал Лето, и ему стало грустно. Отсюда начнется его Золотой Путь. Он сумел надеть на себя самовосстанавливающийся защитный костюм, а на Арракисе эта вещь не имеет цены. *Я больше не человек. Легенды об этой ночи будут обрастать фантастическими подробностями, сделав событие неузнаваемым. Но эта легенда будет соответствовать действительности.*

Лето посмотрел вниз и прикинул, что высота скалы составляет около двухсот метров. В лунном свете были видны выступы и расщелины, но ни одной тропинки не было проложено по крутому, почти отвесному склону. Лето вып-

рямился, встал, оглянулся на приближавшихся людей, набрал в легкие побольше воздуха и шагнул в пространство. Через тридцать метров он пружинисто приземлился на крохотный выступ скалы. Мощные мышцы спружинили, и Лето легко перелетел на другой выступ. Достигнув его, Лето ухватился рукой за маленький отрог, спрыгнул еще на двадцать метров, снова поймал рукой небольшую трещину, уперся ногой в выступ и продолжил свой головокружительный спуск. Последние сорок метров он преодолел одним прыжком, согнув колени, приземлился на пологой стороне какой-то дюны, подняв при этом тучи песка и пыли. С вершины скалы доносились крики и проклятия, но Лето не обратил на них ни малейшего внимания, перепрыгивая с дюны на дюну — с вершины на вершину. Это был балет в Пустыне, вызов Танзеруфту, вызов, которого не помнила эта древняя Пустыня.

Рассудив, что преследователи уже пришли в себя от потрясения и снова пустились в погоню, Лето остановился на теневой стороне одной из дюн и зарылся в песок. Небывалая сила, заключенная в мышцах Лето, позволяла ему чувствовать себя в глубинах песка как в воде, но мальчик чувствовал, что температура тела поднимается выше опасного уровня. Он вынырнул на поверхность у противоположного конца дюны и обнаружил, что оболочка снова покрыла его нос. Он освободил ноздри и прислушался к себе. Новая кожа пульсировала, пытаясь поглотить избыток пота.

Свернув оболочку в трубку, Лето выпил еще немного сиропа и оглядел усеянное звездами небо. Он прикинул, что от Шулоха его сейчас отделяет не меньше пятнадцати километров, и в этот момент на фоне звезд, словно большая птица, появился орнитоптер, но на этот раз он был не один — за ним следовали еще несколько машин. Слышался свист крыльев и приглушенный рокот моторов.

Потягивая сироп, Лето ждал. Прошла Первая Луна, взошла Вторая...

За час до рассвета Лето выбрался из своего убежища и оглядел небосвод. Преследователей не было видно. Только теперь до мальчика окончательно дошло, что обратного пути для него нет. Впереди было небывалое приключение

в Пространстве и Времени, приключение, которому предстояло стать незабываемым уроком для Лето и всего человечества.

Повернув на северо-восток, Лето преодолел еще пятьдесят километров и остановился на дневной привал. Он зарылся в песок, выставив на поверхность трубку из живой мембраны. Оболочка из живой форели приучалась жить с ним, а он — с ней. О том, как действует на него самого новая кожа, Лето старался не думать.

Завтра я совершу налет на Гара Рулен, подумал он. *Я уничтожу канал и выпущу в песок всю воду. Потом я направлюсь в Виндсак, Старую Пропасть и Харг. Через месяц экологическая трансформация будет отброшена назад на целое поколение. После этого мы сможем разработать ее новый график.*

Во всем, что произойдет, обвинят, естественно, мятежные племена. Некоторые вспомнят и о Якуруту. Алия получит свое сполна. Что же до Ганимы... Лето мысленно произнес слова, оживившие память о сестре. Время еще не наступило. Об этом надо будет думать позже... если, конечно, удастся пережить чудовищное переплетение нитей.

Золотой Путь манил его в Пустыню. Лето мог теперь видеть его открытыми глазами, как реальный предмет, расстилавшийся перед взором. Он ясно видел, что будет: по Пустыне будут передвигаться животные, и их существование будет зависеть от движений человеческого духа; эти движения были блокированы в течение многих веков, но духу надо начертать путь, по которому он сможет идти.

Лето вспомнил об отце и сказал себе: *«Скоро мы поспорим об этом, как подобает мужчинам, и победит одна точка зрения».*

Предел выживаемости полагается климатом, теми постепенно наступающими его изменениями, которые незаметны глазу одного поколения. Общая направленность этих изменений может быть отмечена по экстремальным проявлениям в каждый данный момент. Отдельные индивиды могут наблюдать границы климатических провинций, годовые колебания погоды и делать некоторые заключения типа: «Такого холодного года я не помню». Эти явления легко воспринимаются

людьми. Но они редко оказываются готовыми к тому, чтобы вывести общую тенденцию из конкретных, кажущихся хаотичными, изменений. Но только такая готовность служит залогом выживания человечества в условиях той или иной планеты. Люди должны изучать климат.

(«Арракис: Трансформация» Харк аль-Ада)

Алия, скрестив ноги, сидела на постели, пытаясь собраться с мыслями и читая Литанию против страха, но все попытки разбивались об издевательский смех, звучавший в сознании. Слышала она и голос, говоривший:

— Что за вздор? Чего тебе бояться?

Мышцы голеней подергивались от неосознанных попыток бежать, но бежать было некуда.

На Алие была надета лишь золотистая рубашка из тончайшего палианского шелка. Сквозь полупрозрачную ткань было видно, что безупречное некогда тело Алие начинает оплывать. Час убийц миновал, приближался рассвет. На красном покрывале были разложены донесения о событиях последних трех месяцев. Был слышен шум кондиционера. Легкий ветер шевелил этикетки на кассетах.

Страх появился в тот момент, когда два часа назад ее разбудил адъютант, доставив последнее тревожное сообщение, и Алия затребовала кассеты с прежними рапортами, чтобы иметь полное представление о том, что же происходит в последнее время.

Она перестала читать литанию.

Все нападения — дело рук мятежников. Это очевидно. Они все чаще и чаще обращают свою ярость против религии Муад'Диба.

— Ну и что тут такого? — спросил насмешливый голос в глубине сознания.

Алия дико встряхнула головой. Намри подвел ее. Какую же она сделала глупость — доверила столь щекотливое дело такому двоедушному человеку. Адъютант нашептывал, что винить во всем надо Стилгара — он тоже скрытый мятежник. Куда делся Халлек? Залег на дно у своих друзей контрабандистов? Возможно.

Она взяла одну из кассет. *Но каков Мюриз!* Да он просто истерик. Это было единственное возможное объяснение. В противном случае придется поверить в чудеса. Ни один человек, не говоря о ребенке (даже о таком ребенке, каким был Лето), не может сбежать из Шулоха, совершая при этом прыжки с одной дюны на другую.

Алия провела рукой по холодной поверхности кассеты.

И где сам Лето? Ганима искренне считает его мертвым. Вещающий Истину подтвердил ее правдивость. Лето убит лазанскими тиграми. Но кто тогда тот ребенок, о котором сообщили Намри и Мюриз?

Алию начала бить дрожь.

Разрушено сорок каналов; их вода выпущена в песок. Все эти фримены — верные и мятежники — все как один неотесаные мужики и суеверные олухи! Сообщения были полны историями о невероятных событиях. Песчаные форели бросаются в каналы и становятся скопищами своих копий. Черви топятся в воде добровольно. На Второй Луне выступили капли крови, которая пролилась на Арракис. На месте падения капель начинаются страшные бури. И количество бурь *действительно* увеличилось!

Алия подумала о недосягаемом Дункане, который окопался в Табре и подтачивает изнутри то повиновение, которого требует Алия от Стилгара. Ирулан и Дункан спелись, толкуя о *реальных* событиях, лежащих в основе зловещих знамений. Дурачье! Даже ее шпионы поддались общему психозу, со страхом донося о происходящем.

И почему Ганима настаивает на своей версии гибели Лето?

Алия тяжело вздохнула. Среди всех сообщений было только одно обнадеживающее. Фарад'н прислал отряд своей личной гвардии, «чтобы помочь вам в трудную минуту и обеспечить безопасность при подготовке к церемонии обручения». Алия улыбнулась в унисон усмешке, прозвучавшей в ее мозгу. Этот план продолжал действовать. Найдутся логические обоснования, которые позволят рассеять и весь прочий суеверный вздор.

Гвардию Фарад'на она использует для обуздания Шулоха и ареста известных противников режима, особенно среди наибов. Она подумала о действиях и против Стилгара, но внутренний голос предостерег ее: «Еще не время».

— Мать и Община Сестер имеют какие-то свои планы, — прошептала Алия. — Для чего она обучает Фарад'на?

— Может быть, он ее возбуждает, — высказал свое предположение старый барон.

— Она слишком холодна для этого.

— Ты не хочешь попросить Фарад'на, чтобы он вернул ее?

— Я очень хорошо понимаю, насколько это опасно.

— Отлично. Кстати, кого это привезла твоя помощница Зия? Кажется, его зовут Агарвес — Буэр Агарвес. Ты можешь пригласить его сегодня...

— Нет!

— Алия...

— Уже почти светает, ты, ненасытный старый дурак! Утром Военный Совет, потом священники...

— Не доверяй им, дорогая Алия.

— Я и не думаю им доверять!

— Вот и хорошо! Но Буэр Агарвес...

— Я сказала: нет!

Старый барон замолчал, но теперь у Алие разболелась голова. Боль вползла под свод черепа откуда-то из правой щеки. Когда-то она выместила ярость на охране, но сегодня Алия решила сопротивляться.

— Если ты будешь упорствовать, то я приму успокаивающее, — пригрозила она.

Барон понял, что она не шутит. Головная боль стала отступать.

— Ладно, — раздраженно произнес он. — В другой раз.

— В другой раз, — покорно согласилась она.

Ты разъял пески дланью своей; Ты разбил головы драконам Пустыни. Да, Я сохранил тебя, яко зверя, идущего с дюн; у тебя два рога агнчих, но глаголешь ты, яко дракон.

(Пересмотренная Оранжевая католическая Библия, Аран II:4)

То было незыблемое пророчество, нити превратились в канаты, теперь Лето казалось, что это он знал всю свою жизнь. Он оглядел просторы Танзеруфта, окутанные вечерними сумерками. В ста семидесяти километрах к северу лежит Старая Пропасть — расселина в скалах За-

щитного Вала, через которую древние фримены проникли в Пустыню.

Лето не ведал больше сомнений. Он знал, почему стоит здесь один, охваченный тем не менее чувством, что вся эта земля принадлежит ему и будет исполнять его волю. Ощущал он и крепость той нити, которая связывала его со всем человечеством, и ту глубокую потребность во вселенной, доступной чувственному опытному восприятию и поддающейся логическому объяснению, во вселенной, состоящей из распознаваемых закономерностей, лежащих в основе непрестанно происходящих изменений.

Я знаю эту вселенную.

Червь, доставивший его сюда, стоял, выпрямившись, ожидая, как послушное дрессированное животное, команды своего хозяина. Лето управлял червем только с помощью покрытых новой оболочкой рук, удерживая кольца червя на поверхности. За время ночного путешествия на север червь страшно утомился. Его силикатно-серный внутренний «двигатель» работал на пределе своих возможностей, изрыгая мощные потоки кислорода, порождая завихрения, охватывавшие Лето. Временами жар причинял ему головокружение, наполнявшее сознание странными ощущениями. Эти постоянно повторяющиеся субъективные видения были обращены на предков, живших в его существе, а это заставляло самого Лето переживать земное прошлое своего рода. Эти знания помогали познать те изменения, которые происходили сейчас в его личности.

Он понимал, сколь мало человеческого в нем осталось. Соблазняемый Пряностью, которую он поглощал при первой же возможности, он видел, что его оболочка перестала быть форелью так же, как он сам перестал быть обычным человеком. Реснички песчаных созданий проросли в его плоть, создав новое существо, которое в течение всех предбудущих веков станет претерпевать свои неповторимые метаморфозы.

Ты видел это, отец, но отверг, подумал он. *То было нечто, породившее в тебе ужас, и ты не смог встретить это лицом к лицу.*

Лето знал, что думали о его отце и почему.

Муад'Диб умер от своего предзнания.

Но в действительности Пауль Атрейдес бежал от реальности вселенной в состояние *Алам аль-Митхаль*, будучи еще живым, не решившись на то, на что отважился его сын.

Теперь от Пауля остался только Проповедник.

Лето привстал на песке и обратил свой взор на север. Именно оттуда придет червь, и на его спине будут сидеть двое: юный фримен и слепец.

Над головой Лето пролетела на юг стая бледных летучих мышей. Их редкие пятна темнели на фоне вечернего неба. По направлению их полета опытный фримен мог определить, где можно найти убежище. Но Проповедник не последует за летучими мышами. Им не позволено остановиться в Шулохе, чтобы не привлекать чужаков, а именно туда держит путь Проповедник.

Появлению червя предшествовало некое темное движение в промежутке между землей Пустыни и небом. На почву пал *матар*, дождь песка, летящего с большой высоты, — отголосок умирающей бури. Видимость ухудшилась на несколько минут, но потом снова восстановилась.

На основании дюны, возле которой сидел Лето, выступила ночная роса. Он ощутил влагу ноздрями, поправил оболочку, прикрывавшую рот. Не было больше нужды искать источники воды. От своей матери фрименки Лето унаследовал длинный кишечник, который всасывал всю воду из любого содержимого. Живая оболочка поглощала и задерживала любую влагу, с которой соприкасалась. Даже когда Лето просто садился на песок, оболочка выпускала псевдоподии, поглощавшие тепловую энергию почвы.

Лето внимательно смотрел на приближавшегося червя. Было ясно, что поводырь уже видит Лето — темное пятно на фоне светлой дюны. Погонщик червя не мог видеть, что собой представляет объект, но с этой проблемой мог справиться любой фримен. Любой неизвестный предмет — источник возможной опасности. Реакция юного погонщика, таким образом, была вполне предсказуемой без всякого пророческого видения.

В полном соответствии с правилами направление движения червя несколько изменилось, и он двинулся прямо на Лето. Гигантские черви были оружием, которым охотно пользовались фримены. Черви помогли сокрушить Шад-

дама в битве у Арракина. Этот червь, однако, отказался повиноваться воле погонщика и остановился как вкопанный в десяти метрах от дюны, и никакая сила не могла заставить его сдвинуться с места.

Лето поднялся, чувствуя, как убираются в кожу реснички. Он освободил рот.

— Ахлам, васахлам! *Добро пожаловать, дважды добро пожаловать!*

Слепец стоял на спине червя, положив руку на плечо поводыря. Человек высоко вскинул подбородок, нос его был направлен точно на Лето, словно слепец принюхивался к причине, остановившей его. Закатное солнце окрасило лоб Проповедника в оранжевый цвет.

— Кто это? — спросил слепой, тряся поводыря за плечо. — Почему мы остановились?

Голос был глухой и гнусавый из-за затычек в ноздрях.

Юноша со страхом посмотрел на Лето.

— Это одинокий странник в Пустыне. По виду он сущий ребенок. Я пытался направить на него червя, но червь не захотел подойти к нему.

— Почему ты ничего мне не сказал? — спросил слепец.

— Я думал, что это одинокий путник, — начал оправдываться юноша. — Но это оказался демон.

— Ты выражаешься как истинный сын Якуруту, — заговорил Лето. — А вы, сир, вы — Проповедник.

— Да, это я, — теперь страх появился и в голосе Проповедника. Он понял, что встретился со своим прошлым.

— Здесь нет сада, но я приглашаю вас разделить эту ночь со мной, — сказал Лето.

— Кто ты? — требовательно спросил Проповедник. — Как сумел ты остановить червя?

В голосе старика обозначились нотки зловещего узнавания. Он призвал на помощь память своего альтернативного видения, зная, что рано или поздно доберется до истины.

— Это демон! — протестующе крикнул погонщик. — Мы должны как можно быстрее бежать отсюда, иначе наши души...

— Молчать! — проревел Проповедник.

— Я — Лето Атрейдес, — сказал Лето. — Ваш червь остановился, потому что так было угодно мне.

Проповедник застыл в наступившем ледяном молчании.

— Иди ко мне, отец, — произнес Лето. — Сойди с червя и проведи эту ночь со мной. Я дам тебе сладкого сиропа. Я вижу, что у вас есть фримпакет с едой и кувшины с водой. Мы разделим наши богатства здесь, на этом песке.

— Лето еще дитя, — возразил Проповедник. — Говорят, что он погиб от происков Коррино. В твоем же голосе нет ничего детского.

— Вы же знаете меня, сир, — сказал Лето. — По возрасту я ребенок, каким были вы, но у меня очень древний опыт, а голос натренирован.

— Что ты делаешь здесь, во Внутренней Пустыне? — спросил Проповедник.

— Бу цзы, — ответил Лето. *Из ничего — ничто.* Это был традиционный ответ Дзенсунни, путника, который находится в полном покое, не прилагает ни к чему усилий и живет в гармонии с собой и своим окружением.

Проповедник потряс поводыря за плечо.

— Это ребенок, это действительно ребенок?

— Ай-яй, — только и смог выдавить из себя охваченный ужасом юноша.

Проповедник вздохнул так, что все его тело сотряслось от этого вздоха.

— Нет, — сказал он.

— Это демон в обличии ребенка, — сказал наконец поводырь.

— Вы проведете ночь здесь, — заявил Лето.

— Мы поступим, как он велит, — решил Проповедник. Он отпустил плечо поводыря и, спустившись на песок, обернулся к юноше. — Отведи червя подальше и пусть он погружается. Он устал и не станет нас тревожить.

— Червь не пойдет, — возразил погонщик.

— Он пойдет, — сказал Лето. — Но если ты попытаешься сбежать на нем, то я прикажу червю сожрать тебя.

Лето подошел к чувствительному пятну червя и сказал:

— Иди туда.

Юноша вставил рычаг в ушко крюка и выдернул его из кольца червя, и тот медленно заскользил по песку, поворачиваясь по мере того, как погонщик наклонял фиксирующий крюк.

Проповедник, ориентируясь на голос Лето, легко поднялся по склону дюны и встал в двух шагах от сына. Это было сделано с такой уверенностью, что Лето понял, состязаться с отцом будет нелегко.

Слишком далеко разошлись их видения.

— Сними маску, отец, — сказал Лето.

Проповедник повиновался — откинув складку капюшона, он отстегнул маску.

Зная собственную внешность, Лето внимательно всмотрелся в это лицо, наблюдая черты сходства, заметные в гаснущем свете дня. Черты лица Проповедника образовывали формы непостижимой похожести, отражавшей путь генов, не связанных определенными границами. Но ошибки быть не могло. Это те самые черты, которые перешли к Лето из гулких дней прошлого, из дождей, из чудесных морей Каладана. Но теперь они стоят друг напротив друга у развилки дорог на Арракисе и ждут: какими извилистыми путями разойдутся эти дороги в дюнах.

— Вот так, отец, — сказал Лето, взглянув влево, откуда возвращался юный поводырь.

— Му зейн, — сказал Проповедник, резко взмахнув рукой. *И в этом нет ничего хорошего.*

— Коолиш зейн, — мягко возразил Лето. *Это очень хорошо, лучше и быть не могло.*

Лето перешел на язык чакобса — древний боевой язык Атрейдесов.

— Я здесь, и я остаюсь! Мы не имеем права этого забывать, отец.

Плечи Проповедника ссутулились, давно забытым жестом он прижал ладони к пустым глазницам.

— Дав тебе свет моих глаз, я забрал твою память, — сказал Лето. — Я понимаю твое решение, я был в том месте, где ты скрываешься.

— Я знаю об этом, — произнес Проповедник и опустил руки. — Ты останешься?

— Ты назвал меня именем человека, который начертал эти слова на своем гербе: «J'y suis, j'y reste»*.

Проповедник тяжело вздохнул.

---

* Я здесь, и я остаюсь (*фр.*).

— Как далеко ты успел зайти? Что ты сделал с собой?

— Моя кожа теперь не моя, отец.

Проповедник вздрогнул.

— Теперь я понимаю, как ты меня нашел.

— Да, я связал свою память с местом, где никогда не бывала моя плоть, — сказал Лето. — Но мне надо провести с тобой один вечер, отец.

— Я не твой отец. Я — всего лишь его бледная копия, реликт. — Он повернул голову туда, откуда приближался поводырь. — У меня нет больше видения будущего.

При этих словах Пустыню объяла ночная тьма. На небе высыпали звезды.

— Вубах уль кухар! — крикнул Лето поводырю. *Приветствую тебя!*

— Субах ун нар! — донеслось из темноты.

— Это молодой Ассан Тарик, — хрипло прошептал Проповедник. — Он очень опасен.

— Все Отверженные опасны, — ответил Лето невозмутимым тоном, — но не для меня.

— Ты можешь видеть это так, но я не разделяю твоего видения, — произнес Проповедник.

— Но у тебя, вероятно, нет иного выбора, — сказал Лето. — Ты — *филь-хакика,* реальность. Ты — Абу Дхур, Отец Бесконечных Путей Времени.

— Сейчас я ничто, кроме как приманка в ловушке, — с горечью ответил Проповедник.

— Алия уже клюнула на эту приманку, — сказал Лето, — мне же ее вкус не понравился.

— Ты не можешь этого сделать, — прошипел Проповедник.

— Я уже сделал это. Моя кожа более не принадлежит мне.

— Может быть, тебе еще не поздно...

— Нет, уже слишком поздно. — Лето склонил голову набок. Он слышал, как на их голоса вверх по склону дюны карабкается поводырь.

— Приветствую тебя, Ассан Тарик из Шулоха! — сказал Лето. Юноша застыл в нескольких шагах от него, как темная тень, осыпанная светом звезд. Во всем облике поводыря — в опущенных плечах и неловко повернутой голове — сквозила нерешительность.

— Да, да, — произнес Лето, — это именно я сумел бежать из Шулоха.

— Что я слышу... — заговорил Проповедник. — Ты не можешь делать это!

— Я уже это делаю. Что ж с того, что ты ослеп еще раз?

— Ты думаешь, что я этого боюсь? — спросил Проповедник. — Смотри, какого отличного поводыря мне дали.

— Я вижу, — ответил Лето и взглянул в лицо Ассана Тарика. — Ты что, не слышал, Ассан? Я — тот, кто бежал из Шулоха.

— Ты демон, — дрожа от страха, ответил Тарик.

— Это ты демон, — возразил Лето, — но ты — мой демон.

Он чувствовал, как нарастает напряженность между ним и отцом. Вокруг них шла война теней, проекций, созданных бессознательным. Лето ощущал множественную память отца, формы прошлых пророчеств, которые отделяли знакомую реальность настоящего от видений минувшего.

Тарик тоже почувствовал эту битву видений и спустился по склону дюны на несколько шагов.

— Ты не можешь контролировать будущее, — прошептал Проповедник, в его тоне звучало такое усилие, словно он поднимал громадную тяжесть.

Лето оценил диссонанс. Это был тот самый элемент вселенной, та стихия, которую он всю жизнь пытался схватить. Либо он, либо его отец будут скоро вынуждены действовать, принимать решения, выбрав свое видение, выбрав раз и навсегда. Отец был прав: попытка подчинить себе вселенную вручает ей оружие, которым она со временем разгромит тебя самого. Чтобы верно выбрать видение и справиться с ним, надо удержать равновесие на одной-единственной, очень тонкой нити — на струне, справиться с которой под силу только Богу, ибо на каждом конце этой струны — космическое безмолвие. Ни один из пытающихся не сможет повторить этот парадокс, завершение которого — смерть. Все знают свои видения и правила игры. Все старые иллюзии со временем умирают. И как только один из алчущих начинает рваться вперед, он тотчас наталкивается на сопротивление других алчущих, которые тоже начинают рваться наверх. Единственная исти-

на, которая имела сейчас значение, заключалась в том, что разделяло основания их видений. В этом противостоянии не было места безопасности, только преходящее смещение отношений, намеченных внутри ограничений, которые они сами наложили на неизбежные изменения. Каждый из них имел в своем распоряжении только отчаянное и одинокое мужество, на которое только и мог положиться, но у Лето было два преимущества: он выбрал путь, с которого не мог свернуть, и принял те ужасные последствия, которые могли иметь для него место. Отец же все еще надеялся, что путь назад существует, и не нашел того, чему можно посвятить себя без остатка.

— Ты не должен этого делать, не должен! — хрипел Проповедник.

Он видит мои преимущества, подумал Лето.

Лето говорил спокойным голосом, стараясь скрыть напряжение, которого требовало усилие сохранить равновесие в их споре.

— У меня нет страстной веры в истину, нет преклонения перед тем, что я сотворил, — сказал он, чувствуя, что между ним и отцом происходит какое-то движение, что-то необработанное и грубое, что затрагивало собственную, фанатичную и неколебимую веру Лето в самого себя. Эта вера рождала в нем убежденность, что он уже наметил вехи Золотого Пути. Настанет день, когда эти вехи скажут другим, как стать людьми; это будет странный дар человечеству от того, кто сам уже к тому дню совершенно перестанет быть человеком. Но такие вехи постоянно расставляют на своем пути азартные игроки. Лето видел великое множество таких натур, разбросанных по всему множеству живущих в нем предков. Он чувствовал это и утешался тем, что последнюю ставку в этой игре сделает он сам.

Лето шумно потянул носом воздух, ожидая сигнала, которого они с отцом ждали с равным нетерпением, зная, что он рано или поздно придет. Оставался только один вопрос: предупредит ли отец охваченного ужасом молодого поводыря, который ждал их внизу?

Лето ощутил запах озона — несомненный признак защитного экрана. Верный приказу Отверженных, Тарик

попытается убить этих двух опасных Атрейдесов, не понимая, какой ужас он навлекает на свою голову.

— Не надо, — прошептал Проповедник.

Но Лето понял, что это сигнал. Он явственно чуял озон, хотя в воздухе не было характерного потрескивания. Тарик использовал фальшит, оружие, придуманное исключительно для Арракиса. Эффект Хольцмана вызовет червя и сделает его невменяемым. Ничто не остановит такого червя — ни вода, ни даже присутствие песчаной форели... ничто. Да, молодой человек воткнул приспособление в склон дюны и начал уходить из опасной зоны.

Лето бросился с дюны, слыша за спиной протестующий крик отца. Но ужасающая сила мышц бросила Лето вперед со скоростью снаряда. Одной рукой он ухватил Тарика за шею, другой за пояс. Раздался щелчок — Лето сломал юноше шею, после чего развернулся и швырнул тело по направлению к дюне. Труп погрузился в песок там, где было спрятано дьявольское устройство. Лето подлетел к этому месту, выдернул из песка излучатель защитного экрана и бросил его к югу, подальше от дюны. В ту же секунду в месте падения излучателя раздался страшный шум и грохот. Потом все стихло. Снова наступила мертвая тишина.

Лето взглянул на вершину дюны, где стоял отец, — все еще не желавший покоряться, но уже побежденный. Это был Пауль Муад'Диб, слепой, разгневанный и близкий к отчаянию от того, что бежал когда-то от видения, которое принял его сын. Пауль размышлял сейчас над изречением Дзенсунни: *«В каждый единичный акт точного предсказания будущего Муад'Диб вводил элемент развития и роста, это было результатом предзнания, в свете которого он видел существование каждого человека. Этим он вовлек себя в неопределенность. Ища Абсолютное в упорядоченных предсказаниях, он усиливал беспорядок сущего и искажал предсказание»*.

Лето одним прыжком взлетел на дюну и обратился к отцу:

— Теперь я буду твоим поводырем.

— Никогда!

— Ты хочешь вернуться в Шулох? Если даже допустить, что тебе были бы рады и без Тарика, то скажи мне на милость, где теперь сам Шулох? Твои *глаза* видят это?

Пауль уставил на сына пустые глазницы.

— Ты действительно знаешь вселенную, которую творишь здесь?

Лето уловил особую интонацию в голосе отца. Общее для них обоих видение было сейчас приведено в страшное движение и требовало акта творения в совершенно определенный *момент* времени. Характерным для этого временного пункта было линейное восприятие течения Времени, а все сущее обладало характеристиками упорядоченной линейной прогрессии. Они оба вступали в этот момент, как в движущийся экипаж, но они оба могли его и покинуть.

Напротив, Лето держал в своих руках бразды Времени, состоявшие из многих нитей, и нити эти были уравновешены в его воззрении на Время, как на многомерное пространство с множеством параллельных направлений. Лето был единственным зрячим в мире слепых. Только он мог теперь разрушить рутинное умствование, поскольку отец уже не был в состоянии держать в руках бразды правления Временем. Лето же видел, что ему, сыну, удалось изменить прошлое. Мысль, еще не проявившаяся в самом отдаленном будущем, могла отразиться на настоящем, и именно эта мысль направляла теперь его руку.

Только *его* руку.

Пауль знал это, потому что сам уже не мог держать нити, видеть, как Лето ими управляет, он мог только понимать те сверхчеловеческие последствия, которые принял для себя Лето. И он подумал: *Вот то изменение, о котором я столько молился! Почему же я так его боюсь? Потому что это — Золотой Путь!*

— Я здесь для того, чтобы придать цель эволюции, а следовательно, и нашей жизни, — сказал Лето.

— Ты действительно *хочешь* прожить эти тысячи лет, претерпевая известные тебе изменения?

Лето понимал, что отец говорит не о физических изменениях. Физические последствия были известны им обоим: Лето будет приспосабливаться и приспосабливаться; его кожа, не принадлежащая ему, тоже будет постоянно адаптироваться к новым условиям своего существования. Давление эволюции в каждой части системы будет растворяться, и в результате произойдет некая интегральная транс-

формация. Когда наступит метаморфоз, если он наступит, то возникнет мыслящее существо небывалой величины, оно станет господствовать над вселенной, которая будет ему соратником.

Нет... Пауль имел в виду внутренние изменения, которые сами по себе станут воздействовать на соратников.

— Ты знаешь, что говорят о твоих последних словах те, кто думает, что ты мертв? — спросил Лето.

— Конечно.

— *Теперь я сделаю то, что всякий живущий должен сделать ради служения жизни*, — проговорил Лето. — Ты никогда этого не говорил, но священник, который посчитал тебя мертвым, думал, что ты не вернешься и не назовешь его лжецом, вложил в твои уста эти слова.

— Я бы не стал называть его лжецом, — Пауль глубоко вздохнул. — Это хорошие последние слова.

— Ты останешься здесь или вернешься в ту хижину в Шулохе? — спросил Лето.

— Теперь это твоя вселенная, — ответил Пауль.

Эти слова, полные горечи поражения, больно ранили Лето. Пауль изо всех сил пытался держаться пространства своего личного видения, которое он избрал много лет назад в сиетче Табр. Именно поэтому он избрал теперь для себя роль инструмента мести Отверженных, остатков древнего Якуруту. Эти люди испачкали его имя, замарали его, но он скорее был готов принять это унижение, чем тот взгляд на вселенную, который без колебаний принял его родной сын.

Грусть Лето была так сильна, что он мог говорить в течение нескольких томительных минут. Овладев голосом, Лето сказал:

— Итак, ты заманил Алию, подверг ее искушению и склонил к бездействию и неправильным решениям. Больше того, теперь она знает, кто ты в действительности.

— Она знает... Да, она знает.

У Пауля был сейчас стариковский голос и в нем звучал скрытый протест. У него был еще резерв сопротивления.

— Если смогу, я отниму у тебя это видение, — сказал он.

— Тысячи мирных лет, — сказал Лето. — Вот, что я им дам.

— Ты дашь им сон! Застой!

— Конечно. И те формы насилия, которые сочту допустимыми. Я стану уроком, который человечество никогда не забудет.

— Плевать я хотел на твои уроки! — сказал Пауль. — Ты думаешь, я не видел ничего подобного тому, что выбрал ты?

— Ты видел, — согласился Лето.

— И чем твое видение лучше моего?

— Ничем. Может быть, оно даже хуже, — ответил Лето.

— Так что мне остается, как не сопротивляться тебе? — спросил Пауль.

— Или убить меня?

— Я не настолько наивен, и мне известно, какие силы ты привел в действие. Мне известно о разрушенных каналах и беспорядках.

— А теперь еще и Ассан Тарик никогда не вернется в Шулох. Ты должен вернуться туда со мной или вообще не вернуться, потому что таково мое видение.

— В таком случае я не стану возвращаться.

Каким старым стал его голос, подумал Лето с мучительной душевной болью.

— В моей *дишдаша* лежит кольцо с ястребом Атрейдесов. Если хочешь, я могу вернуть его тебе.

— О, если бы я умер, — прошептал Пауль. — Я действительно хотел умереть, когда ушел в Пустыню той ночью, но я знал, что не могу покинуть этот мир. Я должен был вернуться и...

— ...воскресить легенду, — закончил за него Лето. — Я знаю. Но шакалы Якуруту подстерегали тебя, и ты знал, что так будет. Они хотели твоих видений! Ты знал об этом.

— Я отказался. Они не получили от меня ни одного видения.

— Но они запачкали тебя. Они кормили тебя эссенцией Пряности, подсовывали женщин и соблазняли пустыми обещаниями. И у тебя *были* видения.

— Иногда, — голос отца прозвучал глухо.

— Так ты возьмешь кольцо с ястребом? — спросил Лето.

Пауль, резко выпрямившись, сел на песке. На фоне звездного неба возникло темное пятно.

— Нет!

Итак он понимает тщетность того пути, подумал Лето. Это открывало многое, но не все. Соревнование видений перешло из плана изящного выбора в грубую несовместимость альтернатив и их носителей. Пауль знал, что не может победить, но надеялся все же уничтожить то видение, которое выбрал Лето.

Отец заговорил:

— Да, я искупался в грязи, живя в Якуруту, но ты испачкал себя сам.

— Это правда, — признал Лето. — Но ведь я — твой сын.

— И ты добрый фримен?

— Да.

— Тогда ты позволишь слепому отправиться в Пустыню? Ты предоставишь мне право выбрать вечный покой по моему усмотрению? — Он ударил ладонью по песку рядом с собой.

— Нет, этого я тебе не позволю, — сказал Лето. — Но твое право упасть на нож, если ты на этом настаиваешь.

— И ты будешь иметь на руках мой труп?

— Именно так.

— Нет!

И все же он знает тот путь, подумал Лето. Погребение тела Муад'Диба его собственным сыном будет расценено как нечто, цементирующее видение Лето.

— Ты никогда не рассказывал им о своих видениях, правда, отец? — спросил Лето.

— Никогда.

— А я рассказывал, — сказал Лето. — Я говорил об этом Мюризу. О Крализеке, Тайфунной Битве.

Плечи Пауля бессильно опустились.

— Ты не можешь, — зашептал он, словно в бреду. — Нет, ты не можешь.

— Теперь я — порождение этой Пустыни, — сказал Лето. — Ты бы смог так, как я, говорить с бурей Кориолиса?

— Ты считаешь меня трусом, оттого что я не выбрал этот путь, — произнес Пауль тихим, дрожащим голосом. — О, я очень хорошо понимаю тебя, сын. Авгуры и гадатели по внутренностям всегда платили за свои предсказания,

но я никогда не терялся в возможностях будущего, потому что такое будущее не может быть предсказано.

— Твой джихад покажется мирным пикником на Каладане по сравнению с тем, что будет, — согласился Лето. — Сейчас я отвезу тебя к Гурни.

— Гурни! Он служит Общине Сестер, служа моей матери.

Теперь Лето понял всю степень видений своего отца.

— Нет, отец, Гурни уже никому не служит. Я знаю, где его найти, и отведу тебя туда. Настало время создавать новую легенду.

— Я вижу, что не смогу перебороть тебя. Дай мне прикоснуться к тебе. Ведь ты — мой сын.

Лето вытянул вперед правую руку и взял протянутые навстречу пальцы Пауля. Он легко сопротивлялся всем движениям Пауля.

— Теперь мне не причинит вреда даже отравленный нож, — сказал Лето. — У меня изменилась вся биохимия организма.

Из незрячих глаз Пауля потекли слезы, он вырвал свою руку из пальцев Лето и бессильно обмяк.

— Если бы я выбрал твой путь, то стал бы слугой сатаны. Но кем станешь ты?

— Какое-то время и меня тоже будут называть посланцем сатаны, — ответил Лето. — Потом люди начнут поражаться мне и наконец поймут. Ты просто не стал далеко заглядывать в свое видение, отец. Твои руки творили как добро, так и зло.

— Но зло бывает видно только по его результатам!

— Таков удел многих великих зол, — сказал Лето. — Ты проник только в часть моего видения. Неужели у тебя не хватило сил?

— Ты же понимаешь, что я не мог бы остаться там навсегда. Я никогда не делал зла. Если знал, что это будет зло. Я не сын Якуруту. — Он поднялся на ноги. — Ты же не думаешь, что я из тех, кто по ночам смеется над другими?

— Очень грустно, что ты никогда не был истинным фрименом, — сказал Лето. — Мы, фримены, знаем, как назначать арифу. Наши судьи умеют выбирать из зол наименьшее. И так будет у нас всегда.

— То есть у фрименов? Ты хочешь сделать их рабами судьбы? — Пауль подошел к Лето и каким-то застенчивым

движением протянул вперед руку, коснулся оболочки, покрывающей кожу сына, провел пальцами по руке, потом по плечу, до уха, потрогал щеку, потом рот.

— Ах, все-таки у тебя осталась еще природная плоть, — сказал он. — Но куда заведет тебя новая плоть?

Пауль бессильно уронил руку.

— Туда, где люди смогут творить свою судьбу каждый миг.

— Ты говоришь так, как может говорить Мерзость.

— Я не воплощение Мерзости, хотя мог стать им, — сказал Лето. — Я видел, как это случилось с Алией. В ней живет демон, отец. Я и Гани знаем этого демона: это барон, твой дед.

Пауль прикрыл лицо руками. Плечи его затряслись. Потом он взял себя в руки и опустил руки. Рот его был плотно сжат.

— Это проклятие нашего Дома. Я молился о том, чтобы ты выбросил это кольцо в песок, чтобы ты отрекся от меня и выбрал другую жизнь. Все было перед тобой.

— Но какова цена?

Пауль ответил после долгого молчания.

— Конец пути содержит его оправдание. Однажды я не смог отстоять свои принципы. Только однажды. Я принял махдинат. Я сделал это ради Чани, но это сделало меня плохим правителем.

Лето было нечего ответить на это. Память о том решении была у него в душе.

— Я не могу лгать тебе больше, чем я лгал себе, — продолжал Пауль. — Я это знаю. Каждый человек должен иметь такого судью. Я хочу спросить у тебя только одно: Тайфунная Битва действительно необходима?

— Да, в противном случае род человеческий угаснет.

Пауль почувствовал истину в словах Лето и тихо произнес, признавая преимущество видения сына:

— Я не видел этого среди возможностей выбора.

— Думаю, что о такой возможности подозревает Община Сестер, — сказал Лето. — У меня нет другого объяснения действий бабушки.

Ночь повеяла холодом. Одежда Пауля облепила ноги от сильного ветра. Отец дрожал от холода. Заметив это, Лето сказал:

— У тебя есть фримпакет, отец. Я надую тент, и мы проведем эту ночь в комфорте.

Но Пауль только покачал головой, зная, что в его жизни больше не будет комфортных ночей. Муад'Диба, Героя, надо уничтожить. Отныне останется только Проповедник.

Фримены были первыми людьми, разработавшими сознательную и подсознательную символику для выражения движений и отношений своей планетной системы. Они были также первыми в мире людьми, которые описали свой климат в почти математической форме, языком, чьи письменные символы воплощали (и интериоризировали) внешние отношения. Язык сам по себе был частью системы, которую он описывал. Письменные формы несли в себе очертания того, что они обозначали. В таком развитии было имплицитно заложено тончайшее локальное знание того, что необходимо для поддержания жизни. Меру взаимодействия языка и системы можно оценить на основании того факта, что фримены считали себя ищущими пропитания стадными животными.

(«Рассказ о Лиет-Кинесе» Харк аль-Ада)

— Кавех вахид, — приказал Стилгар. *Принеси кофе.* Он сделал знак адъютанту, стоявшему у единственной двери помещения с голыми каменными стенами, в которой Стилгар провел эту бессонную ночь. Это было то помещение, в котором старый фременский наиб обычно завтракал, да и время уже подходило, но после такой ночи Стилгару вовсе не хотелось есть. Он встал, растягивая затекшие мышцы.

Дункан Айдахо сидел на низкой подушке у двери, пытаясь подавить зевоту. Он только что сообразил, что они со Стилгаром проговорили почти всю ночь.

— Прости меня, Стил, — сказал он. — Я не дал тебе спать всю ночь.

— Кто не спит ночь, тот добавляет к своей жизни лишний день, — ответил Стилгар, принимая из рук адъютанта поднос с кофе. Он пододвинул к Айдахо низкую скамью, поставил на нее кофе и сел напротив гостя.

На обоих мужчинах были надеты желтые траурные одежды. Наряд Айдахо пришлось одолжить в сиетче, поскольку местные жители не очень любили зеленую форму слуг Атрейдесов.

Стилгар налил себе темный напиток из толстостенного карафе и отпил глоток, после чего поднял чашку, давая знак Айдахо. Это был старинный фрименский ритуал: *«Можешь пить без опаски: я его попробовал»*.

Кофе варила Хара, и сделала его так, как предпочитал Стилгар: зерна прожаривались до розовато-коричневого цвета, толклись в ступке еще горячими в мелкий порошок и немедленно заваривались с добавлением щепотки Пряности.

Айдахо вдохнул аромат напитка и шумно отхлебнул из чашки. Он так и не понял, удалось ли ему убедить Стилгара в своей правоте. В утренние часы его ум ментата начинал работать вяло и медленно, не успевая обрабатывать все поступившие в мозг данные. Но эти данные были подтверждены в послании Гурни Халлека.

Алия знала о Лето! Она знала.

Джавид тоже был частью этого знания.

— Я должен быть полностью освобожден от всяких ограничений, — сказал он, снова начиная затянувшийся спор.

Но Стилгар твердо стоял на своем.

— Соглашение о нейтралитете заставляет меня быть твердым в своих суждениях. Гани здесь в безопасности. Ты и Ирулан — тоже. Вы не можете отправлять послания. Получать можете, а отправлять — нет. Я дал свое слово.

— Это не те отношения, которые приняты между гостем и его старым другом, делившими в прошлом одни опасности, — сказал Айдахо, помня, что уже использовал этот аргумент.

Стилгар опустил чашку, аккуратно поставил ее на поднос и, не отрывая от нее взгляда, заговорил:

— Мы, фримены, не чувствуем вины за те поступки, которые вызывают это чувство у других, — сказал он и посмотрел в глаза Айдахо.

Его надо заставить взять Гани и бежать отсюда, подумал Айдахо, но вслух сказал другое:

— У меня не было намерения вызвать в тебе чувство вины.

— Это я понимаю, — сказал Стилгар. — Я поднял этот вопрос, чтобы показать наше фрименское отношение к жизни, потому что мы имеем дело именно с ним. Даже Алия думает по-фрименски.

— А Священство?

— Это совсем другая материя, — ответил Стилгар. — Они хотят, чтобы люди вечно глотали серую пыль греха. Только на этом фоне они ощущают свое благочестие. — Стилгар говорил, не повышая голос, но Айдахо улавливал в его интонациях горечь и удивлялся, почему эта горечь не убеждает наиба.

— Это очень старый трюк автократического правления, — сказал Айдахо. — Алия его очень хорошо знает. Хорошие люди должны испытывать чувство вины. Вина же начинается с ощущения собственной неудачливости. Хороший автократ умеет изыскать возможность, как показать населению, что оно не умеет ловить миг удачи.

— Это я тоже замечал, — сухо проговорил Стилгар. — Но ты должен простить меня за то, что я еще раз скажу, что ты говоришь о своей собственной жене. К тому же она — сестра Муад'Диба.

— Я же говорю тебе, что она одержима!

— Да, об этом говорят многие. Ее надо испытать в суде. Пока же надо принять во внимание куда более важные обстоятельства.

Айдахо грустно покачал головой.

— Все, что я говорю, можно легко подтвердить. Сообщение с Якуруту всегда осуществлялось через Храм Алие. Заговор против близнецов плели там же. Деньги для продажи червей на другие планеты тоже поступали из храма. Все нити тянутся к ведомству Алие, к Регентству.

Стилгар покачал головой и глубоко вздохнул.

— Это нейтральная территория. Я дал слово.

— Но дела не могут идти так, как они шли!

— Я согласен! — в подтверждение своих слов Стилгар кивнул. — Алия попала в кольцо, и это кольцо с каждым днем сужается. Это напоминает мне наш древний обычай многоженства — он позволяет выявить мужское бесплодие.

Он вопросительно взглянул на Айдахо.

— Ты говорил, что она изменяла тебе с другими мужчинами, «используя свой пол как оружие», так ты сказал, если я правильно запомнил. Тогда у тебя есть прекрасная возможность пойти вполне легальным путем. Джавид сейчас в Табре — он привез послание от Алие. Тебе надо только...

— На твоей нейтральной территории?

— Нет, нет, конечно, только в Пустыне, за стенами сиетча.

— А если я воспользуюсь такой возможностью и убегу?

— У тебя не будет такой возможности.

— И все же я клянусь тебе, что Алия одержима. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в том...

— Это очень трудно доказать, — сказал Стилгар.

Айдахо вспомнил слова Джессики и сказал:

— Но у тебя есть способы доказать это.

— Способы действительно есть, но очень болезненные и беспощадные, — проговорил Стилгар. — Именно поэтому я упомянул о нашем отношении к чувству вины. Мы можем освободить себя от чувства вины, которое может нас уничтожить в любом случае, но только не в процессе об одержимости. В таком трибунале на судьях, а они тоже люди, лежит очень большая ответственность.

— Но вам приходилось делать это раньше, не правда ли?

— Я уверен, что Преподобная Мать не упустила ни одной детали из нашей истории в своем рассказе, — сказал Стилгар. — Ты же отлично знаешь, что нам приходилось заниматься такими делами.

Айдахо отреагировал на раздражение в голосе Стилгара.

— Я не пытаюсь загнать тебя в ловушку неверного решения. Это просто...

— Была долгая ночь, но вопросы остались без ответа, — сказал Стилгар. — И вот наступило утро.

— Я должен получить разрешение послать сообщение Джессике, — сказал Айдахо.

— Это будет послание на Салусу, — произнес Стилгар. — Я не могу давать обещаний на один вечер. Мое слово нерушимо, именно поэтому сиетч Табр до сих пор нейтральная

территория. Я не допущу никаких посланий. Я обязан сделать это ради моего сиетча.

— Алию надо судить, и сделать это должен ты!

— Возможно, возможно. Но, во-первых, надо убедиться, нет ли смягчающих обстоятельств. Может быть, это просто ошибка власти, или обыкновенное невезение. Может быть, это дурные наклонности, которые есть у всех людей, а вовсе не одержимость.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я веду себя, как обманутый муж, который хочет расправиться с неверной женой чужими руками?

— Такая мысль могла бы посетить кого угодно, но только не меня, — сказал Стилгар. Он улыбнулся, чтобы смягчить язвительность своих слов. — У нас, фременов, есть своя традиция, свой *хадит*. Если мы боимся ментата или Преподобной Матери, то обращаемся к обычаю. Говорят, что единственное, чего мы по-настоящему боимся, так это своих собственных ошибок.

— Госпоже Джессике надо обо всем сообщить, — сказал Айдахо. — Гурни говорит...

— Может быть, это послание вовсе не от Гурни Халлека.

— Оно не могло прийти больше ни от кого. У нас, Атрейдесов, есть способ верификации посланий. Стил, ну по крайней мере попробуй сам...

— Якуруту больше не существует, — сказал Стилгар. — Его разрушили много поколений назад.

Он дотронулся до рукава Айдахо.

— Как бы то ни было, я не могу снимать людей с фронтов. Существует прямая угроза каналу... Ну, ты же сам понимаешь. — Он откинулся назад. — Ну а если Алия...

— Алие больше нет, — сказал Айдахо.

— Это ты говоришь, — Стилгар отхлебнул кофе, поставил чашку на скамью. — Давай отдыхать, друг Айдахо. Не стоит отрубать руку, если под ногтем застряла заноза.

— Давай в таком случае поговорим о Ганиме.

— В этом нет никакой нужды. Она находится под моим покровительством, под моей защитой. Пока она здесь, никто не причинит ей вреда.

Не может же он на самом деле быть таким наивным, подумал Айдахо.

Однако Стилгар поднялся, давая понять, что разговор окончен.

С трудом разогнув затекшие колени, Айдахо тоже встал. Мышцы голеней совершенно онемели. В этот момент в помещение вошел адъютант и встал у двери. Следом за адъютантом появился Джавид. Айдахо оглянулся — Стилгар стоит в четырех шагах. Ни секунды не колеблясь, Дункан извлек из ножен клинок и нанес удар в грудь ничего не подозревающему Джавиду. Тот отшатнулся назад, соскользнув с лезвия, неловко развернулся, упал лицом вниз, несколько раз дернулся и умер.

— Вот так мы прекратим сплетни, — сказал Айдахо.

Адъютант застыл с ножом в руке, не зная, как реагировать. Айдахо же вложил клинок в ножны, предварительно вытерев его о желтую накидку.

— Ты нанес урон моей чести! — крикнул Стилгар. — Это нейтральная...

— Заткнись! — рявкнул Айдахо на ошеломленного наиба. — Ты же носишь ошейник, Стилгар!

Это было одно из трех смертельных оскорблений, которых не прощает ни один фримен. Стилгар побледнел от гнева.

— Ты же слуга, — как ни в чем не бывало продолжал Айдахо. — Ты продал фримена за его воду.

Это было второе оскорбление из того же ряда, такое истребило Якуруту.

Стилгар заскрежетал зубами и схватился за нож. Адъютант отступил назад от тела Джавида.

Повернувшись спиной к наибу, Айдахо, не оглядываясь, двинулся к выходу, выкрикнув третье оскорбление:

— Ты никогда не достигнешь бессмертия, Стилгар. В твоих потомках нет твоей крови!

— Куда это ты направился, ментат? — с ледяным спокойствием спросил Стилгар.

— Искать Якуруту, — не останавливаясь и не оборачиваясь, ответил Айдахо.

— Видимо, мне придется тебе помочь, — сказал Стилгар и извлек из ножен клинок.

Айдахо был уже у наружной стороны прохода.

— Если ты собрался помогать мне своим ножом, ворующий воду, то бей, пожалуйста, в спину. Это подходящий удар для того, кто носит ошейник демона.

Не сдерживая больше ярости, Стилгар перепрыгнул через труп Джавида и догнал Айдахо. Схватив Дункана за одежду, наиб, развернув, остановил его. Ярость Стилгара была настолько велика, что он не заметил любопытной усмешки на лице Айдахо.

— Бери в руку нож, ментатское отродье! — проревел Стилгар.

Рассмеявшись, Айдахо нанес ему два удара в голову голыми руками.

Что-то бессвязно крича, Стилгар ударил Айдахо ножом — снизу вверх, целя в сердце через диафрагму.

Айдахо присел еще глубже, насаживая себя на нож, и улыбнулся Стилгару, чья ярость вдруг уступила место ледяному оцепенению.

— Две смерти за Атрейдесов, — прошептал Айдахо. — Вторая ничуть не лучше первой.

Он неловко завалился на бок и упал на каменный пол лицом вниз. Из раны по полу растеклась кровь.

Стилгар посмотрел на кровь, капающую с лезвия его ножа, на тело Айдахо и, весь задрожав, глубоко вздохнул. За его спиной лежал убитый Джавид. А прямо перед носом — убитый его, Стилгара, собственными руками Айдахо, супруг Чрева Небес. Можно было, конечно, спорить, что это убийство наиб совершил, защищая свое доброе имя и отводя угрозу нейтралитету сиетча. Но этот мертвец был Дункан Айдахо. Это убийство нельзя стереть всякими ссылками на смягчающие обстоятельства — ничто не поможет. Даже если Алия в душе порадуется такому исходу, она все равно будет мстить за убийство мужа. Она — фременка. Для того чтобы править фременами, нельзя быть иным даже в мельчайшей степени.

Только через несколько мгновений в голову Стилгара пришла мысль о том, что своим поведением Айдахо добился поставленных перед собой целей. Он купил согласие Стилгара ценой своей «второй смерти».

Стилгар поднял глаза, увидел потрясенное лицо Гары, своей второй жены, выделив его из тесной толпы. На всех

лицах было написано одно и то же выражение — потрясение и полное понимание последствий происшедшего.

Стилгар медленно выпрямился, вытер лезвие об одежду и спрятал его в ножны. Глядя в лица людей, он заговорил своим обычным твердым голосом.

— Тот, кто пойдет со мной, пусть немедленно собирает вещи. Пошлите людей за червями.

— Куда ты пойдешь, Стилгар? — спросила Гара.

— В Пустыню, — ответил наиб.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

— Конечно, ты, как все мои жены, пойдешь со мной. И Ганима. Приведи ее, Гара, сейчас же.

— Хорошо, Стилгар, хорошо... — она помолчала. — А Ирулан?

— Если пожелает.

— Слушаю и повинуюсь, мой супруг. — Гара все еще колебалась. — Ты берешь Ганиму как заложницу?

— Заложницу? — он был неподдельно поражен этой мыслью.

— Женщина... — он осторожно коснулся ногой тела Айдахо. — Если этот ментат был прав, то для Ганимы я — последняя надежда.

Наибу вспомнились слова предупреждения, слышанные от Лето: *«Берегись Алие. Ты должен взять с собой Ганиму и бежать»*.

Познакомившись с фрименами, все планетологи рассматривают теперь жизнь как выражение энергии и ищут определяющие эту энергию взаимоотношения. Основываясь на малых фрагментах, кусочках и отрывках, расовая мудрость фрименов переходит тем временем в новую определенность. То, что есть у фрименов, как у народа, могут иметь и другие народы. Просто этим последним надо развить в себе чувство энергетических взаимоотношений. Этим народам надо увидеть, что энергия пронизывает структуры всех предметов и создается посредством этих структур.

(«Катастрофа Арракина» Харк аль-Ада)

Халлек стоял перед скалистым контрфорсом, прикрывавшим вход в Туэк-Сиетч и ждал, когда охрана решит, стоит ли впускать его внутрь. Гурни оглянулся на про-

стиравшуюся к северу Пустыню, потом посмотрел на серо-голубое утреннее небо. Здешние контрабандисты были просто изумлены тем, что он — чужестранец — так ловко управлял червем. Он же, в свою очередь, очень удивился этому изумлению. Что хитрого было в таком управлении для любого ловкого человека, который не раз видел, как это делают другие.

Халлек снова обратил свое внимание на Пустыню, серебристую Пустыню, покрытую сверкающими камнями и окруженную серо-зелеными полями, на которых вода совершала свое чудо. Этот ландшафт поразил его своей хрупкостью и ненадежностью энергии жизни, которой угрожали любые внезапные изменения структуры Пустыни.

Он понимал, где таится источник такой реакции. В почве Пустыни, под ногами, развивались многие события, потрясавшие идиллическую с виду картину. В сиетч были завезены тысячи дохлых песчаных форелей для дистилляции и восстановления воды. Они явились к сиетчу для того, чтобы блокировать ток воды в каналах. Именно это обстоятельство заставило интенсивно заработать ум Халлека.

Гурни посмотрел на поля, окружавшие сиетч, и на канал, по которому не текла больше драгоценная вода. В каменном ограждении канала были проделаны многочисленные проломы, вода утекала в песок. Откуда взялись эти проломы? Некоторые имели протяженность по двадцать метров и находились в самых уязвимых секциях канала. Через эти дефекты текучий песок сыпался в углубления с водой. Именно эти углубления были заполнены песчаной форелью, которую дети сиетча либо убивали, либо забирали себе на потеху.

На обвалившихся стенах канала работали ремонтные бригады. Другие рабочие отводили воду к самым влаголюбивым растениям. Источник в гигантской цистерне у подножия сиетча был перекрыт, препятствуя току воды в разрушенный канал. От этого источника были отсоединены насосы, работавшие на солнечных батареях. Ирригацию осуществляли, забирая воду из истощившегося хранилища на дне канала, поднимая ее в цистерну сиетча, а оттуда распределяя по полям.

Металлическая рама входа, разогретая солнцем, заскрежетала, и Халлек посмотрел на нее, привлеченный рез-

ким звуком. Одновременно взгляд его скользнул по дальнему концу канала, где вода утекала самым бессовестным образом. При этом именно там, по плану, были высажены самые влаголюбивые растения, которые неминуемо погибнут, если не удастся восстановить ток воды по каналу. Халлек посмотрел на глупо выглядевший шатер ивы, обдуваемой знойным ветром и песком. Для него это дерево символизировало новую действительность Арракиса и его лично.

Мы оба чужаки на этой планете, подумал Гурни, глядя на иву.

Принятие решения затянулось, могли бы думать и побыстрее — им ведь очень нужны умелые бойцы. Однако у Халлека не было никаких иллюзий по поводу нового поколения контрабандистов. Это были уже не те люди, которые приютили его много лет назад, когда ему пришлось бежать после поражения герцога. Нет, эти люди всегда в первую очередь думают о своей выгоде.

Он опять принялся смотреть на несчастную глупышку иву. В этот момент Халлеку пришло в голову, что его новая реальность может смести всех этих контрабандистов и всех их друзей. Она же вполне способна уничтожить Стилгара с его хрупким нейтралитетом и пожрать вместе с ним другие племена, оставшиеся верными Алие. Все они стали колониальным народом. Халлек и раньше видел, как это бывает, зная о горечи такого положения по своей родной планете. Он ясно это видел, припомнив манерность городских фременов, поведение жителей пригородов. Даже в столь деревенской обстановке сиетча признаки исконных обычаев стерлись, уступив место скрытности. Сельские районы стали колониями городов. Люди в глубинке подпадали под ярмо либо из жадности, либо из суеверия. Даже здесь, а может быть, особенно здесь, в отношениях людей чувствовалась подневольность, а отнюдь не свобода, как можно было бы ожидать. Эти люди были осторожны, скрытны, уклончивы. Любое проявление власти вызывало озлобление — будь это власть Регентства, Стилгара или их собственного Совета...

Я не могу им доверять, решил Халлек. Их можно лишь использовать, питая их недоверие к другим. Эта мысль навевала грусть. Покончено с бескорыстными обычаями

свободных людей. Старый обычай выродился в пустой словесный ритуал, корни которого потеряны в глубинах памяти.

Алия хорошо справилась со своей задачей, наказав противников и щедро наградив сторонников и использовав имперские силы обычным способом, прикрыв ими все важные участки, сохраняя власть. Ее шпионы! Господи, можно себе представить, какие у нее были шпионы!

Халлек почти физически чувствовал те меры и контрмеры, с помощью которых Алия надеялась вышибить оппозицию из седла.

Если фримены будут спать и дальше, он победит, подумал Халлек.

Дверная заслонка за его спиной отворилась. На пороге появился служащий сиетча по имени Мелидес. Это был коротышка с бочкообразным телом и тонкими ножками. Защитный костюм только подчеркивал уродство этой фигуры.

— Мы принимаем тебя, — сказал Мелидес.

В голосе чиновника слышалось почти неприкрытое притворство. В действительности Халлеку было сказано, что убежище будет лишь временным.

Я останусь здесь до тех пор, пока мне не удастся угнать орнитоптер, подумал Халлек.

— Я очень благодарен вашему Совету, — сказал он, вспомнив об Эсмаре Туеке, именем которого был в свое время назван этот сиетч. Эсмар был давно мертв благодаря чьему-то предательству. Будь он жив, он перерезал бы горло этому Мелидесу при одном взгляде на него.

Любой путь, который сужает возможности будущего, может привести в смертельную ловушку. Люди движутся в будущее не по запутанному лабиринту, они идут навстречу широкому горизонту, на котором просматриваются уникальные возможности. Узкие проходы лабиринта соблазнительны лишь для тех людей, которые склонны зарываться носом в песок. Получающаяся в результате полового размножения уникальность в сочетании с множественностью — суть защита любого вида.

(Учебник Космической Гильдии)

— Почему я не испытываю печали? — простонала Алия, глядя в потолок своего маленького, десять на пятнадцать шагов, кабинета с двумя высокими узкими окнами, из которых открывался вид на крыши Арракина.

Время близилось к полудню. Солнце немилосердно опаляло своими отвесными лучами котловину, в которой располагался город.

Алия опустила глаза и посмотрела на Буэра Аргавеса, бывшего табрита, а ныне помощника Зии, начальницы храмовой стражи. Аргавес только что принес весть о том, что Джавид и Айдахо убиты. Вокруг теснились придворные льстецы, адъютанты и стражники, стоявшие поодаль, но всем своим видом показывавшие, что им известно содержание вести, принесенной Аргавесом.

Плохие вести быстро разносятся по Арракису.

Для фримена Аргавес был слишком низкорослым, а круглое лицо делало его похожим на ребенка. Это был типичный представитель нового поколения фрименов, разжиревших на избытке воды и пищи. Алия смотрела на него и ей казалось, что облик этого человека расколот надвое: один имел серьезное лицо с застывшим на нем озабоченным выражением и темные фиолетовые глаза, а другой отличался уязвимостью и чувственностью. Особенно нравились Алие его полные губы.

Хотя не было еще и полудня, Алие казалось, что уже наступил вечер — такая мертвая тишина стояла вокруг.

Айдахо должен был умереть на заходе солнца, сказала она себе.

— Как же получилось, что ты, Буэр, доставил столь дурную весть? — заметив, как его глаза сразу стали живыми и настороженными.

Аргавес заговорил хриплым, едва слышным голосом.

— Я отправился туда с Джавидом, вы помните? А когда... Стилгар послал меня к вам, то велел передать, что я несу вам его последние обязательства.

— Последние обязательства, — словно эхо повторила Алия. — Что он хотел этим сказать?

— Не знаю, госпожа Алия, — жалобно произнес он.

— Расскажи мне еще раз, что ты видел, — приказала Алия, почувствовав при этом, что по ее коже пробежал предательский холодок.

— Я видел, — Аргавес нервно покрутил головой, посмотрел на пол под ногами Алие и снова заговорил. — Я видел Священного Супруга, лежавшего мертвым на полу в центральном проходе, и тело Джавида в боковом проходе. Женщины уже готовили обоих для Хуануя.

— И Стилгар позвал тебя, чтобы ты увидел эту сцену?

— Истинно так, моя госпожа. Стилгар меня вызвал. Он послал Модибо, своего посыльного. Модибо ни о чем не предупредил меня, только сказал, что меня зовет Стилгар.

— И ты увидел на полу в проходе тело моего мужа?

Аргавес метнул на Алию мгновенный острый взгляд и снова тупо уставился в пол.

— Да, моя госпожа. Рядом лежал труп Джавида. Стилгар сказал мне... сказал мне, что Священный Супруг убил Джавида.

— А мой муж... Ты говорил, что Стилгар...

— Он сам лично сказал мне об этом, моя госпожа. Стилгар сказал, что это сделал он. Сказал, что Священный Супруг спровоцировал его и привел в неописуемую ярость.

— Ярость, — повторила Алия. — Что же он сделал?

— Он не сказал. Я спрашивал многих, но никто мне не ответил.

— И потом тебя послали ко мне с этой вестью?

— Да, моя госпожа.

— Ты ничего не мог сделать?

Аргавес нервно облизнул губы.

— Там распоряжался Стилгар. Это его сиетч.

— Ясно, и ты всегда подчинялся Стилгару.

— Всегда, моя госпожа, пока он сам не освободил меня от моих уз.

— То есть когда он послал тебя ко мне на службу?

— Теперь я подчиняюсь только вам, моя госпожа.

— Это правда? Скажи мне, Буэр, если я прикажу тебе убить Стилгара, твоего прежнего наиба, ты сделаешь это?

Он твердо посмотрел ей в глаза.

— Если вы прикажете, моя госпожа.

— Я приказываю. Как ты думаешь, куда он ушел?

— В Пустыню; это все, что мне известно, моя госпожа.

— Сколько людей он взял с собой?

— Примерно половину.

— С ним Ганима и Ирулан!

— Да, моя госпожа. Остались только те, кто обременен женами, детьми и имуществом. Стилгар сказал, что, кто хочет, может идти с ним, кто не хочет, того он освобождает от клятвы верности. Многие отринули клятву. Теперь они выберут себе нового наиба.

— Я сама выберу им наиба. Им станешь ты в тот день, когда принесешь мне голову Стилгара.

Аргавес не мог принять это предложение без внутренней борьбы. Таков фрименский обычай. Но он согласился.

— Как прикажете, моя госпожа. На какие силы я могу рассчитывать?

— Поговори с Зией. Я не могу дать тебе много орнитоптеров, они нужны мне здесь. Но бойцов у тебя будет достаточно. Стилгар опозорил свою честь. Многие пойдут служить мне по доброй воле, чтобы поквитаться с ним.

— Я позабочусь об этом, моя госпожа.

— Постой! — она мгновение изучала его, думая, кого бы послать для наблюдения за этим ранимым дитем. За ним надо смотреть в оба, пока он не проявит себя. Зия знает, кого надо послать.

— Я могу идти, моя госпожа?

— Нет, я должна побеседовать с тобой наедине, чтобы обсудить детали устранения Стилгара, — она прикрыла лицо руками. — Я не надену траур до тех пор, пока не свершится моя месть. Дай мне несколько минут, чтобы собраться с духом.

Она опустила руки.

— Одна из моих камеристок проводит тебя.

Алия подала знак своей новой статс-даме Шалус.

— Пусть его вымоют и обрызгают духами — от него за версту воняет червем.

— Слушаюсь, госпожа.

Алия повернулась, изобразила на лице скорбь, которой не испытывала, и направилась в свои покои. Там, в спальне, захлопнув дверь, она дала волю своему гневу и топнула ногой.

Будь проклят этот Дункан! Почему? Почему? Почему?

Она поняла, что Айдахо сознательно спровоцировал Стилгара на убийство. Он убил Джавида и спровоцировал Стилгара. Это говорит о том, что он все знал о Джавиде. Это было последнее послание от Дункана. Его прощальный жест.

Она еще раз в ярости топнула ногой, мечась по покоям, как разъяренный зверь.

Будь он проклят! Будь он проклят! Будь он проклят!

Стилгар переметнулся к мятежникам, с ним Ганима и Ирулан.

Будь они все прокляты!

Она еще раз топнула ногой и почувствовала резкую боль в пальцах, от которой расплакалась. Алия посмотрела вниз и увидела пряжку, о которую она разбила ногу. Она схватила ее и вдруг застыла в оцепенении. Это была старая пряжка из сплава серебра и платины, которую пожаловал герцог Лето своему верному оруженосцу Дункану Айдахо. Она много раз видела Айдахо с этой пряжкой. И он оставил ее здесь.

Алия судорожно схватила пряжку. Айдахо оставил ее здесь, когда... когда...

Слезы брызнули у нее из глаз, невзирая на все фрименское самообладание. Рот ее скривился в презрительной гримасе, а в мозгу началась уже знакомая ей борьба, охватившая все существо Алие. Она почувствовала, что в ней уживаются два человека. Один из них смотрит на ее плотские судороги с изумлением. Другой мучается от страшной душевной боли, сдавившей грудь. Слезы ручьем текли из глаз Алие, а удивленный голос спрашивал: «Кто это плачет? Кто это плачет? Кто продолжает плакать?»

Но ничто не могло остановить слез, Алия чувствовала жгучую боль в груди, заставившую ее корчиться в постели.

Тщетно чей-то голос продолжал спрашивать: «Кто плачет? Кто это...»

Этими актами Лето удалил себя из эволюционной последовательности. Он сделал это обдуманно и решительно, заявив при этом: «Быть независимым — это значит отдалиться». Оба близнеца были превыше потребности в памяти, как в процессе определения меры, то есть определения своей от-

чужденности от своего человеческого происхождения. Но только Лето II совершил отважный поступок, поняв, что истинное творение не зависит от своего создателя. Он отказался восстановить эволюционную последовательность, сказав: «Это тоже еще больше отдалит меня от человечества». Смысл сказанного он видел в том, что в жизни не может быть по-настоящему закрытых систем.

(«Святые метаморфозы» Харк аль-Ада)

Птицы, жившие здесь — попугаи, сороки, сойки, — питались насекомыми, во множестве жившими в сыром песке вдоль берега разбитого канала. Здесь раньше была джедида, последний из новых городов, построенный на базальтовой скале. Теперь город был покинут жителями. Ганима, пользуясь утренними часами, осматривала окрестности брошенного сиетча, с интересом наблюдая суетливые перемещения стаек ящериц гекко. Раньше в этом месте стены сиетча гнездились дятлы.

Ганима думала об этом городе, как о сиетче, хотя на самом деле это был город, состоявший из множества низких стен, сложенных из земляных кирпичей и обсаженный по периметру деревьями, чтобы сдержать наползавшие из Пустыни дюны. Город располагался в Танзеруфте, в шестистах километрах к югу от Сихайского хребта. Без человеческого ухода город постепенно опять сливался с Пустыней, стены обваливались под натиском песчаных бурь, растения погибали, земля на засаженных участках трескалась под палящими лучами беспощадного солнца.

Однако песок возле канала оставался сырым, что свидетельствовало о сохранности ветряной ловушки.

Прошло несколько месяцев после бегства из Табра. Все это время беглецы пользовались защитой вот таких сиетчей, сделавшихся необитаемыми от происков Демона Пустыни. Ганима не верила в Демона, но нельзя было отрицать, что причины разрушения каналов оставались непонятными и неведомыми.

Время от времени беглецы получали сообщения из северных поселений, встречаясь в Пустыне с мятежными охотниками за Пряностью. Несколько орнитоптеров — говорили, что их не больше, чем шесть, — с поисковыми

командами на борту искали Стилгара, но Арракис велик, а Пустыня дружелюбна к беглецам. Рассказывали, что у групп имеется задание на поиск и уничтожение банды Стилгара, но у бывшего табрита Буэра Аргавеса — другая задача, и он часто возвращается в Арракин.

Мятежники рассказывали, что между ними и отрядами Алие случаются мелкие стычки. Опустошительные набеги Демона Пустыни сделали Внутренние Войска главной заботой Алие и наибов. Досталось даже контрабандистам, но говорили, что они рыщут по Пустыне в поисках Стилгара, за голову которого была назначена немалая цена.

Сам же Стилгар, который только накануне перед наступлением темноты привел своих людей в джедиду, ведомый безошибочным нюхом старого фримена на воду, обещал, что через какой-то срок поведет всех на юг, в благодатную пальмиру. Правда, старый наиб не назвал точной даты. Несмотря на то что его голова теперь стоила дороже всей планеты, он производил впечатление счастливейшего и беззаботнейшего из людей.

— Это очень хорошее место, — говорил он, показывая на функционирующую ветряную ловушку. — Видите, наши друзья оставили нам немного воды.

Беглецов осталось совсем немного, не более шестидесяти человек. Старики, больные и самые юные были разобраны доверенными семьями в южных пальмирах. Остались самые стойкие или те, кто имел множество друзей на севере и юге.

Ганима не понимала, почему Стилгар отказывается обсуждать причины, по которым планету поразило невиданное бедствие. Неужели он ничего не видит? По мере того как высыхали каналы, фримены двигались к северным и южным границам своих прежних владений. Это движение ясно показывало, что ждет Империю. Одно событие служило зеркалом другого.

Ганима сунула руку под воротник защитного костюма и получше застегнула его. Несмотря на все тревоги, она чувствовала себя здесь невероятно свободно. Внутренние жизни перестали ее донимать, хотя иногда она чувствовала, что они все же остаются частью ее сознания. Из своей генетической памяти она знала, чем была эта Пустыня до того, как началась экологическая трансформация. С од-

ной стороны, Пустыня была суше. Неотремонтированная ловушка продолжала функционировать только потому, что она перерабатывала достаточно влажный воздух.

Многие звери, избегавшие прежде этих мест, теперь стали охотно здесь селиться. Многие группы кочевников отмечали, что увеличилось количество дневных сов. Даже сейчас Ганима видела птиц-муравьев. Они суетливо толкались возле сырого песка, изобиловавшего насекомыми. Были здесь и немногочисленные барсуки, но больше всех расплодились в этих местах кенгуровые мыши.

Новыми фременами правили суеверия, и Стилгар не был в этом отношении исключением. Джедида была покинута после того, как канал разрушили пятый раз за прошедшие одиннадцать месяцев. Четыре раза жители чинили разбитый Демоном Пустыни канал, но потом у них не осталось излишков воды, и они решили не рисковать.

То же самое творилось во всех близлежащих джедидах и старых сиетчах. Восемь из девяти новых поселений были покинуты. Старые сиетчи испытывали страшное перенаселение. По мере того как Пустыня вступала в новую фазу, фримены возвращались к своему древнему образу жизни. В каждой вещи они видели зловещие предзнаменования. Почему везде, кроме Танзеруфта, стало намного меньше червей? Это суд Шаи-Хулуда! Видели и мертвых червей, и никто не мог сказать, отчего они умерли. Вскоре после смерти черви обычно превращались в пыль, но те огромные рассыпающиеся трупы, которые случайно видели фримены, наполняли последних суеверным ужасом.

Группа Стилгара видела такой труп червя месяц назад и потребовалось четыре дня, чтобы люди стряхнули с себя потрясшее их ощущение надвигающегося бедствия. Останки были найдены совершенно разложившимися, труп лежал на пряной жиле, причем большая часть Пряности была безнадежно испорчена.

Отвернувшись от канала, Ганима посмотрела на джедиду. Прямо перед ней находилась разрушенная стена, защищавшая раньше расположенный здесь сад, муштамаль. Девочка обследовала это место, движимая страстным любопытством, и нашла там склад хлеба с Пряностью. Стилгар велел уничтожить эти запасы, сказав, что истинные фримены не бросают без присмотра доброкачественную пищу.

Ганиме казалось, что он ошибся, но дело не стоило ни спора, ни возможного риска. Фримены изменились. Когда-то они свободно передвигались по бледу, движимые своими естественными потребностями в воде, Пряности и торговле. Будильниками для них служили суточные ритмы Пустынных животных. Однако в последнее время суточные ритмы животных необъяснимым образом изменились, а фримены предпочитали отсиживаться в своих старых пещерах под сенью Защитного Вала. Охотники за Пряностью в Танзеруфте стали исключительной редкостью, и только группа Стилгара странствовала по Пустыне, как это делали фримены в стародавние времена.

Ганима доверяла Стилгару и своему страху перед Алией. Ирулан подкрепляла аргументы Стилгара, обратившись к своеобразным рассуждениям в духе Бене Гессерит. Но где-то на далекой Салусе продолжал жить Фарад'н. В один прекрасный день она еще посчитается с ним.

Ганима в раздумье посмотрела на серебристо-серое утреннее небо. Где найти помощь? Найдется ли кто-нибудь, кто сможет выслушать ее рассуждения о том, что происходит вокруг? Если верить сообщениям, то госпожа Джессика до сих пор находится на Салусе. Алия же стала неимоверно надутым созданием, взгромоздившим саму себя на недоступный пьедестал, и все больше и больше отрывалась от реальности. Гурни Халлек был неизвестно где, хотя видели его многие. Проповедник больше не показывался, о нем осталась только тускнеющая память.

Оставался один Стилгар.

Она взглянула в сторону разрушенной стены, туда, где Стилгар помогал ремонтировать цистерну. Наиб преуспел в своей роли вождя Пустыни. Награда за его голову росла с каждым месяцем.

Все на свете потеряло смысл. Все.

Кто был тот Демон Пустыни, который разрушал каналы так легко, словно это были идолы, достойные только того, чтобы затоптать их в песок? Может, это был взбесившийся червь? Может, то была третья сила мятежников — огромное скопище людей? В червя никто не верил. Вода убьет любого червя, лишь только он приблизится к каналу. Многие фримены думали, что сплошные разрушения — это результат действий многочисленных повстанцев, которые желают

свержения махдината Алие и восстановления старых фрименских порядков. Те, кто верил в это, утверждали, что это очень хорошо. Избавиться от этой жадной апостолической династии, которая занимается только тем, что пытается удержать у власти собственную посредственность. Надо вернуться к истинной религии, которую возвестил Муад'Диб.

Ганима тяжело вздохнула. *О, Лето,* подумала она. *Я почти счастлива, что ты не дожил до этого потрясения. Я бы присоединилась к тебе, но мой нож все еще не обагрен кровью. Фарад'н и Алия, Алия и Фарад'н. Старый барон стал демоном Алие, чего нельзя было допускать.*

Из джедиды вышла Гара и твердым шагом направилась к Ганиме. Остановившись напротив нее, женщина спросила:

— Что ты здесь делаешь одна?

— Это очень странное место, Гара. Мы должны немедленно покинуть его.

— Стилгар кого-то ждет для важной встречи.

— Вот как? Мне он ничего об этом не сказал.

— Почему он должен говорить тебе обо всем, *маку*? — Гара шутливо похлопала Ганиму по бурдюку с водой, висевшему под платьем. — Я смотрю, ты уже беременна, как взрослая женщина?

— Я была беременна столько раз, что не могу пересчитать своих родов, — отрезала Ганима. — Не надо играть со мной в дочки-матери!

Гара отступила на шаг, почувствовав яд в голосе Ганимы.

— Вы толпа глупцов, — сказала Ганима, махнув рукой в сторону джедиды и людей, работавших вместе со Стилгаром. — Мне не следовало идти с вами.

— Если бы ты не пошла, тебя давно бы убили.

— Возможно. Но вы не видите того, что творится у вас прямо под носом! Кого ждет сегодня Стилгар?

— Буэра Аргавеса.

Ганима изумленно уставилась на собеседницу.

— Его привезут тайно друзья из сиетча Красной Расселины, — разъяснила Гара.

— Карманная игрушка Алие?

— Его приведут с повязкой на глазах.

— Стилгар в это верит?

— Буэр просит принять его для переговоров. Он согласен на все наши условия.

— Почему мне об этом ничего не сказали?

— Стилгар знал, что ты будешь возражать.

— Возражать... Да это же чистейшее безумие.

Гара нахмурилась.

— Не забывай, что Буэр — это...

— *Семья!* — вспылила Ганима. — Он внук двоюродного брата Стилгара. Я знаю. Но ведь Фарад'н, которому я однажды пущу кровь, точно такой же близкий родственник для меня. Неужели ты думаешь, что это остановит мою месть?

— Мы получили дистранс. За ним никто не следует.

Ганима понизила голос.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Гара. Нам надо уходить.

— Ты видела знамение? — спросила Гара. — Да, это тот мертвый червь, которого мы нашли! Это что...

— Можешь засунуть это знамение в свою утробу и родить его где-нибудь в Пустыне! — Ганима буквально рассвирепела. — Мне не нравится ни это место, ни эта встреча. Этого недостаточно?

— Я скажу Стилгару, что ты...

— Я сама ему об этом скажу! — Ганима прошла мимо Гары, которая, чтобы предохраниться от злых чар, сложила из пальцев за спиной Ганимы знак рогов червя.

Но Стилгар лишь посмеялся над страхами Ганимы и велел ей заняться песчаными форелями, словно она была ребенком. Вне себя от гнева, она забралась в один из покинутых домов джедиды и забилась в угол. Однако эмоции быстро угасли; Ганима ощутила, что в ее сознании снова зашевелилась память прежних жизней. Девочка вспомнила, что кто-то говорил: «Если мы сумеем их обездвижить, наш план исполнится».

Что за причудливая мысль.

Но Ганима так и не смогла вспомнить, от кого она это слышала.

Муад'Диб был лишен наследства и говорил от имени лишенных наследства во все времена. Вопль его души был направлен против той глубокой несправедливости, которая

отчуждает индивида от того, чему его учили, того, во что он верит, от того, что кажется ему правдой.
(«Махдинат: анализ» Харк аль-Ада)

Гурни Халлек сидел на скале, возвышавшейся над Шулохом, положив рядом с собой на коврик балисет. Ограниченное пространство под ним буквально кишело рабочими, занятыми посадкой растений. Песчаная коса, которой Отверженные заманивали червей, проложив по песку дорожку из Пряности, была теперь блокирована каналом. Для того, чтобы не дать песку расползтись, на склоне косы и сажали растения.

Близилось время второго ужина; Халлек сидел на скале уже битый час, удалившись сюда в поисках уединения — Гурни было о чем подумать. Люди внизу трудились в поте лица, но все, что он видел, было делом меланжи. Лето лично подсчитал, что производство Пряности скоро упадет и стабилизируется на уровне одной десятой от того, что было достигнуто в годы правления Харконнена. С каждым выпуском акции производителей Пряности росли в цене вдвое. Триста двадцать один литр был продан семейству Метулли за стоимость половины планеты Новембрун.

Отверженные работали так, словно их подгонял сам дьявол, да скорее всего так оно и было. Перед каждой едой они поворачивались лицом к Танзеруфту и молились персонифицированному Шаи-Хулуду. Этой персонификацией червя стал Лето, и их глазами Халлек видел будущее, в котором большинство человечества разделит эту веру. Нельзя сказать, что эта перспектива очень радовала Гурни.

Лето установил этот порядок, когда привез в Шулох Проповедника и Халлека на угнанном Гурни орнитоптере. Голыми руками Лето разломал стенки канала, разбрасывая большие камни на расстояние до пятидесяти метров. Когда Отверженные попробовали вмешаться, он одним движением руки оторвал головы ближайшим, отогнав остальных в толпу, издевательски смеясь над их оружием. Демоническим голосом Лето рычал: «Огонь не прикоснется ко мне! Ваши ножи не причинят мне вреда! Я ношу кожу Шаи-Хулуда!»

Отверженные узнали его и вспомнили, что это именно он бежал из Шулоха, прыгнув со скалы «прямо в Пустыню». Они простерлись перед ним ниц, и Лето продиктовал им свою волю:

— Я привел сюда двух гостей. Вы будете охранять их и воздавать им почести. Вы заново отстроите канал и насадите здесь зеленый оазис. Настанет день, когда я устрою здесь свой дом. Вы приготовите мне этот дом. Вы не будете больше продавать Пряность, но станете запасать то, что найдете здесь.

Он беспрестанно повторял свои наставления, и Отверженные, внимая каждому его слову, смотрели на него остекленевшими от страха глазами, благоговея от ужаса.

Сам Шаи-Хулуд наконец-то вышел из глубины песков!

Такого показного метаморфоза не было, когда Лето нашел Халлека и Гхадхеана аль-Фали в одном маленьком мятежном сиетче у Гаре Руден. Лето явился туда в сопровождении слепца верхом на черве, которые стали редкостью в тех краях. Он пожаловался, что по пути им пришлось сделать несколько крюков, поскольку по дороге попадались влажные пески, смертельные для червей. Лето и слепец прибыли вскоре после полудня, и охранники доставили их в холл с каменными стенами.

На Халлека нахлынули свежие воспоминания.

— Итак, это Проповедник, — сказал он тогда.

Халлек несколько раз обошел вокруг слепого, внимательно приглядываясь к нему. На лице старика не было маски защитного костюма и в лице проглядывали черты герцога, именем которого был назван маленький Лето. Было ли это сходство случайным?

— Ты знаешь россказни, которые распространяются о нем? — спросил Халлек, повернувшись к Лето. — Говорят, что это твой отец вернулся из Пустыни.

— Я слышал эти истории.

Халлек принялся внимательно рассматривать мальчика. На Лето был надет странный защитный костюм, оставлявший свободными лицо и уши. Сверху были надеты черная накидка и сапоги. Требовались объяснения того, как он мог оказаться здесь — как ему удалось второй раз избежать гибели.

— Зачем ты привез сюда Проповедника? — спросил Гурни. — В Якуруту говорили, что он работает на них.

— Больше не работает. Я привез его сюда потому, что Алия хочет его убить.

— Вот как? И ты считаешь, что здесь надежное убежище?

— Его убежище — это ты.

Все это время Проповедник стоял неподвижно и молча слушал, словно его совершенно не волновало, какой оборот примет разговор.

— Он хорошо послужил мне, Гурни, — сказал Лето. — Дом Атрейдес еще не потерял чувство долга по отношению к тем, кто верно нам служит.

— Дом Атрейдес?

— Дом Атрейдес — это я.

— Ты бежал из Якуруту до того, как я успел выполнить задание твоей бабки, — холодно произнес Халлек. — Как ты мог предположить...

— Ты будешь беречь жизнь этого человека, как свою собственную, — произнес Лето, прервав спор, и твердо взглянул в глаза Халлеку.

Джессика в свое время научила Халлека наблюдать людей по методике Бене Гессерит. Сейчас Халлек видел в Лето только спокойную уверенность. Однако пока приказы Джессики оставались в силе.

— Твоя бабка поручила мне закончить твое образование и проверить, не одержим ли ты.

— Я не одержим — простая констатация факта.

— Тогда почему ты бежал?

— Намри имел приказ убить меня при любом исходе проверки. Это был приказ Алие.

— Ты что, Вещающий Истину?

— Да, — утверждение снова прозвучало, как констатация факта.

— И Ганима тоже?

— Нет.

Проповедник нарушил молчание, повернулся к Халлеку, но рукой указал на Лето.

— Ты полагаешь, что *ты* сможешь его испытать?

— Не вмешивайся в разговор, если не знаешь проблемы и ее последствий, — повелительно произнес Халлек, не глядя на Проповедника.

— Я очень хорошо знаю эти последствия, — возразил старик. — Однажды меня испытывала старая женщина, которая думала, что знает, что делает.

Халлек свысока взглянул на Проповедника.

— Еще один Вещающий Истину.

— Вещающим Истину может стать каждый, даже ты, — сказал старик. — Это вопрос честности в оценке природы своих чувств. Вещание Истины требует внутреннего согласия с истиной, что и позволяет ее распознавать.

— Зачем ты вмешиваешься? — угрожающе спросил Халлек и положил руку на нож. Кто этот Проповедник?

— Я несу ответственность за все эти события, — сказал слепец. — Моя мать может, если хочет, вылить на алтарь всю свою кровь, но у меня совершенно иные мотивы. И я действительно понимаю всю глубину проблемы.

— О?! — Халлеком действительно овладело любопытство.

— Госпожа Джессика приказала тебе отличить волка от собаки, зе'еба от ке'леба. По ее определению волк — это тот, кто обладает властью, но неверно ею пользуется. Однако между временем волка и временем собаки бывает рассвет, когда ты не сможешь отличить пса от волка.

— Это очень близко к сути дела, — произнес Халлек, заметив, что в комнате собирается все больше и больше людей, желающих послушать. — Откуда тебе все это известно?

— Мне известно это потому, что я знаю эту планету. Ты не понимаешь? Подумай. Под ее поверхностью прячутся камни, грязь, осадочные породы, песок. Это память планеты, слепок ее истории. То же самое относится и к людям. Собака помнит, как была волком. Каждая вселенная вращается вокруг ядра бытия, и из этого ядра исходит память, развертываясь до самой поверхности.

— Все это очень интересно, — сказал Халлек. — Но как твои слова помогут мне выполнить приказ?

— Присмотрись к слепку своей собственной истории, сделай это, как делают животные.

Халлек покачал головой. В облике и повадке Проповедника была властность, характерная для Атрейдесов, и было ясно, что старик пользуется Голосом. Халлек почувствовал, как сильно забилось его сердце. Неужели это возможно?

— Джессика хотела окончательной проверки, испытания стрессом, который позволил бы выявить ткань подлинной сути ее внука, — сказал Проповедник. — Но ткань всегда здесь, она доступна зрению.

Халлек внимательно посмотрел на Лето, повернувшись к нему под действием силы, которой нельзя было противостоять.

Проповедник между тем продолжал говорить, словно читая лекцию тупому ученику.

— Этот молодой человек спутал все ваши карты потому, что он не единичная личность, а общность. Как и во всякой общности, подвергнутой воздействию стресса, каждый ее член воспринимает разные команды. Эти команды не всегда добры, откуда и проистекают истории о Мерзости. Но вы уже достаточно изранили эту общность, Гурни Халлек. Неужели ты не понял, что трансформация уже произошла? Этот юноша достиг внутреннего согласия столь мощного, что его уже невозможно обратить вспять. Я вижу это, хотя у меня нет глаз. Однажды я пытался противостоять ему, но теперь я выполняю его волю. Он — Целитель.

— Кто ты? — спросил Халлек.

— Я — тот, кого ты видишь, и не более того. Не смотри на меня, смотри лучше на того, кого тебе приказали учить и испытывать. Он сформировался в этом кризисе. Он выжил в смертельном окружении. Он — здесь.

— Кто ты? — упорствовал Халлек.

— А я велю тебе смотреть на этого юного Атрейдеса! Он последняя питающая надежда, на которой зиждется будущее нашего вида. Он введет в систему результаты, полученные в его прошлых представлениях. Ни один человек не знает прошлого лучше, чем он. И ты хотел уничтожить его!

— Мне приказали его испытать и я не мог...

— Но ты смог!

— Он воплощение Мерзости?

Проповедник устало рассмеялся.

— Ты все еще в плену у этой чуши Бене Гессерит. Как хорошо умеют они творить мифы, погружающие мужей в спячку!

— Ты — Пауль Атрейдес? — спросил Халлек.

— Пауля Атрейдеса больше нет. Он пытался установить высший символ морали, но отмел все нравственные притя-

зания. Он стал святым без Бога, богохульствуя каждым произнесенным им словом. Как ты можешь думать...

— Но ты говоришь его голосом.

— Теперь ты хочешь испытать меня? Берегись, Гурни Халлек.

Халлек судорожно сглотнул и силой заставил себя обратить внимание на Лето, который с невозмутимым спокойствием наблюдал эту сцену.

— Кого здесь испытывают? — вопросил Проповедник. — Возможно, госпожа Джессика испытывает тебя, Гурни Халлек?

Эта мысль сильно обеспокоила Халлека. Почему слова Проповедника так его задевают? Но слуги Атрейдесов отличаются тем, что охотно подчиняются такой автократической мистике. Джессика, объясняя Халлеку задачу, выражалась еще более таинственно. Гурни почувствовал, как в нем что-то меняется, это что-то лишь касалось того учения Бене Гессерит, которое буквально запрессовала в него Джессика. Халлека охватило тихое бешенство. Он не желал меняться!

— Кто из вас разыгрывает из себя Бога и с какого конца? — спросил Проповедник. — Нельзя полагаться на один разум, чтобы ответить на этот вопрос.

Халлек медленно перевел взгляд с Лето на слепца. Джессика не уставала повторять, что необходимо достичь равновесия между тем, что ты должен и чего ты не должен. Она называла это дисциплиной без слов, фраз, правил и соглашений. Это было острием его собственной внутренней, всепоглощающей истины. Что-то в голосе, интонациях и манерах слепца зажигало ярость в Гурни, ярость, перегоравшую в ослепляющий покой.

— Отвечай на мой вопрос? — потребовал Проповедник.

Халлек чувствовал, как эти слова углубляют концентрацию его внимания на этом месте, этом моменте и его требованиях. Его, Гурни, положение во вселенной полностью определялось сейчас этой концентрацией. В его душе не было больше места сомнениям. Это Пауль Атрейдес, не мертвый — возвратившийся. И с ним взрослый ребенок Лето. Халлек еще раз взглянул на юного Атрейдеса и впервые увидел его в настоящем свете. Вокруг глаз

были видны следы потрясения, в осанке сквозила осознанная уверенность в себе, губы, изобличавшие причудливое чувство юмора. Лето стоял на земле твердо, и казалось, что вокруг него светится ослепительное сияние. Он достиг гармонии, просто приняв ее.

— Скажи мне, Пауль, — произнес Халлек. — Твоя мать знает?

Проповедник тяжело вздохнул.

— Община Сестер считает, что всякий достигает гармонии, просто приняв ее.

— Скажи мне, Пауль, — снова проговорил Халлек. — Твоя мать знает?

И снова Проповедник тяжело вздохнул.

— Для Общины Сестер я в любом случае мертвец, так что не пытайся меня оживить.

Все еще не глядя на него, Халлек продолжал:

— Но почему она...

— Она делает то, что должна делать. Она строит свою жизнь, думая, что управляет многими жизнями. Так все мы играем в богов.

— Но ведь ты жив, — прошептал Халлек, подавленный этим открытием, и повернулся, чтобы посмотреть наконец на этого человека, который был моложе его самого, но которого Пустыня состарила настолько, что он выглядел в два раза старше Гурни.

— Что такое? — спросил Проповедник. — Жив?

Халлек огляделся и увидел напряженные лица фрименов — они взирали на происходящее со смешанным чувством благоговения и сомнения.

— Мать так и не усвоила мой урок, — это же голос Пауля! — Став богом, можешь начать скучать и деградировать. Этого достаточно для изобретения принципа свободы воли! Бог может пожелать уснуть и быть живым лишь в проекциях творений своих сновидений.

— Но ты жив! — повторил Халлек на этот раз во весь голос.

Пауль не обратил никакого внимания на волнение, охватившее его старого товарища, и спросил:

— Вы что, действительно решили противопоставить этого парня его сестре в испытании машхадом? Какой отвратительный вздор! Каждый из них сказал бы: «Нет! Убейте

меня! Пусть живет другой». Так к чему бы привело это испытание? Что в этом случае означает жить, Гурни?

— Это не было испытанием, — запротестовал Халлек. Ему очень не нравилось, что фримены толпой окружили их, и кольцо людей неумолимо сжималось. Они во все глаза смотрели на Пауля, не обращая внимания на Лето.

Но тут Лето сам вмешался в происходящее.

— Посмотри на основу, отец.

— Да... Да... — Пауль поднял голову, словно принюхиваясь. — Значит, это Фарад'н!

— Насколько легче следовать мыслям, нежели чувствам, — сказал Лето.

Халлек был не готов следовать этой мысли и уже открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Лето остановил его, положив ему руку на плечо.

— Ни о чем не спрашивай, Гурни, а то ты чего доброго опять вообразишь, что я одержим Мерзостью. Нет! Пусть это произойдет, Гурни. Если ты захочешь убыстрить события, то этим только погубишь себя.

Но Халлека продолжали обуревать сомнения. Джессика предупреждала его: *«Они могут быть очень лживыми, эти предрожденные. У них в запасе есть такие трюки, которые не снились простому смертному»*. Халлек медленно покачал головой. И Пауль! О, Господи! Живой Пауль вместе с этим знаком вопроса, который он породил на свет!

Фримены, окружившие их, не могли более сдерживаться. Они втиснулись между Лето и Паулем, между Халлеком и Паулем. В толпе раздавался хриплый шепот:

— Ты Муад'Диб? Ты воистину Муад'Диб? Это правда — то, что он говорит? Скажи нам!

— Вы должны считать меня всего лишь Проповедником, — сказал Пауль, отталкивая их. — Я не могу снова быть Паулем Атрейдесом или Муад'Дибом. Я более не супруг Чани и не Император.

Халлек, опасаясь, что, не найдя ответа на мучившие их вопросы, фримены поведут себя непредсказуемо, решил действовать, но его опередил сам Лето. Только теперь Гурни осознал ту ужасную перемену, которая произошла в юном Атрейдесе. Раздался не человеческий голос, а звериный рык.

— Разойдитесь в стороны! — Лето двинулся вперед, разбрасывая направо и налево рослых сильных фременов. Он бил их по головам кулаками и вырывал из их рук ножи, хватая их за лезвия.

Меньше, чем через минуту, те фримены, которые еще стояли на ногах, снова прижались к стене, оцепенев от страха.

Лето встал рядом с отцом.

— Повинуйтесь, когда с вами говорит Шаи-Хулуд!

Когда несколько фременов попытались затеять с ним спор, он отломил от каменной стены огромный кусок и руками превратил его в крошку. При этом с губ его не сходила безмятежная улыбка.

— Я сравняю ваш сиетч с землей, — сказал он.

— Это Демон Пустыни, — прошептал кто-то.

— Да, и я разрушу ваши каналы, — согласился Лето. — Я уничтожу их. Нас здесь не было, вы поняли?

Все головы в ужасе склонились долу.

— Никто из вас не видел нас здесь, — продолжал Лето. — Одно слово и я вернусь, чтобы выгнать вас в Пустыню без капли воды.

Халлек увидел, как несколько рук изобразили знак червя — это предохраняло от нечистой силы.

— Сейчас мы уйдем — я, мой отец и наш старый друг, — сказал Лето. — Приготовьте нам орнитоптер.

Лето доставил их в Шулох, объяснив по дороге, что надо спешить, ибо скоро на Арракис прибудет Фарад'н. «И вот тогда, как сказал мой отец, ты увидишь, что такое настоящее испытание, Гурни».

Глядя вниз со скалы на Шулох, Гурни в который уж раз задавал себе один и тот же вопрос: «Что же это за испытание? Что все это значит?»

Но Лето уже не было в Шулохе, а Пауль отказался отвечать на этот вопрос.

Церковь и государство, научное познание и вера, индивидуальное и общее, непрерывный прогресс и традиции — все это согласуется с учением Муад'Диба. Он учил нас, что непримиримые противоречия существуют только в убеждениях человека. Каждый может отбросить завесу Времени. Вы можете открыть будущее в прошлом или в своем воображе-

нии. Поступая так, вы вновь обретаете свое сознание во внутреннем бытие. Тогда только вы начинаете понимать, что вселенная — это связное целое и вы — неотъемлемая его часть.

(«Арракинский Проповедник» Харк аль-Ада)

Ганима сидела далеко от круга света, который отбрасывала лампа с пряным маслом и внимательно наблюдала за Буэром Аргавесом. Ей не нравилось его круглое лицо, суетливо-подвижные брови и постоянные движения ногами — было такое впечатление, что Буэр постоянно танцует под музыку, которую он слышит у себя в голове.

Он приехал сюда вовсе не для переговоров со Стилом, сказала себе Ганима, видя подтверждение своей правоты в каждом слове и каждом движении этого человека. Она еще дальше отодвинулась от круга, в котором заседал Совет.

В каждом сиетче было подобное помещение, но этот зал неприятно поражал Ганиму своей обширностью при очень низком потолке. Шестьдесят человек из группы Стилгара и девять человек, прибывших с Аргавесом, занимали всего лишь один угол этого зала. Масляные лампы отбрасывали пляшущие тени на низкие потолочные балки. Такие же тени плясали и на стенах, едкий дым заполнял все помещение.

Встреча началась в сумерки после молитвы о влаге и вечерней еды. Совет продолжался уже в течение часа, но Ганима до сих пор не смогла определить, в чем заключаются скрытый смысл представления, которое устраивал здесь Аргавес. Слова казались вполне разумными и ясными, но движения и бегающие глаза не соответствовали этой ясности.

В этот момент говорил Аргавес, отвечая на вопрос, заданный лейтенантом Стилгара, племянницей Гары по имени Раджия. У Раджии было аскетическое лицо и опущенные уголки рта, что как нельзя больше соответствовало обстоятельствам.

— Я определенно полагаю, что Алия дарует полное прощение всем вам, — сказал Аргавес. — В противном случае я бы не приехал сюда со своей миссией.

Стилгар вмешался в разговор, перебив Раджию, которая хотела было задать еще один вопрос.

— Я не так сильно тревожусь из-за того, доверяем ли ей мы, сколько из-за того, доверяет ли она тебе. — По голосу Стилгара чувствовалось, что он что-то недоговаривает. Скорее всего он не слишком-то уютно чувствовал себя от того, что ему предлагают вернуть его прежний статус.

— Не имеет никакого значения, доверят ли она мне, — сказал Аргавес. — Если быть честным, то думаю, что нет. Я слишком долго и безрезультатно искал вас. Но я всегда чувствовал, что она не слишком стремится захватить тебя в плен. Она была...

— Она была женой человека, которого я убил, — сказал Стилгар. — Клянусь тебе, что он сам напросился на это. Все было так, словно он сам бросился на нож. Но это новое отношение отдает...

Аргавес вскочил на ноги, не скрывая гнева и досады.

— Она прощает тебя! Сколько раз я должен это повторять? Она устроила грандиозное шоу, вопрошая Священство о божественном провидении...

— Ты затронул совершенно другую тему, — заговорила Ирулан. Ее белокурые волосы резко контрастировали с черными, как смоль, локонами Раджии. — Она убедила тебя, но в действительности у нее могут быть совсем другие планы.

— Священство...

— Кроме того, ходят слухи, — перебила его Ирулан, — что ты не просто военный советник Алие, но и...

— Довольно! — вскричал Аргавес вне себя от ярости. Рука потянулась к ножу. Злость была настолько сильна, что у Буэра судорожно исказилось лицо. — Думайте что хотите, но я больше не стану иметь дело с этой женщиной! Она меня дурачит! Я опорочен. Но я никогда не поднимал нож на своих. Все — с меня хватит!

Наблюдая эту сцену, Ганима подумала: *Сейчас по крайней мере он был искренен.*

Всем на удивление Стилгар разразился смехом.

— Ах, кузен! — сказал он. — Прости меня, но в гневе ты сказал правду.

— Так ты согласен?

— Этого я еще не сказал, — произнес Стилгар и поднял руку, видя, что Аргавес снова готов вспыхнуть. — Я де-

лаю это не только для себя, Буэр, но и для других. — Он обвел взглядом присутствующих. — Я отвечаю за всех них. Давай обсудим репарации, которые предлагает Алия.

— Репарации? О репарациях не было речи. Прости, но не...

— Но что она предлагает в качестве гарантий?

— Сиетч Табр, сан наиба, полную автономию за нейтралитет. Она понимает, как сейчас...

— Я не вернусь в ее свиту и не стану поставлять ей воинов, — предупредил Стилгар. — Надеюсь, это понятно?

Ганима поняла, что Стилгар ослабил сопротивление. *Нет, Стил, нет!*

— В этом нет никакой необходимости, — сказал Аргавес. — Алия хочет лишь, чтобы ты вернул Ганиму для проведения запланированного обручения, которое...

— Вот, значит, как, — Стилгар сдвинул брови. — Цена моего прощения — Ганима. Она что, думает, я...

— Она думает, что ты достаточно понятлив, — сказал Аргавес и сел на свое место.

Ганима возликовала. *Он не сделает этого. Можешь успокоиться. Он не сделает этого.*

В этот момент Ганима услышала сзади какой-то шорох. Она не успела обернуться, как почувствовала, что ее схватили сильные мужские руки. В ту же секунду на лицо легла губка, пропитанная сильным снотворным. Теряя сознание, Ганима ощущала, как ее несут к самому темному выходу из зала. *Я должна была это предвидеть! Я могла приготовиться!* Руки, державшие ее, отличались просто нечеловеческой силой. Из такой хватки не вырваться.

Последнее, что ощутила Ганима, — это блеск звезд и холод ночного воздуха. Над ней склонилась голова в капюшоне.

— Она не ранена?

Перед глазами девочки закружились сверкающие звезды, и ответ утонул в их вращении. Вспыхнул яркий свет, и Ганима провалилась в небытие.

Муад'Диб дал нам особый род знания о пророческом прозрении, о поведении, сопровождающем такое прозрение, и его влиянии на события, которые пророк видит в данный момент. (Это касается событий, которые в определенной

последовательности возникают перед взором пророка и интерпретируются им). Как уже было неоднократно указано в других местах, такое прозрение являет собой особого рода ловушку для самого пророка. Он может стать жертвой того, что знает, — такие неудачи вообще свойственны человеку. Опасность заключается в том, что тот, кто предсказывает реальное событие, может просмотреть поляризующий эффект вследствие излишней уверенности в своей правоте. Пророки склонны забывать, что ничто в поляризованной вселенной не может существовать без своей противоположности.

(«Видение предзнания» Харк аль-Ада)

Взметенный над горизонтом песок, словно туман, закрывал восходящее солнце. В тени дюн песок был холоден. Лето стоял за границей пальмиры и оглядывал Пустыню. Он вдыхал запах пыли и аромат колючих растений, слушал голоса работающих людей и прячущихся в песке животных. В этих местах фримены не строили оросительных каналов. У местных племен были участки, вручную засаженные некоторыми растениями, воду для полива которых женщины носили в кожаных бурдюках. Ветряные ловушки были примитивны и легко выходили из строя при песчаных бурях, но зато их было легко восстанавливать. Трудности, тяжелый промысел Пряности и дух приключений определяли стиль жизни здешних обитателей. Эти фримены еще верили, что небо — это порождение текущей воды, но они ценили древнее понятие свободы, которое разделял с ними и Лето.

Свобода — очень одинокое состояние, подумал Лето.

Лето поправил складки белой одежды, скрывавшей его живой защитный костюм. Он постоянно чувствовал, что оболочка из песчаных форелей изменила его природу и, как всегда бывает в подобных случаях, испытывал ощущение утраты. Он не был больше в полном смысле слова человеком. В его крови появились необычные вещества. Реснички песчаной форели проникли во все органы, приспособились к новым условиям, изменили свою природу. Но не только: песчаная форель и сама изменяла природу Лето, приспосабливая ее для своих нужд. Лето, зная все это, чувствовал, как он рвет старые нити своей потерян-

ной человеческой сути. Жизнь его попала в капкан мучений, вызванных разрушением древней цельности. Он знал муки этой ловушки, когда человек поддается своим эмоциям. Он очень хорошо это знал.

Пусть будущее приходит само собой, думал он. *Единственным правилом, руководящим созиданием, является само созидание.*

Было очень трудно оторвать взгляд от песков, от вечной и величественной пустоты этих просторов, от дюн. Здесь, на краю Пустыни, лежали несколько камней, но они уводили воображение навстречу ветрам, пыли, редким одиноким растениям и животным, дюнам, переходящим в дюны, и Пустыням, переходящим в Пустыни.

Сзади раздались звуки флейты, игравшей утреннюю молитву о влаге. Эту молитву видоизменили и теперь это была серенада новому Шаи-Хулуду. Песня навевала чувство вечного одиночества.

Сейчас я могу взять и уйти в Пустыню, подумал он.

Тогда для него все изменится. Любое направление так же хорошо, как и другое. Лето уже научился жить свободно от одержимости. Он очистил фрименскую мистику до страшной ясности и откровенности: все, что он брал, было необходимо, но брал он только необходимое. Единственной его одеждой была белая накидка, в складках которой он прятал кольцо Атрейдесов, и кожа, которая не была его природной кожей.

Как легко было бы уйти отсюда.

Внимание Лето привлекло какое-то движение в небе. Он узнал зазубренные крылья грифа. Вид этой птицы наполнил его грудь печалью. Так же, как дикие фримены, грифы жили на этой земле потому, что родились здесь. Они не знали другой земли, лучшей, чем эта. Пустыня сделала их такими, каковы они есть.

За время правления Муад'Диба и Алие выросло совсем иное поколение фременов. И в этом была одна из причин того, что Лето не мог позволить себе удалиться в Пустыню, как это сделал некогда его отец. Лето вспомнил сказанные когда-то слова Айдахо: «Ох, уж эти фримены! Они величественно живые. Я никогда не видел жадного фримена».

Теперь на планете таких фременов было великое множество.

Лето затопила волна грусти. Он взялся изменить все это, но ужасной ценой. Идти этим курсом становилось все труднее по мере приближения к водовороту.

Крализек, Тайфунная Битва, лежал впереди... Но Крализек или нечто худшее могло быть только следствием какого-то неверного шага.

Сзади раздались голоса, и звонкий детский голос воскликнул:

— Вот он!

Лето обернулся.

Из пальмиры по направлению к нему шел Проповедник, ведомый ребенком.

Почему я до сих пор даже в мыслях называю его Проповедником? — удивился Лето.

Ответ лежал на самой поверхности сознания. *Потому что он больше не Муад'Диб и не Пауль Атрейдес.* Пустыня сделала его тем, кем он стал. Пустыня и шакалы Якуруту, кормившие его Пряностью и постоянно предававшие. Проповедник состарился до срока не вопреки Пряности, а благодаря ей.

— Мне сказали, что ты хочешь меня видеть, — сказал Проповедник, когда маленький поводырь остановился.

Лето посмотрел на ребенка пальмиры — человечка ростом с него самого, в глазах ребенка был благоговейный страх, смешанный с жадным любопытством. Темные глаза поблескивали над верхним краем маски защитного костюма.

Лето махнул рукой.

— Оставь нас.

В движении плеч ребенка отразился неосознанный протест — это был маленький, но прирожденный фримен, но у этого народа очень развито чувство уважения к чужим тайнам. Мальчик ушел.

— Ты знаешь, что Фарад'н здесь, на Арракисе? — спросил Лето.

— Гурни прилетел прошлой ночью. Он рассказал мне об этом.

Проповедник подумал: *Как холодно взвешенны его слова. Он такой же, каким был я в старые дни.*

— Передо мной очень трудный выбор, — сказал Лето.

— Я думал, что ты перебрал уже все возможные выборы.

— Мы оба знаем о *той* ловушке, отец.

Проповедник откашлялся. Напряжение в голосе Лето сказало ему, насколько близко они подошли к опасной черте. В любую минуту мог разразиться кризис. Теперь Лето нельзя полагаться на чистое видение, ему придется управлять своими видениями.

— Тебе нужна моя помощь? — спросил Проповедник.

— Да, я возвращаюсь в Арракин. Ты отправишься со мной — твоим поводырем стану я сам.

— С какой целью ты идешь туда?

— Сможешь ли ты еще раз проповедовать в Арракине?

— Возможно. Есть вещи, которые я им еще не говорил.

— Ты больше не вернешься в Пустыню, отец.

— Если пойду с тобой?

— Да.

— Я сделаю то, что ты решишь.

— Ты все обдумал? Если там Фарад'н, то с ним твоя мать.

— В этом я не сомневаюсь.

Проповедник еще раз откашлялся, выдав волнение, которого никогда не испытывал прежний Муад'Диб. Он слишком давно отвык от сурового режима самодисциплины, его сознание слишком часто впадало в безумие пряного транса во время пребывания в Якуруту. Кроме того, Проповедник считал, что с его стороны было бы неразумно возвращаться в Арракин.

— Ты можешь отказаться и не идти в Арракин со мной, — сказал Лето. — Но там моя сестра и я должен быть там. Ты же можешь идти с Гурни.

— И ты пойдешь в Арракин один?

— Да, я должен увидеть Фарад'на.

— Я пойду с тобой, — тяжело вздохнул Проповедник.

Лето, почувствовав былое бешенство видения в поведении Проповедника, задумался: *Играл ли он в игры с предзнанием?* Нет. Он никогда не стал бы повторять этот путь. Он знает о ловушке частичного знания. Каждое слово Проповедника говорило о том, что он окончательно передал видения своему сыну, зная, что все предопределено в этой вселенной.

Теперь старая полярность насмехалась над Проповедником. Он впадал из одного парадокса в другой.

— Ну что ж, тогда мы отправимся через несколько минут, — сказал Лето. — Ты не хочешь поговорить с Гурни?

— Разве он не пойдет с нами?

— Я хочу, чтобы Гурни выжил.

Все чувства Проповедника открылись царившему вокруг напряжению. Оно висело в воздухе, оно было в песке под ногами, оно витало над его сыном, который никогда не был ребенком. Дикий крик старых видений застрял в горле Проповедника.

Будь проклята эта святость!

Нельзя избежать чаши шершавого, как песок, страха. Он знал, что ждет их в Арракине. Они с Лето начнут игру со смертельными и ужасными силами, которые никогда не дадут им покоя.

Ребенок, отказывающийся беспрекословно повиноваться отцу, — это символ уникальной способности человека. «Я не должен быть таким, каким был мой отец. Я не должен следовать правилам моего отца и даже верить в то, во что верил он. Сила моего человеческого духа заключается в том, что я могу сам решать, во что мне верить, а во что— нет; кем быть и кем не быть».

(«Жизнеописание Лето Атрейдеса II» Харк аль-Ада)

Женщины-паломницы с непокрытыми головами, в вызывающе открытых одеждах, звеня браслетами, танцевали под флейту и барабан на площади перед храмом. Длинные черные волосы развевались при каждом резком движении, то падая на лицо, то рассыпаясь по плечам.

Алия наблюдала это отталкивающее и одновременно притягательное зрелище с башни храма. Был утренний час, с лотков торговцев, стоявших по краям площади под сводами арок, доносился аромат кофе с Пряностью. Скоро надо будет идти приветствовать Фарад'на. Подносить дары и устраивать его первую встречу с Ганимой.

Все пока шло по плану. Гани убьет Фарад'на, а потом... Потом будет только один человек, который сумеет собрать все осколки. Куклы танцуют, если кто-то один

дергает за веревочки. Как Алия и надеялась, Стилгар убил Аргавеса, а сам Аргавес привел в джедиду похитителей, не зная об этом. Радиомаяк был спрятан в ботинках, которые Алия подарила Буэру при их последней встрече. Стилгар и Ирулан ждут своей участи в темнице храма. Возможно, их придется убить, но, кто знает, может быть, они пригодятся и для других целей. С этим можно повременить.

Алия заметила, что городские фримены наблюдали за танцовщицами с неослабным, напряженным вниманием. Равенство полов, характерное для фременов Пустыни, привилось и в городах, хотя социальное неравенство мужчин и женщин давало себя знать. Это тоже было частью плана. Разделять и тем ослаблять. Алия хорошо видела, как изменяется настроение двух фременов, следивших за экзотическим танцем.

Пусть смотрят. Пусть их ум наполнит гофла.

Жалюзи окон были открыты, и Алия чувствовала, как усиливается жара. В это время года вообще очень знойно, а после полудня жара станет просто нестерпимой. На площади температура еще выше, но женщины продолжали плясать, самозабвенно дергаясь в ритме быстрого танца, охваченные лихорадкой преданного самоотречения. Танец был посвящен Алие, Чреву Небес. Об этом Алие сообщил адъютант, смеясь при этом над инопланетянками, которые прибыли с Икса, планеты, где еще существовали остатки запрещенных наук и технологий.

Алия фыркнула. Эти женщины так же невежественны, так же суеверны и так же неразвиты, как фримены Пустыни... Так об этом сказал и адъютант, надеявшийся заслужить милость Алие, сообщив ей о цели танцующих. Но ни адъютант, ни сами иксианки не знали, что в одном древнем языке буквой «икс» обозначали некоторое неопределенное число.

Алия мысленно рассмеялась. *Пусть себе танцуют.* На пляску уходит энергия, которую можно использовать в более деструктивных целях. Музыка, кстати говоря, была очень приятной — стук барабанов на фоне нежного напева тимпанов. Толпа хлопала в ладоши в такт мелодии.

Внезапно музыка потонула в реве толпы. Танцующие сбились с ритма, оправились, но прежнего задора в их

движениях уже не было. Внимание самих танцовщиц было приковано к дальнему краю площади, откуда, словно волна, двигалась густая толпа, готовая затопить все пространство площади.

Алия внимательно всмотрелась в толпу.

Вот до нее донесся одинокий вскрик:

— Проповедник! Проповедник!

В ту же секунду Алия увидела его — он шел в первых рядах толпы, держась за плечо своего юного поводыря.

Танцовщицы быстро ретировались на ступени террасы храма. Зрители устремились за ними, и на их лицах Алия увидела ужас. Она и сама почувствовала страх.

Как он осмелился?!

Она уже отвернулась от окна, чтобы вызвать гвардейцев, но потом остановилась. Толпа уже запрудила площадь. Могут произойти беспорядки, если помешать этим людям слушать откровения слепца.

Алия сжала кулаки.

Проповедник! Зачем Пауль это делает? Для половины народа — он Пустынный безумец, и следовательно, святой. Другая половина шепчется на базарах о том, что это сам Муад'Диб. Только поэтому махдинат позволял ему произносить перед толпами свои гневные еретические речи.

В толпе были видны беженцы, люди из опустевших, заброшенных сиетчей — их одежда представляла собой лохмотья. Это место становилось опасным, и самое главное сейчас — не наделать ошибок.

— Госпожа?

Голос раздался из-за спины Алие. Она обернулась и увидела Зию, стоявшую в дверях, ведущих во внешние апартаменты. Возле Зии выстроились гвардейцы внутренней охраны.

— Что случилось, Зия?

— Моя госпожа, Фарад'н здесь и требует аудиенции.

— Он один?

— С ним два телохранителя и госпожа Джессика.

Алия непроизвольно прижала руку к горлу, вспомнив свою последнюю стычку с матерью. Времена изменились. Теперь их отношениями правили новые обстоятельства.

— Какая пылкость, — сказала Алия, — и чем он объясняет такую напористость?

— Он слышал о... — Зия указала рукой на окно. — Говорит, что ему сказали о ваших планах.

Алия нахмурилась.

— Ты веришь в это, Зия?

— Нет, моя госпожа. Думаю, что до него просто дошли слухи. Он хочет проверить вашу реакцию.

— Это происки моей матери.

— Вполне возможно, моя госпожа.

— Зия, дорогуша, я хочу, чтобы ты сделала для меня нечто очень важное. Иди сюда.

Зия шагнула вперед.

— Слушаю, моя госпожа.

— Надо принять Фарад'на, его телохранителей *и* мою мать. После этого приготовьте Ганиму. Ее надо одеть, как фрименскую невесту, — с *полным* соблюдением ритуала.

— С ножом, моя госпожа?

— С ножом.

— Моя госпожа...

— Ганима не представляет для меня никакой опасности.

— Моя госпожа, есть основания полагать, что она бежала вместе со Стилгаром для того, чтобы защитить его, а не себя...

— Зия!

— Да, моя госпожа?

— Ганима уже просила за жизнь Стилгара, и как видишь, он до сих пор жив.

— Но ведь она предполагаемая наследница престола!

— Выполняй приказ. Приготовь Ганиму. Пока ее будут одевать, пошли пятерых священников на площадь. Пусть они пригласят сюда Проповедника. Пусть они подождут удобного момента и поговорят с ним — больше от них ничего не требуется. Силу ни в коем случае не применять. Пусть это будет вежливое приглашение. Абсолютно никакого насилия. И вот что еще, Зия...

— Слушаю, моя госпожа. — Почему она так угрюма?

— Проповедник и Ганима должны быть доставлены ко мне одновременно. Они войдут по моему сигналу. Ты поняла?

— План мне ясен, моя госпожа, но...

— Вот и выполняй его! Вместе! — напомнила Алия еще раз и кивнула головой, давая понять, что разговор окончен. Зия направилась к двери, но Алия остановила ее. —

Уходя, направь сюда свиту Фарад'на, только сделай так, чтобы впереди шли десять самых надежных твоих людей.

Зия оглянулась.

— Все будет сделано, как вы приказали, моя госпожа.

Алия снова повернулась к окну и выглянула на улицу. Через каких-нибудь несколько минут *план* принесет свои кровавые плоды. Пауль будет здесь, когда его дочь нанесет *coup de grace** его священным претензиям. Алия слышала, как в ее комнату вошли амазонки Зии. Скоро все будет кончено. Все. Она с чувством внутреннего торжества посмотрела вниз. Проповедник занял свое место на ступени храма. Рядом с ним на корточках сидел его юный поводырь. Алия заметила слева желтые одеяния священников, немного оттесненных толпой. Ничего, священники умеют управляться с массами людей. Ее священники найдут способ приблизиться к своей цели. Голос Проповедника гремел над площадью, толпа ловила каждое его слово с жутким вниманием. Пусть слушают! Скоро его слова будут противоречить его же собственным намерениям, и не будет другого *Проповедника*, который смог бы его опровергнуть.

Алия услышала, как в дверь вошла свита Фарад'на и раздался голос Джессики.

— Алия?

Она не стала немедленно оборачиваться.

— Добро пожаловать, принц Фарад'н, мама. Подойдите и насладитесь зрелищем. — Она оглянулась, увидела рослого сардаукара, Тиеканика, который хмуро смотрел на амазонок, оттеснивших его от принца. — Это негостеприимно. Пусть они подойдут, — приказала Алия.

Двое из амазонок, очевидно, действуя по приказу Зии, подошли к Алие и встали между нею и остальными. Другие гвардейцы посторонились и встали у стен.

Алия повернулась спиной к окну.

— Отсюда действительно все очень хорошо видно.

Джессика, одетая в свою обычную черную абу, негодующе посмотрела на Алию, подвела Фарад'на к окну, но осталась стоять между ним и охраной.

---

* смертельный удар, избавляющий от страданий, «удар милости» (*фр.*).

— Это очень любезно с вашей стороны, госпожа Алия, — сказал Фарад'н. — Я очень много слышал о вашем Проповеднике.

— И вот он перед вами во плоти, — отозвалась Алия. На Фарад'не была одета серая, без украшений, форма полковника сардаукаров. Двигался он с грацией поджарого животного, и это восхитило Алию. Видимо, в этом принце Коррино можно найти кое-что, кроме праздной забавы.

Голос Проповедника между тем гремел в комнате, усиленный динамиками, вмонтированными в стены возле окна. Алия почувствовала, как эти звуки сотрясают ей кости, и начала, словно зачарованная, слушать речь Проповедника.

— Я очутился в Пустыне Зан, — возглашал Проповедник, — в этом просторе, полном воющей дикости. И Бог повелел мне очистить это место, ибо были мы приведены в Пустыню и горевали в ней, и были искушены дикостью, чтобы отказаться от путей своих.

Пустыня Зан, подумала Алия. То было имя, данное месту, где происходил первый суд над странниками Дзенсунни, от которых ведут свой род фримены. Но его слова! Он берет на себя ответственность за разрушение сиетчей лояльных племен?

— Дикий зверь лежит на твоих землях, — продолжал вещать Проповедник, и голос его мощно гремел над площадью. — Скорбящие создания заполонили ваши дома. Вы, кто бежал из своих домов, не умножите больше дни свои на песке. Да, вы, которые пренебрегли путем вашим, вы умрете в этом мерзком гнездилище, если будете упорствовать в новом пути своем. Но если вы внемете моим словам, то Бог проведет вас по земле к Горе Своей. Да, Шаи-Хулуд поведет вас.

Над толпой пронесся тихий стон. Проповедник сделал паузу и пустыми глазницами оглядел собравшихся. Потом он простер кверху руки и возгласил:

— О Боже, моя плоть стремится к Тебе по сухой и жаждущей земле!

Старуха, стоявшая перед Проповедником, — судя по рваной одежде и потухшему взгляду, это была беженка, — воздела вверх руки и заголосила:

— Помоги нам, Муад'Диб! Помоги нам!

Внезапный страх стиснул грудь Алие. Неужели эта старуха знает? Алия украдкой взглянула на Джессику, но мать в это время делила свое внимание между охранниками Алие, Фарад'ном и видом из окна. Фарад'н слушал Проповедника, как зачарованный.

Алия выглянула в окно, стараясь рассмотреть своих храмовых священников. Их не было видно и она подумала, что они сейчас пробираются к дверям храма, чтобы потом спуститься на ступеньки.

Проповедник возложил правую руку на голову старухи и громко заговорил:

— Вы — единственное оставшееся нам упование! Вы восстали. Вы принесли с собой иссушающий ветер, который не очищает и не приносит прохлады. Вы несете на себе гнет нашей Пустыни, но грядет вихрь из того места, из той ужасной земли. Я был в той глуши. Вода вытекает в песок из разрушенных каналов. Потоки пересекают Пустыню. Вода пала с небес на Пояс Дюн! О друзья мои, Бог повелевает мною! Выпрямите путь нашему Господу в Пустыне, ибо я есмь глас, вещающий вам из Пустыни.

Он указал на ступени у себя под ногами негнущимися дрожащими пальцами.

— Но это не утраченная джедида, которую навсегда покинули ее обитатели! Здесь ели мы хлеб небесный. И отсюда суета чужестранцев увела нас от домов наших. Они уготовили нам отчуждение, землю, на которой никто не живет и по которой не ступает нога мужа.

Толпа зашевелилась, беженцы и городские фримены начали озираться, выискивая в толпе инопланетных паломников хаджа.

Он может спровоцировать кровавые беспорядки! — подумала Алия. *Ничего, пусть. Мои священники схватят его в суматохе.*

В этот момент Алия увидела пятерых священников в желтых одеждах, стоявших на ступенях позади Проповедника.

— Вода, которую мы разлили по Пустыне, превратилась в кровь, — провозгласил Проповедник, широко разведя руки. — Кровь покрыла нашу землю! Берегитесь Пустыни, которая может цвести и плодоносить; она привлекла чужестранца и заманила его в нашу среду. Они пришли

для насилия! Их лица закрыты перед последним ветром Крализека! Они отобрали пленяющую силу песка. Они выпили его богатство, уничтожили бесценное сокровище его глубин. Берегитесь их, когда они принимаются за свою разрушительную работу, ибо сказано: «И я стоял на песке и видел зверя, поднимающегося из песка, и на голове этого зверя было Имя Божье!»

По толпе начал разливаться гнев. Люди начали потрясать сжатыми кулаками.

— Что он делает? — прошептал Фарад'н.

— Я и сама хотела бы это знать, — ответила Алия. Она прижала руки к груди, чувствуя смешанное со страхом волнение. Сейчас толпа кинется на пилигримов, если он продолжит в том же духе!

Но в этот миг Проповедник обернулся, направив свои пустые глазницы на храм, и указал рукой на башню Алие.

— Остается только одна богохульница! — страшным голосом закричал он. — И имя этой богохульницы — Алия!

Над площадью повисла мертвая, леденящая душу тишина.

Алия стояла, охваченная цепенящим ужасом. Она понимала, что толпа не может ее видеть, но ею овладело чувство собственной уязвимости, открытости. Успокаивающие голоса, раздававшиеся в ее мозгу не могли утишить стук сердца. Она могла только стоять и смотреть на неправдоподобную сцену, разыгравшуюся внизу. Проповедник по-прежнему указывал рукой на ее окно.

Однако его слова переполнили чашу терпения священников. Они нарушили тишину неистовыми гневными криками и устремились вниз по ступеням, оттесняя толпу. Но люди, отступая перед бешеным напором, уводили за собой Проповедника. Он спотыкался, не видя дороги. Поводыря оттеснили в сторону и Алия перестала его видеть. Из толпы появилась рука с кинжалом и нанесла удар. Лезвие погрузилось в грудь Проповедника.

Алия очнулась от шока, услышав громоподобный стук закрываемых храмовых ворот. Гвардейцы закрыли ворота, опасаясь, что толпа ворвется в храм. Но люди отхлынули от входа, оставив на лестнице распростертое мертвое тело. Над площадью царило зловещее спокойствие.

Внезапно над толпой раздался пронзительный голос.

— Муад'Диб! Они убили Муад'Диба!

— Боже, — прошептала Алия. — Боже.

— Не поздно ли призывать Бога? — спросила Джессика.

Алия резко повернулась и первым делом заметила ошарашенного Фарад'на — он увидел перекошенное злобой лицо Алие.

— Это убили Пауля! — закричала Алия. — Твоего сына! Ты знаешь, что будет, когда они в этом удостоверятся?

Джессика оцепенела. Дочь сказала ей то, что она подспудно знала уже давно. Рука Фарад'на, поддерживавшего Джессику, дрогнула.

— Моя госпожа, — сказал он, и в его голосе было такое сочувствие, что Джессике показалось, что она сейчас умрет от этого сострадания. Она перевела взгляд с искаженного холодной яростью лица Алие на полное неподдельного горя лицо Фарад'на и подумала: «*Я, кажется, слишком хорошо сделала свою работу*».

У Джессики не было никаких сомнений в истинности слов Алие. Джессика вспомнила интонации голоса Проповедника, в котором она слышала свой собственный голос, вспомнила она и те годы, когда обучала искусству правления молодого человека, которому предстояло стать императором, и который лежал теперь на ступенях храма в луже застывающей крови.

Гафла ослепила меня, подумала Джессика.

Алия подала знак одной из амазонок.

— Введи сюда Ганиму.

Джессика с трудом поняла смысл слов дочери. *Ганима? Зачем здесь Ганима?*

Женщина направилась было к двери, но в этот момент она сорвалась с петель и со страшным грохотом упала на пол, вырвав из стены, способной выдержать любой удар, огромный кусок пластиковой стали. Охранники схватились за оружие. Телохранители и Джессика прикрыли принца Коррино.

Однако в образовавшемся проломе показались лишь двое детей. Слева Ганима в черном платье невесты, справа Лето в сером блестящем защитном костюме, поверх которого была надета белая, запятнанная Пустыней одежда.

Алия переводила взгляд с выломанной двери на детей и обратно. Ее била страшная дрожь, с которой она ничего не могла поделать.

— Вся семья собралась, чтобы приветствовать нас, — сказал Лето. — Бабушка, — он кивнул Джессике и взглянул на принца Коррино. — А это, должно быть, принц Фарад'н. Добро пожаловать на Арракис, принц.

Ганима смотрела на все происходящее совершенно пустыми глазами. Правая рука лежала на рукоятке церемониального кинжала, по всему было видно, что девочка хочет освободиться от хватки Лето, который держал ее за плечо. Стоило Лето двинуть ее рукой, как сотряслось все тело Ганимы.

— Смотрите на меня, семья, я — Прий, Лев Атрейдесов, а это — он снова встряхнул руку Ганимы, отчего опять дернулось все ее тело, при этом движения Лето были легки и непринужденны, — Арие, Львица Атрейдесов. Мы пришли наставить вас на Сехер Нбив, Золотой Путь..

Ганима восприняла ключевую фразу, *Сехер Нбив,* и в ее запертый до того ум хлынул поток освобожденного сознания. На пороге сознания стояла ее мать, следившая за тем, чтобы поток не захлестнул дочь. В этот миг Ганима поняла, что у нее очень богатое прошлое. У нее были ворота, сквозь которые она могла всегда заглянуть в прошлое. В течение тех месяцев, что она находилась под воздействием гипнотического самовнушения, в ее мозгу функционировал один участок, помогавший управлять движениями плоти. Глядя на Лето, она теперь требовала объяснений о том, что происходит, потому что сознавала, где она и кто стоит рядом с ней.

Лето отпустил ее руку.

— Наш план сработал? — прошептала Ганима.

— Да, и довольно неплохо, — ответил Лето.

Оправившись от потрясения, Алия приказала своим людям:

— Хватайте их!

Но Лето наклонился, схватил одной рукой лежавшую на полу дверь и швырнул ее в охрану. Двое были пригвождены к стене, остальные в ужасе отпрянули назад. Дверь весила не меньше полутонны и бросил ее сущий ребенок.

Алия, осознав, что коридор завален убитыми гвардейцами, поняла, что это именно он выломал дверь и сломал стену.

Джессика сделала те же выводы, но слова Ганимы затронули дисциплину, заложенную в Преподобной Матери

сестрами Бене Гессерит. Джессика быстро собралась с силами. Внучка что-то сказала о каком-то плане.

— Что это за план? — спросила она.

— Золотой Путь, имперский план для нашей Империи, — ответил Лето. Он кивнул Фарад'ну.

— Не думай обо мне плохо, кузен. Я действую так и во имя тебя. Алия надеялась, что Ганима убьет тебя. Я бы предпочел, чтобы ты жил, и жил по возможности счастливо.

Алия дико крикнула гвардейцам, попрятавшимся в проходе:

— Я же приказала вам схватить их!

Но люди не желали входить в комнату.

— Подожди меня здесь, сестра, — сказал Лето. — Мне надо сделать кое-какую грязную работу.

Сказав это, он пересек помещение и направился к Алие.

Она отпрыгнула в угол, присела и обнажила кинжал — сверкнули зеленые изумруды, которыми была инкрустирована рукоятка.

Лето как ни в чем не бывало продолжал идти к ней с пустыми руками, только слегка подобравшись.

Алия бросилась на племянника с ножом.

Лето, подпрыгнув чуть ли не до потолка, ударил Алию левой ногой. Удар пришелся в голову, оставив кровавую отметину на лбу женщины. Алия выронила нож, и он покатился по полу. Алия бросилась за ним, но Лето встал на ее пути.

Алия в нерешительности остановилась, припоминая все, чему учили ее в Бене Гессерит. Она поднялась с пола, тело ее было расслабленным, но готовым к бою.

Лето опять двинулся на нее.

Алия сделала обманное движение влево, приподняла правое плечо и, выбросив вперед правую ногу, нанесла удар пальцами ноги. Этот удар был бы способен выпустить кишки взрослому мужчине, если бы попал в цель.

Лето отвел удар рукой. Схватил тетку за ногу и принялся со страшной скоростью вращать Алию в воздухе. Скорость была так велика, что слышался свист платья.

Все остальные попадали на пол.

Алия кричала, не переставая, но Лето продолжал вращать ее. Мало-помалу крики затихли.

Лето медленно уменьшил скорость вращения и осторожно опустил Алию на пол. Она лежала, свернувшись в комок, и тяжело дышала.

Лето склонился над ней.

— Я мог бы проломить тобой стену, — сказал он. — Возможно, для тебя это был бы лучший выход, но борьба продолжается. Ты заслужила использовать свой шанс.

Алия дико поводила глазами из стороны в сторону.

— Я победил свои внутренние жизни, — сказал Лето. — Посмотри на Гани. Она тоже может сказать...

Ганима перебила брата.

— Алия, я могу показать тебе...

— Нет! — это слово было словно выдавлено из Алие помимо ее воли. Грудь ее тяжко вздымалась, изо рта начали вещать разные голоса. Они были бессвязны, ругань перемежалась с мольбами.

— Смотрите! Почему вы не слушали? — И снова: — Зачем вы это делаете? Что происходит?

Зазвучал еще один голос:

— Остановите их! Пусть они остановятся!

Джессика закрыла глаза, чувствуя, что Фарад'н крепко держит ее за локоть.

Алия же продолжала неистовствовать.

— Я убью вас!

С ее уст срывались непристойные ругательства.

— Я выпью вашу кровь!

Слова разных языков сливались, образуя невнятную какофонию непонятных звуков.

Сгрудившиеся в проходе охранники в ужасе складывали пальцы в знак червя против порчи и нечистой силы. Алия была одержима!

Лето остановился и покачал головой. Потом подошел к окну и тремя ударами выбил стекло, которое не могло разбить, казалось бы, ничто на свете.

На лице Алие появилось лукавое выражение. Джессика услышала какую-то пародию на Голос Бене Гессерит.

— Эй, вы все! Стойте где стоите!

Джессика открыла глаза и опустила мокрые от слез руки.

Алия перекатилась на колени и вскочила на ноги.

— Разве вы не знаете, кто я? — спросила она. Это был ее старый голос, голос той сладостной, юной Алие, которой больше не существовало.

— Что вы на меня так смотрите? — она повернулась к Джессике и жалобно посмотрела ей в глаза. — Мама, пусть они остановятся.

В ответ объятая страхом Джессика могла только отрицательно покачать головой. Все предупреждения старого Бене Гессерит оказались правдивыми. Она посмотрела на стоявших бок о бок возле Алие Лето и Гани. Но что значили эти предупреждения для бедных близнецов?

— Бабушка, — сказал Лето, и в его голосе послышалась мольба. — мы должны провести Суд Одержимых?

— Кто ты такой, чтобы говорить о суде? — спросила Алия голосом раздраженного мужчины, властного чувственного мужчины, который умер, потакая себе во всем.

Лето и Ганима одновременно узнали этот голос. Старый барон Харконнен. Ганима услышала, как этот голос начинает звучать и в ее сознании, но мать была начеку и захлопнула внутренние ворота подсознания.

Джессика молчала.

— Тогда решение за мной, — произнес Лето, — но выбор я предоставляю тебе, Алия. Суд Одержимых или... — он кивнул головой в сторону окна.

— Кто ты такой, чтобы предоставлять мне выбор? — спросила Алия голосом старого Харконнена.

— Демон! — не выдержала Ганима. — Пусть она сама решает свою судьбу.

— Мама, — взмолилась Алия голосом маленькой девочки. — Мама, что они делают? Что они хотят от меня? Помоги мне.

— Помоги себе сама, — приказал Лето. В какой-то миг он разглядел прежнюю Алию в выражении ее глаз, но видение тотчас исчезло. Тело ее двигалось, она деревянной походкой продолжала идти, как марионетка. Она шаталась, спотыкалась, отклонялась в сторону, но неумолимо приближалась к цели — к выбитому окну.

Теперь с ее губ вновь слетали слова, выкрикиваемые бароном Харконненом.

— Остановись! Остановись, говорю! Прекрати это! Да приди же наконец в себя! — Алия схватилась за голову и

шагнула к подоконнику. Голос барона продолжал вопить свое. — Не делай этого. Остановись, и я помогу тебе. Слушай, у меня есть план. Остановись, говорю! Постой!

Но Алия оторвала руки от головы, схватилась за сломанный переплет окна, встала на подоконник и спрыгнула вниз. Падая, она не издала ни единого звука.

Было слышно, как ахнула толпа внизу, и раздался резкий стук от падения тела на ступени храма.

Лето посмотрел на Джессику.

— Мы же говорили тебе: «Пожалей ее».

Джессика отвернулась и зарылась лицом в тунику Фарад'на.

Допущение того, что целостную систему можно заставить работать лучше, если воздействовать на ее сознательные, разумные элементы, выдает опасное невежество. Этот невежественный подход весьма характерен для тех, кто называет себя учеными и технологами.

(«Бутлерианский джихад» Харк аль-Ада)

— Он бегает по ночам, кузен, — сказала Ганима. — Он бегает. Ты не видел, как он бегает?

— Нет, — ответил Фарад'н.

Они с Ганимой ожидали аудиенции у дверей маленькой Залы Аудиенций Цитадели, где Лето назначил им встречу. В стороне стоял Тиеканик, который неловко чувствовал себя в обществе госпожи Джессики, пребывавшей последнее время в каком-то ином мире. Прошло меньше часа после утренней трапезы, но машина была уже запущена на полные обороты. Были отправлены сообщение в Гильдию и послания в ОСПЧТ и Совет Земель.

Фарад'ну было очень трудно понять этих Атрейдесов. Госпожа Джессика предупреждала его о некоторых особенностях, но реальность тем не менее озадачивала Фарад'на. Все еще говорили об обручении, хотя политические основания ее, кажется, потеряли свою силу. Лето наследует трон — в этом практически никто не сомневался. Придется, правда, для этого удалить с него *живую кожу*... но это может и подождать.

— Он бегает, чтобы довести себя до изнеможения, — продолжала между тем Ганима. — Он — воплощенный Кра-

лизек. Я видела, как он перелетает с дюны на дюну. Он бежит, бежит и бежит. Никакой ветер не может догнать его. Когда же он наконец устает, то возвращается и отдыхает, положив голову ко мне на колени. «Попроси нашу маму, чтобы она нашла для меня способ умереть», — просит он меня.

Фарад'н с удивлением воззрился на Ганиму. Прошла неделя после беспорядков на Храмовой Площади, Убежище жило в странном ритме, какие-то таинственные люди появлялись и исчезали; приходили тревожные сведения о боях, которые развернулись где-то за Защитным Валом. Эти истории рассказывал Тиеканик, бывший сейчас одним из военных советников.

— Я не совсем понимаю тебя, — сказал Фарад'н. — Найти для него способ умереть?

— Он просил подготовить тебя, — ответила Ганима. Уже не первый раз она поражалась невероятной наивности этого принца Коррино. Было ли это делом рук Джессики или Фарад'н был таким от рождения?

— К чему?

— Дело в том, что Лето перестал быть человеком, — ответила Ганима. — Вчера ты спросил его, когда он собирается снять с себя живую кожу. Никогда. Теперь она — часть его, а он — часть ее. Лето подсчитал, что впереди у него около четырех тысяч лет, после этого произойдет метаморфоз, который его уничтожит.

У Фарад'на от волнения пересохло в горле.

— Ты понял, почему он бегает?

— Но если он будет жить так долго и...

— Дело в том, что его память о том, что он был человеком, очень богата. Подумай о всех тех жизнях, которые живут в нем. Ты не можешь этого представить, потому что не испытал сам. Но я могу представить себе его боль. Наш отец ушел в Пустыню, чтобы избежать этой боли. Алия предалась Мерзости из страха перед этой способностью. У нашей бабушки было только зачаточное проявление этого состояния, но и то ей приходится применять все ухищрения Бене Гессерит, чтобы выжить, — вот зачем она каждый день тренируется по программе Преподобной Матери. Но Лето! Он единственный и неповторимый, у него никогда не будет двойника.

Фарад'н был изумлен до немоты словами Ганимы. Император на четыре тысячи лет?

— Джессика знает, — сказала Ганима и взглянула на бабушку. — Он сказал ей об этом прошлой ночью. Он назвал себя самым дальновидным человеком, который когда-либо в истории планировал жизнь людей.

— И что же он... планирует?

— Золотой Путь. Он сам объяснит тебе, что это значит.

— Он отводит мне какую-то роль в этом... плане?

— Роль моего спутника, — ответила Ганима. — Он должен выполнить наследственную программу Общины Сестер. Я уверена, что бабушка говорила тебе о мечте Бене Гессерит — о создании Преподобного, обладающего небывалой силой. Он...

— Он имеет в виду, что мы будем просто...

— Нет, не *просто*. — Она взяла принца за руку и тепло, по-дружески, ее сжала. — У него много ответственных заданий для нас. Если мы не произведем на свет детей, вот так.

— Но ты еще слишком мала для этого, — заметил Фарад'н и осторожно высвободил руку.

— Никогда больше не совершай этой ошибки, — ледяным тоном сказала Ганима.

К ним подошла Джессика в сопровождении Тиеканика.

— Тиек сказал мне, что война вышла за пределы нашей планеты, — сказала она. — Осажден Центральный Храм на Биареке.

Фарад'н отметил странное спокойствие в тоне, которым было сделано это сообщение. Надо будет обсудить с Тиекаником рапорты о боевых действиях. Пламя бунта стремительно распространялось по Империи. Бунт, конечно, подавят, но Лето предстоит скорбная задача — восстанавливать Империю.

— Вот и Стилгар, — сказала Ганима. — Ждали его прихода.

Она снова взяла Фарад'на за руку.

Старый фрименский наиб вошел в зал через дальний вход в сопровождении двух своих старых боевых товарищей из бывшей Команды Смерти. Все трое были одеты в черные накидки и желтые траурные головные повязки. Они приблизились твердым шагом, но Стилгар обратил внима-

ние сначала на Джессику. Остановившись перед ней, он сдержанно поклонился.

— Ты все еще переживаешь за смерть Дункана Айдахо? — спросила Джессика. Ей не нравились все эти предосторожности, которые проявлял ее старый друг.

— Преподобная Мать, — сказал Стилгар.

Так все и будет! — подумала Джессика. *Станем соблюдать все формальности фрименского кодекса, но с большим трудом забудем о крови.*

— По нашему мнению, ты просто сыграл роль, которую приготовил для тебя Дункан. Не в первый раз люди отдают жизнь за Атрейдесов. Почему они это делают, Стил? Ты и сам не один раз был готов это сделать. Почему? Ты просто знаешь, что дают Атрейдесы взамен? — сказала Джессика.

— Я счастлив, что вы не ищете повода для мести, — заговорил Стилгар. Но есть вещи, которые мне надо обговорить с вашим внуком. Эти проблемы могут навсегда разделить нас с вами.

— Ты хочешь сказать, что Табр не воздаст ему императорских почестей? — спросила Ганима.

— Я хочу сказать, что буду обо всем судить сам, — он холодно посмотрел на Ганиму. — Мне не нравится то, что происходит с моими фременами, — проворчал он. — Мы вернемся к нашим старым обычаям. Если потребуется, то без вас.

— Вероятно, вы вернетесь к своим обычаям только на время, — сказала Ганима. — Ведь Пустыня умирает, Стил. Что вы будете делать без червей и без песков?

— Я не верю в это!

— Через какие-нибудь сто лет, — сказала Ганима, — останется всего лишь пять десятков червей, да и те будут больны и их придется содержать в специальных заповедниках. Их Пряность будет интересовать только Космическую Гильдию, а цена... — она покачала головой. — Я видела цифры Лето. Он обошел всю планету и все знает.

— Это еще одна уловка, чтобы сохранить фременов как своих вассалов?

— Вы когда-нибудь были моими вассалами? — спросила Ганима.

Стилгар нахмурился. Что бы он ни говорил и что бы он ни сделал, эти близнецы всегда сделают его виноватым!

— Вчера он говорил мне о Золотом Пути, — выпалил Стилгар. — Мне все это не нравится!

— Странно, — сказала Ганима и посмотрела на бабку. — Почти вся Империя будет приветствовать это.

— Это погибель для всех нас, — пробормотал Стилгар.

— Но ведь все жаждут Золотого Века, — сказала Ганима. — Разве нет, бабушка?

— Все, — согласилась с внучкой Джессика.

— Они жаждут фараонова царства, которое даст им Лето, — сказала Ганима. — Они хотят тучного мира, богатых урожаев, удачной торговли и равенства всех, за исключением Золотого Правителя.

— Это будет смерть фрименов, — возразил Стилгар.

— Как ты можешь это утверждать? Разве не нужны будут нам солдаты и храбрецы для подавления случайных смут? Стил, твои и Тиеканика доблестные товарищи будут очень нужны для подобных дел.

Стилгар взглянул на офицера сардаукаров, и странный луч взаимопонимания блеснул между ними.

— Лето будет распоряжаться Пряностью, — напомнила Джессика.

— Он будет владеть ею единолично, — добавила Ганима.

Фарад'н, обладая новым сознанием, вложенным в него Джессикой, слушал разговор, понимая, что внучка и бабушка разыгрывают тщательно поставленную пьесу.

— Мир будет длиться практически вечно, — говорила Ганима. — Память о войнах исчезнет. Лето будет вести народы по этому благоухающему саду четыре тысячи лет.

Тиеканик вопросительно посмотрел на Фарад'на и откашлялся.

— Я слушаю тебя, Тиек, — сказал Фарад'н.

— Я хочу поговорить с вами наедине, мой принц.

Фарад'н улыбнулся, понимая, куда клонит эта военная косточка, и что этот вопрос могли бы задать еще два человека из присутствующих здесь.

— Я не продам своих сардаукаров, — пообещал Фарад'н.

— И в этом не будет нужды, — сказала Ганима.

— Что вы слушаете это дитя? — Тиеканик был вне себя от злости. Старый наиб понимал проблему, будучи вос-

питанным среди всех этих заговоров, но, кроме него, никто ничего не смыслит в создавшемся положении!

Ганима мрачно улыбнулась.

— Скажи ему, Фарад'н.

Принц вздохнул. Как легко было забыть о странностях этого ребенка, который никогда не был ребенком. Он мог теперь представить себе совместную жизнь с ней, скрытые оговорки при каждой близости. Это была не слишком приятная перспектива, но Фарад'н начинал понимать ее неизбежность. Абсолютный контроль над истощающимися запасами Пряности! Да вся населенная вселенная остановится без нее.

— Позже, Тиек, — произнес принц.

— Но...

— *Я сказал— позже!* — Фарад'н впервые испытал Голос на Тиеканике, и увидел, как старый воин моргнул глазами от изумления и промолчал.

На губах Джессики появилась натянутая улыбка.

— Он говорит о мире и смерти на одном дыхании, — проворчал Стилгар. — Золотой Век!

— Он проведет человечество через культ смерти к свободе счастливой жизни! Он говорит о смерти, потому что это необходимо, Стил. Это то напряжение, с помощью которого человек понимает, что живет. Когда Империя падет... О да, она падет. Вы думаете, что это Кризис, но Кризис еще не наступил. Но когда он придет, то к тому времени люди обновят свою память тем, что поймут, что значит жить. Память об этом будет сохраняться только на протяжении жизни каждого отдельного человека. После этого мы снова пройдем сквозь потрясения, Стил. Но мы выйдем из него, мы всегда будем возрождаться из пепла. Всегда.

Фарад'н, слыша эти слова, понял теперь, что имела в виду Ганима, когда рассказывала ему о беге Лето. *Он не станет снова человеком.*

Однако Стилгара было не так-то легко убедить.

— У нас никогда не будет червей, — прорычал он.

— О, черви вернутся, — заверила его Ганима. — Они погибнут в течение двухсот лет, но потом вернутся.

— Но каким образом... — начал было Стилгар.

Фарад'н почувствовал, что его сознание омыло откровением. Он знал, что ответит Ганима до того, как она раскрыла рот.

— Гильдия с большим трудом переживет трудные годы, и то только благодаря своим и нашим акциям, — сказала Ганима. — Но после Крализека наступит изобилие. Черви вернутся после того, как Лето опустится в песок.

Как это бывало со многими другими религиями, Эликсир Жизни Муад'Диба выродился в чисто внешнюю ритуальную магию. Ее мистическое значение стало простым символом для глубинных психологических процессов, которые, естественно, стали неуправляемыми. Людям был нужен живой бог, но его не было, и исправить это положение смог только сын Муад'Диба.

(Утверждение, приписываемое Лю Дун-пиню. Лю, «Гость пещеры»)

Сидя на Троне Льва, Лето принимал почести от племен. На одну ступеньку ниже трона стояла Ганима. Церемония в Большом Зале продолжалась уже много часов. Представители фрименских племен и наибы шли бесконечной чередой, поднося дары, приличествующие богу, обладающему страшной властью, богу мести, обещавшему народам мир.

На прошлой неделе Лето склонил к повиновению все племена, собрав их судей и пройдя на их глазах тяжкие испытания, подтвердившие его божественную природу. Судьи видели, как он ходил по огню, который не оставил никаких следов на его коже — они по просьбе Лето внимательно ее осмотрели. Он велел бить его ножами, и непробиваемая кожа покрыла его лицо, когда они изо всех сил добросовестно наносили удары. На него вылили кислоту, но не добились ничего, кроме легкого дымка, поднявшегося над ним. Он пил их яды без малейшего для себя вреда.

Под конец он вызвал червя и, глядя на судей, встал у пасти зверя, оставшись невредимым. После этого Лето проследовал на взлетное поле Арракина и опрокинул фрегат Гильдии, взявшись за одну его опору.

Судьи взирали на все эти чудеса с благоговейным страхом, о котором и доложили своим племенам, после чего те изъявили покорность.

Сводчатый Большой Зал был оснащен системой поглощения звуков, но людей было настолько много, что под сводами стоял постоянный шум шаркающих ног, а в двери врывался запах Пустынной пыли и кремния.

Джессика отказалась присутствовать на церемонии и наблюдала за ней из узкого потайного окна позади трона. Ее внимание было приковано к Фарад'ну. Джессика осознавала, что и она, и принц попросту лишены свободы маневра. Естественно, Лето и Ганима предвидели, что предпримет Община Сестер! Близнецы могли советоваться с такими высокопоставленными и давно умершими чинами Бене Гессерит, которые были недоступны всем живущим в Империи.

Было особенно горько сознавать, что мифология Общины смогла стать ловушкой для Алие. *Страх порождает страх!* Обычаи поколений обрекли Алию на Мерзость. У Алие не было надежды, только обреченность. От осознания ее судьбы было еще горше смотреть на свершения Лето и Ганимы. Оказалось, что из капкана прошлых жизней можно вырваться двумя путями. Самым горьким было то, что Ганима мало того, что сама одержала победу над своими внутренними призраками, но и настаивала на том, что Алия заслуживает лишь жалости. Гипнотическое подавление в условиях стресса и помощь добрых внутренних жизней спасли Ганиму от одержимости. Эти же силы могли спасти и Алию. Но никто не понадеялся на это, а когда попытка была совершена, было уже слишком поздно. Вода Алие вытекла в песок.

Джессика вздохнула и стала смотреть на Лето, сидевшего на троне. На почетном месте по правую руку Лето стоял под балдахином огромный кувшин с водой Муад'Диба. Внук рассказывал Джессике, что дух отца внутри него смеялся над этим жестом, впрочем, не без оттенка восхищения.

Этот кувшин и хвастовство Лето отвратили Джессику от участия в ритуале. Она знала, что сколько ни суждено ей прожить, она никогда не сможет примириться с тем, что ее Пауль станет говорить с ней устами Лето. Джессика была

счастлива, что Дом Атрейдес устоял, но было невыносимо осознавать, что не произошло то, что могло произойти.

Возле кувшина с водой Муад'Диба, скрестив ноги, сидел Фарад'н. Это было место Королевского Писца. Почетную должность эту ввели при дворе совсем недавно и все ее с радостью приняли.

Фарад'н уже успел свыкнуться со своей новой ролью, хотя Тиеканик периодически взрывался, предчувствуя дурные последствия. Вообще, Тиеканик в последнее время близко сошелся со Стилгаром — оба часто высказывали свое недоверие ко всяческим нововведениям, что немало забавляло Лето.

Во время церемонии Фарад'н попеременно испытывал то скуку, то благоговение. Это был нескончаемый поток несравненных воинов, выказывавших неоспоримую верность Атрейдесам. Они стояли перед Лето, устрашенные тем, что рассказывали им судьи.

Церемония подошла к концу. Последним наибом, представшим перед Лето, был старый Стилгар. Ему досталась роль почетного арьергарда. Вместо корзин с Пряностью, горящих огнем драгоценностей и других дорогих даров Стилгар преподнес новому владыке простую головную повязку, выполненную из волокон Пряности и украшенную сделанным из золота и зеленых камней Ястребом Атрейдесов.

Ганима узнала эту фигурку и искоса взглянула на Лето.

Стилгар положил головную повязку на вторую ступень трона и низко поклонился.

— Я преподношу вам головную повязку, которую носила ваша сестра, когда я в Пустыне охранял ее, — сказал он.

Лето подавил улыбку.

— Я знаю, что ты переживаешь тяжелые времена, Стилгар, — сказал Лето. — Что бы ты хотел получить от меня взамен? — Лето протянул руку в сторону горы подарков.

— Ничего, мой господин.

— Тогда я принимаю твой дар, — произнес Лето. Он наклонился вперед и легко оторвал узкую полоску от подола платья Ганимы. — Взамен я даю тебе кусочек платья, которое было надето на ней, когда ее похитили, а ты не смог уберечь ее, заставив меня спасать ее.

Стилгар принял этот дар дрожащей рукой.

— Вы издеваетесь надо мной, мой господин?

— Издеваться над тобой? Я клянусь тебе моим именем, что у меня и в мыслях этого не было. Я преподнес тебе дар, которому поистине нет цены. Я велю тебе носить его у сердца в напоминание о том, что людям свойственно ошибаться и что правители тоже люди.

Стилгар едва заметно улыбнулся.

— Какой бы из тебя мог получиться наиб!

— Я и есть наиб, наиб наибов! Никогда не забывай об этом!

— Как скажете, мой господин! — Стилгар нервно глотнул, вспомнив рассказ своего арифы и подумал: *Однажды я хотел убить его, но теперь слишком поздно.* Его взгляд упал на кувшин, благородное матовое золото, отделанное зелеными камнями. — Это вода моего племени.

— И моего тоже, — сказал Лето. — Я велю тебе прочесть надпись на кувшине. Читай вслух, чтобы слышали все.

Стилгар вопросительно взглянул на Ганиму, но она ответила ему таким надменным движением, вздернув подбородок, что по спине Стилгара пробежал холодок. Неужели эти Атрейдесы хотят заставить его ответить за его запальчивость и ошибки?

— Читай, — сказал Лето.

Стилгар медленно поднялся по ступенькам, склонился перед кувшином и начал читать.

— Эта вода есть исключительная сущность, источник направленной вовне созидательной силы. Хотя она и неподвижна, эта вода означает всеобщее движение.

— Что это означает, мой господин? — прошептал Стилгар. Его потрясли эти слова, затронув в нем струны, звучания которых он не понимал и сам.

— Тело Муад'Диба — сухой остов, подобный тому, который покидает насекомое во время линьки, — ответил Лето. — Он владел своим внутренним миром, но хотел захватить мир внешний, и это привело к катастрофе. Он владел миром внешним, исключая при этом мир внутренний, и это сделало его наследников демонами. Золотой Эликсир исчезнет, но семя Муад'Диба взойдет, и его вода будет приводить в движение нашу вселенную.

Стилгар в ответ низко склонил голову. Мистические рассуждения всегда вызывали у него внутреннее беспокойство.

— Начало и конец — суть одно, — продолжал Лето. — Вы живете в воздухе, но не замечаете этого. Цикл замкнулся. Из этого замкнутого круга произрастет начало его противоположности. И мы придем к Кризизеку. Потом все опять вернется, но в другой форме. Ты ощущал свои мысли головой, но потомки твои будут ощущать те же мысли нутром. Возвращайся в сиетч Табр, Стилгар. Гурни Халлек поедет с тобой и станет твоим советником.

— Ты не доверяешь мне, мой господин? — тихим голосом спросил наиб.

— Полностью доверяю, иначе не послал бы с тобой Гурни. Он начнет формировать новые вооруженные силы, которые нам скоро понадобятся. Я принимаю твои изъявления верности. Все свободны!

Стилгар поклонился, спустился со ступеней трона и покинул зал. Остальные наибы двинулись за ним, соблюдая древний фрименский принцип — бывший последним становится первым. Было слышно, как наибы тихо переговариваются, выходя из тронного зала.

— О чем ты говорил с ним, Стил? Что означают эти слова Муад'Диба, записанные на кувшине?

Лето обратился к Фарад'ну.

— Ты все запомнил, Писец?

— Да, мой господин.

— Бабушка сказала, что научила тебя мнемоническим действиям Бене Гессерит. Мне не хотелось бы, чтобы ты писал, сидя у трона.

— Как прикажете, мой господин..

— Подойди и встань передо мной.

Фарад'н повиновался, более чем когда-либо благодарный Джессике за ее науку. Когда принимаешь тот факт, что Лето больше не человек и не может мыслить так, как мыслят люди, то его Золотой Путь становится еще более пугающим.

Лето взглянул на Фарад'на. Стражники стояли поодаль и не могли слышать слов повелителя. В зале остались только советники Внутреннего Присутствия, но и они раболепно отошли в дальний угол. Ганима подошла к трону и оперлась о его подлокотник.

— Ты еще не дал согласия отдать мне своих сардаукаров, — сказал Лето, — но ты сделаешь это.

— Я очень многим вам обязан, но не настолько, — сказал Фарад'н.

— Ты сомневаешься, что они поладят с моими фрименами?

— Они поладят так же, как Стилгар с Тиекаником.

— И все же ты отказываешься?

— Я жду вашего предложения.

— Значит, я должен сделать предложение, зная, что ты никогда его не повторишь. Молю, чтобы уроки моей бабки не пропали для тебя даром, ибо ты должен быть готовым понять меня.

— Что я должен понять?

— В любой цивилизации присутствует господствующая мистика, — заговорил Лето. — Она служит барьером, сдерживающим изменения, и всегда оставляет будущие поколения неподготовленными перед лицом изменчивости и вероломства вселенной. Всякая мистика повторяет другую видом барьера — религиозная мистика, мистика героя-вождя, мистика мессии, мистика науки и техники и мистика самой природы. Мы живем в Империи, сформированной именно этими видами мистики, но теперь эта Империя распадается, поскольку большинство людей неспособно отличить мистику от вселенной. Мистика — это как демон одержимости: она имеет тенденцию захватывать сознание без остатка, становясь единственным объектом, который воспринимает человек.

— Узнаю мудрость вашей бабки в этих словах, — сказал Фарад'н.

— Это очень хорошо, кузен. Она спрашивала меня, не одержим ли я Мерзостью. Я ответил отрицательно, и это была моя первая ложь. Ганима сумела избежать ее, а я — нет. Я был вынужден укрощать внутренние жизни в условиях, когда меня насильно кормили меланжей. Мне пришлось искать сотрудничества с ним — этими жизнями внутри меня. Я избежал худшего и выбрал себе главного помощника, сознание которого воспринял. Этим помощником стал мой отец. В действительности я — не мой отец и не помощник. Более того, я — не Лето Второй.

— Объясни, — Фарад'н был поражен до глубины души.

— Ты обладаешь замечательной прямотой, — сказал Лето. — Я — общность, управляемая тем, кто господству-

ет над ней, обладая подавляющей силой. Именно этот человек основал династию, которая, не прерываясь, существует уже три тысячи наших лет. Его имя Харум и до тех пор, пока его линия зиждилась на врожденной слабости и суевериях его наследников, подданные жили в условиях ритмической ограниченности. Они неосознанно двигались под влиянием внешних условий. Они воспитали людей, которые мало жили и легко поддавались призывам богов-царей. Если взять эту династию в целом, то можно сказать, что они были сильными людьми. Выживание людей как вида стало привычным.

— Мне не нравится смысл этих слов, — сказал Фарад'н.

— Если честно, то он не нравится и мне, — признался Лето, — но такова вселенная, которую мне предстоит создать.

— Зачем?

— Это урок, который я усвоил на Дюне. Мы поддерживали смерть, как призрак, который постоянно витал среди живущих. Люди, живущие в таких условиях, постепенно превращаются в животных, озабоченных только своим брюхом. Но когда приходит время противоположности, тогда те же люди поднимаются, становясь одухотворенными и прекрасными.

— Это не ответ на мой вопрос, — запротестовал Фарад'н.

— Ты не доверяешь мне, кузен.

— Как не доверяет тебе твоя собственная бабка.

— У нее есть для этого все основания, — сказал Лето. — Но она уступит, потому что должна это сделать. Бене Гессерит — это образец прагматизма во всем и до конца. Я разделяю их взгляд на нашу вселенную. Ты несешь на себе отметины этой вселенной. Ты имеешь навыки правителя и умеешь классифицировать все, что тебя окружает в понятиях ценности или угрозы.

— Да, и я согласился стать твоим Писцом.

— Это доставило тебе удовольствие и польстило заложенному в тебе таланту историка. Ты определенно имеешь гениальную способность читать настоящее между строк прошлого. В некоторых случаях ты сумел превзойти в этом меня.

— Мне не нравятся твои скрытые намеки, — произнес Фарад'н.

— Хорошо. Тебе пришлось перейти от бесконечных амбиций в более приниженное состояние. Но разве бабка не предупреждала тебя о бесконечном? Оно привлекает нас, как огонь привлекает мотыльков, и мы бываем ослеплены этим огнем, забывая, что сами конечны.

— Афоризмы Бене Гессерит! — запротестовал Фарад'н.

— Но это очень точный афоризм, — возразил Лето. — Сестры Бене Гессерит думали, что смогут предсказать ход эволюции. Но они забыли, что сами меняются в течение эволюции и вместе с нею. Они полагали, что смогут спокойно стоять и наблюдать, как выполняется их селекционная программа. Я не страдаю такой рефлексивной слепотой. Внимательно и осторожно приглядись ко мне, Фарад'н, ибо я больше не человек.

— В этом уверила меня твоя сестра, — Фарад'н в нерешительности помолчал, потом спросил: — Это и есть Мерзость?

— По определению Сестер, возможно, что это и так. Гарум жесток и автократичен. Я взял у него часть этой жестокости. Внимательно смотри на меня. Я жесток, как бывает жесток хозяин фермы. Фримены когда-то держали в своих домах укрощенных орлов, но я держу в доме укрощенного Фарад'на.

Лицо принца потемнело.

— Берегись моих когтей, кузен. Я хорошо понимаю, что мои сардаукары со временем падут перед твоими фрименами. Но мы умеем причинять болезненные раны, и всегда найдутся шакалы, готовые растерзать слабого.

— Я хорошо использую тебя, кузен, обещаю, — сказал Лето, подавшись вперед. — Разве я не говорил тебе, что не являюсь больше человеком? Так поверь, кузен, это так. Мои чресла не смогут произвести на свет детей, поскольку у меня больше нет чресл. И это понуждает меня ко второй лжи.

Фарад'н застыл в ожидании. Теперь он понял, куда клонит Лето.

— Я пойду против всех фрименских понятий, — продолжал Лето. — Но они примут и это, потому что ничего не смогут со мной сделать. У них просто не будет другого выхода. Я оставлю тебя здесь под предлогом обручения,

но никакого обручения между тобой и моей сестрой не будет. Моя сестра выйдет замуж за меня!

— Но ты...

— Выйдет замуж, я сказал. Ганима должна продолжить род Атрейдесов. Это часть селекционной программы Бене Гессерит, которая стала теперь и моей программой.

— Я отказываюсь, — заявил Фарад'н.

— Ты отказываешься основать династию Атрейдесов?

— О какой династии ты говоришь, если будешь сам занимать трон четыре тысячи лет?

— Я буду отливать твоих потомков в своем воображении. Это будет самая напряженная, самая вовлекающая учебная программа в истории человечества. Мы станем экосистемой в миниатюре. Видишь ли, какую бы систему животные ни брали за основу своего выживания, в ней обязательно должны присутствовать паттерны перекрывающихся общностей, взаимозависимости и сотрудничества в рамках работающей системы. А наша система произведет на свет самых знающих в истории правителей.

— Ты оборачиваешь свои фантастические слова в отвратительную...

— Но кто переживет Крализек? — спросил Лето. — Я обещаю тебе — Крализек грядет.

— Ты безумец! Ты разрушишь Империю.

— Конечно, разрушу... я же не человек. Но зато я создам для всех людей новое сознание. Я говорю тебе, что под песками Пустынь Дюны сокрыто величайшее сокровище всех времен. Я не лгу. Когда погибнет последний червь и истощатся запасы Пряности, эти сокровища явят себя изумленному миру. Когда власть монополии на Пряность рассеется, и припрятанные акции потеряют цену, в нашем царстве появятся новые силы. Люди научатся жить согласно своим инстинктам.

Ганима спустилась к Фарад'ну и взяла его руку.

— Как моя мать не была женой, так и ты не будешь мужем, но если есть любовь, то этого вполне достаточно.

— Каждый день, каждый миг несут с собой перемены, — сказала Ганима. — Надо учиться понимать каждый такой миг.

Фарад'н чувствовал тепло маленькой ручки Ганимы, понимая смысл аргументов Лето, но ни разу не услышав

при этом Голоса. Лето апеллировал к его душе, а не к разуму.

— Это ты предлагаешь мне за сардаукаров? — спросил Фарад'н.

— Я предлагаю больше, гораздо больше, кузен. Я предлагаю тебе основать Империю. Я предлагаю тебе мир.

— Что получится из этого мира?

— Его противоположность, — в голосе Лето послышалась спокойная насмешка.

Фарад'н покачал головой.

— Я нахожу, что это очень высокая цена за сардаукаров. Должен ли я при этом оставаться Писцом и тайным отцом династии?

— Должен.

— Ты же будешь принуждать меня к твоему пониманию мира?

— Да.

— Я буду сопротивляться этому всю свою жизнь.

— Но именно этого я и жду от тебя, кузен. Для этого я и выбрал тебя. Ты будешь делать это официально, и по такому случаю я дам тебе новое имя. С этого момента ты будешь называться Ломающим Обычай, что на нашем языке звучит, как Харк аль-Ада. Не будь глупцом, кузен. Моя бабка хорошо учила тебя. Отдай мне своих сардаукаров.

— Отдай, — эхом повторила Ганима слова брата. — Он их все равно так или иначе получит.

В ее голосе Фарад'ну послышался страх за него. Это любовь? Лето не искал разумных доводов, он ждал движения души.

— Возьми их, — сказал Фарад'н.

— Да будет так, — произнес Лето. Он поднялся с трона каким-то очень осторожным движением, словно подавляя неимоверную силу. Лето спустился к Ганиме, нежно развернул ее, а потом сам повернулся к ней спиной. — Запомни это, кузен Харк аль-Ада. Таков наш обычай, который пребудет вовеки. Мы будем стоять так во время церемонии бракосочетания. Спина к спине, каждый смотрит в противоположную сторону, чтобы защитить другого. Этим мы защищаем то, что было у нас всегда.

Он обернулся к Фарад'ну и понизил голос.

— Помни об этом, кузен, когда окажешься лицом к лицу с Ганимой. Помни об этом, когда будешь шептать ей слова любви и ласкать ее. Помни об этом, когда твое терпение будут испытывать мои привычки и мой мир. Твоя спина останется в это время открытой.

Отвернувшись от них, Лето спустился по ступенькам и вышел из зала. Следом за ним, как спутники за светилом, устремились члены свиты.

Ганима снова взяла руку Фарад'на в свою и проводила взглядом брата.

— Один из нас должен был принять на себя все муки, — сказала она, — и он всегда был сильнее.

Содержание

Мессия Дюны 5
Дети Дюны 239

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Герберт Фрэнк

Мессия Дюны
Дети Дюны

Художественный редактор: О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Белова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

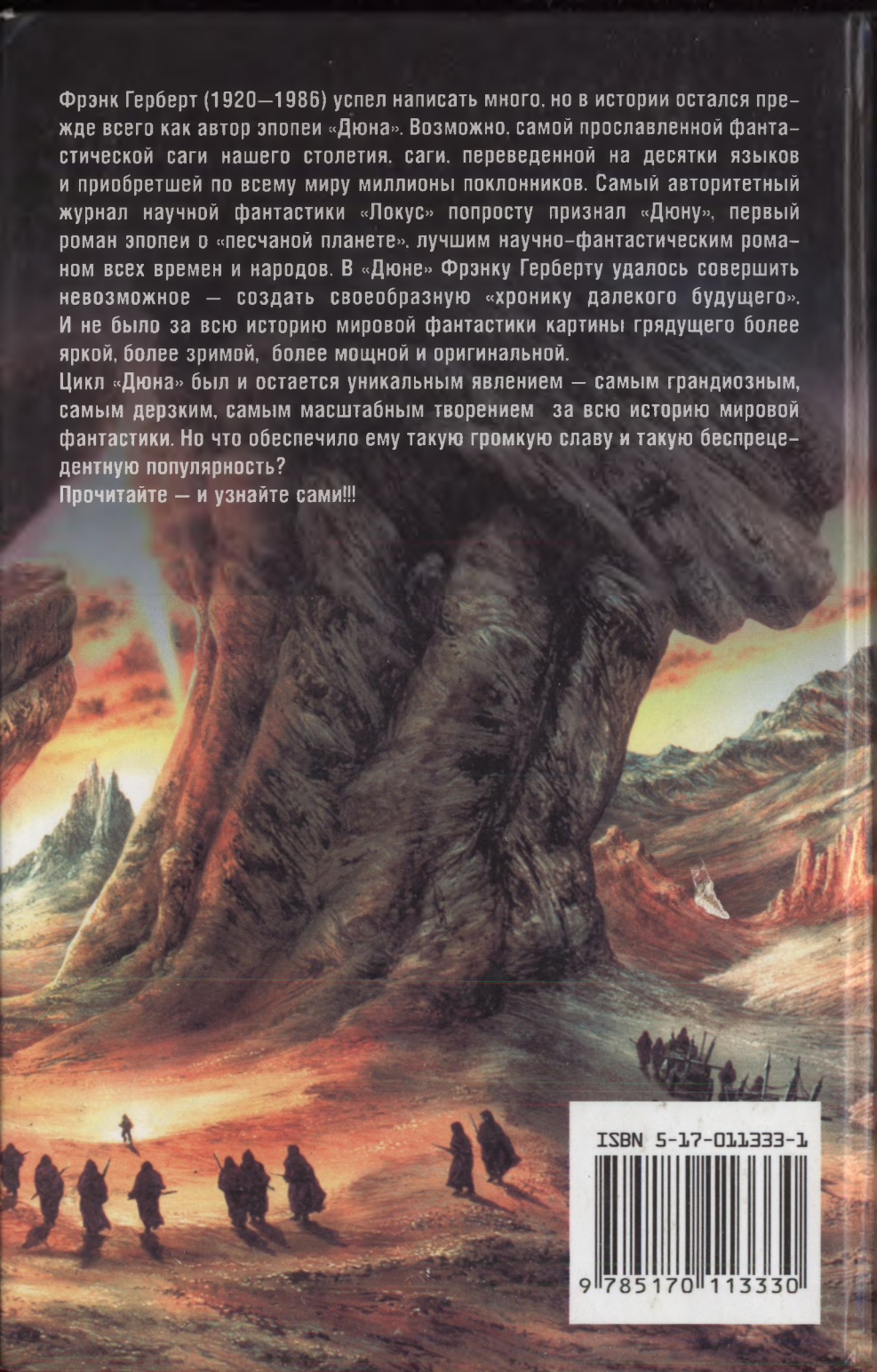
ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Фрэнк Герберт (1920—1986) успел написать много, но в истории остался прежде всего как автор эпопеи «Дюна». Возможно, самой прославленной фантастической саги нашего столетия, саги, переведенной на десятки языков и приобретшей по всему миру миллионы поклонников. Самый авторитетный журнал научной фантастики «Локус» попросту признал «Дюну», первый роман эпопеи о «песчаной планете», лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось совершить невозможное — создать своеобразную «хронику далекого будущего». И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной.

Цикл «Дюна» был и остается уникальным явлением — самым грандиозным, самым дерзким, самым масштабным творением за всю историю мировой фантастики. Но что обеспечило ему такую громкую славу и такую беспрецедентную популярность?

Прочитайте — и узнайте сами!!!



ISBN 5-17-011333-1